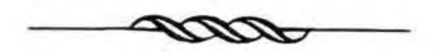
А. А. Фет

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

I

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. А. Фет



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

I

Москва–С.-Петербург
Альянс-Архео
2010

А. А. Фет. Материалы и исследования / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 1. — 552 с.

ISBN 978-5-98874-053-7

Предлагаемый читателю научный сборник приурочен к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Афанасия Фета и содержит материалы и исследования, посвященные его творчеству. Основную часть сборника составляет публикация сохранившейся переписки Фета с рядом корреспондентов из ближайшего окружения — И. П. Борисовым, который был также другом И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, Е. Д. Дункер, дочерью друга и родственника поэта — Дмитрия Петровича Боткина, а также с Д. В. Григоровичем, А. А. Краевским, М. Н. Лонгиновым, Д. И. Нагуевским, К. Н. Леонтьевым и Я. Г. Гуревичем. В статьях рассматриваются спорные вопросы текстологии стихотворений Фета, история его прижизненных сборников, связи поэзии Серебряного века с лирическим наследием поэта, отдельные проблемы его эстетических воззрений. Сборник снабжен большим количеством иллюстраций, многие из которых публикуются впервые, а также именным указателем и указателем упоминаемых произведений Фета. Предназначен для широкого круга читателей и всех интересующихся историей русской литературы и творчеством А. А. Фета.

ISBN 978-5-98874-053-7

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый читателям сборник «А. А. Фет. Материалы и исследования» представляет собой первый выпуск из серии сборников, которые задуманы как сопутствующие выходящему в настоящее время Собранию сочинений и писем А. А. Фета в 20 томах, первому полному собранию литературного наследия великого поэта (главный редактор В. А. Кошелев). Подобно другим научным трудам (Тургеневские сборники, Некрасовские сборники, сборники «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования»), этот сборник призван служить дополнением к соответствующему многотомному изданию, поскольку многие материалы, важные для более полного изучения историко-литературного процесса, используются при комментировании текстов лишь частично. Достаточно упомянуть, что в собрания сочинений входит только одна часть переписки издаваемого автора с многочисленными корреспондентами.

До последнего времени большая часть обширного литературного наследия Фета была известна лишь узкому кругу специалистов. Помимо собственно лирических стихотворений, принесших Фету литературную славу, в наследии поэта осталось, например, большое количество переводов (среди них полный перевод «Фауста» Гёте, полный перевод Горация, переводы Марциала, Проперция, Катулла, Овидия и других римских поэтов, «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра и многое другое). Как правило, они не переиздавались после его смерти, хотя, без сомнения, являются неотъемлемой частью истории русской переводной литературы. Весомую долю творческого наследия Фета составляют литературно-критические статьи, публицистика, мемуары и письма.

Подготовка к изданию потребовала больших усилий по выявлению полного состава оставшихся в рукописях и в первых печатных публикациях, а также в письмах к разным корреспондентам стихотворений и переводов Фета, пересмотра текстологических принципов подачи материала, решения огромного числа вопросов как научного, так и организационного характера.

Коллектив авторов и составителей объединяет специалистов из разных городов России. Почетная роль в реализации замысла полного Собрания сочинений Фета принадлежит Курскому государственному университету, собиравшему на протяжении последних 25 лет научные конференции, получившие название «Фетовских чтений». Периодически итоги этих конференций оформлялись в специальные сборники, хорошо известные всем интересующимся творчеством поэта. Конечно, в этом деле нужны были энтузиасты, и таковые нашлись. Хочется помянуть добрым словом ушедшего из жизни преподавателя Курского университета Георгия Евгеньевича Голле, беззаветно преданного поэзии, доброго и отзывчивого человека, так много сделавшего для организации конференций и Фетовских сборников в родном городе, и ныне здравствующих: преподавателей Курского университета Г. Л. Ачкасову, Н. З. Коковину, московскую исследовательницу Г. Д. Асланову, ученого из Великого Новгорода В. А. Кошелева, саратовскую исследовательницу Л. И. Черемисинову и многих-многих других.

Когда десять лет назад родилась идея полного собрания сочинений Фета, Курский государственный университет во главе с ректором В. В. Гвоздевым принял непосредственное участие в финансировании этого многотомного научно-издательского проекта, хотя все участники работали и продолжают рабо-

тать совершенно безвозмездно. Обеспечение уровня научной подготовки первого собрания сочинений Фета взял на себя Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

На сегодняшний день в свет вышли первые четыре тома собрания сочинений: Стихотворения и поэмы. 1839–1863 (редактор В. А. Кошелев); Переводы. 1839–1863 (редактор Н. П. Генералова); Повести и рассказы. Критические статьи (редактор В. А. Кошелев); Очерки: Из-за границы. Из деревни (редактор В. А. Кошелев). В производстве находится пятый том: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники (редакторы В. А. Кошелев, Н. П. Генералова). В процессе подготовки находятся еще несколько томов.

Работа над каждым томом ставит его участников перед необходимостью постоянно обращаться к архивным материалам, шаг за шагом восстанавливая творческую историю произведений, обнаруживая новые автографы, неизвестные письма и другие документы, связанные с жизнью и творчеством Фета. Все эти находки должны вводиться в научный оборот, что и является целью настоящего сборника.

Составители сочли необходимым отвести главное место публикациям ранее неизвестных материалов, и прежде всего переписки Фета с разными корреспондентами. Среди них есть лица из ближайшего окружения поэта, как, например, Иван Петрович Борисов, дружба с которым была одним из самых светлых воспоминаний его жизни, и Елизавета Дмитриевна Дункер, чья привязанность скрашивала последние годы жизни Фета. Другие корреспонденты сыграли в жизни поэта более эпизодическую роль, как например, профессор римской словесности Дарий Ильич Нагуевский, помогавший в подготовке перевода «Энеиды» Вергилия, или Константин Николаевич Леонтьев, многие высказывания которого о Фете и, в частности, о «Вечерних огнях» можно скорее отнести к области литературных курьезов, или редактор почти забытого ныне журнала «Русская школа» Яков Григорьевич Гуревич. Нередко сохранившаяся переписка свидетельствует лишь об отдельных моментах биографии Фета, оставляя «за кадром» гораздо более длительное и заинтересованное общение (к такого рода корреспондентам следует отнести Д. В. Григоровича и М. Н. Лонгинова). Однако так или иначе каждое письмо, каждый документ несут на себе след неповторимой личности их автора и имеют отношение к поэту, чье имя увековечила история.

Редколлегия благодарит архивохранилища, предоставившие свои материалы для публикации в настоящем сборнике: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Особая благодарность сотрудникам Рукописного отдела, Литературного музея и Библиотеки Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, оказавшим неоценимую помощь при подготовке материалов к печати.

Редколлегия надеется и впредь уделять первоочередное внимание именно документам, без которых в будущем нельзя будет воссоздать ни литературный, ни жизненный путь поэта, соединившего в своем творчестве традиции Золотого века русской поэзии во главе с Пушкиным и будущих представителей Серебряного века.

СТАТЬИ

Н. П. Генералова

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ФЕТА

(Собрание сочинений и писем в 20 томах)

Какие могут возникнуть проблемы с текстами, уже не раз изданными и изданными в таких авторитетных изданиях, как «Библиотека поэта» и «Литературные памятники»? Казалось бы, после трех изданий в Большой серии «Библиотеки поэта», подготовленных известным текстологом Борисом Яковлевичем Бухштабом,[1] вряд ли могут появиться какие-либо существенные вопросы при издании поэтического наследия одного из величайших русских лириков — Афанасия Афанасьевича Фета. Тем не менее предпринятое в начале нынешнего столетия Собрание сочинений и писем поэта в 20 томах (в сущности, полное собрание сочинений, хотя и не заявленное как таковое на титуле) поставило перед его исполнителями прежде всего именно текстологическую проблему.

Памятуя о достаточно драматической истории издания сочинений Фета (речь идет пока только о поэтическом наследии), редколлегия будущего издания во главе с В. А. Кошелевым с самого начала понимала, как важно помимо полноты представить читателю наследие поэта очищенным от многочисленных поправок усердных редакторов. И не только тех, чьи имена канули в Лету, но и таких знаменитых, как Ап. А. Григорьев, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. В. Дружинин,

[1] Первым было издание 1937 г., наиболее полное из всех трех: 1) *ПССт 1937*; 2) *ПССт 1959*; 3) *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., составление и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *СиП 1986.* Как указано в преамбуле к примечаниям, «в работе по подготовке настоящего издания принял значительное участие М. Д. Эльзон» (С. 633).

П. В. Анненков, Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов, Вл. С. Соловьев и многих других. К сожалению, осуществить подобное намерение на практике не было никакой возможности, поскольку большинство замечаний, высказанных литературными друзьями Фета по поводу его стихотворений, попросту не сохранилось. Нет сомнения, что они делались подчас в устной форме при дружеском обсуждении его произведений сначала в кружке «Современника», а в поздние годы с теми, кто приезжал в Воробьевку (Страхов, Соловьев, Толстой и др.) или заходил на Плющиху. Но и те документальные свидетельства, которые сохранились в архивах в виде переписки, говорят о том, что хотя Фет внимательно прислушивался к своим «литературным советчикам», которых, к слову сказать, выбирал сам, но вносил исправления в написанные тексты всегда по собственной воле. Кроме того, надо учитывать и тот факт, что если многие поздние стихотворения Фета сохранились в автографах, иногда в нескольких, то значительная часть ранних автографов оказалась навсегда утраченной.

Было также понятно, что принятый после смерти Фета способ подачи основного корпуса его поэтических произведений далеко не так совершенен, как могло показаться. С прозой, публицистикой, мемуарами, многочисленными переводами, наконец, с письмами Фета было, на первый взгляд, гораздо легче, поскольку комментированных изданий этой части наследия Фета практически не было или они появлялись в неполном виде.[2] Что же касается поэтического наследия, то вставало два вопроса: как подавать оригинальные стихотворения и что делать с переводами, которых набиралось по предварительным подсчетам на несколько томов.

Строго говоря, следовало бы разместить поэтическое наследие Фета в хронологическом порядке, хотя далеко не во всех собраниях сочинений этот принцип принимался за основу. Однако и здесь составителей подстерегал ряд неразрешимых проблем. Главная из них заключается в том, что очень многие стихотворения Фета поддаются лишь условной датировке. При хронологическом подходе пришлось бы либо помещать их в конце томов, либо оставлять условную датировку, подрывающую сам принцип хронологической подачи текстов. Кроме того, пришлось бы совершенно отказаться от поэтических циклов, принятых Фетом

---

[2] Среди этих изданий следует выделить несколько, подготовленных А. Е. Тарховым и Г. Д. Аслановой: *Фет А. А.* 1) Соч.: В 2 т. М., 1982; 2) Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988; 3) Стихотворения, поэмы. Современники о Фете. М., 1988 и др.

уже в первом сборнике «Лирический Пантеон». К тому же от сборника к сборнику циклы расширялись и даже меняли названия. Не стоит и говорить, что позднее творчество Фета, представленное четырьмя выпусками «Вечерних огней», «выстроилось» бы в хронологически выверенный ряд, не давая представления об их композиции и составе.

По вопросу о способе подачи собственно поэтической части литературного наследия Фета было принято решение, которое в целом можно считать взвешенным. Несмотря на то, что все предыдущие издатели за исходный момент, с теми или иными отклонениями, принимали так называемый список 1892 года, составленный самим Фетом (и записанный рукой его секретаря Е. В. Федоровой),[3] многое в такой подаче материала вызывало вопросы. Например, как представлять ранние редакции и какие из них считать ранними (те, что были напечатаны в периодике, или те, что сохранились в автографах), по каким изданиям печатать тексты (по прижизненным сборникам или по авторитетным посмертным изданиям), в какой мере учитывать авторскую орфографию и интерпункцию и т. д. Наконец, самый уязвимый момент в воспроизведении списка 1892 года состоит в том, что мы не знаем, собирался ли Фет дорабатывать свои стихотворения и можно ли вообще считать этот список окончательным.

Именно поэтому, хотя издатели первого посмертного собрания поэтического наследия Фета в двух томах, предпринятого по желанию вдовы поэта и на ее «иждивение», придерживались последней «авторской воли» и в целом следовали списку 1892 года, они позволили себе внести некоторые коррективы в составленный план. Интересный материал для истории этого в своем роде замечательного издания содержится в сохранившейся переписке издателей — великого князя Константина Константиновича и Н. Н. Страхова. Сборник вышел в свет в 1894 году под названием «Лирические стихотворения».[4]

---

[3] Ныне он хранится в *РГБ*. Ф. 315. К. 14. № 45. Собственно, здесь хранятся три списка несостоявшегося Полного собрания стихотворений: 1-й, записанный под диктовку Фета его секретарем, с пометами К. Р.; 2-й, написанный рукой Вл. С. Соловьева, и 3-й, написанный рукой К. Р. Все эти материалы были связаны с подготовкой первого посмертного собрания стихотворений 1894 г.

[4] Интересно, что при обсуждении обложки возникли сомнения относительно общего заглавия сборника. 5 марта 1894 г. Страхов писал К. Р.: «Еще прошу Вашего разрешения на то, как устроить общее заглавие. Мне делали замечание, что слово *лирический* — лишнее; но я стою за него хотя бы для того, чтобы отличить это издание от предыдущих» (см.: *К. Р. Переписка*. С. 423). Между тем это заглавие будущего сборника Мария Петровна Шеншина называла уже в письме к К. Р. от 29 де-

Особенно важно подчеркнуть, что Страхов, на чью долю выпала основная часть работы по подготовке издания 1894 года, очень хорошо понимал, что оно является лишь пробным камнем для настоящего полного и комментированного издания. Вот что он писал К. Р. 7 сентября 1893 года: «Мне кажется, всего лучше сделать два издания: одно — простое собрание всех стихотворений, стоящих чтения, с исключением всего явно слабого, без всякого библиографического и другого аппарата; другое — совершенно полное, со всеми подробностями, какие можно добыть, с вариантами и т. п. Первое издание можно сделать в одном томе, напечатать его в значительном числе экземпляров и пустить не очень дорого; другое издание напечатать для изыскателей в нескольких сотнях экземпляров».[5] О будущем научном издании Фета Страхов писал и в предисловии к двухтомнику «Лирических стихотворений». Более того, он заявлял, что оно уже готовится: «Прибавим, что уже начаты приготовления к *Полному собранию сочинений А. Фета*, которое будет обнимать все им писанное, будет расположено в строго хронологическом порядке и снабжено вариантами и библиографическими указаниями».[6]

Итак, ориентируясь на список, составленный самим Фетом, Страхов и К. Р. составили сборник, внеся в него необходимые, с их точки зрения, изменения. Ликвидировав раздел «Разные стихотворения», они прибавили новый — «Вечерние огни», как писал Страхов в предисловии, «заглавие столь памятное и дорогое всем почитателям».[7] В него был включен впервые раздел «Стихотворения, приготовленные для пятого выпуска „Вечерних огней“». Правда, многие стихотворения из всех пяти выпусков были перенесены в другие разделы. В то же время во всех разделах, указанных в списке Фета, стихотворения в новом издании были расставлены в хронологическом порядке. Этот вопрос Страхов и К. Р. обсуждали специально.

кабря 1892 г., откликаясь на готовность великого князя принять участие в подготовке издания (*ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 303 об.). Можно предположить, что это заглавие сборнику могло быть дано самим Фетом.

[5] Н. Н. Страхов и К. Р. / Публ. Л. И. Кузьминой // *К. Р. Переписка.* С. 411.

[6] См.: *Фет А.* Лирические стихотворения: В 2 ч. СПб., 1894. Ч. 1. С. XV. «Этого большого издания нельзя обещать в скором времени, — писал далее Страхов, — и мы поспешили дать читателям то, что хотел им дать сам поэт, и в той самой форме» (Там же).

[7] *Фет А.* Лирические стихотворения. Ч. 1. С. XV.

Повторим, что поскольку издание не было подготовлено Фетом в окончательном виде (хотя вдова поэта и говорила об обратном),[8] Страхов и К. Р. с полным правом могли считать себя исполнителями «завещания покойного».

Особенно важно, что при подготовке первого посмертного собрания стихотворений Фета составителям были предоставлены вдовой поэта всевозможные материалы из личного архива, в том числе: указанные списки, сборники с пометами Фета и внесенными поправками, переписка, рабочие тетради, большая часть которых впоследствии была утрачена, в том числе две тетради неизданных стихотворений. Несмотря на обнаруженные в издании ляпсусы,[9] оно все же остается важной вехой в истории изданий поэтического наследия Фета. На него во многом опирались и последующие издатели.

К сожалению, Страхову не удалось завершить начатое и подготовить второе издание, о котором он мечтал. Он скончался немногим более чем через полтора года после выхода в свет «Лирических стихотворений», в январе 1896-го, успев, однако, привлечь к делу будущего издателя наиболее полного собрания стихотворений Фета Бориса Владимировича Никольского, тогда еще студента юридического факультета и будущего профессора Петербургского университета.

Судьба этого незаурядного человека была трагической, а вместе с ним оказалась трагической и судьба очень важной части фетовского архива. Отличавшийся крайними взглядами (достаточно сказать, что с 1905 года он был в руководстве Союза русского народа[10]), Б. В. Никольский был расстрелян в Петрограде в июне 1919 года по постановлению Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.[11] Его большой архив почти полностью пропал, а ценнейшая библиотека (Никольский был страстным библиофилом) была распределена по разным учреждениям (основная часть попала в Российскую государственную библиотеку).[12]

---

[8] В письме к К. Р. 10 января 1893 г. она писала: «Покойный муж мой, думая издать полное собрание своих стихотворений, нынешним летом занимался разбором старых своих изданий, делая поправки, кое-что зачеркивал, и таким образом весь материал к этому изданию готов» (*ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 309 об.–310).

[9] *Бухштаб. Обзор.* С. 579–586.

[10] *Иванова Е. В.*, *Шумихин С. В.* Б. В. Никольский // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 322.

[11] Там же. С. 323.

[12] Там же.

Страхов успел познакомить Никольского с Фетом «незадолго до его смерти, получив для разборки и издания часть архива».[13] Можно предположить, что он привлек молодого студента и к подготовке первого посмертного собрания стихотворений. Мог передать ему Страхов и подготовительные материалы для научного издания поэтического наследия Фета. Как бы то ни было, во время подготовки «Полного собрания стихотворений А. А. Фета», вышедшего в Петербурге в 1901 году в 3-х томах, Никольский располагал всеми необходимыми материалами из личного архива поэта, которые остались у него и после выхода издания в свет.[14] Учитывая, что в «наблюдении» за этим изданием, как значилось в предисловии редактора, «соблаговолил по-прежнему принять участие Великий Князь Константин Константинович»,[15] Никольский действительно выступил продолжателем дела Н. Н. Страхова. Правда, в редакторском заявлении несколько удивляет утверждение, что участие К. Р. отвечает «предсмертному желанию самого покойного». Переписка М. П. Шеншиной с К. Р. дает основание говорить лишь о возможном желании ее покойного мужа. Вряд ли подобное мог утверждать и сам августейший покровитель издания. К слову сказать, Никольский был назначен воспитателем к детям великого князя Константина Константиновича Олегу и Гавриилу, скорее всего, не вследствие его ставшей широко известной «Всеподданнейшей речи 31 декабря 1905 г.», призывавшей царя сокрушить революционную крамолу,[16] а вследствие личного знакомства с К. Р. через Страхова. Не исключено, что именно о нем писал Страхов К. Р. 29 апреля 1894 года: «Вчера один даровитый юноша читал мне прекрасную оценку Фета. Он приготовил эту статью

---

[13] *Иванова Е. В.*, *Шумихин С. В.* Б. В. Никольский. С. 322.

[14] Чрезвычайно ценные сведения на этот счет сохранились в «Записках» Б. Садовского, которому удалось ознакомиться с рукописными тетрадями фетовских автографов и даже впоследствии дать их описание в книге «Ледоход» (*Садовской Б. А.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916), ставшей ценнейшим источником для издателей Фета и не утратившей своего значения до сих пор. Особенно важно, что Садовской очень тщательно отнесся именно к текстологии фетовских текстов. «Никольский владел рукописями Фета и разрешил мне заняться ими. В библиотеке он поставил для меня особый столик, приготовил бумагу, карандаши и выдал фетовские тетради. Ходил я заниматься недели две. В кабинете рядом сидел хозяин за грудой бумаг» (*Садовской Б.* Записки / Публ. С. В. Шумихина // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Вып. 1. С. 174).

[15] *ПССт 1901*. Т. 1. С. IV.

[16] *Иванова Е. В.*, *Шумихин С. В.* Б. В. Никольский. С. 322.

на случай выхода книги и поместит ее в „Новом времени“, о чем уже уговорился с Сувориным».[17]

Никольский чтил память Страхова[18] и во многом следовал по его стопам в подготовке издания. Однако того издания, о котором мечтал его учитель, он все же не выпустил.[19] Можно даже сказать, что, пойдя по следам издания Страхова, Никольский усугубил некоторые его ошибки, а кое в чем довел их до крайности. Если Страхов позволил себе перекомпоновку намеченных Фетом разделов, но в целом придерживался исторически сложившихся названий, то Никольский почти полностью разрушил композицию планируемого Фетом издания. При этом действовал он вполне сознательно и целенаправленно.

Считая, что Фет «был до крайности непоследователен» в отношении группировки своих произведений («ему нравился пестрый беспорядок цветущего луга и, сохраняя кое-где запущенные клумбы подобранных пьес, он предоставлял расти другим цветам своего творчества, как их Господь Бог посеял»), Никольский резко отверг циклизацию Ап. Григорьева, которого хотя называл «составителем очень искусным, глубокомысленным и оригинальным», но в то же время считал «крайне причудливым» и вредным с точки зрения влияния, оказанного им на Фета.[20] Начав со своеобразно распределенных по 11-ти разделам «Вечерних огней», редактор добавил «недостающие»: «Античный мир и антологические стихотворения», «Природа», «Звезды», «Грезы», «Сны», «Сердце», «Детский мир», «Оды», «Сонеты», «Мадригалы», «Шутки» и др. Столь же причудливо отнесся он и к другой очень важной текстологической проблеме — проблеме фетовской интерпункции.

«В отношении правописания, — признавался Никольский, — трудностей не встречалось». С его точки зрения, «Фет отличался совершенно поэтическим к нему равнодушием и даже букву „Ѣ“ ставил нередко более по настроению, чем по каким-либо грамматическим правилам, —

---

[17] *К. Р. Переписка*. С. 435. В комментариях к письму указано, что речь идет о статье «Из лириков лирик», напечатанной в *НВр* (1894. 18 (30) мая. № 6543. С. 2) за подписью «Б. Б.» (Там же. С. 436). За этим криптонимом вполне мог скрываться Б. В. Никольский.

[18] Он был автором первого биографического очерка о Страхове, напечатанного в «Историческом вестнике» (1896. № 4) и отдельным изданием (СПб., 1896).

[19] В предисловии «От редактора» он, правда, писал о том, что вопрос «о критическом издании полного собрания сочинений Фета остается открытым на неопределенное время», а предлагаемое издание представляет по-прежнему «общедоступное собрание его поэтических произведений» (*ПССт 1901*. Т. 1. С. V).

[20] Там же. С. XII.

даже на той же странице различно. За последние годы жизни он преимущественно диктовал свои стихотворения, так что доверялся правописанию тех, кто писал под его диктовку. Правописание в печати всецело зависело от редакторов и корректоров. Словом, о „фетовском правописании“ не может быть и речи и приходится держаться общепринятого».[21] При всей спорности высказанного тезиса следует многое признать справедливым. Сохранившиеся автографы (а их немало) свидетельствуют о том, что все же в большинстве случаев мы имеем дело с подлинным фетовским написанием. Другое дело, как к этому относиться и что делать, если в одной части стихотворений мы будем выправлять их по автографам, а в другой (там, где автографы не сохранились) оставлять «общепринятое» правописание.

«Чуть ли не единственной орфографической особенностью» Фета Никольский признал рифмовку «дальный, дальная, дальное», а не «дальний, дальняя, дальнее». «Это была, — писал Никольский, — особенность его южного выговора, наряду с мягким произношеньем „г“, позволявшим ему рифмовать *пух* и *друг*».[22] Само собой разумеется, что опечатки, встречавшиеся в опубликованных текстах, устранялись Никольским по рукописям. Но в своем предисловии редактор умолчал о правке, которую он вносил в стихотворные тексты. Как установил Б. Я. Бухштаб, такой правки было довольно много. Никольский, например, устранял «вульгаризмы» Фета («нынче», «коли», «врозь»), некоторые чисто фетовские выражения казались ему слишком «вычурными» (он заменял «учуял» на «почуял», «расслушать» на «расслышать», «дохновение» на «дуновение», «ветье» на «ветвье» и т. п.).[23]

Труднейшей задачей издания стихотворений Фета Никольский признал «расстановку знаков препинания», поскольку, с его точки зрения, «к ним Фет был еще несравненно равнодушнее, чем к правописанию, и признавал в сущности только точку, запятую и изредка восклицательный и вопросительный знаки, лишь в виде исключения допуская тире или многоточие. Любимым его знаком была точка, которую он ставил даже иногда там, где не только точки, но и никакого знака не было нужно».[24] Против этого утверждения трудно что-либо возразить по существу. Действительно, сдержанность фетовской интерпункции поражает всякого, кто заглянул в автографы его стихотворений. Но здесь-то и ле-

---

[21] *ПССт 1901*. Т. 1. С. XXIII.

[22] Там же.

[23] *Бухштаб. Обзор*. С. 588.

[24] *ПССт 1901*. Т. 1. С. XXIV.

жит одна из самых сложных проблем издания поэтического наследия Фета.

Перед этой проблемой оказался позднее и Б. Я. Бухштаб, попытавшийся сохранить в издании 1937 года не только фетовское написание, но и пунктуацию. В дальнейшем он вынужден был отказаться от этого принципа, возможно, под давлением издательских редакторов более поздних изданий «Библиотеки поэта», которые, конечно, требовали «правильной» расстановки знаков препинания. Заявить об этом печатно, то есть под бдительным оком редактора, исследователь, разумеется, не мог. Однако некоторые его высказывания, прозвучавшие в статье-обзоре «Судьба поэтического наследия А. А. Фета», позволяют с уверенностью предположить, что он прекрасно понимал проблему.

«Пунктуирование стихотворений Фета — не простая задача. Корректур своих изданий (во всяком случае до „Вечерних огней“) Фет не держал, знаки расставлялись редакторами и корректорами, но и там, где есть автографы, сохранять их пунктуацию нельзя. Фет был крайне скуп на знаки препинания; есть стихотворения сложнейшей синтаксической конструкции почти без единого знака. Все же при сличении автографов с изданиями Страхова и Никольского ясно, что оба часто стремились не к прояснению синтаксических конструкций Фета, а к их переделке».[25] Приведя многочисленные примеры таких переделок в издании Никольского, исследователь справедливо заключал: «Что говорить о своеобразных синтаксических ходах Фета, о его смелых неправильностях, часто неопределенных, скользящих из вопросительной в повествовательную, — все это прикручено к школьной грамматике скобками, тире, вопросительными и восклицательными знаками, многоточиями. Особенно много многоточий. Ими Никольский как бы извиняется за недостаток логической последовательности, за „бессвязность“ Фета. У Фета в конце строфы почти всегда точка, но Никольский не может допустить, чтобы сочинительные или противительные союзы — **и, а, но** — начинали фразу, и вяжет все стихотворение в какой-то сплошной разговор, кстати, нередко со вступительными тире и кавычками; здесь, мол, говорит автор, а здесь ему отвечают сны и тени. <…> Очень любит еще Б. Никольский двоеточия: одно положение вытекает из другого, стихотворение приобретает вид теоремы».[26]

При всем том, невзирая на справедливую и жесткую критику текстологических принципов Страхова и Никольского, Бухштаб, как это ни

---

[25] *Бухштаб. Обзор.* С. 588–589.

[26] Там же. С. 591.

странно, нередко заимствовал у них пунктуацию и на протяжении всех изданий «Библиотеки поэта» придерживался избранной методы. Приведем некоторые из многочисленных примеров. В стихотворении «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю…») (1884) в стихе 4 в первом посмертном издании 1894 года (С. 70) появился восклицательный знак, хотя ни в первой публикации, ни в автографе его нет:

Вот почему я вас без страха ожидаю
Ночь безрассветная и вечная постель.

Б. В. Никольский, помимо изобретенного Страховым восклицательного знака, добавил несколько тире, многоточие и т. д., откровенно меняя смысл поэтического высказывания. В подобном произволе Б. Я. Бухштаба, разумеется, упрекнуть нельзя, однако нельзя не признать, что и избыточный восклицательный знак добавил совершенно постороннюю мысли Фета экспрессивность. Философский взгляд на проблему смерти заменило радостное приветствие или вызов.

В стихотворении «Теперь» («Мой прах уснет забытый и холодный…») в издании 1937 года появилось два восклицательных знака — в стихах 4 и 12. Их нет ни в автографах, ни в первой публикации, ни в посмертной публикации Страхова и К. Р. Зато они есть у Б. Никольского и отсюда перекочевали во все издания «Библиотеки поэта». То же можно сказать о стихотворении «С гнезд замахали крикливые цапли…», впервые опубликованном во втором выпуске «Вечерних огней», где вместо запятой и точки в заключительных строках, появилось вдруг два вопросительных знака. Правда, в данном случае они были выставлены впервые Страховым и затем воспроизведены Никольским. У Фета:

Или весна выручает свое,
Или и солнышко всходит мое.[27]

У Бухштаба:

Или весна выручает свое?
Или и солнышко всходит мое?[28]

Впервые после первой публикации пунктуация была восстановлена лишь в отдельном издании «Вечерних огней» 1971 года, подготовленном Д. Д. Благим и М. А. Соколовой.

---

[27] *ВО 2.* С. 10.

[28] *ПССт 1937.* С. 64; *ПССт 1959.* С. 144; *СиП 1986.* С. 125.

Приведем один пример редакторского «произвола», который таковым можно назвать условно, имея в виду, что каждый редактор все же имел свои эдиционные принципы и им следовал. Иное дело, что эти принципы были обусловлены как индивидуальными чертами редактора, так и условиями времени.

Еще при жизни Фета Страхов пытался вмешаться не только в поэтику фетовского поэтического дискурса (правда, в основном безуспешно), но и в синтаксический строй стихотворений. При этом иногда ему даже удавалось убедить поэта в необходимости иной расстановки знаков препинания, как это произошло со стихотворением «А. Л. Б—ой» («Далекий друг, пойми мои рыданья…»). Сопоставление автографов и печатных вариантов, а также сохранившаяся переписка по поводу стихотворения дают возможность представить как характер редактуры Страхова, так и реакцию на нее поэта.

Впервые стихотворение было опубликовано в двухнедельном журнале «Огонек» за 1879 год (Т. 1. № 8. С. 163), куда было передано Страховым, получившим его накануне. В первой публикации сохранился ранний вариант стиха 1, за который критик впоследствии извинялся, думая, что допустил ошибку. На самом деле, в автографе, посланном Фетом в письме от 28 января 1879 года, первоначально в стихе 1 было *прими*, исправленное на *пойми*. Возможно, этот вариант показался Страхову более удачным. Стихи 17–20 читались следующим образом:

Не жизни жаль, с томительным дыханьем
Что жизнь и смерть!? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет — и плачет уходя.[29]

«Сегодня утром, по получении вашего и заграничного (это было письмо от А. Л. Бржеской. — *Н. Г.*) письма, написал стихотворение, котор<ое> прилагаю на цензуру».[30] «Цензура» оказалась довольно строгой. В стихе 6 был проставлен вопросительный знак вместо точки, в стихе 10 вместо точки стоят запятая и тире, в стихе 14 точка заменена на точку с запятой, в стихе 15 точка заменена на запятую и тире, в стихе 16 добавлено тире после восклицательного знака. Стихи 17–20 приобрели следующий вид:

Не жизни жаль! С томительным дыханьем
Что жизнь и смерть!? А жаль того огня,

[29] *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 25. Л. 14 об.
[30] Там же. Л. 14.

Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет — и плачет уходя.[31]

Страхов ответил на присылку стихотворения 24 февраля: «Ваше последнее стихотворение — какая прелесть!

Кто скажет нам?..
. . . .
И в ночь идет, и плачет, уходя.

Как это тепло и трогательно! Один знакомый нашел только, что *огонь* не может *плакать*. Тонкое замечание! Посмотрите пунктуацию Ваших стихотворений: я ее делал — хорошо ли?».[32] Как показывает автограф, вписанный над словом «плакать» вариант «гаснет», очевидно, был подобран самим Страховым, не решившимся предложить его поэту от своего имени. «Одному знакомому» Фет решительно возразил в письме от 3 марта 1879 года: «Не говорят ли — солнце на закате *плачет.* А что оно, как не огонь».[33]

Получив номер «Огонька» с напечатанным стихотворением, 23 марта Фет откликнулся на внесенные Страховым пунктуационные поправки: «„Огонек“ получаю <…> а Вашу интерпункцию „с болезненным дыханьем, что жизнь и смерть?“ нахожу гениальной, а потому правильной. Вам надо издавать поэтов. Это младенцы <…>».[34] После подобной оценки Страхов мог с полной уверенностью в своем праве продолжать вносить «исправления» в фетовскую пунктуацию, что он и делал. Однако самым удивительным в этой истории следует признать факт, что при публикации стихотворения в первом выпуске «Вечерних огней» Фет отказался от страховской правки и вернулся к первоначальному варианту, убрав лишние восклицательные знаки, запятые и тире.

Стихи 17–20 приобрели окончательный вид:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет уходя.

Справедливости ради следует сказать, что Фет до конца колебался в расстановке знаков препинания в этом стихотворении. Сличение авто-

[31] Огонек. 1879. Т. 1. № 8. С. 163.
[32] *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 27. Л. 18 об.
[33] Там же. К. 4. № 25. Л. 17 об.
[34] Там же. Л. 19.

Стихотворение Фета «А. Л. Бржеской»
(«Далекий друг, пойми мои страданья…»)
Автограф (*ИРЛИ*)

графов, сохранившихся в письмах к Л. Н. Толстому, к С. В. Энгельгардт (по копии), цитаты из письма А. Л. Бржеской к Фету, а также автограф в *Т 2* свидетельствуют о разночтениях в пунктуации.

Остается добавить, что и Страхов не прекратил «дорабатывать» стихотворение после его последней прижизненной публикации. Во втором томе «Лирических стихотворений» в нем появилось четыре лишних восклицательных знака (ст. 1, 2, 17 и 18, где восклицательный знак появился вместо вопросительного), не говоря о двух лишних тире и отсутствующего у Фета многоточия в стихе 15. Несмотря на то, что Страхов владел автографом стихотворения в письме к нему Фета и, справившись, легко определил бы точную дату написания стихотворения, в посмертном издании появляется неожиданная дата: 1883, очевидно, по году выхода в свет первого выпуска «Вечерних огней». Но все же Страхов отказался от своей «гениальной интерпункции», хотя и заменил ее новой. Заключительное четверостишие приобрело в его окончательной редакции следующий вид:

Не жизни жаль с томительным дыханьем!
Чтó — жизнь и смерть! А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет уходя.[35]

В издании Страхова заглавие стихотворения было напечатано в раскрытом виде: «Александре Львовне Бржесской» (фамилия на самом деле писалась с одним «с»). Этот еще один важный текстологический вопрос, который обсуждался между Страховым и К. Р., по-своему был решен Никольским и последующими издателями.

Как же поступил Б. В. Никольский в новом издании 1901 года? С одной стороны, он уточнил датировку, исправив ошибку Страхова. Под стихотворением проставлена та же дата, что в *Т 2*: 28 января 1879. Это лишний раз свидетельствует о том, что Никольский обращался к автографам. Однако в заглавии имя и отчество оказались сокращены до инициалов: «А. Л. Бржесской». Этот принцип будет позаимствован у Никольского и Б. Я. Бухштабом. Лишь в издании «Вечерних огней» 1971 (и 1979) года будет восстановлено последнее прижизненное заглавие. Разумеется, сказанное касается не только этого стихотворения, но вообще принципа подачи материала.

Но Никольский не был бы Никольским, если бы не внес свой «вклад» в посмертное редактирование стихотворений Фета. Нелюбезные его

[35] *Фет А.* Лирические стихотворения. Т. 2. С. 258.

158 ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ. X.

А. Л. БРЖЕССКОЙ.

Далекій другъ, пойми мои рыданья,
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ:
Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья
И дорожить тобой я не отвыкъ!

Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли,
Бездушные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли
И красотѣ не жертвовали мы?

—Гдѣ жъ это все? Еще душа пылаетъ,—
Попрежнему готова міръ обнять,—
Напрасный жаръ,—никто не отвѣчаетъ!..
Воскреснутъ звуки—и замрутъ опять...

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой принесъ:
Въ ланитахъ кровь и въ сердцѣ вдохновенье...
Прочь этотъ сонъ,—въ немъ слишкомъ много слезъ!

Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ,—
Чтò жизнь, и смерть!..—А жаль того огня,
Чтò просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ,—
И въ ночь идетъ!.. И плачетъ, уходя!..

28 янв. 1879.

Стихотворение Фета «Далекий друг, пойми мои рыданья…»
В кн.: Полное собрание стихотворений А. А. Фета. СПб., 1901

поэтической душе (а Никольский, как и Страхов, пробовал силы на поэтическом поприще) скупые точки Фета он заменяет двоеточием (стих 2), восклицательный знак появляется вместо точки в конце стиха 4, риторический вопрос в третьей строфе (Где ж это все? Еще душа пылает, / По-прежнему готова мир объять. / Напрасный жар. Никто не отвечает; / Воскреснут звуки, и замрут опять.) оформляется под редакторским пером Никольского по всем правилам грамматики в настоящий диалог:

— Где ж это все? Еще душа пылает, —
По-прежнему готова мир обнять, —
Напрасный жар, — никто не отвечает!..
Воскреснут звуки — и замрут опять…[36]

А заключительная строфа с двумя радостными восклицательными знаками в последней строке оказалась в издании Никольского почти неузнаваемой:

Не жизни жаль с томительным дыханьем, —
Чтó жизнь, и смерть!.. — А жаль того огня,
Чтó просиял над целым мирозданьем, —
И в ночь идет!.. И плачет, уходя!..

Эти и подобные вольности в обращении с оригинальными текстами (примеров можно приводить множество!) вполне объясняются установками редактора, которые он откровенно изложил в предисловии: «…будучи, после расстановки знаков препинания, простейшим наглядным комментарием, группировка стихотворений по содержанию всецело зависит от того или другого понимания поэта. Последнее всегда индивидуально и пререкаемо».[37]

Свое беспрецедентное вмешательство в авторскую интерпункцию Фета Никольский пояснил следующим образом: «…от чудовищной расстановки знаков его стихотворения пострадали больше, чем от самых предательских опечаток. Многие стихотворения положительно сделались бессмысленными, другие лишь с величайшим трудом поддавались пониманию, не говоря уж об отдельных строфах, строках и эпитетах. Ведь знаки препинания — простейший комментарий к тексту, а в особенности к тексту поэтическому, да еще такого причудливого и своеобразного поэта, как Фет. Таким образом, для настоящего издания пришлось буквально почти все знаки препинания переменить, переместить

[36] *ПССт 1901*. Т. 1. С. 158.
[37] Там же. С. XI.

и дополнить — с совершенно сознательною целью: впервые восстановить истинного Фета из-под засыпавшего его пепла неуместных точек, запятых и многоточий».[38] Трудно, кажется, более откровенно выразить то, что сделал Никольский с текстами Фета. Оказалось, что при этом редактор считал, что «примирил два начала»: сохранил «характер фетовского слога» и «оттенил» «знаками не отдельные мысли, а внутреннюю связь целого в каждом отдельном стихотворении, помогая читателю уловить объединяющую художественную концепцию в отрывочных образах и по внешности бессвязных мыслях».[39] Сказанное, кажется, не нуждается в комментариях.

Таким образом, возникшее на первых же заседаниях редколлегии нового издания Фета предложение расположить основной корпус стихотворений и поэм, так сказать, в историческом порядке, то есть по сборникам ставило еще ряд вопросов. Если существуют ранние и поздние редакции, то следует ли их публиковать в соответствующих сборниках и таким образом повторять тексты или давать их параллельно, в составе того сборника, где стихотворение было опубликовано впервые. В конце концов остановились на том, что тексты ранних и поздних редакций следует давать параллельно. Таким образом читатель сразу мог увидеть, как изменился текст и, если он был существенно изменен, сравнить редакции. С другой стороны, читателю было хорошо видно, в каком виде он появился в том или ином сборнике.

При публикации следующего сборника (а у Фета, как правило, предыдущий сборник входил в последующий с добавлением новых стихотворений) решено было только отмечать название стихотворения с указанием страницы, на которой можно его найти. Предложенный вариант подачи текстов давал еще одно преимущество: можно было сразу увидеть, какое число новых стихотворений вошло в новый сборник.

Разумеется, первый том стихотворений, которым начиналось издание Собрания сочинений и писем, должен был открываться первым поэтическим сборником Фета «Лирический Пантеон» (1840), к которому он впоследствии практически не возвращался. В изданиях «Библиотеки поэта» он был помещен отдельно, после так называемого «основного собрания», перед разделом стихотворений, не вошедших в него, поскольку в список 1892 года Фет этот свой литературный дебют не включил.

Расположение по сборникам давало также возможность наглядно увидеть то, как изменялись стихотворения из сборника 1850 года под

---

[38] Там же. С. XXIV–XXV.

[39] Там же. С. XXV.

влиянием критики И. С. Тургенева, и таким образом не делать выбора, как это пришлось сделать Б. Я. Бухштабу, между ранней и поздней редакциями. Справедливости ради следует сказать, что, поместив в издании 1937 года часть ранних редакций стихотворений, которые позже (фактически до конца жизни) воспроизводились Фетом именно в «тургеневской редакции» (выражение, не вполне точно отражающее реальное положение), Б. Я. Бухштаб, вообще ориентировавшийся на «последнюю волю» поэта, впоследствии признал, что выбрал не самый удачный вариант решения «тургеневской» проблемы и вернулся к редакциям сборника 1856 года. Уже в издании 1959 года читаем: «В настоящем издании мы отказались от такого подхода, так как он не обеспечивает вполне объективных результатов. Поправки, ухудшающие стихотворение с точки зрения мелодики стиха, могут улучшать его со стороны образности и т. п.: в выборе неизбежно скажется вкус редактора. Что касается авторской воли, надо учесть, что Фет после издания 1856 г. напечатал свои ранние стихотворения еще раз — в издании 1863 г. Кое-какие возвращения к изданию 1850 г. здесь есть, но минимальные: восстановлены две исключенные Тургеневым строфы и одно забракованное им стихотворение. Фет явно не собирался возвращаться к отвергнутым Тургеневым редакциям стихотворений».[40] Этот принцип был положен в основу и в последнем издании «Библиотеки поэта», вышедшем в свет в 1986 году, уже после смерти ученого. К сказанному следует добавить, что в список 1892 года было включено 14 стихотворений из сборника 1850 года, отвергнутых в свое время Тургеневым.

Возобновленный в последние годы В. А. Кошелевым вопрос о «тургеневской правке»[41] получил неожиданное продолжение в статье М. Л. Гаспарова «Лирические концовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому».[42] Выступление В. А. Кошелева было мотивировано как раз готовящимся новым изданием собрания сочинений и писем Фета и желанием восстановить подлинную историю фетовских текстов. Размышления М. Л. Гаспарова были первоначально вызваны чисто стиховедческими интересами.[43]

---

[40] *ПССт 1959.* С. 712.

[41] *Кошелев В.* О «тургеневской» правке поэтических текстов Афанасия Фета // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 157–191.

[42] Там же. 2002. № 4. С. 96–113.

[43] Исследователь пришел к парадоксальному выводу, что «тургеневская правка почти всюду имела <…> противоположный намерениям Тургенева результат. Стихи сплошь и рядом приобретали не парнасскую законченность, а многозначную

Еще в издании 1937 года Б. Я. Бухштаб писал: «…в тексты Фета вложило свой труд большое число русских критиков, поэтов и беллетристов, и, если мы теперь поставим вопрос не только технически — возможно ли, но и принципиально — нужно ли, счищая все их „наслоения“, стремиться дать „первобытного“ Фета, — на этот вопрос надо ответить отрицательно. Поэтическая судьба Фета — исправлять свои произведения по указаниям „пестунов“ — настолько постоянна на протяжении всего его творческого пути, что причиной ее может быть только своеобразная потребность его творческой личности. Фет не доверял себе критической оценки своих произведений, ему были необходимы сторонние указания <…>».[44]

Надо признать, что похожего феномена столь ярко выраженного «коллективного» творчества, пожалуй, не отыскать в истории мировой поэзии, хотя в той или иной степени многие выдающиеся писатели пользовались советами друзей и нередко изменяли тексты своих произведений под влиянием литературных советчиков. Не надо далеко ходить за примерами. Сам Тургенев, которому более других редакторов Фета «досталось» за вмешательство в художественную ткань его стихов,[45] внимательно прислушивался к советам друзей и часто существенно менял смысл и форму своих произведений. Достаточно ознакомиться с его перепиской с ближайшим другом П. В. Анненковым, чтобы убедиться в том, что многие его произведения несут на себе следы «постороннего вмешательства».[46]

Имея в руках так называемый «остроуховский экземпляр» сборника Фета 1850 года с пометами Тургенева и вариантами, предложенными поэтом при доработке,[47] Б. Я. Бухштаб сосредоточился на выявлении

оборванность, как бы показывая автору возможности суггестивной романтической недоговоренности» (Там же. С. 112).

[44] *ПССт 1937.* С. 677.

[45] Уже первые исследователи проблемы тургеневского редактирования стихотворений Фета пришли к безусловному заключению, что это вмешательство нанесло значительный ущерб фетовской поэтике, зафиксированный в сборнике 1856 г. См.: *Никольский Ю. А.* Материалы по Фету. I. Исправление Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. // Русская мысль. 1921. Кн. 8–9. С. 211–227; Кн. 10–12. С. 248–262; *Благой Д. Д.* Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета // Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 45–64; *Колпакова Н. П.* Из истории Фетовского текста // Поэтика. Л., 1927. Вып. 3. С. 168–187.

[46] См.: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

[47] Этот экземпляр сборника, как писал Б. Я. Бухштаб, «найденный после смерти Фета в его библиотеке, принадлежащий родственнику Фета И. С. Остроухову, в на-

тургеневской правки. Но, как он сам признался, собственно правки как раз и не было. Были предложения, выраженные подчас в грубовато-шутливой форме («К черту философия!», «святость звездолюбивых дум — к черту!» и т. п.), были зачеркнутые концовочные строфы, было настойчивое желание очистить стихи Фета от архаизмов и романтического элемента — это правда, но непосредственного вмешательства в фетовский текст все же не было.

Для теоретика интересно разобраться в причинах подобного феномена, для историка литературы — отметить сами факты, для текстолога — решить вопрос: какой текст следует признать наиболее адекватным авторскому замыслу. Очищаем же мы тексты от безжалостного и подчас грубого вмешательства цензуры, почему бы не попытаться «очистить» их и от дружеского вмешательства. И хотя такое «очищение» Б. Я. Бухштаб признавал неосуществимым, он, вопреки собственной установке, именно такую задачу поставил в свое время перед собой, назвав проблему «тургеневских исправлений» основной текстологической проблемой, «выдвигаемой изучением прижизненных изданий Фета».[48]

Этой проблеме Б. Я. Бухштаб посвятил и значительную часть своего «Обзора» (более трети статьи) и в дальнейшем, как уже сказано, осуществил выдвинутые им тезисы на практике. Положив в основу «принцип *последнего* прижизненного текста», Б. Я. Бухштаб решил «отступать от этого принципа в тех случаях, когда последние редакции либо заведомо не принадлежат Фету — как редакции с исключенными Тургеневым строфами, либо хотя и даны самим Фетом, но разрушают композицию, тематику, фонетический, ритмический, лексический или семантический строй стихотворения».[49]

Таким образом, в издании 1937 года значительная часть ранних стихотворений была напечатана в ранних редакциях, причем само понятие ранней редакции ограничивалось сборником 1850 года и журнальными

стоящее время хранится в архиве Гос. Третьяковской галереи. Приступая к редактированию Фета, Тургенев зачеркнул в этом экземпляре те стихотворения и строфы, которые считал недостойными включения в новое издание (сборник 1856 года. — *Н. Г.*), и подчеркнул те слова и стихи, которые Фет должен был заменить новыми. Фет тут же на полях дал варианты, иногда по нескольку вариантов — очевидно, на выбор редактора. Часть этих вариантов была принята Тургеневым и вошла в Сб. 2, часть была отвергнута, и потребовались новые варианты, — но дальнейшие стадии работы уже не отражены в Остр. экз.» (*ПССт 1937.* С. 672).

[48] *Бухштаб. Обзор.* С. 564.

[49] *ПССт 1937*. С. 677.

редакциями до 1856 года. Следует особо подчеркнуть, что в это понятие не входили ранние редакции, оставшиеся в автографах, что было особо оговорено Б. Я. Бухштабом.

«Однако, — писал исследователь, — можно спросить, не следует ли идти дальше и при расхождении автографов с текстами журналов печатать по автографам в тех случаях, когда журнал дает чтение, стирающее фетовские особенности. Такие случаи есть, — однако возвращаться к автографу нет возможности, так как автографы эти обычно не с одним исправлением, а с рядом последовательных исправлений, не дающих возможности установить какую-то определенную редакцию. Кроме того, если можно быть уверенным в том, что Фет по своей инициативе не переправлял стихотворений, уже напечатанных, — о стихах, только переписанных в тетрадь, этого утверждать нельзя».[50] В этом рассуждении содержится несколько уязвимых мест.

Во-первых, весьма уязвимым представляется тезис о «чтениях, стирающих фетовские особенности». Что под этим имеется в виду? Постороннее вмешательство или авторская правка? Если первое, то как это доказать? В ряде случаев действительно Фет правил тексты под влиянием замечаний тех или иных лиц. Такие случаи подтверждаются сохранившимися письмами. Но при этом очень важно учитывать, что поэт *всегда* вносил правку сам, не принимая вариантов, которые ему предлагали компетентные читатели (как, например, Страхов или Полонский). Тогда ответственность за «стирание фетовских особенностей» ложится целиком на самого Фета и разговор об этой стадии доработки стихотворных текстов приобретает неуместный для научного подхода вкусовой оттенок.

Во-вторых, «ряд последовательных исправлений», содержащихся в автографе, если иногда и не дает возможности «установить какую-то определенную редакцию» (а часто и дает, позволяя выявить слои правки по цвету чернил, степени их сохранности или возрасту, использованию карандаша, даже почерку, менявшемуся со временем), то в любом случае является подлинной авторской правкой, представляющей если не редакцию, то вариант, нередко открывающий новый взгляд на тот или иной поэтический образ. Этот вариант, несомненно, должен быть зафиксирован либо в разделе «Другие редакции или варианты», либо в текстологической части комментария, как это делается в выходящем ныне Собрании сочинений и писем Фета в 20 томах.

---

[50] Там же. С. 678.

Наконец, в приведенном рассуждении высказывается мысль, что Фет «по своей инициативе не переправлял стихотворений, уже напечатанных», внося правку лишь в тексты, переписанные в тетрадь. Надо признать, что это заявление не выдерживает критики. Нет никаких оснований считать, что Фет самостоятельно не дорабатывал уже напечатанные тексты. Об этом свидетельствует предпринятая фронтальная сверка всех печатных вариантов с автографами. Нередко правка делалась непосредственно во время написания стихотворения, то есть без какого-либо «постороннего вмешательства».

Правда, в примечании к сказанному Б. Я. Бухштаб пишет: «Впрочем, несколько стихотворений Сб. 1 (то есть сборника 1850 года. — *Н. Г.*) переправлено позже — в 1887 г. для ВО 3, под непосредственным руководством Страхова, подготовлявшего книгу. Из этих стихотворений, переделанных через сорок лет после написания, мы также печатаем два в ранних редакциях <…>».[51]

«Непосредственное руководство Страхова» также представляется тезисом не вполне корректным. Как бы глубоко Фет ни уважал мнение Страхова как тонкого критика и внимательного читателя, он хорошо представлял себе пределы его компетенции. Нет ни одного случая (во всяком случае в пределах известной переписки Страхова и Фета), когда поэт воспользовался конкретным практическим советом своего «пестуна». Сомнения и замечания Страхова были лишь толчком к авторской доработке стихотворения. То же было и с другими «советчиками» — Л. Н. Толстым, Вл. С. Соловьевым, Ф. Е. Коршем, вдовой А. К. Толстого С. А. Толстой, чьему вкусу Фет безусловно доверял.

Желание исследователя «дать, наконец, читателю полноценные фетовские тексты»[52] более чем понятно. Однако, встав на путь восстановления «подлинных» текстов Фета, Б. Я. Бухштаб не мог не столкнуться с целым рядом проблем, решение которых оказалось в сущности невыполнимым. И первой из них была проблема так называемой «последней авторской воли», принятой в текстологии в качестве основополагающего принципа.

Тем не менее, если и критиковать издания, подготовленные Б. Я. Бухштабом, то прежде следует сказать о заслугах ученого-текстолога. Главная состояла прежде всего в том, что он впервые подготовил действительно научное издание стихотворного наследия Фета, воссоздав, хотя и в кратком виде, историю первых публикаций, привлекая в коммента-

---

[51] *Бухштаб. Обзор*. С. 678

[52] Там же. С. 679.

рии большое число эпистолярных и иных источников, и, что особенно важно, в том, что он впервые дал свод разночтений и редакций, проделав огромную текстологическую работу.[53]

В вышедших томах Собрания сочинений и писем Фета многое пересматривается по сравнению с изданиями «Библиотеки поэта». Прежде всего, конечно, объем поэтического наследия Фета, куда, помимо собственно «лирических стихотворений», включаются все переводы, составляющие несколько полноценных томов. Второй том Собрания сочинений и писем полностью посвящен переводам 1839–1863 годов.[54]

Первый том, естественно, посвящен лирическим сборникам Фета и включает раздел «Произведения, не вошедшие в сборники», а также разделы «Поэмы», «Либретто» и «Коллективное».[55] При этом раздел стихотворений, не вошедших в прижизненные сборники, построен по хронологическому принципу.

Все тексты сверены по автографам и первым публикациям, разночтения зафиксированы в текстологической части комментариев. В отличие от предыдущих изданий раздел «Другие редакции и варианты» отсутствует, поскольку основные редакции даются прямо в тексте параллельно, о чем говорилось выше. Этот принцип распространяется и на переводы, в отношении которых текстологическая работа была проделана в предыдущих изданиях в минимальном виде. Это же можно сказать о так называемых «стихотворениях на случай», пренебрежитель-

---

[53] Трудно согласиться с мнением, что «рукописное наследие Фета» следует отнести к области вопросов «малой изученности», которое высказала покойная Ю. П. Благоволина в предисловии к подготовленной ею переписке Фета с В. П. Боткиным: *Переписка с Боткиным.* С. 187. Основываясь на исследованиях Б. Я. Бухштаба, Ю. П. Благоволина сделала слишком далеко идущий вывод о том, что в рукописях Фета отсутствует авторская правка и что она вносилась по советам литературных «редакторов». И хотя исследовательница оговаривается, что «окончательные выводы делать рано», по меньшей мере странным выглядит ее заявление о черновиках переводов Фета, которые к моменту написания статьи в значительной части были опубликованы и прокомментированы во втором томе Собрания сочинений и писем в 20 т. Не менее странным выглядит заявление Благоволиной о том, что в четвертом томе (СПб., 2007) републикован текст деревенских очерков Фета, напечатанный в издании 2001 г. (Там же. С. 185).

[54] *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2: Переводы 1839–1863 / Редактор тома Н. П. Генералова. Тексты и комментарии подготовили А. В. Ачкасов, Н. П. Генералова, В. А. Лукина, А. В. Успенская. 702 с.

[55] *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1839–1863 / Редактор тома В. А. Кошелев. Тексты и комментарии подготовили Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В. Петрова. 552 с.

ное отношение к которым было высказано уже в изданиях Страхова и Никольского.

По сравнению с изданиями «Библиотеки поэта» значительно расширен историко-литературный и реальный комментарий. В выходящем пятом томе Собрания сочинений и писем, включающем все выпуски «Вечерних огней» и раздел «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники», общий объем комментариев превышает предыдущие в несколько раз.

Пунктуация, существенно менявшаяся от издания к изданию в зависимости от воли редактора, в настоящем издании воспроизводится в соответствии с приводимыми публикациями или по автографам. В случае существенных разночтений в публикации и в автографе приводится вариант пунктуационного решения в автографе.

В разделах, касающихся произведений, не вошедших в прижизненные сборники, указывается источник, по которому печатается стихотворение.

Произведена ревизия датировок стихотворений и внесен целый ряд уточнений.

Ранней редакцией называется редакция, представленная, как правило, в первой публикации, хотя, строго говоря, ею следует считать редакцию в первом по времени автографе. В ряде случаев в качестве ранней редакции приводится рукописный автограф, с сохранением авторских знаков препинания, что дает возможность читателю познакомиться с авторской рукописью.

В тех случаях, когда стихотворение не печаталось при жизни поэта и сохранился его автограф, мы, как правило, публикуем его по автографу, дабы избежать пунктуационных и иных вмешательств в текст. Так, к примеру, стихотворение «Чем доле я живу, чем больше пережил…», не увидевшее свет при жизни Фета, впервые было опубликовано Никольским с редакторской правкой, принадлежавшей, по-видимому, ему самому.

В принципе в комментариях учитываются только прижизненные публикации и автографы, хотя в отдельных случаях возникала необходимость обращения к посмертным публикациям. Разночтения с последними публикациями Б. Я. Бухштаба и М. А. Соколовой, как правило, также не учитываются ввиду их относительной доступности современному читателю.

Важность авторизованных списков в *Т 1* и в *Т 2*, содержащих авторскую правку, а также списков, подготовленных М. П. Шеншиной, поскольку они, как правило, являются достоверными (переписчица не стре-

милась «редактировать» тексты и пунктуацию), трудно переоценить, так как нередко эти списки являются единственными свидетельствами авторской воли поэта. Усердная переписчица старательно воспроизводили авторский текст и, несомненно, пунктуацию, в отличие, например, от Страхова, который гордился, что многое «прояснял» в авторских текстах посредством пунктуации. 27 октября 1893 года К. Р. писал Страхову: «Благодаря исправленным вами знакам препинания многие стихотворения, которых я просто не понимал, получили для меня свою надлежащую прелесть. Как я вам благодарен за это собрание стихов, приготовленных к печати!».[56] Страхов отвечал: «Знаки препинания, кажется, самая сильная моя сторона».[57]

Что касается авторизованных списков, сделанных Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцевой), ставшей главной помощницей Фета с 1886 года, то их следует признать наиболее авторитетными после собственноручных автографов, поскольку эти списки (содержащиеся, как правило, в письмах к разным лицам) непосредственно диктовались поэтом своему секретарю. В отношении этих списков в издании принят термин «авторизованный текст». Списки рукой М. П. Шеншиной именуются «авторизованными списками», даже если они не имеют собственноручных помет Фета, но находятся в *Т 2*.

В заключение необходимо сказать, что многие текстологические вопросы и решения приходят в процессе подготовки очередных томов, поэтому в первом и пятом томах, представляющих лирические стихотворения, заметны некоторые различия в принципах подачи материала. Но подобные недочеты свойственны любому живому изданию, поставившему своей целью впервые с максимальной полнотой представить поэтическое наследие одной из крупнейших фигур общественно-литературного процесса XIX столетия, оказавшей столь значительное воздействие на последующий ход поэтической жизни русского слова.

---

[56] *К. Р. Переписка*. С. 416.
[57] Там же. С. 417.

В. А. Кошелев

О КОМПОЗИЦИИ СБОРНИКА «СТИХОТВОРЕНИЯ А. ФЕТА» 1850 года

Первая рецензия на сборник стихотворений Фета 1850 года[1] появилась в печати еще прежде выхода в свет самого сборника — в первом номере «Отечественных записок» на 1850 год. Выглядела она следующим образом:

«В наше непоэтичное время с каким-то особенным наслаждением останавливаешься на этом сборнике, который был бы замечателен, впрочем, и в эпоху, более нашей богатую изящными произведениями. Предоставляя себе удовольствие говорить в отделе критики о стихотворениях молодого даровитого поэта, мы ограничиваемся здесь только немногими замечаниями.

Имя г. Фета, известное уже довольно давно читающей публике, являлось несколько раз на страницах нашего журнала, — и между тем количество стихотворений поэта весьма невелико: его грех упрекнуть в борзописании. Лет в семь литературной деятельности небольшая книжка стихотворений! Правда, что в эту книжку не вошли прекрасные переводы из Горация, не вошла драматическая поэма Шиллера „Семела“, чрезвычайно удачно переведенная г. Фетом.

Книжка разделена автором на несколько отделов, из которых многие представляют нечто вроде лирических поэм, проникнутых единством чувства и содержания. Таковы: „Снега“, „Вечера и ночи“, „К Офелии“,

---

[1] См.: Стихотворения А. Фета. М.: В типографии Н. Степанова, 1850. Сборник вошел в состав первого тома выходящего ныне Собрания сочинений и писем Фета: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 53–182, *429–455*.

„Мелодии“. Всех отделов XIII, и почти каждый отличается замечательными достоинствами. Издание книги очень опрятно».[2]

Автором этого анонса мог быть только один человек: Аполлон Александрович Григорьев, замечательный русский критик и неплохой поэт, в ту пору активно сотрудничавший в «Отечественных записках». Именно Григорьев, бывший приятелем Фета еще со студенческих времен (тогда они жили рядом, в смежных комнатках в мезонине григорьевского дома на Малой Полянке), лучше всех знал поэтические пристрастия Фета — и был, в частности, посвящен в его задушевную мечту: перевести на русский язык оды Горация (из которых к тому времени были напечатаны только немногие единичные тексты); именно он в свое время «благословил» к публикации его перевод поэмы Шиллера «Семела» (появившийся в 1844 году: *ОЗ*. 1844. Т. 35. № 7. Отд. I. С. 1–16). В следующем номере журнала Григорьев, как и обещал, выпустил большую статью под заглавием «Стихотворения А. Фета. *Москва. 1849*»,[3] в которой подробнейшим образом этот сборник разобрал.

И в анонсе, и в статье критик стремится представить сборник вышедшим *ранее* той даты, которая объявлена на титульном листе: в одном случае он включен в число «новых сочинений», вышедших в декабре 1849 года, в другом 1849-й прямо обозначен годом издания. Кроме того, в рецензии неверно указано количество «отделов», в соответствии с которыми разделены стихотворные тексты: у Фета этих «отделов» не тринадцать, а пятнадцать. Кажется, что Григорьев писал этот анонс тогда, когда еще не держал сборника в руках: он просто его помнил — потому что сам его и составлял.

Это немаловажное обстоятельство Фет позднее отметил в предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней»: «…все написанные стихотворения, вошедшие в „Лирический Пантеон“ и в издание 1850 г., собраны и сгруппированы рукою Аполлона Григорьева, которому принадлежат и самые заглавия отделов <…>».[4] Это заявление Фет сделал лишь спустя четверть века после смерти Григорьева.

Обстоятельства создания сборника 1850 года рассказаны в мемуарах Фета «Ранние годы моей жизни». Осенью 1847 года, после двух с половиной лет безотлучного пребывания в Орденском Кирасирском кавале-

---

[2] *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 1. Отд. VI. С. 1.

[3] Там же. № 2. Отд. V. С. 49–72.

[4] *Фет А. А.* Предисловие // *ВО 3.* С. IV. Ср.: *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подготовили Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979. С. 240 (Лит. памятники).

рийском полку, расквартированном в глухих местечках Херсонской губернии (Новогеоргиевск, Елисаветград, Михайловка, Красноселье, Ново-Миргород), Фет получил (от своего командира К. Ф. Бюлера) краткосрочный отпуск с поручением «принять от поставщика черные кожи для крышек на потники». Подлинной причиной этой поездки было, как указывает мемуарист, «томившее меня желание издать накопившиеся в разных журналах мои стихотворения отдельным выпуском». Об этой поездке Фет вспоминает: «Пробыв проездом в Новоселках самое короткое время, я прямо проехал в Москву к Григорьевым, у которых поместился наверху на старом месте, как будто бы ничто со времени нашей последней встречи не случилось. Аполлон после странствований вернулся из Петербурга и занимал по-прежнему комнатки налево, а я занял свои по правую сторону мезонина. С обычной чуткостью и симпатией принялся Аполлон за редакцию стихов моих».

Далее в воспоминаниях Фет сообщает только о двух эпизодах этой работы. Переписчиком стихов для сборника выступил бывший гимназический учитель Григорьева, к тому времени спившийся, Павел Павлович Хилков, а его цензором — Василий Николаевич Лешков, профессор полицейского права Московского университета, некогда учивший Фета. Фет уверял, что все представленные стихотворения раньше печатались в журналах, а цензор обещал «по старому знакомству не задерживать меня».[5]

Действительно, цензор не задержал: помета на сборнике сообщает дату, когда он был разрешен к печати: «декабря 14 дня 1847 года». В тогдашнем обыкновении было, что через неделю, много через месяц после дозволения книга выходила в свет. В данном случае дело затянулось больше, чем на два года.

В «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком, указывается, что Фет уволился в отпуск 27 сентября 1847 года; прибыл в Москву из Орла 22 ноября, а вернулся из отпуска 27 января 1848 года.[6] Основные дела по изданию сборника он завершил еще в декабре: «Устроившись насчет печати с типографией Степанова и упросив Аполлона продержать корректуру, я принял кожи и через Новоселки и Киев вернулся в полк».[7] Дело с изданием сборника казалось совсем улаженным: 23 декабря 1847 года «Московский городской листок» (в котором в то вре-

[5] *РГ.* С. 487–489.

[6] *Летопись*. С. 294–295.

[7] *РГ.* С. 490.

мя сотрудничали Фет и Григорьев) сообщил читателям о скором выходе в свет этого сборника («замечательное явление в словесности»).

Однако в издании книги произошли какие-то задержки, связанные, вероятно, с необязательностью А. А. Григорьева и с его специфическим образом жизни. Он, кажется, попросту прогулял деньги, оставленные Фетом на типографию.

А сам Фет тем временем из своей херсонской глуши умоляет московских друзей заняться делами по его сборнику. 3 марта 1849 года в письме к ближайшему другу юности И. П. Борисову он изливает душу: «Пока живешь, надо же и стараться исполнять обязанности, особенно которые возложены на нас нами же самими в отношении <к> другим. Это я намекаю на свои грешные стихотворения, которые когда выйдут — я не знаю. Но знаю одно, что если б я был там, то в одну неделю все было бы в исправности — и неужели никто не может посвятить на это несколько часов, чтобы меня выручить. К Григорьевым я писывал самые убедительные письма, но все напрасно». В другом письме (от 18–29 мая 1849 г.) ситуация обрисовывается еще точнее: «У Григорьева недоданные деньги — у Степанова (Н. С. Степанов, владелец типографии. — *В. К.*) недопечатанные книги».[8]

Вновь приехать в Москву Фет смог только при очередной командировке: в середине декабря 1849-го, — и действительно решил все проблемы «в одну неделю». В самом начале 1850 года многострадальный сборник вышел в свет.

А Григорьев, ощущая свою вину, стремился ее хоть немножко «поуменьшить» — поэтому и в объявлении о выходе сборника, и в статье о нем упорно указывал в качестве года выхода не 1850, а 1849-й… Все-таки пораньше…

Как бы то ни было, именно Григорьев стал фактическим «составителем» и «организатором» первых фетовских сборников — и эта его «систематизаторская» способность интересна для нашей темы более всего.

Уверяя своего цензора, «что все в сборнике было уже напечатано», — то есть прошло уже соответствующую цензуру, — Фет явно лукавил. Из 182 стихотворных текстов, в него вошедших, 85 публиковалось *впервые*; к тому же 12 стихотворений давалось в новой редакции, отличной от ранних журнальных публикаций.

Да и самих журнальных публикаций у Фета в 1847 году не было: вряд ли он, при той кочевой «кирасирской» жизни, которую вел в тече-

---

[8] *Письма к Борисову.* С. 85, 92.

ние двух с половиной лет, переезжая из одного херсонского местечка в другое, возил с собой тяжелые комплекты старых журналов. Фет вспоминает один случай, когда для того, чтобы убедить цензора в том, что «сомнительное» стихотворение (из цикла «Гадания») уже публиковалось раньше, ему пришлось ехать за журналом к издателю М. П. Погодину на другой конец Москвы…

Фет и Аполлон Григорьев, уединившись в это время для создания сборника, имели перед собой рукописи стихотворений — эти рукописи, к сожалению, до нас не дошли, как и предназначенный для цензуры экземпляр, переписанный спившимся учителем П. П. Хилковым. Но в ту неделю, пока Хилков переписывал, приятели много думали именно над тем, как расположить отдельные тексты, составив из них нечто цельное, адекватно представляющее *поэта* Афанасия Фета.

В письмах Аполлона Григорьева сохранилось косвенное упоминание об этой работе. В конце 1840-х — начале 1850-х годов он, служивший в Москве на далеко не «денежной» должности учителя законоведения в Александровском сиротском институте и озабоченный необходимостью «подработок», сотрудничал в некоторых петербургских журналах в качестве литературного и театрального критика. Одним из таких журналов был «Репертуар и Пантеон» («Пантеон»), с редактором-издателем которого, известным водевилистом Ф. А. Кони, Григорьев сохранял приятельские отношения и, в частности, прежде доставил в журнал несколько стихотворений Фета. В письме его к Ф. А. Кони от 19 апреля 1850 года есть интересная приписка, касающаяся как раз присылки новых материалов для журнала: «С чего Вам представилось, что я послал Вам *стихи* Фета и притом — напечатанные? <…> Посылаю Вам его элегии: напечатанные вычеркнуты, ненапечатанные — Ваши».[9]

Очевидно, что Григорьев послал Кони часть той самой тетради копий фетовских произведений, что переписывалась в 1847 году. В ней были вычеркнуты 11 элегий, напечатанные в только что вышедшем сборнике. В майской книжке журнала «Пантеон» были опубликованы еще четыре элегии,[10] в сборник не вошедшие (и, соответственно, Григорьевым не вычеркнутые): «Как много, Боже мой, за то б я отдал дней…», «Напрасно, дивная, смешавшися с толпою…», «Слеза слезу с ланиты жаркой гонит…» и «Следить твои шаги, молиться и любить…».

---

[9] *Григорьев Ап.* Письма / Изд. подготовили Р. Виттакер и Б. Ф. Егоров. М., 1999. С. 40 (Лит. памятники).

[10] Пантеон и репертуар русской сцены. 1850. Т. 3. № 5. С. 71–72.

Позднее эти четыре любовные элегии так нигде и не перепечатывались. Сам Фет о них, вероятно, забыл — и не включил их даже в список своего основного собрания. Между тем они были, по всей вероятности, отражением знаменитого (и во многом мифологизированного исследователями) романа Фета и Марии Лазич, который развивался как раз в годы издания сборника 1850 года. Судя по всему, Фет намеревался включить их в состав сборника, — а убрал их оттуда именно Аполлон Григорьев. Убрал отнюдь не по причине их низкого качества, — просто они, что называется, «не вписывались» в сборник, выбивались по тональности из общего настроения всего отдела «Элегии». И Григорьев посчитал за лучшее до поры до времени исключить эти четыре текста из состава сборника.

В отличие от позднейших «пестунов» Фета (вроде Тургенева или Страхова), Григорьев не особенно придирался к отдельным «неудачным» словам и оборотам и не считал себя вправе вмешиваться в его индивидуальный поэтический стиль. Задачу свою как *редактора* сборника он видел в другом: необходимо было *выстроить* сборник, составить из разновременных и достаточно разрозненных текстов некое цельное сооружение, соответствовавшее образу поэта.

Составление сборника лирических стихотворений издавна было серьезной проблемой для поэтов нового времени.

Традиционно стихотворения объединялись по *жанрам*, для которых в эпоху классицизма был определен достаточно пестрый, но понятный «реестр»: ода, элегия, эклога, эпистола, сатира, идиллия и т. п. В начале XIX столетия, когда в поэтической практике эта жанровая система уже разрушалась, К. Н. Батюшков прославленным сборником «Опыты в стихах» (1817) как будто утвердил некую «схему» организации разнородных лирических текстов. 52 стихотворения этого сборника были сгруппированы в три раздела: «Элегии», «Послания» и «Смесь». Такое деление, создававшее тройную архитектонику сборника и «утраивавшее» его смысловое пространство, оказалось весьма популярным: Батюшкову стали подражать многие поэты.

Даже Пушкин, решившийся в 1826 году выпустить, наконец, собрание своих лирических произведений, пошел по этому пути: его первый сборник разделен на «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания». Правда, Пушкин ввел и некоторое новшество: около каждого текста в оглавлении он указал дату написания, а заключил сборник не относящимся к «разделам» лирическим циклом «Подражания Корану». Уже через два года он, правда, отказался от жанрового принципа: основное, позже разросшееся

до четырех частей лирическое собрание «Стихотворения Александра Пушкина» (1828–1835) имело в своей основе хронологический принцип: стихотворения располагались по годам написания и наглядно демонстрировали творческую эволюцию поэта. Но и в этом, хронологически закрепленном, собрании Пушкин не отказался от лирических циклов.

Юношеский сборник Фета «Лирический Пантеон» (который также составлялся при участии Григорьева) был, без особых затей, разделен лишь на «Сочинения» и «Переводы»; «Сочинения», в свою очередь, разделялись на «Баллады» и «Лирические стихотворения», а «Переводы» были сгруппированы по признаку источника («Из Горация», «Из Гёте» и т. п.). Но уже первые журнальные публикации оригинальных стихов его — «Снега», «К Офелии», «Гадания», «Вечера и ночи» — были не чем иным, как ярко организованными лирическими циклами, которые сгруппировал тот же Аполлон Григорьев.

Фет в своих воспоминаниях назвал цикл «Снега» «*рядом стихотворений*», объединенных общим «названием» и, соответственно, общей темой. В критическом обзоре сборника 1850 года в журнале «Москвитянин» те же «Снега» охарактеризованы как *одно* большое стихотворение, «подразделенное на девять небольших глав и писанное разными размерами».[11] Сам Аполлон Григорьев дал несколько иное определение лирических циклов Фета: это «нечто в роде *лирических поэм*, проникнутых единством чувства и содержания».[12] Как бы то ни было, именно цикл «Снега» и открывает фетовский сборник (точно так же как публикация этого цикла в январской книжке «Москвитянина» на 1842 год по существу открыла зрелое творчество Фета-лирика).

Все 182 поэтических текста в сборнике аккуратно пронумерованы, — но нумерация причудлива. Сборник разделен на *пятнадцать* отделов, обозначенных римскими цифрами. Характерная опечатка в этом обозначении (четырнадцатый отдел «Разные стихотворения» обозначен цифрой XVI) позволяет предположить, что в первоначальных вариантах количество отделов было еще больше. Последний, пятнадцатый, отдел включает в себя 14 переводов и выделен по признаку источника: «*XV. Из Гейне*». Несколько переводов из других авторов (Анакреон, Катулл, Саади, Байрон, Мур, Гёте, Кернер), прямо обозначенные как переводы, вошли в другие отделы, наряду с оригинальными стихами.

---

[11] Москвитянин. 1850. № 6. Март. Кн. 2. Отд. IV. С. 39 (автор рецензии — Л. А. Мей).

[12] *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 1. Отд. VI. С. 1. Курсив наш. — *В. К.*

Остальные четырнадцать отделов по своей структуре разделяются на две части. Семь отделов, в основе которых находятся «*поэмные*» структуры: «*I. Снега*», «*II. Гадания*», «*IV. Вечера и ночи*», «*V. Талисман*», «*VIII. Соловей и роза*», «*X. Саконтала*» и «*XII. К Офелии*». Содержание этих отделов не отражено в оглавлении, а в самом тексте отдельные части обозначены римской нумерацией (I, II, III, IV и т. д.). Это относится и к строфам или частям поэм («Талисман», «Соловей и роза», «Саконтала»), и к собственно лирическим циклам, части которых, как известно, могут восприниматься и отдельно одна от другой — как имманентные структуры. Принципиальной разницы между поэмой и лирическим циклом Аполлон Григорьев, как видим, не делает.

Другие семь отделов («*III. Мелодии*», «*VI. Баллады*», «*VII. Сонеты*», «*IX. Элегии*», «*XI. Подражание восточному*», «*XIII. Антологические стихотворения*» и «*XIV. Разные стихотворения*») представлены как серия собственно «*лирических*» структур, каждая часть которых должна восприниматься отдельно. В качестве знака этой «отдельности» каждый конкретный текст в «лирических» отделах обозначен в оглавлении (либо заглавием, либо начальной фразой) и пронумерован арабской цифрой (1, 2, 3, 4 и т. д.).

Заглавия «поэмных» структур организованы по *тематическому* признаку и прямо указывают на содержание поэмы или цикла. Заглавия «лирических» структур по своему характеру многообразны. Традиционные литературные формы ориентированы на традиционные жанровые обозначения («Баллады», «Элегии», «Антологические стихотворения») или на строфическую организацию («Сонеты»). Нетрадиционные формы требуют нового обозначения, связанного не столько с тематикой, сколько с мелодической организацией отдельных текстов: «Мелодии», «Подражание восточному». Наконец, то, что не «вместилось» в другие отделы, но тем не менее заслуживает внимания, оказывается объединено под заглавием «Разные стихотворения».

Эти «разные стихотворения» составили самый большой по количеству текстов отдел: 42 текста. Среди них оказались самые известные фетовские стихотворения: например, «На заре ты ее не буди…», ставшее еще с середины 1840-х годов популярнейшим в России романсом (на музыку А. Е. Варламова). Среди этой «смеси» оказались такие ключевые для Фета стихотворения, как «Хандра», «Весна», «Я пришел к тебе с приветом…», «Поделись живыми снами…», «Даль» («Облаком волнистым…»). Это обстоятельство как будто свидетельствовало, что время «жанровой» поэзии прошло, что наступает какая-то новая поэтическая эпоха.

Несмотря на причудливость и прихотливость такой структуры, именно она легла в основу композиции всех последующих собраний Фета.

После того «как издание пятидесятого года почти все разошлось», за редакцию фетовских стихотворений взялся И. С. Тургенев, цель которого принципиально отличалась от целей Ап. Григорьева. Он собирался прежде всего подвергнуть фетовские стихи «самой ревностной очистке», дабы добиться «красивого издания, для того чтобы им лежать на столике всякой прелестной женщины».[13]

А «прелестную женщину» менее всего интересует поэтическая личность — она озабочена более «красотой слога». Собственно, этим Тургенев и занялся прежде всего, «очищая» стихи Фета от всяческих «ошибок». Но, решая проблему «улучшения» конкретных поэтических текстов, Тургенев *не ставил задачи выработки композиции сборника*.

Все стихотворения, отобранные им из сборника 1850 года, оказались распределены по тем же разделам, которые придумал когда-то Ап. Григорьев, — Тургенев лишь убрал из сборника «неудачные», по его разумению, стихи и поэмы («Талисман», «Соловей и роза» и «Саконтала»). Кроме того, он ликвидировал два раздела («Сонеты» и «Из Гейне»), а те, что остались, распределил несколько по-иному и начал сборник традиционным разделом «Элегии». Он абсолютно не учел циклизацию и фактически разрушил прежние фетовские *циклы*, которые, с одной стороны, были значительно сокращены (да и сам сборник вышел поменьше — 143 текста вместо 182-х), с другой — не отделялись от собственно лирических *разделов*: все стихи «расшифровывались» в оглавлении и шли под единой (римской) нумерацией. Кроме того, Тургенев присоединил одно новое стихотворение к циклу «Вечера и ночи», два стихотворения включил в раздел «Элегии» (который, в соответствии с давней поэтической традицией, поставил в начало сборника) и четыре присоединил к «Антологическим стихотворениям». Все же остальные новые стихи (41 текст) были механически включены в раздел «Разные стихотворения» (несмотря на то, что некоторые из них ранее печатались в журналах под заглавием «Мелодия»). Новый сборник Фета по композиции внешне напоминал прежний, — но с большим и мало понятным «довеском» в конце.

Аполлон Григорьев остался недоволен и «тургеневской» правкой, и композицией нового собрания. В письме к Фету из Флоренции

---

[13] *Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 22. Письмо к Фету от 8 (20) февраля — 6 (18) апреля 1855 г.

от 4 (16) января 1858 года он предупреждает: «…пожалуйста, не верь ты в отношении к своим стихам никому, кроме Боткина и меня, разве только подвергай их иногда математическому анализу Эдельсона, — это для их здравого смысла, и кроме того, у него есть особенное *яркое* чутье, или чутье на *яркое*, но только на яркое, редко на тонкое и музыкально-неуловимое. Вообще верь только *критикам* в этом деле, а не поэтам, т. е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причине, что они всегда смотрят сквозь свою призму. Наилучшее доказательство — несчастное издание второе, тургеневское».[14]

Вряд ли Григорьев отметил в этом «несчастном» издании искажения конкретных текстов — его, скорее, не удовлетворило формальное отношение другого фетовского «пестуна» к заданной им, Григорьевым, «форме» сборника: на месте живописного, естественно развивающегося живого целого возникла не очень удачная «модель».

Следующее свое издание — 1863 года — Фет готовил сам: как знак окончания собственного поэтического творчества вообще. Весь материал своего оригинального и переводного творчества он разделил на два тома (второй том — переводы), а в пределах первого тома выделил те же отделы, создав еще два новых: «Море» и «Весна» (в них была включена, кроме новых текстов, и часть прежних стихов из «Разных стихотворений»). Но больше всего опять-таки пополнился последний, «смешанный» отдел: в нем оказалось более трети всех оригинальных фетовских стихов.

Из четырех изданных Фетом выпусков «Вечерних огней» Фет попробовал как-то систематизировать (на сей раз — с помощью Н. Н. Страхова и Вл. С. Соловьева) лишь первый выпуск (1883). Стихи в его составе он распределил по тем же основным отделам; только «Элегии» превратились в «Элегии и думы» да появился еще новый отдел: «Послания». Впрочем, вероятно, деление небольшого сборника на «отделы» в конце концов показалось автору бесперспективным: остальные выпуски «Вечерних огней» выходили уже без каких-либо «отделов» и стихотворения в них не располагались ни в хронологическом, ни в каком-то другом логически определяемом порядке.

В самом конце жизни Фет составил список своего основного собрания лирики — и тоже разделил его на отделы. Этот список сохранился в нескольких вариантах (написанных литературным секретарем поэта Е. В. Федоровой и Вл. С. Соловьевым). Оба варианта имеют разделения на «отделы»; в одном из них придуманы еще отделы «Лето» и

---

[14] *Григорьев Ап.* Письма. С. 175.

«Осень» (очевидно, по аналогии со «Снегами» и «Весной»). Но опять-таки ничего принципиально нового в саму систему организации поэтических текстов и здесь не внесено. А в «старых», сохранившихся еще от сборника 1850 года разделах Фет старался не нарушать принятого Григорьевым порядка расположения поэтических текстов.

Издатель посмертного собрания сочинений Фета Б. В. Никольский довел этот принцип до абсурда, «тасуя» фетовские стихи по своему усмотрению и придумывая новые «циклы» под заглавиями: «Природа», «Звезды», «Грезы», «Сны», «Бессонница», «Сердце», «Детский мир», «Оды», «Стихотворения на случай»…

Словом, все, кто ни пытался организовать лирику Фета, в конечном счете возвращались к тем принципам, которые придумал Аполлон Григорьев применительно к сборнику 1850 года. Пытаясь «улучшить» естественное состояние его, новые составители все больше его выхолащивали и омертвляли. Один Григорьев, волею судеб ставший свидетелем «рождения» и «возрастания» великого русского поэта, сумел придумать его созданию соответственную форму. И уже в 1856 году почувствовал, что на новом этапе нужно придумывать нечто принципиально *новое*: «новому» Фету «старые» формы были уже не к лицу.

Критик Григорьев, составляя фетовский сборник 1850 года, ставил перед собой нетривиальную задачу. Он вовсе не занимался отбором «лучшего» и не собирался даже на малую толику «приукрашивать» своего друга-поэта. Вполне осознавая, что поэт должен быть представлен своей *личностью*, он в самой структуре его лирического собрания проводил самые разные черты этой личности, подчас — не самые лучшие черты.

Поставленный перед необходимостью критически оценить этот сборник Фета, Григорьев остается весьма строг в конкретных оценках: отдел «Гадания» — «ложен» по своему замыслу, поэма «Талисман» — «слаба и плоха», «о сонетах г. Фета сказать много нечего», в отделе «Разные стихотворения» «читателя поражает странный недостаток выбора» и т. п. Но приводя не очень лестные конкретные оценки, критик тут же констатирует яркое впечатление от целого: «Творчество поэта лирического заключается в сообщении осязаемости мысли, которая тогда только становится поэтическою, когда при самом зарождении своем получает крепкое тело, или, лучше сказать, зарождается вместе с своею формою и выливается облеченная в соответственные ей звуки и краски, как Паллада вышла вполне вооруженною из головы Громовержца».[15]

---

[15] *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 2. Отд. V. С. 49–50.

В качестве единственного «образца» и «идеала» для Фета в восприятии Григорьева представляется Гёте, «истинный идеал поэта по преимуществу», отличающийся «необъятной полнотой»: «Это — эхо природы и человеческого духа, на все равно отвечающее, все возводящее равно в перл создания».[16] Но, подчеркивает критик, Фета нельзя воспринимать как *подражателя* Гёте по той простой причине, что «Гёте подражать нельзя». Фет лишь сформировался «под влиянием классических образцов и преимущественно под влиянием Гёте»:[17] «…влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинством, и замечательным успехом своих стихотворений, и, наконец, *самою изолированностью своего места в русской литературе*».[18]

Естественно, что в глазах Григорьева «образцом» и «масштабом» для создания сборника фетовской лирики оказался сборник лирики Гёте — прежде всего конструкция и форма его причудливой книги «Западно-восточный диван» (1819). Этот сборник Гёте вынашивал много лет и придал ему строгую цикличную конструкцию: он разделен на 12 книг, каждая из которых озаглавлена («Книга певца», «Книга Хафиза», «Книга любви», «Книга размышлений» и т. д.) и представляет отдельные тексты в строго заданном порядке; к ним присоединена еще «прозаическая» часть, нужная для «лучшего уразумения» целого. При всем том эта конструкция, как указывает А. В. Михайлов, «не означает жесткой необходимости»:

«Произведений, из которых „слова не выкинешь“, не бывает, а „Западно-восточный диван“ — произведение, в котором можно представить себе много перемен. Конструктивность „Западно-восточного дивана“ заключается в создании таких опор формы, которые могут заполняться свободно и как бы произвольным материалом. „Произвольность“, конечно, относительна и нимало не противоречит той продуманности, с которой расставлены слова-„зеркала“ гетевского произведения. Однако и степень свободы велика. В поэтических книгах „Западно-восточного дивана“ стихотворения образуют некоторый „органический“ порядок, но, во-первых, этот порядок устанавливается всякий раз особо, во-вторых, достаточно свободно, *поэтому* его, собственно говоря, трудно нарушить».[19]

---

[16] Там же.

[17] Там же. С. 53.

[18] Там же. С. 55. Курсив наш. — *В. К.*

[19] *Михайлов А. В.* «Западно-восточный диван» Гете: смысл и форма // *Гете И.-В.* Западно-восточный диван / Изд. подготовили И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988. С. 643.

Аполлон Григорьев стремился к столь же свободной и «органической» конструкции. «Поэмные» отделы сборника чередуются с «лирическими» отделами — а само различие нумерации текстов (причудливое чередование арабских и римских обозначений) становится сигналом соответственной «свободы» или «закрепленности» восприятия. В цикле «Снега», к примеру, конкретный текст лучше воспринимать в контексте восьми остальных, учитывая «место», на котором этот текст расположен. А в «Мелодиях» или «Элегиях» такое «соотнесенное» восприятие вроде бы и не нужно. С другой стороны, и эта «свобода восприятия» относительна, потому что автор представляет как раз постоянную смену интонаций и мотивов — и характер этой «смены» интересен и показателен сам по себе.

Отдельные «кирпичики» конструкции фетовского сборника 1850 года спорадически образуют некоторое движение, переход. Конечной целью этого «перехода» является не создание некоего энциклопедического целого, — как у Гёте, собравшегося дать энциклопедию культуры Востока, — а воссоздание некоего комплекса разнородных чувств русского поэта в его столкновении с разными сторонами русской действительности. Иные из этих сторон толкают на «замкнутость» и исходную цикличность приятия жизни; другие, напротив, образуют открытые сюжеты и финалы.

Такое причудливое по характеру собрание стихов становится аналогом душевной жизни человека, который то неуклонно стремится вперед, то возвращается к уже пройденному. А книга, фиксирующая эту душевную жизнь, требует постоянного перечитывания: не обязательно целиком — естественнее даже какими-то понравившимися ее частями. Только возвращаясь к прочитанному, заново воспринимая, переосмысляя и оценивая события, отраженные в словах, можно постигнуть эту непростую жизнь.

А. В. Успенская

А. А. ФЕТ О СУДЬБАХ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ

Критическое и публицистическое наследие А. А. Фета, представляющее одну из интереснейших сторон его творчества, до сих пор еще недостаточно изучено. Наибольший интерес вызывали эстетические взгляды Фета, высказанные в статьях «О стихотворениях Ф. Тютчева» и «По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств», рассматривавшиеся в контексте представлений о нем как об адепте «чистого искусства», что, однако, как показывают современные исследования, также нуждается в уточнении.[1] В последние десятилетия не раз публиковались и достаточно подробно рассматривались его очерки о сельском хозяйстве.[2] Между тем собственно критические и публицистические статьи Фета, не понятые, а частью и не опубликованные при жизни,[3] на протяжении столетия после смерти писателя оставались на периферии внимания исследователей.

Статья Фета «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании»[4] появляется в эпоху жарких дискуссий о возвращении препо-

[1] См.: *Сорочан А. Ю.*, *Строганов М. В.* А. А. Фет как литературный критик // *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 415–438.

[2] См., напр.: *Фет А. А.* Из деревни. Заметки о вольнонаемном труде // *Фет. ССиП.* Т. 4. С. 121–388, *474–551.*

[3] Не были опубликованы при жизни Фета статья о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) и «Что случилось по см<ерти> Анны Кар<ениной> в „Русск<ом> в<естнике>“» (1877). Впервые они были обнародованы лишь в 1936 и 1939 гг. соответственно: *ЛН.* Т. 25–26. С. 479–544; Т. 37–38. С. 231–238. См. также: *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 195–259, *458–482*; 308–315, *493–503*.

[4] Впервые: Литературная библиотека. 1867. Т. 5. Кн. 7/8. Апрель. С. 48–69; Т. 6. Кн. 9. Май. С. 298–316. См. также: *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 274–307.

давания классических языков в гимназии. С 1866 года, когда министром народного просвещения стал Д. А. Толстой, начинает готовиться реформа гимназического образования, которая была осуществлена 19 июня 1871 года. Ее суть заключалась в том, чтобы не допускать в университеты выпускников реальных училищ, вернуть в классические гимназии изучение древнегреческого языка и авторов и значительно увеличить число часов по древним языкам. Не только радикально-демократическая общественность, но даже и такой знаток античности, как И. С. Тургенев приняли начинающуюся реформу в штыки. Школьный классицизм воспринимался как способ отупления молодежи, отвлечения ее от нужд и проблем современности. Об этом свидетельствовали пародии Буренина, статьи М. М. Стасюлевича и др. Так, например, В. П. Буренин в «Песни о Педефиле и Педемахе» (1871) иронически ставит в один ряд «Порицание порядка, / Непочтительность к властям, / Недостаток уваженья / К греко-римским словарям. / Вредный дух демократизма…». Светлое будущее России, с точки зрения официозной пропаганды, Буренин изображает так: «*…к величью* / Русь пойдет на всех парах. / Нигилизма дух исчезнет / Навсегда — и россов род, / Классицизмом просвещенный, / Власть над миром обретет».[5]

Отражая мнение противников классического образования, М. М. Стасюлевич писал в послесловии к статье С. М. Соловьева: «Древняя цивилизация, выразившаяся в произведениях ее философов, поэтов, историков, оказалась бессильною, чтобы спасти свое общество <…>. Если же классическая литература, классическая философия оказались бессильными воспитательными началами даже у себя дома, на родной почве, то как понять то общеобразовательное значение, какое хотят придать классической литературе в наше время!».[6]

Как убедительно доказано Н. П. Генераловой, сама статья Фета появилась как продолжение дискуссии с И. С. Тургеневым,[7] о взглядах которого можно судить по письму от 6 (18) сентября 1871 года: «Я вырос на классиках и жил и умру в их лагере; но я не верю ни в какую Alleinseligmacherei (единственную дорогу к спасению. — *нем.*) — даже классицизма — и потому нахожу, что новые законы у нас положительно не-

---

[5] См.: Поэты «Искры»: В 2 т. Л., 1987. Т. 2. С. 332–333 (Б-ка поэта). Курсив наш. — *А. У.*

[6] [*Стасюлевич М. М.*] <Послесловие редактора к статье С. М. Соловьева «Наблюдения над историческою жизнию народов»> // *ВЕ*. 1869. № 12. С. 540.

[7] *Генералова Н. П.* Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. А. Фета // *РЛ*. 2006. № 1. С. 274–276.

справедливы, подавляя одно направление в пользу другого. <…> Классическое, как и реальное, образование должно быть одинаково доступно, свободно — и пользоваться *одинаковыми* правами».[8]

В этом контексте статья Фета воспринималась частью общества как манифест даже не умеренного консерватизма, а реакционности.

Однако, если обратиться к истории вопроса, преподавание древних языков в России далеко не всегда ассоциировалось с мрачной казенщиной. В первой трети XIX века в соответствии с европейскими стандартами знание античности мыслилось неотъемлемой чертой элитарного дворянского образования. В 1830-е — 1840-е годы, на которые пришлась юность Фета, преподавание латыни и древнегреческого получило еще более широкое распространение — оно было, стараниями С. С. Уварова, введено во всех гимназиях. По свидетельствам выпускников тогдашних гимназий (мы в данном случае можем ориентироваться на сборник воспоминаний «самой классической» 3-й Санкт-Петербургской гимназии[9]), несмотря на трудности обучения, даже на телесные наказания, для тех, кто прорывался к чтению классиков в подлиннике, — это был настоящий глоток свободы. Где еще в открытой печати молодежь могла прочитать, например, что следует повиноваться только тем государственным законам, которые не противоречат закону нравственному («Антигона» Софокла), или же, проходя трагедии Эсхила или «Историю» Геродота, уяснить, что демократия предпочтительнее деспотии, где все граждане — рабы одного властителя, что единоличный владыка — всего лишь человек, а потому неизбежно впадет в ошибку и погубит государство, что почетнее быть прикованным к скале, как Прометей, чем пресмыкаться перед тираном. С этими идеями подростки знакомились, не только читая авторов, но уже выполняя самые первые школьные переводы отрывков классиков.

Недаром в рамках общего наступления на гуманитарные, «вольнодумные» предметы в 1849 году, с началом «мрачного семилетия», оказалась похоронена идея С. С. Уварова о классическом образовании в гимназиях, почти всюду был исключен греческий язык (и, соответственно, авторы), резко сокращены часы преподавания латыни.

Если беспристрастно прочесть статью Фета — обращает на себя внимание широта взгляда на проблему классического образования. Почувствовав новые веяния, вдохновленный попытками властей провести

---

[8] *Тургенев. Письма.* Т. 11. С. 133.

[9] См.: Петербургская 6. Третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923.

одну из величайших в истории России реформ, Фет пишет программное публицистическое эссе, движимый именно реформаторскими идеями. Он ставит вопрос не только об изучении древних языков, но и о роли античной культуры в деле воспитания нового поколения и еще шире — о роли античного наследия в современном мире, и прежде всего — в России.

Не забудем, что классическая гимназия задумывалась как преддверие университета, в России существовало множество других форм обучения. Фет даже рисовал восходящие круги воспитания, среди которых гимназия и университет — высшие. В конце концов, по его мысли, «идеальный круг воспитания наконец почти сольется с идеальным кругом европейского всестороннего образования».[10] Таким образом, в классических гимназиях должна обучаться будущая интеллектуальная элита страны — и о способах ее умственного и нравственного воспитания размышляет Фет. Примечательно, что эта идея осталась непонятой. Так, даже в статье современных исследователей говорится: «Эта позиция оказывается на поверку весьма демократична: она исходит из того, что возможности каждого человека безграничны» и, соответственно, нужно «давать классическое образование каждому человеку вне его социальной принадлежности». Позиция Фета, по мнению авторов, представляется не лишенной «некоторой степени утопичности».[11]

В начале статьи, обрисовывая современное состояние общества, Фет противопоставляет два подхода к жизненным явлениям. Само время реформ ставит девизом «разумность, сознательность». Но повсеместно торжествует иной подход — сиюминутное, беглое, частное перескакивание с одного на другое. Девиз времени — «вперед! вперед! некогда».

Как и в статье о романе Чернышевского «Что делать?», Фет дает этому явлению название «сектаторство». Само изобретение этого хлесткого термина подтверждает мысль Фета о важности владения древними языками. Именно его виртуозное владение латынью помогло создать новый многозначный термин, возможно, напрасно забытый. Этот термин не тождественен сектантству (слово, происходящее от слов *sequor* — следовать, *secta* — путь, учение), хотя действия радикально настроенных общественных кругов, исповедующих социалистические идеи, явно ассоциируются в сознании Фета с сектантством. Слово «сектатор-

[10] *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 295.

[11] *Сорочан А. Ю., Строганов М. В.* А. А. Фет как литературный критик. С. 430–431.

ство» произведено от двух различных глаголов — *sector, sectatus sum, sectari* — следовать, в латыни существует производное от него — *sectator* — сопутствующий, последователь (так в Риме называли и паразитов — прихлебателей на чужих пирах). Но явственно звучит и корень от слова *seco, sectus sum* — резать, стричь, косить, оскоплять, расчленять. Если учесть контекст, объявляющий сектаторов порождениями и воплощениями мрачного хтонического чудовища Пифона, то зловещий смысл этого термина несомненен.

Поверхностность, бойкое невежество сторонников «реального образования» — лишь симптомы более серьезной болезни. С точки зрения Фета, беда в том, что невежество вечно строит «узкую, близорукую систему»,[12] отличительные черты которой — тупость, ограниченность, неспособность к широте взгляда, склонность к догматизму и агрессивность — все то, что является антиподом духовной свободы. Кого имеет в виду Фет? Сектаторы — те, кто (корыстно или бескорыстно), руководствуясь слепой догмой, не сообразуясь с сутью жизненных явлений, пытается живую жизнь загнать в рамки своих теорий, как, например, поступают социалисты, которых в статье о романе Чернышевского Фет подверг остроумной и жесткой критике. Зловещий оттенок придает происходящему то, что сектаторы действуют не бессмысленно. Жажда упростить образование, обучать набору бессвязных умений и фактов может привести к узости, навязать несамостоятельное, рабское мышление. «Признать очевидность духовной иерархии не входит в их расчет. Долой авторитеты! кричи, что все науки равноправны! <…> А коли они равноправны <…> то чистый расчет — отстаивать самую теснейшую специальность, знакомство с которой требует наименьших трудов, наименьшей умственной гимнастики, пропади они!».[13] Отсюда и озлобление тех, кто выступает против образования классического.

Пифону и его порождениям Фет противопоставляет светлое, гармоничное, аполлоновское начало. В современных категориях его можно назвать *системным подходом*. Сектаторы взывают к фактам, доступным непосредственному анализу, — Фет согласен, что без анализа не существует науки, но, руководствуясь только им, невозможно дойти до последних пределов, точно так же, как, усвоив массу фактов из области точных и естественных наук, невозможно исчерпывающе ответить на вопрос, что такое рюмка.[14] И если сторонники реального образования

---

[12] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 279.

[13] Там же. С. 287.

[14] Там же. С. 278–280.

предлагают анализ, то синтез выше анализа, это поэзия, постижение гармонической правды путем воссоздания. Гуманитарные, человековедческие науки — «humaniora» — изучают сущность, смысл явлений. Фет не отрицает важность специалистов, — но над ними, «на вершине громадной пирамиды разделенного труда» должен стоять философ-мыслитель[15] — и именно так выглядит «духовная иерархия» наук.[16]

Так от частных вопросов Фет поднимается до осмысления всей человеческой деятельности: «Вечно расширяя кругозор и изощряя зрение, стараться с вершины нравственной пирамиды угадать смысл „открытой тайны“, трепетно служить этому призванию и сознавать, что тайна навек останется тайной — вот безотрадная судьба humaniora»[17] — но это и есть «высшее торжество человека».

Фет видит давние корни борьбы, так сказать, бога света Аполлона с порождением духовного мрака — Пифоном. Он сравнивает два типа культуры, два типа цивилизации. Один — основанный на книжной культуре — является, в сущности, консервативным, неподвижным, где первоначальная книга преданий — основа культуры и ее же идеал (так Фет охарактеризовал восточный и средневековый тип цивилизации — «какая-то консервативная змея, укусившая свой хвост»).[18] Но существовал другой тип культуры: «Один только древний грек — этот благоуханный цветок человечества — всем гармоническим существом вынес на свет Божий атмосферу всесторонней культуры». Только греческий идеал — «убил Пифона, этого змия неподвижности и мрака».[19] Только греки передали римлянам и завещали векам «откровение всестороннего образования» — Фет сравнивает его с прометеевским огнем. «И Европа ревностно блюдет завещанный ей священный огонь. Все ее музеи, академии, книгохранилища, школы, судилища, театры, цирки — не что иное, как светильники этого огня».[20]

В чем же Фет видит всемирную заслугу греков? «Греческий красавец Геркулес навсегда расчистил Авгиевы стойла тупого, одностороннего сектаторства».[21] Здесь Фет затрагивает весьма сложную проблему так называемого «греческого чуда» — невиданного расцвета культуры,

---

[15] *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 286.
[16] Там же. С. 287.
[17] Там же. С. 290.
[18] Там же. С. 294.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 295.
[21] Там же. С. 296.

основанного на соревновательном, агональном начале. Греция достигала величайших высот именно тогда, когда торжествовала широта взгляда, отсутствие предуказанных догм, соревнование идей, свобода мысли и свобода слова — то, что ненавистно «тупому сектаторству». Именно этот идеал греки сумели передать римлянам и завещать векам. «Идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека».[22] Под таким углом зрения гибель античности осмысляется как временное торжество Пифона: варвары, разрушившие Рим, — узкие сектаторы, приверженцы мировоззренческой узости, упрощения. Именно в таких категориях Фет размышляет о Средних веках: «Было время, когда Пифон, в образе стоглавой внешней силы варваров, нагрянул на своего лучезарного врага и похоронил его под величавыми обломками его же собственного святилища. Но Феникс возродился, и духовному миру дана возможность снова согреваться в лучах всестороннего образования».[23]

Однако теперь обстоятельства переменились: современные люди — потомки варваров, а не греков. Фет до предела обостряет свою мысль. Грек — «чадо золотого века, которому не нужно трудиться, чтобы быть человеком культуры». Современный человек — «сын железного века, и без труда для него нет культуры, — и если он желает быть сопричастным единственно всесторонней культуре, то нужно прежде, чтобы Аполлон убил в нем Пифона».[24] *То есть нужно убить Пифона в себе.* «Для древних Пифон был вне, в теперешнее время он с нами, он в нас самих. Стоит нам только забыть непосредственное общение с богом света — и наш родимый варварский Пифон в ту же минуту с яростью подымает тысячи черных, узких, сектаторских голов своих».[25]

По мнению Фета, сектаторы опасны именно лицемерием: хлопоча о насущной пользе, о реальном образовании, «Пифоны» отказываются принять интеллектуальный, нравственный багаж, накопленный античностью, то, что отличает цивилизованного человека от варвара.

В конечном итоге «Пифоны» выказывают, чем именно им так враждебна завещанная древними культура: «Они не могут ей простить благоговения перед высшими проявлениями духа: наукой и искусством», «поборники мрака» хотят низвести их до уровня будничных полезных ремесел.[26]

---

[22] Там же. С. 295.
[23] Там же. С. 297.
[24] Там же. С. 296.
[25] Там же. С. 297.
[26] Там же.

Отвечая на вопрос: почему будущей элите необходимо изучать культуру античности, Фет говорит в необычайно возвышенном тоне.

Во-первых, только приобщение к великой сокровищнице древней мысли может воспитать философа-мыслителя: только он стоит на громадной вершине пирамиды человеческой деятельности. «Только он один <…> задает вопросы всему мирозданию, только он имеет на то возможность, а следовательно, и право. Только он один — всеозаряющий, просящийся к небу огонь на вершине жертвенника. Задуйте этот огонь — и все здание со всеми неисчисленными сокровищами, накопленными веками, потонет в безразличном мраке. Погасите внутренний, верховный смысл предметов и их взаимных отношений — и вы осудите все факты на хаотическую бессмыслицу». Всеобщая и естественная история, опытные и математические науки «потеряют смысл, что равносильно небытию».[27]

Во-вторых, изучение древней культуры — это единственный путь приобщения к европейскому пути развития, ведущему от античности через Возрождение. Фет не идеализировал Европу, еще менее он стремился на русской почве искусственно вырастить европейца, «попугая европейской культуры, принимающего на веру все ее симпатии и антипатии».[28] «Воспитание всякого русского, кто бы он ни был и к чему бы он себя ни предназначал, прежде всего должно быть русским», — писал он, возможно, полемизируя с Тургеневым.[29] Однако он прекрасно осознавал, что «идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека. В этом — его существенное различие от всех остальных идеалов образования. <…> Факт всемогущества Европы <…> у всех перед глазами. Народу, не желающему неподвижности летаргии, духовного и вещественного рабства и, наконец, политической смерти, не остается ничего другого, как примкнуть к европейскому идеалу образования».[30] Фет считал, что только приобщение к классической культуре способно помочь российским интеллектуалам, а вслед за ними и другим слоям населения приобщиться к всеевропейскому, мировому культурному наследию — и это облегчит России вхождение в европейскую семью народов, позволив яснее понять, что роднит Россию и Запад. Античность — это общие корни и западной, и русской культуры, то, благодаря чему мы можем ощутить родство с Европой, оказываемся способными слышать и понимать друг друга.

---

[27] *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 286.

[28] Там же. С. 305.

[29] Там же. С. 293.

[30] Там же. С. 295.

В-третьих, Фет, разумеется, призывал не к поголовному изучению древних языков, а к созданию умственной и нравственной аристократии. Это становилось первоочередной задачей в России, где только что были законодательно отменены сословные различия. Изучение древних языков должно было послужить великолепной гимнастикой ума (эту идею Фет вынес еще из пансиона Крюммера, считавшего, что упражнять мозг следует именно древними языками и математикой, самыми стройными, логически-четкими предметами, где можно последовательно подниматься с низшего на высший уровень; эти предметы дают не знания, а умение четко и системно мыслить). Но главное — это нравственное воспитание, выработка широты взгляда, свободы духа. Фет не раз повторял, что весь духовный строй древней Греции — возвышенный, героический. Воспитанная таким образом молодежь станет новой российской «нравственной аристократией» — но уже не по рождению, не по крови. Человек «делается сопричастным ей в силу доблестнейших проявлений духа, в силу любви, а не озлобления, в силу сосредоточенности, а не разбросанности и надломленности, в силу благодатного труда, а не завистливой праздности».[31]

Фет считал, что именно в эпоху реформ России на ее бескрайних просторах нужны не узкие специалисты: «При возникающей у нас гражданской самодеятельности какая громадная возникает потребность в людях всесторонне-европейского образования!»,[32] новой элиты, владеющей не только анализом, но и синтезом, фундаментальными познаниями в гуманитарной области. Именно они будут иметь возможность совершать в сложной пореформенной обстановке в России осмысленный и этически верный выбор.

Идеи Фета, к сожалению, не были воплощены в жизнь. После реформ 1871 года не художественные особенности великих античных произведений и не их проблематика были поставлены во главу угла. Программа делала основной упор на каторжное, унылое, начетническое изучение грамматики и ее тонкостей (заметим, в противовес прежней, уваровской концепции). Уроки заполнялись не осмысленным чтением и комментированием древних авторов, а дружно ненавидимыми «extemporalia» — устными переводами с русского на латынь и греческий.

Этому осталось множество свидетельств. Вот как воспринимал школьную античность ученик классической гимназии Д. С. Мережковский (поэма «Старинные октавы»):

---

[31] Там же. С. 301.

[32] Там же. С. 307.

От слез дрожал неверный голосок
Когда твердил я: lupus… conspicavit…
In rupe pascebatur…[33] и не мог
Припомнить дальше; единицу ставит
Мне золотушный немец-педагог.
Томительная скука сердце давит <…>

Читал Платона Бюрик — не педант,
Напротив, весельчак, но злейший в мире,
Весь белый, бритый, выхоленный франт,
В обрызганном духами вицмундире;
К жестоким шуткам он имел талант.
Того, кто знал урок, оставив в мире,
Он робкого лентяя выбирал
И долго с ним как с мышью кот играл.[34]

Конечно, и этот способ обучения не прошел даром — всплеск поэзии Серебряного века, ее интерес к античности объясняются не в последнюю очередь насильственным классическим образованием.

Но, как бы то ни было, главная мысль статьи Фета остается непонятой, хотя и спустя столетие, на рубеже XX–XXI веков, в свете продолжающихся реформ школьного образования ее актуальность не уменьшается. Фет первый в истории отечественной педагогики четко заявил: знание фундаментальных для европейской культуры древних языков и литературы не может способствовать немедленному успеху в конкретном виде деятельности и в целом не несет в себе узко-практической, сиюминутной выгоды. Но человек, получивший целостное гуманитарное образование, изучающий древние языки и способный без посредников погрузиться в мир античной культуры, проявляет больше устойчивости в сложных, кризисных обстоятельствах, способен на независимость суждений, «в большинстве случаев неуязвим со стороны известных лжеучений»,[35] меньше поддается оболваниванию и провокациям, способен противостоять стадным инстинктам, и в конечном итоге ему становится доступна та духовная свобода, без которой человек не может состояться как личность.

---

[33] волк… увидел… / Пасущихся на горе… (*лат.*).
[34] *Мережковский Д. С.* Собрание стихотворений. СПб., 2000. С. 496, 517.
[35] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 301.

А. В. Ачкасов

А. ШОПЕНГАУЭР В «ДВУХ ПИСЬМАХ О ЗНАЧЕНИИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В НАШЕМ ВОСПИТАНИИ» ФЕТА

Социофилософско-педагогическое эссе А. А. Фета «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании», опубликованное в 1867 году в «Литературной библиотеке»,[1] непосредственно связано с полемикой о реальном и классическом образовании, развернувшейся тогда в России. Контекст этой полемики и позиция Фета по данному вопросу освещены в статье Н. П. Генераловой,[2] которая, кроме того, убедительно показала, что эта работа самым тесным образом связана с педагогической дискуссией Фета и И. С. Тургенева, а адресатом «Писем» является сам Тургенев. Вместе с тем «Два письма…» представляют собой не только развитие дискуссии с Тургеневым и полемический отклик на аргументы, высказанные в печати в пользу реального образования, но и самостоятельную работу, в которой Фет обозначил свою позицию по ряду принципиальных вопросов, касающихся воспитания и образования. При этом и сама позиция Фета, и, как будет показано ниже, аргументы, которые он высказывает в пользу классического образования, напрямую связывают его эссе с «Parerga und Paralipomena» А. Шопенгауэра.[3]

---

[1] См.: Литературная библиотека 1867. № 7–8. С. 48–69; № 9 С. 298–316. См. также: *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 274–307.

[2] *Генералова Н. П.* Об адресате «Двух писем о значении древних языков в нашем воспитании» А. А. Фета // *РЛ.* 2006. № 1. С. 274–276.

[3] *Schopenhauer Atrhur.* Parerga und Paralipomena. Leipzig, 1851. Далее: *Parerga und Paralipomena.*

Выше жанр «Двух писем…» был определен как социофилософско-педагогическое эссе. Такое определение соответствует общему направлению мысли Фета, однако далеко не все тезисы этой работы укладываются в него. Первое «Письмо» представляет собой довольно эклектичный ряд социофилософских, эстетических и гносеологических тезисов, излагающих в сжатой, афористичной форме некоторые положения немецкой классической и романтической философии. Воедино эти тезисы связывает мысль о трех возможных путях ответа на «врожденный запрос бесконечного»,[4] поиск «удовлетворения врожденной жажде истины»,[5] которые предлагают религия, искусство и наука. Вопрос о религии Фет закрывает сразу же и уже не возвращается к нему.[6] Основное внимание он уделяет искусству и науке как двум разным, противоположным, но в конечном итоге сходящимся воедино путям ответа на этот вопрос. Аргументы Фета направлены не против естественных наук как таковых, хотя они, в отличие от искусства, и обращаются за ответами к «внешней природе», а против специализации знания и обучения, которая препятствует формированию самостоятельности мышления.

Второе «Письмо» Фета посвящено вопросу разграничения образования и воспитания, а также проблеме «всеобщего образования». Если в первом «Письме» Фет признает, что главная задача воспитания — «провести неопытный ум через ту духовную гимнастику, посредством которой самостоятельный мыслитель дошел до известного результата»,[7] то во втором «Письме» воспитание он понимает в узко-этнографическом смысле и рассуждает как этнолог-позитивист. Воспитание, по мысли Фета, представляет собой «постепенное приравнивание еще неразвитого индивидуума к той среде, в которой ему предназначается самостоятельно вращаться».[8] Человека воспитывает среда — «низкая притолока, тонкий лед, предание, обычай, вера, положительный закон, пример других и, наконец, образование»,[9] — и поэтому воспитание может быть только национальным. Иными словами, воспитание для Фета — это формирование социальной и культурной идентичности внутри определенной социокультурной общности. Формы таких общностей многообразны, и поэтому идеал воспитания «бесконечно подвижен».

---

[4] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 277.

[5] Там же. С. 278.

[6] Там же. С. 277–278.

[7] Там же. С. 276.

[8] Там же. С. 292.

[9] Там же. С. 293.

Воспитанию в этом смысле слова Фет противопоставляет концепцию «всестороннего образования», которое восходит к античной (греческой) культуре и через римскую культуру завещано Европе. Это противопоставление основано на идеализации греческого идеала «всесторонней культуры»,[10] а вместе с ним и европейского образования.

Тезис, сформулированный в названии «Двух писем…», не раскрыт в них напрямую. Только завершая первое «Письмо», Фет упоминает о значении классических языков для науки и образования Европы. Второе «Письмо», по сумме высказанных в нем мыслей, посвящено обоснованию концепции «всеобщего воспитания», но никак не обоснованию необходимости изучения древних языков. Для Фета связь между одним и другим бесспорна, а «всестороннее образование» и изучение древних языков — синонимы.

Цель «Двух писем…», заявленная в названии, — обоснование необходимости изучения древних языков — достигается не столько за счет прямого разъяснения этой необходимости, сколько путем философско-афористичного обоснования необходимости для всесторонне образованного человека быть сопричастным античности как типу мышления, искать ответ на «врожденный запрос бесконечного», специализируясь в практически-ориентированных, узких областях знания, тем не менее видеть их место в философско-мировоззренческой системе, видеть истинное, а не только целесообразное.

Эти основные мысли, философско-афористический нарратив, виртуозное владение которым демонстрирует Фет, и идея о необходимости изучения древних языков для «всеобщего гуманитарного образования» напрямую связывают «Письма» Фета с эссе Шопенгауэра, собранными под общим названием «Parerga und Paralipomena», точнее, со вторым томом этого сочинения, куда вошли, в частности, такие работы, как «О языке и словах», «Об учености и ученых», «О книгах и чтении» и «О самостоятельном мышлении».

В своих размышлениях Шопенгауэр неоднократно обращается к вопросу об изучении древних языков. Его мысли на эту тему в совокупности представляют собой довольно стройную систему и высказаны столь эксплицитно, что в английском переводе «Parerga und Paralipomena» появился отдельный раздел (отсутствующий в немецком издании), озаглавленный «Об изучении латинского языка» («On the Study of Latin»),[11] куда вошли фрагменты из ряда других эссе.

---

[10] Там же. С. 293–295.

[11] Complete Essays of Schopenhauer. New York: Willey Book Company, 1942.

В рассуждениях немецкого мыслителя и Фета можно найти много общего. Аргументация, направленная на обоснование значения изучения древних языков, в «Письмах» Фета представлена лишь одним тезисом. По мысли Фета, воспитание «всесторонне-образованного человека», «не попугая европейской культуры», а человека, «самобытно ей сопричастного», возможно только через изучение древних языков: «Если такова действительно ваша цель, то на каком же основании вы отнимаете у воспитанника единственное средство самобытной сопричастности этой культуре — знание древних языков?».[12] Эта сопричастность для Фета означает «самобытность деятельности ума», в этом состоит для него суть «всестороннего образования». Химия, физика, ботаника, математика и даже изучение современных европейских языков не могут заменить изучения древних языков именно в силу того, что они не могут «возбудить самобытную деятельность ума».

Лучший способ овладеть новейшими языками, согласно Фету, — механическое заучивание фраз.[13] Этот способ неприменим к древним языкам: «Не тот овладел латинским или греческим языком, кто запомнит наибольшее количество вокабул и фраз, а кто путем умственного труда и самостоятельного мышления вдумался в совершенно чуждый строй и порядок представлений. Употребление малейшей частицы связано со строго логическим отчетом перед самим собою. Вот где скрывается трудность изучения древних языков и незаменимая заслуга их в деле умственного образования».[14] Таким образом, не древние языки как носители античных идеалов образования и науки, которые хранит Европа, а древние языки как логическая задача, как умственное упражнение важны для образования. Важным для Фета оказывается сам строй языка, который требует «логического отчета перед самим собой».

Подобным образом рассуждает и Шопенгауэр. Приведенная выше мысль Фета является, по сути, парафразой тезиса из эссе Шопенгауэра «О языке и словах»: «…при изучении иностранного языка мы должны разметить в своем сознании границы новых представлений: как следствие изучения иностранного языка в сознании возникают новые понятийные сферы (Begriffssphären). Таким образом, мы узнаем не просто новые слова, мы приобретаем представления. Это особенно относится к изучению древних языков, так как способ выражения мыслей у древних отличается от нашего значительно больше, чем способы выраже-

---

[12] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 305.

[13] Там же. С. 303–304.

[14] Там же.

ния мыслей в современных языках».[15] Эту мысль Шопенгауэр повторяет многократно и развернуто обосновывает на многочисленных примерах. Об изучении латыни он говорит, в том числе, и как о способе развития мышления, «упражнении для ума».[16]

Наиболее полное воплощение эти мысли находят в тезисах о значении древних языков для мышления и образования: «Не знать латинского языка это все равно что оказаться в прекрасной местности в туманный день. Горизонт очень близко. Ничего не увидеть ясно кроме того, что находится в непосредственной близи; в нескольких шагах все теряется в неопределенности. Горизонт латиниста широк, он простирается от нового времени через средние века до античности. Знание греческого или даже санскрита раздвигает горизонт еще шире».[17]

Сравнение древних языков с новыми оказывается не в пользу последних. Новые языки Шопенгауэр неоднократно, и не только в цитируемом эссе, называет жаргонами: «Как известно, языки, особенно в отношении грамматики, тем совершеннее, чем они старше, и постепенно становятся все примитивнее, по нисходящей, от высокого санскрита к английскому жаргону, этому скомпилированному из разнородных лоскутов одеянию мысли».[18] Такая оценка новых европейских языков, отношение к ним как к жаргонам, которые, в отличие от древних языков, не способны полноценно выражать философскую мысль, находят выражение в тезисе Фета о том, что изучение новых европейских языков не может заменить изучения древних языков: «Новейшие языки? Но лучший способ научиться им — практический, т. е. тот, которым учат попугаев повторять ту же фразу на нескольких языках».[19] Общим для Фета и Шопенгауэра является само противопоставление древних и новых языков по признаку их совершенства.

Еще в большей степени совпадает ход мысли Фета и Шопенгауэра в рассуждениях о переводе. В эссе «О языке и словах» Шопенгауэр неоднократно касается вопроса перевода с латыни и на латынь, и этот вопрос для него тесно связан с изучением языков. Он пишет: «…для того чтобы передать мысль на латыни, ее нужно переплавить и отлить заново; при этом мысль распадается на первичные элементы, которые в переводе перекомпонуются. В этом и состоит польза изучения древ-

---

[15] *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 603. Здесь и далее перевод мой. — *А. А.*

[16] Ibid. S. 605.

[17] Ibid. S. 606.

[18] Ibid. S. 599.

[19] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 303.

них языков для мышления (Geist[20]). Только после того как усвоены все понятия, выражаемые в изучаемом языке отдельными словами, когда каждое слово оказывается связанным в сознании с называемым им понятием непосредственно, а не через перевод этого слова на родной язык, — ведь таким образом понятие изучаемого языка оказывается опосредованным понятием родного языка, а эти понятия не совпадают, что верно не только для слов, но и для фраз; только тогда можно познать *дух* (Geist) языка и сделать большой шаг к пониманию нации, которая на нем говорит».[21] Мысли Фета о переводе в первом «Письме» перекликаются с мыслями Шопенгауэра. Особенно это очевидно при сопоставлении рассуждений Шопенгауэра и Фета о несовпадении объема значений слов, выражений. Говорит Шопенгауэр, в частности, и о внутренней форме глагола *stehen*, в сравнении с его французским эквивалентом.[22] Не эти ли мысли подсказали Фету его известный афоризм, в котором он обнаруживает «целую бездну» между представлениями, стоящими за выражениями «город городится» и «die Stadt steht»?[23]

И все же не тезисы о значении древних языков для образования в наибольшей степени роднят рассуждения двух мыслителей. В этом отношении или, во всяком случае, в отношении рассуждений о переводе можно говорить о простом совпадении их позиций или об общности теоретических предпосылок, ведь подобные представления вообще характерны для немецкой романтической мысли. Наиболее убедительным доказательством связи «Писем» Фета и эссе Шопенгауэра является общность «формулы», связывающей воедино представления о «всеобщем гуманитарном образовании» (воспитании)[24] (allgemeine Humanitäts-

---

[20] Шопенгауэр употребляет слово Geist в гумбольдтианском смысле — это одновременно и мышление, и сознание, и дух как некая совокупность представлений. На русский язык оно, по сложившейся традиции, передается и словом «мышление», и словом «дух», в зависимости от контекста.

[21] *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 605.

[22] Ibid. S. 602.

[23] Идея о воплощенных в языке представлениях, которую Фет высказывал неоднократно, связывает строй его мысли, с одной стороны, с гумбольдтианством, а с другой — с идеями А. А. Потебни, который, по мнению Г. О. Винокура, мог бы позавидовать формулировке Фета (*Винокур Г. О.* Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 249).

[24] Особого внимания заслуживает терминология, которой пользуется Фет. Понятие «Bildung», к которому прибегает Шопенгауэр, означает одновременно и воспитание и образование, которые Фет разделяет, но которые совмещаются, в соответствии с его мыслью, в «высшем круге» воспитания. Это совмещение и дает в конеч-

bildung), древних языках и вреде, который наносит образованию и знанию в целом их специализация. Оба мыслителя сходятся во мнении, что всеобщее гуманитарное образование требует знания древних языков, а специализация знания и, так сказать, «разделение языков» науки (у Шопенгауэра речь идет и о «разделении» европейских языков) ведут к «изгнанию» классических языков из образования и в конечном итоге к отказу от всеобщего образования.

О специализации знания и, как следствие, специализации образования Фет и Шопенгауэр говорят неоднократно. В ряде случаев совпадает не только общая логика рассуждений мыслителей, но и конкретные аргументы:

А. Шопенгауэр	**А. А. Фет**
…узкоспециализированный ученый уподобляется фабричному рабочему, который всю свою жизнь не делал ничего, кроме одного специфического винтика, крючка или ручки для какого-нибудь конкретного инструмента или механизма, и в этом он, без сомнения, достигает наивысшего мастерства. Узкоспециализированного ученого можно сравнить с человеком, который никогда не выходит из собственного дома. В доме ему известно совершенно все, каждая лесенка, каждый угол, каждая балка <…> Гуманитарное воспитание (образование) (Buldung zur Humanität), напротив, требует разносторонности (универсальности) и широкого охвата и, таким образом, ученость в высшем смысле требует всеобщего знания (Polyhistoria[25]). Кто же хочет стать философом вполне, должен свести воедино самые отдаленные ветви человеческого знания, иначе им никак не сойтись. Лучшие представители мысли никогда не	…загляните на оружейный завод: один делает только ложе, другой только пружины, гайки, винты и т. д., и каждый в своем деле необходим, каждый может сказать в нем новое, небывалое слово и завещать его всему миру; без каждого из отдельных тружеников не выйдет никакого ружья. <…> При разделении труда легко может быть, что на отдаленном горном заводе первостатейный специалист по части рельсов во всю жизнь не увидит железной дороги и не имеет ясного понятия об общем ее устройстве; это обстоятельство нисколько не мешает ему стоять на высшей ступени своей специальности и даже двигать ее вперед. <…> Все сказанное нами о материальном разделении труда вполне приложимо к делу науки. Во всеобъемлющей ее лаборатории только философ-мыслитель стоит на вершине громадной пирамиды разделенного труда. Только он один, снабжен-

ном итоге значение немецкого «Bildung». Понимая недостаточность для своей аргументации терминов «образование» и «воспитание», Фет использует латинский термин *humaniora* и в одном случае передает его на русский язык выражением «общеобразовательное воспитание», в другом использует термин «всестороннее развитие».

[25] В средние века термином polyhistoria обозначалась сумма знаний данной эпохи.

станут узкими специалистами. Предмет их внимания — проблема бытия как такового, и каждый из них в той или иной форме дает о нем человечеству новые сведения.[26]	ный последними словами отдельных деятельностей, задает вопросы всему мирозданию, только он имеет на то возможность, а следовательно, и право.[27]

В контексте эссе Шопергауэра «Об учености и ученых» этот тезис напрямую связан с изучением древних языков. Ему предпослана мысль о том, что, наряду со специализацией знания, именно пренебрежительное отношение к изучению древних языков обусловило снижение значения и даже отказ от всеобщего гуманитарного образования (воспитания): «А если к этому (к специализации знания. — *А. А.*) добавить еще и то, что сегодня все чаще недооценивают значение изучения древних языков, изучать которые только наполовину не имеет смысла, и что в результате упраздняется всеобщее гуманитарное образование, то скоро мы увидим ученых, которые за пределами своей специальности будут настоящими болванами».[28]

У Фета и Шопенгауэра мысль о непосредственной связи специализации знания, образования и деятельности «обрастает» многочисленными примерами и афоризмами, при этом значительная их часть совпадает по общему ходу мысли, а иногда и в конкретных примерах. Разумеется, нельзя говорить о том, что Фет «списал» свои статьи с Шопенгауэра, скорее он переосмыслил тезисы немецкого мыслителя с учетом конкретной полемики и российских реалий. Тем не менее «совпадений» в размышлениях Фета и Шопенгауэра множество, и они выходят за рамки указанной «формулы». Тезисы Фета о книге как «краеугольном камне известного миросозерцания» и о «книжном образовании», о самостоятельности и «гибкости» мышления, отдельные метафоры и образы напрямую связаны с эссе Шопенгауэра. Можно говорить о многократном микроцитировании и текстуальных отсылках на работы немецкого мыслителя.

С учетом всей совокупности таких «совпадений» бесспорной представляется интертекстуальная связь «Писем» Фета и эссе Шопенгауэра. Это тем более удивительно, что Фет лишь дважды упоминает Шопенгауэра, а «Parerga und Paralipomena» цитирует всего один раз[29] и что

[26] *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 520.

[27] *Фет. ССиП*. Т. 3. С. 285–286.

[28] *Parerga und Paralipomena*. Bd 2. S. 520. В переводе Ф. В. Черниговца в этом фрагменте выпущено слово allgemeine — всеобщее.

[29] Завершая первое письмо, Фет также ссылается на мнение Шопенгауэра: «Шопенгауэр — этот заклятый враг педантизма и педантов, отравивших жизнь его,

мысль, на которую ссылается Фет, не связана с изучением древних языков, всеобщим гуманитарным образованием или специализацией знания, то есть с базовой «формулой», роднящей размышления двух авторов. Во втором «Письме» Фет неточно воспроизводит мысль из эссе «О книгах и чтении»: «Требовать от человека, — говорит Шопенгауер, — чтобы он хранил в памяти все прочитанное, — то же что требовать, чтобы он сохранил в желудке всю принятую в жизни пищу. Посредством всего мною прочитанного я сделался именно тем, что я есть». Этой цитатой Фет иллюстрирует свою мысль о том, что «в деле европейского образования известные данные наук менее важны как факты, чем как орудия умственной гимнастики».[30] Речь у Шопенгауэра, однако, идет о том, что из книг человек «усваивает» только то, что попадает в круг его интересов, и что «бездумное» чтение в конечном итоге отупляет человека. Не менее странным представляется и тот факт, что в первом «Письме» для подтверждения мысли о том, что естественные науки не могут полноценно развиваться без философских обобщений и что «специальный закон может быть выведен совершенно ложно только на том основании, что специалист недостаточно развит в деле логического мышления и смешал два сходных, но принадлежащих к разным областям понятия», Фет апеллирует не к Шопенгауэру (подобные тезисы сформулированы в «Parerga und Paralipomena»), а к ботанику М.-Я. Шлейдену.[31] Однако и мысль Шлейдена, вырванная из контекста, приобретает у Фета несколько иной смысл.

Почему Фет, при очевидном совпадении точек зрения по ключевым, принципиальным для «Двух писем…» вопросам, не ссылается напрямую на эссе Шопенгауэра? Ответ на этот вопрос очевиден. Шопенгауэр столь же критично и с тем же, если не с большим сарказмом относится к европейскому образованию и к европейской науке, с которым Фет относится к российским. Критика Фета, в отличие от критики Шопенгауэра, построена на идеализации европейского образования, которое, по его мысли, наследовало античные идеалы.

Таким образом, критика Шопенгауэра и Фета, реализуемая в фактически идентичных аргументах, имеет совершенно разные объекты. Если бы Фет напрямую ссылался на эссе Шопенгауэра, то ему бы неизбежно

говорит: знакомиться с философом по профессорским лекциям — то же, что узнавать оперу по рассказу о ней» (*Фет. ССиП.* Т. 3. С. 292), однако такой цитаты в его работах мне найти не удалось.

[30] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 295.

[31] Там же. С. 291.

пришлось объяснять критическое отношение немецкого мыслителя к европейскому образованию, объяснять, почему Шопенгауэр ошибается в своих суждениях, так как о европейском образовании он говорит ровно то, что Фет — о российском. В сущности, мысли Шопенгауэра об образовании и науке Европы напрямую опровергают краеугольный камень аргументации «Писем» Фета — идеализацию европейского всеобщего образования, образования, которое «не требует во что бы то ни стало специальности».[32] Различие объектов критики, тем не менее, никак не противоречит общности аргументации и логике реализации этой аргументации в «Двух письмах…» Фета и эссе Шопенгауэра.

Значение изучения древних языков для Шопенгауэра состоит в том, что их понятийный строй, их способность выражать мысль намного превосходят «жаргоны» европейских языков, и само их изучение является упражнением для ума. Латынь, согласно Шопенгауэру, это международный язык ученых, всеобщий язык, который избавляет от необходимости усваивать понятийные системы европейских языков. Использование национальных языков, «размежевание границ языка», ведет к непониманию, невозможности сделать мысль всеобщим достоянием, и переводы не решают проблему, так как они являются «суррогатом всеобщего языка ученых». Иными словами, аргументация Шопенгауэра сугубо лингвистическая: античные языки, в силу превосходства своего строя, важны как средство научного общения. Для Фета древние языки также важны прежде всего своим понятийным и грамматическим строем, а их изучение — форма «умственной гимнастики». Однако, не противопоставляя их напрямую несовершенным европейским языкам, а тем более русскому языку, Фет обосновывает их значение как проводников античного мировоззрения, античной концепции «всеобщего образования», наследованного Европой, и таким образом переводит аргументацию в историко-культурную плоскость. Эта особенность аргументации составляет принципиальное отличие позиции Фета от позиции Шопенгауэра, и именно на обоснование генетической связи европейского и античного «всеобщего образования» в значительной степени направлены усилия Фета.

При этом его рассуждения об античном всеобщем образовании и воспитании противоречивы. Он, в частности, то принципиально разграничивает понятия «греческая культура» и «греческое образование», то отождествляет их. Фет неоднократно повторяет мысль о том, что Древняя Греция вынесла «на свет Божий атмосферу всесторонней культуры»,

---

[32] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 295.

завещала римлянам и Европе «откровение всестороннего образования», «прометеевский огонь всестороннего образования».[33] «Классическая древность завещала нам драгоценные плоды своей культуры <…>», — провозглашает Фет, но тут же утверждает, что «завещать можно только плоды образования, а такую отвлеченность, как культура, — нельзя».[34] При этом Фет не проясняет, в чем состоит различие между «всесторонней культурой» и «всесторонним образованием». В конечном итоге не вполне ясно и какое значение Фет вкладывает в понятие греческого «всестороннего образования». Восхищаясь греческой культурой, Фет лишь отмечает, что «взор грека с одинаковым участием обращался ко всему мирозданию»[35] и что «Пифоны» современности не могут простить древней культуре «благоговения перед высшими проявлениями духа: наукой и искусством».[36]

Отношение Фета к греческой культуре может быть лучше всего определено формулировкой В. Виндельбандта — это «неогуманистическая идеализация греческого мира», которая восходит к Ф.-А. Вольфу и В. Гумбольдту и продолжает развиваться в идеях Шиллера, Гёте, Ф. Шлегеля, Гельдерлина. Слова Виндельбандта, которыми он охарактеризовал это направление в своей лекции, озаглавленной «Эстетическо-философская система воспитания», могут быть в полной мере отнесены и к Фету: «И вот перед немецким духом всплыл еще раз как историческая fata morgana греческий мир во всем великолепном сиянии высшего совершенства. Идеал чистого человечества, гармония всех задатков человеческого существа, преодоление противоположности чувственной и сверхчувственной природы, идеал общей духовной жизни, в которой каждый индивид при наибольшем росте своего своеобразия представлял бы все-таки всю общность и переживал бы внутренне вместе с другими все происходящее, — этот идеал наивысшего развития, которого не давало настоящее, должен был все-таки когда-то действительно существовать».[37]

Лучше всего отношение Фета к греческой культуре выражено афоризмом о том, что Пифон находится в нас самих и что современному человеку необходимо убить Пифона в себе. Это, тем не менее, не делает

---

[33] Там же. С. 294.

[34] Там же. С. 296.

[35] Там же. С. 294.

[36] Там же. С. 297.

[37] *Виндельбандт В.* Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 305–306.

более понятным, что именно Фет вкладывает в понятие «всеобщее образование» в отношении греческой культуры.

Содержание понятия «всеобщее образование» проясняется в противопоставлении европейского образования — наследницы древнего мира — и всех других форм образования. Здесь речь идет, прежде всего, о концепции реального образования: «Идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека. В этом — его существенное различие от всех остальных идеалов образования. <…> Факт всемогущества Европы, блистающей во всеоружии всестороннего образования — у всех перед глазами».[38] Преимущество всеобщего европейского образования, по мнению Фета, состоит в том, что оно «не требует во что бы то ни стало специальности».[39]

Последовательный неогуманизм Фета заставляет его связать с идеалом «всестороннего образования» и все практические успехи европейской культуры: «Материальные плоды нравственного общения Европы с древним миром — на глазах у всех».[40] Благодаря «всестороннему образованию, непосредственно заимствованному у древнеклассического мира»,[41] европейцы достигли силы и процветания, сумели достичь того, чего они не смогли добиться крестовыми походами: «Мыслимо ли теперь, при всестороннем развитии сил Европы, какое бы то ни было сопротивление любой восточной народности соединенным силам Европы? Ежедневный опыт показывает, что горсти европейцев достаточно для покорения целых сектаторских народов».[42] «Только благодаря бесценному завещанию классического мира, благодаря прометеевскому огню всестороннего образования — Европа является тем, что она есть — главою и повелительницей всего света, какою в свое время была Римская империя».[43] Именно эти рассуждения, составляющие важнейший компонент аргументации Фета, противоречат тезисам Шопенгауэра об упадке европейской мысли и культуры. В остальном аргументы Фета и Шопенгауэра совпадают.

Если у немецкого мыслителя необходимость изучения древних языков непосредственно связана с проблемой развития знания, то в концепции Фета эта связь опосредована историко-культурными аргументами

---

[38] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 295.
[39] Там же.
[40] Там же. С. 300.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же. С. 294.

о мировоззрении древних греков. Свести воедино лингвистические и историко-культурные аргументы Фету так и не удается. Рассуждая во втором «Письме» о значении изучения древних языков, Фет не проясняет вопрос о том, что собой представляет «совершенной чуждый строй и порядок представлений», который будет усвоен при изучении древних языков, и почему именно он так важен для «всестороннего образования», почему именно через него можно оказаться сопричастным европейской культуре. И напротив, обосновывая и разъясняя неогуманистическую идею «всестороннего образования», провозглашенную греческой культурой, Фет не говорит о том, почему эту концепцию можно постичь только через древние языки. Воедино все эти аргументы «стягивает» название «Двух писем...». В конечном итоге важнейшим, если не единственным достоинством концепции «всеобщего образования», усвоенным идеализированной Фетом Европой, оказывается то, что европейское образование не требует специальности — аргумент, напрямую направленный против реального образования.

Г. В. Петрова

А. А. ФЕТ В ПЕРЕПИСКЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА И АНДРЕЯ БЕЛОГО

Переписка Александра Блока и Андрея Белого традиционно рассматривается как важный этап в становлении религиозно-философской концепции русского символизма. Исследователи уже обращали внимание на то, что в тексте писем Блока и Андрея Белого выделяется большой пласт фетовских цитат и аллюзий, и делали вывод о мощном мировоззренческом и эстетическом влиянии Фета на младших символистов.[1]

Однако еще в 1910 году Н. В. Недоброво, осмысляя опыт символистского, «соборного» освоения Фета, писал о необходимости показать его не как «из мозга в мозг перекатывающуюся лавину», а как «особенную духовную величину», внутри человека существующую.[2]

В переписке Блока и Андрея Белого выделяются два «фетовских» периода: один по преимуществу связан с Блоком и охватывает период 1903–1905 годов, другой возникает в начале 1910-х годов, когда Андрей Белый вдруг «развернется» к Фету.

Действительно, в письмах 1903–1905 годов инициатором фетовской темы выступает почти исключительно Блок. Известно, что обозначенные годы для Блока переходные: здесь пролегает водораздел между разными этапами творческой биографии поэта. Это переход от юношества к зрелости, отход от «эпохи зорь» и ее переосмысление — и в этом процессе Фет занимает одно из ключевых мест.

---

[1] Об этом см.: *Алексеева О. Я.* Рецепция лирики А. А. Фета в творчестве русских символистов (В. Я. Брюсов, А. А. Блок, Андрей Белый): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2003. С. 9.

[2] *Недоброво Н. В.* Времеборец (Фет) // *ВЕ*. 1910. № 4. С. 236–237.

В 1903–1905 годы Блок обращается к имени и наследию Фета в 11 письмах, адресованных Андрею Белому, цитируя стихи разных периодов его творчества: и 1840-х, и 1850–1860-х, и 1870–1880-х — и демонстрируя блестящее знание фетовского текста. Все цитаты Блока удивительно точны.[3]

Открытая аллюзия на Фета возникает уже в самом первом письме Блока от 3 января 1903 года, где он критикует Андрея Белого за «академизм», «намеки» и «подмигивания» в обосновании мысли о новом этапе развития человеческого духа и искусства, обращающихся к религиозному пониманию действительности. Отсылка к Фету появляется в самом конце письма, становясь его полемическим резюме, выводом. «Нам нужно более легкое бремя, данное „бедным в дар и слабым без труда“, — пишет Блок. — И будет легче, когда будет слышнее цветение Вашего сердца».[4] В данном случае Блок использует образность одного из самых известных на рубеже XIX–XX веков лирических шедевров Фета — стихотворения «Я тебе ничего не скажу…» (1885).

Не лишним будет отметить, что образный ряд этого стихотворения неоднократно подвергался поэтической переработке поэтами 1890-х годов. Так, «по мотивам» стихотворения «Я тебе ничего не скажу…» написаны «Ночные цветы» («Под зноем дня в пыли заботы…») В. Я. Брюсова, наполненные переживанием пограничности бытия, ощущением его скрытой ночной стороны, и стихотворение К. Д. Бальмонта «Ночные цветы» («В воздухе нежном прозрачного мая…»), с центральной идеей любовной страсти, выводящей за пределы реального, земного существования. Фетовскую метафору «цветущего сердца» разработал Вл. Соловьев, пользовавшийся у младших символистов особым авто-

---

[3] Незначительное отступление от фетовского текста наблюдается только в письме Блока от 19 февраля 1903 г., где цитируется стихотворение Фета «День проснется — и речи людские…» (1884) с заменой фетовского финала «Разве ласковой думы волненья, / Разве сердца напрасную дрожь» на «*Только* ласковой думы волненья, / Разве сердца напрасную дрожь» (см.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 41). Далее ссылки на это издание: *Блок/Белый. Переписка*, с указанием страницы.

[4] *Блок/Белый. Переписка*. С. 17. Чуть ранее этот же фетовский образ использует Блок в письме к М. С. Соловьеву от 23 декабря 1902 г.: «…действительно страшно до содрогания „цветет сердце“ Андрея Белого» (Переписка Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915). *Приложение*: Переписка с М. С. Соловьевым / Вступит. ст., публикация и коммент. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 412. В комментариях в качестве источника указано только стихотворение Вл. Соловьева «Белые колокольчики». Там же. С. 413).

ритетом. В его стихотворении «Белые колокольчики» («Сколько их расцветало недавно…») этот фетовский образ становится частью мифопоэтической картины мира. У Вл. Соловьева речь идет о сердце цветов, заявляющих о своем самостоятельном бытии вне разрушительной стихии времени.

Так или иначе, Фет в восприятии поэтов рубежа XIX–XX веков оказался творцом, стоящим на грани реального и ирреального миров и откликающимся на «зов задушевный».

Для Блока же Фет не только мистик-созерцатель. В своем обращении к Андрею Белому он сопрягает фетовский образ «цветущего сердца» с цитатой из «Огласительного поучения тринадцатого» свят. Кирилла Иерусалимского, — широкоизвестного как часть Катехизиса, — и одновременно с текстом священного писания. Блок использует инверсированную формулу, часто возникающую во время богослужений и восходящую к тексту Евангелия от Матфея: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам Вашим; *ибо иго Мое благо, и бремя легко*» (Мф. 11: 27–30) (курсив наш. — *Г. П.*).[5]

Органический стык цитат в первом письме Блока позволяет сделать вывод, что фетовский образ «цветущего сердца» возникает как символ религиозно-мистической жизни человека. По Блоку, «цветущее сердце» художника есть средоточие религиозно-мистического опыта, который должен лечь в основу новой поэзии.

Блоку, действительно, было свойственно сближать лирику Фета с религиозной проблематикой. Об этом свидетельствуют и наброски к его статье о русской поэзии, сделанные в 1902 году, где он писал: «А связь четырех указанных выше поэтов (Тютчева, Полонского, Фета и Вл. Соловьева. — *Г. П.*) заключается в том, что свои вдохновения черпали они из того источника Божия, который не открывался другим (ибо иначе не было бы разницы между Шекспиром и Фетом)»;

«Он (Фет. — *Г. П.*) покинул „родимые пределы“ и „покорный глаголам Уст“ Божиих двинулся „в даль туманно-голубую“ <...>. И шел, „как первый Иудей“, и терял свою цель, и снова находил ее, как он, и молился чужим богам „с беспокойством староверца“»; «Есть стихотворение Фета „Чем тоске я не знаю помочь“. Последние строки этого стихотво-

[5] Об этом см.: *Петрова Г. В.* «Нам нужно более легкое бремя, данное „бедным в дар и слабым без труда“» (об одной цитате в письмах А. Блока) // *РЛ*. 2009. № 3. С. 137–147.

рения, помимо их вполне элегического настроения, не смущенного ни одним чуждым звуком, явственно и ощутимо выдвигают из ужасной пропасти нетленную красоту в окружении веры и веру в окружении красоты, которую тщетно пытались бы поднять из темного лона иные».[6]

В том же ключе Блок цитирует Фета и в письме к Андрею Белому от 3 февраля 1903 года, где фрагмент стихотворения Фета «В пене несется поток…» (1866) звучит в сопряжении со словами из «Откровения» Иоанна Богослова: «Ангелы — *бесчисленны*, а бесам имя — *легион*. Жена пространства и жена времени — обе расчислились, распластались по истории, по земле. Они — манят. Другая — не манит. „Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром“ (Иоанн. Откровение. XXII, 17).

Много промчалось веков,
Сменяя знамена и власти,
Много сковали оков
Вседневные мелкие страсти.
Вынырнул снова поток…
Струею серебряной мчало
Только лавровый венок,
Да мчало *Ее* покрывало.

(Фет)».[7]

Обратим внимание, что в цитируемом Блоком стихотворении Фета центральным образом также оказывается образ сердца, точнее жизни безумного сердца, выраженной в песне поэта-кормчего, попавшего в суровый поток. У Блока же фетовская тема жертвующего и гибнущего в своей безумной любви певца обретает новую перспективу.

Между тем неверно было бы предполагать, что Фет для Блока художник религиозной идеи или устоявшейся религиозной концепции, скорее он для него выразитель нового религиозного чувства.

Здесь важно отметить, что связь с Фетом у Блока осуществлялась не только в контексте поэтических и философско-религиозных поисков эпохи рубежа XIX–XX веков, но, что принципиально, шла через бытовой опыт и семейные традиции.[8] Огромную роль в раскрытии Фета для

---

[6] *Блок А*. Дневник. М., 1989. С. 32–38.

[7] *Блок/Белый. Переписка*. С. 39.

[8] Известно, что Фетом были увлечены не только мать Блока и ее сестры, но и бабушка, Е. Г. Бекетова (см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 664, 719, 720, 746–749). Обратим внимание и на то, что связь Блока с Андреем Белым во многом осуществлялась при посредничестве семейства Соловьевых, в том числе и О. М. Соловьевой (урожд.

Блока сыграла атмосфера, в которой он рос, — усадебная культура,[9] литературоцентризм бекетовского дома, традиции домашнего музицирования и т. д.

Не случайно поэтому в первом письме Блока к Андрею Белому в сопряжении с текстом Евангелия от Матфея и «Огласительного поучения тринадцатого» Кирилла Иерусалимского Блок ставит не просто фетовский поэтический образ, а образ, прошедший сквозь романсовую обработку. Стихотворение Фета «Я тебе ничего не скажу…» — одно из самых романсовых стихотворений русской лирики XIX века. К 1903 году было известно более 10 романсов, написанных на слова этого стихотворения, в том числе и таких знаменитых композиторов, как П. И. Чайковский (1886), А. П. Бородин (1893), С. В. Рахманинов (1890), В. И. Ребиков (1891) и др., которые Блок не мог не знать.[10]

Весьма показательно, что в полемике с Андреем Белым Блок сталкивает широко известные и распространенные религиозные формулы с растиражированным романсовым образом. Он обращается к своему корреспонденту с мыслью о том, что путь современного поэта, «цветущее сердце» которого является пределом столкновения искусства и религии, продолжает лежать через опыт «сердечный», жизненный, вмещающий в себя все, на что откликается душа поэта. И все, что Андрей Белый чуть позже, в 1905 году, в статье «Ибсен и Достоевский» призовет «преодолеть», назвав «болотом», достоевщиной, «авгиевыми конюшнями психологии».[11]

Коваленской), известной почитательницы Фета и «жрицы красоты», как ее характеризовали современники. См.: *Брюсов Валерий*. Дневники. 1891–1910. М., 1927. С. 106. С О. М. Соловьевой Фет был знаком и посвятил ей стихотворение «Рассеянной, неверною рукою…» (1884).

[9] См. замечание Блока к своей биографии: «Основные литературные влияния — Шекспир, Гёте, Достоевский, Фет, Полонский, Вл. Соловьев, Вал. Брюсов. Главные факторы творчества и жизни — женщины, петербургские зимы и прекрасная природа московской губернии» (Писатели символистского круга. СПб., 2003. С. 421).

[10] Исполнение популярных романсов в семейном кругу было важной составляющей музыкального воспитания Блока, который в зрелые годы был большим знатоком и любителем романсов. Об этом свидетельствуют и эпистолярное наследие поэта, и мемуары современников (см.: *Шкловский Виктор*. Поиски оптимизма. М., 1931. С. 107–109; *Хопрова Т.* Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л., 1974). Исследователи также неоднократно отмечали, что романс сыграл большую роль в становлении поэтики Блока. Об этом см.: *Эйхенбаум Б.* О поэзии. Л., 1969. С. 435; *Тынянов Ю. Н.* Блок // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 122 и др.

[11] *Белый А*. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 196–197.

Так же, как и Фет, Блок не воспринимал искусства, и особенно искусства поэзии, вне осуществляющегося в нем эмоционального душевного опыта. Не случайно поэтому в письмах Блока 1903–1905 годов фетовские цитаты часто становятся заместителями собственных переживаний, смутных душевных движений, наполненных частным смыслом.[12]

Андрею Белому 19 февраля 1903 года Блок пишет: «Как первое, так и последнее мое письмо к Вам — неумеренный крик, вызванный „до ланит восходящей кровью“. Хотелось бы это перебороть, чтобы Вы нашли во мне хотя бы

„Только ласковой думы волненье,
Разве сердца напрасную дрожь“,

выражаясь цитатой; точнее — то, что за криком, то, что покоится, мир за войной — „отмель времен“».[13] Цитаты из стихотворений Фета «Весенние мысли» («Снова птицы летят издалека…», 1848) и «День проснется — и речи людские…» (1884) становятся у Блока посредниками в передаче и описании своего творческого состояния.

Опираясь на Фета, Блок выступит и с критикой поэзии, превращающейся в иллюстрацию философско-религиозной идеи. В письме от 1 августа 1903 года он разведет «соловьевца» Андрея Белого с теми, «кто поет», в том числе и с Фетом: «Соловьев и особенно Вы — не задыхаетесь от песен, как Лермонтов, как даже Тютчев, как маленький, но важный Аполлон Григорьев, Фет, Полонский, — как все, кто поет ныне (Бальмонт, Брюсов, Сологуб). И это — непонятно мне <...> Ваши образы не имеют ни одной точки соприкосновения с этим. Загадка для меня. <…> у Вас устранена часть мучительного, древнего, терзающего меня часто, мысленного соблазна: „вечной мужественности“».[14] А в письме от 13 октября 1903 года, обозначая свое непонимание лирики Андрея Белого, Блок процитирует строку из стихотворения Фета «Ревель. По-

---

[12] В этом же качестве цитаты из Фета появляются и в письмах Блока к другим корреспондентам. Напр., в письме к А. В. Гиппиусу: «…я напомню Вам строки Фета „Знать, в последний встречаю весну и тебя на земле уж не встречу“. Это настроение теперь не чуждо мне, хотя и не вполне подходяще, потому что очень весеннее. Но оно и без действительной весны возможно» (*Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 20) и др.

[13] *Блок/Белый. Переписка.* С. 41.

[14] Там же. С. 90. Мысль Блока о «соблазне „вечной мужественности“» также восходит к Фету и его объяснениям трагедии Гёте «Фауст». Об этом см.: *Грякалова Н. Ю.* К генезису образности ранней лирики Блока (Я. Полонский и Вл. Соловьев) // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 91.

сле представления Фрейшица» («Театр во мгле затих. Агата…») (1856): «Вы постоянно говорите (в статьях), что „многие не поймут, откуда Вы говорите“. Признаюсь, что и я не понимаю, потому что не знаю, откуда Вы вообще появились <…> В обостренные мгновения, когда приходится „измерять глубину“ своей и других жизней, Ваши слова помнятся. „Еще напевами объята, душа светла и жизнь легка“. „Образ Возлюбленной, Образ Возлюбленной — Вечности“».[15]

В данном случае имя Фета и его поэтические строки становятся у Блока критерием оценки поэзии, мерилом ее истинности, своеобразным поэтическим камертоном.

В письмах Блока к Андрею Белому 1904–1905 годов фетовских цитат становится меньше, но и сами письма становятся иными, менее декларативными, более личными. В 1904 году Блок несколько раз обращается к цитированию стихотворения Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней…» (1844):[16] в письме от 16 мая из Шахматова он пишет: «Знаешь ли — у меня не (анти?) христианское сознание… Много мучительного… Ночь еще не „на исходе“… Но, — чувствую опять по временам:

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной, —
Я плачу сладостно, как первый Иудей
На рубеже земли обетованной;
Не жаль мне детских игр…»,[17]

а в письме от 23 декабря появятся строки: «…позади <…> оказывается *воспоминание* о днях, когда „постигал я первую любовь“…».[18]

В письмах Блока к Андрею Белому обнаруживается и случай соотнесения своей творческой позиции с Фетом. Речь идет о письме от 5 июня 1904 года, где прозвучит признание: «Страна, в которой я теперь живу, — „голубая тюрьма“ и „зеленая планета“ (то и другое явственно в хорошую погоду), где я могу рыть землю и делать забор».[19]

---

[15] *Блок/Белый. Переписка*. С. 102–103.

[16] Позже цитата из первой строки этого фетовского стихотворения станет заглавием сборника «За гранью прошлых дней» (Пг., 1920), в предисловии к которому Блок отметит: «Заглавие книжки заимствовано из стихов Фета, которые некогда были для меня путеводной звездой» (*Блок А. А*. Полн. собр. соч. и писем. М.; СПб., 1999. Т. 4. С. 13).

[17] *Блок/Белый. Переписка*. С. 153.

[18] Там же. С. 192.

[19] Там же. С. 158.

Образ «голубой тюрьмы» с легкой руки Брюсова стал своеобразной визитной карточкой Фета. Однако стоит обратить внимание на то, что символисты, изъяв его из стихотворения Фета «Памяти Н. Я. Данилевского» (1886), откровенно навязали ему обобщенно-философский символический смысл.[20] В стихотворении же Фета все очень конкретно и вполне «естественнонаучно»:

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! —
Отдаваяся мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградою скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.

Образ «голубой тюрьмы» в фетовской трактовке должен быть непосредственно связан с адресатом стихотворения Н. Я. Данилевским — не только публицистом и философом-славянофилом, но и ученым-естествоиспытателем. Данилевский был участником, а затем и начальником многих экспедиций по изучению водных ресурсов и рыболовных промыслов в России, на материале которых вырабатывались важные природоохранные постановления Министерства государственных имуществ. Он был автором большого количества статей по рыболовству, климатологии, географии. Эпитет «голубая», таким образом, может быть и непосредственно соотнесен с типичным и реалистическим представлением — изображением водной и небесной стихии земли и не исчерпывается метафизикой и мистикой, которые приписали ему символисты. Что касается «голубой тюрьмы», то элементы обобщенно-философского взгляда Фета на мир здесь, безусловно, присутствуют,[21] да и могло ли быть иначе в поэзии переводчика А. Шопенгауэра.

Бесспорно и то, что главная задача этого образа — выразить замкнутое, неразрешимое и противоречивое чувство одновременной радости и скорби бытия.

Блок как бы возвращает этому фетовскому образу свой первоначальный метафорический смысл. А его замечание «о земле и заборе» может

---

[20] См. статьи В. Я. Брюсова «Ключи тайн» (1904) (Весы. 1904. № 1. С. 3–21), Андрея Белого «О научном догматизме» (1904) (*Белый Андрей*. Символизм. Кн. ст. М., 1910) и др.

[21] Ср. со стихотворениями Фета «Окна в решетках и сумрачны лица…» (1882), «Измучен жизнью, коварством надежды…» и др.

быть непосредственно сближено с позицией Фета, который не уставал повторять, что при всей важности мысли о великом и мировом не следует забывать о хлебе насущном.[22]

Близость, точнее, некоторую соотнесенность позиций Блока и Фета ощущали и современники. Так, Леонид Сабанеев замечал: «…все символисты, которых я знаю, в своей „внешности“ были выполнены как бы в соответствии со стилем своих стихов. Вяч. Иванов был „похож“ на свои стихи, молчаливый Балтрушайтис — тоже. „Солнечный“ Бальмонт со своей огненной шевелюрой и надменной речью, растрепанный Белый и „господинчистый“ Брюсов — все были подобны вполне своим произведениям. Блок же совсем не походил на свои стихи. Он был гораздо тяжелее, земнее, физичнее их. Однако что поделать? Вспомним стихи Фета и наружность хозяйственного, черносотенного помещика Шеншина — их автора».[23]

Последнее обращение Блока к Фету в письмах к Андрею Белому обнаруживается 20 марта 1905 года, где цитируется фетовское стихотворение «В тиши и мраке таинственной ночи…» (1864): «Теперь стало лучше. Я набрал себе разной работы <...> Политика стала поперек горла и, конечно, есть только *одна* область, в которой можно не устать (было бы), и туда мы все возвратимся. Изредка и отчасти возвращаюсь туда. „И снится, снится, снится — мы молоды оба“ <…>».[24]

В письмах 1903–1905 годов проявляется системное влияние Фета на Блока, первоначально по преимуществу мировоззренческое и эстетическое, когда цитаты из Фета участвуют в решении важнейших для символистов вопросов о Вечной Женственности, о соотношении искусства и религии, о функции поэта и поэзии. Между тем письма Блока этого периода свидетельствуют и о том, что связь с Фетом у него осуществляется и на уровне творческой психологии, чем, собственно, и определяется исключительное место этого поэта в его творческой судьбе.

При этом Андрей Белый фактически никак не откликается на предложенный Блоком способ общения посредством языка фетовских обра-

---

[22] Ср. с рассуждениями в письме к Л. Н. Толстому от 17–18 июля 1879 г.: «Отрицать реальную жизнь можно лишь в идее, а на деле вместе с Симеоном Столпником можно ее отрицать семь дней, а затем смерть прекратит отрицание. Надо, чтобы на столб чужой труд подал пить и есть. <…> „В поте лица твоего снеси хлеб твой“, — сказано на пороге потерянного рая, где ничего не делали, а только созерцали идеал» (*Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 73).

[23] *Сабанеев Леонид*. Мои встречи. «Декаденты» // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 352.

[24] *Блок/Белый. Переписка*. С. 213.

зов. Ни разу в своих ответных письмах он не отреагировал на «фетовские» обращения Блока. Позже он сам скажет о том, что был глух ко многим аспектам блоковских откровений и построений. Из комментария Андрея Белого к письму Блока от 3 февраля 1903 года: «Изумительно все письмо. Но — мне стыдно признаться: в 1903 году — я оказался *глухим* на него; *ни одною идейно живою нотою на него не откликнулся*!».[25]

В этой глухоте к Блоку можно и нужно усматривать и глухоту к Фету, что заставляет критически отнестись к представлению об особенном влиянии Фета на Андрея Белого периода «Золота в лазури», закрепленном в мемуаристке[26] и исследовательской литературе о нем.[27]

В его письмах к Блоку первого десятилетия XX века случаи упоминания Фета редки и носят по преимуществу формальный характер.[28]

---

[25] Там же. С. 40.

[26] В поздних воспоминаниях Андрея Белого вообще возникает характерная хронологическая путаница, которая заставляет поставить под некоторое сомнение культ Фета, о котором он сам неоднократно пишет. В автобиографическом очерке «Почему я стал символистом…» (март 1928) (обратим внимание на то, что написан этот очерк был с оглядкой на Блока) Андрей Белый пишет о 1897–1899 гг. в своей творческой биографии: «Декадентством я заинтересован: не понимаю его; но мое мотто того времени: оно должно быть преодолено; я волю большего. В эту эпоху я увлекаюсь стихами Жуковского и Бальмонта; но Фет заслоняет всех прочих поэтов; он открывается вместе с миром философии Шопенгауэра; он — шопенгауэровец; в нем для меня — гармоническое пересечение миросозерцания с мироощущением: в нечто третье. Конечно, он для меня — „символист“» (*Белый Андрей*. Символизм как миропонимание. С. 428). В мемуарах «На рубеже двух столетий» (1929) интерес к Фету обозначен осенью 1896 г.: «Наконец Шопенгауэр заинтересовал меня Фетом: я читал Шопенгауэра в переводе Фета <…> узнав, что Фет отдавался Шопенгауэру, я открыл Фета; и Фет стал моим любимым поэтом на протяжении пяти лет» (*Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 339). А в «Материалах к биографии» начало своего увлечения поэзией Фета Белый относит к лету 1898 г.: «…вдруг — Фет открылся и на 2 года оттеснил всех других поэтов <…> Фет стал песней моей души, особенно отдел „Мелодии“ <…>»; «…смело скажу, что поэзией Фета окрашено это лето мне» (цит. по: *Лавров А. В*. Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С. 86).

[27] Об этом см.: Из наследия П. А. Флоренского. К истории отношений с Андреем Белым // Контекст. М., 1991. С. 65; *Лавров А. В*. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 28. и др.

[28] Более рельефно отношение Андрея Белого к Фету проявляется в статьях этого периода, однако и здесь оно не выходит за рамки традиционно-сложившихся общесимволистских представлений о поэте как романтике-пантеисте и мистике-созерцателе, осуществляющем в своем творчестве «пессимистическую доктрину»

Имя Фета появляется в письме Андрея Белого к Блоку от 4 января 1903 года, где речь идет о стихах Блока: «В них положительно видишь преемственность. Вы точно рукоположены Лермонтовым, Фетом, Соловьевым, продолжаете их путь <…>»;[29] от начала ноября 1903 года в связи с оценкой книги Брюсова «Граду и миру»: «…о Брюсове не может быть споров: к именам Пушкина, Лермонтова, Майкова, Полонского, Тютчева, Фета, Ал. Толстого, Некрасова, Вл. Соловьева с полным правом присоединяю и *Брюсова*».[30] В том же ключе имя Фета возникает в письме к Блоку от 15 апреля 1904 года, где речь идет о готовящемся первом сборнике стихов Блока: «Ты спрашиваешь моего мнения о Твоем сборнике <…> может идти лишь речь о том, хочешь ли Ты *сразу же* занять в поэзии место наравне с Лермонтовым, Фетом, Тютчевым, чтобы в будущем стремиться *стать над ними <…>*».[31]

Только однажды в этот период Андрей Белый обращается к прямому цитированию Фета. Речь идет о письме от 18 (19?) декабря 1904 года, где поэт определяет свой жизненный путь как музыкальную тему, в которой трагическая гармония вырастает на пересечении Хаоса и Безумия действительности и Света и Тишины Божества. «Я еще не понимал, что тема, звучащая в „Возврате“ (3-я часть) и в „*Золоте в лазури*“ — „Все тот же раскинулся свод“ и т. д., что эта тема — трагическая, нечто вроде „*Пира во время чумы*“. Я думал, это — счастье. Но все это было лишь замаскированное:

„Затуманены сном
Наплывающей ночи
На челе снеговом
Голубые безумные очи“…

А моя тишина была тишина, в которой „*Офелия гибла и пела, и пела, сплетая венки…*“. „*Солнечность*“ „*Золота в лазури*“ — вот какая солнечность: „*Есть в осени первоначальной*“ и т. д.»,[32] — признается Андрей Белый Блоку. Однако цитата из стихотворения Фета здесь не имеет исключительно самостоятельного значения, а составляет часть общего

и знаменующем нераздельность поэзии и философии. См. статьи Андрея Белого «Формы искусства» (1902), «Апокалипсис в русской поэзии» (1905), «Брюсов» (1906–1908) (*Белый Андрей*. Символизм как миропонимание. С. 92, 395, 414).

[29] *Блок/Белый. Переписка*. С. 22.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 150.

[32] Там же.

поэтического контекста и показательно используется в общем ряду с Пушкиным и Тютчевым.

Ситуация принципиально изменится в 1910-е годы, когда после перерыва, вызванного осложнениями личного характера, возобновится переписка Блока и Андрея Белого. Блок и Андрей Белый как будто поменяются местами. Обращение в письмах Андрея Белого к имени и поэзии Фета здесь оказывается рельефно и значимо, а Блок удерживает позицию «умолчания» по поводу «фетовских» признаний своего корреспондента.

Трижды в письмах 1910-х годов Андрей Белый обращается к имени Фета. В письме от конца октября 1910 года, где он рассказывает о своем участии в культурно-просветительской деятельности «Мусагета» и отмечает курс лекций о Фете Б. Садовского. Второе упоминание носит скрытый характер. В письме от 8–9 марта 1912 года Андрей Белый пишет Блоку о заказе ему издательством «Путь» «большой монографии». Согласно комментариям исследователей, речь идет о заказе книги о Фете, что подтверждается и письмом Г. А. Рачинского к В. Ф. Эрну от 10 января 1913 года: «Дела у нас в издательстве в этом году замялись <…> На 1913/1914 год мы имеем 1) Леруа, 2) „Гоголя“ Зеньковского, 3) Вашу диссертацию, 4) „Достоевского“ Волжского (в старом виде, но все же, как и „Гоголя“, в двух выпусках), 5) диссертацию Аскольдова, 6) Вендланда, 7) и 8) две небольшие вещи Бугаева о Фете и о природе у Пушкина, Баратынского и Тютчева <…>».[33]

Большую роль в обращении Андрея Белого к Фету, видимо, сыграло и то окружение, в котором он оказался в начале 1910-х годов. Среди прочих, в него входили известный «фетышист» Б. Садовской, автор одной из лучших статей о Фете Н. В. Недоброво, популяризатор наследия Вл. Соловьева и историк литературы Г. А. Рачинский. Важное значение имели также и собственные занятия над ритмом русского стиха и выработкой экспериментального подхода к поэзии, которые убедили Андрея Белого в том, что поэзия Фета по своему ритмическому многообразию и мощи ничуть не уступает ритму Пушкина и др.[34]

Содержательная же сторона отношения Андрея Белого к Фету в этот период приоткрывается в письме к Блоку от 10 января н. ст. 1913 года

---

[33] Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. В. Ельчанинова, М. К. Морозовой, В. В. Розанова, Е. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского, В. Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 505–506.

[34] Об этом см.: *Белый Андрей*. Символизм. С. 254–374.

(28 декабря ст. ст. 1912 года), в котором сделана попытка осмыслить кризис русского символизма, или, пользуясь выражением самого Андрея Белого, «период линьки».[35] Это письмо Андрея Белого к Блоку в целом можно назвать фетовским, поскольку все оно построено на обыгрывании образности стихотворения Фета «Фантазия» (1847). «Так — верю — через год, полтора, — пишет Андрей Белый из Берлина, — вернемся в Россию мы для работы: с запасом сил; ибо только вопрос в силах и выдержке, ибо

„Много снов проносится знакомых
И на сердце много детской веры“

(Фет)

<…> *потрясение* — вот точное название того, что с нами было и есть. Это *потрясение* в древних мистериях совершалось искусственно. Это *потрясение* было результатом Крещения Иоанна Крестителя. Это *потрясение* есть сотрясение сквозь физический организм *эфирного и астральных* тел <…> и как только Ты потрясаешься, все обычное, дневное, будничное начинает менять свои контуры; все вокруг превращается:

„На суку извилистом и чудном
Пестрых сказок пышная жилица“ и т. д.

(Фет)

Ты скажешь: но ведь стихотворение Фета кончается:

„Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным
Миг еще — и нет волшебной сказки
И душа опять полна возможным“.

Фет

Тут должен я сказать нечто, испытанное опытно: растягивая проволоку и потом снимая с нее тяжесть, я возвращаю проволоку в обычное нерастянутое состояние; эту способность *возвращаться* к старому физики называют упругостью проволоки;

Но физики знают, что у упругости (т. е. косности) есть предел; за этим пределом наступает то, что физики называют *деформацией упругости*: перегруженная проволока, вытянувшись, уже не возвращается в обычное состояние; т. е., применяя к словам Фета, можно сказать:

---

[35] *Блок/Белый. Переписка*. С. 483.

„*Миг еще*: — душа все в той же сказке;
Невозможное навеки с нами“».[36]

Называя в этом письме Фета эстетиком-скептиком, носителем «старой душевности», о преображении которой мечтает символист Андрей Белый, он, тем не менее, именно его видит предтечей русского символизма, называя символизм осуществленным «четверостишием Фета».[37]

Не сложно заметить, что у Андрея Белого фетовские цитаты выступают в качестве прямого поэтического аналога философии и эстетики символистского жизнетворчества. Кроме того, неточность цитирования поэтических строк[38] и ошибки в представлении его строфической организации[39] — все это позволяет поставить под сомнение факт «личной связи» Андрея Белого с Фетом, который для него не столько внутренне переживаемая духовная величина, как для Блока, сколько «символист до символизма».

В заключение остается сказать, что анализ фетовских цитат в переписке Блока и Андрея Белого позволяет не только дифференцировать символистские представления о Фете, но и конкретизировать вопрос о его роли в поэтической родословной русского символизма.

---

[36] Там же. С. 483–485.

[37] Там же. С. 485.

[38] У Фета в стихотворении «Фантазия»: «Много снов проносится знакомых / И на сердце много сладкой веры…», у Андрея Белого: «Много снов проносится знакомых / И на сердце много *детской* веры».

[39] Стихотворение Фета «Фантазия» имеет кольцевую композицию и не заканчивается, как утверждает Андрей Белый, поэтической строкой: «И душа опять полна возможным». Завершается «Фантазия» повтором первых четырех строк стихотворения: «Мы одни; из сада в стекла окон / Светит месяц… тусклы наши свечи. / Твой душистый, твой послушный локон, / Развиваясь, падает на плечи».

СООБЩЕНИЯ

Г. В. Петрова

ЕЩЕ ОДИН АВТОГРАФ А. А. ФЕТА

В Рукописном отделе Пушкинского Дома в Архиве А. А. Блока хранится до сих пор не учтенный исследователями автограф стихотворения А. А. Фета «Шопену»,[1] вошедшего в состав первого выпуска «Вечерних огней» (1883 г.).[2]

Шопену

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало;
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки, —
Слышу трепетные руки
Ты еще со мной.

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный:
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды,
И не нужно мне надежды —
Этот час, — он мой.[a]

Ты руки моей коснулась
Снова сердце встрепенулось
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое
Я на все на все иное
Отпылал, потух

---

[1] *ИРЛИ*. Ф. 654. Оп. 3. № 73.
[2] *ВО 1*. С. 221–222 (раздел «Дополнение»).
[a] *Следующие два стиха вписаны над строкой.*

Стихотворение Фета «Шопену» («Ты мелькнула, ты предстала…»)
Автограф из архива А. А. Блока (*ИРЛИ*)

Запись А. А. Блока об автографе Фета «Шопену»

Этой песне чудотворной
Так покорен свет упорной,
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки
И когда загаснут звуки
24 Разорвется вдруг.

Отдельный лист с автографом этого стихотворения аккуратно вложен в импровизированную бумажную папку, на обложке которой рукой Блока записано:

«Ты мелькнула, ты предстала»
Стихотворение Фета,
переписанное его рукой
(для Вл. С. Соловьева).
От мамы ко мне. (Осенью 1912).[a] У мамы — от Соловьевых
(М<ихаилу> С<ергеевич>у передал Вл<адимир> С<ергеевич>).

[a] (Осенью 1912) — *вписано позднее над строкой.*

Стихотворение Фета «Шопену» («Ты мелькнула, ты предстала…»)
Автограф (*ИРЛИ*)

Обращает на себя внимание, что текст стихотворения Фета «Шопену» в этом автографе не только имеет иную, отличную от предложенной Б. Я. Бухштабом,[3] Д. Д. Благим и М. А. Соколовой[4] и др. публикаторами[5] пунктуацию, но и содержит варианты стиха 14:

«Снова сердце встрепенулось…»

(вместо: «Разом сердце встрепенулось…»)
и стиха 20:

«Так покорен свет упорной…»

(вместо известного: «Так покорен мир упорный…»).

Сверка с другим автографом этого стихотворения, сохранившимся в рукописной тетради Фета (известной как *Тетрадь 2*),[6] позволяет предположить, что публикуемый автограф, содержащий правку, является более ранним по времени.

---

[3] Ср.: *ПССт 1937*. С. 109–110; *ПССт 1959*. С. 193.

[4] Ср.: *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подготовили Д. Д. Благой, М. А. Соколова. М., 1971. С. 186 (Лит. памятники).

[5] Ср., напр.: *ПССт 1901*. Т. 2. С. 92–93 (с делением на две строфы).

[6] *ИРЛИ*. № 14167. Л. 136 об.

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ ТЕКСТОЛОГА
(При подготовке «Вечерних огней»)

I

Кто был адресатом эпиграммы «Поднять вас трудишься напрасно…»? (гипотеза)

Эпиграмма Фета «Поднять вас трудишься напрасно…» впервые была опубликована в издании, подготовленном Б. В. Никольским, в 1901 году.[1] Вот ее текст (воспроизводим по автографу, сохранившемуся в рабочей тетради Фета: *Т 2*. Л. 115):

Поднять вас трудишься напрасно,
Вы распластались на гроше.
Все, что покруче вам ужасно,
А все, что плоско по душе.

Вопрос об адресате в литературе о Фете пока не поднимался. Сложности возникли уже с датировкой эпиграммы. Первый публикатор, составивший Хронологический указатель стихотворений Фета, условно обозначил ее временные рамки периодом с 1871 по 1886 год, считая, очевидно, что именно в этот период Фет вносил записи в рабочую тетрадь, которая получила у исследователей название Тетрадь № 2.[2]

[1] *ПССт 1901*. Т. 2. С. 22.
[2] Там же. Т. 3. С. 398.

Эпиграмма Фета «Поднять вас трудишься напрасно…»
Автограф (*ИРЛИ*)

Б. Я. Бухштаб сузил эти рамки до 1874–1886, согласно своей точке зрения на время заполнения тетради. Заглянем в нее.

Четверостишие записано в нижней части листа 115 после списка неизвестной рукой стихотворения «Еще, еще! Ах сердце слышит…». А на соседнем листе (Л. 114 об.) находится сделанный той же рукой список стихотворения «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому» («Была пора, своей игрою…»). Оба списка не имеют авторской правки, они, без сомнения, сделаны с письма к Л. Н. Толстому от 23 апреля 1877 года. По цвету чернил можно заключить, что запись эпиграммы сделана гораздо позднее, но в любом случае временные рамки написания можно с уверенностью сузить. Первая крайняя дата будет: апрель 1877 года.

Случайно или не случайно четверостишие появилось именно под стихотворением «Еще, еще! Ах сердце слышит…», посланным в письме к Толстому, решить сложно. Фет часто использовал свободное место на уже заполненных листах, чтобы внести новую запись. Но некоторые факты могут навести на мысль, что текст эпиграммы напрямую связан с Л. Н. Толстым.

1) С конца 1870-х годов Толстой переживает духовный кризис и постепенно отходит от литературы, обратившись к разработке религиозно-философских проблем. Этот поворот вызывает страстные возражения Фета, пытавшегося сначала лично, в беседах и письмах переубедить писателя, затем косвенно (через Н. Н. Страхова) воздействовать на Толстого. В начале 1880-х годов переписка с Толстым прекращается.

2) В отличие от стихотворения «Еще, еще! Ах сердце слышит…» Фет не включил «парное» стихотворение «Дорогому другу графу Льву Николаевичу Толстому» («Была пора, своей игрою…») в первый выпуск «Вечерних огней» (М., 1883). В нем оказалось другое: «Гр. Л. Н. Т—у» («Как ястребу, который просидел…»). Очевидно, составляя в 1882 году сборник, Фет не был готов назвать Л. Н. Толстого «дорогим другом», как это значилось в заглавии. Дружба и в самом деле дала трещину.

3) Включая в 1884 году стихотворение во второй выпуск «Вечерних огней», Фет меняет заглавие, убирая слова «Дорогому другу» и внося подзаголовок: «При появлении романа: „Война и мир“», что без сомнения отсылало к «прошлому» Толстому, автору великого романа. Б. Я. Бухштаб совершенно верно заметил несоответствие подзаголовка реальности:[3] во время написания стихотворения (апрель 1877) Толстой завершал роман «Анна Каренина».

---

[3] *ПССт 1937*. С. 730.

№ 26

23 Декабря
1877 года

II

Дорогому другу
Графу Льву Николаевичу Толстому.

Была пора, своей игрою
Своею ризою стальною
Морской просторъ меня плѣнялъ.
Я дорожилъ и въ тишь и въ бури
То млечной тающей лазури,
То темной у прибрежныхъ скалъ.

Но вотъ, о море! властью тайной
Не все мнѣ милъ твой блескъ случайный
И въ душу просится мою.
Дивясь красѣ жестоковыйной
Я передъ мощью стихийной
Въ священномъ трепетѣ стою.

А. Фетъ

Стихотворение Фета «Была пора, своей игрою…»
Список (*ИРЛИ*)

4) В тексте эпиграммы есть выражение, прямо отсылающее к Толстому. Ст. 3: *Все, что покруче вам ужасно*. В письме от 31 января — 1 февраля 1879 года Толстой писал Фету по поводу двух его стихотворений: «Стихотворенье последнее мне не так понравилось, как предшествующее, и по форме (не так круто, как то), и по содержанию <…>». Фет откликнулся: «Ваше выражение *круто* — превосходно».[4]

Таким образом, адресат эпиграммы предположительно может быть отнесен к Толстому. Можно предположить и дату ее создания: осень 1884 года. Когда Фет готовил второй выпуск «Вечерних огней», он, просматривая рабочие тетради, обнаружил неопубликованное послание к Л. Н. Толстому, не включенное в первый выпуск. Изменив заглавие, поэт в сущности создал новую и последнюю редакцию стихотворения. А в одном из последних писем от 7 июля 1884 года, взывая к Толстому-художнику, написал: «Вы сидите, сидите, ломаете себя всеми зависящими от человека средствами <…> да вдруг Ваша целостная, могучая природа художника и хлынет из Вас, как из напруженного меха».[5]

II

О тексте вступительного стихотворения ко второму выпуску «Вечерних огней»

Второй выпуск «Вечерних огней» открывается следующим стихотворением:

Не смейся, не дивися мне
В недоуменьи детски-грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
Я вновь стою по старине.

Не много листьев на челе
Больного старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
И жмутся горленки в дупле.

Б. Я. Бухштаб справедливо заметил, что стихотворение не имеет нумерации (как остальные в сборнике) и является «вступительным».[6]

---

[4] *Толстой. Переписка.* Т. 2. С. 43, 44.

[5] Там же. С. 116.

[6] *ПССт 1937*. С. 719.

Комментаторы не обращали особенного внимания на этот текст, да он, кажется, и не нуждается в комментариях. Пожилой поэт признается в том, что с весной он оживает вместе с птицами, вновь вспоминает свою молодость. Однако обращение к автографу позволяет вернуться к вопросу о выборе стихотворения, открывающего сборник. На обороте листа 29 «второй» рабочей тетради в левом верхнем углу стоит простым карандашом помета «NB» и начато слово «Пер», которое можно прочитать по разному, например: а) Переделать, б) Первое, в) Перевод, г) Переписано и т. д. Пометы принадлежат, без сомнения, самому поэту. Поскольку это стихотворение действительно оказалось первым в сборнике, предположим, что верен второй вариант прочтения. Весь текст перечеркнут тем же простым карандашом, что означает, скорее всего, что стихотворение уже переписано для сборника.

На том же листе в *Т 2* внизу вписан еще один автограф — стихотворение «Еще одно забывчивое слово…», тоже перечеркнутое простым карандашом крест-накрест. Слева от текста также есть помета «NB», но сделана она чернилами, теми же, что записано стихотворение. Оба стихотворения не имеют нумерации красным карандашом, как остальные стихотворения, вошедшие в сборник.

Это дает основания предполагать, что Фет колебался в выборе текста, открывающего *ВО 2*. И первым, очевидно, было стихотворение «Еще одно забывчивое слово…», которое оказалось помещенным в конце сборника под номером «XXV»:

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох
И тосковать я сердцем стану снова
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище,
Страшна и ночь и собственная тень.

Это стихотворение отсылает нас к теме «умершей возлюбленной», которой, как полагает большинство исследователей, была трагически погибшая в 1850 году Мария Лазич. Если наша гипотеза верна, то стихотворение, которым Фет хотел первоначально открыть сборник, означало бы посвящение его памяти Лазич. Однако впоследствии поэт, видимо, отказался от своего первоначального замысла.

Стихотворения Фета «Не смейся, не дивися мне…»
и «Еще одно забывчивое слово…»
Автографы (*ИРЛИ*)

III

«От чего» или «отчего»?
(О стихотворении «Теперь»)

В стихотворении «Теперь» есть одно «темное» место, которое до сих пор не привлекало внимания текстологов. Казалось бы, вопрос и не должен возникать, если слово и в автографах, и в первой, и во всех последующих публикациях писалось однозначно, без разночтений. Поэт обращается к некой деве, которая будет читать его стихи уже после его смерти:

Мой прах уснет забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам звучавшим мне внимай.

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь,
И отчего в дрожащие напевы
Я уходил — и ты за мной уйдешь <…>

Слово, о котором идет речь, — наречие «отчего». Действительно, во всех источниках оно написано у Фета раздельно. Но если для XIX века такое написание наречия было обычным и в современных публикациях по умолчанию приобретало надлежащий вид (например, в стихотворении «Молятся звезды, мерцают и рдеют…» ст. 2 ранней редакций выглядел так: «Молится месяц, плывя по немногу…»), то в стихотворении «Теперь» оно так и осталось в виде местоимения с предлогом: «от чего». Так от чего же уходил Фет в свои «дрожащие напевы» и вслед за ним должна была в них же удалиться и дева, обладающая «вдумчивым и чутким сердцем»? От тягот жизни, от страданий, от обманутых надежд — тема, пронизывающая все творчество Фета, считавшего искусство единственным для себя и для других («вдумчивых и чутких сердцем») способом преодолеть невыносимые муки жизни, этого «крикливого базара Бога». Однако для современного читателя наречие, написанное раздельно, означает нечто конкретное, нечто, от чего можно уйти. Смысл же поэтического высказывания Фета явно в другом: в причине, по которой он «уходит» и зовет за собой других. Причина эта состоит в том, что жизнь человека — это страдание, преследующее его от рождения до самой смерти. И в этом смысле «от чего» обретает значение «почему», «по какой причине» или «по каким причинам» и должно, безусловно, писаться слитно.

Следует заметить, что вопрос об орфографии при печатании стихотворений Фета и, в частности, вопрос о слитном и раздельном написании слов возник уже у издателей первого посмертного собрания стихотворений 1894 года Н. Н. Страхова и К. Р. Отвечая великому князю на его поправку, Страхов писал 10 декабря 1893 года: «Поправка *никем* вместо *ни кем*, конечно, правильная; но, мне кажется, беда еще небольшая, по правилу: если то, что пишется слитно, можно написать раздельно, то раздельность всегда допускается».[7] Теперь и в этом случае *никем* пишется вместе.

IV

О датировке стихотворения «Измучен жизнью, коварством надежды…»

Творческая история стихотворения очень сложна. Ранняя редакция состояла из 7 строф. При доработке, зафиксированной в *Т 2*, текст был разделен на два самостоятельных стихотворения, одно из которых сохранило 4 строфы прежней редакции (две были дописаны позднее), а другое — «В тиши и мраке таинственной ночи…» включило в себя 2 строфы из первой редакции и одну строфу, вписанную позднее. При этом оба новых стихотворения сохранили сквозную нумерацию: «I» и «II». Так они были и напечатаны, одно за другим в первом выпуске «Вечерних огней», сохранив таким образом «воспоминание» о некоем единстве замысла.

В самом деле, оба стихотворения связаны общей темой, что сказалось как в образном строе стихотворения, так и в глубокой философской мысли, объединяющей оба текста. О первом из них («Измучен жизнью, коварством надежды…») Д. Д. Благой писал, что оно является «одним из самых значительных философских стихотворений I выпуска „Вечерних огней“», «сплавом как философских суждений самого Шопенгауэра, так и взятых им на вооружение идей древнеиндийской философии», а также драмы Кальдерона «Жизнь есть сон». «Своеобразная поэтическая космография этого стихотворения, чрезвычайно оригинального и по своему музыкальному звучанию (редкое сочетание двусложных и трехсложных стоп со сплошь женской, открытой замирающей, как звук, рифмой), насквозь пронизана глубоким космическим

---

[7] *К. Р. Переписка*. С. 418.

лиризмом, подобно которому не было в русской поэзии после „Вечернего размышления о Божием величестве“ Ломоносова <…>».[8]

Очевидно, Фет долго не решался отдать в печать стихотворение ввиду его особой метафизической интимности, которая будет свойственна его более поздним лирическим произведениям. Символическое изображение «двойного бытия» поэта во времени и в вечности впервые оформилось в стихотворении в единый лирико-философский образ. По той же причине строфы, содержащие личные мотивы, были выделены в отдельное стихотворение.

Датировалось стихотворение традиционно 1864 годом, по положению в *Т* 2 и Хронологическому указателю, составленному Б. В. Никольским и приложенному к изданию Полного собрания стихотворений 1901 года, пока в 1975 году В. В. Кожинов не усомнился в ней, выставив в качестве аргумента для передатировки недостаточное знакомство Фета в 1864 году с философией А Шопенгауэра.[9]

Дело в том, что эпиграф к стихотворению был взят из сочинения Шопенгауэра «Parerga und Paralipomena» (Т. 2. § 29). В переводе он звучит так: «Равномерность движения времени во всех головах более чем что-либо иное доказывает, что все мы погружены в один и тот же сон и даже что все видящие этот сон являются Единым существом» (*нем.*). Подобная мысль не раз была высказана и в главном труде Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Например, в § 5 книги первой, ссылаясь на Платона, Шекспира, Кальдерона и др. источники, философ пишет: «Мы ни в каком случае не в силах проследить член за членом причинную связь между каждым пережитым событием и настоящим мгновением, однако на этом основании никто не утверждает, что оно приснилось. Поэтому в действительной жизни обыкновенно не прибегают к такого рода исследованию, чтобы различить сон от действительности. Единственно верным критерием для различия сна от действительности на деле является не что иное как совершенно эмпирический критерий — пробуждение, коим, конечно, несомненно и осязательно прерывается связь причинности между приснившимися событиями и бдением».[10]

Очевидно, смущение Кожинова было вызвано не только ссылкой на Шопенгауэра, но и не очень свойственным творчеству Фета ярко выраженным философским содержанием стихотворения. Подобные стихи

---

[8] *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979. С. 622–623 (Лит. памятники).

[9] *Кожинов В. В.* Фет и «эстетство» // Вопросы литературы. 1975. № 9. С. 135.

[10] *Шопенгауэр*. С. 15–16. Пер. А. Фета.

стали появляться действительно в более позднее время и во многом определялись, по признанию самого Фета, его углубленным изучением (в особенности, когда он в 1878 году приступил к переводу «Мира как воли и представления») Шопенгауэра. Стихотворение не было напечатано вплоть до 1883 года (дата выхода в свет первого выпуска «Вечерних огней») и не присутствует ни в одном из сохранившихся писем поэта. Кроме того, Б. Я. Бухштаб, тщательно изучивший рабочие тетради Фета, почему-то датировал стихотворение *предположительно* 1864 годом во всех трех изданиях «Библиотеки поэта» (1937, 1959 и 1986 годов).

И все же сомнение В. В. Кожинова лишено оснований. Именно в 1864 году Фет заказывал В. П. Боткину приобрести для него сочинения Шопенгауэра, и просьбу эту Боткин исполнил.[11] Само собою разумеется, что заказывать книги Фет не стал бы, не будучи с ними знакомым. А более поздние письма к Л. Н. Толстому позволяют даже точно сказать, что среди купленных Боткиным книг было не только издание «Мира как воли и представления» (очевидно, вышедшее в 1859 году), но и «Parerga und Paralipomena» (вышедшее в 1851 году).[12] Исследователя смутило письмо Толстого от 30 августа 1869 года, в котором писатель делился своим «открытием» Шопенгауэра и сообщал, что начал переводить его, упоминая о якобы пренебрежительном отклике Фета о немецком философе.[13] Но эти признания касаются прежде всего самого Толстого, а не Фета. Человеком, познакомившим поэта впервые с философией Шопенгауэра, был, по-видимому, И. С. Тургенев.[14]

Можно, кажется, утверждать, что именно при доработке ранней редакции стихотворения (впервые реконструированной Б. Я. Бухштабом) оформился более поздний цикл философских стихотворений, генезис которых неразрывно связан с философскими идеями Шопенгауэра.

---

[11] *МВ*. Ч. 2. С. 57.

[12] Когда Толстой просил вернуть ему Шопенгауэра, Фет писал: «Шопенгауэр у меня. „Welt“ от Вас, но мой собственный, купленный Боткиным — и первая часть, переплетенная в Орле, и „Parerga“ мой собственный — и тоже были у Вас, да давно вернулись. Я не могу вчитаться в чужие книги» (*Толстой. Переписка.* Т. 2. С. 91; письмо от 19 марта 1880 г.).

[13] Там же. Т. 1. С. 391.

[14] Можно с уверенностью утверждать, что к 1861 г. Тургенев был уже знаком с главным сочинением Шопенгауэра «Мир как воля и представление», которое вышло в расширенном и дополненном виде в 1859 г. Возможно, именно тогда Тургенев и познакомился с этим трудом.

Самым же весомым аргументом в пользу ранее установленной датировки является положение его в *Т 2*. Оно даже позволяет уточнить датировку периодом между 20 апреля и началом ноября 1864 года, поскольку примерно этими датами были помечены не дошедшие до нас письма Фета к И. С. Тургеневу, содержащие стихотворные послания, расположенные в *Т* 2 на листах 27–29 и 37–38 (дата 20 апреля 1864 определена Б. Я. Бухштабом по содержанию послания Фета[15]); на другое послание Тургенев ответил 20 ноября (2 декабря) 1864 года.[16]

V

Тайна стихотворения «Это утро, радость эта…»

Стихотворение «Это утро, радость эта…» принадлежит, без сомнения, к шедеврам лирики Фета. Это самая что ни на есть чистая лирика, чище не бывает. Что может быть в нем таинственного? Читатель ошибется, если подумает, что я собираюсь открыть тайный адресат стихотворения. Его и не надо искать. Это было бы так же смешно, как если бы пытались определить, к кому обращено стихотворение «Шепот, робкое дыханье…» (если говорить точнее, «Шепот сердца, уст дыханье…», как было в первой редакции, исправленной по совету Тургенева). То есть определить-то, конечно, можно, но зачем? Не достаточно ли нам, что это стихотворение существует?

И все же текстолог, при подготовке стихотворения к печати, должен свериться с автографом, благо он сохранился, показать историю печатного текста, наконец, попытаться определить дату написания. И что же мы видим? Оказывается, мы привыкли читать это стихотворение совсем не в том виде, в каком оно было написано.

Вот как оно выглядит в привычном чтении:

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

[15] *ПССт 1937*. С. 745.
[16] *Тургенев. Письма.* Т. 5. С. 301.

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
    Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
    Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
    Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
    Это все — весна!

Теперь посмотрим, как это выглядит в автографе, сохранившемся в рабочей тетради Фета (*Т 2*):

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света
Этот синий свод
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы
Этот говор вод.
Эти ивы и березы
Эти капли — эти слезы,
Этот пух, — не лист,
Эти горы, эти долы
Эти мошки, эти пчелы
Этот зык и свист,
Эти зори без затменья
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели
Эта дробь и эти трели
Это все — весна.

Стихотворение написано на обороте листа 134, что означает, что датировка его затруднительна, поскольку обороты листов Фет заполнял не в хронологическом порядке, нередко в целях экономии бумаги записывая под одним стихотворением другое. Так и в нашем случае, где после приведенного текста в нижней части листа вписано стихотворение «Ю. Б. Шумахер» («Среди фиалок, в царстве роз…»). В отличие от основного текста, написанного размашисто и даже выразительно (особенно красиво выведены начальные буквы «Э»), второй автограф смотрится достаточно стесненным, поэту явно не хватало места. Но главное отли-

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и свѣта,
Этотъ синій сводъ,
Этотъ крикъ и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этотъ говоръ водъ,
Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этотъ пухъ — не листъ,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этотъ зыкъ и свистъ,
Эти зори безъ затменья,
Этотъ вздохъ ночной селенья,
Эта ночь безъ сна,
Эта мгла и жаръ постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна.

[illegible]

[illegible]

Стихотворение Фета «Это утро, радость эта…»
Автограф (*ИРЛИ*)

чие не в этом. Стихотворение «Это утро, радость эта…» записано необычными чернилами почти зеленого цвета. Таким цветом записан лишь еще один автограф — посвящение переводчика «Любезному племяннику Петру Ивановичу Борисову» («Спасибо, друг, — ты упросил…») «Фауста» Гёте, над которым Фет трудился в 1880 и 1881 годах. Автограф этого стихотворения записан на обороте предыдущего, 133-го листа. К весне 1881 года перевод 1-й части «Фауста» был готов, и Фет рассылал его некоторым знакомым для внесения поправок. А стихотворное посвящение к «Фаусту» было послано в письме к Пете Борисову от 1 ноября 1881 года (с этим посвящением первая часть «Фауста» в переводе Фета и вышла в свет в 1882 году).

Таким образом, первое, что приходит на ум, — предположение, что оба стихотворения писались почти одновременно. Но когда? Если Фет сначала заполнил оборот листа 133, то оборот листа 134 был заполнен позже, возможно, после 1 ноября 1881 года. Однако могло быть и наоборот. И совсем не обязательно, что Фет послал посвящение «любезному племяннику» сразу после его написания. Стихотворение могло быть написано и ранее и позднее указанного срока. Как бы то ни было, стихотворение «Это утро, радость эта…», скорее всего, было написано в 1881 году.

Известно лишь несколько стихотворений, написанных Фетом в 1881 году. Это отклик на убийство Александра II: «1 марта 1881 года» («День искупительного чуда…»), шутливое поздравление О. И. Щукиной (в замуж. Иост): «1881 года 11 июля» («Желаю Оле…»), упомянутое посвящение Пете Борисову и стихотворение «Это утро, радость эта…». Вот, собственно, и все. Кроме того, с большой долей уверенности можно говорить, что в самом конце года было написано стихотворение «Отчего со всеми я любезна…», связанное, как показала в своей статье И. А. Кузьмина, тоже с именем Ольги Ивановны Щукиной.[17] В 1881 году Фетом был написан рассказ «Кактус», имеющий в своей автобиографической основе историю любви все той же О. И. Щукиной и управляющего имениями Фета Александра Ивановича Иоста, которая разворачивалась на глазах Фета и его жены в Воробьевке летом 1881 года.[18] Напрашивается мысль, что и стихотворение «Это утро, радость эта…» тоже могло быть связано с именем Ольги Щукиной.

---

[17] *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (По неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ.* 2008. № 2. С. 131–143.

[18] История замужества О. И. Щукиной, в которой поэту пришлось принять самое непосредственное участие, уговорив родных Ольги Ивановны выдать ее за не-

Первой, кто догадался о реальной подоплеке стихотворения «Отчего со всеми я любезна…», была давняя приятельница поэта А. Л. Бржеская. 4 января 1882 года она писала Фету: «Отчего?.. отчего?.. отчего?.. отчего это все написалось? Под влиянием чего сложилось в стих? А мне больше по душе „Alter ego“». Как пишет И. А. Кузьмина, «стихотворение это имеет характерную особенность: все нечетные строки в нем начинаются со слова „отчего“. Предмет данной миниатюры — переживания влюбленной девушки, не успевшей еще разобраться в своих чувствах, что и вызвало любопытство Бржеской <…>».[19]

С именем О. И. Щукиной оказалась связана творческая история нескольких произведений Фета, в том числе лирического цикла «Romanzero», который состоит из четырех стихотворений («Встречу ли яркую в небе зарю…», «Знаю, зачем ты, ребенок больной…», «В страданьи блаженства стою пред тобою…» и «Вчерашний вечер помню живо…»), имеющих точную датировку (15 и 22 июля, 2 и 5 августа 1882 года) и написанных, по точному замечанию И. А. Кузьминой, «на одном дыхании».[20]

Как справедливо установила исследовательница, если не принимать во внимание многочисленные стихотворные послания к родственникам и знакомым, в 1880–1881 годы «муза посещала поэта нечасто».[21] А в первые месяцы 1882 года Фет был занят главным образом переводом второй части «Фауста». Лирический цикл «Romanzero» действительно «выбивается» из ритма фетовского творчества данного периода. Разгадку появления этого цикла И. А. Кузьмина нашла в неопубликованных письмах А. Л. Бржеской, сохранивших подлинные слова поэта и раскрывающих причину необыкновенного взлета его лирического вдохновения. Откликаясь на три присланных стихотворения (без сомнения, из будущего цикла «Romanzero»), Бржеская писала: «…в письме Вашем от 1-го августа нашла я три прелестные стихотворения. Вы пишете, что посылаете их на мою критику? (Очевидно, так Фет воспринял удивление своей приятельницы по поводу стихотворения «Отчего со всеми я любезна…» и ее реплику, что «Alter ego» ей нравится больше. — *Н. Г.*) Но какой же я критик?».[22] Нет сомнений, что Бржеская, со-

---

богатого, но очень толкового и симпатичного ему человека, подробно изложена в указанной статье И. А. Кузьминой.

[19] *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“». С. 135.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же. С. 134.

хранившая до последних дней юношеский романтизм, предпочитала стихи, посвященные ушедшей возлюбленной Фета. Сама она жила воспоминаниями о покойном супруге, ее письма наполнены этими воспоминаниями, в которых Фет всегда присутствовал в качестве друга ее мужа — поэта и переводчика Алексея Федоровича Бржеского.

Но присылку стихотворений Фет сопроводил признанием в том, что пережил «захватывающее душу счастье почуять в себе весь прилив молодости, все дыхание весны жизни…». Эти слова Фета Бржеская заключила в своем письме в кавычки и откликнулась на них: «Что же вызвало в Вас эту весну, милый, милый поэт? А также и намек на роман в Вашем доме „с действующими лицами «Кактуса»“ я не поняла».[23] В следующем письме Фет разъяснил ситуацию, рассказав, как он, «приняв к сердцу молодую пламенную любовь, поскакал в Москву» и уговорил родителей Ольги Ивановны дать согласие на брак влюбленных. «Так отрадно слышать о счастье, когда отовсюду только грустные известия <…>», — писала Бржеская Фету.

Но эти письма относятся уже к лету 1882 года, а стихотворение «Это утро, радость эта…» написано, как уже говорилось, в 1881-м. Известно, что последние три года до замужества О. И. Щукина подолгу гостила в Воробьевке. По-видимому, летом 1881 года роман уже начинался, недаром в шутливом поздравлении с именинами «1881 года 11 июля» слышится намек на предстоящее замужество:

Желаю Оле
Здоровья боле,
Чтоб жить ей доле
Пока на воле,
А в брачной доле
У мужа в холе.

История завершилась счастливым браком, хотя, как верно заметила И. А. Кузьмина, Фет «с самого начала понимал, что зять миллионера Щукина недолго останется в Воробьевке, и, устраивая его счастье, действовал именно как друг, вопреки собственным интересам».[24] Именно в этой атмосфере зарождавшейся и расцветавшей любви Фет создал одно из самых пронзительных лирических стихотворений, настоящий гимн радости.

Остается добавить, что впервые стихотворение «Это утро, радость эта…» было опубликовано Б. В. Никольским во втором томе Полного

---

[23] *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“». С. 134.
[24] Там же. С. 141.

собрания стихотворений А. Фета[25] с разбивкой на три строфы и с изменениями в пунктуации. В таком виде опубликовал его и Б. Я. Бухштаб. Оснований для подобного изменения авторского замысла нет. Однако М. Л. Гаспаров, посвятив этому стихотворению значительную часть своей известной статьи «Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова», исходил именно из трехстрофной композиции. Не возникло сомнений на этот счет и у его коллег при обсуждении статьи, о чем исследователь сообщил в постскриптуме к своей работе.[26]

Любопытно, что в переписке Фета не сохранилось ни одного свидетельства о посылке этого стихотворения кому-либо их своих знакомых. Не включил его поэт ни в один из выпусков «Вечерних огней». Оно так и осталось в его рабочей тетради. Здесь заключается тайна, которую пока еще никто не разгадал.

---

[25] *ПССт 1901*. Т. 2. С. 488.

[26] *Гаспаров М. Л.* О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001. С. 28–35, 42. Попутно заметим, что вряд ли корректно отнес автор к «безглагольным» стихотворениям «Только в мире и есть, что тенистый…», поскольку в нем четырежды повторяется глагол «быть» в значении «существовать».

В. А. Кошелев

О ЦИКЛЕ ФЕТА «ВЕЧЕРА И НОЧИ»

Первые одиннадцать стихотворений, вошедшие в цикл «Вечера и ночи», появились сначала в пятом номере петербургского журнала «Отечественные записки» за 1842 год. В журнале они были напечатаны в том же порядке и в тех же редакциях, в которых вошли в интересующий нас поэтический сборник 1850 года.

Уже это обстоятельство чрезвычайно много говорит о своеобразии фетовского дарования. Во-первых, как уже давно отмечено, ему было почти безразлично, в каких изданиях печатаются плоды его поэтических вдохновений. В январе — марте 1842 года три стихотворных цикла поэта были напечатаны в самом *консервативном* тогдашнем литературном журнале, «Москвитянине», а в мае того же года — в самом *либеральном* органе, «Отечественных записках». «Одновременное участие, — отмечал Б. Я. Бухштаб, — в реакционном „Москвитянине“ и в самом прогрессивном журнале того времени — „Отечественных записках“ говорит о политической индифферентности Фета».[1]

Здесь, кажется, не очень удачен термин «индифферентность». Индифферентный (от лат. indifferentis) — безразличный, равнодушный, неактивный, не вызывающий к себе интереса. Каждый из этих эпитетов едва ли применим к Фету. Он действительно всю жизнь стремился быть аполитичным, но это у него плохо получалось, — даже и в собственно «журнальном» отношении. В конце 1859 года, собираясь стать на стезю литературного профессионализма, он, к примеру, заявил А. В. Дружинину, упрекнувшему его за «неразборчивое» сотрудничество с журналом «Русское слово»: «Если бы портной Кундель издавал журнал под

---

[1] *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет: Очерк жизни и творчества. 2-е изд. Л., 1990. С. 21.

названием <…> и давал мне деньги за мои стихи, я, при моей бедности, стал бы работать для Кунделя».[2] А еще через 30 лет пришел к совсем уж горестному итогу: «…стихотворения наши не могли быть помещаемы на страницах журналов, в которых они возбуждали одно негодование. Единственное исключение представлял „Русский вестник", не ставивший тенденциозности непременным условием. Но когда в 1885 г. мы сочли дальнейшее наше сотрудничество в „Русском вестнике" невозможным, то *единственным путем обнародования остались для нас выпуски небольших сборников*».[3]

Так что дело здесь не в изначальной «индифферентности» Фета-поэта или Фета-политика, а в отсутствии «тенденциозности» в его произведениях. Фет органически не соответствовал той эпохе, на которую пришелся пик его поэтической славы: 1850-е — 1860-е, «эпоха реформ», эпоха общественных сдвигов и бурных собраний. Литература призывалась к горячему участию в общественных делах — и охотно откликалась на эти призывы. В одном многочисленном собрании в Москве в январе 1858 года, где предметом шумных обсуждений были пути решения только что возбужденного тогда «крестьянского вопроса», к Фету подошел редактор «Русского вестника» М. Н. Катков и с воодушевлением призвал: «Вот бы вам вашим поэтическим пером иллюстрировать это событие». «Я, — вспоминал впоследствии Фет, — не отвечал ни слова, не чувствуя в себе никаких сил *иллюстрировать* какие бы то ни было события. Я никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо, помимо красоты».[4]

С 1860-х годов журналы относились к подобному *бессилию* перед требованиями эпохи как к явлению сугубо отрицательному и раздражающему. В 1840-е годы еще жила память о пушкинской «свободной» позиции — и отсутствие «сугубой тенденциозности» в стихах считалось терпимым. Для Фета была важна не общественная позиция того или другого журнала, а то, что «Отечественные записки», например, издавались не в Москве, а в Петербурге, то есть имели другой круг читателей. И — более широкий круг читателей, ибо в годы активного сотрудничества в журнале В. Г. Белинского они выходили большим тиражом, — на порядок больше, чем тираж «Москвитянина». И деньги, соответственно, платили, — что для Фета было немаловажно.

---

[2] См. письмо А. В. Дружинина к Л. Н. Толстому от 31 декабря 1859 г.: *Толстой. Переписка*. Т. 1. С. 294.

[3] *Фет А. А.* Предисловие // *ВО 3.* С. V–VI. Здесь и далее курсив наш. — *В. К.*

[4] *МВ*. Ч. 1. С. 225.

Во-вторых, здесь опять-таки чувствуется «рука» Аполлона Григорьева. Это он, а не Фет собственно *составлял* первые фетовские публикации — и цикл «Вечера и ночи» показался ему настолько удачен, что он без обиняков присоветовал послать его в модный питерский журнал, который читался у молодежи с бóльшим вниманием, чем «археологический» «Москвитянин». Привлечение поэта к петербургскому журналу произошло, вероятно, через посредство В. П. Боткина, приятеля Белинского, уже выступившего в его журнале. Сам Григорьев в то время еще не сотрудничал с «Отечественными записками», но рассчитывал в данном случае на его ведущего критика, каковые в те времена активно участвовали в составлении журнала: уж Белинский-то не отвергнет мощный поэтический талант молодого Фета!

Белинский действительно «не отверг», хотя уже в ту эпоху он твердил, что «век поэзии» для российской словесности прошел, что наступил период «прозаико-повествовательный» и что негоже молодым талантам заниматься всякими поэтическими «глупостями». Фета он сразу же выделил изо всех, отметив, например, в обзоре за 1843 год, что, кроме посмертно напечатанных произведений покойного Лермонтова, стали явлением «довольно многочисленные стихотворения г. Фета, между которыми встречаются истинно поэтические».[5] И вообще Фет «всех даровитее» из живущих в Москве поэтов.

Такой отзыв от Белинского был тем более неожиданным, что Фет ни в коем случае не «подделывался» под модную «социальность» и в первых своих поэтических манифестах высказывался в смысле, прямо противоположном эстетике Белинского. В напечатанном в 1842 году в «Отечественных записках» цикле его стихов на четвертом месте стоял своеобразный манифест «истинной красоте» — единственному источнику для поэзии. Будь эта мысль выражена в критической статье или ученом труде, — Белинский не преминул бы высмеять ее:

Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут…
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах;
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнаёт в цветке затаенную сладость,
Только художник на всем чует прекрасного след.[6]

[5] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 94.
[6] Впервые: *ОЗ.* 1842. Т. 22. № 5. Отд. I. С. 184.

Тем не менее Белинский промолчал. Может быть, оттого что в данном случае Фет развивал мотивы «Римских элегий» Гёте, которого Белинский в то время весьма уважал… В статье о сборнике 1850 года Ап. Григорьев специально подчеркнул, что в этом «манифесте» поэт шутит «над педантами, надоевшими ему толками о высоком и прекрасном, и больше прекрасного находит он в черных глазах прекрасного создания». И ниже: «Да, это истинная поэзия — пусть навеяна она влиянием Гёте: в ней есть самобытный элемент, элемент русской беззаботности, которая вовсе не то, что античное carpe diem!».[7]

Ап. Григорьев, посоветовав Фету послать свой лучший поэтический цикл в самый «либеральный» журнал, — в сущности, «проверял» не столько Фета, сколько журнал: умеют ли новейшие «прогрессисты» чувствовать настоящую поэзию, чуждую им по духу?

И третье обстоятельство, самое замечательное. Каким-то невероятным образом Фет-поэт за очень короткое время прошел стремительную эволюцию от «неплохого» автора стихов «Лирического Пантеона» до уникального создателя собственной поэтической манеры, предвосхитившей развитие русской поэзии на целое столетие. Совершилось это буквально за считанные месяцы. «Лирический Пантеон» формировался во второй половине 1840 года. Стихотворные циклы, достойным завершением которых стали «Вечера и ночи», *уже были написаны в следующем*, *1841 году.*

Каким образом и когда именно совершилась эта стремительная поэтическая эволюция Фета, можно только догадываться. Факты его юности вообще отрывочны и не очень достоверны. От этого времени сохранились разве что его собственные, весьма избирательные и субъективные воспоминания да несколько писем, отражающих охлаждение отношений к прежнему приятелю Иринарху Введенскому.[8] Мы знаем, что начало года Фет встретил в Московской градской больнице: там он познакомился с отзывами на «Лирический Пантеон» (сочувственным в «Отечественных записках» и глумливым в «Библиотеке для чтения»[9]).

---

[7] Стихотворения А. Фета. *Москва, 1849* // Там же. 1850. Т. 68. № 2. Отд. V. С. 64; без подписи. Далее: *Григорьев (1850).* «Carpe diem» («лови мгновение») — призыв Горация уметь пользоваться сегодняшним днем.

[8] Эти письма приведены и подробно проанализированы Г. П. Блоком в книге «Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам» (Л., 1924).

[9] Рецензии П. Н. Кудрявцева и О. И. Сенковского (барона Брамбеуса) появились соответственно в: *ОЗ.* 1840. № 12. С. 40–42; *БдЧ.* 1841. Т. 44. Отд. VI. С. 1–4. Подробнее о них см.: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 420–424.

Можно предположить, что тогда же, зимой 1841 года, он, нерадивый студент второго курса словесного отделения, начинает бывать в доме у профессора С. П. Шевырева, а через него становится вхож в некоторые московские литературные салоны (Федора и Авдотьи Глинок, Николая и Каролины Павловых и др.). В Москве его посещают немецкие родственники: дядя Эрнст Беккер (родной брат матери), единоутробная сестра Каролина Фёт.

В апреле — мае 1841 года Фет держит переходные экзамены на третий курс и не без труда их сдает (по теории словесности и критики — 5, по римской словесности, по немецкой словесности и по средней истории — 4, по политической экономии — 3, по греческой словесности — 2). 10 июня его переводят на третий курс — и на лето он, до августа, уезжает в родные Новоселки, где занимается «более или менее удачными охотами»… Кажется, именно там, в Новоселках, Фет впервые испытал те ощущения, которые были поэтически описаны в «Вечерах и ночах».

Во всяком случае, в воспоминаниях неоднократно описываются ситуации, близкие к поэтическому миру этого цикла. Вот поэт решил посетить дедовскую «фамильную» усадьбу Клейменово и остался на ночь в одиночестве в «длинном, соломою крытом барском доме», окруженном «совершенно заросшим и заглохшим садом», в «анфиладе пустых комнат» (слуги, убоявшись спать в пустом доме, остались «ночевать в повозке»):

«На этот раз я даже не зажигал свечки, а лег на диван, стараясь заснуть. Сумерки незаметно надвинулись на безмолвную усадьбу, и полная луна, выбравшись из-за почерневшего сада, ярко осветила широкий двор перед моею анфиладой. Случилось так, что я лежал лицом прямо против длинной галереи комнат, в которых белые двери стояли уходящими рядами вроде монахинь в „Роберте“.

Но вот среди тишины ночи раздался жалобный стон; ему скоро завторил другой, третий, четвертый, десятый, и все как будто с разными оттенками. Я догадался, что это сычи, населяющие дырявую крышу, задают ночной концерт. Но вот к жалобному концерту сычей присоединился грубый фагот сыча. Боже, как тут заснуть под такие вопли? Даже равнодушный Трезор, уместившийся около дивана, начинал как бы рычать в полусне, заставляя меня вскрикивать: тубо! Зажмурю бессонные глаза, но невольно открываю их, и передо мною опять в лунном свете ряд белых монахинь».[10]

А вот то же «бессонное» ощущение, выраженное гекзаметрами:

---

[10] *РГ.* С. 187–188.

Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый
Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле…
Самые звуки доступней, даже когда неподвижен
Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме
Всё невозможно-возможное, странно-бывалое… Лампа
Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоет — и тихонько
В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне:
Сердце в них находило всегда какую-то влагу,
Точно как будто росой ночи омыты они…
Звук всё тот же поет, но с каждым порывом иначе:
То в нем меди тугой более, то серебра.
Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая, слышит…
В мыслях иное совсем, думы волна за волной,
А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет
Лампу и звуки, и ночь — их сочетавши в одно:
Так посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научает ее мир созерцать и себя.[11]

В цикле «Вечера и ночи» причудливо перемешаны «городские» и «сельские» образы. Вот типичный «старомосковский» уголок: Замоскворечье, с его теснотою домов и садов, оживленное птичьим пением и видением прекрасной «соседки»: «Право, от полной души я благодарен соседу. / Славная вещь — под окном в клетке держать соловья…». Кажется, что дело происходит в Москве: не так-то просто услышать соловья у деревенского соседа — и где в деревне увидишь «озлатившиеся» кресты на многих церквах? Но тут же, рядом, живые ощущения от какой-нибудь летней «удачной охоты» в деревне — еще бы не удачной: «Чаще всего мне приятно скользить по заливу…»:

Мил мне один предпочтительно…
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь, каждой весною,
С протянутой шеей, летает вокруг
И садится у брега
На тихие воды.
Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.

---

[11] Впервые: Москвитянин. 1843. № 2. С. 359 (под заглавием «Ночь»), впоследствии вошло в цикл «Вечера и ночи» (под номером XII): Стихотворения А. А. Фета. М.: В типографии Н. Степанова, 1850.

Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Сребрит и волны и листья…
Он не молкнет, поет
Всё громче и громче.
Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это — жизнь или сон?..
Счастлив я или только обманут?
Нет ответа…

«И нет ответа на этот вопрос, — пишет Ап. Григорьев, — да и не затем был сделан вопрос, чтобы на него дан был ответ <…> И равно, как поэта, так и вас удовлетворяет это многозначительное безмолвие природы».[12]

И в замоскворецкой тесноте, и на протоках лесной реки, и в видениях «соседки», и в мыслях о «красноглазом кролике» — поэт все один и тот же. Психологически его приятие мира неизменно и чрезвычайно глубоко. Всё как будто просто: весной, когда «кровь бродит», в голову лезут всякие мысли — попробуй-ка разберись! Помогает его поэтический «собрат» — *соловей*, маленькая серая птичка, которая не стесняется просто и откровенно «выпевать» именно то, что ее посетит в данный момент. Поэтому поэт и отождествляет себя самого с соловьем: он, в сущности, так же непритязателен и неприметен, — но так же прямо привык выражать обуревающие его чувства. И те устойчивые образы, которые являются в его стихах, — это, в принципе, очень простые, «соловьиные» образы: те же, что движут и природное «соловьиное эхо». «Вдали огонек за рекою», «расцветающий сад», «на небе ясном высоко сверкает зарница», «звездное небо во мгле дальнего облака ждет», «плывет прохладительный воздух», «месяц смеется в окно»… От таких впечатлений и соловей, исполнившись ими, запоет, — и поэт его подхватит!

Не менее важно, что в цикле «Вечера и ночи» лирический герой, в общем-то, *один* и *одинок*. Это не стихи о любви в смысле физического или даже духовного влечения мужчины и женщины, — *любовь* в этом фетовском цикле возникает как важнейшая составляющая того чувственного хаоса, в который поэт извечно погружен, как равноденствую-

---

[12] *Григорьев (1850)*. С. 63.

щая тех неостановимых и прямо отражаемых мыслей, которые он, подобно соловью, выражает в то время, когда учится «мир созерцать и себя».

Правда, и сам я пишу стихи, послушный богине;
Много и рифм у меня, много размеров живых…
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурою уст, с вольным размером любви.

Тургенев при составлении позднейшего фетовского сборника 1856 года «дополнил» этот цикл знаменитым стихотворением «Шепот, робкое дыханье…», — но оно, в сущности, разрушало единство цикла, конструируя «чужеродные» для него мотивы. В «Вечерах и ночах» попросту *нет* второго, женского персонажа: есть воображенная «соседка», «друг мой», «она», — но эта «соседка» оказывается не более чем видением, мелькнувшим в вечернем сумраке расцветшего майского сада.

Да и само заглавие поэтического цикла Фета настраивает на несуетное внутреннее созерцание того *особенного* мира, который конструируется в *особенное* время суток, здесь обозначенное.

Заглавие кажется несколько «незаконным». В четырехчастном делении суток обыкновенно сополагаются (по принципу антитезы) не близкие, а отдаленные друг от друга части. *День* соотносится с *ночью* — это два «устойчивых» состояния, противопоставленные одно другому по всем показателям (день — светло, тепло, весело и т. д.; ночь — темно, холодно, страшно и т. д.; и все это *надолго*). А *утро* — с *вечером*: это два «зыбких», «преходящих» состояния времени, когда все постоянно меняется и находится в движении, в переходе: *утро* — это *ночь*, переходящая в *день*, а *вечер* — это *день*, становящийся *ночью*.

Соотнесенность *дня* и *ночи* уже самодостаточна для ощущения продолжительности времени. Вот у Пушкина: «И *днем* и *ночью* кот ученый…», «С больным сидеть и *день* и *ночь*…», «Войска идут *день* и *ночь*…». У Тютчева: «Но меркнет *день* — настала *ночь*…». У Некрасова: «*Днем* с полюбовницей тешился, *ночью* набеги творил…». Ощущения *утра* и *вечера* возникают тогда, когда представление о бытии нестабильно и скоро преходяще, «как утренний туман» — «как вечерняя заря». Если поэтическое *утро* становится символом молодости и надежды, то поэтический *вечер* предстает в ореоле старости и будущего покоя: «Клянуся *утренней* звездой, клянусь *вечернею* молитвой…».

В фетовском цикле «Вечера и ночи» две соотнесенные в заглавии части человеческих суток ни разу не упоминаются рядом, в пределах одного стихотворения. В первых стихах возникает *вечер* — чудесное

время упокоения от будничных дел и одновременно какого-то пробуждения неясных желаний в предвкушении будущей ночи: «Я жду… Соловьиное эхо / Несется с блестящей реки…». Потом наступает устойчивая *ночь*: «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..». И только в последних текстах цикла вновь возникает *вечер*: «Что за вечер, а ручей / Так и рвется…» — как будто не было ни утра, ни дня… Впрочем, *утро* и *день*, конечно, предполагаются, — но они вступают с *вечером* и *ночью* в непримиримую антиномию. *Утро* — естественная пора пробуждения к будущему дню и к соответствующим надеждам, упованиям на будущее; *день* — время осуществления этих надежд, время деятельности и людской активности. *Вечер*, напротив, — это пора успокоения и постепенного освобождения от дневных забот и предощущение *ночи*, поры покоя и тихой любви.

А поскольку «дневные» дела не очень-то ладятся и вовсе не радуют, то — «Ночью как-то вольнее дышать мне, / Как-то просторней… / Даже в столице не тесно!..». Фет дает сокровенный манифест «спокойного» — *ночного* — самоощущения человеческой души, существующей «тихо и чутко». Все стихотворение наполнено «ночными» знаками этой особенной чуткости: и «прохладительный воздух», и «месяц-волшебник», проливающий «зеркальный» свет на ставший необычным привычный пейзаж из окна, и приобретающие некую многозначительность привычные дневные звуки: «бой отдаленных часов», «крик часового», «стук колеса»… Человеческая душа, упоенная ночью, существует как бы в ином, не-дневном, мире.

Для того чтобы окунуться в этот мир, Фету потребовалось изобрести новую поэтическую систему координат — или вернуться к «хорошо забытому старому».

«В былые времена, — не без иронии отметил чуткий Ап. Григорьев, — когда еще верили в существование особенного отдела поэзии — поэзии описательной, „Вечера и ночи“ непременно причислили бы к этому отделу».[13] Если в «Лирическом Пантеоне» Фет шел по следам привычного в русской поэзии романтического способа отражения мира, то в данном случае как будто возвратился на столетие раньше — в «просветительский» XVIII век. Еще в самом начале Просвещения во всех европейских литературах явилась мода на описательную поэзию, которая стремилась передать зримый мир средствами слова, совместить непосредственное чувственное восприятие с абстрактно-логическим знанием. Появился целый ряд больших описательных произведений вроде

[13] *Григорьев (1850).* С. 62.

«Виндзорского леса» (1713) Александра Поупа, «Времен года» (1730) Джеймса Томсона, «Весны» (1749) Эвальда Клейста, «Садов» (1782) Жака Делиля. Природа представала в них в «расчисленном» и достаточно холодном виде, а сами они представали своеобразными пособиями по ее «улучшению» — как «Сады» Делиля оказались едва ли не пособием по садоводству.

«Задача ее, этой описательной поэзии, — продолжает Ап. Григорьев, — состояла в том, чтобы копировать природу с малейшими и точнейшими ее подробностями; она забывала, что в художественном создании есть своя перспектива, что в этой перспективе все мелкие подробности сливаются в нечто общее, что это общее есть или сжатый, могучий образ, или глубокое чувство — и не мудрено, что целые курсы ботаники или геологии стали вмещаться в эти огромные поэмы; не мудрено, что все стихотворцы принялись за этот род поэзии как за самый удобный».[14]

Сам материал — природа — как будто подсказывал создателям этих поэм «четырехчастное» членение своих созданий. Появляются поэмы о четырех временах года, о четырех частях суток, о четырех жизненных стихиях (вода, огонь, воздух, земля), о четырех человеческих возрастах (детство, юность, зрелость, старость), о четырех частях света (Европа, Азия, Африка, Америка — Антарктида тогда еще не была открыта, а Австралия самостоятельной частью света не считалась). Эта четырехчастная структура выступала как универсальная пространственная и временная модель мира, определяющая его бытие и сознание; был утвержден в качестве определяющего и принцип метаморфозы — превращения, перехода из одного состояния в другое, составляющего основной предмет художественного интереса. Выработалось и представление о «невидимых нитях», связывающих человека с неживой природой, — оно соответствовало и чрезвычайно популярному тогда учению о «животном магнетизме», и масонским представлениям о «переселении душ» и «единстве духа»…

«Между тем, — делает неожиданный вывод Григорьев, — нет ничего труднее, как описывать природу, если только воспроизведение ее моментов можно назвать описанием. Природа жива, как человек, разнообразна и неуловима в своих оттенках и отливах, как разнообразна жизнь — и широка должна быть натура художника, могущего уловить всецело хотя один ее момент, передать хоть частицу ее необъятного содержания».[15]

---

[14] *Григорьев (1850)*. С. 62.

[15] Там же.

В представлении критика (и друга) Аполлона Григорьева Фет оказывается именно таким художником «широкой натуры». В отличие от своих предшественников в описательной поэзии, он и не пытается создавать «геометрически правильных» конструкций природоустройства, а довольствуется лишь передачей отдельных «моментов природы». Из четырех частей природных суток он выбирает только два — и к тому же «незакономерно» сополагает их. Но, представляя эти два «момента природы», он умеет «дать другим почувствовать» их не в холодном описании, а в самой «сердечной» глубине. Ибо — «Я люблю многое, близкое сердцу…». Такого рода создание требует особенного устройства души — и особенного отношения к себе как к поэту:

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы,
Запад неба бледно-красен
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам:
То табун несется рысью.
Да оставь окно в покое,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое,
Полетел бы из окошка.

Последние четыре стиха переводили словесное описание, перечисляющее «зрительные» и «слуховые» приметы летнего вечера, в некий внутренне поэтический символ. От точных «наблюдений» поэт вдруг переходит к воссозданию ситуации этих наблюдений — из окна — и передает восторг от полноты вдохновляющего ощущения природы: «Полетел бы из окошка!..».

Фет лирически предваряет знаменитый монолог героини драмы А. Н. Островского «Гроза»: «Отчего люди не летают так, как птицы?..».

Почему-то эта концовка не понравилась Тургеневу: в издании 1856 года он оставил в фетовском стихотворении только две первые строфы.

А сам Фет в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859) писал о «безумной, слепой отваге», которой требует поэтическое творчество, и приводил свой ставший знаменитым афоризм, который шокировал критику и стал предметом постоянных насмешек: «*Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик*».[16]

[16] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 187.

Этот афоризм весь — как отметил М. В. Строганов — «метафора-гипербола», даже и «седьмой этаж»: «…в фетовские времена в Петербурге (самый высокий город в России) и четвертый-то этаж был уже „петербургскими вершинами“, а до седьмого этажа голова задраться-то не могла, их попросту не было».[17]

«Шестидесятники», с насмешкой встретившие это высказывание, сделали естественный в системе их воззрений вывод о «глупости» Фета. Н. Г. Чернышевский позднее замечал (в письме сыновьям от 8 марта 1878 года): «…есть у него пьесы, очень миленькие. Только все они такого содержания, что их могла бы написать лошадь, если б выучилась писать стихи, — везде речь идет лишь о впечатлениях и желаниях, существующих и у лошадей, как у человека. Я знавал Фета. Он положительно идиот: идиот, каких мало на свете. Но с поэтическим талантом».[18] Даже Достоевский, высоко отзывавшийся о фетовском таланте, воспринял это «всем известное поэтическое правило» более чем снисходительно: «…для каких причин? — я до сих пор этого не понимаю; но уж пусть это непременно надо, чтоб быть поэтом; не хочу спорить».[19]

Между тем Фет писал не обо всяком поэте — о *лирике*. Если поэт, подобно «просветителям» XVIII столетия, может точно «рассчитать» конструкцию своего словесного описания, не утратив при этом убедительности, его счастье. Но в том-то и дело, что *лирик* лишен такой возможности — и вынужден заменять рассудительность лирическою «дерзостью», которая точно требует «безумной, слепой отваги». А эта отвага по закону «противоположности» (и его тоже вспоминает Фет) должна соседствовать с «величайшей осторожностью», с точно рассчитанным «чувством меры». Поэтическая «дерзость» не возникает из ничего.

Приведенную выше знаменитую формулу о «безумной смелости» Фет произнес от восторга перед лирическим образом Тютчева: «*Поют* деревья…». И уточнил: «Не станем, подобно классическим комментаторам, объяснять это выражение тем, что тут поют сидящие на деревьях птицы, — это слишком рассудочно; нет! нам приятнее понимать, что деревья поют своими мелодическими весенними формами, поют

[17] *Строганов М. В.* Несколько слов о писателе Фете // *Фетовские чтения (XVII).* С. 5. Об этой ставшей визитной карточкой Фета фразе см. также: *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 454.

[18] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1950. Т. 15. С. 193.

[19] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 76.

стройностью, как небесные сферы. Зато каким скачком рвется вперед <…> лиризм стихотворения <…>».[20]

Почти ту же мысль выразил — чуть раньше Фета — Лев Толстой в письме к В. П. Боткину от 9 (21) июля 1857 года из Цюриха. Боткин тогда прислал к нему новое, только что написанное стихотворение Фета «Еще майская ночь» («Какая ночь! На всем какая нега!..»). Толстой восхитился смелостью образа, нечаянно возникшего во второй строфе:

И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Он переписал эти два стиха в письме и заметил: «Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов».[21]

Сохранилось много свидетельств того, что Лев Толстой и Фет сходно ощущали и общие вопросы поэтического творчества, и частности отдельных стихов. В приведенном выше отзыве Толстого говорится, в сущности, о том же, о чем броско заявил Фет в своей метафоре о «седьмом этаже». Фет просто употребил слишком неожиданное сравнение, предполагающее абсолютное соответствие *человека* и *поэта*.

В самом деле, *поэт*, пришедший в восторг от точного и необычного образа, который не мог быть создан «логическим» путем, а «вдруг», в одно прекрасное мгновение, явился к нему откуда-то «свыше», — очень похож на *человека*, который вдруг как будто ощутил, что у него вырастают крылья. А как «проверить», что они действительно выросли? Единственный способ — это *попробовать*. И безоглядно прыгнуть с высоты «с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху». А иначе — не узнать. Лирика стоит на «непоколебимой вере» в то, что между предметами и явлениями существуют некие неподвластные элементарной логике и анализу отношения...

Такая безоглядность становится естественным ощущением поэта.

В человеке она кажется чрезмерной и чересчур романтичной. Да и не каждый человек, почувствовав, что у него крылья выросли, способен пуститься в полет.

Так ведь и *поэт* — далеко не каждый…

---

[20] *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 187.

[21] *Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 221.

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА И. П. БОРИСОВА и Н. А. ШЕНШИНОЙ (БОРИСОВОЙ) к А. А. ФЕТУ и М. П. ФЕТ

Часть I
1850–1861

Публикация И. А. Кузьминой

Авторы публикуемых ниже писем занимали исключительное место в окружении А. А. Фета. Надежда Афанасьевна Борисова, в девичестве Шеншина (1832–1870) была его любимой сестрой, среди Шеншиных единственным, кроме матери, духовно близким человеком, а с мужем ее Иваном Петровичем Борисовым (1824–1871) Фета с молодых лет связывали отношения, которые можно назвать не только дружескими, но и братскими.

Переписка между Фетом и Борисовым началась в 1840-е годы и длилась до смерти одного из корреспондентов, фетовская ее часть недавно вышла из печати в составе очередного тома «Литературного наследства». Письмам Фета предшествует статья Г. Д. Аслановой,[1] в значительной степени посвященная личности Борисова, поэтому в данной публикации ограничимся лишь кратким изложением истории его жизни, неотделимой от жизни Н. А. Шеншиной.

И. П. Борисов родился 11 февраля ст. ст. 1824 года[2] в деревне Фатьяново Мценского уезда Орловской губернии. Родителями его были

[1] Письма к И. П. Борисову. 1846–1871 / Публикация Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; Вступит. ст. и коммент. Г. Д. Аслановой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 64–75.

[2] Справка Орловской духовной консистории от 19 января 1831 г. // *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 17. № 5309. Л. 14.

Петр Яковлевич Борисов (1790?–1830) и Мария Петровна Борисова, урожд. Денисьева. Фатьяново находилось в 10 верстах от Новоселок, имения Афанасия Неофитовича Шеншина. После смерти П. Я. Борисова, убитого собственными дворовыми, А. Н. Шеншин взял на себя опеку над его детьми, и шестилетний Ваня на некоторое время переселился в Новоселки, где воспитывался вместе с Фетом, считавшимся тогда сыном Шеншина.

Отношения Фета и Борисова возобновились через несколько лет в Москве, где выпущенный из кадетского корпуса Борисов служил при Генеральном штабе, а Фет учился в университете. В 1844 году Борисов перевелся в кирасирский полк, расквартированный в Херсонской губернии, а через год к нему присоединился и Фет, поступивший в тот же полк унтер-офицером. Служили они вместе менее двух лет: в феврале 1847 года Борисов вышел в отставку и зажил помещиком в родном Фатьяново.

В 1848 году в имении А. Н. Шеншина Борисов встретил его младшую дочь Надежду, только что выпущенную из Смольного института. Это событие определило его дальнейшую судьбу. «Весьма интересная» по наружности[3] (по словам ее брата Фета) юная смолянка навсегда покорила сердце Борисова, он просил ее руки, но получил решительный отказ. Борисов оказался однолюбом и не смог побороть свое чувство. После очередного отказа Шеншиной он записался в Егерский князя Воронцова (Куринский) полк и отправился на Кавказ, где выказал отчаянную храбрость, участвуя в экспедициях против горцев, а во время Крымской войны сражаясь с турками. Болезнь вынудила его подать в отставку, 9 октября ст. ст. 1856 года он был уволен от службы с чином майора[4] и вернулся домой.

---

[3] *МВ*. Ч. 1. С. 2.

[4] Согласно указу об отставке Борисова, он был выпущен из 1-го Московского кадетского корпуса 8 августа 1842 прапорщиком и определен в 17 артиллерийскую бригаду, в батарейную № 3 батарею, с прикомандированием к Генеральному штабу; 3 ноября 1844 переведен в Кирасирский Военного ордена полк с переименованием в корнеты; 15 августа 1845 произведен в поручики; по домашним обстоятельствам уволен от службы 18 февраля 1847; определен вновь на службу в Егерский генерал-адъютанта князя Воронцова полк 9 июня 1850; за отличие в делах против горцев произведен в штабс-капитаны 4 декабря 1851, а за отличие в сражении против турок произведен в капитаны 18 мая 1855. С 7 октября 1855 до самой отставки служил адъютантом наказного атамана Черноморского казачьего войска (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 17. № 5310. Л. 6–11).

Разлука с Н. А. Шеншиной не охладила чувств Борисова. В 1857 году девушка перенесла тяжелое психическое расстройство, вызванное любовным разочарованием, но и это не оттолкнуло ее поклонника. Доктора советовали замужество как единственное средство избежать возвращения болезни, а Фет со своей стороны всячески пытался настроить сестру в пользу друга. 8 января ст. ст. 1858 года Борисов и Шеншина обвенчались. Надежда Афанасьевна со временем оценила преданность мужа, ответив на его заботы если не любовью, то нежной привязанностью, но семейное счастье Борисовых продлилось недолго. Через несколько месяцев после рождения сына Петра (1858–1888) болезнь Надежды Афанасьевны снова дала себя знать, а в 1863 году она навсегда рассталась с семьей и остаток жизни провела в психиатрических лечебницах. Иван Петрович посвятил себя воспитанию сына, на которого перенес всю свою любовь. По справедливому замечанию Е. М. Хмелевской, судьба пощадила его только в одном: он не увидел страшный конец Пети.[5] И. П. Борисов умер от чахотки в мае 1871 года, в возрасте сорока семи лет. Жена его скончалась годом раньше, 1 марта ст. ст., в петербургской больнице Всех Скорбящих.

Переписка Фета и Борисовых имела регулярный характер, но дошла до нас далеко не в полном объеме. В настоящей публикации представлены письма 1850–1861 годов, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (№ 20271, 20272, 20273, 20307) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 315. К. 5. № 76,[6] 77; К. 6. № 23), большинство из них относится к периоду совместной жизни Н. А. и И. П. Борисовых. Это лишь часть выявленных писем, остальные будут напечатаны в следующих выпусках. Почти все письма в полном виде воспроизводятся впервые, отрывки из некоторых писем приведены в упомянутой выше статье Г. Д. Аслановой, а также в примечаниях к письмам Фета к И. П. Борисову.

Письма публикуются с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, в ряде случаев сохраняются авторские особенности написания. Все даты, за исключением особо оговоренных случаев, приводятся по старому стилю. В ломаных скобках раскрываются сокращения, а также восстанавливаются пропущенные слова.

---

[5] См. вступит. статью Е. М. Хмелевской к подготовленной ею публикации писем И. П. Борисова к И. С. Тургеневу: *Хмелевская.* С. 336. П. И. Борисов окончил свою жизнь, как и Надежда Афанасьевна, в психиатрической лечебнице.

[6] Данная единица хранения включает 27 писем Борисова; выражаю глубокую благодарность Л. И. Черемисиновой за помощь в подготовке их к печати.

1

Н. А. Шеншина — А. А. Фету

Октябрь (?) 1850. Из Новоселок в Новогеоргиевск

185<0?>.

Si tu m'avais vu à cet instant tu m'aurais demandé de ce qui me fait rougir, c'est qu'en vérité j'ai extrêmement conscience en commençant cette lettre; je m'imagine que tu t'es moqué de moi en recevant mon ouvrage inachevé. J'ai voulu le doubler mais sur le champ je vais te conter comment et par quelle cause je te l'ai envoyé dans un si grand désordre; tu dois te rappeler que je t'en ai parlé et que j'ai voulu te l'envoyer non arrangé, car on m'avait persuadé que chez vous au régiment il y a des soldats ouvriers, qui devraient te le faire pour rien, vu que tu a le droit de leur commander tout ce qui te plaît. J'ai résolu de le doubler avec de la marceline et de te la transmettre dans cet état. Il faut dire que c'est Lubinka[1] qui devait me donner de la doublure. Tu a appris par mon père[2] que nous avons voulu faire un pèlerinage à Woronège[3] mais après tout a été échangé à cause de la maladie du pauvre petit *Sacha.*[4] Je suis restée chez ma sœur, Papa a continué son chemin. Malheureusement, Dieu nous a ôté notre consolation. Il a voulu que ce cher petit être nous quitte.

Tu peux te présenter le désespoir des parents! moi, j'ai été toute attristé de voir souffrir ce pauvre joli petit enfant. En venant à Iwanowskoy[5] avec Papa, je lui a demandé la permission d'y rester ce qui lui extrêmement contrarié; jusqu'à présent il me boude pour cela et ne peut se rappeler que j'ai osé lui désobéir.[6] Tu as eu tort de m'écrire ces grandes phrases et me donner toutes sortes de noms illustres (pour te moquer de moi), car ce n'est pas par prêcher la morale que je t'ai priée à ne pas dire des franchises au père, mais c'est lui qui est venu me raconter tes raisonnements sur la conduite de Basile qui n'étaient pas trop avantageux pour lui.[7] De plus il me demanda maintes fois de quelles causes de maladie tu m'allais <?> dire dans ta lettre et qu'assurément je t'ai confié quelques chagrins. Tu vois bien que ce n'est pas moi qui la prise de ma tête, mais c'est lui qui m'a donné lieu de croire que tu lui a écrit quelques balivernes. Je te répète si c'était le cas, je te recommande à les éviter.

Quant à ce que tu me dis de la jeune personne, je ne sais vraiment si je dois m'en réjouir ou non. Je prie Dieu de t'envoyer une bonne compagne de la vie qui soit en état de t'apprécier et dont les poches soient mieux garnies que celles de m-lle Lasitch.[8]

7

Si tu m'avais vû à cet instant tu m'aurais
demandé de ce qui me fait rougir, c'est qu'en
verité j'ai extrêmement conscience en commençant
cette lettre, je m'imagine comme tu t'es moqué de
moi en recevant mon ouvrage inachevé.
J'ai voulu le doubler mais sur le champ je
vais te conter comment et par quelle cause
je te l'ai envoyé dans un si grand désordre:
tu dois te rappeler que je t'en ai parlé et que j'ai
voulu te l'envoyer non arrangé, car on m'avait
persuadé que chez ~~au~~ vous regiment il y a des soldats
ouvriers, qui devraient te le faire pour rien,
que tu as le droit de leur commander tout
qui te plait. J'ai resolu de le doubler avec
de la [illegible] à transmettre [illegible]
et [illegible]. Il paraît [illegible] que c'est [illegible]
[illegible] de la doublure.
[illegible] appris par mon père que nous avons
voulu faire un pelerinage à Woronej mais
après on ~~a~~ a été changé à cause de la maladie
du pauvre petit Sascha. Je suis restée chez [illegible]
Papa a continué son chemin. Malheureusement
Dieu nous a oté notre consolation à tous. Il a voulu
que ce cher petit être nous quitte.

Письмо Н. А. Шеншиной к А. А. Фету. Октябрь (?) 1850 г.
Первая страница

Je ne dis plus comme il y a deux ans de delà: viens nous voir à présent, je comprends que s'il était possible tu l'aurais absolument fait et je ne désire qu'une chose c'est que ton service aille pour le mieux. Ne voudrais-tu pas imiter Basile et en allant prendre du service au Caucase[9] seulement pas au civil mais au militaire pour recevoir dans deux ou trois ans la grade du colonel.[10] Mais moi, j'aime mieux te savoir tranquillement (c<'est> à d<ire> pas tout à fait) à Elisavethgrade[11] que de craindre pour ta vie pendant les campagnes <que>[a] tu devrais entreprendre si tu <es venu au> Caucase.

Notre malheureuse famille a toujours quelques chagrins ou désagréments. Maintenant le tour est venu au pauvre Petinka;[12] ce cher enfant est tombé gravement malade — il a gagné une espèce de fièvre chaude et depuis 15 jours il est alité. Le médecin qui le traite dit qu'il s'est occupé plus que ses forces ne le lui permettaient[13] et qu'à présent il devra mener un genre de vie tout contraire à celui qu'il a mené jusqu'ici. Dieu veuille qu'il se rétablisse plus vite!

Ma santé va mieux, mais j'ai une habitude de ne pas en parler beaucoup pour lui montrer que je ne fais pas beaucoup de cas d'elle.

Lubinka et Alexandre t'embrassent et te font dire que tu es un paresseux. La santé du dernier est altérée depuis la mort de son enfant mais il ne veut employer aucun remède, je ne sais par quoi ça finira.

Nous voulons bientôt parler au père de <нрзб>tique et n<ou>s tâcheront de lui en demander <1 нрзб> un bon sujet <?>. Je t'embrasse affectueusement, ton amie et sœur <1 нрзб> dévouée

N. Schenchine.

С французского:

185<0?>.

Если бы ты видел меня сейчас, то спросил бы, отчего я краснею, потому что, по правде говоря, мне очень стыдно начинать это письмо; представляю, как ты смеялся надо мной, получив незавершенную работу. Я хотела сделать подкладку, но сейчас расскажу, как и почему я послала ее к тебе в таком ужасном беспорядке. Ты, должно быть, помнишь, как я говорила тебе об ней и хотела выслать тебе в недоделанном виде, потому что меня убедили, что у тебя в полку есть солдаты работники, которым ничего не будет стоить ее доделать, учитывая то, что ты

[a] *Здесь и далее текст письма сильно попорчен и восстанавливается по смыслу.*

имеешь право приказать им все, что тебе пожелается. Я хотела сделать шелковую подкладку и в таком виде переправить к тебе. Надо сказать, что подкладку должна была мне дать Любинька.[1] От отца[2] ты знаешь, что мы решили совершить путешествие в Воронеж,[3] но потом все изменилось из-за болезни бедного маленького *Саши*.[4] Я осталась у сестры, папа́ продолжил путь. К несчастью, Господь отнял у нас наше утешение. Ему было угодно, чтобы это дорогое маленькое существо нас покинуло.

Можешь представить себе отчаяние родителей! что до меня, я была совершенно расстроена, видя страдания бедного милого ребенка. Приехав с папа́ в Ивановское,[5] я спросила у него разрешения остаться там, чем вызвала огромное неудовольствие; до сих пор он дуется на меня за то, что я посмела его ослушаться.[6] Ты напрасно писал мне возвышенные фразы и называл меня выдающимися именами (чтобы пошутить надо мной), ведь я не для того просила тебя не откровенничать с отцом, чтобы читать тебе мораль, но именно он пришел мне рассказать о твоих не слишком лестных рассуждениях по поводу поведения Василия.[7] Кроме того, он бесконечно расспрашивал меня о каких причинах болезни, о которых ты собирался <?> говорить мне в своем письме, и о том, что наверняка я жаловалась тебе. Ты видишь, что не я взяла это из головы, а он дал мне основание думать, что ты что-то нарассказывал ему. Повторяю: если так и было, советую тебе избегать подобного.

По поводу того, что ты мне говоришь о юной особе, не знаю, радоваться этому или нет. Я молю Бога, чтобы он послал тебе добрую спутницу жизни, которая смогла бы тебя оценить и чьи карманы были бы более полны, чем карманы м<адемуазе>ль Лазич.[8]

Я больше не говорю, как два года назад: приезжай к нам сейчас, понимая, что, если бы у тебя была такая возможность, ты бы ею наверняка воспользовался, я желаю только одного, чтобы твоя служба проходила как можно лучше. Не хочешь ли ты повторить Василия, отправившись служить на Кавказ[9] не по гражданской, а только по военной части с целью получить через два или три года чин полковника.[10] Я бы предпочла знать, что у тебя все спокойно (т. е. не совсем все) в Елисаветграде,[11] чем опасаться за твою жизнь во время кампаний, <в которых> ты должен будешь принимать участие, если <поедешь на> Кавказ.

В нашем несчастном семействе все время какое-то горе или неприятности. На этот раз пришел черед бедного Петиньки,[12] этот милый ребенок серьезно заболел — он подхватил что-то вроде горячки и вот уже

две недели лежит в постели. Доктор, который его пользует, говорит, что он тратил более сил, чем у него было, на свои занятия[13] и что теперь ему придется вести образ жизни совершенно противоположный тому, что он вел до сих пор. Дай Бог, чтобы он поскорее выздоровел!

Мое здоровье лучше, но я обычно не говорю о нем, чтобы дать ему понять, что не придаю ему особого значения.

Любинька и Александр обнимают тебя и просят сказать, что ты лентяй. Здоровье Александра пошатнулось после смерти ребенка, но он не хочет принимать никакого лекарства, не знаю, чем это кончится.

Мы хотим вскоре поговорить с отцом о <1 нрзб> и просить его о <1 нрзб> хорошем исходе дела <?>. Горячо обнимаю тебя, твой друг и <1 нрзб> преданная сестра.

Н. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 7–8 об.

Текст письма переведен и подготовлен к печати Н. П. Генераловой. Датируется на основании письма Фета к Борисову от 28–30 сентября 1850 г. (см. примеч. 6 к наст. письму).

[1] *Любинька* — домашнее имя старшей сестры Надежды *Любови Афанасьевны Шеншиной* (1824–1880), с 1849 г. бывшей замужем за однофамильцем *Александром Никитичем Шеншиным* (1819–ок. 1872), отставным поручиком (см. о нем: *МВ*. Ч. 1. С. 8–9). Фет вспоминает, что Любинька была прямой противоположностью Нади: «Насколько та наружностью, темно-русыми волосами и стремлением к идеальному миру напоминала нашу бедную страдалицу мать, настолько светло-русая Любинька, в своем роде тоже красивая, напоминала отца и, инстинктивно отворачиваясь от всего идеального, стремилась к практической жизни, в области которой считала себя великим знатоком» (*МВ*. Ч. 1. С. 8).

[2] *Шеншин Афанасий Неофитович* (ок. 1775–1854) — ротмистр в отставке, помещик Орловской и Воронежской губерний, предводитель дворянства Мценского уезда (1815–1819; 1824–1827). Был отчимом Фета, который с детства считал и называл его отцом.

[3] Аф. Н. Шеншин с младшей дочерью направлялся в воронежское имение Грайворонка, а оттуда на богомолье, см. письмо Фета к Борисову от 28–30 сентября 1850 г. (*Письма к Борисову*. С. 104–105).

[4] Речь идет о первенце Л. А. и Ал. Н. Шеншиных.

[5] Деревня *Ивановское* (Мосоловка) — имение Ал. Н. Шеншина на юге Мценского уезда, в 54 верстах от Мценска (*ОГ*. С. 167. № 3477).

[6] Недовольство поступком дочери Аф. Н. Шеншин высказал в письме Фету, полученном адресатом 28 сентября; из того же источника Фет узнал о болезни своего маленького племянника (*Письма к Борисову*. С. 104–105). На этом основании комментируемое письмо Нади, написанное несколько позднее, уже после смерти ребенка, предположительно датируется октябрем 1850 г.

[7] *Шеншин Василий Афанасьевич* (1827–1859) — старший сын Аф. Н. Шеншина. Как и Фет, воспитывался в Верро, затем продолжил образование в киевском Императорском университете св. Владимира, но, не кончив курса, к 1849 г. вернулся домой. С августа 1850 г. в письмах Фета к Борисову появляется резкая критика в адрес брата, который сначала решил «взять ружье и юнкерствовать», а потом остановился на гражданской службе, пожелав служить подальше от дома, на Кавказе. Возможно, это желание появилось у Василия во время его пребывания в Пятигорске, где он провел несколько месяцев (см. письмо к нему Н. А. Шеншиной, помещенное в приложении к настоящей публикации).

[8] *Лазич Мария Козьминична* (1823–1852) — старшая дочь отставного генерал-майора, имевшего в Александрийском уезде Херсонской губернии небольшое имение. С осени 1848 по июнь 1849 гг. Фет часто посещал усадьбу родственников Лазичей, где и познакомился с Марией (кирасирский полк, в котором служил поэт, тогда временно стоял поблизости). Мария и Фет полюбили друг друга, но роман их с самого начала был омрачен мыслью о невозможности брака: у обоих не было средств. Тем не менее Фет всерьез думал о женитьбе, рассчитывая на помощь со стороны родных, пока поездка домой в декабре 1849 г. не развела его надежды. С этого времени «несчастный гордиев узел любви» стал для Фета неразрешимой проблемой. «Я не женюсь на Лазич — и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, — писал он Борисову 1 июля 1850 г., — она передо мной чище снега — прервать неделикатно и не прервать неделикатно — она девушка» (*Письма к Борисову.* С. 101). Как долго продолжались отношения влюбленных, которые после отъезда Фета в основном свелись к переписке, неизвестно. Летом 1852 г. девушка погибла от несчастного случая (см. об этом: *РГ.* С. 543–544; *Письма к Борисову.* С. 111).

[9] Очевидно, Надя имела в виду не службу, а только планы В. А. Шеншина, о которых Фет иронически писал Борисову в начале декабря 1850 г.: «Вася собирается в министры к Воронцову» (речь идет о светлейшем князе М. С. Воронцове, кавказском наместнике). В конце концов Василий прислушался к увещеваньям Фета и остался в родных краях. Согласно сохранившимся формулярным спискам, 7 ноября 1851 г. он поступил в канцелярию орловского гражданского губернатора канцелярским служителем, затем (10 марта 1852) был перемещен в Орловскую палату уголовного суда и в 1854 г. вышел в отставку по болезни в чине коллежского регистратора (*РГИА, ГАОО*). За сведения из *ГАОО* приношу благодарность Е. Н. Ашихминой.

[10] Перевестись на Кавказ, чтобы быстро выслужить необходимый для потомственного дворянства чин, советовал Фету Аф. Н. Шеншин, см. письмо к Борисову, датируемое началом декабря — 30 декабря 1850 г. (*Письма к Борисову.* С. 106).

[11] Фет служил тогда в Новогеоргиевске (Херсонская губерния) полковым адъютантом; в Елисаветграде располагался корпусный штаб.

[12] Речь идет о младшем сыне Аф. Н. Шеншина — *Петре* (1834–после 1879).

[13] Вероятно, Петр готовился к вступительным экзаменам (через некоторое время он стал студентом Харьковского университета).

2

Н. А. Шеншина — А. А. Фету

14 июня 1854 г. Из Орла в Эстляндию

Любезный друг Афоня. Завтрашний день мы все собираемся в Клеменовой[1] для совершения богослужения в память покойного батюшки, который скончался 40 дней тому назад.[2] Не принимая твои чувства за экзальтацию, уверена, что и ты поймешь, как трудно отдавать этот долг тем, которые всегда любили его, а еще более сблизились с ним последнее время, когда он ясно и благородно доказал всем, что имел доброе и любящее сердце и что все дурное в его поступках происходило от внешних причин.

Он простился со всеми нами как лучший христианин и добрейший отец, и кончина его не только у детей, но и всех посторонних, присутствовавших при ней, не может изгладиться как редкий пример терпения, преданности судьбе и твердости души. Если судить об жизни по концу ее, то можно сказать, что он прекрасно <жил>, потому что конец его завидный и служит большим утешением тем оставшимся, которые жалеют об нем.

Перед кончиной он препоручил меня Любиньке и Александру, так трогательно, с таким чувством, что я об этой минуте равнодушно ни говорить, ни думать не могу, и вообще все горе, через которое я прошла это время, так меня расстроило, что я не имела достаточных сил, чтоб из Орла следовать за телом, которое повезли в Клеменову, где оно и было похоронено на четвертый день. Пробывши больше недели в Орле под присмотром доктора, Любинька с мужем и я отправились в Ивановское, где и останусь пока будет угодно Богу.

Не стану оправдываться перед тобой в молчании, но скажу, что оно происходило не от небрежности к тебе, не от равнодушия к постигшему нас горю, но от тягостного впечатления, которое оно на меня сделало, так что я с духом не умела собираться писать все эти подробности, которые живо представляют мне все прошедшее, столь, повторяю, тягостное для меня. Читая письмо,[3] я понимала то затруднительное положение, в котором ты находишься, и те мысли, которые должны были тебе приходить насчет меня и всех нас; но про себя скажу, что я виновата только в том, что не предупредила тебя об невозможности для меня говорить до некоторого времени об этом предмете. Любинька и Александр писали тебе, кажется, из Орла 10 или 11-го мая, и я не понимаю, каким образом и отчего ты не получил их писем.

Что касается дел, то я тебе почти ничего не скажу, потому что столько же сама знаю, все препоручено Васиньке, он теперь всем занимается, а я с своей стороны не хотела и слышать, как и каким образом что делается. Надеюсь вместе с тобой, что дружба в нашем семействе не была только на словах, но окажется и на деле, впрочем, сознаюсь тебе откровенно, что[а] вопрос, касающийся собственно интереса, меня в эту минуту мало занимает и, знавши намерения братьев насчет тебя (не думай, чтоб я что-нибудь положительного или, лучше, назначенного слышала, но только верное и твердое решение поступить благородно, по совести), я покойна и ожидаю объявлений настоящего положения дел с большим терпением.

Когда придет время, сделаю все, что может женщина в этом случае, чтоб ты был доволен окончанием дела,[4] и когда буду иметь точное понятие обо всем, немедленно отдам тебе подробный отчет.

Александр и Любинька так добры в отношении меня, что после потери, которая для меня больше, чем для кого-либо другого чувствительна,[5] я должна благодарить Бога, давшего мне таких друзей. Теперь я на опыте узнала, что только в горе можно расположение людей, и я убедилась в справедливости этого мнения; много пришлось бы мне рассказать, почему я заключаю, что из родных, бывших со мною это время, они больше других меня любят.

До следующего письма, друг мой Афоня, нам пора в экипаж садиться, чтоб ехать в Клеменову, на следующей почте мне придется еще писать к тебе, а пока извини, что, не имевши лучшего целого листа (потому что мы в Орле, а послать купить некогда), написала на клочках.

Целую тебя от души и остаюсь

навсегда искренно преданная сестра твоя

Надежда Шеншина.

14 июня 1853.[б]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 1–4 об.

В автографе неверная дата: 1853 г. Письмо датируется по содержанию: Аф. Н. Шеншин умер 7 мая 1854 г.

[1] *Клейменово* (Покровское, Скородино) — село Мценского уезда Орловской губернии, в 30 верстах к юго-западу от Мценска, а от Орла — в 25 верстах (близ железнодорожной станции Отрада). Некогда там селились клейменые за воровство

[а] *Далее было*: этот

[б] *Так в подлиннике.*

крестьяне, вернувшиеся в родные места после отбывания ссылки в Сибири. В XVIII в. помещик Петр Афанасьевич Шеншин (ум. 1760) построил в Клейменове церковь во имя Покрова Богородицы, давшую селу новое название и ставшую местом погребения его родственников. Отчим Фета, Аф. Н. Шеншин, унаследовал Клейменово после своего брата Петра Неофитовича (1780–1844) (см.: *Маричева Л.* Родовое гнездо Шеншиных // История русской провинции. Орел, 2000. Т. 9. С. 11–13; *ОГ.* С. 173. № 3600, 3601).

[2] Аф. Н. Шеншин умер в Орле 7 мая 1854 г. «от антонова огня» (гангрены), в возрасте около 79 лет. О причинах болезни, повлекшей его смерть, см.: *МВ*. Ч. 1. С. 68–69. Был похоронен в Клейменово, рядом с женой Елизаветой Петровной.

[3] Фет тогда служил в Эстляндии в составе лейб-гвардии Уланского наследника цесаревича полка, который с начала Крымской войны охранял Балтийское побережье. Письма Фета к родным этого периода не сохранились.

[4] Братья и сестры Фета считали его сыном Аф. Н. Шеншина и предполагали разделить с ним наследство, на которое он не имел права с юридической точки зрения. Судя по некоторым данным, они осуществили свое намерение, выдав старшему брату его долю в виде векселей. Так, 16 июля 1857 г. Фет писал В. П. Боткину: «У меня 35 т<ысяч> сер<ебром> капиталу <…>» (*Переписка с Боткиным*. С. 188). А в своих воспоминаниях уточняет: «…все это было разбросано по разным рукам, и, что еще хуже, — по родственным» (*МВ*. Ч. 1. С. 193). Трудно представить, что Фет мог скопить 35 тысяч рублей, откладывая со своего офицерского жалованья или с гонораров за литературные труды. Известно, что впоследствии (1863) брат Петр уступил Фету свое ливенское имение в счет значительного долга (Там же. С. 420).

[5] Надежда не разлучалась с отцом с 1848 г., когда была выпущена из Смольного. Другая дочь Шеншина, Любовь, после замужества жила в имении мужа, на юге Мценского уезда. Отдельно от отца, в Клейменово, жил и сын Василий, женившийся в 1852 г. на Екатерине Дмитриевне Мансуровой. Наконец, младший сын, Петр, судя по воспоминаниям Фета, по крайнее мере по 1853 г. был студентом Харьковского университета.

3

И. П. Борисов — А. А. Фету

23 июня 1854 г. Из Закавказья в Эстляндию

23 июня /54. Лагерь на Ценис-Цхале.[1]

Вчера вернулся из Кутаиса, куда на минуточку съездил проведать наших раненых.[2] Нашел их как нельзя лучше расположившимися в доме у военного губернатора князя Гагарина,[3] и не терпи они страданий, непобедимых еще для человечества, то лучше бы и жизни не надо. Вот у них-то прочел я «Каленика»,[4] и нужно ли тебе говорить, друг мой,

сколько навалилось воспоминаний прошлого. Я не знал ведь твоего гениального денщика, а все, что тебя окружает и живет с тобою, мне необходимо знать как дополнение самого себя, самого необходимейшего из остатков счастливых моих времен. Я люблю безгранично предаваться прошлому, когда в нем видится твоя физика. Жалею поминутно, что ты далеко, но все-таки благословляю судьбу, что ты вышел на настоящую дорогу;[5] тут ты лучше сохранишься, и вернее обеспечены будущие твои и мои житейские помышления. Среди всех кочевьев и битв я их не откладываю совсем, — подумываю иногда, так, про себя, вернусь же когда-нибудь я из Азии, увижу и тебя, а там увидим, как жить-то будет лучше. Не хотел бы видеть тебя здесь, потому что, как будто нарочно, судьба преследует меня во всем, что мне более дорого по сердцу. — Были у нас дела жаркие — и без примеси грусти не могу о них вспомнить — потерял лучших моих товарищей, с которыми не то что служил, но жил вместе;[6] заменить их некем, а одиночество так тяжело, что начинаю впадать в прежнюю тоску, от которой не находил и места. Мне делали разные предложения перейти в штаб, тогда я отказался, теперь, быть может, решусь. Верно ты где-нибудь да прочтешь о делах в Гурии,[7] о сражении при *Ланчхуте* 27 мая[8] и на р<еке> *Чолохе* 4 июня.[9] Я в обоих боях был участником, и случайности боев этих доставили и мне случай быть заметным участником. Оба дела так прославили наши Куринские батальоны,[10] что с другими не хотелось бы и становиться в ряды. Князья Гурии и Имеретии[11] задают нам пиры, угощают всем, чем богаты. Не довольно того, что приглашают к себе, нет, и в лагерь присылают и вино, и зелень, даже говядину, людям водку; и, видя, чувствуя в душе, что это заслужено кровью, испытываешь не виданное прежде уважение к себе, к товарищам, к молодцам солдатам, с которыми составляя<ешь> какую-то неразделимую единицу. Вот истинная уж награда за все мнимые опасности. Твой Каленик верно бы отозвался на это своим хи, хи, хи! А наши старики ахультинцы[12] толкуют одно: «Што турки — дрянь, стоило ли сюда за ними прибегать. Дай-ка хранцуза! Што они там в Одесту-то суются[13] — на хохлов лезут. Мы бы их и здесь проморозили». Получил я недавно от Ивана из Фатьяновой[14] письмо, оно от 8 мая, а 7-го скончался твой почтенный батюшка. По давно полученному письму от Васи я ждал уже эту грустную весть, но получить и прочесть, что кончено уже, было так больно, так тяжело. Я от него кроме добра во всю мою жизнь ничего не знал[15] и искренно любил старичка со всеми его особенностями. Уезжая в последний раз из наших краев, я не представлял себе, что не увижу его более, надеялся, что война к осени потухнет и я буду опять травить русаков. Но, видно, не судь-

ба и в этих надеждах. — Прости, моя душа, и верь, что столько у меня к тебе дружбы, братской дружбы, что хотел бы бесконечно с тобою быть хотя в мыслях. Но и тут препятствие — начал это письмо несколько дней тому назад командиром 1 *караб<инерной>* роты, а оканчи<ваю> *дежурным штаб-офицером*[16] *Гурийского отряда* — у нас 20 бат<альонов>, пропасть милиции, госпиталей, <1 нрзб> транспортов и еще более *бумаг.* Со вчерашнего дня начались мои подвиги на этом поприще. Ты сам отъявленный писака, знаешь, что это за гиль. Нет писарей, нет нужных офицеров, но есть желание оправдать выбор начальства, назначившего меня и не по чину, и не по росту. Авось Бог поможет. Вот если б ты-то был поближе — так бы и вцепился. Христос с тобою, друг мой.

Твой И. Борисов.

Пиши <?> <1 нрзб> мне <1 нрзб>[17] в штаб Гурийского отряда. Да черт знает, долго ли останусь, во фронте лучше,[18] как говорит жуир Михайла,[19] кучер *Капитана*.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (без постскриптума, со стилистической правкой): *МВ*. Ч. 1. С. 70–72, с датой 3 июня 1854 г.

[1] Имеется в виду река *Цхенис-цхале* — правый приток Риона, крупнейшей реки западного Закавказья, впадающей в Черное море у г. Поти. В 1854 г. Борисов служил в Гурийском отряде, который вел боевые действия против турок в Рионском крае; после Чолокского сражения (см. примеч. 9 к наст. письму) он вместе со своей войсковой частью находился близ селения Усть-Цхенис-Цхале (Указ об отставке Борисова // *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 17. № 5310. Л. 6–11).

[2] Речь идет об офицерах Егерского генерал-адъютанта князя Воронцова (Куринского) полка, получивших ранение в делах 27 мая и 4 июня, среди которых были близко знакомые Борисову штабс-капитан В. А. Полторацкий и подполковник А. Х. Бреверн. В 1893 г. «Исторический вестник» под заглавием «Воспоминания» опубликовал отрывки из дневников Полторацкого, где неоднократно упоминается Борисов; первая из посвященных ему записей (1853) дает представление о душевном состоянии Борисова в период его кавказской службы: «Кружок наш по-прежнему был дружным и тесным, увеличенный еще новой личностью: Иваном Петровичем Борисовым, человеком хорошим, честным и очень сердечным. <…> Раньше он кратковременно носил кирасирский мундир Орденского полка; представляю себе маленького, очень пропорционально-миниатюрного Бориньку в кирасирском мундире! Любовь сильная, страстная, но несчастная увлекла его на гибельный Кавказ. В первое время он без надобности лез на опасность и как будто бы искал смерти, но время взяло свое. Теперь он не пьет, не играет, но с пылким увлечением говорит о своей любимой страсти — охоте» (*Полторацкий В. А.* Воспоминания // *ИВ*.

1893. № 6. С. 672; далее ссылки на эти воспоминания: *Полторацкий*, с указанием номера журнала и страницы).

[3] Князь *Александр Иванович Гагарин* (1801–1857) — генерал-майор, кутаисский военный губернатор. Во время Крымской войны командовал Гурийским отрядом, был ранен в сражении при Чолоке. В. А. Полторацкий в своем дневнике подробно описывает восторженный прием, оказанный ему и Бреверну в Кутаисе, а также гостеприимство военного губернатора: «…мы были внесены в прекрасную, светлую, а главное прохладную комнату, где стояли две кровати и до последней мелочи все было предусмотрено заботливостью гостеприимной и в высшей степени любезной княгиней Тассо Гагариной. Сам дорогой наш хозяин, князь А. И. Гагарин, встретил нас с левой рукой на перевези, и мы, к великому удивлению, только здесь узнали, что и он ранен пулею, но, к счастью, без перелома костей» (*Полторацкий*. № 9. С. 586).

[4] Рассказ Фета «*Каленик*», опубликованный в журнале «Отечественные записки» (1854. № 3) с посвящением Борисову.

[5] Борисов имеет в виду переход Фета в гвардейский полк с чином поручика, состоявшийся в январе 1854 г. Следующий гвардейский чин, штабс-ротмистра, давал тогда право на потомственное дворянство.

[6] Полторацкий рассказывает о дружеской пирушке, устроенной Борисовым 25 мая. Многие ее участники вскоре были убиты в сражениях 27 мая и 4 июня, в том числе капитан Егор Швахгейм, с которым Борисов был очень дружен, жил в одной палатке и держал общее хозяйство (*Полторацкий*. № 7. С. 52–54).

[7] *Гурия* — историческая область в Западной Грузии с центром в Озургетах.

[8] В *сражении при Ланчхуте* (27 мая 1854 г.) двухтысячный отряд подполковника князя Эристова разбил 12-тысячное войско Гасан-паши, при этом неприятель потерял тысячу человек убитыми, погиб и сам Гасан-паша. От Куринского полка в сражении участвовал 1-й батальон, в котором служил Борисов. За отличие в этом деле Борисова представили к производству в капитаны (приказ был подписан императором 18 мая 1855 г.).

[9] В *сражении при р. Чолок* (4 июня 1854 г.) 9-тысячный Гурийский отряд под командованием генерал-лейтенанта князя Андроникова (в который входили 1-й и 3-й батальоны Куринского полка), одержал победу над 34-тысячным корпусом Селима-паши. Потери турок составили 4 тысячи человек убитыми и ранеными, с русской стороны было убито и ранено до 1500 человек. Борисов, оставшийся невредимым, был отмечен орденом св. Анны 3-й степени с бантом. Поражение при Чолоке совершенно расстроило одно из важнейших соединений Анатолийской армии, которая так и не оправилась до начала следующей кампании.

[10] Оба батальона Куринского полка получили новые Георгиевские знамена с надписью: «За отличие против турок в сражениях: у Нигоитских высот 27 мая и за р. Чолоком 4 июня 1854 г.». Кроме того, 6 офицеров были награждены орденами св. Георгия 4-й степени, а 106 нижних чинов — знаками отличия Военного ордена.

[11] *Имеретия* — историческая область в Западной Грузии с центром в Кутаисе.

[12] *Ахультинцы* — видимо, участники штурма крепости Ахульго (1839).

[13] Подразумевается Одесса, которую 10 апреля 1854 г. обстреляла объединенная англо-французская эскадра. В результате обстрела порт и коммерческие суда, в нем

находящиеся, были сожжены, однако ответный огонь русских береговых батарей не допустил высадки десанта. После обстрела эскадра союзников ушла в Крым.

[14] Речь идет об *Иване Федорове* — управляющем имением Борисова, деревней *Фатьяново* Мценского уезда Орловской губернии (*ОГ.* С. 160. № 3328). Фатьяново находилось в 12 верстах к юго-востоку от Мценска, в близком соседстве от имения Аф. Н. Шеншина — Новоселки.

[15] После смерти П. Я. Борисова, убитого в 1830 г. собственными дворовыми, Аф. Н. Шеншин стал опекуном его малолетних детей, причем мальчики, включая Ивана, до определения в учебные заведения жили в Новоселках (*РГ.* С. 53–54).

[16] *Дежурный штаб-офицер* — должность, существовавшая с 1812 по 1864 гг. Дежурный штаб-офицер заведовал инспекторской, санитарной и судебной частью, а также делопроизводством по вопросам, касающимся личного состава армии.

[17] Чернила первой строки постскриптума выцвели и едва заметны.

[18] В указе об отставке Борисова нет записи о службе его дежурным штаб-офицером, так как он недолго был в этой должности и вскоре вернулся во фронт. Затем, 21 августа 1854 г., последовало его назначение командующим ротой (сдал ее по случаю болезни 21 января 1855 г.). Последняя должность Борисова, которую он исполнял с 7 октября 1855 г. и до увольнения от службы, — адъютант наказного атамана Черноморского казачьего войска. Высочайшим приказом от 9 октября 1856 г. Борисов вышел в отставку «за болезнию» майором и с мундиром.

[19] *Михайла Краснобаев* — знакомый Фету по службе в кирасирском полку слуга Борисова (*РГ.* С. 267, 319–321).

4

И. П. Борисов — А. А. Фету

14–19 июля 1857 г. Из Фатьянова в Москву

14 июля 57. *Фатьянова.*[1]

Петруши[2] все еще нет, об Алекс<андре> Никит<иче>[3] тоже не имею слухов, писал к нему, напомни<л> о паспорте.[4] Ну, Физик,[5] время летит, и близится к тебе час роковой.[6] Ты решительно в августе отправляешься.[7] Не спрашиваю и не гадаю, когда вернешься — осенью, зимою или весной. Как знать, что случится. Ты и сама всего предвидеть не можешь. Дело сложное, зависящее не от одного тебя, поэтому, если у тебя роятся в мозгу такие и такие планы, не советую тебе крепко на них рассчитывать, чтоб не оказались воздушными замками. Приехать тебя проводить, да и благословить по-братски не удастся, я уже не думаю, чтоб когда-нибудь выздоровел.[8] Но верь, мой друг, что никого у тебя нет, кто бы так живо, всем сердцем делил с тобою и настоящие минуты ожидания, и будущие надежды на счастие. Судьба лишила тебя на это время сест-

ры.[9] Она, верно бы, сумела сделать для тебя все это время отраднее, и ты живее бы чувствовал свое счастье, не понедельничал бы и вообще не проявлял несвойственн<ых> тебе капризов. Только бы суетился по обыкновению. — Вот никак этого не думал, чтоб ты, Физик, мог ходить в «Исаие ликуй»,[10] а меня тут возле не будет. Но что ж делать-то — лишь бы ты, моя дорогая, была счастлива. Буду ждать с трепетным нетерпением от тебя вести о событиях, писать к тебе туда, кажется, не придется. Если ты, как Бог поможет, покончишь это дело молодцом, что тебе там делать? Вот дело другое, если уже останешься, для себя ли, для Н<адежды> А<фанасьевны> зимовать, тогда спишемся. Я не могу еще вполне решить, проклинать ли погоду, какая у нас держится, или благословлять — редко-редко термометр поднимается выше +12°, и я сижу в комнатах да топлю камил. А для ее болезни, быть может, такое время будет спасительно — дай-то, Господи.

17. Какой вчера был вечер! О, Физик, таких и в Италиях не бывает — с закатом солнца как будто все остановилось отдохнуть, остановился северный ветер, запахло летом. Третий день взялись за уборку хлеба, по ржаным клинам виднеются копны. Гречиха цветет, так медом и обмажет чутье; только в чреве моем все еще горько и горько, но все не так, как после хинин<а>. Одним словом, еще *жив Курилка*. И ты дура, и весь мир дура, кто не убежит в такое время из белокаменных палат хоть бы под какую ракиту. Ах! Ивушка ты ивушка — зеленая моя! Как же мне, ивушке, зеленой быть.[11] Вот оно что, Фетушка. Взглянул на твой портрет[12] и теперь только заметил в нем несвойственное тебе выражение, как будто не хочешь отвечать. Губы надул, тогда как у тебя они беспрерывно в работе. О Физик! Что из тебя будет, когда поженишься. Неужели такая неряха как ты, такой рассеянный курьер суеты может быть женатым. И после этого ты если осмелишься мне когда пожаловаться даже на судьбу твою, не только на родителей,[13] то прокляну. Для благополучного исполне<ния> всего в будущем советую тебе перед выездом из Москвы запереться в комнату одному, потом под звуки трепака и слова веселых попов «*буки-аз — ба*, *веди-аз — ва*» пройтиться плавной павушкой, а потом и: «буки-ер-веди-ер», — рассыпься в присядку да обними себя на дорогу за меня — вот наше прощание какое. А уж как буду дожидаться тебя! Давно моя жизнь идет в ожиданиях, надо бы уже привыкнуть ничего не ждать хорошего. Нет, сударь ты мой, сиди и сиди в чистилище, как будто я какой католикос и в папу верую. — От Алекс<андра> Никитича получил записку — обещает быть 26 ко мне, а теперь поехал в *Орел*, по делам, говорит, — авось вышлет к тебе и паспорт. Вчера у меня гостила сестра,[14] кланяется тебе. С нею была новая

Фет с сестрой в Риме
(Н. А. Шеншина, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, П. М. Ковалевский)
Рисунок А. Ф. Чернышева. Рим, январь 1857 г.

моя кума, барышня тоже. Вообще, что такое за пустяки наши барышни и барыни, я понимаю, что гораздо, гораздо более развлечения с борзыми, чем в их обществе. Да, кстати, о борзых и легавых тоже. В 76 № «Мос<ковских> в<едомостей>» вызывают на сочинение по программе об егерском искусстве.[15] Только в программе этой многого нет, необходимого такому сочинению, за что я и озлился так, что готов написать целых три листа, и если напишу, то пришлю тебе прочесть и бросить в «Москов<скую> ведомость».[16] Только от твоего имени, если будешь со мною согласна, а обо мне чтоб не было помину, а не согласна — то бросай в огонь.

19. Разом два <письма> получил твоих,[17] добрая милая братка, и мне досадно уже на себя, зачем тебе так жестко ответил на твою шутку, — что ж делать-то мне с собою, когда и шутки не умею ни понять, ни перенести в моих к тебе отношениях. У меня как будто сердце вещун. Вот когда ты строчил свои строки ко мне, я в те же минуты мысленно тебя провожал уже, только не хочу, чтобы ты уехал в таком настроении, каких-то ожиданий беспокойных, мрачных, и это тем более тебе непро-

стительно, что, значит, ты не подумал в настоящее время о себе самом, не сравнил прошлого всего с настоящими минутами и не благодарил судьбу, по крайней мере, за то, что доводит тебя с разбитой колеями дороги от Новоселок[18] на *сосе*[19] или с *сосе* на чугунку. Каждый подобный выезд должен отозваться на душу чем-то радостным, а ты все, все вопишь. Много, много тебе еще предстоит тяжелых испытаний, но у тебя впереди и так близко, что носом чуешь, минута спокоя и счастья. Этою-то близостью и оживляй свой усталый дух. Твоя решимость везти сестру теперь же и все, что ты пишешь об ее положе<нии>, может уже быть тебе порукою за твое будущее счасть<е> — Бог наградит тебя за нее. Лучше ли для нее остаться или ехать, верно, ни ты, ни я не решим и не откроем умными головами своими. А кого можно избрать решителем. Говорят, вези, так и думать нечего. Друг мой, как ты, при всей твоей любви к сестре, до сих пор не можешь сбросить с себя тяготения всего остального мира, что можешь смущать себя тем, что кто-либо может сделать тебе за нее упрек. Ты давно уже знаешь, давно убедился, что одна настойчивость твоя и могла ее спасти.[20] Что бы с нею было, если б выдал ее твоим родител<ям>, которые, быть может, тоже любят ее искренно, тоже и люди честные, и с благороднейшими понятиями, я все это в них допускаю, но допускаю и то, что они в наше время способны потащить кого-нибудь на костер по случаю приближения кометы или войны с туркою, поэтому-то и *наплевать* следует на их мнения и не обижаться даже разными выходками. — Дай, Господи, чтоб поскорей миновалось это тяжкое время ожидания. Прошу тебя, друг мой, об одной милости: уведомь меня, когда кончишь все и пристроишь ее за границею, и что тебе скажут тамошние доктора. Писать к тебе, как я уже и думал, мне не придется, да и что особенно для тебя интересного отсюда, дай Бог, чтоб его и не было, а что тебе встретится нужное, то пиши, повелевай и приказывай, я твой верный слуга.

От Васи я не получал никакой вести. Петруша молчалив, как могила, от него и ждать нечего. Удивительное ваше семейство. Невольно воспоешь с псалмопевцем Давидом: «Чудо преестественное! *Росодательному* духу песнь пояху…».[21] Но не могу отвязаться и от твоей икры, ну можешь ли ты по совести отвечать мне, что ты не дура аристократка. Если затеяли ездить на воейковских вороных жеребцах.[22] Ах ты, мати моя![23] У меня уже глаза заранее щурятся на несущуюся карету, и вижу в ней в одном углу шляпку, ленточку, шаль, цветок, а в другом… Ах! Это он! Ах! Это он. Ах, это ты.

Что ж ты об охоте-то не писала, мог бы что *сочинить*, а я только и надеялся поохотиться, читая твое описание, — сам же, кроме пяти-шес-

ти ворон в саду, не убил ни одной дичины. Верстах в четырех, именно в смородинском лесу,[24] появились в нынешнем году тетереви. Масониус[25] звал меня, но нет даже сил на такую экспедицию. Просто извела меня злодейка, догорай, моя лучина,[26] а я еще подожду. Привози новых песен — счастливых, не заунывных. Эти надоели. Но довольно с тобою болтать. Почеломкаемся и до свидания, милый мой друг. Помоги тебе, Господи, на всей дороге. Буду ждать твоего словечка и надеюсь, дождусь дня радостного, в который оживет и моя душа.

Обнимаю тебя крепко-накрепко, друг твой и брат

И. Борисов.

20-г<о> отпр<авляю>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20273. Л. 1–2 об.

[1] *Фатьянова* — имение Борисова, см. примеч. 14 к письму 3.

[2] Речь идет о брате Фета — П. А. Шеншине, см. примеч. 12 к письму 1.

[3] Имеется в виду зять Фета — Ал. Н. Шеншин, см. примеч. 1 к письму 1.

[4] Речь идет о паспорте для Надежды Афанасьевны Шеншиной. Врачи советовали везти ее за границу на лечение.

[5] *Физик* — одно из характерных слов сослуживца Фета по кирасирскому полку Э. И. Гайли. «Неизвестно, почему плохой кавалерист был в глазах Эдуарда Ивановича физик. Это презрительное название давал Эдуард Иванович всякому неловкому и неуклюжему человеку» (*РГ*. С. 288).

[6] Речь идет о предстоящей женитьбе Фета на М. П. Боткиной, находившейся в то время в Германии. Венчание состоялось 16 (28) августа 1857 г. в Париже.

[7] Фет отбыл за границу на борту парохода «Нева», который 31 июля 1857 г. покинул кронштадтский порт и взял курс на Любек.

[8] Борисов страдал малоазиатской лихорадкой, приобретенной во время службы на Кавказе.

[9] Надежда Шеншина, в которую Борисов был много лет безответно влюблен, в начале 1857 г. лишилась рассудка и находилась в московской психиатрической больнице В. И. Красовского (*МВ*. Ч. 1. С. 184–187).

[10] Имеется в виду обряд венчания. Священник, соединив руки новобрачных, трижды обводит их вокруг аналоя. При первом обхождении поется тропарь «Исаие ликуй».

[11] Слова народной песни «Ивушка, ивушка зеленая моя…». Ср.: Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским: В 7 т. СПб., 1896. Т. 2. С. 29–31.

[12] Какой именно портрет Фета принадлежал Борисову, неизвестно. Портрет этот упоминается также в письме 6.

[13] Родители (*ирон.*) — подразумеваются Л. А. Шеншина и ее муж.

[14] *Борисова Анна Петровна* (1829–1878) — около 1858 г. вышла замуж за Ф. Ф. Казначеева. Кроме нее, все братья и сестры Борисова умерли от чахотки в юном возрасте.

[15] В 1857 г. Ученый комитет Министерства государственных имуществ объявил конкурс сочинений на различные темы, касающиеся природы и ее использования. В «Московских ведомостях» публиковался не только список предлагаемых тем, но и развернутые планы сочинений, в частности, была напечатана «Программа Руководства по егерскому искусству», состоящая из введения и шести глав (*МВед*. 1857. 25 июня. № 76. С. 655–656).

[16] Несколько позднее Борисов осуществил свое намерение, 14 января 1859 г. Фет писал ему: «Чрезвычайно рад, что ты писнул об охоте. Предоставь мне эту вещь в полное моральное и физическое распоряжение. Мы ее прочтем с Ник<олаем> Толстым и решим, хороша ли она» (*Письма к Борисову.* С 136), а 6 февраля 1859 г. сообщал: «Прочли вчера с Николаем Толстым твою охоту и решили ее напечатать с поправкой некоторых обмолвок» (Там же. С. 139). Дальнейшая судьба рукописи Борисова неизвестна.

[17] Эти письма Фета неизвестны.

[18] *Новоселки* (Козюлькино) — деревня с помещичьей усадьбой в 7 верстах к юго-востоку от Мценска, у реки Зуши, где родился Фет и где прошло его детство (*ОГ.* С. 164. № 3410). После смерти А. Н. Шеншина перешла к его младшей дочери Надежде.

[19] Т. е. на шоссе. В то время уже существовала шоссейная дорога, связывавшая Мценск с Москвой.

[20] С начала болезни Надежды Шеншиной именно Фет пытался лечить ее в Орле, а затем, следуя совету орловского врача, привез ее в Москву для консультации у знаменитого психиатра В. Ф. Саблера.

[21] Борисов пародирует следующий фрагмент православного богослужения: «Чуда преестественнаго росодательная изобрази пещь образ: не бо, яже прият, палит юныя, яко ниже огнь Божества — Девы, в Нюже вниде утробу, Тем, воспевающе, воспоем: да благословит тварь вся Господа и превозносит во вся веки». Перевод: «Окропляющая росою печь представила образ сверхъестественного чуда: ибо она не опаляет юношей, которых приняла в себя, как и огонь Божества утробы Девы, в которую нисшел. Поэтому воспоем песнь: „Да благословляет все творение Господа и превозносит во все века!“».

[22] Фет вспоминает, что перед женитьбой купил «к небольшой четвероместной карете» «пару воейковских вороных лошадей» (*МВ*. Ч. 1. С. 195). *Воейковскими* назывались лошади знаменитого коннозаводчика Дмитрия Петровича Воейкова (1780–1876).

[23] Начало народной песни «Ах ты, мати моя, матушка…». Слова эти приводятся также в письме Фета Борисову от 10–28 апреля 1849 г. (*Письма к Борисову.* С. 90). Ср.: Великорусские народные песни. Т. 7. С. 50 (2-й паг.).

[24] Видимо, этот лес находился у деревни *Смородиновки*, расположенной как раз в 4 верстах от Фатьяново (*ОГ.* С. 160. № 3330).

[25] *Масониус Андрей Петрович* — муж двоюродной сестры Фета Любови Ивановны (урожд. Шеншиной).

[26] Слова из популярной песни «То не ветер ветку клонит…» (муз. А. Варламова, слова С. Стромилова).

5

И. П. Борисов — А. А. Фету

25 июля 1857 г. Из Фатьянова в Москву

25 июля 57. Фатья<но>во.

Прощай еще раз, моя холостая, неженатая братка, авось еще разик успею тебе на дорогу крикнуть «с Богом!», ну трогай, чугунка, покачивай. Кланяюсь тебе *до земи*, милая разумница, за твое последнее письмо,[1] где пишешь, что Н<адежда> А<фанасьевна> не едет, — и сами родители так согласны, и у меня сердце спокойнее. Ты, французский король, не знаешь сестры твоей и не воображаешь, как для нее было бы тяжело очнуться от сна ее в Германии — свежий рассудок должен был выдержать сильный удар воспоминания.[2] Но Господь все, все и все делает недаром, даже и моя проклятая лихорадка, спасибо ей, все-таки развлекает, а то едва ли голова не свернулась бы от всего. Напрасно ты не послушалась влечения ко мне на минуту, спокойней бы для тебя прошло время ожидания и, может, не ездил бы совсем за границию, а послушайся-ка лучше Марию Петров<ну> и жди ее. А меня-то бы просто осчастли<вил>, дома мы питались бы какими вареньями, да побалтывали о том и сем, а тут возле есть и тетереви в смородинском лесу.[3] Сегодня я нарочно проезжал к леснику справляться. «Старых, — говорит, — и теперь спугиваю, а молодых, по правде сказать, не видал. Лисицы вижу — должен быть выводок». Вот какие сведения собрал. Только как же я устал, Фетушка, пишу по совиному полету, разбирай, как знаешь. — Всякий день жду, что Петр Петрович приедет с Ванею,[4] который теперь должен уже быть в Рязани. Авось свидание с ними меня оживит. Я не знаю, друг мой, что со мною делается, словами не выскажу — не тело, но душа избилась и истрепалась, а чем ее вылечишь. Бодрись и крепись, у тебя доходит дело до развязки, и, Бог поможет, будешь счастлив. От Васи я хоть бы строчку. Не пишет. Тоже ничего не знаю и о Петруше. Алекс<андр> Ник<итич> обещал ко мне 26, т<о> е<сть> завтра. Вот и все об наших краях. Дожди мешают уборке. Третьего дни ко мне ехала вся компания бабья обедать, да около Ильковой[5] *обмочились*, как объявил посланный, — дождем и вернулись, так не удались и мои замыслы подпоить их какою-нибудь малиновкою.

Я избегаю даже и с тобою говорить об N. — будем говорить тогда, когда это обоим нам будет полегче. Храни ее, Господи. Крепко, крепко

обнимаю тебя, моя добрая братка милая. Не забывай никогда прежнюю мою любовь и как мы с тобою, моя любезная, погуливали.[6]

Христос с тобою и со мною

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 3–4 об.

[1] Это письмо неизвестно.

[2] Во время пребывания за границей в 1856 г. Н. А. Шеншина серьезно увлеклась неким Эрбелем (вероятно, это вымышленное имя) и считала себя помолвленной с ним. Свадьба должна была быть в Париже, но Эрбель не сдержал слова. Это разочарование тяжело сказалось на сестре Фета, послужив толчком к пробуждению душевной болезни (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 143–147, 165–166).

[3] См. письмо 4, примеч. 24.

[4] *Новосильцов Петр Петрович* (1797–1869) — действительный статский советник, помещик села Воин Мценского уезда; в 1838–1851 гг. московский вице-губернатор, в 1851–1858 гг. рязанский губернатор. Близкий Борисову человек. Во время службы в Москве в 1842–1844 гг. Борисов проживал в доме Новосильцова, впоследствии Петр Петрович был посаженным отцом на его свадьбе, а затем заочным восприемником при крещении его сына Петра (*РГ*. С. 206; *МВ*. Ч. 1. С. 221–222, 281). *Иван Петрович Новосильцов* (1827–1890) — единственный сын Петра Петровича.

[5] *Ильково* — деревня, расположенная в 12 верстах к югу от Мценска (*ОГ*. С. 159. № 3314).

[6] Перифраз слов народной песни «Вспомни, вспомни, мой любезный, мою прежнюю любовь, / Как мы с тобой, мой любезный, погуливали…». См. также письмо Фета к Борисову 1852 г. (*Письма к Борисову*. С. 112, 113). Ср.: Великорусские народные песни. Т. 5. С. 518–519. Слова той же песни приводятся в рассказе Фета «Кактус».

6

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

Около 17 января 1858 г. Из Фатьянова в Москву

Милая и добрая сестра Мари. Не знаю, исполнили ль Вы просьбу мою написать мне несколько строк на другой день моего отъезда;[1] завтра посылают в Мценск на почту, привезут ли весточку от Вас! Уже девять часов, как я поселилась в Фатьянове, не скрою, что против воли и желанья, тоска забирается в душу;[2] я так привыкла к нашей уютной и мирной жизни на Полянке;[3] рассудок, занятия и доброе расположение Ивана Петровича изгладят это тяжелое чувство; мне бы не следовало

говорить Вам об нем, не знаю, как оно написалось. Что Вы поделываете, где были это время, здоровы ли? Пишите, пишите обо всем искренне любящей сестре.

Н. Борисова.

Друг мой Афоня! В эту минуту сижу перед известным тебе письменным столиком Ивана Петровича; отрывая глаза от этого листка, встречаюсь лицом к лицу с тобой; портрет поразительно верен оригиналу.[4] Ты смотришь на меня серьезно, строго-испытующим взглядом; как будто хочешь проверить сокровеннейшие мои мысли и знать, можешь ли ты быть доволен мною…

Сегодня в семь часов утра мы приехали без приключений в Фатьяново; нас по старинному обычаю встретили с хлебом-солью и поздравлениями. Меня водворили с правами полной хозяйки; уже спрашивали приказания, но я еще не собралась с силами, чтобы достойно начать *новое поприще*, и добрый И<ван> П<етрович> спас меня. Послезавтра мы собираемся в Клеменово[5] с тем, чтобы оттуда ехать в Ивановское взглянуть на Володю;[6] ты, верно, узнаешь в этих планах мое желанье и не ошибаешься; так как дорога меня не утомила, то И<ван> П<етрович>, не отказывая и не отлагая, велел готовить лошадей к субботе.[7]

Не взыщите за краткость послания. В следующий раз, когда все придет в надлежащее состояние, будет иначе. Пока обнимаю вас обоих крепко и прошу не забывать преданную вам сестру и друга.

Н. Борисова.

И<ван> П<етрович> целует ручки Мари и тебе просил поклониться.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (с датой: февраль 1858 г.): *Маричева Л. М.* Письма Н. А. Борисовой (Шеншиной) к А. А. Фету и его жене М. П. Фет // *Фетовские чтения (1990)*. С. 172.

Датируется на следующих основаниях: письмо было отправлено на другой день после написания и получено Фетами 20 января (*Письма к Борисову.* С. 115), при этом доставка писем из Мценска в Москву (310 верст) занимала около двух дней.

[1] 8 января 1858 г. Н. А. Шеншина вышла замуж за Борисова, венчание произошло в Москве, в Петро-Павловской церкви, что на Калужской улице (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 17. № 5310. Л. 13). Как вспоминает Фет, через неделю после свадьбы Борисов увез жену в свое имение Фатьяново (*МВ*. Ч. 1. С. 225). Первое письмо Фетов к новобрачным датировано 17 января (*Письма к Борисову.* С. 114).

[2] Н. А. Шеншина не любила Борисова и вышла за него неохотно, под влиянием Фета, ссылавшегося на рекомендации лечившего ее психиатра Саблера, который утверждал, что лишь замужество устранит угрозу возвращения болезни (*МВ*. Ч. 1. С. 220–222). Впоследствии она оценила преданность мужа и привязалась к нему.

[3] До замужества Н. А. Шеншина жила у Фетов, снимавших в Москве квартиру в доме Елизаветы Николаевны Сердобинской на Малой Полянке.

[4] См. примеч. 12 к письму 4.

[5] См. письмо 1, примеч. 1 и 5. Клейменово находилось примерно на середине пути из Новоселок в Ивановское.

[6] Речь идет о племяннике и крестнике Н. А. Борисовой — *Владимире Александровиче Шеншине* (р. 1855), сыне ее сестры Л. А. Шеншиной.

[7] Если Борисовы прибыли в Фатьяново 17 января, т. е. в пятницу, то их отъезд в Клейменово, намеченный на «послезавтра», должен был произойти не в субботу, а в воскресенье. Возможно, Борисова ошиблась в дне недели.

7

Н. А. Борисова — М. П. Фет

7 февраля 1858 г. Из Фатьянова в Москву

7 февраля.

С повинной головой читала я милое письмо Ваше,[1] добрая, дорогая Мари; оно перенесло меня вновь к Вам; я выслушивала Ваши упреки и, не имея оправданий, могу только сказать, что вперед буду благоразумна. Неосторожностей я никаких не делала, и все это произошло оттого, что я не умела понять, до какой степени двое суток, проведенных в дороге, развили во мне склонность к простуде. Но это в сторону; я вывернулась из-под тяжелой лапы Эскулапа, бросила все порошки и мази. Как здоровье Анны Петровной?[2] Бедная Надежда Кондр<атьевна>[3] опять хворает — многие вздыхали, я думаю, о неудавшемся танцевальном вечере,[4] особенно те, которые в первый раз могли выказать искусство в лангире; Вы не принадлежите к страстным охотницам до танцев, и для Вас это не было тяжким лишением. Впечатление, произведенное Мазуриной на Дмитрия Петровича,[5] меня порадовало; трудно решать, что может нужно для счастия другого — мне казалось, что <Ваш> брат скорей многих уживется с семейными неудобствами и не будет тяготиться ими, а такому человеку женитьба ведет за собою счастие. Ему нужно выздоравливать, до вашего отъезда отпраздновать Гименей и навестить вас летом. У вас веселие, пост и молитва идут об руку и прекрасно; суровый мистицизм не украшает жизнь; мне здесь рассказыва-

ли, что один господин до того уносится в мир духовный, что, приступая к какому-нибудь житейскому делу, предваритель<но> творит молитву, так он не выпьет чашки чаю, не перекрестив ее; и все-таки он вполне несчастлив. На Маросейке[6] вспомните обо мне и передайте, пожалуйста, всем Вашим мой усердный поклон. Что, каково идут концерты Толстого?[7] Были Вы у них? Что у него за фантазия ехать на чужую сторону, он, кажется, недавно вернулся оттуда. Верно, к Вашему брату[8] и Тургеневу[9].

С тех пор как Алена Як<овлевна>[10] находится под мечом Дамокла, все предубеждения Ваши превратились в заботливость; узнаю в этом Ваше доброе сердце, благодарю за то, что Вы защищаете ее от нападений[a] мужа и услаждаете ее жизнь чаями и сахаром. Ив<ан> Петр<ович> хотел деньги на все эти издержки <выслать> вместе с теми, которые он должен Петру Петр<овичу>.[11] Может, весной наша больная соберется в деревню — впрочем, в хорошей больнице не нужно терять места, представляю ее решению. Поклонитесь ей, пожалуйста, от меня. Григорьева[12] удовлетворила давнишнее желание участвовать в ваших семейных вечерах; неловкость ее доходит до крайних пределов и бесцеремонность с вами напоминает первобытную простоту нравов. Если она вздумает учащать свои визиты, то это сделается невыносимым.

Получаете ли Вы письма от Любиньки?[13] Как мне иногда хотелось бы послушать Екатерину Серг<еевну>.[14] Вы скоро услышите Жени Линд[15] и других; напишите, как и что. Прощайте, друг мой, ожидаю известий от Вас всегда с равным нетерпением.

Преданная Вам сестра

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 3–4 об.

[1] Это письмо неизвестно; Фет писал Борисовой 4 февраля 1858 г. (*Письма к Борисову.* С. 118–119), очевидно, тогда же к ней писала и Марья Петровна.

[2] *Пикулина Анна Петровна*, урожд. Боткина (1833–1900) — сестра М. П. Фет, была замужем за доктором медицины Павлом Лукичом Пикулиным (см. о нем: *МВ*. Ч. 1. С. 219, 220).

[3] *Боткина Надежда Кондратьевна*, урожд. Шапошникова (1830–1908) — жена Петра Петровича Боткина (см. примеч. 11 к наст. письму).

[4] 12 февраля М. П. Фет писала В. П. Боткину: «Масленицу я провела очень тихо, устраивала на Маросейке вечер, но он не состоялся. Надежда Конд<ратьевна> захворала <…>» (*Переписка с Боткиным*. С. 258).

[a] *Далее было*: ее

[5] *Боткин Дмитрий Петрович* (1829–1889) — пятый по старшинству из братьев М. П. Фет (всего у нее было девять братьев и четыре сестры), совладелец семейной чаеторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», в которой наряду с братом Петром играл ведущую роль; впоследствии обрел известность в качестве крупного коллекционера произведений живописи. Был шафером Надежды Шеншиной на ее свадьбе с Борисовым (*МВ*. Ч. 1. С. 222). *Мазурина Софья Сергеевна* (1840–1889) — внучка А. А. Мазурина, в 1828–1831 гг. московского городского головы, и дочь владельца Реутовской мануфактуры Сергея Алексеевича Мазурина (1802–1850), женатого на Елизавете Владимировне Третьяковой. После смерти родителей находилась на попечении бабушки Ульяны Алексеевны Третьяковой (1790–ок. 1863). Д. П. Боткин долго присматривался к Софье Сергеевне, прежде чем решился на женитьбу. «Ей было тогда около 17 лет, и дело об ее браке с Дмитрием Петровичем Боткиным было уже в ходу, но почему-то задерживалось. Она не обладала красотой черт в лице, зато при светлых волосах пленяла роскошным цветом лица. Прелестью ее была несказанная доброта» (*Харузина В. Н.* Прошлое. М., 1999. С. 167–168).

[6] Имеется в виду семейное гнездо Боткиных: двухэтажный особняк в Петроверигском переулке (близ Маросейки), в 1832 г. приобретенный основателем рода Петром Кононовичем. В конце 1850-х гг. в этом доме проживали Петр Петрович Боткин с семьей, его холостые братья Василий, Николай, Иван, Дмитрий и Владимир, а также две родственницы Боткиных. В 1863 г. дом перешел в единоличное владение Петра Петровича, а впоследствии был отдан в приданое его дочери Вере (в замуж. Гучковой).

[7] Фет и Л. Н. Толстой познакомились в 1856 г. в Петербурге, но тогда, в силу обстоятельств, их общение свелось к нескольким встречам в конце января — начале февраля и в мае. В октябре 1857 г. общение Фета с Толстым, поселившимся в Москве вместе с сестрой Марией Николаевной, возобновилось. Тогда же с Толстым познакомились жена Фета, его сестра Надежда и Борисов. «Мы все скоро сблизились», — отмечает Фет в своих мемуарах (*МВ*. Ч. 1. С. 214). Под концертами Толстого Борисова, возможно, подразумевает его планы основания в Москве добровольного музыкального общества (осуществленные впоследствии братьями Рубинштейнами) (см. об этом: *Родионов Н.* Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого. М., 1948. С. 24–25).

[8] Имеется в виду *Василий Петрович Боткин* (1811–1869) — совладелец семейной чаеторговой фирмы, старший из детей Петра Кононовича, оказавший большое влияние на воспитание своих братьев и сестер. Автор ряда очерков и критических статей; с молодых лет находился в центре русской литературной жизни, в числе его друзей и близких знакомых были Белинский, Герцен, Грановский, Некрасов, Тургенев, Толстой, Фет и многие другие. С апреля 1857 г. путешествовал по Западной Европе.

[9] В октябре 1857 г. И. С. Тургенев вместе с В. П. Боткиным прибыл в Рим, где находился до марта 1858 г. Толстой отправился за границу позднее, в 1860 г.

[10] *Алена Яковлевна* — бедная дворянка, жившая при Н. А. Шеншиной. После отъезда Надежды в Фатьяново осталась в Москве, Фет по просьбе сестры выплачивал ей жалованье. Упоминается в письмах Фетов 1858 г.

[11] *Боткин Петр Петрович* (1831–1907) — шестой из братьев М. П. Фет, совладелец семейной чаеторговой фирмы, которую возглавил после смерти брата Дмитрия.

[12] *Григорьева Лидия Федоровна*, урожд. Корш (р. 1826) — жена поэта и литературного критика А. А. Григорьева. К этому времени ее брак фактически распался, муж обвинял ее в пьянстве и разврате и даже не признавал своими родившихся детей.

[13] Л. А. Шеншина в это время была в Париже.

[14] Пианистка *Протопопова Екатерина Сергеевна* (1832–1887) принимала участие в музыкальных вечерах, регулярно бывавших у Фетов (*МВ*. Ч. 1. С. 216). В 1863 г. вышла замуж за композитора А. П. Бородина.

[15] *Дженни Линд* (Lind; 1820–1887) — знаменитая шведская оперная певица (сопрано). На самом деле Феты вскоре (10 февраля) посетили концерт другой знаменитости, Анджолины Бозио (см. об этом письмо 8 и примеч. 9 к нему).

8

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

15 февраля 1858 г. Из Новоселок в Москву

Любезный друг Афоня. Сегодня утром привезли твое письмо,[1] ты видишь, что я не медлю ответом; об здоровье своем ни словечка, из чего я заключаю, что оно недурно, и Мари, надеюсь, в эту же минуту уже поправилась, и на этот счет я покойна.

Мы уже неделю живем в Новоселках,[2] устроились довольно уютно и удобно — вечером усаживаемся к камину, которого я так давно желала, читаем «Переселенцы»[3] «Русского вестника» и ждем весны. Иногда в хороший день я засматриваюсь на окрестности Новоселок — они так прелестны уже в эту пору, что не сомневаюсь более, понравится ли этот уголок Мари; ты прав, говоря, что трудно найти у нас в России лучшей местности, по крайней мере, я не променяла б ее ни на какую из виденных мною. Мы не ждем вас и не думаем, чтоб вы приехали прежде Фоминой недели,[4] но тогда, если ничего не задержит, торопитесь в деревню, потому что лето не вознаградит потерянной весны. На днях Владимир Алекс<андрович>[5] просидел с нами до полночи; он весь предан современному вопросу, ревностно занимается делами, пишет проекты, сзывает дворян и составляет парламенты; все им довольны, и, если это ему понравится, он может долго предводительствовать. Васенька вчера был у нас и по обыкновению в хандре, обещал приехать во вторник, я вспоминала об тебе, как ты боишься, чтоб он от усердия камнем в лоб не попал; в нем эта способность сильно развита, и я стараюсь не выпускать этого из вида. Добрая Любинька сокрушается, что я к свадьбе не наготовила пуховиков и шалей — не суди ее строго; заботливость и же-

Любезный другъ Лоня. Сегодня утромъ
привезли твое письмо ты видишь что я
не замедлила отвечать; объ здоровьи своемъ не
сообщаешь, что я заключаю что оно недурно
а Мари надеюсь въ эту минуту уже по
правилась и на этотъ счетъ я покойна.
Мы уже неделю живемъ во Новоселкахъ
устроились довольно уютно и удобно -
вечеромъ усаживаемся къ камину которого
я такъ давно желала читаемъ Пересмешникъ
Русскаго Вестника и ждемъ весны. Иногда
въ хороший день я засматриваюсь на окрестно
сти Новоселокъ - они такъ прелестны уже
въ эту пору что не сомневаюсь более понра
вятся ли этотъ уголокъ Мари; ты правъ
говоря что трудно найдти у насъ въ России
лучшей местности, по крайней мере я не
проживъ нигде бы не на какую изъ виденныхъ
мною. Мы не ждемъ васъ и не думаемъ чтобъ
вы приехали прежде Фоминой недели но тогда

Письмо Н. А. Борисовой к М. П. и А. А. Фетам
от 15 февраля 1858 г.
Первая страница

ланье наделить всеми благами мира сего проистекают из самых чистых чувств дружбы; я с благодарностью принимаю их, не следуя тому, что необдуманно и неблагоразумно. Напиши, пожалуйста, возьмет ли г-н Вогау[6] (кажется) на себя труд переслать деньги в Париж. Александр[7] послезавтра к нам будет, я передам ему просьбу супруги доставить через комиссионера дома Боткиных нужные ей капиталы. Марфа Семеновна, няня, просит передать тебе поклон и сказать, что она явится баловать тебя, чесать голову и сказывать сказки; эта почтенная старушка приходила несколько раз ко мне — она сохранила память и рассудок — право, удивительно в 90 лет. Прощай, до будущего письма, будь здоров — обнимаю тебя от души.

Сестра твоя
Н. Борисова.

15 февраля 1858.

Ты прекрасно придумал выручить Башмачнина <?>. Перед вашим отъездом я пришлю тебе его брата, которого нужно будет ему препроводить. 22-го числа[8] мы спечем кулебяку, раскупорим и осушим бутылку Клико за твое здравие.

Вы, верно, пьете Тримиров чай эту неделю, вот почему я не горюю насчет того, что брат пишет о вашем здоровье, друг мой Мари; это весьма скучное время, но по прошествии его все пойдет опять хорошо. Бозио[9] накликала на себя проклятия Афони. Когда-то будут железные дороги у нас, по которым в несколько часов перелетишь в Москву, послушаешь итальянцев, Mortier de Fontaine[10] и назад. Предупреждаю, что вы найдете в деревне все в совершенной ветхости — я сама удивилась, как все постарело здесь. Дом, мебель приходят в изнеможение; мне жаль, друг мой, что вокруг вас не будет светло и хорошо, как бы я этого желала; я знаю, что вы невзыскательны и всюду совсем у места <быть> умеете, но я бы хотела уменьшить неприятное впечатление, которое разрушение навевает на душу. Будущий год все надо будет обновить, починить, поправить, а теперь нечего делать, нужно закрыть глаза на эти недостатки. Прощайте, друг мой, целую вас крепко.

Сестра ваша Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 1–2 об.

[1] Н. А. Борисова отвечает на письмо Фетов от 12 февраля 1858 г. (*Письма к Борисову.* С. 119–120).

[2] Новоселки — см. письмо 4, примеч. 18.

[3] Речь, вероятно, идет о романе Д. В. Григоровича «Переселенцы», который, однако, был напечатан не в «Русском вестнике», а в «Отечественных записках» (1855. № 11–12; 1856. № 4–8).

[4] *Фомина неделя* — первая неделя после Пасхальной. В 1858 г. понедельник Фоминой недели пришелся на 31 марта.

[5] *Шеншин Владимир Александрович* (1814–1873) — отставной поручик, помещик села Волково (см. письмо 15, примеч. 6); в 1850–1868 гг. предводитель дворянства Мценского уезда.

[6] *Вогау Максим* (Филипп Макс) *Максимович* (Wogau; 1807–1880) — основатель одной из крупнейших торгово-промышленных и финансовых фирм в России.

[7] Александр Никитич Шеншин, муж Л. А. Шеншиной (см. примеч. 1 к письму 1).

[8] 22 февраля Фет отмечал свои именины.

[9] *Бозио Анджолина* (Bosio; 1824–1859) — знаменитая итальянская оперная певица (сопрано), в 1856–1859 гг. выступала в Петербурге и Москве. 10 февраля 1858 г. Фет сбежал с концерта итальянских артистов с участием Бозио, о чем рассказал Борисовым в письме от 12 февраля (*Письма к Борисову.* С. 119). Этот эпизод отражен также в мемуарах Фета (*МВ*. Ч. 1. С. 285–286).

[10] *Мортье-де-Фонтен Генрих-Луи-Станислав* (1816–1883) — известный пианист. В 1853–1860 гг. давал концерты в Москве и в Петербурге, впоследствии жил за границей.

9

Н. А. Борисова — А. А. Фету

20 февраля 1858. Из Новоселок в Москву

20 февраля.

Друг мой Афоня. Пишу тебе наскоро несколько слов, чтоб объяснить историю с каретой.[1] Мужички от излишнего усердия сами вздумали вывозить ее из Москвы, им никто слова не говорил, и, признаюсь, я совсем не благодарна им за хлопоты и беспокойство, которые они тебе наделали. У нас гостит Наталья Никитична,[2] просит поклониться вам. Шепелевой[3] я еще не видала, но она обещает быть на днях, у нее развелось трое детей, с которыми ей жаль расставаться, да и притом она больна. На Фоминой в среду или четверг[4] буду во Мценске ждать вас, ради Бога, приезжайте. К этому времени «Антоний и Клеопатра» будут кончены; ты молодец, из писем видно, что ты неутомимо работаешь за[a]

[a] *Так в подлиннике.*

Н. А. Борисова (Шеншина)
Фотография. Москва, конец 1850-х гг.

ним, куда ты его определишь?[5] Если возможно, пришли тогда с подводой «Библиотеку для чтения»;[6] в целости и сохранности доставим осенью в Москву, даже не дадим тебе труд самому довозить ее. Прощай, друг мой, иду к Натали, обнимаю вас от души, скоро буду к вам писать.

Преданная сестра
Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 3–3 об.

[1] 12 февраля Фет писал Борисову: «Тут есть мужики из Новоселок и хотят везти карету. Что за чепуха? Отчего ты мне ничего не пишешь? Мы условились карету сами привезть, т. е. в ней приехать на Фоминой <…>» (*Письма к Борисову.* С. 119).

[2] *Шеншина Наталья Никитична* — сестра зятя Фета А. Н. Шеншина.

[3] *Шепелев Яков Никитич* в 1820-е гг. был помещиком деревни Прилепы (15 верст от Мценска), его жена *Аграфена Александровна* фигурирует в документах Департамента герольдии в качестве крестной матери одного из сыновей помещиков Каврайских, близких знакомых и соседей Шеншиных (*РГИА*). Кроме того, в письме Фета к Борисову от 28–30 сентября 1850 г. упоминается некая «m-me Шепелева», взятая в компаньонки к его сестре Надежде (*Письма к Борисову.* С. 104). Видимо, именно эта последняя Шепелева и подразумевается в данном случае,

какое отношение она имеет к помещикам деревни Прилепы, неизвестно. В одном из предыдущих писем Фет спрашивал: «Отыскала ли ты свою Шепелеву?» (Там же. С. 115).

[4] Т. е. 2 или 3 апреля. 19 февраля Фет писал Борисовой: «…мы с женой выезжаем во вторник на Фоминой и в четверг утром будем пить чай и кофей в Новоселках» (Там же. С. 120).

[5] Работу над переводом пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра» Фет начал еще до отъезда сестры из Москвы, в октябре 1857 г. Отвечая на вопрос Борисовой, он писал: «„Антоний“ вчера кончен, принимаюсь за „Юлия Цезаря“ Шекспира, а где будет „Антоний“, не знаю» (*Письма к Борисову.* С. 122; письмо от 23 или 24 февраля 1858 г.)

[6] «*Библиотека для чтения*» — ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834–1865 гг. В 1856–1860 гг. редактором журнала был А. В. Дружинин. В письме от 27 января Фет рекомендовал Борисову прочесть жене опубликованную в январском и февральском номерах «Библиотеки» повесть немецкого писателя Б. Ауэрбаха «Босоножка» (*Письма к Борисову.* С. 118). Видимо, Борисовы не смогли достать в деревне этот журнал. В одном из следующих писем Фет писал: «„Библиотеку“ привезу и „Босоножку“ прочтем вслух. Нарочно не читаю Мари» (Там же. С. 122).

10

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

24 февраля 1858 г. Из Новоселок в Москву

24 февраля 1858.

Неужели ты еще можешь упрекать меня за неаккуратность в переписке с тобой, друг мой Афоня, каждую неделю непременно отправляю послания и все-таки не изглаживаю из твоей памяти непродолжительное время болезни, в которое не могла писать. Знаешь пословицу французов: «point de nouvelles — bonnes nouvelles»[a] — мне приходилось за границей часто утешать себя ею, когда по пяти месяцев из дому не получала ни одной весточки; теперь же, сознаюсь, в свою очередь подумала бы Бог знает <что>, если б в субботу или в воскресенье не принесли от вас письма.[1] Сердце наше привыкло чуять недоброе, и ты с Мари ожидаете какого-нибудь препятствия в исполнении весенних планов, зачем же? Никто не снимет вашего следа (тебе известно русское поверие — порча), стало быть, благополучно доедете к нам, и нуж-

[a] «отсутствие новостей — лучшая новость» (*франц.*).

но ли повторять, какое удовольствие с собой привезете нам, пустынникам, — не обманываю себя настолько, чтоб думать, чтоб оно было обоюдно. Веселий в деревне мало, чтоб не сказать нет; только в большом, многочисленном обществе людей составляются разного рода развлечения, занимающие свободное время, только люди, вместе живущие, думают пользоваться всем и не теряют минуты, подстрекаемые друг другом. — В деревне это иначе, образ жизни не способствует к сближению, зато покой вознаграждает неполноту жизни, и если лишен средств частых столкновений с другими, то глубже и лучше сознаешь самого себя и живешь более внутреннею жизнью. Если внутренний мирок мал, круг тесен — скучнее, если ж, наоборот, источники не сухи, мне кажется, тогда и в Соловецком монастыре[б] будет[в] терпимо. Ведь Робинзон жил на необитаемом острове и не скучал, делая себе зонтики и выдалбливая лодки.

Люди отправятся отсюда, как ты назначил, а мы в четверг на Фоминой будем на почтовом дворе и вместе проедем реку и все *опасные* места.[2] Надеюсь, что Мари не будет бояться. Когда-то, когда настанет блаженный день въезда вашего в Новоселки! До свидания, будь здоров. Сестра и друг твой Н. Борисова.

Целую вас обоих много раз. Николай Петрович[3] надолго приехал в Москву? Что он говорил о Любиньке? Я уже слышала от Александра, что благодаря его любезности сестра совершенно довольна проведенным с ним Новым годом.[4] Кажется, Париж ей очень понравился, она весной опять туда едет. Не нужны ли комиссии в Париже, друг мой Мари, торопитесь отправкой. Съезжаются ли у вас по средам как прежде?[5] Всем Вашим от меня, пожалуйста, усердный поклон. Почтенному Саблеру[6] мою искреннюю преданность. Каково здоровье Елены Яковлевной?[7]

Я не сомневаюсь ни на минуту, что гулянья, купанья, деревенский воздух восстановят Ваши силы, милая и добрая Мари. Дай Бог только, чтоб Вы с нами не скучали; я бы желала передать Вам частичку той радости, которую я чувствую при мысли прожить вместе до глубокой осени.

Друг мой Афоня, когда увидишь д<октор>а Саблера, спроси у него, пожалуйста, что могут значить звон и шум, но без боли, которые я иногда чувствую и слышу в голове; после болезни я более, нежели когда-

[б] *Далее было*: не

[в] *Далее было*: дурно

либо, слежу за собой, и неясные движения в мозгу, которые я раза два приметила, заставляют меня опасаться. Может, это ничего дурного не обещает, но решит один доктор.

Рукой И. П. Борисова:

Друг мой, не сердись, что нет письма, а только приписка, выберу минуту посвободней и наваляю, а теперь везу это в Амченск.[8] Марье Петровне ручки расцелуй и обними себя. На Святой явятся от нас подъемные.[9] Что за галиматью нагородили новосельские мужики насчет кареты.[10] Уверен, что ты не положишься на слово без грамоты. Целую тебя еще, еще, И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 5–6 об.

[1] Н. А. Борисова отвечает на письмо Фета от 19 февраля 1858 г. (*Письма к Борисову*. С. 120–121).

[2] От Москвы к Мценску вела шоссейная дорога, на которой были почтовые станции. Дальнейший путь, несмотря на то, что расстояние от Мценска до Новоселок составляло всего семь верст, весной был сопряжен с трудностями и даже опасностями, так как следовало по тающему льду переправиться через Зушу (приток Оки) и речку Ядринку (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 291–295). Летом берега Зуши связывал паром, Ядринку, когда уровень воды падал, можно было пересечь по мосту.

[3] *Боткин Николай Петрович* (1813–1869) — второй по старшинству из братьев М. П. Фет, совладелец фирмы «Петра Боткина сыновья». С молодости много путешествовал, имел постоянную квартиру в Париже. Там же, в Париже, присутствовал на венчании сестры Марии с Фетом, которому оказал помощь в подготовке к свадьбе (*МВ*. Ч. 1. С. 202–203).

[4] В письме от 19 февраля 1858 г. Фет сообщает о приезде Н. П. Боткина в Москву: «Как бы ты думала, с кем он встречал Новый русский год в Париже? С Любинькой — она его сыскала у обедни, и он ее возил обедать и вечером на бал» (*Письма к Борисову*. С. 120).

[5] В начале своей семейной жизни Феты устраивали приемные дни по средам, а потом перенесли их на четверг.

[6] *Саблер Василий Федорович* (1797–1877) — доктор медицины, главный врач московской Преображенской психиатрической больницы. В 1857 г. Саблер руководил лечением Надежды Шеншиной (*МВ*. Ч. 1. С. 187).

[7] О Елене (Алене) Яковлевне см. письмо 7, примеч. 10.

[8] *Амченск* — простонародное название Мценска.

[9] Имеются в виду подводы для перевозки вещей.

[10] См. письмо 9 и примеч. 1 к нему.

11

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

24 марта 1858 г. Из Новоселок в Москву

Ты видишь, друг мой Афоня, что боги в гневе на нас слабых смертных перемешали времена года и стихии, посылают снеги после того, как мы пекли и ели пшеничных жаворонков[1] и слышали пение живых из мяса и костей и пр<очего> в полях за оранжереями. Ведь это несносные капризы нашей северной весны. Она этот год не заслуживает твоих стихов. Как хорошо ты обдумал твой itinéraire,[а] начал бы водолеченье, глаза были <бы> светлы и здоровы, и от всех тяжелых недугов избавился б.[2] Салат и редис поспевают, вальдшнепы должны б скоро *потянуть*.[3] — Что же делать? Зима все испортила. Ив<ан> Петр<ович> кланяется, у Marie ручки целует. До свидания, надеюсь — скорого. Будь здоров.

Твоя Н. Борисова.

24 марта 1858.

Каково было мое удивление и горе, друг мой Мари, когда, проснувшись вчера утром, увидела белый саван на земле, деревьях и крышах — неужели откладывать приезд к нам и в четверг вас еще не будет в Новоселках,[4] вот вопросы, которыми я преследую Ив<ана> Петр<овича>. Говорят, что нет в настоящую минуту никакой возможности переехать на ваш берег Оки[5] — мы несколько дней не посылали за письмами в Мценск — на страстной неделе в четверг получили следующий ответ: несколько дилижансов еще не приезжало и неизвестно, когда можно будет почте переправиться. Почту не перевозят, что будет с Палочкиным,[6] если подобного рода беда застигнет его; сегодня посланный от Васиньки был на почте, куда только что приехал транспорт от 18-го числа, но подробностей[б] его путешествия неизвестны. Завтра надеюсь узнать что-нибудь положительного, и если возможно, то сейчас же отправятся подводы в Москву.

Вчера весь день мы говорили об вас, мысленно поздравляла с Светлым праздником,[7] желая вам всякого счастия.

[а] маршрут (*франц.*).

[б] *Так в подлиннике.*

Здоровы ли Вы, милая Marie, напишите хоть строчку любящей вас сестре

Н. Борисовой.

24 марта 1858.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 7–8 об.

[1] «*Жаворонками*» назывались булочки в виде птичек, их пекли в день 40 мучеников Севастийских, 9 марта, что символизировало приход весны.

[2] В декабре 1857 г. Фет перенес желтуху, а затем долго не мог оправиться. П. Л. Пикулин нашел, что у него «легкие засорены и печень не в порядке», и настоятельно советовал весной заняться своим здоровьем (*Переписка с Боткиным*. С. 244). В феврале 1858 г. М. П. Фет писала В. П. Боткину о муже: «Здоровье его хотя и лучше, но все еще плохо, летучий ревматизм его сильно беспокоит, ужасно устает скоро; <…> и как похудел теперь <…>» (Там же. С. 258)

[3] *Тягой* называется своеобразный ток вальдшнепов, когда вскоре после весеннего прилета они начинают рано утром и по вечерам («на зорях») летать («тянуть») над лесом, издавая при этом характерные звуки — свою брачную песню. Яркое описание вечерней тяги дал в «Записках охотника» И. С. Тургенев: «За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь <…> Вы ждете. <…> В лесу всё темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятли одни еще сонливо посвистывают… Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданьем, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу. Вот что значит „стоять на тяге“» (*Тургенев. Сочинения.* Т. 3. С. 19).

[4] Феты выехали из Москвы вместе с Л. Н. Толстым 9 апреля, остановились на ночлег в Ясной Поляне и на следующий день прибыли в Новоселки.

[5] Переправиться через Оку, пересекавшую путь из Москвы в Мценск у Серпухова, можно было зимой по льду, а летом на барке. Во время ледохода переправы не было (*МВ*. Ч. 1. С. 186–187).

[6] *Палочкин Иван* — крепостной кучер Борисовых.

[7] С воскресенья 23 марта 1858 г. началась пасхальная неделя.

12

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам и П. А. Шеншину

3 октября 1858 г. Из Новоселок в Москву

Рукой И. П. Борисова:

3 окт<ября> 58. Новоселки.

Милые друзья Марья Петровна, Афоня и Петруша,[1] всех вас трех обнимаем и крепко целуем — мысленно преследова<ли> и угадывали, где вы были в тот и в другой час, и когда добрались до Сердобинской,[2] и что нашли в Москве, ну, одним словом, поминутно были с вами, а теперь посылаем на почту, чтобы верно знать о вас. Надя только до вечера в воскресенье была здорова, а потом и начала сваливаться и большую часть времени оставалась в постельке. Теперь же, слава Богу, кажется, чувствует себя получше. — Во вторник вернулся из Кочетов Лев Николаевич.[3] Охота там была неудачна, гончие скверно гоняли, волков нашли, но никто не травил, только одного молодого застрелили. Но все-таки Кочеты и разные чуда восхитили Толстого, и он очень доволен этою поездкою. У нас он познакомился с Симоном,[4] который на *собственной коняке* нежданно навестил нас во вторник и почти уже вылечил меня, немного еще остается прежней боли, немного оглох, но жить можно. В среду я с Толстым полями к Ивану Сергеевичу,[5] который к нам выехал навстречу. У него мы так напитались разными рыбами, раками, птицами, говядинами, теляти<нами>, арбузами и прочими, что оставалось только ложиться поскорей спать, и укладывание происходило в самых скоромных разговорах. Так что Иван С<ергеевич> во сне тотчас же встретился с Магометом и дал слово пророку обратиться на его путь. Толстой утром уехал в Ясную Поляну, куда к нему обещал заехать Сухотин С. М.,[6] а мы поехали с собаками в Новоселки. Но было очень холодно, и Тургенев возвратился, обещав на днях нас навестить. — Твои записки, Петруша, отослал на другой же день к Васе.[7] Ну что еще вам сказать — это я не пишу, а так только подаю голос, что мы живы. Шарлотт Карловна[8] вам кланяется, она ни минуты не оставляет Нади. Дай-то Бог, чтоб наша жизнь протекла потихоньку до вашего возвращения, но еще долго ждать. Зима длинная — а какие дни стоят — прелесть. Обнимаю вас еще, друзья мои, до будущего письма.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Добрые друзья. Как-то вы доехали и каково здоровье Мари. Я с вашего отъезда почти не вставала, и вам всем желаю всего лучшего.

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 5–6.

[1] П. А. Шеншин зиму 1858/1859 г. провел вместе с Фетами в Москве.

[2] Феты, вероятно, выехали в Москву 28 сентября (воскресенье), на что указывает недатированное письмо Тургенева, написанное, как следует из данного письма, перед их отъездом, во вторник — 23 сентября ст. ст. 1858 г. (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 344. Зд. письмо датировано приблизительно: концом сентября).

[3] Вторник пришелся на 30 сентября. Толстой бывал в Новоселках и до отъезда Фетов (*МВ*. Ч. 1. С. 245). *Кочеты* — родовое имение помещиков Сухотиных (см. примеч. 6 к наст. письму) Тульской губернии Новосильского уезда.

[4] *Симон Александр Андреевич* (ум. 1863) — провизор Мценской вольной аптеки. Лечил гомеопатическими средствами.

[5] Борисов познакомился и сблизился с Тургеневым летом 1858 г. Знакомство произошло в конце июня в Новоселках, куда писатель впервые приехал к своему приятелю Фету (*МВ*. Ч. 1. С. 251), общение продолжалось до отъезда Тургенева из Спасского.

[6] *Сухотин Сергей Михайлович* (1818–1886) — второй сын М. Ф. Сухотина (1780–1858), богатого орловского и тульского помещика, владельца нескольких имений, включая Кочеты. Воспитанник школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; в 1837–1851 гг. был офицером Преображенского полка, затем служил в Московской дворцовой конторе, где в 1874–1884 гг. занимал пост вице-президента. Был особенно дружен с Борисовым.

[7] Имеется в виду В. А. Шеншин.

[8] *Нибергаль Шарлотта*, урожд. Беккер — двоюродная сестра Фета по матери. В 1858–1859 гг. гостила в России.

13

И. П. Борисов — А. А. Фету

9 октября 1858 г. Из Новоселок в Москву

9 окт<ября> 58. *Новоселки.*

Нет, Афоня, решительно ты и из меня сделаешь Надиньку и заставишь принимать такие меры осторожности против тебя и Марьи Петровной, каких ты и не запамятуешь в войну с англами. Друг мой, всему есть мера. Досадно видеть человека, когда он начинает «раздираша ри-

за и одежда», и досадно не на одну Надю, а на всех — по очереди. То Петруша,[1] то ты, то Марья Петровна — право, голубчик, это нехорошо. Я всеми силами, растопыривая ногами, упираюсь против всякой роскоши, а вы ее разводите. Дай Бог уладить удобство, а тут мрамор на камине — это не по Сеньке шапка. И я понимаю, с какими чувствами вы об нас печетесь, и коленопреклоненно целую вас в сердечко ваше общее, но молю вас, остановитесь. Палочкин с неимоверною быстротою, т<о> е<сть> на 5-й день, был уже в Новоселках и все довез в исправности.[2] В глазах его я прочел столько гордости в своих успехах, словом, все экспедиции произошел и молодцом вернулся на родину. Я устроил ему триумф, какой только мог, тут и м<онаршее> благоволение и пр<очее>, пр<очее>. Прибыл он под вечер, и началась обыкнов<енная> горячка. Сердца дамские забили тревогу: скорей — открывать, смотреть, а тут нужно и чай пить, и не переколотить, и не тронуть чужого, и читать твои хитродумные + и Петрушины снотолкования. Ну уж, вы голубчики, т<о> е<сть> ты и Петруша тоже, что многоглаголевый Аввакум. Читаешь, читаешь, мямлишь, мямлишь, о Господи, а все от беспредельного рвения прославиться немецкою аккуратност<ью>. Но это все бы ничего — а изволь-ка вот я на другой день разослать гонцов в Клеменово, в Ивановское. Ты еще верно не забыл, как меня всякие гонцы приводят в ярость, ну и тут не без того обошлось. Дни теперь маленькие, говорю нашим барыням, если хотите писать, то пишите, чтоб не задерживать. Как бы не так, как начали с 8 ч<асов> вечера, то до 12 час<ов> утра все молотили об ленточках да бантиках. Наконец, налитературили записки, и все исполнено в точности по вашим велениям. Сундуков и не открывали, и ключи запечатали, и *Любиньку* — исполнили все-все-все. Я и не воображал, до какой степени Надя нетерпеливая, и как все приводило ее в восторг — посмотрели б вы на ее глазенки, когда открывалась коробка с рубашечками и чепчиками, что Марья Петровна послала будущему прародителю человечества[3] — какие нотки брали и Надя, и Шарлотта Карловна. Сегодня целый день еще прошел в рассматривании и кроениях, и к вечеру обе уходились, в 9 часов ушли спать, едва кончили чай. Только бы не заболели обе, а то два дня, слава Богу, Надя была здоровенькою — может, и Симон[4] помог — я его привозил, и всем нам задал по 4 №. Как будто и помогает.

Как было мы все встревожились Иваном Сергеевичем, который вам очень, очень кланяется. Он, бедный, чуть было совсем не раскланялся — простудился на охоте, т<о> е<сть> и не на охоте, а поехал было со мной верхом с собаками. День был холодный, ветровой, он прозяб и тотчас же вернулся в Спасское, а я уехал в Новос<елки>. К вечеру уже он со-

всем свалился, и начиналась горячка,[5] да, слава Богу, прервали — третьего дни я был у него и нашел уже вне всякой опасности, у него виделся с Майделем,[6] который тебе очень кланяется. Послезавтра я надеюсь опять его проведать. — Не удалось Ив<ану> Серг<еевичу> и *своих* борзых посмотреть, которых Афанасий[7] успел-таки купить. Четыре таких суборзка,[8] что 40 к<опеек>, а не рублей, не стоят. «Уж это, — говорит, — мое такое во всем счастье». — От Некрасова он получил весть, что В. П. Боткин в Питере уже.[9] — Собирается и Ив<ан> Сергеевич в Орел около 15 окт<ября>. Пробудет там дней 10, потом в Тулу, Москву и в Питер и т<ак> д<алее>, даже в Оренбург на охоту — там, говорят, такие *Поныры*,[10] что по 48 тетеривей нипочем, а кабанов можно пиками колоть.

Ну, довольно, однако ж, и болтать. Пора и нам спать. Всякий день привожу домой по *два* русака. А как ловят!!! Ведьма[11] и-и-и, одним словом, жаль мне вас обоих, что не понимаете псовых удовольствий, а то пожили бы мы и пороши в Новоселках. — Эх, милые! Голубята.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 7–8 об.

Ответ на письмо Фета от 6 октября 1858 г. (*Письма к Борисову.* С. 125).

[1] Брат Фета — П. А. Шеншин.

[2] Палочкин выехал из Москвы с вещами для Борисовых, а также для Л. А. Шеншиной и Вл. А. Шеншина 4 октября (*Письма к Борисову.* С. 125). О Палочкине см. примеч. 6 к письму 11.

[3] Борисовы ждали рождения ребенка (сын Петр появился на свет 14 ноября 1858 г.).

[4] См. примеч. 4 к письму 12.

[5] 10 октября 1858 г. Тургенев писал А. В. Дружинину из Спасского: «Я все эти дни был болен — я простудился на охоте и провалялся целую неделю в постели; я еще до нынешнего дня не выхожу» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 341).

[6] Барон *Петр* (Петер Магнус Фридрих) *Астафьевич* (Густавович) *фон Майдель* (1819–1884) — доктор медицины; с 1864 г. занимал ряд важных постов, связанных со здравоохранением Петербурга. Однокашник Фета по школе Крюммера, которую закончил в 1837 г. В 1853–1863 гг. — инспектор медицинского управления в Орле, где имел обширную частную практику. Лечил Аф. Н. Шеншина, а в 1857 г. и его дочь Надежду. Именно по совету Майделя Фет увез сестру в Москву к известному психиатру Саблеру (*МВ*. Ч. 1. С. 68, 185–186).

[7] *Алифанов Афанасий Тимофеевич* (ум. 1872) — охотник, крепостной одного из соседей Тургенева, к этому времени уже выкупленный им; выведен в «Записках охотника» под именем Ермолая.

[8] *Суборзок* — видимо, щенок борзой собаки.

[9] См. письмо Некрасова к Тургеневу, написанное в конце сентября 1858 г. (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 114–115).

[10] *Поныры* — село Фатежского уезда Курской губернии при реках Снове и Поныре.

[11] *Ведьма* — собака Борисова, упоминается также в письме его к Тургеневу от 12 октября 1861 г. (*Хмелевская*. С. 351).

14

И. П. Борисов — М. П. Фет

7 февраля 1859 г. Из Новоселок в Москву

7 февр<аля> 59.

Милая, добрейшая Марья Петровна.

Вчера получил Ваше письмо и мысленно расцеловал Ваши ручки за родные, дружеские Ваши строки. Наделал я Вам и хлопот, и беспокойств, и тревоги. Дай Бог, чтоб скорей, скорей успокоились — Вы сами хволенькие, и Вас нужно беречь и не тревожить. Но никак не пришло мне в голову, что письмо мое не застанет Афони[1] и все обрушится на Вас. Слава Богу, здоровье Нади оправилось, она посердилась только на меня, что я напрасно наделал Вам беспокойств, я же уверен, что Вы, голубочка, простите меня за мои невольные тревоги. Благодаря Вам почтенный Василий Федорович[2] не замедлил подать спасительные советы, но и к ним прибегать, слава Богу, уже не нужно. Мы Вас ждем нетерпеливо. И теплые дни, и солнышко стали чаще заглядывать в серенький домик. Вы пишете, что принимаете рыбий жир. По опыту знаю, какой он противный, но вместе с тем не раз удивлялся могучей силе, с какою он оказывает свою помощь, это должно подать Вам твердость глотать невкусные приемы. Только бы дождь и ветры не нападали слишком на нас летом, а то я уверен, что новосельский воздух и наша тихая мирная жизнь, какою постараемся оградить наш кружок, сделает Вас здоровенькою.

После тревожного моего письма я послал два одно за другим, чтоб успокоить Вас, и теперь повторяю, что все, слава Богу, миновалось. И мы с полным счастьем продолжаем жить, и Петруша,[3] умница, выучился *смеяться*, начинает понимать. Выносим его погулять в Надину комнату, где он понемногу знакомится и с плющом, и с фонарем, помните, который по вечерам освещал нашу террасу. — В последнем письме к Афоне я называл Вас ленивкой и не предчувствовал, что почта везет уже опровержение. И я еще более жалею, что заставил Вас покинуть Надю — оставить ее одну быть ленивкою. Утешусь только тогда, когда

увижу Вас, что будете с нею в ненарушимом союзе. К вам примкну и я, вполне довольствуясь только глядением на парового двигателя Афоню, которого за меня прошу поцеловать, как только явится перед Вами. Паспорта Лотты все нет еще,[4] да этого и надо было ждать, когда дело это устраивается Вашим Афоней. Надя Вас целует за себя и за Петрушу, я же крепко, крепко целую Ваши ручки, милая Марья Петровна, желаю, чтоб были здоровы и поскорей в нашу сторону.

Искренно Вас любящий брат

И. Борисов.

Петрушу целуем оба, т<о> е<сть> не маленького, а большого, московского.[5] Пожалуйста, Марья Петровна, за нас передайте неизменный постоянный сердечный поклон всем добрым Вашим родным, а кого из них я особенно уважаю и люблю, Вы знаете,[6] я Вам говорил.

К Афоне и Петруше не пишу, бо некогда, до будущей почты.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 77. Л. 1–2 об.
Ответ на письмо М. П. Фет от 3 февраля 1859 г. (*РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 21).

[1] Фет ездил в Петербург, откуда вернулся 5 февраля (*Письма к Борисову.* С. 139).
[2] Имеется в виду В. Ф. Саблер (см. письмо 10, примеч. 6).
[3] Сын Борисовых.
[4] Речь идет о хлопотах, связанных с предстоящим отъездом из России Ш. Нибергаль.
[5] Речь идет о брате Фета — П. А. Шеншине.
[6] Имеется в виду Д. П. Боткин.

15

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

6 сентября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

6 сент<ября> 60.

Друг мой Афоня, каково-то ты доехал — до Спасского и Степановки,[1] и как там все у тебя нашлось. Я бы, кажется, и теперь не писал к тебе, еще бы ждал, чтобы хоть что-нибудь сказать тебе хорошее, и только зная тебя, твое беспокойство от неизвестностей, пишу сегодня. Здоровье Нади совсем расклеилось, видно, она простудилась. Головная

боль страшная, зубы, в ушах, словом, те же мучения простуды, от которых я каждогодно умираю. А с доктором не хочет советоваться и лечиться. — Маленький, слава Богу, здоров. Квартира наша оказалась уже слишком теплою. Как вставили рамы, да пригрело солнышко — снизу кухня, да со входа наша затопилась, то к вечеру такая теплота, что только что тебе бы здесь жить, — а форточки боюсь открывать. — Теперь о твоих поручениях. Был я, друг мой, у Казакова в понедельник и услыхал о тулупчике ответ, что *маненичка* не готов, я даже и не плюнул и не сказал ни слова, что их до крайности удивило, видно, что не привыкли без ругни, авось, этим усовестятся. Как только выручу, то перешлю по почте. Не мог, друг мой, еще наведаться и на Полянку к Ивану.[2] Потому что решительно *мне* теперь не до того — в первую свободную минуту все исполню и немедля тебя уведомлю. Только бы здесь Господь помог. Ну, толковать больше нечего, проща<й>, друг мой, крепко тебя целую.

Твой брат и друг
И. Борисов.

Здравствуйте, милая Марья Петровна. Целую Ваши ручки, и все как будто не увере<н>, что мы расстались. Не успел еще до сих пор навестить ни Анны Петров<ной>, ни Катерины Петровной[3] и только на минуту забегал на Маросейку, но никого не застал, кроме Надежды Кондратьевны да деток,[4] и познакомился с женой Сергея Петровича.[5] Его же самого тоже не застал, и теперь они должны быть уже в П<етер>бурге. Все Ваши живы и здоровы, слава Богу и за это. — Что Ваше-то здоровье? Каково Вы съездили в Спасское, Волково.[6] Как провели 5-е, то-то, я думаю, был пир.[7]

Целую Вашу ручку и желаю Вам всего-всего лучшего.

Брат Ваш И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезный друг Афоня. С самого твоего отъезда я больна; зубы, лицо, шея, голова мучают ужасно. Квартиру отделали tant bien que mal,[a] взяли фортепиано. Ив<ан> Петр<ович> купил вчера довольно хорошую пролетку у Пирогова,[8] и теперь поживем здесь, пока презренный металл не иссякнет из кошелька.

Прощай, пиши, сделай милость, об вашем новоселье. Преданная сестра твоя Н. Борисова.

---

[a] кое-как (*франц.*).

Милая и добрая Marie, как могла ты позволить мужу отказываться от Сердобинской и поселяться на зиму в деревню — тебе нужно за это памятник — браво, это в высшей степени благоразумно. Зато как я жалела, что дела так сложились, одно утешает, что будущее обеспечивается, и ты можешь со временем жить в Москве без малейшего затруднения. Афоня, верно, тебе рассказал, какую мы квартиру наняли. — Муж мой был вчера на Маросейке, а когда выздоровлю, и я непременно съезжу к Надежде Кондратьевной.

Кухня у нас немецкая — я кроме крайне необходимого ничего покупать не буду, а денег вышло уже тьма. Петю я совсем не узнала,[9] он вырос и совсем изменился, с раннего утра в его комнате подымается крик и маленькие капризы. Девушка, которую я на волю отпустила, была у меня и объявила, что теперь рукава носят опять длинные, узкие <?>, на пуговицах у кисти руки. Сообщаю тебе эту приятную новость. Преданная сестра твоя Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 10–10 об.

[1] В конце августа Борисов, получив известие о выздоровлении жены (см. примеч. 9 к наст. письму), выехал в Москву, где снял квартиру. Фет пробыл с Борисовыми несколько дней и вернулся в Орловскую губернию (см. письмо Борисова к Тургеневу от 8 октября 1860 г.: *Хмелевская*. С. 338). *Степановка* — хутор на юге Мценского уезда, купленный Фетом в начале августа 1860 г. По пути из Москвы в Степановку Фет остановился в имении Тургенева Спасском-Лутовиново (см. примеч. 7 к наст. письму).

[2] Подразумевается служивший у Фетов в Москве поваром крепостной из Новоселок *Иван Беляк* (Беляков, Белый), который после отъезда хозяев в Степановку некоторое время жил в их квартире на Малой Полянке. Упоминается в письмах Фета 1858–1859 гг., в начале 1858 г. получил вольную (*Письма к Борисову*. С. 121).

[3] Речь идет о сестрах М. П. Фет — А. П. Пикулиной (о ней см. примеч. 2 к письму 7) и Е. П. Щукиной (1824–1904), которая с 1849 г. была замужем за богатым московским купцом Иваном Васильевичем Щукиным (1817–1890).

[4] У П. П. и Н. К. Боткиных было три дочери: Вера, Анна (р. 1854) и Надежда (р. 1855).

[5] Седьмой из братьев М. П. Фет — *Сергей Петрович Боткин* (1832–1889), в будущем знаменитый терапевт, в апреле 1859 г. женился на *Анастасии Александровне Крыловой* (1835–1875).

[6] *Волково* — село на реке Мецне в 4–5 верстах к юго-западу от Мценска. При Волкове, по обеим сторонам реки, находились усадьбы, именуемые в окружении Фета Ближним и Дальним Волковом. В Ближнем Волкове проживал с семьей — женой Елизаветой Дмитриевной (урожд. Карповой) и детьми — Николай Никитич Шеншин (1816–1879), брат зятя Фета — Александра Никитича. Дальнее Волково, отстоящее в полуверсте от Ближнего, принадлежало мценскому предводителю дво-

рянства Владимиру Александровичу Шеншину (1814–1873), который был женат на Анне Семеновне Шеншиной и также имел несколько детей. Борисовы и Феты были близко знакомы с обитателями как Ближнего, так и Дальнего Волкова (*Чернов Н.* Фет в кругу сородичей // Истории русской провинции. Орел, 2000. Т. 9. С. 9).

[7] В 1853–1867 гг. Спасским управлял дядя писателя, Николай Николаевич Тургенев (1795–1881), проживавший там с женой Елизаветой Семеновной (урожд. Белокопытовой), свояченицей и двумя дочерьми. Фет был с Н. Н. Тургеневым в добрых отношениях и, как правило, приезжал в Спасское на именины Елизаветы Семеновны, которые отмечались 5 сентября.

[8] *Пирогов* — московский каретник, упоминается в мемуарах Фета (*МВ*. Ч. 1. С. 290).

[9] Через девять месяцев после рождения сына, в конце сентября 1859 г., у Н. А. Борисовой случился приступ душевной болезни, вследствие чего она вновь была помещена в московскую лечебницу Красовского и находилась там по август 1860 г. (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 310).

16

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

19 сентября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

19 сент<ября> 60. *Москва.*

Вчера принесли, милый Афоня, твое милейшее письмо.[1] Я за тебя вполне радуюсь, и когда только мысленно залезу в твою всем озабоченную, суетливую, ворчливую деятельность, то становится как-то лучше. И эта грязца, на которую утренничком приходится ступить твоему сапогу, и сырость свежая, деревенская, а не московская тухлятина умывает тебя, когда, неумытый, выходишь посмотреть, что на дворе, какова погода, что люди делают, — все это меня здесь даже нежит. Не говорю уже, как отдается во мне твой выстрел по вальдшнепу — самому Снопке[2] он не звучит так раздражительно, и как тяжело усидеть здесь, чтоб не броситься в гущу осинника, молодого березняка и закрасневшегося уже дубняка, но, видно, мы пиль-авансы[3] не то, что Непирка[4] и Снобка, и жизнь парфорсная[5] прошла недаром. — Тубо![6] Ни с места. — Все дни я думал: сяду и напишу к Афоне, и не мог присесть, потому что решительно ничего не мог не только сказать, но и подумать. Вот и теперь, как двуглавый российский орел новейшей формы, т<о> е<сть> с взъерошенными перьями, взмахиваю крылами и не могу вылететь из круга копейки, и в то время, когда одной головой начинаю думать с тобою,

другая неугомонно поет свои песни, заглушающие все человеческие помышления. — До сегодня время прошло ах, как хорошо. Начало ты видел, далее начались мелкие развлечения — простуды, кашель, насморк, головная боль, спинная боль и до уложения на диван, и в зубы, наконец, — все это не у меня, а у Нади, и все, как следует, прекрасно и бесподобно. Федор Ив<анович>[7] заезжал раза два, и 17 был Василий Федор<ович>,[8] но что же тут могут пособить и они. Поговорят и бесплодно посоветуют, дружески пожмут руку и уедут. Не стоит, друг мой, говорить об этом. Не знаю, что будет далее, но надеяться на лучшее уже не умею. Сарачевы меня сразили вестью, что нет няньки их, что она где-то в Ревеле. Ищем, но еще не нашли новую, а старая у меня зудит уже под ложечкой. На днях был у Анны Петровной.[9] Она уже помирилась с мыслью, что у вас деревня и свой угол. Катерины Петров<ной>[10] не видал еще, заходил к ней, но невовремя. Надежда Кондр<атьевна>[11] процвела здоровьем, да, впрочем, ты же ее и сам видел. Я все дома и только минутами оставляю д<ом> Миллера.[12] В Опекунском совете познакомился с Данилом Даниловичем,[13] мне он пришелся как-то по сердцу. Расспрашивал в подробности о вашем житье и планах и только что не говорил вслух: «Вот бы и я так пожил». — Получил ли ты кожух дубленый, отправлен давно. В Сердобинку,[14] друг мой, еще не заглядывал после прощанья с тобою — но время нет. Впрочем, кажется, барыня только для пущей важности порассказала о ночных приключениях и участии в них самого Беляка.[15] Он на днях приходил — одет прилично — выбрит до чистоты китайских кукол, под лак, щеки нежны, как студень или галантир, — и даже нет запаха дурного поведения, а скромность, а чистота нрава. Живет у купца за 6 р<ублей> и готовит ежедневно по 4 блюда на 12 ч<еловек>. Нарочно сообщаю тебе эти сведения как любителю российской *словесности*.[16] У Марьи Петровны уцелуй ручки, когда-то дождемся вас в Москву — жаль, что не мы к вам, туда, в черноземную теплую сторону. Что Петруша, отыскался ли хотя по слухам? Целую тебя крепко-накрепко, твой брат и друг

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Ты, кажется, смотришь на меня, Афоня, как на коренную горожанку, не выходившую за предел дачи и потому не способную принять участия в теперешних твоих занятиях. Ты забываешь, что я в продолжение шести лет ничего другого не слышала и от людей, которые в этом только и узревали следы мудрости человеческой. Голубой картуз прикажешь прислать? Впрочем, я на тебя смотрю, как на Петра I, ты заведешь ре-

гулярность и порядок, доселе неизвестные в наших патриархальных деревнях, где безграмотные Обломовы отдыхают на домашних пуховиках в беспечной, ничем не прерванной дремоте. Ты же с своею деятельностью — редкость, исключение. Тысячу раз благодарю тебя и Мари за письмо. Пожалуйста, извещайте об том, что делается в Степановке, мы каждый день об вас говорим. До будущего письма. Обнимаю тебя крепко. Преданная тебе Н. Б.

Любезный друг Мари. Ты всегда выбираешь гомеопатический кусочек бумаги, чтоб писать к нам. Кроме трех слов, ничего не устанавливается, даже не скажешь ничего о своем здоровье. На Чистых Прудах я два раза встретила Лизав<ету> Василь<евну>[17] с детьми[18] К<атерины> П<етровны>, она, на мои глаза, помолодела. Ив<ан> Петр<ович> был у всех дома <?> и в лоне.[19] У меня платья не готовы, и я жду своих нарядов, чтоб навестить их. Прощай, милая Мари, я думаю, ты много гуляешь благодаря хорошей погоде. Целую тебя крепко. Поклонись Любиньке и ее мужу. Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 11–12 об.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] *Снопс* или *Сноб* — кличка легавой собаки Фета (пойнтера) (*МВ*. Ч. 1. С. 286–287).

[3] *Аванс!* (Вперед!) — команда легавой собаке идти вперед и искать дичь. *Пиль!* (Возьми!) — команда прекратить стойку и броситься к дичи.

[4] *Непир* — легавая собака, приобретенная Фетом в период службы в уланском полку. Названа в честь Чарльза Нейпира (1786–1860), английского вице-адмирала, который в 1854 г. участвовал в блокаде русских берегов и портов на Балтийском море (именно на Балтийском побережье нес службу Фет во время Крымской войны).

[5] *Парфорс* — ошейник, снабженный с внутренней стороны тупыми гвоздями, применялся при дрессировке легавых собак.

[6] *Тубо!* (Нельзя! Не тронь!) — команда легавой собаке, противоположная по значению команде «Пиль!».

[7] Возможно, имеется в виду *Федор Иванович Красовский*, доктор медицины, ординатор Преображенской больницы.

[8] Василий Федорович Саблер (см. примеч. 6 к письму 10).

[9] Борисов имеет в виду сестру М. П. Фет — А. П. Пикулину (см. примеч. 2 к письму 7).

[10] Речь идет о сестре М. П. Фет — Е. П. Щукиной.

[11] Имеется в виду Н. К. Боткина (см. примеч. 3 к письму 7).

[12] Борисовы снимали квартиру в Яузской части, по адресу: Большой Казенный переулок, дом Миллера (*Хмелевская*. С. 339).

[13] Имеется в виду муж Ю. Б. Шумахер (близкой приятельницы М. П. Фет) — *Данила Данилович Шумахер* (1819–1908), один из директоров Сохранной казны Московского опекунского совета. Впоследствии действительный статский советник (1862), управляющий Московской сохранной и ссудной кассой Опекунского совета, директор Московско-Рязанской железной дороги, товарищ председателя правления Московского коммерческого ссудного банка, московский городской голова (1873–1876). В 1876 г. был привлечен к судебному разбирательству по делу о финансовых махинациях в Московском коммерческом банке и приговорен к месяцу тюремного заключения. Упоминается Достоевским в «Дневнике писателя».

[14] *Сердобинкой* прозвал квартиру Фетов в доме Сердобинской Л. Н. Толстой.

[15] Бывший повар Фетов (см. письмо 15, примеч. 2).

[16] 11 февраля 1859 г. Фет по предложению Толстого был избран действительным членом Общества любителей российской словесности.

[17] *Чичерина Елизавета Васильевна* (1830–1879) — родственница Боткиных. 29 июля 1879 г. Павел Петрович Боткин писал М. П. Шеншиной: «Перед отъездом из Москвы похоронили мы Елизавету Васильевну Чичерину. Слез, конечно, было мало, покойная была одинока, жила хорошо, но, увы, не на свой счет» (*ИРЛИ*).

[18] В 1860 г. у Щукиных было шестеро детей: Александра (р. 1851; в замуж. Люциус), Николай (1852–1910), Петр (1853–1912), Сергей (1854–1936), Дмитрий (1855–1932) и Надежда (1858–1956; в замуж. Мясново). Впоследствии родились Антонина (1862–1935; в замуж. Лагодина), Ольга (1863–1930; в замуж. Иост), Владимир (1867–1895), Иван (1869–1908).

[19] *Лоно* — дом Боткиных на Маросейке.

17

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам и П. А. Шеншину

Конец сентября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

Здравствуйте, милые друзья Афоня, и Марья Петровна, и Петруша[1] (должно быть, он с вами). Поутру рано, ввечеру поздно, до, по и во всякое время вспоминаю об вас таким вопросом: «что-то они поделывают?». Для меня все представляется в пребесподобном свете: Марья Петровна понемножку начала привыкать к своим комнаткам, и ее хозяйство наладилось уже тихо и стройно, только бы Бог дал, чтобы все вы были здравы — это первеющая необходимость везде, а в деревне в особенности. У тебя же, Афоня, верно, день за днем вырабатываются новые нужды. Печи, я уверен, уже не дымят, мешки на крупу добыты и крупы много-много. Индюки, индюшки, куры, гуси, поросята сосредо-

точены и ждут, жирея, своего смертного часа. Некогда и заглянуть в березняк пробежаться со Снобкой.[2] Но тут тебя выручает Петруша с бланжевым[3] Асюром и снабжает вас всякой всячиной. Как хорош в это время застылый дупель, возьмешь в руку и невольно взвесишь его, мягкого лентяя. Досадно, досадно, что не могу взглянуть на вас хоть <на> минутку. Ну, про нас и говорить нечего. Пока еще была хорошая погода, то как будто клеилась и жизнь, мы всякий день гуляли. Дунул ветер Сиверко, и Наденька улеглась на диване. Ох, спина, ох, бока, а лечиться, кроме гомеопатии, — ни за что. Доктора все врут. Она же *сама*, во-первых, умнее всех и *все* знает. Мне все это подчас до того напирает в горло, что готов провалиться хоть в Черноморию к комарам на съедение. — Ты, Афоня, не смеешь вопиять ни на одну печаль и заботу деревенскую — все это сам сочинил себе, это твоя поэма, а вот лучше для собственного успокоения вспомни об нас и спроси только: «Ну вот она в Москве зачем?». Чтоб могла пользоваться докторством, когда нужно. Нужно, а-а я их не хочу. Это такая чепуха, что отвратительно. До сих пор мы все еще набирали разных необходимостей — мебелей, и из-под Сухаревой,[4] и обмундировку, а деньги улетай-улетай во все стороны. Пролетку у Пирогова[5] приобрел за 200 лучше твоей. Хозяин и Звездочка[6] выделывают такие курбеты, точно в первой молодости, боюсь, как бы не перед последним проездом с хомутом. Но как мы на днях были упуганы: ночью в 3 часа будят, и в окне зарево, пламя и искры. Пожар! Беда была, но, слава Богу, миновала. Мы и не суетились, и не выносились, а довольно благоразум<но> выдержали опасные минуты и скоро все потушили — сгорел дом извозчика через несколько домов от нас. Петька,[7] слава Богу, здоров и Наде сегодня лучше, а я должен выехать, многое множество предстоит объездов по знакомствам и гамазеям.[8] Прощайте пока и не взыскивайте за самое бестолковейшее, ничего сам не разберу, что написал. Что Николай Толстой?[9] Дай мне его адрес. Об Льве ничего не слышно,[10] только что *Сергей* там за границами продулся в пух. Целую Ваши ручки, милая Марья Петровна, и обнимаю вас крепко, обоих братьев.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Вчера вечером пришло к нам письмо от Любиньки, она пишет и про вас, любезные друзья Marie и Афоня. По ее словам, все у вас идет ладно и хорошо — это производит всегда благотворное действие — даже на свои дела смотришь с большею надеждою. Это время мы все планы

строили, что делать, чтоб встретить будущие перевороты без банкротства. Иван Петр<ович> против чаяния (ибо он уже расположился на покой) ищет места с хорошим жалованьем. Он писал об этом своим знакомым, чем кончится — не знаю. Не правда ли, что это хорошее решение. Дай Бог, чтоб это сладилось, так мы рассчитываем.

На прошлой неделе я была на Маросейке. Застала только Надежду Кондр<атьевну>[11] и Пр<асковью> Ефр<емовну>.[12] Первая, на мои глаза, очень изменилась к лучшему. Дмит<рия> Петр<овича> тогда ждали со дня на день. Малютка их здорова.[13] Прощайте, будьте здоровы. Целую вас всех и прошу, и жду писем.

Преданная вам Н. Борисова.

Болезнь, которою ты, Marie, так долго страдала, и у меня открылась, я почти ходить не могла.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 13–14 об.

Датируется по содержанию и по связи с письмом 18.

[1] Имеется в виду брат Фета — Петр Афанасьевич Шеншин.

[2] См. примеч. 2 к письму 16.

[3] *Бланжевый* — песочного цвета.

[4] Возможно, имеется в виду *Сухаревский рынок* (находился на Большой Сухаревской площади), где торговали съестными припасами, а также картинами, скульптурами, изделиями прикладного искусства.

[5] См. письмо 15, примеч. 8.

[6] Лошади Борисова. *Звездочка* упоминается в воспоминаниях Фета (*МВ*. Ч. 1. С. 182, 190).

[7] Сын Борисовых.

[8] *Гамазея* — хлебный амбар, склад. Здесь — в значении «магазин».

[9] *Толстой Николай Николаевич*, граф (1823–1860) — старший брат писателя, владелец имения Никольское-Вяземское Чернского уезда Тульской губернии. Был дружен как с Фетом, так и с Борисовым; познакомился с Фетом в Москве зимой 1858 г., а с Борисовым летом того же года в Новоселках (*МВ*. Ч. 1. С. 217–218, 237–242). Был болен чахоткой, 28 мая 1860 г. выехал за границу на лечение вместе с братом Сергеем Николаевичем.

[10] Л. Н. Толстой несколько позже (2 июля 1860) выехал вслед за больным братом, его сопровождала сестра М. Н. Толстая с детьми.

[11] Имеется в виду Н. К. Боткина (см. примеч. 3 к письму 7).

[12] Речь идет о родственнице Боткиных, фамилия ее неизвестна.

[13] Речь может идти как о младшей дочери П. П. Боткина Надежде (р. 1855), так и о первом ребенке Д. П. Боткина — Елизавете (р. 1859).

18

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

1 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезные друзья Marie и Афоня.

Мы поселились в таком месте, где беспрестанно пожары. Ив<ан> Петр<ович> писал вам о первом случившемся ночью;[1] третьего дни вечером мы читали в нашей маленькой спальной, я лежала — как человек вызвал Ив<ана> Петр<овича> объявить, что в ближнем переулке опять пожар. Какое неприятное чувство рождается в душе в минуту, где кажется, что все нажитое долгими годами в короткое время исчезнет. Но, слава Богу, этот раз не дали дому сгореть, и все кончилось очень скоро. Представляю себе, что бы с тобою было, Marie, если б на Полянке что горело. Я благословила Сердобенской дом за то, что там никаких треволнений не бывает. А у меня просьба к тебе, Marie, и весьма неприятная: нянюшка отдавала Марьюшке[2] шить свое черное шелковое, как она говорит, совсем новое платье. Теперь только она вспомнила о нем и просит тебя узнать, где оно — в деревне, в таком случае будь так добра привезть его сюда, или здесь. Ибо в случае потери она намерена потребовать с Марьюшки, на которую она очень сердита, деньги. A propos,[a] Афоня спрашивает, сколько в месяц мы на кухню тратились; в прошедшем месяце при самой умеренной трате 50 р<ублей> с<еребром>, а всего 1000 р<ублей>, в том числе 50 р<ублей> отдано за пролетку,[3] 125 за подарки, доктора, 90 за мебель, 40 за фортепиано, 40 за ситец на мебель, 105 квартира и 50 за сено. Вот главные 550, а куда остальные 450, не понимаю. Из деревни 10 дней тому <назад> прислали 300 р<ублей>, из <них> осталось 100 р<ублей>. Если в будущем все пойдет по той мерке, то мы можем поздравить <себя> с умением жить.

Недавно у нас была m-me Сарачева, очень добрая, как мне показалось, женщина. Она много говорила о тебе, Marie, и видно, что она тебя очень полюбила, что можно было вывесть из множества похвал, которые она присоединила к рассказам о своем знакомстве с тобою. Афоня уже успел на балу побывать, вот какая у вас просвещенная сторона; а ты, бедняжка, также больна; жир твой вчера отправлен во Мценск. Надеюсь, что к именинам Катерины Петр<овны>[4] вы приедете в Москву.

---

[a] Кстати (*франц.*).

Петя[5] в своих играх уже несколько раз был в гостях у тети Маши, а какая бы лошадь не пробежала, все это *пру* дяди[б] Фони.

Меня гонит Борис, явившийся с щеткой чистить комнату. Я решительно не только выехать не смею, но и много сидеть. В фр<анцузской> лит<ературе> явился роман, который, верно, наделал много шуму, ибо в префасе[6] к нему Jules Janin[7] восхваляет <его> до небес. Это «Fanny», пламенный, страстный рассказ молодого 24-хлетнего человека <о любви> к женщине 35-и лет какого-то Feydeau (Фейдо).[8]

Когда ты приедешь к нам, Marie, ты сочтешь наши комнаты за птичьи клетки. Мы без твоего разрешения с позволения Афони взяли красную мебель. Она нас спасла от больших расходов. В сравнении с нашей Сердобинская квартира — палаццо.

Прощайте — будьте здоровы, и, Marie, не забывай нас.

1-г<о> октября.

Рукой И. П. Борисова:

Твое письмо,[9] Афоня, о фортеплясах заставило меня взбаламутить многих мирных москвичей и не добиться никакого толка, но, слава Богу, получил и Годе — утолись, голубеночек. — Все бы было хорошо, когда б здоровье Нади было не скверно, а лечиться не хочет. — Познакомился я с Владимиром Петр<овичем> Боткин<ым>.[10] Дмитр<ий> Петр<ович> поправился молодцом, но уже сырость московская успела его съежить. Про Льва Толстого никто ничего не знает и не ведает, а Гиерские острова находятся в Средиземном м<оре> близ берегов Франции — бедный, бедный Николай Толстой.[11] Как грустно подумать, что мы похоронили уже его в нашей жизни. Жив ли он, или перестал страдать и кашлять. Петр Петрович Боткин имеет злостные намерения снова возложить на Петрушу[12] о *лошадях*, как я его ни убеждал, чтобы воздержался, но нет, непременно хочет открыть новые переговоры по этой задорной охоте. — Теперь некогда рассказывать тебе мои проекты на улаживание нашей жизни, но, кажется, решусь и достану себе место такое, что будет занятий довольно и денег, денег столько, что закрома засыпем остатками[в] от карбованцев, только уедем в Австралию. Поцелуй ручки Марьи Петровны, обнимаю тебя

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 9–10 об.

[б] *Далее зачеркнуто*: Аф<они>

[в] *В оригинале*: озатками

[1] См. письмо 17.

[2] *Марьюшка* — горничная М. П. Фет.

[3] Борисов писал, что пролетка стоила 200 рублей (см. письмо 17).

[4] Имеются в виду именины Е. П. Щукиной. Память Екатерины Великомученицы отмечается по юлианскому календарю 24 ноября.

[5] Сын Борисовых.

[6] От франц. *préface* — предисловие.

[7] *Жюль Жанен* (1804–1874) — французский романист и журналист, один из популярных критиков своего времени, член Академии (1864).

[8] *Эрнст Фейдо* (1821–1873) — французский писатель, его роман «Фанни» (1858) имел скандальную известность и выдержал несколько переизданий. В России перевод «Фанни» вышел уже в конце 1858 г. в качестве приложения к октябрьскому номеру «Библиотеки для чтения».

[9] Это письмо Фета неизвестно.

[10] *Боткин Владимир Петрович* (1837–1869) — восьмой по старшинству брат М. П. Фет, в январе 1861 г. женился на Анне Ефимовне Гучковой.

[11] О намерении Толстых ехать на Гиерские острова и тяжелом положении больного Фет узнал из письма Тургенева от 27, 31 августа (8, 12 сентября) 1860 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 234).

[12] Имеется в виду П. А. Шеншин.

19

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

10 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

10 ок<тября> 60. Москва.

Что-то давно нет от тебя весточки, друг мой Афоня, и Надинькины *предчувствия*: «вот сегодня получим от Афони письмо», — проходят без исполнения. Из деревни-то только можно что да-нибудь написать — там жизнь, работа и тишина, ничто не взбунтует. Мы же ведем такую жизнь, что сказать про нее нечего. Все болеем. И Надя хворает и недели две не выходит из комнат, и Петя[1] так кашляет, что больно слышать. Призываю уже доктора гомеопата Гольденберга,[2] кажется, из немцев, а может и иерусалимский, как будто и помогает. Был я недавно в Сердобинке — самой нет, уехала к братцу в С.-П<етер>бург, впрочем, штаб лекарь[3] бодрствует и предлагал мне взглянуть на ваши покои, и так убедительно совал ключ в замок, что я едва не соблазнился заглянуть, что там делается, но было некогда, и я упросил его не беспокоиться. — К Григорьевым не заходил, все думается, ну как встречусь с нею![4] Ну

как она заговорит! Ну как она налетит к нам! А иногда и хочется хотя взглянуть на твоего оракула, что он теперь бы порассказал.

Был я у Козлова и поразил его под ложечку, рассказав про Снобку.[5] Он очень огорчился, что собака не порадовала тебя, а своего желтого щенка, который вышел красавец, Козлов совсем загубил — я его видел с разбитыми ногами — следствие простуды. Нет, напрасно вы разгорячились на сеттеров.[6] Поворачивай к старым друзьям немецким, они надежней.

От Иван<а> Сергеевича получил писульку из Куртав<неля>.[7] Он радуется за тебя, что ты уладился, наконец, на земле, и милейшим образом обещает весной оживить наши места. Охотиться ему не удается — льют дожди. На новую собаку мало уже надеется и уверен, что она не заменит ему Бубульки. Обещает выслать тебе свой «проект распространения грам<отности> в Рос<сии>»,[8] который он вместе с Анненковым[9] сочинил и надеется через год видеть плоды. Это что-то больно скорая надежда. В октябре он в Париже и поселяется на зиму. Что это за милейший человек и сколько доброты и жизни в нем, видно, что все, с чем он поживет, оцепляет его, как дикий виноград. Из Парижа его уже тянет желание навестить Николая Толстого на Гиерских островах.

Пошли *сильные* слухи, что к Новому году произойдет развязка крестьянскому вопросу. Тебе, фермеру, и горя мало, а нам, крепостным, пожалуй, и не поздоровится — дело в том, что окончательной развязки не полагается, о выкупе правительство и ни-ни, а полагают отдать по две или по три десятины на душу — с тем, чтобы души эти платили по 9 р<ублей> оброка (чего, разумеется, не состоится). Такой порядок обязателен на 3 года, в течение которых должны *полюбовно* согласиться крестьяне с владельцами о выкупе земли, а не согласятся, то *усадьбы* остаются даром крестьянам, земля же владельцам, т<о> е<сть> помещикам — вот и все. О чем гласят слухи — мудрено. Поцелуй ручки Марье Петровне. Вчера я был у Юлии Богдановны.[10] Она здорова и обещала похлопотать нам об няне — к нам уже являлись две, но одна *по молодости* забракована, а другая показалась уж слишком похожею на галку. Трудно найти похожею на человека, а наша старая хуже всякой птицы. Обнимаю тебя крепко.

Твой И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Я начинаю завидовать Шумахер, что ты, Marie, ей пишешь, а нас совсем забыла. Афоня, вероятно, завертелся на балах у фанатиков и на охоте, хоть бы ты строчкой порадовала. Все это время Петя бедный кашляет страшно, я, как тебе писала, все больна, сегодня по совету док-

тора выезжаю и думаю побывать у твоих сестер,[11] погода отличная. На днях дают новую комедию Островского «Старый друг лучше новых двух», и мы хотим взять ложу или кресло — нужно будет за уши брать, ибо это в первый раз еще.[12] Юл<ия> Богд<ановна> завидует тебе, Marie, что ты в деревне, она и муж ее говорили Ив<ану> Петр<овичу>, что они мечтают о деревенском уголке, подальше от Москвы. Мы никуда и к нам еще никто, выключая Сарачева, Красовского и Саблера. Ив<ан> Петр<ович> был у Опухтина, жена которого зовет меня также, как Юл<ия> Богд<ановна>, которая послала мне с Ив<аном> П<етровичем> любезное приглашение быть у нее. Да еще С. Сухотин на днях должен быть здесь, и я познакомлюсь с его женой.[13] Но это все еще в будущем, а пока я регулярно каждый день — лежала на диване.

О журналах Ив<ан> Петр<ович> поручает сказать, что он их выхлопотал, и в определенное время редакции высылают нам на дом.

Как-то ты поживаешь — хорошо, я надеюсь, с своими, а скоро опять в Москву, жителями которой мы, как предполагали прежде, не будем, если удастся Ив<ану> Петр<овичу> получить хорошее место. Прощай, милая Marie и любезный друг Афоня. Обнимаю вас крепко.

Преданная вам сестра Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

Не хлопочи, Афоня, забирать с собою № «Р<усского> вестника», я здесь все выхлопотал и получил все с 14-м ном<ером>, а тут есть что и тебе прочесть — это «В ожидании лучшего» Крестовского.[14] Действительно, это лучшее из всего, что было.

А каков Островский и Писемский, получая по 1500 т<ысяч>[15] за свои драмы. Но, Господи, какая скверность жить в Москве, с каждым днем убеждаешься только, что это не жизнь, а прозябание. Боюсь, что это доведет меня до такого равнодушия ко всему в мире, что сделаюсь клячею такою, что никакими кнутами не сдвинусь с места. А все оттого, что вижу, что тут решительно ничего невозможно поделать и только разве кричать крестоносцем: «Так хочет Бог»!

Обнимаю тебя еще, еще крепко — что Петруша? Где он? Жив ли, здоров ли. На днях зашел Архип Сташков, медвежатник,[16] разыскивая его. Получил рюмку водки за преданность и уважение и на дорогу *1 р<убль>*. Говорит, что и домой не с чем добраться; верю Надиньке, что и я медведь, *ибо* и на меня уже начали охотиться.

На конверте: *Орел.*

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Фету.

В Степановку.

Ю. Б. Шумахер
Рисунок И. Петровского (?)

Почтовые штемпели: Москва. 10 окт. 1860. 1 эксп.; Орел. 12 окт. 1860.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 15–16 об.

[1] Сын Борисовых.

[2] В то время в Москве служили два врача по фамилии *Гольденберг*: *Иван Федорович* и *Давыд Федорович*, причем оба проживали поблизости от дома Миллера, в Яузской части.

[3] Муж Е. Н. Сердобинской.

[4] Имеется в виду Л. Ф. Григорьева, о ней см. примеч. 12 к письму 7.

[5] См. примеч. 2 к письму 16.

[6] Разведением сеттеров занимался брат Фета П. А. Шеншин (*МВ*. Ч. 1. С. 287–288).

[7] Это письмо неизвестно.

[8] О проекте Общества для распространения грамотности и первоначального обучения Тургенев писал и Фету 27, 31 августа (8, 12 сентября) 1860 г. Об истории написания этого проекта, а также его текст см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1968. Т. 15. С. 245–252, 425–427.

[9] *Анненков Павел Васильевич* (1812–1887) — литературный критик, первый научный биограф и издатель сочинений Пушкина; друг Тургенева.

[10] *Шумахер Юлия Богдановна*, урожд. Мюльгаузен (р. 1827) — сестра Е. Б. Грановской, давняя приятельница М. П. Фет.

[11] Имеются в виду А. П. Пикулина (см. примеч. 2 к письму 7) и Е. П. Щукина (см. примеч. 3 к письму 15). Другие сестры М. П. Фет: Александра Визигина

(1818–1892), овдовевшая около 1858 г., и Варвара Исаева (1820–1896), во втором браке Ястребцова, в то время проживали в Петербурге.

[12] См. письмо 20.

[13] С. М. Сухотин (о нем см. примеч. 6 к письму 12) был женат на *Марье Алексеевне Дьяковой* (1830–1889), с которой развелся в 1868 г.

[14] Этот роман В. Крестовского печатался в «Русском вестнике» с июля по сентябрь 1860 г.

[15] Борисов, очевидно, имел в виду 1500 рублей (полторы тысячи).

[16] *Архип Осташков* — охотник. П. А. Шеншин увлекался медвежьей охотой.

20

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

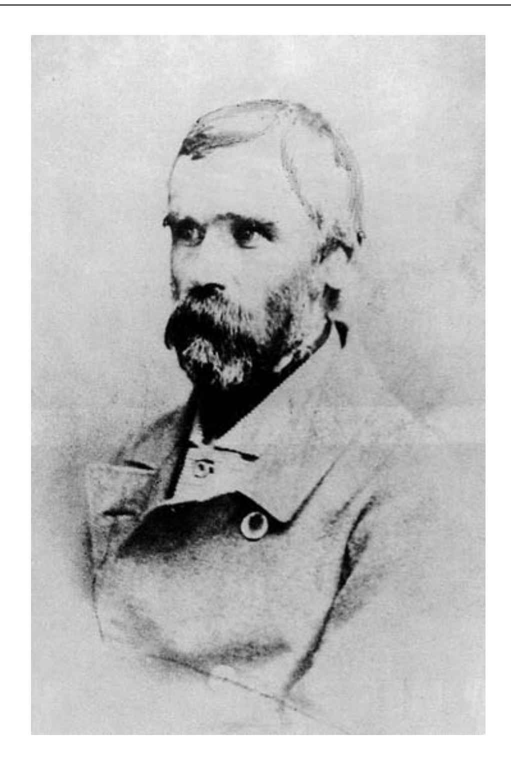
14 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

14 окт<ября> 56, т<о> е<сть> *60*-го года. Москва.

Мы только что вернулись из театра. Смотрели новую Островского пьесу — «Старый друг лучше новых двух»,[1] и Надинька осталась много довольна, я же, видно, не гожусь в бублию[2] на эти комедии — при самом усиленном напряжении посмеяться не удается как-то выдержать характер, чтобы нет-нет да не подумалось: «как, однако, здесь скучно». Три барыни говорят безукоризненным языком московских мещанок или, пожалуй, подбелевских[3] аристократок, сплетничают, ссорятся, поднимают неизбежный гвалт — так радующий всегда не только праведников рая, но и всю Россию — это главное, потом уже *сивупле*[4] подается. Живокини молодцом играет слугу, испитого резонера.[5] Садовский[6] — купца из пожилых кутил по Марьиным рощам и другим заведениям, да еще чиновник, животное тоже пьющее и берущее, но ничтожное, вот и все. Все это люди живые. И кто их не знает, кому они не опротивели, может, и приятные на погляденье. Разыграна и обставлена пьеса превосходно — а мне все-таки было скучновато. Видел Островского, он расспрашивал о тебе с *самым живым участьем*. Но как его рука была холодна и как дрожала и, когда глянул на его лицо, то тут только я вспомнил, что *для него* значит ожидание его пьесы. Вот тебе мой краткий отчет о сегодня.

Но прежде бы надо тебя побранить, во-первых, за то, что долго не писал, во-вторых, за то, что написал такую коротенькую,[7] сегодня что получили, это никуда не годится. Именно, что пишешь, когда нарочный ждет. Тут и спешишь, и кубырдохаешь, а ты вот по-моему. Надюлька



И. П. Борисов
Фотография. 1860-е гг.

улеглась и бай-байкает, я же строчу помаленьку — и не знаю даже, придет ли сон мой милый и счастливый. Так мне все не спится. Петька[8] все еще кашляет, но вот теперь, слава Богу, почивает тихо. — Что ты спрашиваешь о рыбьем жире. Я тебе уже писал, что на другой же день по получении письма он был уже отправлен чрез Шмарова[9] во Мценск. Пора бы ему быть в Степановке.

Маслова[10] видел, поклон вам обоим поручил. Что тебе еще новенького. Писал ли тебе, что журнал «*Моск<овский> вестн<ик>*»[11] куплен Рудаковым[12] (молодым ротмистр<ом>, имеющим прекраснейшее сердце и под сердцем в кармашеке 1000000 р<ублей> серебряны<х>). Прежние редакторы обанкротились.[13] И. В. Павлов[14] тебе кланяется. Трудное и претрудное его положение от бедности — вот тебе и литературн<ые> заработки. Сердце сжималось, смотря на его четырех детенков, — живых, веселеньких вокруг грустно задумчивой матери и отца. Когда поглядишь случайно на такую картину, то совестно становится за себя. Какой я богач и смею тоже петь лазаря. Но это только на минуту впада-

ешь в благодетельное смирение. Оно действует, как купанье в Зуше, холодно, но укрепительно, поэтому на твое NB насчет службы за 4 т<ысячи>, не менее, я тебе отвечаю — какой ты, однако ж, стал в деревне смирненькой. Нет, я не мирюсь и на 12 и веду переговоры. Теперь нечего тебе говорить, что и в чем. Приедешь, тогда уже можно будет об этом и потолковать, а пока знай молчи. Твоя весть о посадке более 1000 деревьев заставляет и меня заботиться об них, т<о> е<сть> о их спасенье. Вот главное условие их сохранения: возьми нож сам и всех вооружи косарями, и немилосердно обрежьте у всех верхушки и все ветви, и, чем деревце старее, тем его беспощадней обрезай какое бы ни было, кроме, однако, хвойных (т<о> е<сть> сосен, елей, лиственниц и т<ому> п<одобных>). То же со всякими кустарниками: малин<ой>, смород<иной>, крыжовн<иком>, сиренью, акациею и пр<очим>, смело обрезай, этим лучше всего дашь им силу приняться и быстро разрастись. — Ну, не знаю, что тебе еще сказать, а пока спать, хотя еще и не хочется, только поясника болит — пора.

Поцелуй ручки Марьи Петровны, хотя бы она не забывала нас весточками, когда тебя пруды или труды поглощают. Помаленьку начинают уже появляться на улицах шубы. Значит скоро «Не белы то-а-а снега — а-а-а-а-а! в чистом поле забелелись»[15] и тут снаряжай-ка тройку — повозку али кибитку. Между прочим, с получением сего нет ли у вас чего нужного в Москву? Только немедленно отпр<авь>, сегодня же. Пишу Ивану Ф<едорову>[16] отправить сюда четырех борзых. — Обнимаю тебя горячо и крепко.

Твой брат и друг И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезные друзья Marie и Афоня. Стыдно так лениться, почти три недели ни строчки, этакого греха за вами не водилось, вышли, Афоня, хоть журнал своих занятий, которые, как видно, в настоящую минуту окончательно поглотили тебя, а Marie, я знаю, не затруднится. Вчера в театре видела Дмитрия П<етровича>,[17] он изменился, но заметно, что он уже выздоравливающий. Сухотин,[18] приехавший с запасом охотничьих анекдотов, между ними — о дуэлях по поводу лисицы, привез нам известие о вас. Он поклонник покойника Хомякова, тело которого привезли в Москву и сегодня хоронить будут.[19] Островский едет на погребение, и, должно быть, провожающих соберется много. Гольденберг[20] помог и маленькому и мне, но от его рвения не знаешь, как спастись, он, кажется, готов ежедневно по нескольку раз посещать нас. Кроме того, заставляет нас покупать гомеопатические книги и порошки, которые страшно дороги. Прощайте, будьте здоровы и давайте по-

М. П. Боткина (Фет)
Рисунок И. Петровского (?), 1848 г.

чаще вестей о себе. Marie, я к тебе обращаюсь и на тебя надеюсь. Обнимаю вас крепко. Преданная сестра

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 18–19 об.

[1] Пьеса эта впервые была поставлена в Петербурге на сцене Александринского императорского театра (10 октября 1860 г.), московская же премьера состоялась в Малом театре 14 октября.

[2] *Бублия* (ирон.) — публика.

[3] *Подбелевец*, где проживали дворяне Мансуровы и Лыковы, — село, расположенное в трех верстах от Новоселок.

[4] От франц. *s'il vous plaît* — пожалуйста. Здесь — в значении «десерт».

[5] Роль лакея Ореста в спектакле исполнял знаменитый комик *Василий Игнатьевич Живокини* (1805 или 1807–1874), служивший в Малом театре в 1824–1874 гг.

[6] *Садовский Пров Михайлович* (1818–1872) — прославленный актер, играл на сцене Малого театра в 1839–1872 гг. Считался выдающимся исполнителем ролей в пьесах Островского, 14 октября 1860 г. выступил в роли Густомесова.

[7] Это письмо Фета неизвестно.

[8] Сын Борисовых.

[9] *Братья Шмаровы* содержали постоялые дворы, один в Москве, другой во Мценске, и через извозчиков подряжались доставлять вещи туда и обратно. Фет не раз пользовался услугами Шмаровых. Мценского Шмарова звали Иваном Степановичем.

[10] *Маслов Иван Ильич* (1817–1891) — с 1860 г. управляющий Московской удельной конторой. Друг Тургенева, который останавливался в его квартире во время приездов в Москву и вел с ним переписку.

[11] «*Московский вестник*» — газета политическая и литературная, выходила в Москве еженедельно в 1859–1861 гг.

[12] *Рудаков Владимир Алексеевич* — отставной поручик.

[13] Совладельцами «Московского вестника» (в равных долях) являлись его ответственный редактор Н. Н. Воронцов-Вельяминов, А. Н. Плещеев, И. В. Павлов (см. примеч. 14 к наст. письму) и Н. А. Основский (см.: Письма А. Н. Плещеева / Публ. Г. М. Фридлендера // Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 263, примеч. 6).

[14] *Павлов Иван Васильевич* (1823–1904) — писатель, критик, журналист. В конце 1860 — начале 1861 гг. в связи с так называемым «делом Основского» Фет вступил с Павловым в конфликт, который едва не привел к дуэли между ними (см. об этом: *МВ*. Ч. 1. С. 355–357; Письма А. Н. Плещеева. С. 308–319).

[15] Ср.: Не белы-то снеги во чистом поле забелелися… // Великорусские народные песни. Т. 6. С. 13.

[16] *Иван Федоров* — управляющий Фатьяновым (см. примеч. 14 к письму 3).

[17] Имеется в виду Д. П. Боткин.

[18] О С. М. Сухотине см. письмо 12, примеч. 6.

[19] *Хомяков Алексей Степанович* (1804–1860) — поэт, публицист, философ, один из основоположников славянофильства; умер от холеры 23 сентября в Рязанской губернии, погребен 15 октября в Москве в Даниловом монастыре (Объявление о предстоящих похоронах напечатано: *МВед*. 1860. 14 октября. № 222. С. 1757).

[20] См. примеч. 2 к письму 19.

21

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

20 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

20 окт<ября> 60. Москва.

Вчера получил от Николая Никола<евича> краткую запись, и вот тебе их адрес: France, à Hières, dans la maison de m-me *Senequier*, rue du Midi.[a]

Он очень плох. Лев Николаевич с ним и приписывает только, что Николай не встает уже с постели и просит писать к нему и тебя и меня.[1] Грустно и тяжело. — Марья Николаевна кланяется Марье Петровне. Ужасное положение этого семейства.

У нас ничего нет новенького. Пете,[2] слава Богу, лучше, кашель прекращается и, вероятно, это было к зубам. Только бы Надя поправилась,

[a] Франция, в Иере, в доме г-жи *Сенекье*, улица Миди (*франц.*).

и было бы все хорошо. — У меня для тебя есть превосходная книжица, *Бажанова об вольнонаемном труде* с разными рассудительствами и выводами из опытов на здешнем хуторе.[3] Но не посылаю, во избежание неимоверных отправок с почтою, да и время — теперь ни к чему, сам будешь сюда и прочтешь с умилением и спасибо. — Не хочешь ли сегодня со мною в *баню* ехать — на Самотеку,[4] это мое величайшее наслаждение в Москве. Ни комедии Островского, ни концерты, ни «Московские» ведомо<сти>» не в силах возбудить такого наслаждения. «Поддай-ка парку — любезнейший!», — буду скоро приговаривать, предчувствуя заранее шу-уу. Эх, жаль, что ты еще не здесь. Пора, однако, вам сбираться, зима подходит, морозы заковали, только еще снежку нет. Целую ручки Марье Петровной и обнимаю тебя всем сердцем. Твой брат

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Милая добрая Marie. Я не ошиблась, надеявшись на тебя для нашей корреспонденции; но ты напрасно сбираешься бранить меня, я 2 раза в день принимаю лекарство. Вчера Ив<ан> П<етрович> получил с Гиерских островов[5] письма от Толстых; несчастный Н<иколай> Н<иколаевич>, кажется, не выздоровеет; брат пишет как-то так, что сквозит та безнадежность, которую чахоточный <внушает> окружающим его. Жаль, если действительно этот человек так рано выбудет из нашего общества — я никак не ожидала, что за этим кашлем стояла страшная болезнь, от которой он погибнуть должен. Сестра его тоже больна; она тебе очень кланяется.

Афоня писал, что ты уже с некоторыми соседями познакомилась, я была уверена, что тебе не будет скучно, а для здоровья тебе необходима была покойная деревенская жизнь. Твои нервы десять лишних лет прослужат, и болезнь, которая от езды по мостовой каждую осень снова открывалась, совсем пройдет теперь. Ты же такого рода человек, что всегда и во всякой жизни сумеешь найти то, что делает ее терпимою и приятною. Я замечала, что в деревне оживление и интерес кочуют с одного места на другое, кажется, что в вашем уголке завязывалась и готовилась жизнь; ваше присутствие может только прибавить, если я не ошибаюсь, что ты найдешь около себя людей приятных. Павлов, издававший «Московский вестник», хочет опять с семейством поселиться в деревне. Он близкий ваш сосед[6] и, как говорит И<ван> П<етрович>, очень милый человек. Кажется, Афоня знает его. Петя выздоравливает — сегодня опять день ясный, и мне так бы хотелось его вынесть погулять. Он уже давно в затворе. Прощай, друг мой Marie. Обнимаю тебя креп-

ко. Не скучай, это на тебя совсем не похоже, да я надеюсь, что мне совершенно лишне предупреждать тебя. Я понимаю, что тебе трудно не видать своих, а ты помнишь, что в Евангелии сказано, что женщина должна от всего отказаться и прилепиться к *главе* своей *мужу.* Пиши, пожалуйста, ты знаешь, как нетерпеливо я жду всегда известия от тебя.

Н. Борисова.

Иван Петрович страшно жалуется на нашу жизнь здесь, и мы уже помышляли о переселении на новое место, которое, как мы имели все причины думать, могло открыться в начале будущего месяца. Но, хладнокровно осмотревшись, увидели невозможность этого плана: дороги теперь непроходимы, сырость вследствие осенних дождей или морозы — дурные спутники для Пети. Нужно выждать весну и тогда приниматься за все. Мне более всего жаль, что мы, может, надолго расстанемся, а делать что-нибудь нужно, чтоб все не развалилось; мы в такое время живем, что даже богатые барыни покупают менее косметиков, как мне рассказывала Над<ежда> Кондр<атьевна>,[7] боясь будущих переворотов и разорения. Что делать бедным людям, как ни работать. Из деревни пишут о лошадях, которых почти на 1 т<ысячу> р<ублей> купить, а здесь мелочная книга глотает беспощадно ассигнации всякого достоинства без различия. Так <как> мы всего на одну зиму здесь, то и не имеем ничего, ни знакомства, ни оседлого водворения и живем как птицы, перелетающие из Африки к нам, вот это-то и портит все. Хотела я съездить к старику Григорьеву,[8] но Ив<ан> Петр<ович> восстал против этого и не желает видеть у нас ни Аполлона Ал<ександровича> с женою, ни Дрианского[9] с компанией. Я покоряюсь, но прошу, чтоб старик <знал>, что я против него не виновата.

Ив<ан> Серг<еевич> Тургенев, который недавно писал Ив<ану> П<етровичу>,[10] сочувствует твоим инстинктам землевладельца, дай Бог, чтоб рвение твое не остыло, а теперь со дня на день разница между деревенской и столичной жизнью сглаживается, так что со временем об этом говорить будут, как мы говорим о местничестве и кафтанах. Прощай, друг мой Афоня, поклонись от меня Любиньке и Александру. Будь весел, здоров и пиши нам почаще и побольше, а то твои записки со всяким <разом> сокращаются и не заслуживают названия письма.

Преданная тебе Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20272. Л. 20–20 об.; № 20307. Л. 5–6 об.

[1] Это письмо неизвестно. О болезни брата Л. Н. Толстого Николая см. примеч. 9 к письму 17.

[2] Сын Борисовых.

[3] *Бажанов Алексей Михайлович* (1820-е–1889) — агроном, в 1850-е — 1860-е гг. заведовал образцовым хутором Московского общества сельского хозяйства. В это время им были опубликованы «Опыты земледелия вольнонаемным трудом», выдержавшие два издания (СПб., 1860, 1861). Впоследствии — профессор агрономии в Горыгорецком институте и зоотехник в Лесном институте.

[4] *Саметёка*, или Неглинная — река в центре Москвы, приток Москва-реки.

[5] На самом деле последним пристанищем Н. Н. Толстого стал город Гиер на южном побережье Франции, откуда и было отправлено письмо Борисову.

[6] И. В. Павлов (о нем см. примеч. 14 к письму 20) и его брат Николай были помещиками села Шишкина Мценского уезда Орловской губернии (*ОГ.* С. 167. № 3485). Шишкино находилось в 51 версте к югу от Мценска, т. е. относительно недалеко от Степановки.

[7] Имеется в виду Н. К. Боткина (см. примеч. 3 к письму 7).

[8] *Григорьев Александр Иванович* (1787–1863) — отец Аполлона Григорьева.

[9] *Дриянский Егор Эдуардович* (1812–1872) — писатель круга А. Н. Островского, известен своей книгой о псовой охоте «Записки мелкотравчатого», впервые опубликованной в 1857 г. в «Библиотеке для чтения» и с тех пор много раз переизданной.

[10] Это письмо Тургенева неизвестно.

22

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

Около 25 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезный друг Афоня. Получили мы твое длинное письмо,[1] и не могу не поблагодарить за него. Как жаль бедного милого Н. Н. Толстого;[2] я заметила что Ив<ан> П<етрович> плакал, узнав о его смерти,[3] и понимаю это, потому <что> более приятного человека найти трудно, да и таких, как он был, мало. Теперь нужно ждать Льва Н<иколаевича>, он, верно, там не останется и, проезжая через Москву, я надеюсь, заглянет к нам. 20-го императрица А<лександра> Федоровна скончалась,[4] по этому случаю театры и все заперто и немо. Но ты ведь враг всевозможных представлений и желал бы, чтоб это молчание продлилось вечно. Ты поклонник лампы, и ей все твои приветствия, и счастлив, что она зажигается для милой, доброй Marie, и ты, быв теперь очевидцем несчастной жизни Любиньки, не удивишься, если я тебе скажу, что я из Москвы бежала в Петербург, чтоб отдохнуть душой от этих раздирающих домашних сцен. Когда я приезжала от отца к ним, я не вполне видела всей страшной раны и, только поселившись жить у них, ясно

осознала неисправимое зло, в котором они оба сидят. Они должны были уже свыкнуться, и об этом говорить нечего. Изменить этого ни они и никто другой не могут. Об маленьком сказать тоже ничего нельзя; он может еще потерять все барские, т<о> е<сть> дикие инстинкты, которые ему с старанием прививают. Он прежде был великим князем Владимиром,[5] так его называла Вера Алексеевна Лыкова.[6]

Одно мне кажется непонятным: твое измерение дружбы и достоинств людей по степени аккуратности, которую они проявляют с тобою в расплате долгов; по этой мерке Тургенев — гнусный человек, потому что он забывает платить долги, а Афанасьев (приказный в Мценске) образец совершенства, потому что он долгов даже не делает никогда. Это детство, увлечение, которое бы меня злило, если б я тебя не знала; ты всегда к деньгам приступаешь со страхом, как к врагу, с которым ты не знаешь, что делать, вот почему были люди, которые принимали тебя за скупца, и, если б я не имела случая видеть совершенно противоположное расположение и не знала б, что это постоянная, систематически веденная война с своими капиталами, которых ты не умеешь подчинить, а сам им подчиняешься, я готова была бы думать, что ты самый отвратительный сторож золотых, забывая, что это ничего более, как скопленные труды, а не сверхъестественная благодать, сыплющаяся на некоторых избранных. Впрочем, мы к этому делу никто не умеем стать прямо и разумно, а все нацепляем стразы, чтоб их издали приняли за брильянты. Комфорт, Редерер и хорошие люди — довольно приятные условия жизни. Самые задорные из людей спрашивают: зачем жизнь? Зачем они? Но стоит взглянуть на проезжающих по Кузнецкому мосту и Лубянке, чтоб умилиться, глядя на покорность, с какою они живут, бессознательно убежденные в необходимости их самих и всего их окружающего. Им и в голову не приходит рассердиться на судьбу, что она[a] вызвала их к жизни для какой-нибудь своей цели как подставку, чтоб сшить сюртук генералу, созданного <sic!>, в свою очередь, вместе с своим портным для, чтоб азот или, не знаю, какой-то газ превращать в кровь, нужную, может, в форме тел для украшения планиды, а зачем сия? Затем, что могла и должна была быть и бысть. А где понятие «должно было», там все рассуждения умолкают. Прощай, друг мой Афоня, обнимаю тебя крепко. Преданная тебе сестра Н. Борисова. Извини за чепуху.

Добрейшая, милая Marie. До пояса кланяюсь за последнее письмо твое, ты меня перенесла в твою комнатку, и оттуда на меня повеяло по-

---

[a] *Далее было*: из

Е. П. Боткина (Щукина)

А. П. Боткина (Пикулина)

коем и уютностью. Слава Богу, что это устроилось. В декабре буду ждать тебя с напряженным нетерпением и сделаюсь по утрам и вечерам постоянною гостьею твоей сестры.[7] Вчера подъехала к дому Юлии Бог<дановны>.[8] Ив<ан> П<етрович> спросил, принимают ли, ответ был: ушли-с. Досадно было поворачивать, не видавшись. Она по своей обычной любезности обещала нам няню. Об Н<иколае> Н<иколаевиче> мы узнали из ваших писем и душевно пожалели. Нового здесь, конечно, ничего, по крайней мере, такого, чтобы всех затрагивало. Об нас я ничего сказать не могу, приедешь — сама увидишь. Время мне показалось недолгим, а когда вы тут будете, то и муж мой, надеюсь, скучать перестанет. Я не только боюсь, что мы надолго расстанемся с весны, но еще и то, что я Степановки не увижу. Это обидно. Ив<ан> П<етрович> целует твои ручки. Петя[9] тебя и Афоню беспрестанно вспоминает. Прощай, друг мой Marie. Будь здорова и не забывай нас. Твоя Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова (на полях):

Надо, надо на почту, а я *не могу* писать, поглядывая на часовую стрелку, только и успеваю тебя обнять и только — так как-то все грустно. Когда-то вы приедете, если по снегу, то долго ждать. Марьи Петр<овны> целую ручки. И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 11–12 об.

Датируется по упоминанию смерти императрицы Александры Федоровны (20 октября) и по связи с предыдущим, от 20 октября, и последующим,

от 31 октября, письмами (20 октября Борисова сетует на лаконичность писем Фета и в ответ получает длинное письмо. В настоящем письме Борисов замечает: «Когда-то вы приедете, если по снегу, то долго ждать», — а 31 октября Борисова уже пишет: «Вот и снег, и морозы пришли <…>»).

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] Н. Н. Толстой умер в Гиере от скоротечной чахотки 20 сентября (2 октября) 1860 г., о чем Фет узнал из письма Тургенева от 3 (15) октября (см.: *Тургенев. Письма.* Т. 4. С. 246).

[3] Месяц спустя, 26 ноября, Борисов писал Тургеневу о Н. Н. Толстом: «Я не могу вспомнить об нем без того, чтобы не воскресить перед собою его доброго, умного, мягкого взгляда, и слышу его голос, всегда спокойный, в самых задорных спорах. <…> Я до сих пор не могу свыкнуться с этой утратой и грущу об нем с безотчетными слезами юноши, и седая голова не помогает» (*Хмелевская*. С. 341).

[4] Вдовствующая императрица *Александра Федоровна* (1798–1860), урожд. Фредерика-Луиза-Шарлотта Прусская, дочь Прусского короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. С 1817 г. супруга вел. кн. Николая Павловича (с 1825 г. императора Николая I).

[5] Имеется в виду сын Л. А. и Ал. Н. Шеншиных — Владимир (см. примеч. 6 к письму 6).

[6] *Лыковы Константин Гаврилович* и его жена *Вера Алексеевна* — небогатая дворянская семья, проживавшая по соседству от Шеншиных, в селе Подбелевец. Фет ребенком неоднократно принимал участие в крещении их детей (*РГ.* С. 43–45).

[7] Речь идет об А. П. Пикулиной, в доме которой Феты собирались остановиться во время пребывания в Москве зимой 1860/1861 г. (см. об этом примеч. 3 к письму 24).

[8] О Ю. Б. Шумахер см. примеч. 10 к письму 19.

[9] Сын Борисовых.

23

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

31 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

31 окт<ября> 60. Москва.

Давно тебе не писал, друг мой, Афоня, и все потому, что *некогда*; хотя ровнехонько ничего не делаю, но, кажется, именно только в таком состоянии для меня и существует это *некогда*. Писать ли, говорить ли — все равно молчишь и только чувствуешь сосредоточие пустоты, и как будто на тебе выросли перья обгрызанные, мокрые, и хочется как-ни-

будь их просушить, никак не согреешься. Скоро ли вы-то в Москву. Зима пришла уже и, кажется, можно надеяться на дорожку первопутку. С хлебом ты, верно, уже управился. О работах в поле теперь пора прошла — копанье невозможно. Пересадка тоже невозможна, если у вас такие же морозы, как тут. Ну, насчет строек да перевозок разве необходимых убиваешься, в таком случае — жаль мне тебя, это сквернейшее время: колеса, ноги лошадиные — все ломается. Не забудь вот чем озаботиться: хотя маленьким запасом дров на *весну*. Тогда это будет *горé*.[1] Мы уже вас ждем. Это просто невыносимо, как только подумаешь о Петруше.[2] Писал ему — и ни гу-гу. Надеялся, что он переползет хоть к вам, и тут то же. Пожалуйста, не мешкая, уведомь о нем, когда получишь от него весточки, — это камчадал.

Об твоем соседе[3] я не спрашиваю — как и о том, не уплатил ли? Хоть бы удалось тебе приполучить к твоему отъезду. Думаешь ли ты брать сюда твоих *серых*, если думаешь, то имей в виду следующие цены: сено — 35, а овес из лавки в 8 мере 4 р<убля>, и это самый дешевый. — Цены же *все* не упадают, а лезут пока в гору. В ожидании *Золотого* века, кажется, мы пройдем чрез Индейские врата[4] и Сухарную экспедицию,[5] как в Дарго.[6] И я заранее подумываю, как пережить это время.

Приедешь, об всем перетолкуем, а писать об этом пока нечего. Все это будет пустоболтание. Тебя *Сипация* не может приковать так к Степановке, и у тебя горюшка мало. Но нам предстоит еще много кубырдюг, и главное, чтобы к весне быть готовыми хотя с малыми силами на работу. Общий голос несется, что в январе последует провозглашение. — Вчера была у нас Аграфена Николаевна.[7] Она только что приехала из Симбирска с детьми Вяземского[8] и отправляе<тся> с ними в *Дрезден*, где они будут жить и *воспит<ываться>*. Все это делается по расчетам экономическим. Там уже завелась *русская колония*. Вот они, какие штуки. Она вам кланяется. А за меня поцелуй ручки Марье Петровне. Обнимаю тебя крепко, будь здрав, да приезжай к нам скорей.

Твой брат И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Вот и снег, и морозы пришли — скоро ли в Москву, любезные друзья Marie и Афоня? Как я вас жду, об этом и говорить не стану. Когда-то увидимся; стыдно тебе, Афоня, такие дурные чувства к Москве иметь — ты прошедшие годы так хорошо прожил, что жаловаться грех — не понимаю также Ив<ана> Петр<овича>, впрочем, может, действительно мужчинам нужна деятельность, и жизнь без нее тяжела. Я особенно не

веселюсь, да ведь я не юная девица, выезжающая в свет, — но и не скучаю. Неужели мы уедем из Москвы к месту и я не увижу Степановку с ее молодым садом и новыми прудами, это обидно, а случиться может, что мне нельзя с Петрушей поехать в Новоселки, а во избежание лишних переездов отправляться прямо, куда пошлет судьба, для набирания богатств. Ты, кажется, Афоня, поверил 12 т<ысячам>. К сожалению, это утка, если 4 т<ысячи> в год, то и это больше, нежели ждать можно, ты знаешь, что у нас таких цен нет. Как твое здоровье, Marie, рыбий жир производит ли свое обычное действие? Гуляешь ли ты? Осень была исключительно хороша. Кто заказывает кушанья? Как хозяйство женское? Пиши хоть два словечка, и я тебе сто раз die Hand küssen.[a] Петя[9] перестал кашлять, его выносят на воздух каждый день, и все было б хорошо, если б зубки скорей вышли. Появление новых зубов его изнуряет, и он иногда бывает бледен и с расстроенным желудком.

В настоящую минуту у нас денег осталось 10 р<ублей>, из деревни ждем сегодня, или завтра ждем из Фатьяновой объявление, а то беда, придется занять у кого-нибудь или брать на книгу, что всегда дороже и хуже. В эти два месяца мы истратили 1200 р<ублей>, не делая никаких ненужных издержек. Если Афоня сумеет круглый год жить одной Степановкой, то ему и книги в руки. Это все равно, если бы <мы> жили одними Новоселками. Передайте, пожалуйста, поклон Любиньке и Александру. Как ты позволяешь мужу вино пить, это ему яд, и ты всегда строго за этим смотрела. Отчего теперь дала ему разрешение, а легкие что скажут? Прощайте, любезные друзья. Обнимаю вас крепко. Преданная вам

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 21–22 об.

[1] *Горé* (церк.-слав.) — вверх. Здесь — в значении «дороже».

[2] Имеется в виду П. А. Шеншин.

[3] Подразумевается Александр Никитич Шеншин.

[4] Имеются в виду *Андийские ворота* — перевал в глубине Андийского горного массива (Северный Кавказ), который миновала экспедиция графа Воронцова (см. примеч. 6 к наст. письму) по пути на Дарго.

[5] *Сухарная экспедиция* — тяжелый эпизод Даргинского похода (см. примеч. 6). Отряд, отправленный из Дарго за провиантом через Ичкерийские леса, в кровопролитных боях с горцами потерял около 600 человек убитыми.

[6] *Дарго* — аул в верховьях реки Аксай (Северный Дагестан), где некогда находилась резиденция Шамиля. Борисов имеет в виду экспедицию против Шамиля

[a] руку целовать (*нем.*).

1845 г., во главе которой стоял генерал граф М. С. Воронцов. Овладев Дарго и потеснив противника, русский отряд оказался окруженным превосходящими силами горцев и при прорыве понес большие потери.

[7] *Вяземская Аграфена Николаевна* (ум. 1862) — родственница П. П. Новосильцова, вырастившая его детей (*РГ.* С. 78).

[8] Князь *Николай Сергеевич Вяземский* (1814–1881) — генерал-майор, крупный помещик Симбирского уезда Симбирской губернии. Был женат на дочери П. П. Новосильцова Екатерине Петровне (1825–1858), которая умерла от чахотки, оставив после себя двоих детей: Зинаиду (1845–1894; в замуж. Нечаева) и Виктора (1848–1875).

[9] Имеется в виду сын Борисовых.

24

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

6 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

6-го нояб<ря>. 60.

На вести твои,[1] друг мой Афоня, об землемерстве и не оказавшихся 9 десятинах и о приготовлениях твоих к процессу и пр<очих>, пр<очих> следствиях-судбищах не знаю даже, как и говорить с тобою — для меня это возмутительно. Дай Бог, чтобы это уладилось без процессов, а то ты много поиспортишь крови и денег, пока решат твою правоту. 1) Нужно еще увериться, не ошибся ли *твой* землемер, возьмешь другого — тот еще найдет неверности, *все это происходило уже со всеми при межевании*. 2) *В купчей* если не было сказано, сколько именно десятин, то и говорить нечего; если же и было сказано сколько именно, *но* вместе с тем определенно указаны *межи*, то вот тебе новая заковыльдюга — да лучше об этом и не говорить издали, тут, когда и носом уткнешься на место, и то множество откроешь путаницы, а издали и конца нет. А лучше скажу тебе, что вчерашний день я познакомился с таким человеком, какого еще не встречал во всю жизнь — это *Бажанов*, директор здешнего хутора, и если ты хочешь, чтобы у тебя дело хуторское шло как по маслу, то должен будешь часа на два съездить к нему и исповедовать все свои болезни и печали, и он тебе все как рукой снимет.[2]

Что же это, скоро ли декабрь, скоро ли вы-то будете в Москве, но ты стольк<о> описал работ неконченых, что, пожалуй, и в декабре не развяжешься. Авось-ка.

Поцелуй ручки Марье Петровне за меня. Надя вам собралась писать длинное, а мне и сказать хорошенько пока нечего. Обнимаю тебя, твой брат

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезные друзья Marie и Афоня. Теперь я ни о чем другом не могу с большим удовольствием писать, как о вашем будущем приезде. Если путь в конце ноября установится, то я умоляю (хотя знаю, что это ни к чему не поведет) Афоню не откладывать, а ехать скорее сюда. Так как вы будете жить у Пикулиных,[3] то ни хлопот, ни забот нет, и ты отдохнешь после трудовой жизни, что до пененсов,[4] верно, вчетверо дешевле, а зимой в деревне занятий особенных нет — ты всегда это сам говорил. Стало быть, нет задержек, и если ты не будешь сочинять, то вам бы славно через три недели сюда подъехать, к тому времени, я надеюсь, что снегу будет на пол-аршина. Об земле ты пишешь какие-то огромные цифры потери — зачем ты не вымерил прежде, чем покупал, таким образом тебя могли более чем на 750 р<ублей> обмануть, а теперь, если Афанасьев[5] порядочный человек, он, верно, возвратит тебе лишние деньги. На твоем месте я б процесса не начинала, потому что суд не исполнит твоего прошения, а денег тебе придется заплатить много, ты знаешь, как у нас дорого стоит вести какое бы то ни было дело. — Когда твои сараи, твои кухни и все в порядок придет? Что, бывают у тебя затруднения с рабочими? Слухи все более и более подтверждают предположение, что этот год выйдет манифест об освобождении, и мы скоро останемся с нужными людьми и всем откроем дороги на все четыре стороны. Ты спрашиваешь, почему нам не быть в Степановке. Действительно, если мы будем в тех краях, так нет причины не видеть Степановки, но в том-то и дело, что, может, из Москвы на место попадем и, может быть, в противоположной стороне от нашей. Вот что меня сердит, и, если б случилось иначе, я бы очень рада была. Сейчас я прервана была приездом Юлии Богдановной,[6] и мы, конечно, об вас долго говорили.

Мы денег проживаем тьму тьмущую, 2280 р<ублей> до ноября проскользнули, и к 1-у числу Ив<ан> П<етрович> из деревни получил 350, из которых 150 уже истрачены. Боюсь, чтоб твое предсказание не сбылось и вместо 2 мы бы не истратили 4. Жизнь недорога, а денег выходит бездна. Москательная и другие книги[7] ничего страшного не представляют, а в целом беда, по 600 в месяц. Приедешь — сам увидишь, я записываю каждую копейку.

Няня наша отходит после рождества и определяется в богадельню, где ей выхлопотали место. Нам трое обещали искать немку и все люди положительные, на которых надеяться можно. Желаю от всего сердца, чтоб этот раз выбор был удачнее первого.

Marie все хворает бедная — не забывай нас, я так боюсь, что, живя врозь, ты потеряешь к нам всякое участие, да и Афоня человек минуты — теперь ты пишешь, что мы нужные тебе люди и не принадлежим к разряду ненужных, но пройдет еще несколько времени и новое знакомство займет наши места. А в философию я пустилась по поводу твоих же писем; до сих пор у тебя подле хорошего всегда как будто что-то тревожащее было, да боюсь распространиться, а то так хочется сказать, что ты от <жизни> либо слишком много, либо слишком мало требуешь, но скоро, Бог даст, увидимся, и тогда по обыкновению нападу на тебя. Это правда, что близкого человека приятно побранить. Поклонись, пожалуйста, Любиньке и Александру.

До свиданья. Будьте здоровы. Marie, притащи своего супруга, тебя все ждут с сильнейшим нетерпением и я не из последних. Обнимаю вас крепко.

Преданная вам сестра
Н. Борисова.

От Петруши[8] мы ни строчки не получали, писал ли он вам это время и будет ли он в Москве?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 23–23 об.; № 20271. Л. 13–14 об.

1 Это письмо Фета неизвестно.

2 Об А. М. Бажанове см. примеч. 4 к письму 21.

3 В письме к П. Л. Пикулину от 24 сентября 1860 г. Фет называет квартиру на Малой Полянке (которая оставалась за ним до мая 1861 г.) «отдаленной и хладной» и спрашивает разрешения остановиться у Пикулиных будущей зимой: «…не можете ли Вы уступить нам буквально *одну* комнату со столом для нас двух и двух человек: девушки и лакея? <…> Само собою разумеется, что мы не можем подумать о причинении Вам новых издержек по поводу нашего сожительства и потому, познакомившись в продолжение 3-х лет с московскими ценами, я предполагаю, что взнос с нашей стороны в Вашу экономию по 100 рублей сер. в месяц покроют наши у Вас издержки. Впрочем, у себя в доме Вы лучший в этом судья, чем я» (*РГБ*). Пикулины ответили согласием, и Феты прожили у них, по адресу: Петровский бульвар, дом Стрельцова, зиму 1860/1861 г. См. письмо Фета к П. В. Анненкову от 3 января 1861 г. (*ИРЛИ*). О Пикулиных см. примеч. 2 к письму 7.

4 *Пененсы* — деньги.

[5] *Афанасьев* — сын мещанки Марины Васильевны Афанасьевой, прежней владелицы Степановки; он управлял имением матери и вел с Фетом переговоры о его продаже (*МВ*. Ч. 1. С. 342).

[6] О Ю. Б. Шумахер см. примеч. 10 к письму 19.

[7] Книги расходов. В москательные книги записывались расходы на свечи и другие химические товары.

[8] Имеется в виду П. А. Шеншин.

25

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

12, 14 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

12 ноября 1860.

Снег! Снег! Уже сегодня извозчик один проехал мимо нас в санях; все небо заволокло снеговыми облаками, нужно ждать окончательного появления зимы на днях, стало быть, вы, друзья, можете скоро в путь. Боже, если б скорей. Были б у меня деньги Солдатенкова[1] или Кокорева,[2] я б отправила с эстафетом 20 т<ысяч>, чтоб вы сюда поскорей прибыли. Marie, не сердись на меня за шутку, право, я не дождусь, как вы приедете. Пенензы наши плачут кровавыми слезами: рассчитываешь, такая-то сумма достанет на 2 месяца, смотришь — по истечении четырех недель не остается из ней ни копейки. Беда, и все дорожает. Овес здесь 5 р<ублей> с<еребром> и по таким же ценам все остальное. Книг своих я спрятать или неверно весть, я не имею никакой надобности, они налицо и верны, как сама правда.

Недавно у[а] Солдатенкова был обед по случаю новоселья,[3] великолепия ослепительного, — серебряные сервизы с Лондонской выставки,[4] совершенства и роскоши удивительных. Кокорев, говорят, в последнее время имел много потерь; вот к чему ведут слишком смелые предприятия. Он хотел бы захватить весь мир и на неудачи не рассчитывает, а это дело слизкое: как скоро на гору, так уж скоро и под гору идешь.[5] А все еще он имеет 7 и<ли> 8 миллионо<в>. Третьего дни вечером я была у Кат<ерины> Петр<овны>, все деточки растут и хорошеют.[6] Надя большая девочка и на отца очень похожа, а старшая, если не подур-

---

[а] *Далее было*: Кокор<ева>

неет, обещает быть красавицей. Мой маленький, слава Богу, здоров; в хорошие дни гуляет и всегда капризничает. Он уже много говорит. Мы няню нашли через Сарачевых, не знаю, кончим ли мы благополучно, а нам она довольно нравится. Я боюсь ошибиться, переменять их истинное мучение. Прощайте, до скорого свиданья. Напишите, пожалуйста, поточнее, если возможно, около которого числа вас ждать. Обнимаю вас крепко. Преданная вам

Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

14 ноя<бря>. Оттепель, и плохо по Москве странникам. *Хозяин* возил меня, выпуча глаза от удивления. Какая гадость повсюду, а лучше бы всего сидеть дома и не таскаться, а надо, надо. Звездочку запрягают уже.[7] — Я писал Ивану Федорову,[8] чтобы он внес тебе оставший<ся> мой долг. Теперь вот моя к тебе просьба, любезнейший Афанасий Афанасьевич. Если ты получишь с Ал<ександра> Ник<итича> по векселю сполна, то 300 р<ублей> оставь Ивану, а остальные привози нам.

Про жизнь рассказывать нечего: приедешь — увидишь. Сегодня *два* года уже Петьке, вот это самое важное событие, доказывающее, что время так летит, что нам пора перестать торопить его, то есть поднимать тебе суету.

Поцелуй ручки Марье Петровне за меня. Дай Бог вам скорей благополучно добираться к нам — потолковать будет много о чем.

Твой брат И. Борисов.

Няньку нашли и авось будет порядочная. Пруссачка, 35 лет, за 100 в год и на отъезд согласна. По-русски почти ни гу-гу, все это подходящая суть.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 15–16 об.

[1] *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818–1901) — купец-миллионер, издатель, коллекционер; близкий знакомый Боткиных. Состояние нажил на торговле хлопчатобумажной пряжей. С конца 1840 г. собирал картины русских художников (коллекцию из 230 полотен завещал Румянцевскому музею), в 1856 г. учредил собственную издательскую фирму, занимался популяризацией работ выдающихся деятелей общественной мысли и писателей (в 1863 г. издал стихотворения Фета). Известен также как один из крупнейших меценатов и благотворителей.

[2] *Кокорев Василий Александрович* (1817–1889) — крупный предприниматель, коллекционер, благотворитель, меценат. Автор печатных работ по вопросам экономической политики. Разбогател на винных откупах, затем занимался торгово-промышленной деятельностью. К началу 1860-х гг. его состояние доходило до семи миллионов.

[3] В 1857 г. К. Т. Солдатенков купил особняк в ампирном стиле (Мясницкая 37, арх. О. И. Бове, А. Г. Григорьев) и несколько лет занимался его перестройкой. Архитектор А. И. Резанов возвел дополнительный объем для парадного вестибюля, придал новое декоративное оформление фасадам, изменил колоннаду портика. В соответствии с желанием хозяина в доме появились комнаты с пышным декоративным оформлением — «помпейская», «византийская», «античная», «мавританская», «светелка». Дом на Мясницкой со временем получил широкую известность благодаря размещенному там художественному собранию Солдатенкова.

[4] Имеется в виду *Великая выставка промышленных работ всех народов*, проходившая в Лондоне в 1851 г. Из-за участия многих стран вскоре ее прозвали всемирной. Инициативу проведения всемирных выставок тут же подхватили французы, ответившие на вызов англичан всемирной выставкой 1855 г. С тех пор такие мероприятия стали проводиться регулярно.

[5] Начиная с 1850-х гг. предприятия В. А. Кокорева отличались размахом и многообразностью. В частности, он учредил Русское общество пароходства и торговли с целью укрепления позиций русского торгового флота на Черном море, основал Закаспийское торговое товарищество, стоял у истоков русской нефтяной промышленности, построив в конце 1850-х под Баку первый в России керосиновый завод, активно участвовал в строительстве железных дорог. При его участии в конце 1860-х гг. был основан Московский купеческий банк, а в 1870 г. — Волжско-Камский банк. Кроме того, в 1862–1865 гг. Кокорев возвел напротив Кремля на Софийской набережной крупный гостинично-складской комплекс («Кокоревское подворье»), вложив в него около 2,5 миллионов рублей. Тем не менее после отмены откупов (1863) дела Кокорева пошатнулись, и в конце 1870-х гг. из-за финансовых трудностей ему пришлось распродать свою коллекцию картин. Совсем он не разорился, но прежних возможностей у него уже не было.

[6] О детях Е. П. Щукиной см. примеч. 18 к письму 16.

[7] *Хозяин* и Звездочка — лошади Борисова, упоминаются также в письме 17.

[8] Об И. Федорове см. примеч. 14 к письму 3.

26

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

19 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

19 ноябр<я> 60. Москва.

Вчера только к тебе написали,[1] и сегодня опять на почту, это потому, что твое письмо пришло об Дульцинее Тобосской[2] — можно ли давать такие промахи. Ты ужасно разобиде<л> Надиньку: зная ее столько времени и все-таки не мог распознать ее, и с слепым упрямством, потому

только, что она носит юбки и кринолины, заподозрил в ней Прелестную Дульцинею. Нет, поднимай выше. Она действительно олицетворяет передовую женщину нашего времени, т<о> е<сть> Дон-Кихотиху. Вот тебе работа: садись и воспой. Это будет песнь вековечная. Я бы сам, кажется, обратился в пламя и огненными буквами по всему небу написал эту поэму, но во мне сидит такая ненависть к этим передовым, что лучше молчать. Но ты любишь сам передовых женщин и, следовательно, сделаешь это дело с любовью, и это будет прелестно. Весь мир прочтет твою песнь.

Сегодня мороз в 20 градусов — а третьего дни была теплынь, и Надя жаловалась на жару в комнатах, поэтому печи топили так только, слегка. Ну, вот зато сегодня и плохо — скорей, скорей топить, да пожарче — а солнышко светит так ясно, как будто в Новоселках в июле. Твои вести о Петруше большом нерадостные, я как-то не могу и представить себе теперь его как распятого на кресте в Гравронской Палестине.[3] Видно, сам-то Засимыч оказался не силен в процессе,[4] а кажись бы, всего приличней было похлопотать ветряной мельнице об водяной. Но, слава Богу, что ты уладился с Афанасьевым[5] без судьбищ, за что себя отдавать на пропятие[6] Пилатам орловским.[7] Как мне ни предста<вляется> собственно ваш уголок степановский милым, но, признаюсь тебе, до сих пор не могу, не могу об вас подумать, не зажав носа, — так близко от Ивановского. Недаром Надинька и в октябре обоняла там духи малиновые. Поцелуй ручки Марьи Петровны. Обнимаю тебя крепко.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Покорно благодарю за посвящение меня в тобосские граждане, как жаль, что я не встречаю Дон-Кихота, а если б я вздумала кого назвать этим именем, то боялась <бы> обидеть, несмотря на то, что этот герой уважается и честь его восстановлена. Что Marie на меня сердится, я очень рада, это лучше всяких слов, а за что ты на меня нападаешь, этого я не понимаю и не прошу несомненных объяснений, потому что нет ничего легче, как неверно понять написанное. Что ты теперь счастлив и покоен, я это предвидела и искренно радовалась и радуюсь этому. Да то, что я тебе написала, не имеет ничего общего с теперешним твоим положением — но я иным тебя не знала, как либо впадающим в сплин от неудовлетворенных требований и жалующимся на судьбу, либо уверяющего всех, что тебе ничего не нужно и отрекающегося от всего. Теперь ты, чего я тогда не договорила, в самом лучшем положении, и я понимаю, что это отозвалось тебе покоем и довольством, и слава Богу. Че-

рез две недели мы, верно, увидимся, я с нетерпением жду вас. Вчера утром у нас были твои сестры,[8] Marie, и они спрашивали, когда именно вас ждать, я на <это> отвечала по твоим словам: в первых числах декабря, но в какой день именно, не знаю. Путь, судя по здешним дорогам, должно быть, установился, сегодня, верно, до 15-и градусов мороза, и снегу довольно в прошедшие дни выпало, так что почти все уже на санях ездят. До свиданья, будьте здоровы, не предсказывай себе, Афоня, заранее скуку, может, ты останешься доволен Москвой. Забыла тебе объяснить, почему я находила жизнь здесь недорогою. Цены здесь были следующие: хлеб — 1½ к<опейки>, капуста — 5 к<опеек>, крупа, ф<унт>, — 4, говядина лучшая, филе, — 7 к<опеек>, овес, ч<етверть>, — 3 р<убля> 70. Теперь мясо — 9 и 10, овес — 4.99 к<опеек>, капуста — 7 к<опеек>, свечи стеариновые с 28 на 30 к<опеек>, ждут повышения на хлеб. Когда я тебе писала, я была права, потому что во Мценске цены не ниже. Говядину мы покупали 1½ года по 8 к<опеек>, а здесь было по 7 к<опеек>, стало быть, дешевле; а что у меня средств нет жить в Москве, то относительно меня тут дорого жить, а говоря вообще, здесь цены на все были невелики. Прощайте. Поклонитесь, пожалуйста, сестре и Александру Ник<итичу>, ты не пишешь, Marie, часто ли вы видитесь. Фонари и верховые уже действуют у вас — без этого невозможно. Целую вас крепко.

Преданная вам
Н. Борисова.

19 ноября 1860.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 24–24 об.; № 20271. Л. 17–18.

[1] Это письмо Борисовых неизвестно.

[2] Это письмо Фета неизвестно.

[3] П. А. Шеншин был помещиком деревни Грайворонка (Васильевка) Землянского узда Воронежской губернии.

[4] Речь идет о судебной тяжбе П. А. Шеншина с купцом Алексеем Кузьмичем Бондаревым. Брат Фета владел небольшим имением в Ливенском уезде, деревней Слободкой на реке Тим, главную ценность которой составляла водяная крупчатая мельница. Бондарев, хозяин соседней мельницы, находившейся ниже по течению реки, желая увеличить силу собственной крупчатки, построил плотину, подтопившую колеса крупчатки Шеншина. В связи с этим Шеншин начал процесс, длившийся несколько лет и завершенный уже Фетом, следующим владельцем Слободки (*МВ*. Ч. 1. С. 419–420).

[5] См. об этом письмо 24 и примеч. 5 к нему.

[6] *Пропятие* (книжн., устар.) — распятие.

[7] В Орле находилась палата гражданского суда.

[8] О сестрах М. П. Фет см. примеч. 11 к письму 19.

27

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

24 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

24-е ноября 1860.

Неделю назад я думала, что пишу вам в последний раз, теперь, через 10 дней, вы, Бог даст, наконец, здесь будете,[1] и я становлюсь довольнее, хотя жду с большим нетерпением.

На днях мы переменили няню, не знаю, как будет новая — она пруссачка, только шесть <недель?>, как в Россию приехала, не говорит по-русски, и Петя начинает быть немцем, что необходимо. Не понимаю, отчего вы не получали наших писем, я каждую неделю отправляла в Орел свои послания, почта исправна, а Ив<ан> П<етрович> всегда почти сам бросает пакет в ящик.

Вчера, 23-го, мы вспоминали о тебе, Афоня,[2] и заочно желали всего лучшего новорожденному. Ты без Валтасара ни на шаг, впрочем, теперь ты живешь у самого храма балов и пиршеств.[3] Вот мы здесь три месяца живем, и дух Валтасара ни разу не был возрадован нами: ни одного дине,[4] ни вечера, и если б такая мысль и пришла, то флигель Миллера представил из себя бочонок сельдей.

Здесь я нашла старуху (мать фортепианиста, у которого мы взяли напрокат фортепиано), взявшуюся продавать мне все ненужные вещи. Она мне продала все мои старые тарлатановые[5] платья, которыми я могла с пользой печь топить, на 20 р<ублей>, и другие наряды обещает выгодно сбыть, так что, я думаю, все издержки, которые я должна была сделать для моего туалета, покроются вырученными деньгами за совершенно ненужные вещицы.

Когда ты приедешь сюда, Marie, я надеюсь, что мы всякий день видеться будем, я без зазрения совести буду надоедать Анне П<етровне>,[6] она так добра, что сама пригласила меня почаще с ней видеться.

Мы выписываем «Моск<овский> вест<ник>» и вот три месяца не получаем его,[7] не посылают ли его в деревню? Не понимаю. Это только у нас могут быть такие беспорядки.

Ив<ан> Фед<оров> хотел быть к вам, чтоб просить доставить нам деньги и пастилу, которую Мансурову зять Новосильцева[8] просит послать ему за границу.[9] Об службе Ив<ана> Петр<овича> нет ничего решенного. Ив<ван> Петр<ович> Новосильцев будет, может, на днях здесь и тогда привезет, может, что-нибудь положительное об этом деле,

которое он обещал устроить. Прощайте, до скорого свиданья. Будьте здоровы. Обнимаю вас крепко.

Преданная вам
Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

Время летит быстро — а вас нет так долго, что все это вместе выходит несуразно. Недаром 23 и мне *захотелось* позавтракать колбаской и лимбургским задирательным сыром, это все потому, что у вас в это время начинали достодолжный мамонник.[10] Только шипучкой мы не спрыскивали твои сорок, и это потому единственно, что тебя не было с нами налицо, а когда отыщешься, то учиним этот священный обряд. Не знаю, узнает ли тебя Петька, но часто вспоминает, и ты пользуешься у него благоволением постоянно. Все эти дни мы измучились переменой няни, решительно дело не ладится, и Петруша ей только и говорит, что *не смотри* и *уйди*, да, кажется, последнее скажу ей и *я*, какая-то разварная под сладким соусом с цедрой. Как она понравилась Наде на первом свидании, так, напротив, теперь делается противной, я же хоть и мало надеюсь на цедру, но не отчаиваюсь, *авось*. В два дня не узнаешь, особенно, когда видишь, что еще дело и не тронулось с места. Рысака запрягли, но еще не пущали, авось и побежит, правда, что кучером-то сидит в *очках* Петруша, да авось…

Надеюсь теперь скоро свидеться и умолкаю. Ивану Федорову[11] я писал, чтобы уплатил тебе долг и с тобою выслал бы нам малую толику. Пожалуйста, назначь ему, когда выехать к тебе во Мценск или куда, чтобы это порядком исполнить, и если у тебя пойдет *обоз*, то захвати что из нашего. Поцелуй ручки Марьи Петровной, поздравь ее и с 23 и 24, Катерины Петр<овны>[12] сегодня именины и, вероятно, праздникам праздник. Будь здрав,

до свидания, брат И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 19–20 об.

[1] 26 ноября 1860 г. Борисов писал Тургеневу: «Ждем в первых числах декабря Фетов <…>» (*Хмелевская*. С. 341).

[2] 23 ноября — день рождения Фета.

[3] Имеется в виду дом Л. А. и А. Н. Шеншиных в Ивановском.

[4] От франц. *dîner* — обед. Здесь — в значении «званный обед».

[5] *Тарлатан* — легкая хлопчатобумажная или шелковая ткань, похожая на кисею, из которой шили женские платья.

[6] Речь идет об А. П. Пикулиной (см. примеч. 2 к письму 7).

[7] «Московский вестник» в 1861 г. слился с двухнедельным литературным журналом «Русская речь», но и это издание просуществовало недолго: в 1862 г. вышел только один его номер. 19 декабря 1860 г. Борисов писал Тургеневу: «Я Ивана Ва-

сильевича Павлова <…> расспрашивал об „Мос<ковском> в<естнике>" по случаю неполучения мною их журнала, который так и пропал для нас. Вот что он мне сказал, что дела их расстроились от безденежья, т. е. *потери подписчиков*, и от *множества хозяев* <…>» (*Хмелевская*. С. 343).

[8] Зять П. П. Новосильцова — кн. Н. С. Вяземский (см. письмо 23, примеч. 8).

[9] Возможно, пастила предназначалась *Александру Павловичу Мансурову* (1788–1880), брату покойной первой жены Новосильцова, бывшему в 1857–1866 гг. посланником в Гааге.

[10] От *мамона*, *мамон* (церк.) — брюхо, желудок. *Мамонник* — пир.

[11] Об И. Федорове см. примеч. 14 к письму 3.

[12] Имеется в виду сестра М. П. Фет — Е. П. Щукина.

28

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. Фет

Начало февраля 1861 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Н. А. Борисовой:

Верно, тебе Афоня описал уже наше несчастное путешествие,[1] он всю дорогу мучился о том, как ты доедешь, и действительно, есть о чем побеспокоиться, ухабов миллионы, раскаты один за другим следуют почти беспрерывно, так к вечерам на станциях не было свободной комнаты от ночующих. Мы завязли подле нашего леса (который, слава Богу, стоит цел и невредим и, надеюсь, будет нетронут) и доехали в маленьких санях, проезжавших тут, по счастью, с нашим садовником. Теперь все размещены, и новый флигель должен кряхтеть от груза, наставленного на его пол во всех углах, и даже в середине комнат наставят разной формы и разного дерева мебель, напоминающая <sic!> собой лавки bric-à-brac.[a] С каким наслаждением я рассматривала вчера привезенную часть «Русского вестника». Катков — истинный благодетель деревенских жителей. Здесь только вполне ценишь его. По словам Ив<ана> Петр<овича> я думала, что он, приехавши в деревню, бросится на дела, но мы по-прежнему встаем в 8½ часов, занимаемся чем-нибудь слегка, понемножку и большей частью сидим дома. Хозяйство мое совсем как-то прячется за кулисы, и я его уловить не могу. Жду с нетерпением приезда Афони; в деревне чувствуется потребность поговорить об индейках и т<ому> п<одобном>, и Афоня для этого незаменим. Он скучает, должно быть, и чаще ездит в Ивановское, завидно, да и только. Я его просила привезть Любиньку, а муж готовит ей торжественный прием.

---

[a] старья, подержанных вещей (*франц.*).

Эти дни Петя сильно кашлял, Симон[2] дает ему порошки, но они мало помогают. M-me Симон все так же свежа и мила, обещала бывать в Новоселках и нас приглашала к себе; ее дочь, очень умненькая девочка, играла с Петрушей как большая, а тот раскричался, и его принуждены были вынесть в пустую комнату. Пиши мне, как твое здоровье и как без Афони поживаешь. Поклонись, пожалуйста, всем своим от меня. Преданная тебе Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

Милая Марья Петровна.

Только и могу Вам сказать, что, слава Богу, доехали живыми и кое-как здоровы<ми>. Но зато как у нас тепло — чудо. При выезде из Москвы я чуть было не лишился пальца, прихлопнули дверцей возка.[3] Афоня расстался еще во Мценске — здоровым и нетерпеливейшим как обыкновенно.

Дай-то Бог, чтобы Вам дорожка была попокойней. Заезжайте к нам — все-таки выгадаете сокращением пути. Целую Ваши ручки. Всем, всем прошу поклониться. Надинька все еще смотрит в «Моск<овских> вед<омостях>», что в театре. Брат Ваш И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 13–14.
Датируется по содержанию (см. примеч. 1 к наст. письму).

[1] Борисовы и Фет выехали из Москвы, вероятно, 30 января — эту дату предстоящего отъезда «на родину» сообщает Борисов в письме к Тургеневу от 8 января 1861 г. (*Хмелевская*. С. 346). Марья Петровна на некоторое время осталась в Москве у братьев, Фет же отправился в Степановку, чтобы до весенних дождей перекрыть крышу дома (*МВ*. Ч. 1. С. 363).

[2] Об А. А. Симоне см. примеч. 4 к письму 12.

[3] *Возок* — санный экипаж с закрытым кузовом. Он предоставлял ездоку все удобства, кроме отопления: мягкое сидение, теплые покрывала, свет через окошки.

29

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. Фет

24 февраля 1861 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Н. А. Борисовой:

Как ты меня обрадовала письмом, милая Marie; муж твой был у нас, когда с почты принесли твое послание, все к лучшему — дом ваш к тво-

ему приезду, по словам Афони, будет совсем готов; как он уладит все, не понимаю, но он торжественно объявляет, что к маю все отделается. Ты пишешь, что жалеешь о большом расстоянии между Степановкой и Новоселками, что я об этом думаю, боясь упреков за преувелич<ен>ие, я тебе не скажу. Живи не так, <как> хочется, как Бог велит, — вот благоразумное правило, и хотя иногда Бог велит жить в подворотне покрытым проказой, как Иову, например, а все будь доволен. В деревне теперь отлично — весна чувствуется во всем: в воздухе, в деревьях, но здесь нет ни Ристори,[1] ни Садовского[2] и ни одного концерта. Ты напрасно тревожишься об Афоне и ждешь перемен его решений, об этом не беспокойся, он вдвойне рад, что ты осталась: во-первых дорога, а еще дом. Я от тебя не скрою, что он без тебя очень, очень скучает, но невозможное делает один Бог. На Масляной[3] Афоня обещал опять быть у нас — но я ясно вижу, что часто видеться нам нельзя. Я была на днях в Волковой[4] и приехала оттуда. Дома меня спрашивали, не больна ли я, и действительно, взглянув в зеркала, я сама удивилась своему бледному и исхудалому лицу. Елиз<вета> Дм<итриевна>[5] опять, не дождавшись моего визита, приехала к нам, просидела почти до 11 ч<асов> и этим заставила меня подняться к ней — у них будет вечер, на который они нас приглашают, музыка твоей соседки Мовчиной[6] увеселяет Мценск и его окрестности, в том числе и Волкову. Поклонись, пожалуйста, всем твоим, а когда увидишь их — и Сарачевым. Прощай, друг мой, будь здорова, и весела, и покойна, за комиссию и желание исполнить и другие тысячу раз благодарю. Преданная тебе

Н. Борисова.

24 февраля 1861.

Рукой И. П. Борисова:

Милая Марья Петровна, я радуюсь за Вас, что вовремя еще успели остановить на пути к нам. Понимаю, что Вам есть лишения и в разлуке с Афонею, но и жить в Ивановском невесело — а с нами тоже не видали бы и Афони, и не пользовались бы хотя маленькими развлечениями Москвы.

Дороги почти уже прекратились, ухабы как-то искривились до безобразия и кувырканье страшное. Надинька попробовала съездить в Волково к Ник<олаю> Ник<итичу> и поплатилась страданиями. Я же опять было попался под *головные* мои боли, но *Симон* заговорил скоро гомеопатией.[7]

Пожалуйста, если к Вам явится от Анюты[8] посланный за *ее* вещами, направьте его к Миллеру.

Я теперь тоже хлопочу с домом, но не с такой быстротой, как Афоня, дай Бог, чтоб к сентябрю уладить все. — В нашей стороне все тихо и спокойно, у Тургеневых еще не мог быть, все некогда и болен, а об других здешних Вас не об ком и уведомить.

Прошу за нас всем, всем Вашим искренно поклониться. Каково-то здоровье Анны Петровной,[9] что ее глазки — они оттого болят у нее, что она не хочет ими посмотреть в нашу сторону.

Целую Ваши ручки. Желаю поскорей Вас здоровенькою увидеть в Новоселках.

Брат Ваш
И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 7–8 об.

[1] *Аделаида Ристори* (Ristori; 1822–1906) — знаменитая итальянская трагическая актриса, в 1860–1861 гг. с большим успехом гастролировала в Петербурге и в Москве.

[2] См. письмо 20, примеч. 6.

[3] В 1861 г. понедельник Масляной недели пришелся на 27 февраля.

[4] Подразумевается Ближняя Волкова Н. Н. Шеншина, см. письмо 15, примеч. 6.

[5] Имеется в виду *Елизавета Дмитриевна Шеншина* (урожд. Карпова), жена Н. Н. Шеншина (см. примеч. 4 к наст. письму).

[6] Имеется в виду оркестр крепостных музыкантов *Елизаветы Андреевны Мовчан* (ум. ок. 1869), вдовы действительного статского советника, проживавшей в усадьбе при селе Никольском. Фет вывел Мовчан в своих мемуарах под фамилией Горчан (*МВ*. Ч. 2. С. 152–159). «Довольно сносный» оркестр Мовчиной упоминается в письме Фета к В. П. Боткину от 1 ноября 1868 г. (*Переписка с Боткиным*. С. 531).

[7] Об А. А. Симоне см. примеч. 4 к письму 12.

[8] Речь идет о сестре Борисова А. П. Казначеевой, см. примеч. 14 к письму 4.

[9] Имеется в виду А. П. Пикулина (см. примеч. 2 к письму 7).

30

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. Фет

17 марта 1861 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Н. А. Борисовой:

Не знаю, любезный друг Marie, когда попадет к тебе это письмо, хочется поболтать с тобой, рассказать, что теперь у нас творится. Более недели мы заперты со всех сторон и, как Авраам сказал богатому, отка-

завшему больному Лазарю в хлебе, что ни от вас к нам и от нас к вам никто перейти не может потому, что между раем и адом бездна,[1] так и мы с Степановкой теперь находимся в таком же положении. Если б хоть к Святой[2] это изменилось — скучно так долго не видаться. Несколько дней я не выходила — сегодня пять минут погуляла по двору и надышалась весной. Ив<ан> П<етрович> отправился за письмами и газетами сам пешком в Мценск, я думала, что он шутит и не приготовила писем, но с 9 часов утра он исчез и, нужно полагать, что перешагнул через Зушу и возвратится с добычей. В то время, как я писала предыдущее, возвратился путешественник, нигде не останавливаясь и не отдыхая, принес пакеты журналов и газет. У нас уже всем объявлена свобода и воля. В газете «М<осковские> в<едомости»> мы прочли манифест,[3] Ив<ан> П<етрович> сейчас же созвал здешних крестьян и при них, объясняя, все прочел вслух.

Все тихо, мирно, иногда делаются маленькие отступления, но когда же этого не было. Кажется, я не воспользуюсь твоей любезностью и не буду беспокоить тебя комиссиями. В достославном Мценске многое найти можно — подивись, даже носовые платки батистовые, которые сегодня купил Ив<ан> П<етрович> для меня и для Петруши.[4]

Он меняет белье в старом флигеле, а здесь ждет его сельдь и разные съедомости, потому что под глазами от голода образовались синие ямы. Петя спит, он растет, слава Богу, здоров, несмотря на постоянное прорезывание зубов. Нянюшка его бывает больна в известные периоды самым неприятным образом. В последний раз, в самое то время, как мы сели за стол, из ее комнаты послышались звуки Friedrich-heraus[a] с неимоверным трудом. Она теперь более занимается маленьким, и я ею довольна. Прощай, кланяйся всему лону.[5] Пиши, пожалуйста,

преданной

Н. Борисовой.

17. Март.

Рукой И. П. Борисова:

Милая Марья Петровна, совсем Вы нас забываете и редко подаете о себе весточки, точно как будто уже попали в Степановку, которую я теперь по опыту считаю отдаленною на неизвестное расстояние. Афоню мы не только совсем не видим, но и писем от него нет и даже слухов никаких, хоть Вы дайте об нем весточку, и так, верно, продлится до мая месяца. Хотя бы Вы поскорей приезжали, тогда, надеюсь, и его бы вы-

---

[a] рвоты (*нем.*).

тащили из страны готтентотов. — Освобождение крестьян не произвело той живой радости, какая должна бы проявиться между людьми, получающ<ими> свободу, ее встретили как-то равнодушно. Причина тому, разумеется, не сожаление о крепостной зависимости, а неисполнившееся ожидание насчет дарового надела землей[6] и неизвестность о будущих начальниках. Теперь уже оказывается гораздо более исправности в работах, чем было в эти годы, и мне не приходилось ни с кем ссориться. Обещают и вперед жить ладно. У нас начинаются уже стройки и ломки с домом, и дела теперь много, едва успеваю *почитать* Надиньке, ее глаза очень плохи. Но здоровье вообще ничего, слава Богу. Петруша тоже, доделывает уже остальные зубы, только много капризничает; то в дружбе со всеми, то воюет. Дай Бог, чтобы Вы поскорей успокоились добрыми вестями об Василье Петровиче[7] и чтобы Анна Петровна[8] на Вас смотрела здоровыми глазками. Пожалуйста, поклонитесь ей за меня, и Павлу Лукичу, и всем, всем Вашим добрым родным. Погода у нас прелесть — прилетели жавронки. Зуша разливалась великолепно, и воды было много, выходила из берегов и оставила громадные льдины на той дорожке вдоль берега, по которой отправлялись на купанье. Все это время мы живем в совершен<ном> уединении, и даже мимо Новоселок никто не проедет, и Надинька порою очень скучает. Только обещанием будущей зимой устроить путешествие в Москву немножко оживляется. Что Вам рассказать хорошенького про нашу страну, богатую только видами. Надо быть самим на месте и жить тихою, мирною жизнию, а описывать невозможно. Авось скоро и Вас увидим, а пока, пожелав Вам здоровья и поцеловав Ваши ручки,

душевно преданный

И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 9–11 об.

[1] Н. А. Борисова имеет в виду Евангелие от Луки (16: 19–31).

[2] В 1861 г. Пасхальное воскресенье пришлось на 23 апреля.

[3] 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Высочайший манифест, где возвестил, «что крепостные люди получат в свое время полные права свободных сельских обывателей». Наряду с Манифестом было подписано «Положение 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которое включало в себя 17 законодательных актов. В «Московских ведомостях» эти документы не публиковались. Манифест зачитывался в храмах Петербурга и Москвы 5 марта 1861 г., в других же местах Российской империи позднее, в Орле — 9 марта. Кроме того, экземпляры Манифеста и Положения рассылались всем помещикам, а также в крестьянские общества. В заметке, посвященной этому событию, знакомый Фету и Борисову А. Карпов писал из Орла: «9-го марта происходило в здешнем соборе и

во всех церквах чтение Высочайшего манифеста; <…> в ночь 7-го марта, на первой неделе поста, он был привезен в наш город присланным сюда по высочайшему повелению свиты его величества генерал-майором графом Толем. Немедленно приняты были меры для наивозможно скорейшей рассылки Манифеста во все уезда и по всем приходам, и в конце этой недели все народонаселение Орловской губернии уже извещено о великом событии в жизни русского народа» (Орл. губ. вед. 1861. Ч. неоф. 11 марта. № 10. С. 147).

[4] Сын Борисовых.

[5] См. примеч. 19 к письму 16.

[6] По «Положению 19 февраля» крестьяне получали личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. Помещики сохраняли право собственности на всю принадлежащую им землю, включая ту, что находилась в пользовании крестьян. За пользование своими усадьбами и наделами крестьяне должны были по-прежнему отбывать барщину или платить оброк. Закон признавал такое состояние временным, поэтому лично свободные крестьяне, несущие повинности в пользу помещика, назывались «временнообязанными». Приобрести свои наделы в собственность, освободившись тем самым от повинностей, бывшие крепостные могли по заключении выкупной сделки с помещиком. По закону крестьяне должны были единовременно уплатить помещику около пятой части обусловленной суммы, остальную же часть уплачивало государство. Но крестьяне обязывались возвращать государству полученную ссуду (с процентами) ежегодными платежами в течение 49 лет.

[7] В. П. Боткина внезапно поразила болезнь, вследствие которой он почти утратил зрение (*Переписка с Боткиным*. С. 295).

[8] Имеется в виду А. П. Пикулина (см. примеч. 2 к письму 7).

31

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

29 сентября, 2 октября 1861 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

29 сент<ября>.

Милостивый государь, сиречь
Его высокоблагородие батюшка
Афанасий Афанасьевич,
Чем!
Мы Вас, о сударь, прогневали,
Чем!
Мы Вам, о сударь, опостылели… Ил-л-ли! не боитеся Бога,
Ил-л-л-л-л-и не почитаеши, о сударь.

Нет от Вас ни духу, ни слуху. Нет об Вас и весточки.[1]
Не сиди с Марьей Петровной в Степановке — не журися.
Приезжай в Козюлькину — подивися
Ил-л-ли
На мое послание отзовися.

Все у нас, слава Богу, благополучно. Все здоровы, и Надя, и Петька, и я. Пустились бы к вам, но до сих пор еще не оконопачу и не замажу щелочек — то там окажется, то в другом месте, а зевать нельзя, а то зимой замерзнем. — Молотьбы еще не начинал — веялка не готова. Потом, столько делов по мелочи, что господи помилуй, а время прелестное. Если бы вам бы, да к нам бы, было бы хорошо зазимок встречать. А то Надинька уже и сама сбирается, хотела тоже написать, но, видно, не дождусь ее, еще спит, и в город пора, нужно оттуда говядины, а то пить-есть нечего.

Вчера в «Современнике» за август напали на комедию «Старая школа»[2] и до слез читали, поплачешь и ты, хотя совершенно в некрасовском духе.

Марья Петровна, неужели и Вы не хотите к нам — вспомните, что приближается зима, т<о> е<сть> вы в Москву и Бог весть, сколько времени пройдет, пока опять свидимся. На днях к нам заезжал С. М. Сухотин[3] по пути в Москву, и Вам и Афоне свидетельствует свое наиглубочайшее. Теперь, Афоня, взываю к твоему мировому посредничеству. Что же, когда же, наконец? Если ты не усматриваешь о уплате нам Алекс<андром> Никит<ичем>, то остается два средства покончить с ним (2). Попытать, не купит ли кто этого векселя, а уж если никто не найдется, так ничего более не остается, как представить ко взысканию. Он все с своей стороны сделал уже, чтобы потерять всякую снисходительность. Поэтому захвати с собою вексель, когда пустишься в нашу сторону. Деликатничать с подобными господами нечего. Надеясь, что наконец он разочтется с нами, я сам остался без копейки и должен занимать.

Не получал весточек от Ивана Сергеевича,[4] нет ли у него марьяжа. Как часто вспоминается Николай Толстой, сегодня хочу проехать в его сторону с собаками. Охотишься ли на вальдшнепов? Я ни разу не выходил — без собаки скучно, а Принц[5] от рук отбился, хоть на осину. Зайчиков мало. Обнимаю тебя, моя милая, крепко. Твой друг и брат И. Борисов.

На полях:

Письмо-таки опоздал отправить. 2 окт<ября>.

Рукой Н. А. Борисовой (на полях):

Жаль другой листик брать, поэтому пишу в тесном пространстве. Переезжайте — в Калашниково[6] я сама впрягусь в воз, на котором повезут козу.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 25–26 об.

[1] Феты совсем недавно гостили у Борисовых: домой они вернулись около 25 сентября (*Переписка с Боткиным*. С. 302, 306). В сентябре в Новоселках отмечались именины Надежды Афанасьевны, в связи с чем Борисов писал к Тургеневу 12 октября 1861 г.: «17 справляли торжество из торжеств. <…> Юный фермер был в отличном расположении и очаровывал всех» (*Хмелевская*. С. 351).

[2] Комедия М. Г. Стопановского «Старая школа (Из воспоминаний сороковых годов)» опубликована в журнале «Современник»: 1861. № 8. С. 281–324.

[3] О С. М. Сухотине см. письмо 12, примеч. 6.

[4] Имеется в виду И. С. Тургенев.

[5] *Принц* — легавая собака, подаренная Борисову П. А. Шеншиным, упоминается в письме к Тургеневу от 27 февраля 1861 г. (*Хмелевская*. С. 349).

[6] *Калашниково* (Чахино, Тулино) — деревня в 10 верстах от Мценска; некогда принадлежала полковнику Платону Гавриловичу Туленинову, крестному отцу Борисова (*ОГ*. С. 161. № 3351.; *РГ*. С. 182–183.).

32

Н. А. Борисова — М. П. Фет

22 ноября 1861 г. Из Новоселок в Степановку

Любезный друг Marie. Ты меня упрекала в лени, а в то самое время у Ив<ана> П<етровича> на столе лежало письмо к тебе от нескольких дней. Прочитай то, что пишет муж, узнаешь о новосельском столпотворении: аллеи рубят,[1] баранов собаки рвут, с работами гистории, это там, в доме;[2] няня опять больна, и мы ее, хотя с большим сожалением, отправляем завтра;[3] паром ходить не может, и мы с великим трудом добыли муки, без чего существовать нельзя. Афоню поздравляю с днем Ангела,[4] если б снег, увидев сильное мое желание быть в Степановке, сошел завтра в глубину на ½ арш<ина>, я б 23[5] к 3 пополудни имела б блезир[6] подкатить к вам, так хочется послушать успокаивающую твою речь с выразительными жестами. Приезжай, пожалуйста, хоть по пути в Москву. Целую тебя и Афоню. Н. Борисова

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 12.

Датируется по содержанию и по связи с письмами 31 и 33.

[1] 25 декабря 1861 г. Борисов писал Тургеневу: «Воровство по-старому, *тихонечко полегонечку*, как выразился недавно старик Яков Мосин, когда его поймали, что вырубил наши березы из аллеи» (*Хмелевская*. С. 354).

[2] В 1861 г. Борисов перестраивал новосельский дом, внутренние работы затянулись до осени (см. письмо 31).

[3] О найме новой няни см. письмо 33.

[4] Судя по упоминанию предстоящего отъезда Фетов в Москву, письмо было написано поздней осенью. Очевидно, Борисова имела в виду не именины Фета (22 февраля), а его день рождения — 23 ноября.

[5] «Завтра» и «23» дают основание для точной датировки письма — 22 ноября, накануне дня рождения Фета.

[6] *Блезир* (шутл.) — от франц. *plaisir* — удовольствие.

33

Н. А. и И. П. Борисовы — А. А. Фету

2 декабря 1861 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

(21 ноября). Как тут очутилось, не знаю, а сегодня *2 дек<абря>*, день антихриста Буонапарта.[1] — Ожидаем! Ожидаем! Мы приезда твоего и сердцами восклицаем: «Он дороже нам всего» (все это из гимна Михаилу Павловичу,[2] но хорошее все кстати). Вези поскорей хотя Марью Петровну к нам, все будете ближе на две станции к Москве, а пока на *сосе*[3] нет ни снежинки. Почта опаздывает по трое суток, а там, как дорожка, то вас уже не удержишь никакими прелестями. О Господи! Когда же можно будет вздохнуть от бурь и житейских непогод. Трудно. У меня еще ничего и готового нет к продаже, не знаю, право, как и чем оборачиваться. Только и остается стонать, да за волосы приподниматься.[4]

Нянюшки нет еще, и поэтому все минуты дня и ночи мы с Надей делим в няньчании, и дела не делаешь, и много что нужно. Нянюшку нашли в Орле и в четверг за ней посылаем. Разыскивал Ив<ан> Федор<ов>[5] и говорит, что, кажется, ничего немка, только толстоты непомерной, авось эта будет здоровяк. Тебе хорошо подсме<иваться> над моими отчаянными подъемами, я бы тебя посадил на *денек* в мою кожу, и если бы выдержал, то уж вернулся бы в Степановку Диогеном. Ты баловень, и чем судьба к тебе милостивей, тем ты задорней. Я не шутя запасаюсь волчьей шкурой. Зимой надо будет непременно выть, других средствий не знаю. — Пшеницы приняли *две*, а не три ч<етверти>, за остальною теперь послать невозможно, у нас нет снегу, только колчуги[6]

торчат. Ящики приберем. Возок твой снарядим. Не лучше ли тебе будет ехать в нашем Ковчеге?[7] А? Ну да это увидим.

На полях:

У нас такая поднялась метель, что, если не уймется, задержу твоего посланного, зги божией не видно.

Рукой Н. А. Борисовой:

Открывая Афони письма, знаешь заранее, что в них кулачный бой с невидимыми силами и стихийный разлад, как перед светопреставлением, да уж не народился ли где антихрист, который коварно запутывает все нити степановского ткача. Там в беспредельность улетит соха, там какой-то дух толкает жеребенка в колодезь, там Тит набирает вольнодумства и, занося ногу на равенство, объявляет, что круг, начертанный ему, узок и жмет его, что он жить может, но не дышать.[8] Но ведь молотилка в порядке, матки на свет Божий тебе в вечное пользование, наплодят себе подобных прекрасных созданий, пшеницы наполняют житницы твои, и, яко действительное чудо вместо коробочки, купленной тобою у вальсера Ельна или Голицына, из Степановки набралось видимо-невидимо, да Степановка истинная чародейка, а ты все воплями оглашаешь ее и заражаешь воздух желчными испареньями. Умились душой и возблагодари Бога за все неисчислимые дары Его. Как бы мне хотелось поскорей увидеться с вами и настроить тебя согласно требованию Господа Бога. Коли мои слабые труды не исчерпают из души твоя все козни дьявольские и не ощутишь ты покоя и сладкого довольства, якобы в преддверии райском находишися, тогда обращу смиренные мольбы мои к препод<об>ному отцу Дмитрию, пастырю доброму.[9] Он произведет нужный переворот в внутренности твоей, и будет ти благо, и долголетен будешь на земли. Мы вкушаем мир, каковой и вам желаем по-родственному. С великим нетерпением чаем узрети вас в обиталище нашем.

Целую вас крепко.

Н. Борисова.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 27–28 об.

[1] День 2 декабря (по грегорианскому календарю) отмечен важными событиями, связанными с именем Наполеона: 2 декабря 1804 г. состоялась его коронация, а год спустя, 2 декабря 1805 г., он одержал блестящую победу при Аустерлице.

[2] Возможно, имеется в виду вел. кн. *Михаил Павлович* (1798–1849) — четвертый сын Павла I, бывший с 1831 г. главным начальником военно-сухопутных кадетских корпусов (Борисов воспитывался в 1-м московском кадетском корпусе).

[3] См. примеч. 19 к письму 4.

[4] Борисов имеет в виду мистера Покета, героя романа Диккенса «Большие надежды», который, когда был чем-либо обеспокоен, запускал «обе руки в свои растрепанные волосы и, казалось, делал самые странные усилия, чтобы приподнять себя». Перевод этого романа печатал в 1861 г. «Русский вестник» (№ 2–8). В письме к Тургеневу 12 октября 1861 г. Борисов, восторженно отозвавшись о «Больших надеждах», замечает: «Вспомните мистера Покета — это *я*. Так и поднимаю себя за волосы» (*Хмелевская*. С. 352; 353, примеч. 13).

[5] Об И. Федорове см. примеч. 14 к письму 3.

[6] *Колчуги* — видимо, то же, что *колчушки (колчужки)* — замерзшие или засохшие комья земли (Словарь орловских говоров. «К». Орел, 1992. С. 67). В повести Л. Н. Толстого «Поликушка» читаем: «Дутлов пошел домой, задумчиво постукивая лутошкой по колчужкам дороги» (*Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 3. С. 344).

[7] *Ковчег* — возок, купленный Борисовым для переселения из Москвы в Новоселки. В письме к Тургеневу от 8 января 1861 г. он писал, что собирается выехать в деревню Ноем: со всеми домочадцами, включая собаку и воробья (*Хмелевская*. С. 346).

[8] Очевидно, Борисов перефразирует заключительную строку стихотворения Ф. И. Тютчева «Не говори: меня он, как и прежде, любит…» (1850–1851): «Могу дышать, но жить уж не могу».

[9] Шеншины, а затем Борисовы являлись прихожанами Успенской церкви соседнего села Ядрино, расположенного в 3-х верстах от Новоселок (здание этой церкви, перестроенное в сельский дом культуры, существовало до недавнего времени). Фет вспоминает: «Каменная, далеко не казенной архитектуры, Ядринская церковь была и нашим Новосельским приходом» (*РГ.* С. 23–24). Имя священника Успенской церкви — *Дмитрий Руденский* — значится в свидетельстве о рождении и крещении сына Борисовых Петра (*РГИА*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. Борисова — В. А Шеншину

Июнь (?) 1850 г. Из Новоселок в Пятигорск

C’est avec le plus grand plaisir que j’ai lu tes deux lettres, mon cher ami, seulement tu as bien tort croyant qu’en présence de Lubinka ton souvenir s’efface de ma mémoire, tout au contraire, chaque jour n<ou>s avions parlé de l’attention et de l’amitié que <tu> nous a démontré et je ne désire rien autant, que les sentiments que nous n<ou>s portons mutuellement (y compris music,[a] Lubinka et Pierre) restent toujours les mêmes. Depuis hier je suis

[a] music — *вписано над строкой.*

fine seule avec le père et les nouvelles de ton voyage que j'ai reçue l'un de ces jours ne font qu'augmenter à ma tristesse et à ma mauvaise humeur. J'aurais plutôt contenti de rester quelques mois de plus seule avec le père que de te savoir tracassé et abattu comme tu l'es maintenant. Mais il n'y a pas de remède à cela; il faut seulement prendre, s'armer de la patience pour supporter tous ces énormes inconvenients avec plus de sang-froid. Le terme de cette épreuve n'est pas aussi éloigné que tu l'imagine, rien que trois mois et tu nous reviendras bien portant, fort et avec une grande provision d'une belle qualité qui n'est jamais de trop même pour les hommes: <1 нрзб> la patience.[б] J'écris de la sorte qu'on pourrait croire que toutes les bonnes qualités sont de trop pour les hommes, mais je veux dire qu'en général vous ne jugez pas à propos d'en avoir la plus minime partie disant: que c'est une qualité qui appartient exclusivement aux femmes. Il faut savoir tirer de tout le bon côté, ou du moins tolérer que les autres le fasse pour n<ou>s.

Comptant m-me Soukhanoff pour une femme d'esprit je suis très contente que tu l'as rencontré car vraisemblablement tu a passé bien ton soirée avec elle. Je voudrais que tu rencontre en route[в] encore quelqu'un de tes bonnes connaissances, cela te divertira n'est-ce pas?

Que te dirais-je de ma personne? — rien ne me réussit: devant toi encore le père en revenant d'Orel m'a averti que Wolf ne pourra me donner leçons vu qu'il part pour la campagne des Skariatine, à présent il vient d'apprendre par m-me Saken[1] que Krivtzoff ne permet pas au maître de musique de s'absenter, donc tous mes plans, toutes mes belles espérances se sont évapourées comme la fumée; je reste comme je l'étais ignorante sous tous les rapports, sachant que le père a dépensé des milliers de roubles pour me faire musicienne et ne pouvant pas compenser le pauvre viellard pour toutes ses peines en lui jouant une pièce quelconque sans fautes. Misérable que je suis, j'ose encore avoir la hardiesse de penser à Schiller, à Lamartine, à tous ces grands hommes! il me faut une grammaire que les enfants savent par cœur, pour me faire écrire correctement et quand je porte mes regards sur cette lettre je rougis pour[г] ma nonchalance, car je t'assure si je donnais la peine je pourrais mieux écrire mais il me manque de la patience de me donner un peu de peine pour fabriquer une lettre mieux que ne l'autait fait une fille de commun. Vraiment je suis à plaindre; le pire est dans ce que je comprends, je vois clairement ce que je suis et ce que serais toujours. Si tu pouvais comprendre l'état triste où se trouve mon esprit, mon âme, tu aurais prie pitié pour moi. Pourquoi te fatiguer avec une conversation qui est aussi trop pénible pour

---

[б] *Далее вставка на полях до слов*: Il faut…

[в] en route — *вписано над строкой.*

[г] pour — *вписано вместо зачеркнутого*: de

moi, je veux plutôt te dire que le père était très surpris en lisant tes projets pour le retour du Caucase[2] mais à ce qu'il paraît il a compri l'ennui, je dirais la punition qu'il t'a infligé. Je te supplie une chose, s'il t'écrit quelques impertinences, sois raisonnable ne les prendre pas tellement à cœur, et penses que nous tous nous aurons notre tour d'en recevoir de bien meilleurs encore. Je te prie donc si tu m'aimes un tant soit peu de ne faire[д] aucune attention à ce qu'il dira dans sa lettre.

Je viens de recevoir ton troisième billet; merci mon bon frère, cent fois merci, fais cela, écris-moi aussi souvent qu'il est possible, tu me fais un bien immense, cela fait passer les rides qui se forment déjà sur mon front. Je ne sais ce qui se fait dans mon intérieur, il me paraît que bientôt je serais tembrée, je veux entreprendre tout à la fois et je ne fais rien, je ne m'avance pas d'un pouce, je ne peux rien faire, cette idée me tracasse, me poursuit, ne me donne du repos ni jour ni nuit, me brûle le cerveau.

Si quelqu'un venait pour me guider, pour me montrer le chemin que je dois suivre. Dans l'état où je suis depuis quelque temps j'ai eu la sottise de croire aux promesses de m-me Ozéus <?>, je l'attendais comme mon ange tutélaire, je croyais qu'elle s'occupérait de moi, m'éclaircissait autant qu'il le faut pour une personne de ma condition, hélas! Elle ne songe même pas à venir dans nos contrées. Trêve de plaintes! apparemment que c'est mon sort, que je serais plus heureuse restant comme je suis. Merci infiniment pour le livre, je ne le tiens pas encore de Pierre, mais j'espère que l'un de ces jours il me l'env<oy>era.

Jusqu'à la prochaine poste — à présent j'achève ma belle épître en t'envoyant mille baisers. A toi de cœur

N. Schenchin.

P. S. Je t'annonce une nouvelle très agréable pour toi. Jean Borissoff en passant à Taguanrog[3] a l'intention de te faire une visite à Piatigorsk — si tu le vois fais lui mes compléments.

С французского:

С огромнейшим удовольствием прочитала я два твоих письма, мой милый друг, только ты очень ошибаешься, полагая, что в присутствии Любиньки воспоминание о тебе стирается из моей памяти, каждый день мы говорим о внимании и дружбе, которые <ты> нам выказывал, и ничего более я не желаю, как только чтобы чувства, которые мы испытываем друг к другу (включая музыку, Любиньку и Петра), оставались неизменными. Со вчерашнего дня я почти одна с отцом, и новости твоего

[д] *Далее зачеркнуто:* pas

путешествия, которые я получила от тебя на днях, лишь увеличили мою грусть и дурное настроение. Я бы скорее согласилась провести в одиночестве с отцом еще несколько месяцев, чем знать, что ты обеспокоен и подавлен, как сейчас. Но против этого нет лекарства; надо только набраться, вооружиться терпением, чтобы вынести все эти ужасные неурядицы с большим хладнокровием. Конец этого испытания не так далек, как ты себе представляешь, всего три месяца и ты вернешься к нам здоровым, сильным и с большим запасом прекрасного качества, никогда не лишнего даже для мужчин: <1 нрзб> терпения.[e] Я пишу таким образом, будто все хорошие качества излишни для мужчин, но хочу сказать, что в целом вы судите о нем некстати по малейшей его части, говоря, что это качество свойственно исключительно женщинам. Надо во всем находить хорошие стороны или, по крайней мере, терпеть, когда другие это делают для нас.

Зная г-жу Суханову за умную женщину, я рада, что ты встретил ее, поскольку, по правде говоря, ты провел с нею хороший вечер. Мне бы хотелось, чтобы в дороге ты встретил еще несколько добрых знакомых, ведь это тебя развлечет, не так ли?

Что тебе сказать о себе? ничто мне не удается: еще при тебе отец, вернувшись из Орла, сказал, что Вольф более не сможет давать мне уроки, поскольку уезжает в деревню к Скарятиным, после этого он узнал от г-жи Сакен,[1] что Кривцов не разрешает учителю музыки отлучаться, так что все мои планы, все мои прекрасные надежды испарились как дым; я остаюсь, как и была, невеждой во всех отношениях, зная только, что отец потратил тысячи рублей, чтобы выучить меня музыке и что я не могу возместить затраты бедного старика, сыграв без ошибок какую-нибудь пьесу. А еще я, презренная, имею дерзость мечтать о Шиллере, о Ламартине, об этих великих людях! мне нужна грамматика, которую дети знают наизусть, чтобы научиться писать без ошибок, и, когда я бросаю взгляд на это письмо, я краснею за свое нерадение, поскольку, уверяю тебя, если бы сделала усилия, то могла бы писать лучше, но мне не хватает терпения немного постараться и сочинить письмо лучше, чем это делают обыкновенные девушки. Я в самом деле достойна жалости; и самое худшее в этом, что я сознаю, я ясно вижу, кем являюсь и кем буду всегда. Если бы ты мог понять печальное состояние, в котором находится мой разум, моя душа, ты бы пожалел меня. Зачем утомлять тебя разговором, который для меня столь же тягостен; лучше скажу тебе, что отец был очень удивлен, читая о твоих планах возвра-

[e] *Далее вставка на полях до слов*: Надо во всем…

щения с Кавказа,[2] но, кажется, он понял огорчение, я бы сказала, наказание, которое он на тебя наложил. Умоляю тебя об одном, если он тебе напишет какие-нибудь грубости, будь благоразумным и не принимай их близко к сердцу и подумай, что настанет и наш черед извлечь из этого благо. Итак, я прошу тебя, если ты меня хоть немного любишь, не обращай никакого внимания на то, что он скажет тебе в своем письме.

Я только что получила твою третью записку; спасибо, мой добрый брат, сто раз спасибо, так и делай, пиши мне как можно чаще, ты приносишь тем самым мне великое благо, это разглаживает морщины, которые уже появляются на моем лбу. Не знаю, что происходит внутри меня, мне кажется, что скоро я тронусь умом, я хочу сделать сразу все и не делаю ничего, я не продвигаюсь ни на пядь, я не делаю ничего, эта мысль беспокоит меня, преследует, не дает покоя ни днем ни ночью, прожигает мне мозг. Если бы появился кто-то, кто руководил бы мною, кто показал бы мне путь, по которому идти. Будучи уже некоторое время в таком состоянии, я имела глупость поверить обещаниям г-жи Озеюс <?>, я ждала ее как своего ангела хранителя, я верила, что она займется мной и просветит меня, насколько это возможно по отношению к человеку в моем положении, увы! она даже не собирается в наши края. Довольно жалоб! кажется, это моя судьба быть более счастливой в том положении, что я есть. Бесконечно благодарю за книгу, я еще не получила ее от Пьера, но надеюсь, что на днях он мне ее перешлет. До следующей почты — теперь заканчиваю мое прекрасное послание, посылая тебе тысячу поцелуев. Сердечно твоя

Н. Шеншина.

P. S. Сообщаю тебе очень приятную новость. Иван Борисов проездом в Таганрог намерен посетить тебя в Пятигорске[3] — если ты увидишь его, кланяйся ему от меня.

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 5–6 об.

Текст письма переведен и подготовлен к печати Н. П. Генераловой. Датируется предположительно, на основании постскриптума, см. примеч. 3.

[1] Баронесса *Евдокия Петровна Остен-Сакен*, урожд. Солнцева (ок. 1818–1860) — жена отставного гвардии полковника барона Николая Петровича Остен-Сакена (р. 1801), богатого помещика, соседа А. Н. Шеншина по Клейменову.

[2] В. А. Шеншин находился в Пятигорске, где, видимо, проходил курс лечения минеральными водами.

[3] Борисов, зачисленный 9 июня 1850 г. в Куринский полк, для приобретения познаний фронтовой службы был прикомандирован в Таганрог, к Резервной дивизии Отдельного кавказского корпуса, и прибыл к месту назначения 1 июля 1850 г. Путь в Таганрог лежал мимо Пятигорска.

ПЕРЕПИСКА А. А. ФЕТА с М. Н. ЛОНГИНОВЫМ (1857–1871)

Публикация М. В. Трунина

Имя Михаила Николаевича Лонгинова (1823–1875) хорошо известно историкам русской литературы.[1] Однако в силу того, что его литера-

---

[1] Изучение деятельности и наследия Лонгинова началось в 1910-е — 1920-е гг. В 1915 г. под редакцией П. К. Симони вышел первый (и по сей день единственный) том собрания сочинений Лонгинова. Тот же Симони изучал библиографическую и библиофильскую деятельность Лонгинова, о чем в 1926 г. прочел доклад на заседании Ленинградского общества библиофилов (см.: *РНБ*. Ф. 76 (А. Г. Биснек). № 65. Протокол заседания Ленинградского общества библиофилов № 45. 15 октября 1926 г.). В то же время была опубликована интереснейшая переписка Лонгинова с Некрасовым, Панаевым и Тургеневым (см.: *Шахматова С. А.* Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 137–212; *Яковлев Н. В.* 1) Письма И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову // Там же. С. 213–232; 2) Некрасов, Панаев и Лонгинов // Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при РАН. Пг., 1922. С. 227–241). К. И. Чуковский при публикации пьесы Некрасова «Как убить вечер» снабдил ее вступительной статьей о Лонгинове как прототипе образа Миши (см.: *Некрасов Н. А.* Тонкий человек и другие неизданные произведения / Собрал и пояснил К. Чуковский. М., 1928. С. 271–287). Впоследствии советские литературоведы трактовали Лонгинова исключительно как «ренегата и обскуранта», серьезный исследовательский интерес к его фигуре и деятельности возродился только в 1990-е, когда стали появляться работы о Лонгинове как литераторе (таковы подготовленная А. М. Ранчиным подробно комментированная публикация некоторых, по преимуществу скабрезно-бурлескных, текстов Лонгинова в альманахе «Лица» (М.; СПб., 1993. С. 389–456), снабженная обстоятельной вступительной заметкой, и его же статья в словаре «Русские писатели. 1800–1917» (Т. 3. С. 386–389); а также краткое жизнеописание Лонгинова: *Равич Л. М.* Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга: Исследования и материалы. М., 1996. Вып. 72. С. 160–197).

турная (и не только) деятельность была очень разнообразной, Лонгинов, как правило, представляется в каком-либо одном амплуа. Он — балагур и весельчак, один из главных авторов «чернокнижных вдохновений» в компании Дружинина, Некрасова и Панаева в 1850-е; он же — секретарь Общества любителей российской словесности, библиограф, исследователь XVIII века и один из главных пушкинистов своего времени;[2] он же — губернатор в Орле, ограничивавший деятельность земских учреждений в конце 1860-х; наконец, он же — руководитель цензуры, с именем которого связывают принятие жесточайших «Временных правил» в 1870-е. При этом Лонгинов, на протяжении жизни поддерживавший приятельские отношения практически со всеми значительными деятелями литературы, сам является важной фигурой при описании литературной ситуации 1850-х — 1870-х годов. Особенно если не ограничиваться анализом отдельных аспектов деятельности Лонгинова — библиографа, губернатора, цензора, а обратить внимание на его идейно-интеллектуальную эволюцию, рассмотренную в широком контексте эпохи.

В этой связи важной и крайне любопытной представляется тема отношений Лонгинова с литераторами его времени. Лучшая, на наш взгляд, попытка продемонстрировать их была предпринята С. А. Шахматовой, опубликовавшей переписку Лонгинова с И. С. Тургеневым (20 писем).[3] Цель — осветить отношения Лонгинова и Фета — преследует и настоящая публикация писем поэта к библиографу.

Лонгинов и Фет познакомились в Петербурге в самом начале 1854 года,[4] когда Фет вошел в кружок литераторов «Современника», одним из деятельных участников которого в то время был Лонгинов. Читаем в «Моих воспоминаниях» Фета: «Явившись к пяти часам, я был пред-

---

[2] Ср. хорошо известную в пушкинистике тетрадь Лонгинова—Полторацкого (1855–1856; см.: *РГБ*. Ф. 233 (С. Д. Полторацкий). К. 162. № 1) — рукописный сборник произведений Пушкина, не вошедших в издание Анненкова «Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии» (СПб., 1855–1857).

[3] См.: *Шахматова С. А.* Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым.

[4] Ср.: «**1854, 3–28 января.** Фет в Петербурге. Знакомится с Некрасовым, И. И. Панаевым, А. Я. Панаевой и со всем литературным кружком „Современника“ (Дружинин, Гончаров, Анненков, М. А. Языков и др.), часто навещает Тургенева. В литературной жизни Фета наступает решительный перелом: он признан и принят в писательскую касту; члены касты единодушно увлечены и его „грациозной“ поэзией и своеобразием его личности, в которой усматривают непосредственность и „наивность“. Некрасов спешит залучить его в „исключительные“ сотрудники „Современника“. С ним конкурирует издатель „Отечественных записок“ А. А. Краевский» (*Летопись*. С. 302).

ставлен хозяйке дома Е. Я. Панаевой. Это была небольшого роста, не только безукоризненно красивая, но и привлекательная брюнетка. Ее любезность была не без оттенка кокетства. <…> Она говорила, что дамское общество ее утомляет и что у нее в гостях одни мужчины. Тут я, после долгих лет, встретил В. П. Боткина, по-прежнему обоюдоострого, т. е. одинаково умевшего быть нестерпимо резким и елейно сладким. Познакомился с А. В. Дружининым, который стал меня расспрашивать о моих теперешних однополчанах Щ<ербацки>х, с которыми он вместе воспитывался в Пажеском корпусе. С первого знакомства сошелся с веселым М. Н. Лонгиновым, сохранившим ко мне приязнь до своей смерти <…>».[5] Эпитет «веселый» появляется не просто так: действительно, в 1850-е годы Лонгинов тесно общался с кругом Дружинина, Некрасова и Панаева и писал довольно много обсценно-порнографических стихов. Вот что об этом же времени говорит А. В. Никитенко: «Там были Лонгинов, автор замечательных по форме, но отвратительных по цинизму стихотворений, Дружинин, Некрасов, Гаевский Виктор Павлович и т. д. После обеда завели самые скоромные разговоры и читали некоторые из „Парголовских элегий“ во вкусе Баркова. Авторы их превзошли себя по цинизму образов в прекрасных стихах. Вот где теперь надо искать русскую поэзию! Неужели это весело, господа?».[6] Об этом же, но в несколько ином тоне, вспоминает и Фет: «Нередко Дружинин и Лонгинов читали свои юмористические, превосходными стихами написанные, карикатурные поэмы. Забавнее всего, что в одной из таких поэм у Лонгинова в самом смешном и жалком виде человек, пробирающийся утром по петербургским улицам, был списан с Боткина. Всем хорошо был известен стих: „то Боткин был“. — А между тем сам Боткин пуще других хохотал над этим стихом, в котором при нем Лонгинов подставлял другое имя. <…> В нашем веселом кружке мне не случалось ни слова слышать об иностранной политике, которая меня в то время интересовала всего менее».[7]

Тем удивительнее, что упоминания Фетом Лонгинова в «Моих воспоминаниях» столь немногочисленны и в основном появляются в связи с шурином поэта — В. П. Боткиным.[8] Вернувшись к радости друзей

---

[5] *МВ*. Ч. 1. С. 32–33.

[6] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. / Подготовка теста, вступит. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. М., 1955. Т. 1. 1826–1857. С. 355.

[7] *МВ*. Ч. 1. С. 39–40.

[8] Кроме приведенных фрагментов, имя Лонгинова встречается еще один раз во второй части воспоминаний поэта (*МВ*. Ч. 2. С. 279). Фет цитирует письмо Тургенева от 21 августа (2 сентября) 1873 г. (об этом см. далее).

М. Н. Лонгинов
Фотография. 1860-е гг.

в Петербург в 1856 году,[9] Фет уже не мог застать там Лонгинова, так как тот в 1854 году переехал из Петербурга в Москву, где получил должность чиновника по особым поручениям при московском генерал-губернаторе (графе А. А. Закревском). Когда Фет вспоминает о своей женитьбе и переезде в Москву в 1857 году,[10] он не называет Лонгинова в числе своих близких знакомых жителей столицы: «За двенадцать лет, проведенных мною вне Москвы, все мои добрые знакомые, и литературные, и не литературные, из нее исчезли. Калайдовичевых, Глинок,

[9] Ср. в «Моих воспоминаниях»: «…в первых числах января 1856 года, испросивши четырнадцатидневный отпуск, я однажды вечером растворил дверь в кабинет Некрасова и нежданно захватил здесь весь литературный кружок» (*МВ*. Ч. 1. С. 126), а также в «Летописи» за 1856 год: «**25 января — 7 февраля.** Фет в отпуску в Петербурге» (*Летопись*. С. 304).

[10] Ср.: «**Сентябрь — декабрь <1857>**. Феты водворяются в Москве на новой квартире. У них организуются музыкальные „четверги“ (Е. С. Протопопова, Толстой, его брат Николай и сестра Мария, С. В. Энгельгардт и др.). Сближение Фета с братьями Толстыми. Общение с кружком П. Л. Пикулина (Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш и др.)» (*Летопись*. С. 308).

Павловых, семейства Герцена, прелестной четы Полуденских — в Москве более не было: они невозвратно исчезли».[11] Публикуемые письма (за исключением последних трех) относятся как раз к московскому периоду жизни Лонгинова и Фета и подтверждают то, что отношения поэта и библиографа продолжали быть приятельскими.

Особого интереса заслуживает совместное участие Лонгинова и Фета в делах Литературного фонда на раннем этапе его функционирования, зафиксированное в «Летописи Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»,[12] где единственное упоминание имени Фета связано с организацией благотворительных чтений в Москве в феврале 1860 года.[13] Деятельность Фета была отмечена также в хронике журнала «Светоч»: «Заседания Общества продолжаются своим порядком и пособия, кому следует, назначаются и выдаются. *В тринадцатом* Комитет предложил объявить благодарность: <…> гг. Фету, А. Н. Островскому и М. Я. Китарры — за деятельное участие вместе с И. С. Тургеневым и хлопоты их для устройства литературного чтения в Москве».[14] Многое для организации этого чтения сделал и Лонгинов. Вообще в начальный период существования Литературного фонда Лонгинов принимал в нем активное участие: основание и дела этой организации обсуждаются в переписке с Панаевым и Дружининым.[15] Инициатива, по всей видимости, была обоюдной, точнее Фет, по словам самого Лонгинова, передал ему просьбу Тургенева организовать чтения в Москве, после чего Лонгинов занялся их организацией. В «Московских ведомостях» он пишет: «…я <…> согласился принять участие в устройстве чтения, когда, помнится, в четверг, 21-го января, приехал ко мне А. А. Фет

---

[11] *МВ*. Ч. 1. С. 187.

[12] *Репинский Г. К.*, *Скабичеcкий А. М.* Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859–1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. Далее ссылки на это издание: *Летопись ЛФ*, с указанием страницы.

[13] «Первое литературное чтение происходило 10-го января 1860 года, в зале Пассажа, <…> а второе 6-го февраля. <…> 12-го и 15-го марта М. М. Стасюлевич прочел публичные лекции о Марке Аврелии Философе (в Петербурге. — *М. Т.*). В то же время, при содействии А. А. Фета, А. Н. Островского, М. Н. Лонгинова, М. Я. Китарры, Н. А. Основского и И. С. Тургенева, в Москве также было устроено чтение» (*Летопись ЛФ.* С. 5–6).

[14] Светоч. 1860. Кн. 3. С. 59–60 (4-й паг).

[15] См.: *Яковлев Н. В.* Письма И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову. С. 232; *РГАЛИ*. Ф. 167 (А. В. Дружинин). Оп. 3. № 270. В «Летописи» Литфонда также встречаем имя Лонгинова рядом с именем Фета.

и предложил мне, чтобы я оказал содействие в этом чтении <…> от лица И. С. Тургенева, незадолго до того приехавшего в Москву».[16] Однако более любопытной представляется история разрыва Фета и Лонгинова с Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

Причины выхода Фета из Литературного фонда были детально проанализированы М. С. Макеевым в его недавней статье.[17] Исследователь убедительно показывает, что отказ Фета от участия в делах Общества был вызван не индивидуализмом, скупостью или равнодушием поэта-хозяина, а являлся принципиальным поступком. Макеев приводит два главных фетовских основания. Во-первых, Фету претила стратегия «поощрения на бездоходный труд», то есть поддержки тех, кто, не будучи способен прокормиться своей нынешней профессией, не хочет отказаться от нее и заняться чем-то более доходным.[18] Но главное, что раздражало Фета, — это эволюция отношения к писательскому труду в Литературном фонде. При основании этой благотворительной организации Дружининым четко декларировалось предпочтение заслуженных писателей перед молодыми.[19] «Однако, — как отмечает Макеев, —

---

[16] *МВед*. 1860. 12 февраля. № 34. С. 261.

[17] *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда // *РЛ*. 2009 № 4. С. 106–115. Следует отметить, что Фет вышел из Общества гораздо раньше 1871 года, указанного исследователем (С. 106–107). По состоянию на май 1868 г. Фет уже 7 лет не платил членские взносы, а в письме от 2 июля на имя помощника председателя Общества А. П. Заблоцкого-Десятовского официально подтвердил свой выход из Литературного фонда (оба документа помещены в приложении к настоящей публикации). За это ценное указание приношу благодарность Ирине Александровне Кузьминой. Стоит добавить, что в том же 1868 г., только месяцем ранее, аналогичное отношение из Литературного фонда получил и Лонгинов. Его ответ был так же однозначен (см. далее).

[18] Там же. С. 107–108.

[19] Этот вопрос сразу очень волновал Фета. Ср. его письмо к Дружинину от 24 октября ст. ст. 1859 г.: «Кто будет поверять правильное употребление капитала, и что значит слово литератор? Если оно значит поэт, ученый, — прекрасно. Если же оно значит отставной фельетонист, то пусть он идет в хожалые или извозчики, ибо я лично только порадуюсь исчезновению с лица литературного подобного насекомого. Вот, например, наш брат и собрат Полонский. Если возможно общими силами помочь ему, то я буду из первых готовым на такое справедливое дело; но если речь идет о компиляторах и фельетонистах прихвостинских, Закурдало-Черново-Пресвитеренко, Розенштерно-Клогенфуте и т. п., то имейте мя отреченна и делайте, что хотите» (Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 9). М., 1948. С. 343).

практически с самого начала работы Литературного фонда его Комитет сознательно изменил этому принципу и стал выдавать мелкие пособия незначительным писателям, испытывавшим материальные трудности»,[20] что напрямую связано с пониманием просвещения как массового явления, требующего увеличения писательского штата. Такое понимание литературы было неприемлемо для Фета.

Любопытно, что подобного рода эволюцию претерпел и Лонгинов, официально порвавший с Литературным фондом, как и Фет, в 1868 году. Дата устанавливается довольно точно благодаря письму из Литфонда, сохранившемуся в *РГАЛИ*, на обороте которого написан ответ рукой Лонгинова. В апреле 1868 года Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым предложило Лонгинову (в то время уже губернатору в Орле) уплатить в фонд недоимку за восемь лет. Дело в том, что в это время в Литфонде проводилась масштабная проверка, результат которой принес успех: «…с окончанием предпринятой еще в 1866 году работы по проверке списка членов, их оказалось лишь 302. Из остальных 443-х одни оказались умершими, другие или сложили с себя звание членов, или не дали отзыва на напоминание Комитета о вносе числившейся на них недоимки, или, наконец, неизвестно где находились, и Комитет не мог снестись с ними. Хлопоты Комитета по проверке списка и по рассылке членам напоминаний имели последствием еще то, что вместо 95, как это было в 1867 г., число членов, уплативших свои вносы, простиралось уже до 251, и самая цифра вносов равнялась 9242 р. Многие внесли платежи за несколько лет; другие, слагая с себя звание члена Общества, сочли обязанностию сделать в его пользу приношения и, наконец, некоторые внесли плату в 100 р.».[21] Лонгинов, по всей видимости, не относился к тем «многим». Его ответ был категоричен: «Я не считал себя вовсе в числе членов, еще живя в Москве, а тем более не считаю себя таковым теперь, о чем и имею честь уведомить Общество».[22] Как мы можем судить из переписки Лонгинова с Панаевым и Дружининым, а также из «Летописи» Литфонда, это не соответствует действительности. И, что крайне интересно, — причины разрыва Лонгинова сродни фетовским.[23] Во-первых, «поощрение на бездоходный

---

[20] *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»?.. С. 114.

[21] *Летопись ЛФ*. С. 68–69.

[22] *РГАЛИ*. Ф. 299 (Лонгиновы). Оп. 1. № 23. Л. 3.

[23] Конечно, не считая скандала, разразившегося в начале 1860 г. между Лонгиновым, тогда секретарем Общества любителей российской словесности, и писателем И. В. Селивановым. Селиванов предложил Обществу любителей российской

труд», столь же неприемлемое для Лонгинова, никогда не оставлявшего государственной службы и сделавшего литературную деятельность увлечением, а не источником дохода.[24] Но основной, на наш взгляд, причиной выхода из Литературного фонда для Лонгинова послужило то же отношение к труду писателя или ученого — студент или начинающий литератор не должен получать деньги только за то, что он таковым является. Сначала нужно доказать, что ты действительно талантлив. Бедность неталантливого писателя или ученого — это не объект сочувствия, а знак того, что ему не должно быть писателем или ученым. Через полгода после выхода из означенной благотворительной организации Лонгинов написал письмо М. П. Погодину, касающееся стипендий, получаемых студентами университетов. В нем он последовательно изложил свою точку зрения:

…в мое время <…> о стипендиях <…> и помину почти не было. Жили эти молодые люди, трудясь и отказывая себе во многом, приходили в Университет прилично одетые, и никакой разницы не бывало и тогда в стенах его (не во гнев нынешним демократам, поносящим все наше прошлое), между наследником 200000 рублей годового дохода и недавним питомцем гатчинского Воспитательного дома. <…> Но повторяю: хороший и занимавшийся хорошо парень был между товарищами особою уваженною. Вскоре после поступления в студенты мы забывали, кто откуда пришел или приехал на вступительный экзамен. Поощрений денежных почти никто не получал.

Теперь опять-таки не то. Кроме денег, выдаваемых на руки студентам, которые в наше время поступили бы в казенные, существует бесчисленное количество стипендий, завещеваемых, жертвуемых, собираемых по подпискам и пр. и пр. <…> Говорят, что теперешняя учащаяся молодежь, получающая стипендии, очень занята вопросом о том, как бы с низшей попасть на высшую и т. д. Говорят даже, будто иные не пошли бы в студенты, если бы не имели в виду стипендии.[25] <…> Но не лучше ли прежний порядок вещей, при котором молодежь училась (и конеч-

---

словесности устроить литературные чтения для сбора средств в пользу только что основанного в Петербурге Литературного фонда. Общество любителей российской словесности категорически отвергло это предложение, мотивировав это тем, что литературно-ученое общество не может брать платы за вход и организация подобных чтений — прямое дело Литфонда (ход полемики см.: *МВед*. 1860. № 32, 34, 60, 65, 66, 69, 80, 82). Однако, как нам известно, в это же время Лонгинов занимается организацией чтений в пользу нуждающихся литераторов в Москве от имени Литфонда, из которого выйдет не после скандала в 1860, а только в 1868 г.

[24] Ср.: «Лонгинов помещал свои статьи <…> безвозмездно, что было не столь уж распространенным явлением» (*Равич Л. М.* Михаил Лонгинов, библиофил и ученый. С. 189).

[25] *Это предложение вписано.*

но уж, не хуже нынешнего), не помышляя о получении как бы премии за то, что учится. <…>

М. г. скажут на это, может быть, что зато теперь и число студентов удвоилось или еще более умножилось против прежнего. Согласен; но ведь заботы о получении стипендий и повышениях по их лестнице распространены не между этим излишком студентов, а между всею массою учащихся. Признаюсь, что такая примесь к прежним помышлениям и вожделениям большей части учащейся молодежи вовсе не утешительна. Она не может не ронять достоинства науки и не развращать до известной степени нравственного чувства и любви к ней в учащихся. <…> Дело не в том, чтобы университетские курсы слушались наибольшим числом молодых людей, а в том, чтобы для учащихся наука не только стояла на первом плане, а была бы святыней, единственною целью их стремлений. <…> Иначе, что лучше: качество или количество?[26]

Как представляется, эти размышления навеяны Лонгинову деятельностью Литфонда, который, кроме вспоможения писателям, занимался поддержкой нуждающихся студентов и выдачей им стипендий, — его «Летопись» пестрит сообщениями об этом. Рассуждения же Лонгинова сродни представлениям Фета, для которого литература, по наблюдению современного исследователя, — «поле деятельности литературных „насекомых“, переименованных в „честных бедняков сочинителей“, плодящая и материально поддерживающая бесполезных „учителей“ и „просветителей“ для тех, кто не нуждается в учителях и их просвещении».[27]

Такая позиция сближала Фета и Лонгинова, противопоставляя их практически всей современной им литературе. Однако если за Фетом к концу 1860-х годов уже закрепилась слава большого поэта, то Лонгинову не оставалось ничего, как снискать репутацию «библиографа-гробокопателя», «обскуранта и реакционера», в молодости балагурившего и баловавшегося фривольными стишками. Вот что, к примеру, на эту тему записывает Никитенко в своем дневнике в 1871 году: «Лонгинова иначе не называют в публике, как Мишкою Лонгиновым. Он никогда не пользовался ни малейшим уважением в обществе. Репутация его была всегда репутацией непристойного весельчака, крикуна, человека, не способного ни к какому серьезному делу. В литературе он известен как собиратель разных исторических и литературных мелочей».[28]

Одним из главных «недовольных» оказался в 1870-е И. С. Тургенев — близкий друг Фета и Лонгинова в 1850-е. Долгие и сложные отношения

---

[26] *РГБ*. Ф. 231 (М. П. Погодин). К. 30. № 32.

[27] *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»?.. С. 115.

[28] *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 3. С. 217.

Фета и Тургенева, конечно, — отдельная огромная тема.[29] Примечательно, что имя Лонгинова оказалось замешанным в истории конфликта между Тургеневым и Фетом в конце 1874 года, повлекшего за собой разрыв отношений.

С момента назначения Лонгинова на пост начальника Главного управления по делам печати недовольство им Тургенева решительно крепнет,[30] о чем он неизменно сообщает Фету в письмах:

8 (20) января 1872. Париж

Прочли ли Вы статью К. Арсеньева, за которую «Вестник Европы» получил столь восхитившее Вас предостережение? Конечно нет; а то бы Вы увидели, что более дельной, серьезной, благонамеренной, антикоммунистической, прямо сказать, консерваторской в лучшем смысле слова статьи представить себе нельзя — и это предостережение может объясниться только тем, что французы называют «infatuation» («безумное пристрастие». — *франц.*), блистательный пример которой является нам в назначении М. Лонгинова! <…> Надеюсь, что Вы весело пожили в Москве, и «люблю думать», как говорят французы, что Вы не слишком нанюхались катковского прелого духа.[31]

21 августа (2 сентября) 1873. Буживаль

Рекомендация Ваша М. Н. Лонгинову при его отъезде из Орла возымела свое действие: «Вестник Европы» получил второе предостережение. То-то Вы порадуетесь, когда этот честный, умеренный, монархический орган будет прекращен за радикализм и революционерство.[32]

13 (25) сентября 1873. Ноан

---

[29] См., напр.: *Гутьяр Н. М.* Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907. Гл. И. С. Тургенев и А. А. Фет. С. 301–326; *Благой Д. Д.* Тургенев — редактор Фета // Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 45–64; *Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // *ЛН.* Т. 22–24. С. 561–602; *Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники. Л., 1977; С. 39–42; *Курляндская Г. Б.* Тургенев и Фет // *Фетовские чтения (1985).* С. 46–63; *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. Гл. Тургенев и Фет. Незавершенный спор. С. 351–453 и многие др.

[30] Впоследствии именно Лонгинов станет одним из прототипов образа Калломейцева — оголтелого консерватора и реакционера — в романе «Новь». Об этом кратко упомянула Н. Ф. Буданова в своей книге «Роман И. С. Тургенева „Новь“ и революционное народничество 1870-х годов» (Л., 1983. С. 113). Подробнее см.: *Трунин М. В.* «Со всей ехидностью ренегата», или М. Н. Лонгинов как главный прототип образа Калломейцева в романе И. С. Тургенева «Новь» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2010. № 4. С. 92–100.

[31] *Тургенев. Письма.* Т. 11. С. 198.

[32] Там же. Т. 12. С. 210. Это письмо Фет опубликовал в «Моих воспоминаниях» (*МВ.* Ч. 2. С. 279).

…мне претит Катков, *баденские* генералы, военщина и т. д. Об этом, как о запахах и вкусах, спорить нельзя. Вы, напр., обвиняя меня в несправедливости, уверяете, что со *смехом* говорили об этом М. Н. Лонгинову; а я бы скорее сознался в воровстве, чем в факте веселого разговора с таким сугубым мерзавцем. Тут ничего не поделаешь.[33]

Наконец, разрыв, формальным поводом для которого послужило письмо Полонского,[34] Тургенев мотивировал следующими причинами: «…полагаю лучшим прекратить наши отношения, которые уже и так, по разности наших воззрений, не имеют „raison d'être" («разумного основания». — *франц.*). Признаюсь, я не вижу, что может быть общего между мною и *мировым судьею*, который серьезно упрекает *здоровенных* мужиков, зачем они *не отбили концом дуги печенок у пойманного вора* — и даже хвастается этим, словно не понимая безобразия своих слов.

Откланиваюсь Вам не без некоторого чувства печали, которое относится, впрочем, исключительно к прошедшему — желаю Вам всех возможных благ и преуспеяния в обществе гг. Маркевичей, Катковых и других ejusdem farinae (из того же теста. — *лат.*)».[35]

Как представляется, одним из «ejusdem farinae», в частности, и являлся приятель Фета Лонгинов, столь ненавистный в это время Тургеневу.

В свою очередь, о дружеских отношениях Лонгинова и Фета в 1870-е годы говорит сохранившаяся поэтическая переписка между ними, опубликованная Б. Я. Бухштабом. Это шуточное стихотворное послание Фета «М. Н. Лонгинову» («Я был у Кача и Орбека…»), датированное 2 июля 1871 года, и такой же ответ на него «Афанасию Афа-

---

[33] *Тургенев. Письма.* Т. 12. С. 221.

[34] Комментаторам академического собрания сочинений Тургенева обнаружить это письмо не удалось, возможно, оно хранится в той части парижского архива писателя, которая остается недоступной исследователям. Сам Фет впоследствии вспоминал: «Передав Страхову о черной кошке между мною и Тургеневым, пробежавшей по поводу письма Полонского, я просил Ник<олая> Ник<олаевича> объяснить Полонскому, что мне неловко с оскорблением в душе по-прежнему чистосердечно жать ему руку. Последовало со стороны Полонского объяснение, что никогда он не писал слов в приписанном им Тургеневым смысле. При этом Яков Петрович сказал: „Впрочем я мог бы много с своей стороны выставить таких тургеневских выходок"» (*МВ*. Ч. 2. С. 399).

[35] *Тургенев. Письма.* Т. 13. С. 228–229. Письмо Фету из Парижа от 28 ноября (10 декабря) 1874 г. С купюрами опубликовано Фетом в «Моих воспоминаниях» (*МВ*. Ч. 2. С. 302–303). В частности, опущен пассаж про «*здоровенных* мужиков», а латинское выражение «ejusdem farinae» заменено на «и т. п.».

насиевичу Фету по получении его стихов с возвращением двух рублей», написанное тремя неделями позже — 25 июля того же года.[36] Несмотря на то, что «круг людей, с которыми Фет общается в 60-е — 70-е годы, почти ограничен жителями Мценского уезда»,[37] отношения Фета и Лонгинова продолжались, так как означенный уезд находился в Орловской губернии и был подведомствен Лонгинову. Поэтическая переписка, по всей видимости, обыгрывает реальную ситуацию: орловский губернатор (кстати, незадолго до истечения своих полномочий; Лонгинов получает должность начальника Главного управления по делам печати и переезжает в Петербург в октябре 1871 года) заказывает Фету из Москвы чернила марки Plessy.[38] Однако в этой поэтической переписке интересно не столько содержание, сколько форма, которую Фет, а вслед за ним и Лонгинов выбирают для своих стихотворений. Оба они написаны разностопниками — чередованием четырех- и двухстопных ямбов с перекрестными мужскими и женскими рифмами (Я4/2 жмжм). Именно в это время «комическое обыгрывание контраста длинных и коротких строк становится обычным приемом».[39] Таким размером, а также чуть удлиненным, близким к нему, Я5/2 жмжм писались по преимуществу серьезные любовные стихотворения.[40] Одно такое стихотворение — «О, не зови! Страстей твоих так звонок…» — в молодости сочинил Фет, о чем почти через сорок лет вспоминал: «Всего забавнее выходило толкование стихотворения:

„О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык“…

[36] См.: *ПССт 1959.* С. 515, 813. Впервые опубликовано: *ПССт 1937.* С. 419, 746. Рукопись стихотворения Лонгинова: *РГАЛИ*. Ф. 515 (А. А. Фет). Оп. 1. № 82.

[37] *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет // *ПССт 1959.* С. 21.

[38] Фет едет в Москву в ноябре 1870 г. за доктором в связи с болезнью жены. В начале 1871 г. тяжело заболевает близкий друг Фета И. П. Борисов, который умирает в середине мая того же года. По всей видимости, из-за семейных хлопот Фет не мог раньше встретиться с Лонгиновым.

[39] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 177.

[40] См., напр.: «Близость любовников» Дельвига (перевод из Гёте); «Песня» («Когда взойдет денница золотая…») и «На что вы, дни! Юдольный мир явленья…» Баратынского; «Луна плывет высоко над землею…» И. С. Тургенева; «К Лавинии» («Что не тогда явились в мир мы с вами…») Ап. Григорьева; а также «И у меня был край родной когда-то…» и «Когда кругом безмолвен лес дремучий…» А. К. Толстого, стоит вспомнить его же прутковскую пародию «К моему портрету» («Когда в толпе ты встретишь человека…»).

— кончающегося стихами:

„И не зови, но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу
И за тобой!“

Каждый, прислушиваясь к целому стихотворению, чувствовал заключающуюся в нем поэтическую правду, и она нравилась ему, как гастроному вкусное блюдо, составных частей которого он определить не умеет. <…> среди десятка толкователей, исключительно обладавших высшим эстетическим вкусом, не нашлось ни одного, способного самобытно разъяснить смысл стихотворения <…>. А кажется легко было понять, что человек влюбленный говорит не о своих намерениях следовать или не следовать за очаровательницей, а только о ее власти над ним».[41] Возможно, выбранный Фетом для дружеского послания разностопный размер должен был навеять Лонгинову в 1871 году воспоминания об их петербургской молодости.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе *ИРЛИ* (№ 23300 и № 23394), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации. В Приложениях к настоящей публикации помещены письма к Фету и Лонгинову из Литературного фонда и ответы, написанные на оборотах писем. Приложение I подготовлено М. В. Труниным, Приложение II — И. А. Кузьминой.

1

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

28 апреля 1857 г. Москва

Многоуважаемый Михайло Николаевич!

Только что вчера воротился я из Питера и до середы не в состоянии располагать собою; но тем не менее прошу Вас дать мне знать по градской почте, когда и где начиная с середы я могу Вас видеть.

Жму усердно Вашу руку.

А. Фет.

---

[41] *МВ*. Ч. 1. С. 127–128.

Кажется
28 апреля.
Немецкая слобода.
Дом гр. Шувалова.[1]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 23300. Л. 3.

Год устанавливается на основании адреса, указанного Фетом (см. примеч. 1), и по связи с письмами 2, 3 и 4.

[1] В «довольно удобной квартире» (*МВ.* Ч. 1. С. 187) в *доме гр. Шувалова* на Новой Басманной Фет поселился по приезде в Москву в марте 1857 г., устроив сестру Н. А. Шеншину в клинику В. И. Красовского, располагавшуюся на той же улице, и прожил там до июня, когда была нанята квартира на Малой Полянке (см. примеч. 4 к письму 4). Лонгинов в это время постоянно живет в Москве. В Москве Фет сходится с семьей Боткиных и вскоре делает предложение сестре В. П. Боткина Марии Петровне (*Летопись.* С. 306–307).

2

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

2 мая 1857 г. Москва

Что за дикая судьба моего к Вам приезда, добрейший Михаил Николаевич! Я уже радовался завтрашнему дню, а вчера вечером получил казенный конверт, требующий моего явления в Петербурге 3-го мая[1] в 10 часов утра. Что прикажете делать? Сейчас скачу и буду назад не раньше воскресенья и снова дам Вам знать о приезде.

Душевно преданный А. Фет.

2 мая.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 23300. Л. 1.

Год устанавливается на основании содержания письма и по связи с письмами 1, 3 и 4.

[1] Поездка в Петербург, возможно, была связана с хлопотами об отпуске, который нужен был Фету для ухода за больной сестрой Н. А. Шеншиной. В начале августа Фет собирался везти ее для лечения в Бонн, однако эта поездка не состоялась (см. п. Фета к В. П. Боткину от 16 (28) мая 1857 г.: *Переписка с Боткиным.* С. 189 и примеч. 10 к нему).

3

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

5 мая 1857 г. Москва

Опять только что возвратился из Петербурга и надеюсь на этот раз поклониться Вам, без тревог со стороны службы.[1] Итак, до приятной встречи, добрейший Михаил Николаевич!

Искренно преданный Вам А. Фет.

5-го мая.

Воскресенье.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 23300. Л. 5.

Год устанавливается на основании содержания письма и по связи с письмами 1, 2 и 4.

[1] Возможно, намек на скорейшее намерение Фета выйти в бессрочный отпуск, куда поэт увольняется 3 июня 1857 г. (*Летопись*. С. 307).

4

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

23 июня 1857 г. Москва

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

Я в таких попыхах все время, что решительно не мог доставить себе удовольствия побывать у Вас. Тем не менее пришло время осуществить Ваше обязательное обещание написать к Вашему знакомому в Инспекторский департамент[1] Военн<ого> министерства касательно моего прошения о заграничном отпуске.[2] Об нем мое прошение послано в Департамент из Ордонансгауза,[3] т. е. от московского коменданта на этой неделе. Будьте так обязательны, напишите два слова о скорейшем ходе этого дела или, лучше сказать, о возможном его ускорении. Я теперь переменил квартиру и поселяюсь за Москва-рекой на Мал<ой> Полянке у Петра и Павла в доме г-жи Сердобинской.[4] Еще раз повторяю мою покорнейшую просьбу. Завтра еду в Вышний Волочек, а по приезде непременно явлюсь к Вам лично. Будьте здоровы.

Преданный Вам А. Фет.

23 июня.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 7–7 об.

Год устанавливается на основании содержания письма и по связи с письмами 1, 2 и 3.

[1] *Инспекторский департамент* Военного министерства был образован в 1812 г. и просуществовал до 1865 г., когда его функции были переданы Главному штабу, ведал личным составом и комплектованием армии, учетом численности, расквартированием и инспектированием войск.

[2] В середине мая 1857 г. М. П. Боткина уехала за границу, сопровождая больную сестру Е. П. Щукину для лечения на водах (*Летопись*. С. 307). Фет собирался ехать за ней и в связи с этим, по всей видимости, обратился к Лонгинову, с 1854 г. служившему в Москве чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Закревском, посодействовать скорейшему разрешению его дела. По всей видимости, Лонгинов оказал Фету помощь, так как в конце июля — начале августа 1857 г. поэт выехал за границу к невесте (Там же).

[3] *Ордонансгауз* — от франц. *ordonnance* (приказание, распоряжение) и нем. *Haus* (дом) — дом военного управления. Прежнее название комендантских управлений.

[4] Во второй половине июня 1857 г., после сватовства и увольнения в бессрочный отпуск, Фет нанял и занимался обустройством большой квартиры в Москве на Малой Полянке в доме Сердобинской (не сохранился) (*Летопись*. С. 307). «Долго искал я подходящей квартиры, — вспоминал об этом сам поэт, — и, наконец, нашел за Москвою-рекою на Полянке целый просторный и, можно сказать, великолепный бельэтаж, требовавший, правда, некоторых поправок <…>» (*МВ*. Ч. 1. С. 195).

5

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

Сентябрь 1857 г. — 1860 г. (?) Москва

Добрейший Михаил Николаевич!

Чувствую, как много виноват перед Вами, — собираясь к Вам ежедневно и не улучив до сих пор свободного утра. Еще бессовестней с моей стороны беспокоить Вас просьбами. Сделайте милость, одолжите мне *на один день* «Голоса из России» и «Колокол»[1] — если они у Вас есть под руками и пришлите ко мне с извозчиком, поглядев его но<омер>, а я его там отпущу. Книги же послезавтра утром привезу к Вам лично. Я было привез к Вам на суд новое стихотворение[2] — да не застал, как видите, Вас дома.

Преданный Вам А. Фет.

Часа в три дня буду поджидать посланного. — А если нет — то на нет и суда нет. — Мой адрес все тот же на Малой Полянке у Петра и Павла д. *Сердобинской.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 23300. Л. 11.

Время написания устанавливается предположительно, на основании московского адреса Фета — в доме Сердобинской на Малой Полянке Фет поселился во второй половине июня 1857 г. и прожил там до покупки Степановки в 1860 г. (проводя лето, как правило, в Новоселках). Возможно, интерес к изданиям Герцена и Огарева возник после возвращения из заграничной поездки в 1857 г., что подтверждается бумагой, на которой написано письмо (штемпель «BATH»). Следует отметить, что еще во время пребывания Фета во Франции в 1856 г. имя Герцена и, в частности, вопрос о его эмиграции, по-видимому, неоднократно упоминались в ходе разговоров и ожесточенных споров с Тургеневым, поддерживавшим тесные связи с лондонским изгнанником. Свое отношение к этому Фет красноречиво выразил в стихотворении «Под небом Франции, среди столицы света…» (1857). Тогда же, во время двухдневного приезда Фета в Куртавнель, Тургенев передал ему адрес Герцена и экземпляр сборника его стихотворений 1856 года, который Фет вскоре переслал Герцену (см.: *Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 122; *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 47).

[1] «*Голоса из России*» — 9 сборников статей на общественно-политические темы, издававшихся Герценом и Огаревым в Лондоне в 1856–1860 гг. До августа 1857 г. вышло 4 книги (Фет, скорее всего, имеет в виду четвертую книгу, вышедшую в августе 1857 г., где были опубликованы стихи А. И. Одоевского, Л. А. Мея, В. С. Курочкина). «*Колокол*» — газета Герцена и Огарева, приложение к «Полярной звезде», выходил с 1857 (первый номер датирован 1 июля 1857 г.) до 1861 г.

[2] Какое именно стихотворение Фет имеет в виду, установить не удалось.

6

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

14 февраля 1868 г. Мценск

Мценск. 14 февраля.

Душевноуважаемый Михаил Николаевич!

В ответ на письмо Ваше от 7-го февраля спешу изъявить полную готовность участвовать в предполагаемом Вами чтении в пользу нуждающихся на основании, Вами заявленном.[1] Кроме понедельников и вторников, я могу быть всегда в полном распоряжении Вашем и поэтому буду

ждать вызова в Орел[2] по моему всегдашнему адресу: на станцию Алисово.[3]

С совершенным почтением имею честь быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим слугой

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23300. Л. 9.

Год устанавливается по содержанию письма, в частности, по упоминанию о литературном чтении, в котором М. Н. Лонгинов предложил участвовать Фету (подробнее см. примеч. 1 к наст. письму).

[1] Речь идет о благотворительном литературном чтении в пользу крестьян, пострадавших от голода в Орловской губернии, которые Лонгинов, занимавший в то время пост губернатора (1867–1871), намеревался устроить в Орле. О полученном от Лонгинова предложении принять участие в этом чтении Фет писал В. П. Боткину 19 февраля 1868 г., после возвращения из Мценска в Степановку: «Между тем Лонгинов приглашает меня на чтения в Орел. — Я дал слово, но что на мою долю достанется? Дай Бог, 300 р.» (*Переписка с Боткиным*. С. 512). Еще до обращения Лонгинова Фет был занят организацией благотворительного литературно-музыкального вечера в Москве, пытаясь собрать средства в пользу голодающих 3-го Мирового участка Мценского уезда. С этой целью он обращался в том числе к Л. Н. Толстому, В. П. Боткину, М. Н. Каткову и др., однако дело продвигалось туго. «Действительно отчаянное положение местных крестьян довело меня до самых тяжелых минут, — сетовал Фет в том же письме к Боткину. — Я подумал, неужели в России нет людей, а все пни, мертвые для всего человеческого. Неужели не все равно: умирают ли дети и взрослые под покровительством комитета или вне оного?» (Там же). Находясь во Мценске, как следует из упомянутого письма к Боткину, Фет обратился к М. Н. Каткову с письмом, в котором анализировал причины, приведшие к голоду, и предложил свой план помощи пострадавшим, разбивавшийся на две части — «благотворительную» и «коммерческую». Прежде всего, Фет сообщил о своем намерении «на второй неделе великого поста <…> открыть в Москве литературные чтения». Однако независимо от чтений, вторым шагом, который намеревался предпринять Фет, было ходатайство «о разрешении принимать от вкладчиков на десять годовых процентов деньги, которые будут мною раздаваться под расписки волостей» и которые в качестве мирового судьи Фет обязался «возвратить если не в течение одного, то в течение двух лет с причитающимися процентами». Это письмо было опубликовано в «Московских ведомостях» 13 февраля 1868 г. (№ 32) под заглавием «Письмо к издателям»; черновик письма, адресованный Каткову, сохранился в *РГБ*. См. републикацию этой статьи, а также программы вечера и отчета Фета о поступивших пожертвованиях: Неизвестные статьи А. А. Фета на страницах «Московских ведомостей» (1868–1872) / Публ. Е. В. Деревягиной // *Фетовские чтения (XVII)*. С. 27–31. Об организации чтений и их результатах см. также: *МВ*. Ч. 2. С. 169.

[2] По всей видимости, это чтение не состоялось.

[3] Населенный пункт *Алисова* (Алисово), расположенный на р. Неручь на почтовом тракте из Орла в Ливны, находился в южной части Мценского уезда приблизительно в 9 км на юг от имения Фета Степановка. На трехверстной карте 1840-х гг. Алисова подчеркнута красной чертой, что означает наличие почтово-телеграфного учреждения (см.: Орловская губерния / Сост. Воен.-топогр. бюро. 1 : 126 000. СПб., 184[?]. Ряд XVI. Лист 14). За фактографическую справку приношу благодарность заведующей Отделом картографических изданий *РГБ* Людмиле Николаевне Зинчук.

7

А. А. Фет — М. Н. Лонгинову

2 июля 1871 г. Москва

Москва, 2 июля.

Я был у Кача и Орбека,
Молил, просил,
Не отыскалось человека
Продать чернил.

Хоть плачь, хоть требуй благородно,
Хоть их беси,
Дают чернил каких угодно —
Да не Plessy.

Коммуна-*де*, да Прусский Гений
Наслали бед,
Французских к нам произведений
В подвозе нет.

Теперь о Клио! понимаю.
Как их …бли
С тоскою в сердце прилагаю
Здесь 2 рубли.

Но яд чернил к душе поэта
Не подноси!
В таможне ждут: к исходу лета
Прийдет Plessy.

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 23394. Л. 1.

Стихотворное послание Фета М. Н. Лонгинову «Я был у Кача и Орбека…»
Автограф (*ИРЛИ*)

8

М. Н. Лонгинов — А. А. Фету

25 июля 1871 г. Архангельское

Афанасию Афанасьевичу Фету,
по получении его стихов, с возвращением двух рублей.

Хоть я не получил от Фета
Чернил — Plessy, —
Но ты, — благословен поэта,
О стих еси!

Бессмертных дщерей Мнемозины[1]
Бесценный дар!
Ему Plessy, ализарины[2] —
Тщета и пар!

Длань Фебова[3] его чертила
В душе певца,
Когда не знали — ни чернила,
Ниже́ резца.

Итак, не приходи в смущенье,
О Бога для,
Чтоб принесли мне огорченье
Те два рубля…

М. Лонгинов.

Село Архангельское.
25 июля, 1871.

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 82. Л. 1–1 об.

[1] В др.-греч. мифологии *Мнемозина* — богиня памяти, мать девяти муз.

[2] *Ализарин* — растительная краска, добываемая из корня краппы или марены, на ее основе делались ализариновые чернила фиолетового цвета.

[3] *Феб* — один из эпитетов покровителя искусств др.-греч. бога Аполлона.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Е. П. Ковалевский — М. Н. Лонгинову

Апрель 1868 г. Петербург

ОБЩЕСТВО
для пособия
нуждающимся
ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

С. Петербург.
Апрель 186*8* г.

Милостивый государь
Михаил Николаевич.

При основании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1859 году, Вы были одним из его членов учредителей.

За сделанным Вами в кассу Общества взносом в размере *10* рублей в год за Вами числится в настоящее время недоимка за *восемь лет.*

Комитет, заведующий делами Общества, озабочиваясь умножением денежных средств ввиду возрастающего числа просителей, позволяет себе надеяться, что ради благотворительной цели Общества Вы не откажете ему в своем благосклонном содействии к пополнению литературного фонда.

Если Вам угодно будет ныне же внести подателю сего письма состоящую за Вами недоимку или часть оной, то Вы получите от него расписку. Если по каким-либо обстоятельствам Вы найдете более для себя удобным отсрочить уплату всей суммы, или разложить ее по частям, или уменьшить Ваши ежегодные взносы до низшего размера, определенного §4 Устава, то не благоугодно ли Вам будет, милостивый государь, сообщить о том подателю письма, или в комитет, или казначею Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В случае же, если бы, к крайнему сожалению, Вам угодно было сложить с себя звание члена Общества, то Комитет покорнейше просит Вас сделать о том отметку на настоящем письме и возвратить оное подателю.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Председатель
Е. Ковалевский.

М. Н. Лонгинов — Е. П. Ковалевскому

Апрель 1868. Орел (?)

Несколько лет тому назад, когда я жил в Москве, мне предложено было, не помню кем, принять участие в учреждении Московского отдела открывавшегося тогда Общества для пособия нуждающимся литераторам, на что я изъявил согласие. Засим предположение это, о котором шли, сколько припомню, долгие переговоры, не осуществилось и открыто было Общество в Петербурге, о действиях коего я знал только, видя изредка известия о них в газетах, не принимая в них участия после переговоров при первоначальном его образовании, о коих сказано выше. Я не считал себя вовсе в числе членов, еще живя в Москве, а тем более не считаю себя таковым теперь, о чем и имею честь уведомить Общество.

М. Лонгинов.

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 299 (Лонгиновы). Оп. 1. № 23.

Текст отношения Литературного фонда печатный, выделенное курсивом вписано от руки. Рукописный ответ Лонгинова — на обороте отношения.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

А. П. Заблоцкий-Десятовский — А. А. Фету

13 мая 1868 г. Петербург

ОБЩЕСТВО
для пособия
нуждающимся
ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ

———

С. Петербург.
13 мая 186*8* г.
№ *511*

Милостивый государь
Афанасий Афанасьевич.

При основании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1859 году, Вы были одним из его членов учредителей.

За сделанным Вами в кассу Общества взносом в размере *10* рублей в год за Вами числится в настоящее время недоимка за *восемь лет.*

Комитет, заведующий делами Общества, озабочиваясь умножением денежных средств ввиду возрастающего числа просителей, позволяет себе надеяться, что ради благотворительной цели Общества Вы не откажете ему в своем благосклонном содействии к пополнению литературного фонда.

Если Вам угодно будет ныне же внести подателю сего письма состоящую за Вами недоимку или часть оной, то Вы получите от него расписку. Если по каким-либо обстоятельствам Вы найдете более для себя удобным отсрочить уплату всей суммы, или разложить ее по частям, или уменьшить Ваши ежегодные взносы до низшего размера, определенного §4 Устава, то не благоугодно ли Вам будет, милостивый государь, сообщить о том подателю письма, или в комитет, или казначею Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. В случае же, если бы, к крайнему сожалению, Вам угодно было сложить с себя звание члена Общества, то Комитет покорнейше просит Вас сделать о том отметку на настоящем письме и возвратить оное подателю.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Помощник Председателя
А. Заблоцкий-Десятовский.

Г. члену Общества
А. А. Фет.

А. А. Фет — А. П. Заблоцкому-Десятовскому

2 июля 1868 г. Степановка

Хутор Степановка.
Июля, 2 дня.

В 4§ устава Общества звание члена обусловливается ежегодным или единовременным взносом. Прекратив ежегодные взносы, я тем самым фактически сложил с себя звание члена. О побудительных к тому причинах я имел честь лично объяснить бывшему казначею Общества П. М. Ковалевскому.

А. Фет.

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 515 (А. А. Фет). Оп. 1. № 41.

Текст отношения Литературного фонда печатный, выделенное курсивом вписано от руки. Ответ Фета — на обороте отношения.

ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА к А. А. ФЕТУ (1883–1891)

Публикация О. Л. Фетисенко

В записках «Моя литературная судьба» (1874) Константин Леонтьев выразил свое отношение к Фету поэтической строкой собственного сочинения: «Улан лихой, задумчивый и добрый».[1] Поэзия этого «улана лихого» была ему близка с юности.[2] В обращенной к Фету-юбиляру статье «Не кстати и кстати» (1889) Леонтьев признавался: «Вы давно знаете, как высоко я ценю ваши стихи; для вас это не новость; я с 20 лет уже был одним из тех немногих, о которых вы говорите в вашем последнем, столь искреннем и прекрасном, стихотворении…

Полвека ждал друзей я этих песен,
Гадал о тех, кто им живой приют…».[3]

В романе «Египетский голубь» (1881–1882) Леонтьев вспоминал свою молодость и увлечение европейским романтизмом «от самого чистого аскетического романтизма Тогенбурга» до «того тонкого и облаго-

---

[1] *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 70 (далее сокращенно: *Леонтьев*). О Фете Леонтьев в 1850-е гг. слышал рассказы И. С. Тургенева (ср.: Там же. С. 52) и отмечал впоследствии, что кроме Тургенева и Фета в то время ему «из литераторов и ученых *лично* никто не нравился для общества и жизни» (Там же. С. 70).

[2] Столь же сильно Леонтьев в те годы увлечен стихами Лермонтова, Кольцова и Огарева.

[3] *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 625. *Название статьи приводится в том виде, в каком оно напечатано в собр. соч. Леонтьева, однако редакция обращает внимание читателя на то, что по современным нормам правописания наречия пишутся слитно. — Ред.*

роженного обоготворения изящной плоти, которой культом так проникнуты стихи Гёте, Альфреда де Мюссе, Пушкина и Фета».[4] Именно свойственной этим поэтам «потрясающей музыки страстных чувств и наслажденья живой и тонкой мысли» не хватало писателю на Востоке, в среде, где он оказался волею судьбы. Правда, после пережитого в 1871 году религиозного обращения и данного тогда же обета постричься в монахи (исполненного лишь через 20 лет, но по-новому выстроившего всю жизнь Леонтьева на все это двадцатилетие) эта «блестящая ария страстной любви»[5] будет восприниматься уже иначе, и тогда и Гёте, и Фета Леонтьев — не меньше ценя их и не бросая чтения их стихов — отнесет к поэтам, опасным для неокрепших душ.

«Гёте, Байрон, Беранже, Пушкин, Батюшков, Лермонтов, самый этот теперь столь дряхлый Аф. Аф. Шиншин <так!>, — писал он А. Александрову в 1887 году, — и даже древние поэты, с которых духом я был знаком по переводам и критич<еским> статьям — с этой стороны в высшей степени развратили меня. — Да и почти все (самые лучшие именно) поэты, за исключением разве Шиллера и Жуковского, — (надо христианину иметь смелость это сказать) — глубокие развратители в эротическом отношении и в отношении гордости!».[6]

Самые любимые стихи этого опасного, но не менее притягательного для Леонтьева поэта перечислены в письме к Фету от 28 июля 1891 года: «Фантазия» («Мы одни; из сада в стекла окон…»),[7] «Шепот, робкое дыханье…», «Растут, растут причудливые тени…». О любви к последнему стихотворению свидетельствует упоминание о нем в незавершенном романе «От осени до осени» (единственном, уцелевшем от сожженной в 1871 году эпопеи «Река времен»). Слова о Фете отданы персонажу, прототипом которого послужил сам Леонтьев, — Андрею Львову.

---

[4] Там же. Т. 5. С. 230.

[5] Там же.

[6] Письмо к А. А. Александрову от 24–27 июля 1887 г. (*Александров А.* I. Памяти К. Н. Леонтьева. II. Письма Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915. С. 7; далее сокращенно: *Александров*; цитаты из писем сверены и в случае необходимости исправлены по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 2. Оп. 1. № 669; исправления и уточнения специально не оговариваются).

[7] Это стихотворение, а также «Весенние мысли» («Снова птицы летят издалека…») и «Облаком волнистым…» цитируются в статье «Не кстати и кстати» (*Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 630–632). К числу любимых стихов относилось и «Скучно мне вечно болтать…»: Леонтьев цитировал его в поздних мемуарных произведениях (в воспоминаниях о Тургеневе и в очерках «Сдача Керчи») и в незавершенной статье «Чужим умом» (1890 или 1891).

Встречая только что приехавшую из провинции бедную молодую родственницу, рассчитывающую на место гувернантки, он в разговоре с ней помянул Фета, а на признание собеседницы в незнании «ни Ж. Фавра, ни Белинского, ни Фета» воскликнул: «Фета не знаете? <…> Того, который написал:

Растут, растут и т. д.

Кого ж вы знаете… Вы, может быть, знаете Некрасова…». И добавил с иронией: «Некрасов особенно блещет благозвучьем <…>».[8]

Вполне возможно, что с собственной женой (гречанкой, дочерью феодосийского рыбака) у Леонтьева происходил диалог, подобный тому, что описан позднее в романе «Две избранницы» (1872–1885). Главный герой этого романа, Матвеев, рассказывает о своей жене (он в молодости похитил ее из царьградского заведения того сорта, который в России называли «пансионом без иностранных языков»): «…она очень любит стихи Фета и спрашивала раз у него: „Скажи мне, Саша, кто это Фета написал?“ А потом, когда Матвеев объяснил ей, что Фета написал Фет, как она испугалась и, всплеснув руками, с отчаянием воскликнула: „Что ты говоришь! <…>“».[9]

В самом же лиричном из романов Леонтьева — «Египетский голубь» — поэтический мир Фета вторгается в историю любви главного героя. Чувству Владимира Ладнева (героя-рассказчика) к *изящной* Маше Антониади, одесской гречанке, жене хиосского купца, словно аккомпанирует фетовское стихотворение «Свеж и душист твой роскошный венок…». «Я с таким невыразимым восторгом перечитывал и повторял наизусть то Пушкина, то Фета:

Свеж и душист твой роскошный венок…

Вот что мне было нужно, вот чего я искал <…>! В Маше Антониади было именно то, что мне было нужно. В ней было нечто такое, что меня томило; в ней как будто таилось что-то изящно-растлевающее, нечто тонко и сдержанно безнравственное, нечто едкое и душистое, доброе и лукавое, тщеславно милое, — одним словом, что-то такое, что заставляло меня глубоко „вздыхать“, вздыхать *счастливо*, вздыхать от той сладкой сосредоточенности, которая теснит грудь и открывает пред влюбленною мыслию бесконечные и восхитительные, в самой неясности своей, перспективы…».[10]

---

[8] *Леонтьев*. Т. 5. С. 53.

[9] Там же. С. 149.

[10] Там же. С. 243.

Далее в романе благоуханное стихотворение Фета будет приведено целиком: Ладнев его декламирует «вполголоса и оглядываясь», бродя по адрианопольским улочкам.[11] В незавершенном продолжении романа неточно цитируется стихотворение «Ты говоришь мне: прости!..».[12]

Высказанное героем романа «От осени до осени» желание «писать стихи хоть так, как Фет» отзовется в более позднем признании Леонтьева: «Я желал, чтоб повести мои были похожи на лучшие стихи Фета, на полевые цветы, собранные искусной рукою в изящно-бледный и скромно-пестрый букет; на кружева „настоящие“, на „point-carré“,[13] на фарфоровые белые сосуды с бледным и благородным рисунком…».[14] Это сказано о так называемых «восточных повестях», которые Леонтьев писал с конца 1860-х годов. Они действительно похожи на «лучшие стихи» любимых леонтьевских поэтов. Стоит вспомнить, какие имена назвал С. Н. Дурылин, размышляя о «сказочных русских писателях», в само существование которых в России «едва веришь»: «Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, К. Леонтьев (восточные повести)» — «Чудесная сказка, снившаяся России».[15]

Личное сближение Фета и Леонтьева произошло много позже, в Москве, в 1880-е годы, когда Леонтьев исполнял обязанности цензора и цензуровал несколько новых книг Фета, но, конечно, этому сближению способствовала и «близость идей»: новые знакомые еще с 1860-х годов были завзятыми консерваторами. Известен один образчик их бесед. В самом конце незавершенной статьи «Кто правее?», над которой Леонтьев работал до последних дней своей жизни, приводятся слова Фета. Он, конечно, не назван по имени и даже слово «поэт» для большей «маскировки» Леонтьев в итоге заменил на «писатель», но — особенно из нашего времени — не узнать «помещика Шеншина» просто невозможно. Вот этот фрагмент:

«Один из весьма известных писателей наших (и в то же время опытный хозяин и богатый помещик), говоря однажды о взглядах Аксакова,

---

[11] Там же. С. 300.

[12] Там же. С. 419. Все приведенные выше примеры могли бы дополнить известную заметку И. Г. Ямпольского «Фет и его лирика на страницах русских прозаиков второй половины XIX и начала XX века» из его цикла «Из заметок историка литературы» (*РЛ*. 1992. № 2. С. 83–86).

[13] Вид кружева.

[14] *РГИА*. Ф. 1120. №. 87. Л. 29, письмо к Вс. С. Соловьеву от 18 июня 1879 г.

[15] *Дурылин С. Н.* В своем углу. М., 2006. С. 120, 121.

выразился так: „Вот Аксаков говорит все о „внутренней правде“, присущей русскому человеку; и о том, что за внешней правдой он не гонится и договора не признает. — А я скажу, если он не признает договора и внешней правды не любит, — так надо за это сечь!“».[16]

Более частому общению способствовала и московская «география» их жилищ: с осени 1883 года Леонтьев нанимал квартиру в деревянном доме А. Н. Авдеевой в Денежном переулке, ближе к его впадению в Малый Левшинский, ведущий к Пречистенке, переулок. Денежный идет параллельно фетовской Плющихе (чуть под углом к ней), разделены они только Смоленским бульваром. Так что Леонтьев мог бы приходить к Фету и пешком, но болезнь не позволяла ему подобных прогулок в холодное время года (с ноября по апрель он старался вообще как можно реже выходить на улицу): приходилось нанимать извозчика (в письме от 3 февраля 1888 г. Леонтьев вспоминает «*огни* окон московских» по дороге «в санях» на Плющиху).

С 1887 года (года выхода Леонтьева в отставку и переезда в Оптину Пустынь) посредником в общении с Фетом становится один из его учеников — филолог и поэт Анатолий Александрович Александров (1861–1930).[17] Леонтьев познакомил его с Фетом еще в 1885 году, а затем, после того как будущий монах Климент оставил Москву, Александров стал довольно регулярно посещать Фета и сообщать об этом своему наставнику. По просьбе Леонтьева, Фет в начале 1886 года сочиняет от его имени акростих «Александрову», а Леонтьев вписывает его в даримый молодому человеку томик Собрания стихотворений Фета (издание 1863 г.).[18]

Знакомству Фета с новыми произведениями Леонтьева поспособствовал и близкий приятель поэта, шталмейстер Иван Петрович Новосильцов (1827–1890).[19] В 1889 году Новосильцов обсуждает в перепис-

---

[16] *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 177–178. Знаменательно признание в письме к Фету от 12 ноября 1890 г.: «Я помню все ваши беседы хорошо».

[17] См. подробнее: *Фетисенко О. Л.* Акростих А. Фета «Александрову» и его «адресаты» // *Фетовские чтения (XXI)*. С. 18–33, далее: *Акростих*. Под «адресатами» здесь подразумеваются как раз Леонтьев и Александров.

[18] См.: *Медынцева Г. Л.* «За рубежом вседневного удела…» (По материалам юбилейной выставки Фета в Государственном литературном музее) // А. А. Фет — поэт и мыслитель. К 175-летию со дня рождения А. А. Фета. М., 1999. С. 303.

[19] См.: Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету (1883–1890) / Публ. Е. В. Виноградовой: 1) Часть I (1883–1884) // *Ежегодник РО ПД (2001)*. СПб., 2006. С. 179–217; 2) Часть II (1885–1888) // *Ежегодник РО ПД (2005–2006)*. СПб., 2009. С. 443–512; 3) Часть III (1889–1890) // *Ежегодник РО ПД (2007–2008)*. СПб., 2010. С. 252–294.

ке с Фетом леонтьевскую брошюру «Национальная политика как орудие всемирной революции»[20] и даже намеревается познакомить с ней Александра III — через греческую королеву Ольгу Константиновну (что не удается).[21] Александров же сообщает Леонтьеву подробности о праздновании «пятидесятилетия музы» Фета и знакомит со своими стихами, поднесенными юбиляру в те дни. Он же занимается и устройством в печать леонтьевской статьи «Не кстати и кстати», имевшей подзаголовок «Письмо А. А. Фету по поводу его юбилея».[22]

Фет интересен Леонтьеву как чистый лирик и как «человек *жизни*»,[23] как переводчик Шопенгауэра, Гёте и Горация и как помещик-эмпирик. Для «милитариста» Леонтьева огромное значение имело и то, что Фет был военным. Молодым друзьям жизнь Фета-Шеншина ставится в пример как уникальный случай сочетания поэзии («чистого искусства», «песен чудного дара») и житейской практичности. «Достоинство, с которым всегда держал себя Фет, вопреки грубейшей к нему несправедливости критики и дурацкой публики нашей, значительно зависело от того, что он сперва был лихим уланом и кирасиром (и *от души*), а потом серьезным хозяином, помещиком и мировым судьей; а не был *только* писателем».[24]

Иногда, впрочем, Леонтьев и подсмеивался над чрезмерностью фетовской «практичности» и, возможно, именно певца «Вечерних огней» подразумевал близкий автору персонаж незавершенного романа «Подруги» (1890), высказывая такое житейское наблюдение: «Идеалисты-поэты иногда отлично обделывают свои дела <…>».[25] Но можно вспомнить и другое: практичность ставится Леонтьевым в заслугу его любимцу, рано умершему талантливому дипломату кн. А. Н. Цертелеву: «Я с самого начала <…> видел в нем не просто умного и способного юношу <…> а именно *героя*… Героя очень веселого, счастливого и в высшей степени *практического*; … человека редко (я думаю даже никогда) *себя не забывавшего*; … героя, вовсе, вероятно, *не идеального* в смысле

---

[20] Именно от него Фет и получил в июне эту (вышедшую в начале февраля) брошюру, Леонтьев же исправил свою оплошность, только получив от Фета письмо с хвалебным отзывом о «Национальной политике…». См.: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 1141–1142.

[21] См.: Там же. С. 1142–1143.

[22] См. об этом: Там же. С. 1181–1185.

[23] Так Леонтьев сказал о Достоевском: «человек *жизни*, а не теории» (Там же. Кн. 1. С. 481).

[24] *РГАЛИ*. Ф. 290. Оп. 1. № 100. Л. 36–36 об., письмо к о. И. Фуделю от 14 марта 1889 г.

[25] *Леонтьев*. Т. 5. С. 551.

какой-нибудь внутренней и добросовестной задачи… <…> человек очень сложный, изящный, занимательный, многосторонний <…>».[26] Такой «многосторонностью» привлекал Леонтьева и Фет.

Леонтьев любит перечитывать или просто припоминать «*прежнего*» Фета,[27] но негативно относится к поздней его лирике: «…сызнова с большим удовольствием и чувством перечитывал все эти дни его старые (т. е. *молодые*) стихи; но его „Вечерними огнями“ восхищаться как другие — решительно не могу! „Люблю тебя“…. (кх, кх, кх!); „Ты села, я стоял“ (кх, кх, кх!). Не понимаю! И совершенно согласен с Вольтером, который сказал: „Старая лошадь, старая возлюбленная и старый поэт — никуда не годятся, я предпочитаю — старого друга, старое вино и старую сигару!“».[28]

По собственному признанию Леонтьева, только личное вмешательство старца Амвросия остановило его от печатного обличения «старого поэта» за новейшую любовную лирику.[29]

В письме к Александрову от 3 мая 1890 года Леонтьев еще более резок: «Наши старые поэты все давно уже какими-то рвотными конфетками нас угощают, и Фет, и Майков <…>».[30] Впрочем, едва ли он был неискренен, когда в январе 1891 года благодарил за присланный четвертый выпуск «милых и благоухающих» «Вечерних огней», а в 1889-м называл юбилейные чествования Фета «праздником чистой поэзии» и «довольно редкой в современной России вещью — *торжеством правды*, хотя бы и поздней», сожалея, что не может ни пожать руки, ни обнять, ни «поздравить вместе с другими» маститого поэта.[31] Талант Фета Леонтьев считал «огромным» и «тонким»,[32] в статье «Не кстати и кстати» он открыто заявляет себя сторонником его поэзии, называя тех, кто «до сих пор у нас находят, что ваша поэзия бесполезна, ибо из нее сапог не сошьешь», «людьми без вкуса».[33]

---

[26] *Леонтьев*. Т. 6. Кн. 1. С. 389.

[27] *Александров*. С. 6, письмо к Александрову от 24–27 июля 1887 г.

[28] Там же. С. 60, письмо к Александрову от 17 февраля 1889 г.

[29] Там же. «Хотел было я, — сообщал Леонтьев, — к первому письму <…> прибавить и второе о разнице между его утренними и вечерними огнями, с дружеским советом о любви умолкнуть: но, вообразите, о. Амвросий, узнавши от кого-то со стороны о моем намерении, прислал мне из скита *запрет*, — сказал: „Пусть уж старика за любовь-то не пронимает. Не надо!“. Я конечно, очень охотно положил „дверь ограждения на уста мои“».

[30] Там же. С. 95.

[31] *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 636.

[32] Там же. С. 626.

[33] Там же. С. 631.

Конечно, наиболее интересный для филологов эпизод переписки — замечания Леонтьева о стихотворении Фета «Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891 года» и реакция на них поэта. Стихотворение это было написано к именинам королевы, которой Фет уже и до этого посвящал стихи. 4 июля поэтическое посвящение было послано младшему брату королевы, вел. кн. Константину Константиновичу (К. Р.) и своевременно легло на стол «царственно благой» Ольги.[34] 22 июля Фет приложил это стихотворение к письму Леонтьеву, желая услышать «о нем мнение, хотя бы самое нелестное».[35] Поэт поступил так не потому, что сомневался в достоинствах своего нового произведения, но, как он объяснил в письме к К. Р. от 10 августа, «на радости»: «Умиленный неизреченно милостивою телеграммою Ее Величества Королевы Эллинов, я на радости послал мое стихотворение к Ней — проживающему в Оптиной Пустыни писателю Конст<антину> Ник<олаевичу> Леонтьеву, так лестно отозвавшемуся о моей эпиталаме Его Высочеству Павлу Александровичу».[36]

«Мнение», изложенное Леонтьевым в письме от 28 июля, действительно оказалось «нелестным», но Фет признал письмо «оптинского отшельника» за настоящую и «вполне правильную рецензию»[37] и согласился почти со всеми замечаниями, подробно ответив на каждое из них.[38] Без изменений осталась лишь вторая строфа:

И вот прошло тысячелетье,
И над полуночной страной
Склонилось древа жизни ветье
Неувядающей весной.[39]

---

[34] См.: *Соколова М. А., Грамолина Н. Н.* Примечания // *Фет А. А.* Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М., 1979. С. 762. (Лит. памятники).

[35] Письма А. А.Фета С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву / Подгот. текста, публ., вступит. заметка и примеч. В. Н. Абросимовой // Филология = Philologica. М.; Лондон, 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 297.

[36] *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 170 об. В письме к Леонтьеву от 22 июля 1891 г. Фет также сослался на его благоприятный отзыв об этой эпиталаме (Philologica. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 297).

[37] Philologica. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 298 (письмо от 2 августа 1891 г.).

[38] См. примечания к письму Леонтьева от 28 июля 1891 г.

[39] *Фет А. А.* Вечерние огни. С. 399. Точнее, изменена вторая строка этой строфы (было: «И над полночною страной»). В издании «Литературных памятников» варианты этого текста не приведены.

Замечания носили главным образом стилистический характер (чистота и выразительность языка — это конек Леонтьева), но ряд упреков был обоснован и богословски, с точки зрения «понятий православной веры», как выразился в письме сам Леонтьев.

Уже 2 августа Фет отправил в Оптину Пустынь новую редакцию поэтического посвящения и, дождавшись благоприятного ответа[40] или вскоре перед его получением, вновь написал великому князю: «…Леонтьев прямо указал мне на неудовлетворительные места стихотворения, начиная с того, что с точки зрения православия Ольга приобрела *душу живу* у греков, а не отдала, и что изображение Королевы носительницей Христа при посредстве сына Христоносца до непонятности смело и резко, а устранение такого намека устраняет и подчеркивающий перевод в последней строке на русский язык греческого Христофора».

«Конечно, — писал далее Фет, — я с обычной признательностию принял справедливые замечания Леонтьева. Не будь это стихотворение формально посвящено Королеве и не получи я за него высочайшей награды в виде телеграммы, я бы мог просто устранить это стихотворение из сборника как неудачное. Но в настоящее время я не могу не желать повергнуть к стопам Ее Величества исправленного варианта, который при жизни моей или после смерти должен войти в печатный сборник моих стихотворений.

Смею надеяться, что пока еще Ее Величество не покинула Своей родины, Ваше Высочество не откажется представить Ей прилагаемый вариант».[41]

В новой редакции стихотворение было напечатано лишь в 1894 году, в первом посмертном издании стихотворений Фета, которое подготовили Н. Н. Страхов и К. Р. Правда, в раздел стихотворений «Приготовленных для пятого выпуска» оно не вошло, а было произвольно, как и многие другие стихотворения, помещено в раздел «Послания, посвящения и стихотворения на случай».[42]

Следует сказать еще об одной теме. Леонтьев, склонный, по замечанию одного из его ближайших учеников, к миссионерству и прозелитизму,[43] не мог оставаться спокойным к казавшейся ему неопределен-

---

[40] Письмо Леонтьева датировано 7 августа.

[41] *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 170 об.–171.

[42] *Фет А.* Лирические стихотворения: В 2 ч. СПб., 1894. Ч. 2. С. 318.

[43] Меткое наблюдение прот. И. Фуделя из его воспоминаний о Леонтьеве в форме письма к С. Н. Дурылину (см.: «Преемство от отцов». Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Изд. подгот. О. Л. Фетисенко. СПб., 2010 (в печати)).

ности религиозного положения Фета. «Я счастливый, а Фет несчастный — в своем атеистическом ослеплении!»[44] С самим поэтом он заговаривал об этом с осторожностью (это хорошо видно по его письму от 3 февраля 1888 г.). «…Вообразите, — сообщал он Александрову 7 сентября 1889 года, — Погожев[45] говорит, что Фет содержит *посты* и даже будто бы Рождеств<енским> Постом Велик<ого> Князя Конст<антина> Конст<антиновича> накормил постным обедом. — Нельзя ли разузнать об этом наверное. — Мне и не верится; — до того это приятно!».[46] А в письме к Фету от 12 ноября 1890 года миссионерский дух побеждает светскую толерантность, и Леонтьев уже решается и на маленькую проповедь.

К сожалению, письма Фета к Леонтьеву не сохранились, кроме двух, упомянутых выше — от 22 июля и 2 августа 1891 года,[47] а ведь Леонтьев признавался: «Я его письмами очень дорожу»,[48] давал их читать друзьям. Больше всего его обрадовал отклик Фета на брошюру «Национальная политика…». В записке Э. К. Вытропскому (будущему монаху Эразму), датируемой до 11 июля 1889 года, Леонтьев так рекомендовал это письмо: «Не хотите ли прочесть прилагаемое письмо Фета-Шеншина; вероятно, оно по единомыслию доставит Вам удовольствие».[49] С удовольствием он вспоминал фразы из этого письма и через год-два в письмах к о. И. Фуделю от 23 мая 1890 года («…Фет, который выразился в письме про мою брошюру „Национ<альная> политика" так: „Назвать эту книгу *хорошей* — нельзя, этого мало, как нельзя назвать Эйфелеву башню просто высокой"»[50]) и к Т. И. Филиппову от 29 марта 1891 года:

«Года должно быть полтора тому назад я получил от Фета-Шеншина восторженное письмо по поводу моей брошюры „Национальная политика". Он приравнивал ее (по размеру задачи) к Эйфелевой башне и прибавил следующие слова: „так как Вы, вероятно, пишете не для нас дураков (т. е. публики русской), а для людей власть имеющих, то сооб-

---

[44] *Александров*. С. 10, письмо от 24–27 июля 1889 г.

[45] Речь идет о Евгении Николаевиче Погожеве (псевд. — Евг. Поселянин; 1870–1931), начинающем литераторе и православном публицисте, с которым Леонтьев познакомился в Оптиной Пустыни.

[46] *Александров*. С. 68.

[47] Опубликованные В. Н. Абросимовой письма хранятся в фонде Леонтьева в *РГАЛИ* (Ф. 290. Оп. 1. № 56).

[48] *Александров*. С. 67.

[49] *РГАЛИ*. Ф. 2980. Оп. 1. № 1011. Л. 7.

[50] *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 1141.

щаю Вам то-то и то-то…“ Это то-то значит, что покойный Новосильцев (неизвестный мне лично), придворный чин и сосед Фету по имению, поверг эту книжку мою на благоусмотрение Государя: „чтобы он мог на досуге во время путешествия прочесть ее“.

По правде сказать, хоть мне и понравилась резкая выходка Фета („не для нас дураков“), но писал я и пишу обыкновенно вовсе не мечтая, как он думает, о влиянии на сильных мира сего. Я пишу (как я и не раз Вам, кажется, признавался) чаще всего с какой-нибудь нравственно-практической целью, или даже просто хозяйственной».[51]

Нельзя сказать, что письма Леонтьева к Фету оставались в полной безвестности. Одно из них, от 12 ноября 1890 года, было опубликовано Александровым вскоре после смерти Фета.[52] Возможно, хотя бы часть писем планировалось включить в один из последних томов издаваемого прот. И. Фуделем леонтьевского собрания сочинений, прерванного с началом Первой мировой войны. Большую часть писем скопировал (возможно, для задуманной публикации) С. Н. Дурылин.[53] О. В. Цехновицер процитировал письмо от 14 августа 1889 года.[54] Два письма (от 3 февраля 1888 и 12 ноября 1890) вошли в томик «Избранных писем» Леонтьева, но с неточностями и без сколько-нибудь серьезных комментариев.[55] Содержание остальных писем оставалось неизвестным широкому кругу исследователей.

В настоящей публикации представлены все сохранившиеся письма Леонтьева к Фету. Письма печатаются по подлинникам (*ИРЛИ*. № 20284; письмо от 12 ноября 1890 года: *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 2. № 3. Л. 1–3 об.), с приближением к современной норме правописания, но с сохранением важнейших свойственных текстам Леонтьева орфографических и пунктуационных особенностей.

---

[51] «Брат от брата помогаем…» (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко // Нестор. 2000. № 1. С. 188–189.

[52] Русское обозрение. 1893. Т. 20. № 4. С. 842–844.

[53] *РГАЛИ*. Ф. 2980. Оп. 1. № 1022.

[54] *Цехновицер О.* Литература и мировая война. 1914–1918. М., 1938. С. 25, 138.

[55] *Леонтьев К.* Избранные письма. 1854–1891 / Публ., предисл. и коммент. Д. Соловьева. СПб., 1993. С. 335–341, 514–516.

1

26 ноября 1884 г. Москва

26 ноября 1884. М<осква>.

Так как Председатель[1] заблагорассудил написать об Ювенале[2] в Петербург и так как в новых гранках есть весьма непристойное место (об евнухах),[3] то не посетуйте на меня, Афанасий Афанасьевич, что я эти гранки продержу *до Комитета* (до середы).[4] — Собирался вчера к Вам сам, но *гости* задержали.

Готовый к услугам К. Леонтьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 1.

[1] Речь идет о *Вениамине Яковлевиче Федорове* (1828?—1897) — председателе Московского цензурного комитета с марта 1884 г.

[2] Имеется в виду книга: Д<еция> Юния Ювенала сатиры в переводе и с объяснениями А. Фета. М.: Тип. М. Г. Волчанинова (бывшая М. Н. Лаврова и К°), 1885. 245 с. Интересно, что здесь на обороте титула указана дата цензурного допущения к печати — 9 ноября 1884 г. На деле, как видим, разрешение было получено значительно позже. Не случайно в предисловии к книге Фет упомянул о «цензурных волнах».

[3] В результате цензорского вмешательства Леонтьева из сатиры VI (известная сатира на женщин, составившая вторую книгу сатир Ювенала) были исключены стихи 370–373 (заменены на отточия). См.: Там же. С. 102. Весь же фрагмент о евнухах составляют стихи 366–378.

[4] Следующее заседание Московского цензурного комитета состоялось 28 ноября 1884 г. См.: *ЦИАМ.* Ф. 31. Оп. 3. № 2175. Л. 184–186 об.

2

5 декабря 1884 г. Москва

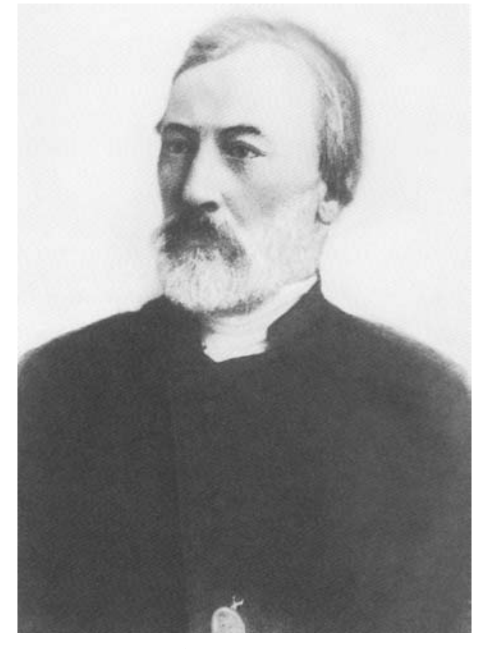
Ваша брошюра, Афан<асий> Аф<анасьевич>, *о землевладении*[1] досталась по очереди цензору *Назаревскому* (Владимиру Владимир<овичу>;[2] — *Садовая*; ок<оло> *Каретного* ряда; д. *Армянского*). — Будет готова *через два дни*; просит за нею на дом прислать. — *Вставку*[а] вашу я ему передал.

5 дек<абря> 1884. М<осква>.

Душ<евно> пред<анный> К. Леонтьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 2.

[а] Вставку — *подчеркнуто два раза.*



К. Н. Леонтьев
Фотография. 1880-гг.

[1] Очевидно, имеется в виду анонимно изданная брошюра Фета «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1884). Впрочем, «анонимность» здесь лишь частичная: «Деревенский житель» — хорошо известный псевдоним Фета-публициста. Сообщено Н. П. Генераловой.

[2] *Назаревский Владимир Владимирович* (1851–1919) — сотрудник «Московских ведомостей», цензор (1881–1895), впоследствии председатель Московского цензурного комитета.

3

25 февраля 1885 г. Москва

25 февр<аля> 1885. М<осква>.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич; будьте так добры, напишите мне просто *на этой бумажке* верный адрес *Федора Евг<ениевича> Корша*;[1] мне очень нужно по одному делу; — Эберман[2] у него был, но из этого свидания ничего не вышло; — думаю сам съездить. —

Александрову передал Ваше желание видеть его у себя; — но у него еще болит нога; как начнет ходить, так я его привезу.[3]

Ваш К. Леонтьев.

На конверте: На *Плющихе*; собственный дом.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 3.

[1] *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915) — филолог, переводчик, публицист, профессор античной словесности Московского университета.

[2] *Эберман Владимир Михайлович* (1845–?) — корректор, литератор. Леонтьев писал о нем Т. И. Филиппову 3 июня 1885 г.: «Есть в Москве некто Эберман, как водится, „образованный пролетарий“ *очень хорошего* направления, умный, не лишенный даже и литературных способностей, обремененный женой с 3-мя детьми и постоянно бьющийся в безвыходной нужде» (*РГАЛИ.* Ф. 2980. Оп. 1. № 1023. Л. 104). Отец его был английским подданным, а сам Эберман перешел в персидское; он служил корректором в типографии М. Н. Лаврова, но при смене владельца типографии был уволен. Помогали ему Вл. С. Соловьев и Леонтьев. Последний использовал его как ходатая по делам — «агента по типографиям, редакциям и т. п. „интеллигентным“ трущобам» (Там же) и платил ему 10% от своих гонораров. Впоследствии с помощью Филиппова Эберман был устроен на службу в Московскую контрольную палату. О каком деле, в котором Леонтьеву мог быть полезен в то время Ф. Е. Корш, идет речь, установить не удалось.

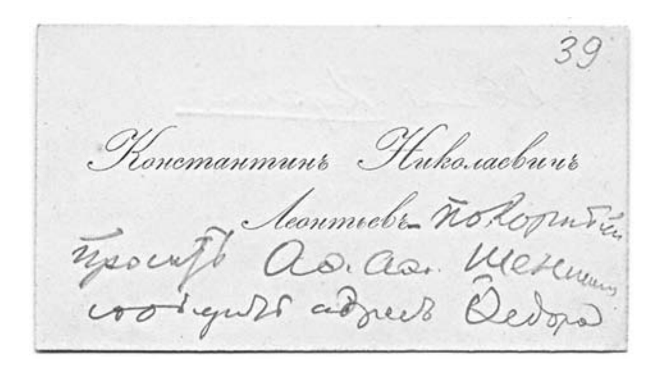
[3] А. А. Александров (см. о нем во вступит. статье) повредил ногу в декабре 1884 г., когда отправился во время каникул к родным.

4

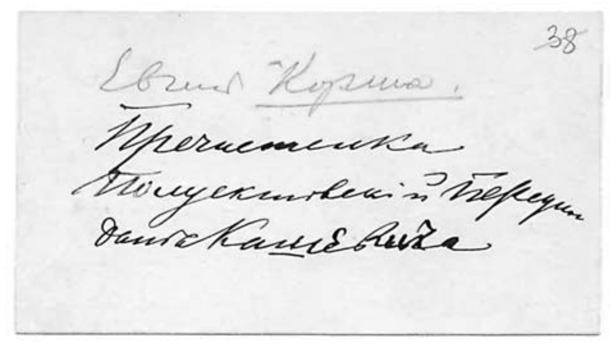
25 февраля 1885 г. Москва

Константин Николаевич Леонтьев покорнейше просит Аф<анасия> Аф<анасьевича> Шеншина сообщить адрес Федора Евгеньев<ича> *Корша*.

На конверте: Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.


39

Константинъ Николаевичъ
Леонтьевъ покорнѣйше
проситъ Аѳ. Аѳ. Шеншина
сообщить адресъ Ѳедора


38

Евген. Корша.
Пречистенка
Полуектовскiй переул.
домъ Кашевича

Визитная карточка К. Н. Леонтьева с письмом
к Фету от 25 февраля 1885 г.

На обороте — ответ Фета

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 39. Записка на визитной карточке с надписью: «Константин Николаевич Леонтьев». На обороте — рукой Фета адрес Ф. Е. Корша: «Пречистенка. Полуектовский переулок, дом Кашевича».

Датируется по связи с письмом 3.

5

4 февраля 1886 г. Москва

1886, 4 февраля. М<осква>.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, я вовсе уже не так виноват и не так невежлив, как может казаться с первого раза. — Письмо Ваше с прекрасным акростихом[1] я получил во время первого приступа ли-

хорадки и не мог тотчас благодарить Вас и выразить как следует *то, что* я живо чувствовал. — Вечером у меня собрались гости, и при них я лежал в жару; — потом бессонница до 4-х часов утра; потом *весь* понедельник я пролежал с головной болью; потом — *прошлую ночь я вовсе опять всю не спал* и пролежал в темноте от 11-ти часов до 7 утра. — Только теперь опомнился. — Меня поэтому — нельзя судить как других. — Страдания моего «лютаго телесе» — слишком уж «многочастны и многообразны!».[2]

В акростихе вы удивительно сумели поставить себя на точку зрения *моих* отношений к Александрову. — А приписки вашей об арабском жеребце и об кляче не понял! — Не знаю к чему даже это отнести.

М<арье> Петр<овне> мое глубокое почтение.

Остаюсь преданный вам

К. Леонтьев.

На конверте: Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 5–5 об.

[1] Речь идет об акростихе А. А. Александрову, написанном Фетом по просьбе Леонтьева:

Ах если б мог в такие лета,
Любимец сердца моего,
Единым звуком я поэта
Коснуться слуха твоего.
Сказал бы я: оставь сомненье,
Алкай незримое познать,
Небесной влаге вдохновенья
Дай волю сердце оживлять,
Расти в душе живую розу.
Отвергни пошлые грехи,
В делах житейских помни прозу,
У сердца сохраняй стихи.

См.: *Акростих*. С. 18–19.

[2] Ср.: Евр. 1: 1.

6

3 февраля 1888 г. Оптина Пустынь

3 февраля 88. *Оптина Пустынь.*

А что Вы скажете о моей проницательности, Афанасий Афанасьевич, — если я Вам побожусь, что, прочитавши в «Моск<овских> ведом<остях>» заметку *Сельского жителя*,[1] — сейчас же сказал себе: «*Это Фет*! Во-первых — эти нападки на *историческое* во имя *немедленной* практической пользы;[2] — а во-вторых — этот пример *собаки*, которая *счесть* трех бекасов не умеет, хотя по-своему и умна.[3] — Это фетовский genre[а] сравнения...».

Подумал и угадал. — Горжусь и хвастаюсь; — но вместе с тем жалею, что вы своим этим уподоблением ставите меня (вообразите!) в неловкое положение… Я хотел было возражать (при случае) этому «Сельскому жителю»; а теперь, благодаря этому смелому и остроумному вашему примеру — боюсь быть противу Вас *невежливым*. — Я было хотел — похваливши предварительно автора за его остроумие — возразить, что есть разные «кабинетные» измышления. — Есть, напр<имер>, — такие глубокие и светлые, что рано или поздно им придется перейти в сознательную, рациональную *практику*.[б] — Думаю, впрочем, что и ваша милая и умная собачка отчасти права, что эмпирически хватает только тех бекасов, которых видит или чует обонянием: — но прав и охотник, который *смотрел выше* и рационально *считал* бекасов.

Кабинетные измышления бывают, я думаю, — двух родов: — одни имеют непосредственную практическую *частную* цель; другие — нечто общее и отдаленное, которое, однако, находит себе приложение и в частностях.

Я согласен, что в *первом* случае — кабинетное хуже простого эмпирического. — Но во 2-м — едва ли… Такова, напр<имер>, моя *гипотеза* о[в] разрушительном *смешении* и об слишком *ускоренном движении* жизни, *собственности* и т. д.[4] — *Динамика* социальная чересчур в наше время взяла верх над социальной *статикой*. — *Собственность*, напр<имер>, надо *прикрепить* законом с *двух* концов — со стороны самой *крупной* и со стороны самой *мелкой*.[5] — Со стороны дворянства и

[а] жанр (*франц.*).

[б] *Далее зачеркнуто*: Напр<имер>

[в] *Было*: об

со стороны крестьянства; со стороны привилегиров<анного> земле*владения*[г] и со стороны снова подчиненного земле*делия*.[д] — И то и другое будет отпором *подвижному капитализму*, одинаково враждебному и дворянству, и рабочим.

Секите, наказывайте, управляйте даже и жестоко (если это необходимо для государства и *если теперь справитесь*); — но *исторической* этой *общины*, напр<имер>, не трогайте; — избавьте нас от западной слишком *простой* и подвижной и вследствие этого неизбежно революционной *антитезы* — вольного *неприкрепленного* капитала (хотя бы и недвижимого, но вполне свободно отчуждаемого) и вольного же *батрачества*.

Я бы, исходя из моей *гипотезы* — о необходимости *сложного* и б<олее> или м<енее> *утвержденного легальными стеснениями расчлененного* общества, — желал бы для России такого рода устройства:

1) *Две скалы: богатое дворянское имение* и с другого конца богатая, сытая, *община неотчуждаемых участков*. — Между этими краеугольными скалами, во многих отношениях[е] *привилегированными*; — дать больше воли и меньше привилегий — собственности купцов и разночинцев (и тех дворян, которых *охранительные*, реакционные реформы застали не *в дворянском положении*, вроде[ж] моего; *столбовой* без земли[6]). — В среде же дворянства, оставшегося *внутри черты новых привилегий*, опять устроить некоторую *тройственность* — меньше отчуждаемости и больше привилегий (земских, судебных, полицейских и т. д.) для *самой крупной* собственности; *гораздо меньше* привилегий и *строжайшая* неотчуждаемость *minim*'ума (напр<имер> 100 десят<ин>). *Больше свободы* и[з] средние преимущества для всех *дворянских* земель, помещающихся между 1000 или 2000 десят<ин> (наприм<ер>) и 100 десятин<ами>. (Я думаю, впрочем, что *минимум* у меня хорош, а максимум *низок*; *не* решаю; — сознаю себя в этой частности вашей некомпетентной *собакой*.)

Живой пример: у меня 300 дес<ятин>; но я всё продаю и продаю; не умею хозяйничать или несчастлив в деле;[и] — остается 100 дес<ятин> — хочу еще 50 продать; — местное дворянство всем сословием выручает

[г] *Подчеркнуто два раза.*

[д] *Подчеркнуто два раза.*

[е] *Далее зачеркнуто*: даже

[ж] *Далее зачеркнуто*: как

[з] *Вписано над зачеркнутым*: для

[и] *Далее зачеркнуто*: что делать

меня еще раз, за мои другие, личные, достоинства. — Но всё не впрок. — Я подаю *прошение* (кому бы то ни было, не знаю); хлопочу, отказываюсь от некоторых *прав* (как отказывается от них чиновник, выходящий в отставку). — Извольте. — Только теперь ваше политическое[к] положение иное; — вы не средний дворянин-землевладелец; — а средний купец или разночинец. — *Социальное* положение Ваше *при Вас*; граф Шувалов, князь Оболенский (богатый) будут очень глупы (по *другим* соображениям), если они не будут вас по-прежнему прекрасно принимать; вы можете понравиться и их дочерям и жениться на них; но *пока* ваше *земско-политическое* положение будет = *вольным*, *но не*привилегированным[л] людям *средней разночинной полосы*.

Внутри крестьянской общины — опять не нужно равенства; — здесь — *некоторое кулачество* должно быть не только терпимо, но и покровительствуемо; богат и *легально-честен* (а *до души* тут не доходить) — имей больше *признанной* власти в общине; — совсем разорился, выходи, но участок *обязана* купить та же община или *припустить* другого на место. — И тут — *ценз*. — Это будет похоже с хозяйствен<ной> стороны на монастыри, *ни равенства*, ни *свободы*; — а монастыри хозяйничают хорошо.[7]

Куда деться этим *вольным изгоям*? — Можно тут *широко* и *умно* воспользоваться *принципом* свободы. — Пусть нанимается по *своей охоте в долгосрочную,* контрактную *кабалу к дворянам*. — Формы и срок этой новой (либеральной) кабалы *установить*. — К *разночинцам в кабалу нельзя*, к ним можно идти лишь по краткосрочным договорам.

Тогда — вы увидите, какой будет *выгодный* и *для дворян*, и для[м] *беднейших крестьян* — антагонизм между общинами и дворянским землевладением. — Будут ласкать и переманивать[н] рабочих друг у друга. — А чтобы они не зазнались, то и общины и дворяне будут иметь право их так или иначе *карать*.

Итак — *три тройственности*: А.) дворянство (до 100 десят<ин>); *община*; вольные *разночинцы*.

В.) *Внутри* дворянской черты: неотчужд<аемые> 2000, средние, *более вольные неотчужд<аемые>* 100 дес<ятин>.

С.) *Внутри* общины: *большие* привилегиров<анные> мужики, средние, — *изгои-батраки*.

[к] *Вписано над зачеркнутым*: пол<итическое> / социальное

[л] не — *подчеркнуто два раза*.

[м] *Далее зачеркнуто*: изгоев

[н] *Было*: Будут переманивать и ласкать

(Соловьеву это должно нравиться).[8]

Наконец — пожалуй: — очень богатая, очень большая община или, вернее, *ее представитель* должен равняться *среднему дворянину*; — но *не более*.

Дворянам из *своего сословия земель* не *продавать* вообще. — За все эти стеснения, наивысшие политические права; — но с правом как допущения достойных лиц в свое сословие, так и изгнания недостойных.

Боковым линиям царской крови дозволить браки с дворянами. — Это одно и в глазах народа *разом* опять возвысит дворянство.

Я убежден, что я в этой грубой, но ясной схеме, второпях изложенной, сказал много «физиологических», так сказать, истин, которые обдумать не мешало бы и *почтенным эмпирикам* хозяйства и земских дел.

Все моральное, «душевное» — я нарочно оставил тут в стороне; — оно именно подразумевается, ибо только *страхом* и только *экономикой* жить долго люди не могут. — Но это принадлежит к другой области: к религии, педагогике, семейным влияниям, к литературе, наконец…

Вообще надо, чтобы и с этой стороны *русская* земля (о других я знать не хочу) поменьше бы *вращалась* около своей оси и побольше бы стояла на *трех китах*.

Я не хочу быть настолько *компетентнее собаки*, насколько охотник компетентнее ее, — я довольствуюсь ролью *ястреба*, который даже и глупее собаки во многом, но любит *парить*, хотя случается нередко ему по нужде и *на земле* поклевать.

Подымусь и *вижу всех трех* бекасов, которых чисто кабинетный охотник за кустами не видит, а сеттер счесть не может…

«Таков, Фелица, я развратен»[9] (в моей *гипотетической* самоуверенности!). И вообразите даже — думаю, что если *чего-то подобного* нельзя будет устроить, то и Россия лет через сто, не более — пропала. — Как испанские дворяне, когда уговаривались с своими королями, говорили: «Et si non — *non!*».[o]

Довольно этого неожиданного для меня самого трактата.

В милом и дорогом письме Вашем Вы с удовольствием вспоминаете мое соседство[10] и мои беседы (я так понял это; ибо это гораздо выгоднее для моего тщеславия, чем память об аккуратном цензоре). — Вот я и побеседовал очень длинно.

Присылка Ваших новых «Вечерних огней»[11] — была для меня в высшей степени приятным сюрпризом. — Я и не знал об этом *новом*

---

[o] «А нет — *так нет*!» (*исп.*).

издании; — но мне попалось крупное объявление об *«Энеиде» и Шопенгауере*,[12] и я, каюсь, согрешил, — подумал — вот — Аф<анасий> Аф<анасьеви>ч, как только я уехал,[13] так он и знать меня не хочет, книг своих не шлет; а мне *Шопенгауер* («*Воля* и *представ<ление>*») страсть как нужны *по-русски*.[14] И от «Энеиды» жду много удовольствия. — Я и Александро<ву> писал, чтоб он Вам укорил.[15]

Ваши поэтические «Вечерн<ие> огни» напомнили мне другие, тоже вечерние, огни — *огни* в окнах московских, когда я ехал, бывало, с таким удовольствием на *Плющиху*. — (Помню даже, что я не раз, в санях сидя, думал: «Какое скверное имя *Плющиха*; не поэтическое! — Это Аф<анасий> Аф<анасьеви>ч, должно быть, на ней купил дом нарочно, чтобы и этим доказать, до чего он в практической *жизни* боится поэзии»;[п] все сбирался Вам это сказать — да забыл).

Доброту Марьи Петровны и ее милые заботы о моих физических немощах, о «прокормлении» моем в 10 часов — *никогда не забуду*! Дай Бог ей за это всего хорошего!

Мне здесь живется *очень хорошо*. — Слава Богу. Вещественная моя жизнь понравилась бы Вам, я думаю; — особая усадьба, сад, вид хороший, большой, теплый дом, немного фантастический внутри. — Лошадь своя, корова и т. д. … *Пишу* (в «Гражданине»;[16] не *удостоили ли* взглянуть?); — езжу по воздуху мало; но езжу. — Следовало бы по совести сказать: и *молюсь*, и с *духовником*[17] утешаюсь; — но ведь вы из тех людей, которые *умом* допускают и это, но *сердцем* сами не *испытывают* ничего подобного; и потому об этом с вами распространяться не следует. — Прибавлю, впрочем, *без лести*; я тем более ценю вашу благородную в этом вопросе деликатность; вы никогда *не оскорбляете* того, что для другого святыня.[18] — Это не то что Лев Ник<олаевич> Толстой. — Он, говорят, дошел даже до того, что накидывается в глаза на образованных людей, когда они дерзают «подымать Иверскую»[19] и т. п.

Хороша «любовь» — отымать у людей глубокое утешение. — Пусть это *иллюзия* наша; но она нам дорога и никому не мешает. — Из-за чего же он бьется? — Не ожидал от его *ума* (в *сердце* его я, грешный, не очень верю[20]). — Это[р] *в наше время* уж и *старо* донельзя, и глупо; а уж что оно с людьми нетвердыми и молодыми — *подло* — так это и говорить нечего. — Сунулся бы со мной потолковать об этом![21] — не ожидал от него такого свинства…

[п] *Далее зачеркнуто*: но

[р] *Далее зачеркнуто*: про

Ну, прощайте; крепко жму Вам руку и даже, если позволите, обнимаю Вас. — М<арье> Петр<овне> еще раз привет сердечный. — Не забывайте

К. Леонтьев<а>.

По ошибке остался листик.

Утешьте Александрова, ободрите его. — Его Ф. Н. Берг[c] огорчил не только отказом поместить его стихи, но и тем еще, что написал ему — «что *не верит, чтоб Фет и Леонтьев* нашли у него талант».[22]

Как же *не видать* этого, положим, еще не зрелого и не определившегося, но все-таки несомненного дара.

На конверте: *В Москву.* — На *Плющихе*; — *собственный* дом.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 8–13.

Впервые опубликовано: *Леонтьев К.* Избранные письма. 1854–1891 / Публ., предисловие и коммент. Д. Соловьева. СПб., 1993. С. 335–341; то же: К. Леонтьев — наш современник / Публ. Д. В. Соловьева. СПб., 1993. С. 246–250.

[1] Речь идет о статье «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений», подписанной псевдонимом «Деревенский житель» (*МВед*. 1888. 14 января. № 14. С. 3–4). Установлено С. В. Добряковым. См.: *Добряков С. В.* Незамеченный спор (К. Леонтьев и А. Фет: к истории взаимоотношений) // *Фетовские чтения (XVII)*. С. 239–240.

[2] Ср.: «…мы мало придаем значения исторической преемственности в делах практических, а потому нисколько бы не удивились, если бы законодательство одарило какие-либо лица или корпорации даже совершенно неисторическими благами. Вопрос не в том, историчен или нет известный дар, а в том, представляет ли он действительное благо или нет» (*Деревенский житель* <*Фет А. А.*>. По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений. С. 3).

[3] Ср. в статье Фета: «Если собака, чутьем разыскавшая выводок тетеревов и видевшая, как три из них в разных местах упали после выстрела, найдя и принеся двух, никогда не сочтет, что недостает третьего; если попугай, самым отчетливым образом выкрикивающий „прогресс", никогда не добьется до внутреннего смысла своих речей, то несправедливо считать их душевнобольными. К ним только обращаются требования, превышающие их нормальные силы» (Там же).

[c] *Далее зачеркнуто*: очень

[4] Гипотеза, изложенная в статьях «Византизм и славянство», «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни».

[5] Идея, неоднократно высказанная Леонтьевым в его публицистических статьях.

[6] В 1881 г. Леонтьев вынужден был продать свое заложенное имение соседу-крестьянину, при этом долги в банк (последствия этого залога) он продолжал выплачивать до конца жизни.

[7] В одной из редакций незавершенной статьи «Культурный идеал и племенная политика» есть сходный фрагмент о том, что нужна «новая, сообразная с требовани<ями> времени организация сословий и общин», предполагающая «деспотизм и неравноправн<ость>»: «Помещичьи земли гибнут; — владение ими *слишком свободно*; — всякий может приобрести их и продавать. — Заговори<ли> *основатель<но>* о *неотчужда<емости>* дворянс<ких> земель. — Крестьянские общины бедствуют; — здесь нет полной свободы *отчуждения*; — но зато слишком много внутреннего равенства; понадобилось усилить дисциплину *извне* и также подумать о меньшей подвижности семейной и общин<ной> жизни. — Монастыри процветают не от *жертв* одних <…> они процветают хозяйстве<нно>, потому, во-1-х, что недвижимость их неотчуждаема; — во-2-х, потому что внутри нет ни свободы, ни равенства (*власть* Игумена; *привилегии* иеромонахов, иеродиакон<ов>, мантийных и т. д.); в-3-х, потому что движущее ими начало не чисто хозяйственное, не рационалистич<еское>, а *супернатуральное*, религиозн<ое>. — Монастыри суть, таким образом, живые образцы *реального* (т. е. возможн<ого>), но не *рационалистичес<кого> социализма*. — Не этот ли эконом<ический> идеал и предчувствовал для России Данилевский…» (*Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 250–251).

[8] Речь идет о Вл. С. Соловьеве, с которым оба корреспондента были в приятельских отношениях.

[9] Цитата из оды Г. Р. Державина «Фелица» (1782).

[10] Леонтьев, действительно, был почти «соседом» Фета. См. во вступит. статье.

[11] Имеется в виду третий выпуск «Вечерних огней». В продажу это издание поступило в январе 1888 г. (см. объявление: *МВед*. 1888. 17 января. № 17. С. 1).

[12] Речь идет о переводе «Энеиды» Вергилия, выполненном совместно с В. С. Соловьевым, и о втором издании книги «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра (первое вышло в ноябре 1880 г., на титульном листе: 1881), вышедших в Москве в конце 1887 г. (на титульных листах — 1888). Перевод «Энеиды» сопровождался введением и примечаниями Д. И. Нагуевского. Объявление, о котором упоминает Леонтьев, см.: *МВед*. 1887. 27 декабря. № 356. С. 1; 30 декабря. № 359. С. 1.

[13] Речь идет о переезде Леонтьева в 1887 г. в Оптину Пустынь.

[14] Леонтьев уже давно был знаком с основным трудом Шопенгауэра. Мог он (с гимназических еще лет) читать и по-немецки, но не так свободно, как по-французски. По этому поводу можно вспомнить письмо к Александрову от 12 мая 1888 г., в котором он просит приобрести труды немецких социологов во французских переводах и поясняет: «*Немецкие* же подлинники *купить надо*, но только в крайности. — Я много трудиться ненавижу; люблю работать, слегка порхая по цветочкам чужого ума; а с немецким языком не распорхаешься; тут поневоле

приходится быть „честным тружеником“, что совсем не в моей легкомысленной натуре и даже отчасти и не в *правилах* моих» (*Александров*. С. 40).

[15] Имеется в виду письмо к Александрову от 15 января 1888 г., в котором говорилось: «Попросите Фета выслать мне (*посылкой* — это дешевле и вернее) „Энеиду“ его и *в особенности Шопенгауера* („Мир как воля и представление“). — Мне это доставит большое удовольствие. — И даже очень нужно. — Пока я был цензором, он все свои переводы мне присылал; а как я подал в отставку, так и перестал. — Это „практичность“, и уж слишком откровенная, чтоб не сказать хуже» (*Александров А*. С. 25). В письме от 28 января Александров обещал в ближайшее воскресенье передать просьбу Фету.

[16] Речь идет о цикле «Записки отшельника», начатом осенью 1887 г. с превращением «Гражданина» в ежедневную газету. В январе и феврале 1888 г. здесь напечатаны статьи «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» и «„Анна Каренина“ и „Война и мир“». На них, по-видимому, и хотел Леонтьев обратить внимание Фета.

[17] Имеется в виду преп. Амвросий Оптинский.

[18] Ср. отзыв о Фете в письме к Александрову от 5 февраля 1888 г.: «…Фет, которого атеизм никогда не жаждет пропаганды» (*Александров*. С. 34).

[19] Одна из главных московских святынь, Иверская икона (точный список с чудотворной иконы, находящейся в Иверском монастыре на Афоне), привезенная 13 октября 1648 г. с Афона, находилась в специально для нее построенной часовне у Воскресенских ворот Кремля. По просьбам верующих каждый день ее возили по домам (заменяя на это время в часовне списком) для служения молебнов. Этот обычай и назывался «поднимать икону». В письме к Фету Леонтьев вспоминает случай, произошедший с Александровым, который в то время был домашним учителем Андрея Львовича Толстого. Об этом эпизоде Леонтьев услышал от своего ученика, публициста И. И. Кристи (но тот не сообщил, что речь идет именно об Александрове). В письме к Александрову от 15 января 1888 г. Леонтьев спрашивал: «Не Вы ли это *поднимали* Иверскую. — Кристи рассказывает, что он (Лев Ник<олаевич>) пришел к Влад<имиру> Серг<еевичу> Соловьеву и с негодованием и изумлением говорил: один студент, кандидат, — подымает Иверскую! — И начал говорить Соловьеву такую старую, детскую речь, что Соловьев хотел было ответить ему: „Да, и я *в 14* лет так думал, как Вы теперь!“. Но — воздержался, чтобы не вышло ссоры. <…> / По-моему, Лев Ник<олаевич> с этой стороны *просто глуп стал*; он вовсе ведь и *не хорошо говорит*. — Такие вещи бывают; — напр<имер> Фридрих II-й не понимал, что в *Гёте* хорошего; Наполеон не верил в возможность *пароходства* и т. д.» (*Александров*. С. 29–30). Александров отвечал 28 января: «„Иверскую подымал“ я, — и я был по этому случаю предметом заочного и личного изумления и негодования Л. Н. Толстого. Я очень был удивлен, что слух об этом дошел даже до Вас, до Вашего „священного уединения“» (*ГЛМ*. Ф. 196. Оп. 1. № 75. Л. 22). В письме от 1 февраля у Леонтьева вырывается гневное восклицание: «…однако — я и не ожидал, что он такой *мерзавец*, что *юношу в глаза* за Иверскую укорял. — Какая преступная скотина, однако! Не ожидал!» (*Александров*. С. 31). В следующем письме (от 5 февраля) Леонтьев призывает своего молодого друга помолиться в Иверской часовне: «…сходите к той самой Иверской, за которую так глупо и так преступно даже (и пожалуй, что *и притворно*) негодует на Вас ваш ге-

ниальный домохозяин. — Не верьте, голубчик, ему, не поддавайтесь. — *Заметьте — это*: у него была всегда страсть *противоречить течению передовой мысли*. — Пока *господствовал* либерализм; он был почти реакционер во многом; теперь — когда все почти лучшие умы обращаются так или иначе к народным, историческим началам — ему не терпится, чтобы нейти <так! — *О. Ф.*> противу этого. — Я сам недавно это стал в нем угадывать. — Пока это не касается *святыни* — оно оригинально и даже полезно. — Но если только *хоть на минуту поверить и подумать*, что *за гробом вечность* — блаженства или вечность муки, то каков же будет суд Божий над людьми, играющими из духа противоречия чужой верой!» (Там же. С. 33–34). Леонтьев быстро отреагировал на эту историю, намекнув на нее в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (*Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 308), а позднее — и в статье «Не кстати и кстати» (Там же. С. 634).

[20] Леонтьев не забывал о случае, когда он и Вл. Соловьев пришли к Толстому просить его участия в благотворительном вечере в помощь В. М. Эберману и Толстой холодно отказался. См., например, в «примечаниях» Леонтьева к статье Розанова «Эстетическое понимание истории» (июнь 1891 г.): «Вы к Льву Толстому *как проповеднику* слишком добры. — Он хуже *преступных* нигилистов. — Те — идут сами на виселицу; — а он — блажит, „катаясь как сыр в масле“. — Удивляюсь — почему его не сошлют в Соловки или еще куда. — Бог с ней, с „искренностью“, которая безжалостно и бесстыдно убивает „святыню“ у слабых! — Он *верит*, правда, слепо в одно: в *важность собственных чувств и стремлений*; — и нагло, меняя их как башмаки беспрестанно, — знать не хочет, каково будет их влияние! У него же самого — *истинной*-то любви к людям и тени нет. — У меня самого и у многих других были с ним сношения по делам самого *неотложного* благотворения, и я, и все другие вынесли из его наглых бесед по этому поводу самые печальные впечатления. — („Человек вторую неделю с семьей *корками* питается“, — говорю я ему. — „Наше назначение не кухмистерское какое-то“, — отвечает он (*при Вл. Соловьеве*); дело шло об *чтении* в пользу этой несчастной семьи. — Он отказался; — а мы с Сол<овьевым> и без него добыли около 200 р. с<еребром>)» (*Розанов В. В.* Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. Т. 13. С. 359; уточнено по автографу: *РГАЛИ*. Ф. 419. Оп. 1. № 517. Л. 27–27 об.). Вечер был устроен зимой 1883/1884 г. у С. П. Хитрово. См. также в письме к Филиппову от 14 марта 1890 г.: «…он сам не делает *ровно никаких дел „любви“*: деньгами никому не помогает, о местах просят — не хлопочет, не рекомендует; жене, как слышно, позволяет тоже быть очень скупой и т. п. Не верен сам проповеди любви…» (*РГАЛИ*. Ф. 2980. Оп. 1. № 1025. Л. 265).

[21] Такая беседа состоялась 28 февраля 1890 г. в Оптиной Пустыни. См. примеч. 10 к письму 11.

[22] Речь идет о несостоявшейся публикации стихов Александрова в «Русском вестнике», редактором которого после смерти М. Н. Каткова в 1887 г. стал Федор Николаевич Берг. 21 ноября 1887 г. Александров писал Леонтьеву: «За напоминание о Берге очень Вам благодарен; попытаюсь как-нибудь написать ему; но боюсь, что по-прежнему не получу ни привета, ни ответа, разве Вы при случае или Фет замолвите за меня словечко» (*ГЛМ*. Ф. 196. Оп. 1. № 75. Л. 17 об.). Более подробен рассказ в письме от 2 января 1888 г. (о нем и вспоминает Леонтьев, обращаясь к Фету): «Как только выберу время, перепишу, согласно Вашему совету, свои сти-

хотворения в особую тетрадь и отправлю к Вам, хотя сильно сомневаюсь, чтобы они могли понравиться Ф. Бергу и встретить с его стороны поддержку. Дело в том, что незадолго до Вашего письма с вышеупомянутым советом я, желая — по крайней мере — получать бесплатно „Русский вестник“, послал Бергу четыре стихотворения, по моему мнению и по отзыву других, из довольно удавшихся. В ответном письме, на которое я приложил почтовую марку, Берг отказывается напечатать мои стихотворения, не находя в них „ничего [особенного] выдающегося“ и утешает тем, что „жизнь и деятельность моя — [вся] впереди“ и что „последующие произведения мои могут оказаться прекрасными“ (так, кажется, он выражался). Дурно ли я выбрал, был ли Берг не в духе, имеет ли предубеждение против начинающих поэтов с неизвестными именами, лишен ли он эстетического вкуса и поэтического чутья (что тоже возможно), или же наконец я вместе с Вами, Фетом, Астафьевым, Кристи и др<угими> заблуждался, поверив, что во мне есть некоторое поэтическое дарование, — решительно не понимаю, но Берг буквально *озадачивает* меня, высказав сомнение даже в том, что такие „лица“, как Вы и Фет, могли хвалить мои стихи. Посоветуйте, как мне поступить и удобно ли будет после этого набиваться Ф. Бергу, хотя „Русский вестник“, в котором я начинал, и дорог мне, и мне было бы жаль с ним разорвать» (Там же. Л. 19 об.).

7

11 июля 1889 г. Оптина Пустынь

11 июля 1889 г. Оптина Пустынь.

Вместо того чтобы начать это письмо благодарностью за *Ваше последнее*,[1] Афанасий Афанасьевич, — я начну его с извинения; … виноват — но не знаю перед кем больше — перед Вами или перед самим собою.

Мое письмо к Вам по случаю юбилея — давным-давно напечатано в «Граждан<ине>»,[2] и №№, назначенные для Вас, все еще лежат у меня и не отосланы к Вам. — Желание сделать *лучше* — испортило все дело. — С самого начала все собирался взять в монастырской лавочке книжку чистую; велеть — наклеить на нее вырезки и в таком более удобном и опрятном виде — послать Вам статью.

Почему же я ОТ МАРТА (horribile dictu![а]) до половины ИЮЛЯ — не исполнил этого[3] — *не понимаю*! — Вообще — я хоть и[б] медлен, но исполнителен. — Можно опоздать; — но это — ни <на> что не похоже! И менее всего на меня; потому что я вообще стараюсь с *этой стороны*

[а] страшно сказать! (*лат.*).

[б] *Далее зачеркнуто*: не

быть как можно менее — «русским».[4] — Не пороки несносные наши я люблю;[в] я желаю *форм* изящных[г] жизни русской и высоких *идей* в основе этих проявлений. — А лень, равнодушие и еще более беспечность нашу — я терпеть не мог и смолоду!

Но — простите — «и на старуху бывает проруха!» Думаю — впрочем, что я себе больше этим повредил, чем Вам; — ибо *мне* очень хочется, — чтобы Вы в печати перечли бы сызнова все эти фантазии мои и сберегли бы книжку на память о человеке, который так *давно* упивался вашими стихами. — Ну — на следующей неделе отправлю непременно и даже с приложением моей фотографии,[5] которая очень удалась и, вероятно, будет последняя; ибо я нахожу преступлением противу «изящного», — когда люди уже дряхлеющие позволяют себе сниматься слишком поздно со всеми гадкими и мелкими морщинками; которые, замечу кстати, почему-то у дворян и высшей «интеллигенции» вообще несравненно противнее, чем у старых крестьян, солдат и простых монахов. — Я видел недавно фотографии *очень старых*: Дарвина и Пирогова… Это отвратительно; особенно — в европейском нынешнем костюме с открытой головой; чисто — орангутанги!

Виноват также и в том, что не послал Вам своевременно — «Национальную политику».[6] — Думал, что Вы ко внешней политике нашей — равнодушны. — Вместе с статьей и портретом пришлю и один *исправленный* экз<емпляр>, ибо там есть 5–6 скверных опечаток.[7]

Разумеется — я очень рад, что Государю поднесли брошюрку.[8] — Но я ею в *отдельности* не совсем доволен: — она только отрицательна. — Вот — если бы удалось осенью издать и продолжение ее (тоже было в «Гражд<анине>») — «*Плоды национальных движений на Правосл<авном> Востоке*»[9] — то дело стало бы еще яснее. — А если бы еще Бог судил бы мне напечатать и практические заключения вроде: «Что же делать? — Как нам быть?»[10] — то я был бы спокойнее.

Однако — сильно сомневаюсь в том, что сделаю все это. — Ваше жестокое сравнение собственной души вашей с «аккуратно выпитым вороной яйцом» как нельзя более подходит и ко мне.

Скучно; — не жить, не *существовать* скучно; — нет, *я чрезвычайно* даже доволен — *личными* обстоятельствами моей старости; — *писать* — становится — скучно для десятка единомышленников и приятелей![11] — Перечтите еще раз *мою I-ю главу — Г-ну Фуделю*[12] — и Вам станет[д] ясно — мое чувство утомления в 58 лет!..

[в] *Далее зачеркнуто*: а

[г] *Вписано над зачеркнутым*: хороших

[д] *Далее зачеркнуто*: всё

Я даже думаю, что *именно* Вы — скорее всякого другого *сердцем* поймете, что я чувствую. — Ну-с, прощайте! Спасибо большое за память, за сочувствие, за искренние похвалы и ободрение. — И Марью Петр<овну> благодарю за память и мысленно целую ее руку, столь гостеприимную в Москве.

Приехал бы я к Вам в деревню, вдруг, и без приглашения; да — право — *сил* нет. — Здоровье вообще-то гораздо лучше московского; — но именно — *сил* — нет. — Едва хожу и ото всего утомляюсь до изнеможения.

Остаюсь всей душой преданный

К. Леонтьев.

P. S. Добрый Александров гостит здесь,[13] и мы нередко поминаем вас добром.

На конверте: *Моск<овско>-Курская жел<езная> дорога*; ст<анция>
Коренная Пустынь.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В собственное имение.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 14–15 об.

[1] Ответ на письмо Фета с отзывом о статье Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции» (см. во вступит. статье).

[2] О напечатанной в «Гражданине» статье Леонтьева «Не кстати и кстати (Письмо А. А. Фету по поводу его юбилея)» см. во вступит. статье. Статья была опубликована в № 80, 81, 83 за 1889 г.

[3] Экземпляры «Гражданина» со своей статьей Леонтьев получил 16 апреля 1889 г. В пасхальной открытке 17 апреля он просил Александрова узнать «*деревенский* адрес» Фета (*Александров*. С. 65). Александров сообщил этот адрес только 2 мая.

[4] Ср. в письме к Т. И. Филиппову от 27 ноября 1887 г.: «Вы <…> все помните. (Не была ли Ваша матушка *немка*? У Вас уж слишком все твердо, ясно и основательно для чистого великоросса. Вы не поверите, до чего мне надоели эти „русские“ характеры — это ужасно!) Россию, я думаю, еще спасает то, что у царской фамилии много немецкой, а в дворянстве татарской крови» (*РГАЛИ*. Ф. 2980. Оп. 1. № 1025. Л. 28).

[5] Подаренная Фету фотография работы В. Ф. Мейсснера с дарственной надписью сохранилась (*РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 2. № 3). 7 июня 1889 г. Леонтьев писал об этом своем портрете К. А. Губастову: «С меня здесь снял один любитель очень

хороший фотографиче<ский> портрет. <…> Это уж *последний* мой портрет. — А то очень старые — *страшны*» (Там же. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 193).

[6] Имеется в виду брошюра «Национальная политика как орудие всемирной революции», вышедшая в феврале 1889 г. (издана на деньги семьи Кристи).

[7] Подобный экземпляр, подаренный кн. Б. П. Туркестанову (будущему митрополиту Трифону), сохранился в собрании редких книг *РГБ*. См.: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 1123.

[8] С брошюрой должен был познакомить императора во время путешествия по шхерам И. П. Новосильцов через греческую королеву Ольгу Константиновну. См. во вступит. статье.

[9] Впервые: Гражданин. 1888. № 306, 311, 315, 327, 331, 334, 338, 342, 349, 353, 354, 363; 1889. № 7, 13, 41, 45. В виде брошюры издано не было.

[10] Леонтьев отклонил первоначальное предложение Кристи издать в одной брошюре обе статьи о национальной политике. В письме к Губастову от 22 декабря 1888 г. он объяснял свое решение так: «…как издавать особо? — Тут все *почти одно отрицание*; а до *положительного* своего я не успел дойти. — Думаю лучше — еще прежде 3-ю <статью> написать „*Чего же нам желать? На что надеяться?*“ Тогда будет понятнее. — Посмотрим» (цит. по: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 1131). Ср. в письме к Филиппову от 10 октября 1888 г.: «…сверх того надо еще написать 6–7 писем заключения: „*как же нам быть и на что нам надеяться?*“» (цит. по: Там же. С. 1158).

[11] Подобными сетованиями наполнены письма Леонтьева этого времени к К. А. Губастову, Т. И. Филиппову, о. И. Фуделю, С. Ф. Шарапову и другим корреспондентам.

[12] В первом «письме» статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции» говорится: «В мои года писать прямо и преднамеренно для печати, какая, скажите, может быть особая охота, если не видеть сильного сочувствия, если *не* ощущать ежедневно своего влияния.

Когда *есть охота*; когда *пишется* — прекрасно. А *не пишется* и даже не думается о том-то и том-то… И это хорошо! Может быть, даже это и лучше.

Не говорите мне о „долге“ или о „пользе“ общей! Для этого опытному человеку нужна та *иллюзия*, которую может дать только большой, невольно возбуждающий нас успех… <…> строгой религиозной *обязанности* писать политические статьи, даже и крайне консервативного духа, не существует… <…> Зачем же мне принуждать себя к писанию? Зачем твердить все то же? <…> если Богу угодно, обойдутся отлично и без нас» (*Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 498–499). Для статьи Леонтьевым избрана форма писем (подзаголовок «Письма О. И. Фудель»). Их адресат — Осип (Иосиф) Иванович Фудель (1864/1865–1918); с 1889 г. — священник в Белостоке. Эпистолярное знакомство с ним завязалось в апреле 1888 г. через еще одного ученика Леонтьева, Н. А. Уманова, который учился с Фуделем на юридическом факультете (в 1888 г. заканчивался их университетский курс). В августе 1888 г. состоялось и личное знакомство, и практически сразу Фудель стал ближайшим из младших друзей Леонтьева, его духовным наследником, а впоследствии — издателем его собрания сочинений.

[13] Александров приехал в Оптину пустынь с женой в июне 1889 г. и гостил там до 10-х чисел августа.

8

14 августа 1889 г. Оптина Пустынь

14 августа 89. Опт<ина> П<устынь>.

Дорогой и многоуважаемый Афан<асий> Афанасьев<ич>!.. Боже мой! Сколько времени (с мая!) я собирался Вам послать в дар и на память книжечку с наклейками из моей юбилейной статьи «*Не кстати и кстати*» — и едва собрался теперь! — Вместе с нею посылаю: 1) *Портрет мой*, довольно, кажется — удачный[1] и 2) *Акростих Александрова*, составленный по моей просьбе к такому же моему портрету, подаренному одной весьма красивой и доброй молодой здешней даме княгине Вяземской.[2] — Не знаю, понравится ли он Вам, судия строгий, но праведный? — Мне *очень* нравится.

Другой экземпляр такой же книжки «Кстати и некстати» — посылаю Вам вот с какой целью и даже *замыслом*. — Вы, если не ошибаюсь, состоите в переписке с Велик<им> Княз<ем> Констант<ином> Константиновичем.[3] — Не можете ли Вы *от себя*[а] повергнуть этот другой экз<емпляр> на его высочайшее благоусмотрение?

Замысел у меня вот какой. — Велик<ий> Кн<язь> К<онстантин> К<онстантинови>ч, слышно, Государю близок; Государь,[б] судя по Вашему письму, — теперь, должно быть, только что прочел мою «Национальную политику».[4] — Кто знает? «Попытка не пытка». Покажет и эту книжку К<онстантин> К<онстантинови>ч Государю. — Государь сам, видимо, расположен ко всему незападному и к самым лучшим сторонам славянофильства…

Кто знает?.. Когда какое-либо дело или какой-либо вкус назрели в душе могущественного человека — достаточно и еще одного легкого толчка для осуществления замысла или для воплощения вкусов в жизнь. — Не выйдет — ничего; нет еще ни для кого — большой потери; — выйдет — будем вместе праздновать победу — уже *не-отраженной*, а *реально-житейской* эстетики.[5]

Я не раз уже был «непризнанным» пророком; — кто знает! — Таков мой припев.

И еще одна покорнейшая просьба — не будете ли Вы, Афан<асий> Афан<асьеви>ч, так добры сообщить мне *правила* и *сроки* для пред-

---

[а] от себя — *подчеркнуто два раза.*

[б] *Далее начато и зачеркнуто*: каж<ется>

14 Августа; 89. Опт. П. —

Дорогой и многоуважаемый Афан. Афанасьевичъ!
Боже мой! Сколько времени (съ мая!) я собирался Вамъ послать въ даръ (на память) книжечку съ наклейками изъ моей юбилейной статьи „Некстати и кстати" — и едва собрался теперь! — Вмѣстѣ съ нею посылаю: 1) Портретъ мой, довольно, кажется — удачный и 2) Акростихъ Александрова, составленный по моей просьбѣ къ тому-же моему портрету, подаренному одной весьма красивой и доброй молодой (бывшей) Вамъ княжной Вяземской.. Не знаю понравится-ли онъ Вамъ, судія строгій, но праведный? — Мнѣ очень нравится..

Другой экземпляръ такой-же книжки „Кстати и некстати" — посылаю Вамъ вотъ съ какой цѣлью и даже замысломъ. — Вы, если не ошибаюсь, состоите въ перепискѣ съ Велик. Княз. Констант. Константиновичемъ. — Не можете-ли Вы отъ себя повергнуть этотъ другой экз. на его высочайшее благоусмотрѣніе? — Замыселъ у меня вотъ какой. — Велик. Кн. К. Кон.

Письмо К. Н. Леонтьева к Фету от 14 августа 1889 г.
Первая страница

ставления на премию в Академию[в] наук — художествен<ных> произведений. — Вы ведь должны знать, так как получили сами премию за «Оды Горация».[6]

Я хочу представить моего «Одиссея Полихрониадеса».[7] — В конце зимы я посылал его в Константинополь — Михаилу Константиновичу *Ону*,[8] советнику Посольства нашего, давнему другу моему и отличному знатоку восточно-православной жизни; послал с просьбой проверить роман самым строжайшим образом — с этнографической, политической и т. д. точек зрения. — Он кой-что исправил, но ответил мне, чтобы я и с этой стороны был покоен, ибо он в моих греческих повестях находит гораздо меньше ошибок и больше знания[г] местной жизни, чем в большинстве ученых сочинений о Турции и Греции. — Он читал роман и прежде, но «теперь (говорит) — он мне еще больше понравился, и я[д] непременно постараюсь, чтобы он был переведен по-турецки и по-гречески».[9]

Его отзывы очень много значат, ибо он не только сам полувосточный человек (греко-валах обрусевший), но и ценитель тонкий вообще. — И вот я думаю издать «Одиссея» и представить на премию.

При Конст<антине> К<онстантинови>че, вероятно, Академия станет менее немецкой, чем была доселе, по крайней мере по слухам. — А сам я ее духа и членов — не знаю вовсе.

Прошу Вас передать Марье Петровне мое почтение и поклон и в ожидании Вашего ответа остаюсь всем сердцем

преданный Вам К. Леонтьев.

P. S. Книжки мои бедные переплетены здесь скромными монашескими средствами. Красивее — сделать невозможно!

Не взыщите; — «чем богаты, тем и рады».

Княгине Марье Владимировне
Вяземской
(31 июля 89 г.; Оптина Пустынь)

Мой друг, вы молоды, богаты красотою;
А я — старик; мой путь уж недалек. —
Ребенок милый вы, ласкаемый судьбою,
Июньских дней душистый вы цветок…

[в] *Далее зачеркнуто*: Художеств

[г] *Было*: меньше ошибок в знании

[д] *Далее зачеркнуто*: со

Княгинѣ Марьѣ Владиміровнѣ
Вяземской.

(31 Іюля; 89 г., Оптина Пустынь)

М-ой другъ, вы молоды, богаты красотою;
А-я-старикъ; мой путь ужъ недалёкъ.-
Р-ебенокъ милый вы, ласкаемый судьбою,
І-юныхъ дней душистый вы цвѣтокъ...
Я-бѣдный, старый дубъ, надломленный грозою...
В-амъ отъ меня не стыдно взять урокъ!-
Я-знаю жизнь давно; я видѣлъ скоротечность
З-емной красы, кипѣнья юныхъ силъ,..
Е-му я самъ дань сердца заплатилъ!..
М-инуетъ всё, и юность и безпечность,
С-іянье померкнетъ красоты,
К-акъ облетаютъ пышные цвѣты....
А-въ жизни есть одно, что прочно, неизмѣнно...
Я-вамъ скажу его: то вѣры свѣтъ нетлѣнный *).

Анат. Александровъ, по просьбѣ К. Леонтьева и вмѣстѣ съ, по его неспособности къ стихотворству.

*) Она красива и кокетка, но религіозна и очень добра...

Акростих А. А. Александрова «Княгине Марье Владимировне Вяземской»
Рукой К. Н. Леонтьева

Я бедный, старый дуб, надломленный грозою...
Вам от меня не стыдно взять урок! —
Я знаю жизнь давно; я видел скоротечность
Земной красы, кипенья юных сил...
Ему я сам дань сердца заплатил!..
Минует все, и юность и беспечность,
Сияние померкнет красоты,
Как облетают пышные цветы…
А в жизни есть одно, что прочно, неизменно...
Я вам скажу его: *то веры свет нетленной*.*

Анат<олий> Александров, по просьбе К. Леонтьева
и вместо его, по его неспособности к стихотворству.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 17–19.

[1] См. примеч. 5 к письму 7.

[2] Княгиня *Мария Владимировна Вяземская* (урожд. Блохина) — жена Козельского уездного предводителя дворянства кн. А. А. Вяземского. Супруги часто бывали в Оптиной Пустыни, где и познакомились с Леонтьевым. Впервые посвященный ей акростих был опубликован в сборнике «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (СПб., 1911. С. 161–162). В ответном письме Фет, по-видимому, благожелательно отозвался об этом стихотворении. 28 августа 1889 г. Леонтьев переслал это фетовское письмо Александрову: «Я *Фету* с книжками своими <…> послал и ваши стихи Вяземской. — Полагаю, что его суд доставит Вам удовольствие. / Письмо *непременно* возвратите. — Я его письмами очень дорожу» (*Александров*. С. 67).

[3] Фет переписывался с великим князем Константином Константиновичем с 1886 г. См.: *К. Р. Переписка*. С. 239–392.

[4] Брошюра Александру III передана не была, потому что показалась «скучной» королеве Ольге (см.: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 1143), но Леонтьев еще некоторое время пребывал в радужных надеждах и 17 августа сообщал в Вену К. А. Губастову: «Прежде вашего письма я получил от Фета-Шеншина известие, что Государь во время путешествия на „шхеры“ взял по чьей-то рекомендации мою „*Национ<альную> политику*“, чтобы прочесть ее на досуге, со вниманием. Сам Фет от этой брошюры в восторге» (*РГАЛИ*. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 203 об.).

[5] «Эстетика жизни» («та реальная поэзия жизни, та восхитительная действительность, которую стоит выражать хорошими стихами»; *Леонтьев*. Т. 6. Кн. 2. С. 632) противопоставляется у Леонтьева вторичной «эстетике отражений» (иногда

* Она красива и кокетка, но религиозна и очень добра. — *Примеч. К. Н. Леонтьева.*

даже с добавлением: «отражения или кладбища»; Там же. Т. 8. Кн. 1. С. 232). См. об этом: *Бочаров С. Г.* Литературная теория Константина Леонтьева // *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 286–288.

[6] «Оды» Квинта Горация Флакка в переводе Фета были изданы в Петербурге в 1856 г. Пушкинскую премию поэт получил в 1884 г. за вышедший годом ранее полный перевод Горация: *Квинт Гораций Флакк*. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883 (см.: *Фет. ССиП*. Т. 2. С. 551–555). 18 сентября 1888 г. Леонтьев просил Н. Н. Страхова «разъяснить» ему вопрос: «Существует ли какая-нибудь „Пушкинская“ (или все равно другая) *Премия* за *прозаические художественные сочинения*, подобно той, которую присудили прошлого года Фету за его перевод од Горация? — И если существует, то какая и где и какие правила. — Мне Фет говорил, что как будто существует, но советовал для более точных сведений обратиться к Вам. / Если возможно, я бы желал представить к премии или одного „Одиссея Полихрониадеса“ или (смотря по требованиям устава) *все* мои новогреческие повести. Из примера фетовского Горация видно, что не требуется *нового* сочинения?». Страхов отвечал на это 27 сентября: «Премии даются только за стихотворные произведения и лишь за те, которые не старше *трех* лет. Фету дали за „*Вечерние огни*“, а Горация притянули в отчете для балласту, в хорошем смысле этого слова» (см.: *Леонтьев*. Т. 4. С. 966).

[7] Незавершенный роман Леонтьева (см.: *Леонтьев*. Т. 4). 7 июня 1889 г. Леонтьев писал К. А. Губастову о своих намерениях убедить министра народного просвещения И. Д. Делянова способствовать полному изданию романа «в какой-нибудь казенной типографии, если нельзя даром, то с самой долгой рассрочкой». «Да сверх того, — продолжал он, — нельзя ли представить его (т. е. „*Одиссея*“) на Пушкинскую премию в Академию наук, где теперь председательствует В<еликий> К<нязь> Конст<антин> Конст<антинович>, близкий Фету, а Фет со мной в хороших отношениях» (*Леонтьев*. Т. 4. С. 966). Далее в этом же письме: «Страхов говорил мне года 2 тому назад, что и в Акад<емии> наук влияние сильных мира сего — бывает посильнее *правды*. — (Не могу при этом и при многом другом не вспомнить с сожалением и досадой о бреднях Достоевского… „Всеобщая любовь, *гармония*!..“ Не правда ли забавно и грустно!) Тогда, т. е. если дадут премию хоть в 1000 рубл<ей> с<еребром>, можно будет избавиться от более значительной части банковского долга (ни на что другое мне эти деньги и не нужны; ибо пенсии *здесь* вполне достаточно на прожиток) и быть несравненно более свободным чем теперь» (*РГАЛИ*. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 190).

[8] *Ону Михаил Констинтинович* (1835–1901) — дипломат, первый драгоман русского посольства в Константинополе, позднее советник того же посольства, с 1889 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции (см. о нем: *Леонтьев*. Т. 4. С. 1029–1030). С просьбой к нему уточнить некоторые реалии, цитаты, оттенки переводов с турецкого и греческого языков в романе «Одиссей Полихрониадес» Леонтьев обратился еще осенью 1888 г.

[9] Ср.: *Леонтьев*. Т. 4. С. 965 (письмо к М. К. Ону от 26 апреля 1889 г.).

9

1 сентября 1889 г. Оптина Пустынь

1 сентября 1889 г. Опт<ина> П<устынь>.

Многоуважаемый и добрейший
Афанасий Афанасьевич,

Очень рад, что книжки мои и портрет мой понравились и доставили удовольствие и Марье Петровне, и Вам. — Я не только ничего не имею против того, чтобы Новосильцов представил (от себя, конечно) мою книжку о вашем юбилее Государю; — но напротив того, буду ему *чрезвычайно признателен*.

(*) Для меня дело не в *пути*, а в некоторой, непростительной в мои года мечте о *впечатлении* на *того*, от кого *внешние формы быта нашего* зависят уж конечно, *вполне*! Гораздо более, напр<имер>, — чем сама внешняя политика. — Ибо, что же сделаешь, как сохранишь мир, — когда хоть бы Австрия, например, сама как растерявшийся человек рвется — к своей погибели! — А насчет изменения костюма дело очень легко. — *Течение* к этому — несомненно,[a] в обществе есть теперь. — Оно не громко, не сильно; это ничего. — Данилевский прав, говоря, что у нас, в России все делалось так:

Приготовительное движение умов есть; бурной борьбы партий нет; но когда эта приготовительная мысль достаточно назрела (даже *вовсе и не широко* распространившись), правительство берет дело в свои руки и оно идет успешно.[1] — (*После* этого уже расширяясь и углубляясь.) — И правда — так было с христианством; — горсть людей высокопоставленных пожелала креститься, остальным *приказали*; — и они *стали* православными. — Подготовка была чуть видная, последствия — исполинские. — Не то ли и с европейской реформой Петра? Правда — говорят, что были и при Алексее Мих<айловиче> люди высшего круга, которые желали несколько объевропеить Россию; я читал даже, что иные стригли бороды и носили только усы, одевались в польские кунтуши[2] и т. п. Но сильно ли это было? Конечно — очень слабо. — Но правительство при Петре — и этим слабым движением воспользовалось с таким успехом, что и теперь из нас западного человека, кажется, и палками вполне не выбьешь. — *Вполне* и не нужно. — «Faut d'la vertu, pas

---

[a] *Перед этим зачеркнуто*: к

trop n’en faut»[б] — читал я такую французскую песенку когда-то — и перефразирую ее так: «Faut d’l’Europe; pas trop n’en faut!».[в] — И относительно костюма тоже: стоит только Государю через все министерства (кроме военного и морского) объявить всем штатским *служащим*, что отныне[г] им дается право (*только* право, без принуждения) ходить и *на службу*, и вне службы — *по выбору* в европейской или в русской одежде (*даже и рубашку навыпуск*); так, готов пари держать, что $^3/_4$ оденутся по-русски; особенно москвичи и провинциалы. — Для петерб<уржцев>, может быть, — нужнее пример Двора. — Ну а Двор — уж совершенно в руках Государя. — *Мундиры* чиновникам, разумеется, также надо изменить на более русский и более восточный, более *цветной* и красивый, менее *облизанный* стиль (сообразно с окладами и т. п. практическими[д] сторонами жизни). И тут также облегчить расходы тем, что разрешить кому угодно *донашивать прежние мундиры* немецкого (или вернее общеевропейского стиля) — напр<имер>, на *пять* лет. — Тогда остальное все сделается само собою; небогатые чиновники до смерти будут рады, что их избавят от *крахмальных* рубашек и открытых манишек; — русская одежда с рубашкой навыпуск,[е] сшитая хорошо и из порядочной материи — у людей небогатых выходит *несравненно* чище и презентабельнее, чем дешевые пиджаки с *открытыми спереди* и в сущности в *высшей степени неблагопристойными панталонами*. — Эти панталоны с пуговицами на животе — это не что иное, как демократизированное и *опошленное* наследство XVIII века, который славится в истории своим *цинизмом*...[*] Надо только — вдуматься *сызнова* в то, к чему мы все *машинально* привыкли, *и не бояться мыслей* новых и поразительных в самой простоте своей. — *Символ*!

Чиновники, говорю, станут и на службу, и в гости *ходить* «по-русски»; (по-восточному, что ли, вообще); — и многие помещики и разночинцы — последуют с *охотой* их примеру.

Кто франтить не любит или не имеет к тому средств, тот будет одеваться по-русски, скромно, солидно, дешево и будет через это приличнее. — А кто, напротив того, богат или любит щеголять — тому уж, ко-

---

[*] Цинизм XVIII <века> — был хоть барский и красивый; — цинизм современный — хамский и некрасивый. — *Примеч. К. Н. Леонтьева.*

[б] «Без добродетели никак, но не переборщи» (*франц.*; пер. Г. Б. Кремнева).

[в] «Без Европы никак, но не переборщи!» (*франц.*).

[г] *Далее зачеркнуто*: они

[д] *Далее зачеркнуто*: соображениями

[е] *Далее зачеркнуто*: чистая

нечно, будет больше возможности проявить и вкус, и роскошь в одежде *не* западного стиля.

И в России,[ж] и в Турции — я пришел к тому эстетическому, очень важному и <так!> заключению, что *все* возможные, неевропейские одежды — и на богатом и на нищем — *одинаково* лучше и благороднее европейских.

Восточная одежда богатая — конечно — *не то*, что фрак и даже не то, что наш общегенеральский мундир. — А насчет нищих и оборванных людей, то всякий, кто не слеп, понимает, что нищий в турецких шальварах и нищий в лаптях и зипуне производит вовсе не то *ужасное* впечатление, какое производит нищий в сальном и оборванном пиджаке. — Здесь, в Оптиной, я каждый <день> вижу образцы и того и другого рода. — Разница поразительная!

Вот и об «искусстве», о живописи мы тоже печемся, хотим, чтобы живопись процветала; а забываем то, что европейские формы внешнего быта сделали хорошие картины из жизни современного образованного общества — почти *невозможными*![3] Художники при всей необразованности своей инстинктом чувствуют, что недостаточно одной психичности («души») в выражении лиц и в движении вообще;[з] — нужна эта «*душа*», нужна «идея» *и в одежде*. — Недавно я из окна смотрел здесь на крестный ход[4] — и опять то же! Вообразил себе *картину* на полотне, вместо этой живой — и что же? Только служащее духовенство в цветных облачениях; монахов не служащих в широкой драпировке черных ряс, да еще деревенских разноцветных девок — и можно бы было изобразить. — Нескольких дворян и большую часть козельских мещан, — которые тоже шли, необходимо бы было согнать с полотна, чтобы самая превосходная кисть не была бы омерзена пошлой действительностью…

Это все в руках Государя!

Надо покровительствовать прекрасному в искусстве; но еще лучше покровительствовать изящному и красивому в жизни, когда оно — безвредно. — Искусство само уже отзовется на впечатления жизни. — *Жизнь важнее*; — ибо, раз в ней есть поэзия, — *отражения* сами собою рано или поздно появятся.

Правда — против внезапной перемены мод есть одно, по-видимому, как будто и важное[и] соображение — политического рода. — Вот оно: —

[ж] *Далее зачеркнута вставка*: живя

[з] *Было*: что одной психичности («души») в выражении лиц и в движении вообще мало

[и] по-видимому ~ важное *вписано над зачеркнутым*: очень важное

И без того в настоящее время почти вся Европа, за исключением Франции и некоторых мелких государств, против нас. — Такие умные люди, как Бисмарк, — могут, пожалуй, и этим воспользоваться; — могут воскликнуть: «Видите — *что такое Россия*! Она во всем, даже и по внешности — хочет от „цивилизованного“ мира отделиться…». И глупые люди, которых везде довольно, испугаются и забудут историю, по свидетельству которой — *нации*, *сходные по внешнему быту* (да и по внутреннему строю и духу), воевали между собою еще страстнее и чаще, чем с народами культуры *особой и несхожей*.

Заметим кстати и то, что *Россия именно тогда-то* и начала вмешиваться прямее в европейские дела и даже побеждать европейцев и отнимать у них земли — *когда при Петре I-м приняла более европейский вид*?

Высказанное возражение,[к] которое я сам себе сделал, т. е. чтобы не напугать Европу, неважно; — и так и *этак — нам не избежать* войны за Восточный вопрос и за преобладание над славянами…

От великого векового призвания не откажется *такой* Царь, как Александр III. — Царьград *надо*[л] взять и сделать русским наместничеством;[5] — *это неизбежно* даже. — И потому изменением мод прибавить еще две-три капли в чашу всеобщих боевых приготовлений, — до краев уже полную, — не беда! — Пусть пугаются! — *Тем лучше*. — Почуют и *в этом даже* нашу *духовную* силу; нашу *умственную* зрелость и отвагу. — Это их, врагов наших, смутит; — а русских, напротив того, *одушевит донельзя* ко дню[м] грозного расчета!

Славянство, — олицетворяемое Россией и только Россией (ибо все остальные славяне суть — лишь *неизбежное* зло[6]), — на всех путях должно скоро выступить передовой отныне нацией человечества (надолго, века на два по крайней мере). — Близится *новая* эра в истории… А все *новые эры*, вспомните, сопровождались неизменно и *новыми* внешними формами быта.

Это есть великий *признак внутреннего* перелома; неизменный пластический *символ* сердечных идеалов.

Вот — что бы я еще хотел сказать (если бы имел доступ и силу) *Тому* — от *движения души и ума* которого *зависит теперь все наше будущее*!..

Умолкну!.. (*)

[к] *Далее зачеркнуто*: о том

[л] надо — *подчеркнуто два раза*.

[м] *Далее зачеркнуто*: великого и

Отчего бы и Вам, Афанасий Афанасьевич, не прислать мне такой же хороший портрет, какой я Вам послал? — это было бы справедливо и любезно.

Стихотворения Вашего на сватьбу <так!> В<еликого> К<нязя> Павла Александровича[7] *нигде* не видал и не знаю, с какими трудностями вы боролись. — Пришлите мне его пожалоста.

Письмо это, разумеется, можете показать Новосильцову.[8] — А еще лучше, если велите тому, кто пишет так четко письма под вашу диктовку,[9] *снять копию* с *той части* моего письма, которая обозначена *звездочками* (*) — до (*). — И пусть Новосильцов *на всякий случай* эту копию возьмет с собою.

Я бы мог и здесь эту копию снять; но, признаюсь Вам в такого рода мистическом чувстве: — не хочу ничуть *насиловать* обстоятельств. — *Если судьба* — то *Вы дадите* такую копию Новосильцову; *если — судьба* — то и Новосильцов *найдет прекрасный* случай показать и книжку, и этот отрывок, почти *нечаянно* сорвавшийся с моего пера, Государю. — *Если судьба* — то *впечатление* у Государя — *останется*... И т. д.

Что касается до того, что я писал о[н] Вел<иком> Князе Конст<антине> Конст<антиновиче>, то я и не имел в виду, чтобы Вы *просили* его представить книжку Государю. — Я думал, что *само собой* это выйдет так: Вы пошлете ее как нечто, положим, *любопытное* Вел<икому> Князю; — а он (*уж я тоже на судьбу надеялся*) сам вздумает, быть может, — показать Государю. — Зачем — *просить*! И Новосильцова, я думаю, особенно просить не надо. — Если, как Вы говорите, ему мои сочинения нравятся, так он это не для нас с Вами, а *для идеи* сделает. — Довольно ему подать мысль, *совет*…

Ваш К. Леонтьев.

P. S. Марье Петровне 1000 поклонов.

На конверте: *Московско-Курская* жел<езная> дор<ога>.
Станция *Коренная Пустынь*.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 21–26 об.

[н] до того ~ о *вписано над зачеркнутым*: до В<еликого> Князя до

[1] Ср.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. СПб., 1995. С. 159–163 (гл. VIII. Различия в психическом строе).

[2] *Кýнтуш* — польская верхняя мужская одежда со шнурами и откидными рукавами.

[3] Леонтьев здесь солидарен с Н. Я. Данилевским. Ср.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 226–229 (гл. XI. Европейничанье — болезнь русской жизни).

[4] Вероятно, подразумевается крестный ход в праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа).

[5] См. об этом в «Письмах о Восточных делах»: *Леонтьев.* Т. 8. Кн. 1. С. 112–113. Ср. в статье «Кто правее?»: «Окончание *Восточного* вопроса значит: 1) Присоединение Царьграда к России с подходящим округом в Малой Азии и во Фракии» (Там же. Кн. 2. С. 131).

[6] Ср. в «Дополнении к двум статьям о панславизме» (1884): *Леонтьев.* Т. 7. Кн. 1. С. 269. Подробнее см.: *Косик В. И.* Константин Леонтьев: размышление на славянскую тему. М., 1997; *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев: «турецкий игумен» в славянском монастыре // Христианство и русская литература. СПб., 2010. Сб. 6: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. С. 165–196.

[7] Речь идет о стихотворении «На бракосочетание Их Императорских Высочеств В. К. Павла Александровича и В. К. Александры Георгиевны» (*ВО 4.* С. 24–25), датированном «9 мая 1889».

[8] Об И. П. Новосильцове см. во вступит. статье.

[9] Секретарем Фета была Е. В. Федорова.

10

17 ноября 1889 г. Оптина Пустынь

17 ноября 89 г. Опт<ина> Пуст<ынь>.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

От 2-го окт<ября> (дня — которым помечено Ваше последнее письмо из Москвы) до 17 ноября прошло полтора месяца и я (простите!) только теперь собрался благодарить Вас за прекрасную Вашу фотографию и доброе письмо. — Без вины виноват в этой вовсе не свойственной мне невежливости. — В начале октября нашло на меня какое-то беспричинное уныние, от которого я именно потому долго избавиться и не мог, что не было никакой внешней причины; иначе, — вы латинист — лучше меня это знаете: — «Sublata causa — tollitur effectus»[a]

[a] «С устранением причины устраняется следствие» (*лат.*).

(латынь эта, положим — докторская, а не античная, но все-таки справедливая). — А потом — был очень занят новым большим трудом, который начал.[1] — Теперь дал себе роздых и пользуюсь им, чтобы благодарить Вас.[б] Удивляюсь, почему Вы находите, что ваша фотография хуже моей? — Я, напротив того, нахожу, что она лучше и по работе и по сходству.

Марью Петровну всем сердцем благодарю за память и за приглашение не забывать Плющихи, если буду в Москве. — Не знаю… едва ли это сбудется; — я было летом собрался — только в Калугу (10 верст в карете) и то раздумал. — Всякое движение мне становится очень тяжело; а зимой (с октября и до мая) я совсем даже отказался от открытого воздуха. — Мне так легче.

Хотя вам и понравилось то спокойствие, с которым я отнесся и к судьбе моей юбилейной брошюрки, и к судьбе *того отрывка о костюмах*, который *я отделил знаками* в моем к Вам письме; — но спокойствие занимает ведь *середину* (*которую Вы во всем*, не всегда по-моему основательно, *любите*), середину между презрительным равнодушием и пламенным желанием достичь того-то и того-то… И поэтому — относясь спокойно, *но не пренебрежительно* к дальнейшим приключениям как брошюрки, посланной Новосильцову, так и *отрывка*, известного Вам, — осмеливаюсь побеспокоить Вас просьбой известить меня — *по-западному* ли пошло все это дело[в] или *по-русски*… То есть — брошено Новосильцовым на полдороге… или нет. — Это не сам *кафтан*; — тут я русский; это вопрос о том, *прочно ли шьются* — кафтаны ли, фраки ли — все равно. — Когда касается до того, чтобы сделать какое бы то ни было дело *хорошо и аккуратно*, то, в этом я с Вами совершенно согласен, еще и теперь надо учиться в Европе… *Делать* надо вообще *свое*, но *как* — этому еще русским надо учиться…

В заключение прибавлю, что, если Новосильцов и ничего путного не сделал, плакать не буду; — но… *вздохнуть* — все-таки вздохну… и скажу: «Эх-ма!».

Будьте здоровы и не забыва<йте>

искренно уважающего Вас
и предан<ного> К. Леонтьева.

[б] *Далее зачеркнуто*: за

[в] *Было*: *по-западному* ли это все дело

На конверте: *В Москву.* — На *Плющиху*;
в *собственный* дом.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 28–29 об.

[1] Речь идет о большой статье Леонтьева о Толстом «Анализ, стиль и веяние», завершенной в начале 1890 г. и опубликованной в «Русском вестнике» (1890. № 6, 7).

11

12 ноября 1890 г. Оптина Пустынь

12 ноября 1890 г. Опт<ина> П<устынь>.

«Сердце сердцу весть подает», Афанасий Афанасьевич! Я только что собрался Вам послать оттиск моей статьи «Анализ, стиль и веяние»[1] — («Русск<ий> вестн<ик>»), — как получил оба тома Ваших интересных «Воспоминаний». — Спасибо Вам; — я их, конечно, в «Р<усском> в<естнике>» читал;[2] — но прочесть то же самое в отдельной книге почему-то всегда приятнее и полезнее. — Представление о труде в этом виде — яснее, цельнее; «дифференцированнее», если можно так выразиться. — Надо ведь сознаться, что не только газеты, но и журналы суть одно из проявлений того «Вавилонского» *смешения*, к которому, по-видимому, неудержимо стремится соврем<енное> человечество. — Они *смешивают* мысли; путают, затемняют представления.

Свои оттиски я опоздал выслать потому, что заказал одному монаху (переплетчику) сброшюровать их; а другому (краснописцу) исправить (*экземпляров в 18-ти*) опечатки, по одному мною исправленному экземпляру.[3] — Ф. Н. Берг недосмотрел; и корректоры напутали много! — («совершенно» — вместо «современно»; «*новорождённый* глаз» вместо «невооруженный глаз» и т. п.). — Бергу, однако, мысль статьи (противу порчи языка) очень нравится, и он хотел позаботиться об особом издании. — Не знаю, сдержит ли слово.[4] — Русские приятели и единомышленники, — вы знаете, не надежны! Надежные *очень* редки!

Соловьев (Владим<ир>) находит большой моей заслугой то, что — я отвергаю «гомерический» (это его *слово*) характер «Войны и мира».[5] — Но неужели есть и были у нас люди, которые уподобляли «В<ойну> и

м<ир>» Илиаде? — «Шекспир»! — (как воскликнул — Флобер[6]) — я понимаю; — но Гомер — это странно. — Гомер *прежде* всего *наивен*; — а у Толстого — никогда наивности и тени ни в чем не было.

Хотя я Льва Николаевича *за* все *его новейшие проповеди* готов бы был сослать в самое суровое заточение[7] и не полагаю даже, чтобы было грехом желать его смерти для пользы *истинной* религии, — но так как моя статья до этой проповеди мало касается, а трактует о его действительных и незабвенных заслугах, то думаю один экземп<ляр> этих оттисков и ему в Ясную Поляну послать.[8] — «*Автору — мол — „В<ойны> и м<ира>*“, *и т. п. но не автору* „Моей веры“,[9] „Исповеди“ и т. д.». — Тем более, что он у меня Велик<им> постом прошлым был и проспорил очень любезно (и очень беспутно) целых два часа.[10]

С грустью и участием прочел я о том, что Вы, дорогой Аф<анасий> Аф<анасьевич>, жестоко скучаете. — Это было видно и из некоторых прежних ваших писем.

Я *верю* Вам, я *догадываюсь*, что это должно быть иногда ужасно, вспоминаю при этом две-три эпохи из моей прежней жизни, чтобы уяснить себе Ваше состояние; но *личным чувством* понять Вас, к счастию своему, *не могу. — Именно здесь, в Оптиной, именно теперь*, эти последние года — я не знаю что такое *скука*! — Да и вообще — я ее в жизни мало знал; — а когда случалось нечто в этом роде, то помню — это хуже всего на свете! — Послушайте, что я Вам *по секрету* — скажу. — Я помню все ваши беседы хорошо. — Раз — я уходя протянул Вам руку «через порог» — вы *отступили* и меня заставили вернуться, говоря: «без *суеверий* нет человека!».

Вспомните также — что любимый Ваш Шопенгауер верил в *колдовство* как в *особого рода* естественный факт. — Итак, послушайтесь моего *суеверия* и давайте *поколдуем* вместе.

Вставши утром *каждый день* в течение трех, например, месяцев, *креститесь на образ* и приговаривайте мысленно: «*Господи, пошли мне веру в Церковь и в загробную жизнь*».[11] — И больше ничего! — Придет вера; — пройдет старческая скука (или хоть значительно уменьшится).

Я не могу требовать, чтобы Вы сразу стали чувствовать то, *что я чувствую* — когда читаю или слышу: «Верую во Единаго Бога Отца…» «И во Едину Соборную, Апостольскую Церковь»… «Чаю воскресенья мертвых»[12] — И т. д. — Подобной силой *внушения* я не одарен. — Но я прошу Вас допустить сначала, что это *особого рода весьма распространенное* и *мильонам людей* доступное колдовство. — И этого довольно. — В самом решительном согласии на подобный опыт есть уже

некоторый оттенок духовного смирения: «*Кто* знает! *Я* наверное не знаю! *Нечто* мистическое и разумом *моим* я отвергать не могу!» И т. д. …

Астафьев совершенно прав, говоря: «Я *хочу* верить и *буду* верить!».[13] — «Хочу» — и потому *стремлюсь*; стремлюсь и потому готов и *просить Кого-то*! — А этот «Кто-то» сказал: «Просите — и дастся Вам; толцыте и отверзится Вам».[14]

Не доводам моим слабым подчиняйтесь; а верьте моему *личному опыту, точно такому же* ровно 20-ть лет тому назад, на Афоне![15]

Амин. — Помози Вам Господь; а я Вас очень люблю и жалею *так*, как жалеешь того, которого при этом искренно уважаешь!

Уважающий Вас К. Леонтьев.

P. S. — Мне очень было приятно есть ваши «бифштексы», но, зная доброту Марьи Петровны и любезность ее, я убежден, что ей угощать меня было еще приятнее, чем мне есть. — Будучи осенью этой в Москве[16] и не без хлопот, я позволил себе опять есть мясо и по бессилию, и во избежание лишних забот об *особой* пище, которую доставать труднее; — но, возвратившись домой, я опять от него отказался; ибо я уже третий год — *здесь* не ем его, по благословению старца;[17] и нахожу в этом маленьком отречении большую «*суеверную*» — отраду.

Скажите Вл. С. Соловьеву, что его равнодушие ко мне очень меня огорчает.[18] А ведь он меня *очень* любит.

Бог с ним, право! Такой уж у него фанатизм своей проповеди, что все чувства забываются!

Печатается по подлиннику: *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 2. № 3. Л. 1–3 об.

Впервые опубликовано: Русское обозрение. 1893. Т. 20. № 4. С. 842–844.

[1] Оттиски этой статьи Леонтьев разослал многим своим корреспондентам. См.: Письмо К. Н. Леонтьева к архиепископу Виленскому и Литовскому Алексию (Лаврову-Платонову) / Публ. З. И. Ивановой; вступит. ст. и коммент. О. Л. Фетисенко) // *РЛ*. 2002. № 4. С. 157–166.

[2] Речь идет об издании: *Фет А.* Мои воспоминания: В 2 ч. М., 1890. Впервые мемуары были напечатаны в «Русском вестнике».

[3] Подобный оттиск (с исправленными опечатками), подаренный Леонтьевым Д. В. Авсеенко, хранится ныне в Государственном музее Л. Н. Толстого.

[4] Отдельное издание работы, предпринятое Александровым, увидело свет только в 1911 г.

[5] Этот отзыв был высказан Соловьевым при встрече с Леонтьевым в Москве в сентябре 1890 г.

[6] Известный отзыв Г. Флобера о «Войне и мире» в письме к И. С. Тургеневу (1880), сообщенный Тургеневым Толстому.

[7] См. примеч. 10 к наст. письму.

[8] В яснополянской библиотеке эти оттиски не сохранились. Возможно, Леонтьев не исполнил своего намерения.

[9] Речь идет о статье Толстого «В чем моя вера?» (1883–1884), широко распространенной в рукописных и гектографических копиях.

[10] Л. Н. Толстой (Леонтьев познакомился с ним в апреле 1878 г. в Москве; см.: *Леонтьев*. Т. 6. Кн. 2. С. 615) приезжал в Оптину пустынь 27–28 февраля 1890 г. На второй день он сделал ироничную запись в дневнике: «Был у Леонтьева, прекрасно беседовали…» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 51. С. 23; о поездках Толстого в Оптину пустынь см.: Из записок графини Софии Андреевны Толстой под заглавием «Моя жизнь». Четыре посещения гр. Льва Николаевича Толстого монастыря «Оптина Пустынь» // Толстовский ежегодник 1913 года. СПб., 1914). О беседе с Толстым подробно рассказано в письме Леонтьева к Филиппову от 14 марта 1890 г. (*Леонтьев К. Н.* Из эпистолярного наследия: Письмо к Т. И. Филиппову / Публ. и примеч. Г. Б. Кремнева // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 120–127) и в письме к Губастову от 10 декабря 1890 г.: «Был ведь он и у меня прошедшим великим Постом. — Просидел часа два и проспорил; был очень любезен; обнимал; целовал; звал: „голубчик К<онстантин> Н<иколаеви>ч!“. Конечно — говорил и мне все то же <…> я спорил даже только „du bout des lèvres“ (притворно, принужденно — *франц.*). — На что? — Человек доволен своими взглядами; такого, да еще и старого — сразу не собьешь. — Но под конец свидания и беседы я сказал ему: „Жаль, Л<ев> Ник<олаевич>, что у меня нет достаточно гражданского мужества написать в Петерб<ург>, чтобы за вами следили повнимательнее и при первом поводе сослали бы в Тобольск или дальше под строжайший надзор; — сам я прямого влияния не имею; — но у меня есть связи, и мне в Петер<бурге> *верят* сильные мира сего“. — А он в ответ, простирая ко мне руки:

— Голубчик, напишите, сделайте милость… Я давно этого желаю и никак не добьюсь!

Я Филиппову *описал* в точности этот разговор — без особых заключений; но, конечно, если бы знал, *что меня послушают*, — то я и не тайно только, но и всенародно готов это сказать в газетах. — Но думаю, что наше высшее пра<вительст>во, которое, кажется, теперь робостью особой не грешит, *обдуманно* не налагает на него рук: — *Опасаются усилить еще более его вредную популярность*» (*РГАЛИ*. Ф. 290. Оп. 1. № 28. Л. 216 об.–217).

[11] Сходный совет он дал в июне 1891 г. И. Л. Щеглову-Леонтьеву: «Чтобы уверовать — каждый день на ночь просить: „Господи Иисусе Сыне Божий, дай мне веру!“. — И — получишь просимое» (см.: *ИРЛИ*. № 1419_1. Л. 26 об.). О пользе «принудительной» (имеется в виду самопринуждение) молитвы Леонтьев писал в книге «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни» (*Леонтьев*. Т. 6. Кн. 1. С. 278).

[12] 1, 9 и 10 члены Никео-Цареградского Символа веры.

[13] Цитируется высказывание философа, профессора Катковского лицея *Петра Евгеньевича Астафьева* (1846–1893).

[14] Мф. 7: 7.

[15] Леонтьев вспоминает здесь о своем религиозном обращении, пережитом в июле 1871 г., и о последовавшем за ним длительном пребывании на Афоне.

[16] Леонтьев отправился в Москву 16 августа, а вернулся в Оптину 17 сентября 1890 г.

[17] Речь идет о преп. Амвросии Оптинском (1812–1891).

[18] В это время Соловьеву уже была послана первая редакции писем «Кто правее?» (он должен был выступить третейским судьей в полемике Леонтьева с П. Е. Астафьевым по национальному вопросу). Чтение и написание ответа все откладывались Соловьевым, что весьма беспокоило Леонтьева. Переданный через Фета отзыв о его «равнодушии» должен был, по расчету автора письма, побудить Соловьева к каким-либо действиям.

12

23 января 1891 г. Оптина Пустынь

23 января 1891 г. Опт<ина> П<устынь>.

Я очень опоздал поблагодарить Вас, многоуважаемый Аф<анасий> Аф<анасьеви>ч, за присылку последней части Ваших милых и благоухающих «Вечерних огней»;[1] — много в них хорошего, но больше всего меня восхищает Ваше *великолепное à propos*,[а] на стр. 24; № XVI.[2] — Этот «конник» и «витязь» и т. д.[3]

Вот это я люблю — *поэзия правды*.

Опоздал я потому, что почти целый месяц проболел.[4] — Теперь мне лучше и я могу вернуться и к заботам, и к удовольствиям,[б] к которым принадлежат, несомненно, и мои хорошие отношения с Вами. — М<арье> П<етров>не мое искреннее и глубокое почтение.

С Новым годом!..

Ваш К. Леонтьев.

На обороте открытого письма:

В Москву.
На *Плющихе*; в *собственном* доме.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ.* № 20284. Л. 31.

[а] *на случай* (*франц.*).

[б] *Далее зачеркнуто*: из коих

[1] Имеется в виду четвертый выпуск «Вечерних огней» (цензурное разрешение — 31 октября 1890 г.). Судя по указанию на задержку ответа на месяц, Фет послал книгу Леонтьеву как рождественский подарок.

[2] Речь идет о стихотворении «На бракосочетение Их Императорских Высочеств В. К. Павла Александровича и В. К. Александры Георгиевны». См. примеч. 7 к письму 9.

В несохранившемся письме Фет благодарил за этот отклик, а 22 июля 1891 г. еще раз вспомнил о нем: «В свое время я уже писал Вам, до какой степени Вы осчастливили мою лабораторию, указав на удачу самого трудного стихотворения, эпиталамы В<еликому> К<нязю> Павлу Александровичу. Мне приходилось на веку писать и удачные, и неудачные стихотворения; но почему кроме Вас никто прямо пальцем не указал на эпиталаму, которою я внутренно так гордился?» (Philologica. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 297).

[3] Имеются в виду ст. 7–8:

Не ты ли, витязь удалой,
Красавец, царский конник, Павел?

[4] Леонтьев заболел в рождественский сочельник, 24 декабря 1890 г. (см.: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 2. С. 1247).

13

25 апреля 1891 г. Оптина Пустынь

25 апр<еля> 91. Опт<ина> П<устынь>.

Христос Воскресе — Афанасий Афанасьевич! — Благодарю за красное яичко (*Марциала*), которое вчера получил.[1] — Спасибо, что не забываете!!

Тотчас же по получении, — просмотрел первую часть и вижу, что из этого труда действительно много <можно> извлечь наглядного для понимания римской жизни.[2] — Вы с этой стороны Вашими переводами много меня просветили.

Марье Петровне мое глубокое уважение.

Ваш от всей души К. Леонтьев.

На обороте открытого письма:

Моск<овско>-Курская железн<ая> дорога.
Станция — *Коренная Пустынь*.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 32.

[1] Речь идет о книге: *M. V. Martialis* Epigrammata = *М<арка> В<алерия> Марциала* Эпиграммы в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1–2.

[2] Леонтьев откликается на слова из предисловия гр. А. В. Олсуфьева к этой книге: «…он (Марциал. — *О. Ф.*) является <…> замечательно верным бытописателем, без которого многое из римской жизни эпохи кесарей осталось бы для нас, невзирая на Светония и Диона, совершенно непонятным…» (Там же. Ч. 1. С. X).

14

28 июля 1891 г. Оптина Пустынь

28 июля 91. Опт<ина> П<устынь>.

Я очень обрадовался Вашему письму,[1] дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич; рад был, конечно, и ободрительным похвалам Вашим по поводу памятника Каткову[2] (на который, также как и Муравьевский[3] — я при 1-й возможности с радостью что-нибудь пожертвую); но, к искренней досаде моей, не могу на этот раз, говоря *по совести*, отплатить Вам тою же приятною монетою по поводу Вашего нового стихотворения.[4] — Зная, что Вы не боитесь правды (да и[а] создавши так много прекрасного,[б] образцового и бессмертного — не должны ее бояться в отдельных случаях), — я скажу прямо: стихотворение это неудачно и даже *очень нехорошо*!

Я бы на Вашем месте не стал бы его печатать. — Что делать! «Et bonus dormitat Homerus»[в, 5] иногда! (Так ли я написал по латыни?). — Начиная с того, что содержание неудовлетворительно: — напр<имер>, почему *теперь* Королева эллинов несет нам «Христа»?[6] — Россия[г] и без ее помощи давно Христа исповедует. — И еще: почему Вы говорите вначале, что *св. Ольга*[д] «когда-то душу живу за веру грекам отдала»?[7] — Я этого не понимаю. — Раз[е] Вы говорите сочувственно о крещении *православном*, то, чтобы не впасть в противоречие с самим собою, надо держаться понятий православной веры; — отцы же церкви в подобных случаях говорят, что человек приобрел «душу живу» (через крещение); — ибо — безверие или многобожие суть условия *духовной*

[а] *Далее начато и зачеркнуто*: сдел<авши>

[б] *Далее зачеркнуто*: и

[в] «И добрый Гомер дремлет» (*лат.*).

[г] *Перед этим зачеркнуто*: Мы

[д] *Подчеркнуто два раза.*

[е] *Перед этим зачеркнуто*: что

смерти. — С принятием веры от греков — кн<ягиня> Ольга приобрела права на *вечную* и блаженную *жизнь души* своей за гробом; не она *отдала* грекам «душу живу», а греки ей *дали эту самую душу*; — она с верой вместе *взяла ее*, напротив того. — Или, если стараться понять эти первые стихи в каком-нибудь не прямо церковном смысле, а в аллегорическом, — то надо отыскать в истории, в преданиях какие-нибудь такие факты, которые бы доказывали, что Ольга *греческой* вере (или положим — *грекам*, по пиитической свободе) принесла в жертву что-нибудь такое, что зовется «живым» не в церковном смысле; например, русским патриотическим чувством, политическими интересами своей земли, или сердечной страстью какой-нибудь, или своим высоким положением и т. д. Но ведь и этого не было.

Это насчет Ольги «древней»; — а насчет Ольги *современной* тоже следует сделать замечание: *благость* — это хорошо; ибо все говорят, что Ее Величество чрезвычайно привлекательна и добра; — но о *красе* — упоминать в стихах, посвященных 40-летней женщине, — не знаю — удобно ли? — Мужчины иные и в 60 лет бывают *именно красивы*; — но женщины? Величественны; изящны; симпатичны — да; — но *красивы* собственно лицом — после 40 лет едва ли! — Не знаю[ж] — впрочем; чтобы судить об этом, надо самому *видеть*.[8]

Не могу также одобрить и выраженье: «древа жизни *ветья*».[9] — Я не прочь от оригинальных слов, особенно если необходимы для рифмы; — но все-таки скажу, что одно новое слово — нравится, а другое нет. — «Ветье» мне не нравится, — *по инстинкту.*

Не нравится также и последний стих: «Христоносец — Христофор».[10] — Я даже не знаю, кто это — *Христофор*? Но догадываюсь, что это должен быть младший греческий принц;[11] ребенок, о котором я не слыхал и которого имени, кажется, нет и в Календаре Сытина.[12] — Итак, если дело идет об юном эллинском принце — то что-нибудь одно — или надо предположить, что перевод греческого слова «Христоф<ор>» — на русский «Христоносец» — имеет какое-нибудь *особое* значение, вроде значительного влияния этого Христофора *на религию*; или вроде того что он сам какой-нибудь *аскет о Христе*. — Если[з] же он ребенок или отрок,[и] от которого ни того, ни другого ожидать нельзя — то следует это русско-греческое *удвоение* — признать вовсе бесполезным и не изящным!

[ж] *Далее зачеркнуто*: что

[з] *Перед этим зачеркнуто*: А

[и] *Далее зачеркнуто*: к которому

Вот — Вам откровенная, но не *лестная* моя на *этот раз* критика; уж простите! И похвалам моим надо верить; и порицания принимать незлобно. — Да я и убежден, что Вы не только не прогневаетесь на меня за это; а даже хоть немножко да согласитесь, подумавши, со мною. — Кто ж не ошибался?! Вот — хоть бы я, — насчет Германии и Франции. — Я в этом отношении долго находился под влиянием Данилевского, который был убежден, что Восточный вопрос может быть решен в нашу пользу не иначе, как с помощию Германии; а что соглашению или союзу России с Францией, *вопреки здравому смыслу*, всегда препятствовало и будет препятствовать нечто *таинственное*, некий исторический fatum.[13] — И я так верил до *нынешнего* года; и я думал вослед за Данилевским: «Хорошо бы сойтись с Францией и, обещая ей не только возврат Альзаса и Лотарингии, но, пожалуй, и всю Бельгию, себе выговорить *только*[к] право по *собственному усмотрению* распорядиться на Балканском полуострове и в Малой Азии; — да — но уж не *слишком* ли это хорошо? И не слишком ли это уж *просто*? — Так ли идут дела в истории? Не посложнее ли?». И т. п. Еще в 88-м году я печатал в «Гражд<анине>», что мне верится, будто в *последнюю*, решительную минуту Германия вынуждена будет предать Австрию, а Россия — Францию.[14] — После отставки Бисмарка[15] я стал думать иначе и теперь начинаю верить, что мы с Данилевским ошиблись и что в неизбежной войне за последние расчеты века — мы будем заодно с г. Карно[16] и К°. Не особенно это красиво и приятно; — но видно иначе *нельзя*!!.

Видите — всякий может сознать свои ошибки, — и я готов при случае даже и печатно (и охотно!) сознаться в этой ошибке. — Надеюсь, что и при этом сознании — в моих книгах найдется достаточно политической правды и даже прозорливости, чтобы не опасаться слишком за свою *ценность*. — Я думаю, что и Вы в таком же положении; если не в лучшем. — Ибо мое значение все-таки многими до сих пор не признано; — а Ваше значение в истории русской поэзии — раз навсегда незыблемо! И если я ничуть не смущаюсь при мысли о нескольких промахах моих, то может ли один случай самой строгой критики почитателя смутить поэта, который дал миру такие стихотворения — как «*Фантазия*»; «Шепот, робкое дыханье»; — «Растут, растут причудливые тени»;[17] «Оды» Горация; целый ряд превосходных антологических пьес; новую эту эпиталаму Велик<ому> Кн<язю> Павлу и т. д. и т. д. … Конечно — нет! — И я даже так уверен в этом, что хочу[л] позволить себе

[к] *Подчеркнуто два раза.*

[л] *Далее начато и зачеркнуто*: сдел<ать>

некую неслыханную и неприличную дерзость; хочу сказать Вам: «Королеве эллинов писать послания нетрудно; — ее симпатичность, ее благосклонность к Вам, ее сан и изящество ее — самое *имя*[м] это ее — Ольга, напоминающее великое событие древней Руси, — это все — готовый матерьял и благодарные условия; — а Вы вот теперь, чтобы доказать, что не сердитесь на автора книги: „Восток, Россия и Славянство“[18] за его прямоту, напишите-ка *ему — самому* послание *по поводу* этой самой книги — которой дух Вам так нравится — и напечатайте его в „Русск<ом> вест<нике>“ или „Русск<ом> обозр<ении>“.[19] Вот это будет — по-рыцарски, как и следует поэту, дворянину и хорошему царедворцу (камергеру)».[20]

Аминь!

Марье Петровне сердечный привет, глубокое почтение и благодарность за то, что меня грешного помнит.

Ваш К. Леонтьев.

На конверте: *По Московско-Курской* жел<езной> дор<оге>.
Станция — *Коренная Пустынь*.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 33–34 об.

Фрагменты письма впервые опубликованы: *Березкина С. В.* О пятом выпуске «Вечерних огней» Фета // *РЛ*. 2009. № 2. С. 131–133.

[1] Леонтьев отвечает на письмо Фета от 22 июля 1891 г. (Philologica. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 296–297).

[2] Фет откликается на статью Александра Арсеньевича Шевелева (1869–1911) «М. Н. Катков» (*МВед*. 1891. 20 июля. № 198. С. 4), в которой сочувственно цитировалась леонтьевская статья «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» (1880), вошедшая во второй том его сборника «Восток, Россия и славянство»: «Если бы у нас, русских, была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было <бы> сделать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку *на памятник ему, тут же близко от Пушкина на Страстном бульваре*. <…> Пусть это будет крайность, пусть это будет неумеренная вспышка реакционного увлечения. Тем лучше! Тем лучше! Пора учиться, *как делать реакцию…*» (*Леонтьев*. Т. 7. Кн. 2. С. 199).

[3] Имеется в виду «усмиритель Польши», граф *Михаил Николаевич Муравьев-Виленский* (1796–1866), о котором Леонтьев неоднократно (и не без эпатажа) вспо-

[м] *Подчеркнуто два раза.*

минал в своих публицистических статьях. Близкую позицию занимал и Фет (см. стихотворение «<Ф. И. Тютчеву>» («Нетленностью божественной одеты…») и коммент. к нему: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 379, *504*).

[4] Речь идет о стихотворении «Королеве эллинов Ольге Константиновне» (1891). См. об этом подробнее во вступит. статье.

[5] Неточная цитата из «Науки поэзии» Горация (Ars poetica, 359). Должно быть: «…quandoque bonus dormitat Homerus» (иногда и добрый Гомер дремлет).

[6] Имеются в виду строки из присланного Фетом стихотворения: «Несет нам Ольга Королева / Красу и благость и Христа». В последней редакции они стали звучать так: «Несет нам Ольга Королева / Красу и Божью благодать».

[7] Цитируются первые два стиха. Фет после критики Леонтьева заменил их на следующие: «Когда-то Ольга душу живу / У греков в вере обрела», но так объяснял первоначальный вариант в своем ответном письме: «Насчет „душу живу" — вполне согласен, так как мое понимание в смысле всей духовной основы, лежащей в сердечной глубине всякого верующего, какого бы исповедания он ни был, хотя бы даже славянского. Эту „душу живу" Ольга променяла у греков на мистическую „душу живу". Но этот смысл лежит слишком далеко, а потому куплет этот требует радикального изменения в общепонятный» (Philologica. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 298).

[8] Фет отвечал на это: «Королева принадлежит к числу женщин, превосходящих красотою в 40 лет своих красивых дочерей» (Там же. С. 299).

[9] Имеются в виду строки из второй строфы: «Склонилось древа жизни ветье / Неувядающей весной». Собирательное слово «ветье» (имеющееся, как показал Фет в ответном письме, и в словаре Даля) поэт отстоял и в последней редакции сохранил. См.: Там же. С. 298.

[10] Последняя строфа выглядела так: «Полней опять семья родная, / И снова восхищает взор / И Ольга царственно благая / И Христоносец Христофор». Согласившись с критикой Леонтьева, хотя и доказав поэтическую обоснованность первого варианта (см.: Там же. С. 299), Фет исправил строфу так: «Полней семья ее родная / И снова восхищает взор / И Ольга царственно благая, / И вестник счастья Христофор».

[11] *Христофор* (1888–1940) — младший сын короля Георга I и королевы Ольги.

[12] Ежегодное издание, выпускаемое товариществом И. Д. Сытина.

[13] См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 383–384 (гл. XVI. Борьба).

[14] Имеется в виду начало IX «письма» статьи «Национальная политика как орудие всемирной революции»: «Признаюсь, мне почему-то, сам не знаю, все кажется, что *на этот еще раз* войны между Германией и Россией не будет и что сила обстоятельств вынудит их пожертвовать друг другу Австрией и Францией» (*Леонтьев.* Т. 8. Кн. 1. С. 536).

[15] Это событие произошло в начале марта ст. ст. 1890 г. Леонтьев косвенно откликнулся на него в статье «„Московские ведомости" о двоевластии», оставшейся незавершенной. В продолжении цитированного выше фрагмента статьи «Национальная политика…» о Бисмарке, отставки которого в то время еще никто не мог предвидеть, говорилось: «Умри завтра Бисмарк, я бы воскликнул: — „погибла Германия!". Без Бисмарка она не найдет предлежащего ей безвредного пути. Но пока Бисмарк жив, инстинкт его практического призвания, быть может, подучит его не

противиться слишком явно и сильно славянскому племенному движению» (Там же. С. 536–537).

[16] *Мари-Франсуа Сади Карно* (Carnot; 1837–1894) — президент Франции с 1887 г. Ср. резкий отзыв о нем в письме Леонтьева к К. А. Губастову от 1 июля 1888 г.: *РЛ*. 2004. № 1. С. 121. См. также: *Леонтьев*. Т. 8. Кн. 1. С. 531.

[17] Это стихотворение упоминается в незавершенном романе Леонтьева «От осени до осени» (*Леонтьев*. Т. 5. С. 53).

[18] Двухтомное собрание статей Леонтьева, изданное в Москве в 1885–1886 гг.

[19] «Русское обозрение» — журнал, выходивший в Москве в 1890–1898 гг. под редакцией Д. Н. Цертелева; с 1892 г. редактором был А. А. Александров.

[20] Просьба Леонтьева Фетом исполнена не была.

15

7 августа 1891 г. Оптина Пустынь

7 авг<уста> 91. Опт<ина> П<устынь>.

Я предвидел или вернее — предчувствовал, что Вы мою критику примете хорошо, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич![1]

В этом исправленном виде — стихотворение стало несравненно лучше и смысл точнее.

В этом виде — я ничего против него не имею; — хотя до приветствия В<еликому> Кн<язю> Павлу Ал<ександровичу> — ему все-таки (простите!) далеко.

Много распространяться на этот раз не могу, ибо чрезвычайно занят приготовлениями *к переезду на Троицко-Сергиевский Посад на постоянное жительство*.[2]

Все хорошо бы, только одно мне не по сердцу — это то, что Вы «уклоняетесь» *молча* от[a] ответа на мое дерзновенное Вам предложение — попытаться выразить в стихах нечто подобное тому, что Вы не раз выражали мне и на словах и в письмах. — «Щелчок!» За мою отвагу и легкомыслие![3]

Прощайте; до скорого свидания.

Авось Бог приведет в Москве увидаться.

Марье Петр<овне> мое глубокое уважение.

Неизменно уважающий и

любящий Вас

К. Леонтьев.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: моего д<ерзновенного>

На конверте: По *Московско-Курской* жел<езной> дор<оге>.
Станция *Коренная Пустынь*.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20284. Л. 36–36 об.

[1] Леонтьев отвечает на письмо Фета от 2 августа 1891 г. (Philologica. 1996. Vol. 3. № 5/7. С. 298–300).

[2] Письмо написано незадолго до тайного монашеского пострига Леонтьева, состоявшегося 18 августа 1891 г. В Сергиев Посад он переехал 30 августа, по пути туда побывав ненадолго и в Москве. Увидеться с Фетом ему больше не удалось.

[3] См. письмо 14 и примеч. 20 к нему.

ПИСЬМА А. А. ФЕТА к Е. Д. БОТКИНОЙ (ДУНКЕР) (1887–1892)

Публикация Г. Д. Аслановой

Елизавета Дмитриевна Боткина (в перв. бр. Дункер, во втор. — Щукина; 1859–1938) была племянницей жены Фета Марии Петровны, дочерью ее брата Дмитрия Петровича (1829–1889) и Софьи Сергеевны (урожд. Мазуриной; 1840–1889) Боткиных.

В 1860-е годы, в период жизни в Степановке, супруги Феты на зиму приезжали в Москву и часто останавливались в доме Дмитрия Петровича на Покровке. Отношения сложились так, что именно эти родственники стали близкими друзьями Афанасия Афанасьевича и Марии Петровны. А когда поэт приобрел Воробьевку, почти каждое лето сюда приезжала вся семья.

На глазах поэта подрастала, становилась очаровательной девушкой первый ребенок Боткиных — Лиля, как называли в семье Елизавету Дмитриевну. Она получила хорошее домашнее образование. В письме к Д. П. и С. С. Боткиным от 5 апреля 1883 (?) года Фет просит передать «сердечный привет дорогой Елизавете Дмитриевне, единственной из московских девиц знающей про существование Валленштейна».[1] Эти «сердечные» отношения были взаимными. Девушка не только любила поэзию и, конечно же, знала стихи Фета, ее привлекала сама личность незаурядного человека, ей было дорого его внимание. Так, 9 марта 1880 года она пишет Марии Петровне: «Передайте, пожалуйста, Афанасию Афанасьевичу мою большую благодарность за память и его доброе расположение ко мне, которое мне очень дорого».[2]

[1] *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 5. Здесь и далее все даты указываются по старому стилю.
[2] Там же. К. 7. № 57.

Е. Д. Боткина
Портрет работы И. Е. Репина (1882)

В январе 1882 года И. Е. Репин по заказу П. М. Третьякова написал портрет Фета для его галереи (ныне хранится в Третьяковской галерее, Москва). Сразу же по окончании этой работы Репин принялся за портрет Елизаветы Дмитриевны, разумеется, не без содействия поэта. Портрет писался в доме на Покровке, и Фет не пропускал ни одного сеанса, следил за работой художника и даже давал советы. В письме к К. И. Чуковскому Репин рассказывал: «А<фанасий> Аф<анасьевич> садился близко, у меня за плечами и громко-наставительно-авторитетно говорил мне: „Я вам советую — правую руку отвести правее — иначе смотрите: ведь у вас получается ракурс — что вы с ним делать будете?!“».[3] В настоящее время этот портрет находится в Екатеринбургском музее изобразительных искусств.

Безмятежные детство и юность в кругу дорогих и любящих людей не предвещали тяжелых душевных испытаний, которые вскоре пришлось пережить Елизавете Дмитриевне.

[3] Илья Репин — Корней Чуковский: Переписка. 1906–1929 / Вступит. ст. Г. С. Чурак, подготовка текста и публ. Е. Ц. Чуковская, Г. С. Чурак, коммент. Е. Г. Левенфиш, Г. С. Чурак. М., 2006. С. 264.

Граф А. С. Гендриков

В Белгородском уезде Курской губернии (ныне Белгородская область, Шебекинский район), на берегу Северного Донца находилось имение Боткиных Ново-Таволжанка с усадьбой и сахарным заводом. Напротив располагалось имение графа Гендрикова Напрасное и недалеко от него другое имение — Графское.[4] Скорее всего, именно здесь летом 1884 или 1885 года познакомились Елизавета Дмитриевна Боткина и молодой граф, корнет кавалергардского полка Александр Степанович Гендриков (1859–1919). Молодые люди полюбили друг друга. Сестра Марии Петровны Екатерина Петровна Щукина писала ей из Ново-Таволжанки 8 сентября 1885 г.: «Граф торчит у нас по целым дням, право, уж даже скучно становится, что он вечно здесь; хотя бы кончилось это свадьбой. Сидят, гуляют всегда вместе, ну, одним словом, точно жених, а пора бы давно чем-нибудь покончить. Авось мы дождемся этого счастливого дня».[5] Решив жениться на Елизавете Дмитриевне, Гендриков подал прошение о запасе: он приносил в жертву своей любви дальнейшую во-

[4] См.: *Щукин П. И.* Воспоминания. Из истории меценатства России. М., 1997. С. 137.

[5] *РГБ.* Ф. 315. К. 13. № 18. Л. 1 об.–2.

енную карьеру. Его происхождение (основатель династии Гендрик был женат на племяннице Екатерины I, которая даровала ему графский титул и земли в Брянском уезде) и положение, которое занимали Гендриковы в обществе, не допускали брака с девушкой купеческого сословия. Тем не менее помолвка в скором времени состоялась.

Как было принято в то время, накануне помолвки или после нее, в период, остававшийся до свадьбы, родные и знакомые наводили справки о женихе, и, если выяснялись какие-то его порочные наклонности или неблаговидные поступки, помолвка расстраивалась. На просьбу Фета навести справки о Гендрикове И. П. Новосильцов отвечал 23 ноября 1885 года: «Сведения о гр. Гендрикове — сколько мне известно, хорошие, я знаю отца и мать и брата, в полку узнать ничего нельзя — если бы и было что — товарищи не выдадут, — но полагаю, что если бы что было дурное — не стали бы держать — а о нем не слыхать ничего, кроме хорошего, хотя в выражениях „общих“».[6]

В ожидании счастливого события Фет пишет стихотворение:

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос —
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастью не будет конца.

Однако свадьба не состоялась. Некоторое прояснение причин разыгравшейся драмы содержится в письме Фету Дмитрия Петровича Боткина от 25 июня 1886 года: «Наша семейная история легла на мою душу тяжелым, подавляющим бременем, которое поневоле держит меня постоянно в самом скверном расположении духа. Молодой граф еще в декабре подал прошение о запасе, но родители его своими происками сумели сделать то, что его законной просьбе не было дано хода, и тем временем устроили ему командировку в Иркутск. Хотя он уехал в свое

[6] *ИРЛИ*. № 20288$_2$. Л. 93–93 об. Опубликовано с неточностями: Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету. Часть II (1885–1887) / Публ. Е. В. Виноградовой // *Ежегодник РО ПД (2005–2006)*. С. 469.

дальнее путешествие женихом Лили, тем не менее вся эта каверза произвела на нас самое удручающее действие. Теперь, когда рана еще так свежа, мне положительно тяжело и больно бередить ее, но впоследствии расскажу Вам обо всем подробно. Посудите сами, как живется нам невесело, — глядя на бедную Лилю, вконец разбитую своим горем!».[7]

В своем отчаянии Дмитрий Петрович был, возможно, не вполне справедлив, обвиняя во всем родителей жениха. Помолвка не могла состояться без их согласия. А. С. Гендриков подал прошение о запасе, очевидно, также не без их ведома. Кто не дал хода этому документу? Может быть, в дело действительно вмешались родители. Однако, скорее всего, это была воля полкового командования, не захотевшего терять молодого перспективного офицера и в наказание за попытку нарушить сословную традицию направившего его в распоряжение командующего войсками Иркутского округа. При этом Гендриков был произведен в поручики.

За три месяца до письма Дмитрия Петровича, 30 марта 1886 года, уже зная о случившемся, Фет написал стихотворение:

Он ест, — а ты цветешь напрасной красотою,
Во мглу тяжелых туч сокрылася любовь,
И радость над твоей прелестной головою
Роскошною звездой не загорится вновь.

И жертва зависти, и жертва кривотолка,
За прелесть детскую погибнуть ты должна;
Так бьется, крылышки раскинув, перепелка,
Раздавлена ногой жующего вола.

Посвященный в эту тяжелую драму Н. Н. Страхов, прочитав стихотворение, писал Фету 17 апреля: «Я узнал перепелку, раздавленную ногой жующего вола; я видел эту даму и не мог не почувствовать какого-то обворожения».[8]

Несмотря на чуткое внимание и любовь всех окружающих ее, Елизавета Дмитриевна долго не могла справиться со своим горем. 28 июля 1887 года она писала Марии Петровне: «Хотя я, вероятно, и заслужу гнев Афанасия Афанасьевича, скажу Вам про себя, что я особенно кисну и плохо забываю и переживаю тяжелое и гадкое прошлое».[9]

Эта история разбитого счастья двух любящих людей, разлученных чужой волей, получила свое преломление в творчестве поэта последнего периода.

---

[7] *ИРЛИ.* № 20274. Л. 153–153 об.

[8] Цит. по: *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 699.

[9] *РГБ.* Ф. 315. К. 7. № 57.

Е. Д. Боткина

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней, —
Это песня: с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

30 апреля 1889 года Елизавета Дмитриевна в возрасте 29 лет вышла замуж за Константина Густавовича фон Дункера (1859–1900), брата жены Н. С. Третьякова. К. Г. фон Дункер был инженером путей сообщения и одновременно освоил новое инженерное направление, связанное с водопроводными системами. В 1898–1899 учебном году он читал лекции по курсу водостоков в Императорском московском инженерном училище, которые были изданы специальной книгой.[10]

---

[10] См.: *Дункер К. Г.* Лекции по курсу водостоков, читанные в 1898/9 учебном году на III курсе. М., 1899. 344 с. (Имп. Моск. инж. училище В. П. С.).

Занятия и интересы мужа были далеки от того мира, в котором Елизавета Дмитриевна жила все предыдущие годы, — мира искусства и поэзии. Любила ли она Константина Густавовича или послушалась уговоров родителей выйти за него замуж, из ее писем непонятно. В ее письмах к Марии Петровне нет даже намека на супружеское счастье. Возможно, ее душевное состояние было связано с потерей родителей, которая совпала с замужеством: в марте 1889 года умерла Софья Сергеевна, а через месяц после свадьбы скончался Дмитрий Петрович. С этого времени Афанасий Афанасьевич и Мария Петровна стали для нее самыми близкими людьми. И оба старались поддержать ее и помочь в новом периоде жизни.

По-видимому не случайно, в письмах к ней Фет постоянно говорит, как он полюбил Константина Густавовича, который «вошел в его сердце», что ее муж занят настоящим делом. Эти письма интересны тем, что перед нами предстает мало известный Фет, в бытовой обстановке, заботящийся, чтобы ничто не омрачало семейную жизнь дорогого ему человека. Его наставления Елизавете Дмитриевне о том, как нужно воспринимать жизнь, всегда тактичны, хотя и убедительно настойчивы, что, судя по ее письмам, не осталось без результата.

Двадцать шесть дошедших до нас писем Фета (1887–1892) к Елизавете Дмитриевне и сохранившаяся часть переписки ее с Марией Петровной[11] свидетельствуют, что их духовная близость и взаимная привязанность с годами, с тяжелыми потерями и страданиями, стали им еще дороже.

В январе 1888 года Фет подарил Елизавете Дмитриевне третий выпуск «Вечерних огней» с надписью:

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то выказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука, —
Муза раскроет и сердце и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспредельно люблю, —
Муза поведает, что я за муки терплю.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделе *ИРЛИ* (№ 20270) и Отделе рукописей *РГБ* (Ф. 315. К. 3. № 13), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации. Бóльшая часть писем (за исклю-

---

[11] Переписка Е. Д. Дункер и М. П. Шеншиной, а также ответные письма Е. Д. Дункер к Фету ныне хранятся в фонде поэта в *РГБ*.

чением письма от 26 ноября 1887 года) написана под диктовку А. А. Фета рукой его секретаря Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцевой), фрагменты писем, написанные самим Фетом, обозначены в подстрочном примечании. Выражаю глубокую благодарность Ирине Александровне Кузьминой за помощь в подготовке писем к публикации.

1

20 ноября 1887 г. Москва

Москва
Плющиха, соб. дом[а]

Ноября 20, 1887.

Дорогая Елизавета Дмитриевна!

Сижу тщательно разрисованный иодом, против того места, где в правое легкое воткнут кол. Это дреколие лишает меня возможности явиться сегодня к Вам в вашу, столь симпатичную для меня, среду.

Тетя Маша[1] усердно просит передать Вам, что в понедельник будет ждать вас всех, конечно, за исключением Дмитрия Петровича,[2] и помнит, что мамаша кушает постное.[3]

За исключением дам Толстых[4] и Гротов,[5] у нас никого не будет, кроме Соловьева.[б, 6]

Целую Ваши ручки.

Преданный Вам дядя
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 1–1 об.

[1] Речь идет о *Марии Петровне Шеншиной*, урожд. Боткиной (1828–1894), жене поэта.

[2] Очевидно, отец Е. Д. Боткиной — Д. П. Боткин был болен.

[3] Речь идет о приглашении к праздничному обеду по случаю дня рождения Фета (23 ноября ст. ст.).

[4] Кого, кроме *Софьи Андреевны Толстой*, урожд. Берс (1844–1919), жены Л. Н. Толстого, имел в виду Фет, установить не удалось.

[5] *Грот Николай Яковлевич* (1852–1899) — философ и психолог, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества,

[а] *В 1887–1892 гг. Фет практически постоянно пользовался бумагой со штампом, который воспроизводится здесь и далее в левом углу.*

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

Е. Д. Боткина

первый редактор ж. «Вопросы философии и психологии». *Грот Наталья Николаевна*, урожд. Лавровская (1860–1924), жена Н. Я. Грота.

[6] *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) — философ, поэт, публицист, переводчик. Познакомился с Фетом в 1881 г., и до смерти поэта у них сохранились дружеские отношения. Соловьев был поклонником поэзии Фета и помощником в его литературной работе.

2

26 ноября 1887 г. Москва

Москва
Плющиха, соб. дом
№ 481

26 ноября.

Милая, дорогая и блистательная Елисавета Дмитриевна!

Вчера вечером сам попросил, чтобы правое плечо выпачкали иодом; поэтому и думать еще о выездах не дерзаю. Тетя сегодня тоже отличилась бессонницей и заснула в 5 часов утра. Вчера только Анна Ефимов-

Москва
Плющиха сов. домъ
№ 481.

26 Нояб.

Письмо Фета к Е. Д. Боткиной от 26 ноября 1887 г.

на[1] у нас обедала; даже Соловьев[2] не пришел, — догадываюсь, по причине студенческой истории, зная мое воззрение на такие подвиги.[3] Целую Ваши ручки и maman и обнимаю Дмитрия Петровича.[4]

Преданные Вам старцы М. и А. Шеншины.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 3.

Год устанавливается по содержанию письма на основании связи с предыдущим.

[1] Речь идет о *Боткиной Анне Ефимовне*, урожд. Гучковой (1839–между 1910 и 1915) — жене Владимира Петровича Боткина (1837–1869).

[2] См. примеч. 6 к письму 1.

[3] 22 ноября 1887 г. среди студентов Московского университета, недовольных университетскими порядками, вспыхнули волнения, которые из стен аудиторий перекинулись на улицу. 26 ноября в некоторых местах города состоялись многочисленные студенческие сходки. Беспорядки были остановлены с помощью полиции и казаков. Многие студенты были арестованы. Подробнее об этом см.: *Щетинин Б. А*. Первые шаги // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 533–547.

К подобным событиям Фет всегда относился негативно. После студенческих волнений в 1890 г. в Москве и Петербурге он писал 24 марта 1890 г. великому князю Константину Константиновичу: «На днях мне приходилось беседовать с одним почтенным ветераном Московского университета о мерах к прекращению нелепых университетских волнений, при которых мальчики решаются вступать в переговоры с верховной властью. Мой собеседник вполне разделял выраженную мною в „Московских ведомостях“ мысль о том, что доставление прав высшими учебными заведениями отжило уже свой век ввиду бескорыстного стремления избранных к высшему образованию» (*К. Р. Переписка*. С. 329). Речь идет о статье «К вопросу о нашем образовании»: *МВед*. 1890. 28 февраля. № 58. С. 2, за подписью: «А. Фет».

[4] Имеются в виду С. С. и Д. П. Боткины.

3

26 апреля 1890 г. Москва

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

26 апреля 1890.

Дорогие друзья Елизавета Дмитриевна и Константин Густавович,

мы оба с женою не можем отказать себе в удовольствии поздравить вашу парочку с годовщиной свадьбы, которую с своей стороны старались закрутить как можно тверже.[1] Дай Бог, чтобы старания наши на многие

и многие годы увенчались отрадным успехом, сопровождаемым даже вещественными доказательствами супружеского согласия.

Выйдя из Вашего обильного завтрака, мы, благодаря любезности Василия Федоровича,[2] которого я в день приезда письменно благодарил, доехали до Коренной,[3] не выходя из вагона.

Только три дня тому назад Марья Петровна, вследствие ли простуды или жирной молочной пищи, проснулась ночью с сильными и болезненными холерными припадками; но благодаря припаркам и иным домашним средствам, дело обошлось, и нарочный за доктором вернулся без последнего, в котором уже особой нужды не оказалось. В настоящее время Марья Петровна хотя еще и соблюдает диету, но уже хлопочет над устройством флигеля к ожидаемому приезду Полонских.[4]

Принялся я за свою автобиографию с детства,[5] но дело как-то не спорится, а слабость глаз мешает всяким другим работам. Боюсь, не пришлось бы привезти романов милейшей Елизаветы Дмитриевны нечитанными. Я стал совершеннейшая дрянь, а между тем гр. Олсуфьев,[6] кричавший все время: «Куда вы торопитесь?», — свалил всю работу на мои руки.

Если Петя[7] в свою очередь вздумает обрадовать нас своим приездом, то было бы хорошо, если бы он, конечно, на мой счет захватил с собою три бутылки пятирублевого шампанского, которое подают на Маросейке.[8] Это нужно к 22 июля.[a, 9]

От души обнимаю Вас обоих. Искренно преданный

А. Шеншин.

Нарочно снова открыл письмо, чтобы прибавить, что у нас такая телятина и в особенности выкопчена в Курске такая ветчина, какая только может быть у святых людей.

Погода изменилась, и стало холодно.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 5–6 об.

[1] Бракосочетание Е. Д. Боткиной и К. Д. Дункера, на котором присутствовали Фет с женой, состоялось 30 апреля 1889 г. в имении Д. П. Боткина Ново-Таволжанка Курской губернии Белгородского уезда. «В метрических книгах, хранящихся при Покровской церкви слободы Курской губернии Белгородского уезда за 1889 год апреля 30 дня под № 12 записана следующая статья: м<ещанин?> города Москвы инженер Константин Густавович Дункер, православный, первым браком, 30 лет и невеста города Москвы 1-й гильдии купца дочь девица Елисавета Дмитриевна Бот-

[a] *Далее до слов* «А. Шеншин» *включительно рукой А. А. Фета.*

кина, православная, первым браком, 30 лет (На момент венчания Е. Д. Боткиной было 29 лет. Она родилась 21 октября 1859 г. — *Г. А.*).

По женихе поручители: потомственный почетный гражданин Николай Иванович Щукин, врач Петр Иванович Постников; по невесте: свободный художник Николай Ефимов Рачков, белгородский земледелец Александр Иванов Иост» (Свидетельство о браке Е. Д. Боткиной и К. Г. Дункера. Метрическая выпись // *РГАЛИ*. Ф. 54. Оп. 1. Л. 123). По прошествии нескольких дней после свадьбы, 3 мая 1889 г., Фет писал А. В. Олсуфьеву: «Через неделю по приезде нашем в деревню мы поехали на восток от Белгорода к Боткиным на их сахарный завод, где происходило 30-го апреля бракосочетание нашей племянницы с инженером Дункером. Воздерживаюсь от описания торжества, в котором мне пришлось фигурировать сперва как камергеру, вводящему невесту в церковь, а затем и как поэту, произнесшему пару строк с бокалом в руке. На другой день вслед за новобрачными переехали и мы всей семьею в другое имение Боткиных — Тихий Хутор, где нашли не дом, а целый дворец с устройством жизни, доступной только весьма богатым любителям по этой части» (*Письма к Олсуфьеву (51)*. С. 253).

«С бокалом в руке» Фет прочитал стихотворение «На бракосочетание Е. Д. и К. Д. Дункер» (впервые опубликовано в четвертом выпуске «Вечерних огней»).

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговея,
Поэты славили любовь
И пышный факел Гименея.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцвеченный кажет путь
И жениху и новобрачной.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастье молодым
Моя стареющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! и я хвалю любовь
И пышный факел Гименея!

[2] *Карташов Василий Федорович* — директор Управления Московско-Курской железной дороги.

[3] *Коренная Пустынь* — станция железной дороги, названная по монастырю, находящемуся в 3 км. Отсюда, чтобы доехать до располагавшегося в 10 км имения Фета Воробьевки, пересаживались в экипажи.

[4] О приезде Полонских см. письмо 4 и примеч. 7 к нему.

[5] Фет начал писать мемуары «Ранние годы моей жизни». Вышли в Москве в 1893 г. тиражом 600 экз.

[6] *Олсуфьев Алексей Васильевич*, граф (1831–1915) — генерал-лейтенант, с 1892 г. генерал от кавалерии, филолог-дилетант, прекрасно знавший литературу,

историю и культуру Древнего Рима. Фет познакомился с ним в 1886 г. Близкие дружеские отношения связывали их до смерти поэта. Все эти годы Олсуфьев активно помогал Фету в его переводах древнеримских поэтов. Подробнее об этом см. в письмах Фета к Олсуфьеву и во вступит. статье к публ.: *Письма к Олсуфьеву (50–52)*.

[7] *Боткин Петр Дмитриевич* (1865–1931) — брат Е. Д. Дункер.

[8] Фет имеет в виду трапезы в доме Боткиных на Маросейке (ныне Петроверигский пер., д. 4), владельцем которого в это время был Петр Петрович Боткин (1831–1907).

[9] День ангела М. П. Шеншиной.

4

26 мая 1890 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

26 мая 1890.

Милая и дорогая Елизавета Дмитриевна,

с величайшей признательностью ценю Ваш родственный поцелуй, accolade,[a] равно и приветствие милейшего Константина Густавовича, которого воззрения на жизненную стезю вполне разделяю, и твердо уверен, что, протянувши лямку плодотворного труда всю жизнь, он и в старости будет обеими руками хвататься кругом за умственный труд, как бы велико ни было доставленное ему жизнью материальное обеспечение.

Радуюсь, что Гименей своим факелом пробудил и в Вас все таившиеся силы, и я уверен, что, как ни роскошна была Ваша девичья жизнь, Вы ни за что бы не согласились променять на нее настоящую. Мы с тетей только третьего дня на своих лошадях в один день приехали за 100 верст с Воронежского конного завода,[1] где полевым хозяйством я остался недоволен и откуда в нынешнем году «на большой каравай рот не разевай».

12-го мая от Галаховых[2] и со Мценского мирового съезда[3] я собирался доехать до Тулы к Толстым;[4] но по случаю болезни графа, которому теперь лучше, не поехал.[5]

Марья Петровна заново отделала фонтан и очень довольна; но я пробовал сходить под гору и возвращался, умирая от одышки.

---

[a] объятие, поцелуй при встрече (*франц.*).

Вчера привели купленного для меня осла и теперь обучают его. Он меня будет носить на горы, если только я соберусь идти под гору.

Верьте, моя дорогая, что я очень чувствую отсутствие Вашей толковости и вкуса. Нечего и говорить, каким праздником был бы для нас Ваш приезд с мужем в Воробьевку.[6]

По причине детских экзаменов Полонские не явятся (если явятся) раньше первых чисел июня.[б, 7]

Полагаю, что прочитать Вам начатые мною воспоминания с детства не придется раньше октября. Еще раз обнимаю Вас при желании всего обоим лучшего.

Дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 7–8.

[1] В Землянском уезде Воронежской губернии у Фета было имение Грайворонка и конный завод, которые он купил в 1874 г. у брата П. А. Шеншина.

[2] *Галахов Николай Павлович* (1855–1936) — действительный статский советник, вице-губернатор Орла и губернатор Витебска. *Галахова Ольга Васильевна*, урожд. Шеншина (1858–1942) — племянница Фета, владелица родового имения Клейменово.

[3] В 1867 г. Фет был избран (и потом переизбирался) мировым судьей 3-го участка Мценского уезда Орловской губернии. Когда он продал Степановку и переехал в 1877 г. в Воробьевку (Щигровский уезд Курской губернии), его избрали почетным мировым судьей Мценского уезда.

[4] В Тульской губернии находится имение Л. Н. Толстого Ясная Поляна.

[5] 26 мая 1890 г. Мария Петровна сообщала Елизавете Дмитриевне: «Ты, вероятно, слышала, что Лев Ник<олаевич> был очень болен, внутреннее воспаление и разлив желчи. Граф<иня> писала, что он страшно переменился, худой и желтый. Поехал Лев Ник<олаевич> погостить к брату Сер<гею> Ник<олаевичу> с дочерью Машей и там захворал, дали знать гра<фине>, она тотчас туда поехала и нашла его в ужасном положении. Несмотря на все сопротивление выписала доктора, потом перевезла его в Ясную Поляну. Теперь он пьет воды, а потом надо пить кумыс, выписала башкира, чтобы приготовлять кумыс дома» (*РГБ*. Ф. 315. К. 5. № 29).

[6] По всей видимости, Фет здесь откликается на письмо Елизаветы Дмитриевны к Марии Петровне от 23 мая 1890 г., в котором, описывая свою жизнь на даче в подмосковных Мытищах, в плохой усадьбе, она сетовала, что муж много работает и ей совестно оставлять надолго его одного. «Часто вспоминая Вас, — писала Елизавета Дмитриевна, — я с завистью думаю о Вашей жизни в Воробьевке, где так дивно

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

хорошо и куда очень стремлюсь приехать к 22 июля. Если бы явилась какая-либо возможность это исполнить, с радостью приехала бы к Вам на денек или два…» (*РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 58).

[7] *Полонский Яков Петрович* (1819–1898) — поэт, друг Фета со студенческих лет. Его жена (с 1866 г.) — *Жозефина Антоновна*, урожд. Рюльман (1844–1920), скульптор. Дети Полонского: *Александр* (1868–1934) — в это время студент 1-го курса историко-филологического факультета Петербургского университета, *Наталья* (в зам. Елачич; 1870–1929), *Борис* (1875–1923) — весной 1891 г. поступил в 7-й класс Училища правоведения. О намерении выехать в Воробьевку «в начале июня» Полонский сообщал Фету в письме от 12 мая, выражая опасения за результаты экзаменов своих сыновей, в первую очередь Александра (см.: *ИРЛИ*. № 11843а. Л. 113 об., а также: *Переписка с Полонским*. С. 814–816). Я. П. Полонский приехал в Воробьевку с семьей 9 июня, а уехал 9 августа, вслед за ним уехал Александр — 14 августа, Жозефина Антоновна, Наталья и Борис жили до конца месяца.

5

22 июля 1890 г. (?) Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

22 июля.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Я не знаю, когда Петя и Сережа[1] уезжают в Таволжанку, быть может даже сегодня в ночь; а потому и по чувству, и по принципу не желаю откладывать ни на минуту возможности перекинуться с Вами дружеским словцом. Именинница еще вчера с восторгом передала Ваше любезное письмо, затуманенное единственно невозможностью обрадовать нас Вашим приездом. «Вот, — сказал я жене, — люди так созданы: дорого бы дала иная жена за то, чтобы видеть мужа своего настойчиво и толково трудящимся. А тут выходит какое-то сетование»; но стоит немножко дать волю воображению и представить, к чему приводят семейные отношения людей праздных, чтобы раз навсегда вычеркнуть упреки в трудолюбии из записной книжки.[2] Распространяться о нашем житье-бытье, с любым днем которого Петя и Сережа познакомились лично, нахожу излишним и мало интересным. Во всех этих летних экскурсиях утешаюсь единственной мыслью, что до конца сентября уже не так далеко и мы в состоянии будем чаще видеться друг с другом у Покровских ворот[3] или на Плющихе. Не знаю наверное, где Вы получите

эти строки, написанные за нас обоих, так как жена моя сидит с гостями. Прошу во всяком случае Вас при свидании засвидетельствовать мое искреннее почтение многоуважаемому Константину Густавовичу и поблагодарить его за любезные поздравления.[a]

Целую Вашу руку

неизменно преданный
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 9–9 об.

[1] Имеются в виду братья Елизаветы Дмитриевны — *Боткины Петр Дмитриевич* (см. примеч. 7 к письму 3) и *Сергей Дмитриевич* (1869–1945) — впоследствии чиновник Министерства иностранных дел, статский советник, камергер (с 1911 г.), с 1919 г. — в эмиграции.

[2] Очевидно, в письме, которое накануне получила Мария Петровна (неизв.), были та же грусть и сожаления, что в предыдущих. См. примеч. 6 к письму 4.

[3] У Покровских ворот против церкви Воскресения в Барашах (ныне: ул. Покровка, д. 27) располагался большой дом, купленный Д. П. Боткиным. После смерти родителей здесь жили Е. Д. Дункер с мужем и ее братья Петр и Сергей.

6

28 октября 1890 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

28 октября 1890.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Вчера мы отдали визит Цертелевым[1] и познакомились с премилой сестрой княгини Марианной Федоровной Ванлярской.[2] Князь сегодня уезжает по делам в Питер, а дамы в восторге от нашего приглашения во вторник к обеду, узнав что за обедом будете Вы с мужем и с братьями. О Вашем обещании быть у нас я вместе с этим подтверждаю и Николаю Ивановичу.[3] Очень будет жаль, если стул милейшего Константина Густавовича останется пустым.[a]

Сердечно преданный
А. Шеншин.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

На конверте: Афанасий Афанасьевич Шеншин[б]

Ее высокоблагородию Елизавете Дмитриевне Дункер
Покровка, д<ом> Боткиных.

Почтовые штемпели: 28 октября 1890; Москва, 28 октября 1890.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 1–1 об.

[1] *Цертелевы Дмитрий Николаевич*, князь (1852–1911), поэт и философ, друг В. С. Соловьева, и его жена (с 1890 г.) *Екатерина Федоровна*, урожд. Ванлярская.

[2] *Ванлярская Марианна Федоровна* (1868–1935) впоследствии вышла замуж за М. Б. Мансурова, а потом за Я. В. Ратькова-Рожнова.

[3] *Щукин Николай Иванович* (1851–1910) — двоюродный брат Е. Д. Дункер, старший сын Екатерины Петровны (урожд. Боткиной) и Ивана Васильевича Щукиных.

7

8 ноября 1890 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

8 ноября 1890.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

обедавшие у нас третьего дня Остроуховы[1] звали нас сегодня на девицу Третьякову,[2] а вчера Марья Петровна была на обеде у Екатерины Петровны,[3] я же еще до обеда употреблял горчицу, но не на языке, а на груди. Хотя мне несколько легче, но решаюсь выдержать еще несколько дней, невзирая ни на какую скуку. Прошу Вас об одном, вверяйтесь смело операторам;[4] это люди знающие, опытные и осторожные; но не верьте ни слову лекарственных болтунов, получающих с дипломом право на всенародное убийство. Делаясь по бедности собственным врачом, предписываю себе сидеть дома и потому вынужден благодарить Вас и дорогого Константина Густавовича за любезное приглашение на завтрашний день, которым мы, увы! — воспользоваться не можем.[а]

Целую Вашу руку.

Искренне преданный
А. Шеншин.

[б] *Здесь и далее имя, отчество и фамилия Фета напечатаны на конвертах в виде штампа.*

[а] *Далее рукой А. А. Фета.*

На конверте: Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее высокоблагородию Елизавете Дмитриевне Дункер.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 11–11 об.

[1] Имеются в виду *Остроухов Илья Семенович* (1858–1918) — живописец и художественный деятель, коллекционер, а также его жена *Надежда Петровна*, урожд. Боткина (1862–1916), племянница М. П. Шеншиной, дочь Петра Петровича и Надежды Кондратьевны (урожд. Шапошниковой) Боткиных.

[2] Речь идет о знакомстве («смотринах») с дочерью Третьяковых Павла Михайловича (1832–1898) и Веры Николаевны, урожд. Мамонтовой (1844–1899) — *Александрой Павловной Третьяковой* (1868–1959). В том же году она стала женой Сергея Сергеевича Боткина (1859–1910), врача, сына лейб-медика Сергея Петровича Боткина (1832–1889), брата М. П. Шеншиной.

[3] *Щукина Екатерина Петровна*, урожд. Боткина (1826–1904) — сестра М. П. Шеншиной.

[4] *Оператор* — *устар*., врач, делающий операцию.

8

22 мая 1891 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{22}{V}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

эти строки могут быть только слабым и внешним выражением того постоянного чувства приязни, которое Вы сумели с самых детских лет Ваших воспитать и сохранить во мне. Следовательно, если бы я лишен был дара слова, то достаточно было бы мне взглянуть на Вас и ткнуть указательным перстом себе в грудь против сердца, и Вы бы вполне меня поняли. Как не поблагодарить мне милого Константина Густавовича за ту безыскусственную легкость, с которою он об руку с Вами вошел в мое сердце и засел в нем так, как будто бы я привык любить его с детства так же, как и Вас.

День у Толстых[1] мы провели очень приятно; все у них подтянулось и посвежело. Я спал на новой кровати, а Марья Петровна на новом диване, при новых оконных занавесках, с новыми ковриками перед посте-

лями, с великолепными английскими lavabo;[а] на прекрасной новой террасе все сходятся на завтраки и обеды; при этом сам граф в туфлях на босу ногу, а 13-летние мальчики ходят целый день босиком; барышни посвежели и помолодели и в особенности Маша[2] неузнаваема; она при нас уехала в Рязань к Филосововым.[3] Но сама графиня и Кузминская[4] крайне оживились моим стихотворным присутствием и увлекли меня в область стихов.[5]

Не откажите передать всем своим наши общие сердечные приветствия.[б]

Тетя обнимает всех вас, а я целую Вашу руку.

Неизменно преданный А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 14–15.

[1] В Ясной Поляне у Л. Н. и С. А. Толстых супруги Шеншины побывали на пути в Воробьевку 19–20 мая.

[2] *Толстая Мария Львовна*, в замуж. Оболенская (1871–1906).

[3] *Философовы Николай Алексеевич* (1840–1895) и *Софья Алексеевна*, урожд. Писарева (1847–1901). Сын Толстого Илья Львович (1866–1933) был женат на Философовой Софье Николаевне (1867–1934).

[4] *Кузминская Татьяна Андреевна*, урожд. Берс (1846–1925) — сестра С. А. Толстой.

[5] В письме к Я. П. Полонскому от 22 мая 1891 г. Фет рассказывает об этом дне, проведенном в Ясной Поляне: «День у Толстых мы провели превосходно. Сила ума его поразительна, невзирая на свою явную парадоксальность, с которою я в постоянной оппозиции. Конечно, мы оба как старые волки избегали драки, предоставляя это менее опытной молодежи; <*далее рукою А. А. Фета*> но зато дамы его — я разумею графиню и ее сестру Кузминскую — меня очаровали. Все просили меня читать новые стихотворения и поднялись все трое в неувядаемую молодость. Хорошо! Очень хорошо» (*ИРЛИ*. № 11843б. Л. 168–168 об. Ср.: *Переписка с Полонским*. С. 909). 22 мая С. А. Толстая записала в дневнике: «Был Фет с женой, читал стихи — все любовь и любовь, и восхищался всем, что видел в Ясной Поляне, и остался, кажется, доволен своим посещением, и Левочкой, и мной» (*Толстая С. А*. Дневник: В 2 т. М., 1978. Т. 1: 1862–1900. С. 138).

[а] умывальниками (*франц.*).

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

9

24 июня 1891 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{24}{VI}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна, тотчас по прочтении милых строк Ваших, дня два тому назад, Екатерина Владимировна[1] ушла в купальню, и я до того вскипел желанием отвечать по горячим следам, что решился было, чего я никогда не делаю, писать сам. Но испугался мысли впасть в совершено неудобопонятную лирическую чепуху. Положение мое действительно показалось мне затруднительным: говорить Вам отдельные поштучные похвалы я не могу по причине банальности такой работы на Ваши глаза; а то, что хотелось бы сказать, может быть только, подобно стихам, понято между строками. Со стихами справишься не во всякую минуту (лучше сказать, в редкие минуты), а пошлости говорить стыдно, — и приходится молчать. Мне отрадно верить Вашему к нам доброму расположению, объясняя его привычкою видеть наши лица с первого Вашего пробуждения в колыбели. Вы оба с дорогим Константином Густавовичем имели время заметить, что я считал Ваших родителей самыми близкими мне людьми; но я мысль о Вас между прочим всегда соединяю с памятью о прелестной m-lle Hortense.[2] Очищенная простота манер, другими словами, благовоспитанность для меня многоценное качество. Как некоторое уяснение питаемого мною к Вам чувства прилагаю написанное на днях стихотворение. Нечего говорить, как мы были бы рады встретить вашу любезную парочку в Воробьевке, хотя бы на денек, ибо знаю, что я невыносимо скучен. В настоящую минуту гостит у нас И. Н. Новацкий,[3] и Мария Петровна увезла его сегодня в день его именин к обедне в Коренную.[4] За обедом мы будем его праздновать с семейством Чайковских[5] и будем пить шампанское.

Пожалуйста, не забудьте поздравить от нас и поцеловать Петю[6] в день его Ангела.[a]

Тетя вернулась из Коренной и привезла раскисшего от жары Новацкого, и мы оба, обнимая вас всех заочно, — просим быть здоровыми и брать пример прилежания с Вашего милого мужа, сохраняя к нам старцам всегдашнюю любезность.

Неизменно преданный
Вам А. Шеншин.

---

[a] *Далее до слов* «Ваш А. Шеншин» *включительно рукой А. А. Фета.*

18

Я говорю, что я люблю съ тобою встрѣчи
За голосъ ласковый, за нѣжный цвѣтъ ланитъ,
За блескъ твоихъ кудрей, спадающихъ на плечи,
За свѣтъ, что въ глубинѣ очей твоихъ горитъ.

О, это все цвѣты, букашки и каменья,
Какихъ ребенокъ радъ набрать со всѣхъ сторонъ
Любимой матери въ тѣ сладкія мгновенья,
Когда ей заглянуть въ глаза такъ счастливъ онъ.

29 мая 1891.
Воробьевка.

А. Фетъ

Стихотворение Фета «Я говорю, что я люблю с тобою встречи…»
Список рукой Е. В. Федоровой в письме к Е. Д. Дункер от 24 июня 1891 г.

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих на плечи,
За свет, что в глубине очей твоих горит.

О, это все цветы, букашки и каменья,
Каких ребенок рад набрать со всех сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
Когда ей заглянуть в глаза так счастлив он.

29 мая 1891.
Воробьевка. А. Фет.[б]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 16–18.

[1] *Федорова Екатерина Владимировна*, в замуж. Кудрявцева — секретарь Фета с конца 1886 г. до его смерти. После смерти поэта жила с Марией Петровной, затем служила секретарем и библиотекарем у коллекционера древностей Петра Ивановича Щукина (1853–1912). Написала воспоминания о Фете, из которых сохранились только последние страницы, где она рассказывает о возвращении из Воробьевки осенью 1892 г. и о смерти поэта. См.: *Асланова Г.* «Еще ты каждый миг моей покорна воле...» // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 307–321.

[2] Гувернантка Е. Д. Боткиной.

[3] *Новацкий Иван Николаевич* (1827–1904) — профессор хирургической клиники Московского университета, главный врач Екатерининской больницы, автор нескольких печатных работ по хирургии и истории медицины.

[4] Мужской монастырь *Курская Коренная Рождества Пресвятой Богородицы пустынь* находится в 30 км от Курска и в 8 км от Воробьевки. Его основание в 1597 г. связано с обретением 8 сентября 1295 г. (в день Рождества Пресвятой Богородицы) чудотворной иконы «Знамение Божией Матери Курско-Коренная» на корнях дерева вблизи р. Тускарь. Из того места, где лежала икона, забил источник, который бьет до сих пор. После революции 1917 г. монастырь был закрыт, собор Рождества Пресвятой Богородицы и другие храмы разрушены. В 1989 г. началось возрождение монастыря.

[5] *Чайковский Николай Ильич* (1838–1911) — старший брат композитора, инженер-путеец, действительный статский советник. Его семья: жена *Ольга Сергеевна*, урожд. Денисьева, их приемный сын *Георгий Николаевич* (1883–1940). Усадьба Н. И. Чайковского Уколово находилась в 12 км от Коренной Пустыни и недалеко от Воробьевки. П. И. Чайковский приезжал сюда два раза — в 1891 и 1893 гг. — и во время обоих приездов посетил Воробьевку. От усадьбы Уколово сохранилась только усадебная церковь великомученика Георгия Победоносца.

[6] Имеется в виду П. Д. Боткин (см. примеч. 1 к письму 5).

[б] *Подпись — рукой А. А. Фета.*

10

23 июля 1891 г. Воробьевка

МОС.-КУР. ж. д.
ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{23}{VII}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Целую Ваши красиво пишущие пальчики и прошу передать Вашему милому мужу и не менее милым братьям (хотя в телеграмме сказано Боткин) наши с тетей признательные поклоны за любезное поздравление.[1]

Марья Петровна другой день просит меня посоветовать Вам, Дункерам, взять за 500 руб<лей> смирную и добронравную пару вороных, которую Петя[2] сам видел у Александра Ивановича.[3] Что касается до нас, то наша пара рыжих совершенно разладилась, и о ней и поминать нечего.

Мы оба с Новацким хвораем и задыхаемся взапуски, и если бы не пасьянс, то и не знаю, как влачили бы мы дни нашего существования.

Радуюсь приближению августа ввиду возможности в конце сентября обнять Вас в Москве.[a]

Целую Вашу руку.

Неизменно преданный
А. Шеншин.

Рукой М. П. Шеншиной:

Прости меня, моя дорогая Лилиша, что не пишу тебе, измучилась, писавши сегодня благодарственные письмы. Обнимаю вас всех от всей души, любящая вас

М. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 20–21.

[1] Эта телеграмма с поздравлениями ко дню именин М. П. Шеншиной (22 июля) не сохранилась.

[2] Речь идет о П. Д. Боткине (см. примеч. 1 к письму 5).

[3] Имеется в виду *Иост Александр Иванович*, агроном, бывший управляющий Воробьевки (в 1877–1882 гг.), в это время управляющий имением Боткиных в Ново-Таволжанке.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

11

12 сентября 1891 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
жел. дор.
Ст. Коренная пустынь

18 $\frac{12}{\text{IX}}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

даже помимо поглощающего мое предобеденное время головоломного перевода классического Лукреция,[1] толкующего за две тысячи лет о сцеплении между собой атомов, я давно утратил возможность жизни безотчетной, которой Вы, дорогая, по-видимому, завидуете. И сам я по собственному побуждению стараюсь связывать рядом стоящие факты между собою, как люди, застегивая полу платья, цепляют петли за пуговицы. В этом смысле я не могу не спросить себя: почему же фон Дункеры единственные люди в кругу знакомых, которым я с удовольствием читаю страницы из прожитого мною? Согласитесь, что нужно много симпатических условий для того, чтобы это выходило просто и непретенциозно. Я очень рад, что дружеские отзывы Ваши о моих теперешних воспоминаниях блистательно оправдались по случаю школьных рассказов волнением и похвалами, вызванными ими в балтийской печати.[2] Если бы Вы не подчинялись, как Вы говорите, Вашему мужу, стремящемуся оставить сознательный след на земле, то это было бы в противоречии со всем Вашим существом. Человеку не дано затыкать своих духовных стремлений и жажды каким-нибудь Римом или Парижем, чему вековечным примером останется Фауст, который заткнул ее, наконец, полезной деятельностью и как бы нарочно инженерною.[3]

Никаких внешних событий мы, слава Богу, не знаем за исключением разве обеда в Воробьевке музыканта Чайковского,[4] которого мы почтили шампанским, цветами и стихами.

Полонский писал о любезном Вашем приглашении и сборах его дам исключительно брызнуть в Москву к Покровским воротам.[5]

Почти одновременно с этим поздравляем именинниц, а через три дня я ожидаю воронежского управляющего, и затем еще не решено, — заедем ли мы к Галаховым[6] или прямо мимо Вашего дома проедем на Плющиху.[a]

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Позвольте же нам, старикам, в надежде скоро обнять Вас налицо, исполнить пока это письменно.

Икренно любящие Вас М. и А. Шеншины.

Екатерина Владимировна просит передать ее усердные приветствия. Воронежский управляющий пишет, что, невзирая на голодовку, крестьяне по поводу Рожд<ества> Богородицы[7] справляют приходский праздник 2-недельным пьянством и буйством и того гляди все погорят. Вот и собирайте копеечные коллекты!!![8]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 22–23 об.

[1] Переводить поэму римского поэта-философа *Тита Лукреция Кара* (I в. до н. э.) «О природе вещей» Фет начал еще в 1887 г. 14 марта 1887 г. он писал С. А. Толстой: «Недаром Лукреций начинает свою глубокую поэму о природе вещей великолепным гимном к Венере, этому олицетворению любви. Я перевел это начало и остановился в своей работе, убоявшись цензуры, так как Лукреций, в сущности, заклятый материалист <…>» (*Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 303). Перевод остался незавершенным: рукописи кн. 1 и кн. 2 рукой Е. В. Федоровой с поправками Фета находятся в *РГБ*. Ф. 316. К. 1. № 42–43.

[2] 9 сентября 1890 г. Полонский обратился к Фету с просьбой предоставить отрывок из своих воспоминаний для издававшегося Я. Г. Гуревичем журнала «Русская школа»: «Прежде чем ты издашь отдельной книгою свои ребяческие и отроческие воспоминания, — не дашь ли ты из этих воспоминаний отрывка о своих школьных годах — о пребывании в пансионе у Погодина и проч. — издателю и редактору журнала „*Русская школа*“ Як<ову> Григор<ьевичу> Гуревичу. — Он очень этого желает <…>» (*ИРЛИ*. № 11843а. Л. 121–121 об.; ср.: *Переписка с Полонским*. С. 826). Воспоминания Фета о пребывании в немецком пансионе Крюммера и в московском пансионе М. П. Погодина появились в «Русской школе» (1891. № 1–3) под заглавием «Из моих школьных воспоминаний», что соответствует с некоторыми сокращениями главам IX–XVII отдельного (посмертного) издания (см.: *РГ*. С. 77–147).

[3] В письме к Марии Петровне от 8 сентября Елизавета Дмитриевна жаловалась на одиночество, так как «все разъехались», а муж много работает: «Знаю, что скажет на это Афанасий Афанасьевич: „Так и нужно“. Но отчего нам не жить, имея все-таки на это возможность, как живут мои братья, кузины и т. д. Впрочем, я подчиняюсь мужу, который в этом отношении непоколебим, а я не могу не уважать его за это. Я сделала даже большие успехи в умении наполнить свое время: очень много читаю, работаю, гуляю и вообще не скучаю, но зато потеряла всю свою светскость». Приписка сбоку: «Жду с нетерпением вашего возвращения, а вместе с ним надеюсь послушать новые воспоминания Афанасия Афанасьевича» (*РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 58). Желая подбодрить племянницу, Мария Петровна сообщала в ответном письме: «Много чтения приготовил для тебя Афанасий Афанасьевич. Когда я ему говорю: „Ты бы перечел“, — ответ всегда бывает один: „Прочту моей милой Елизавете Дмитриевне“» (Там же. К. 5. № 29).

[4] Очевидно, композитор *Петр Ильич Чайковский* (1840–1893) побывал в Воробьевке 18 августа, так как эта дата стоит под стихотворением «Петру Ильичу Чайковскому» («Тому не лестны наши оды…»), подаренным композитору в день визита к Фету. 25 августа 1891 г. Фет сообщал К. Р.: «Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю Ильичу Чайковскому его родной брат Петр Ильич. Он понравился мне как вполне артистическая натура. Я посадил его за обедом рядом с собою и уверен, что у Вашего Высочества сильно звенело в ушах от наших усердных о Вас разговоров. Узнав, что он страстный любитель цветов, Марья Петровна поставила перед ним два букета из отцветающего сада, а я прочел и передал ему стихотворение, которым он остался, кажется, очень доволен» (*ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 174–174 об.; ср.: *К. Р. Переписка*. С. 363). В свою очередь, П. И. Чайковский писал брату Анатолию Ильичу 2 сентября 1891 г.: «Ездили в Коренную Пустынь, а один день провели у Фета. Я его видел в первый раз в жизни и нашел очень интересным» (*Чайковский П.* Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1978. Т. 14-А. С. 200).

[5] О доме на Покровке см. примеч. 3 к письму 5. 31 августа 1891 г. Я. П. Полонский сообщал Фету о полученном от Е. Д. Дункер приглашении погостить в их московском доме в сентябре и о намерении («если сентябрь будет хороший — и погода будет теплая, — а у меня будут деньги») отправить в Москву «жену и дочь — посмотреть на Художественный отдел Французской выставки» (*ИРЛИ.* № 11843а. Л. 177 об.; ср.: *Переписка с Полонским*. С. 919), однако эта поездка так и не состоялась.

[6] См. примеч. 2 к письму 4. Имение Галаховых Клейменово располагалось в Мценском уезде Орловской губернии.

[7] Это письмо неизвестно. Праздник Рождества Богородицы отмечался 8 сентября по ст. ст.

[8] Сбор, взносы, складчина, пожертвования (*лат.*).

12

26 сентября 1891 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{26}{IX}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

приехавши третий день в Москву, видели Ваши окна не занавешенными, но дворника у ворот не видали и сказать о приезде было некому. Сидим оба больные и без лошадей, которые придут только завтра. Обнимите Вашего милого мужа за нас и, главное, будьте здоровы.[a]

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Ничего не знаем, где кто?

Неизменно преданный Вам

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 24.

13

28 сентября 1891 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{28}{\text{IX}}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна, тетя с ознобом рук и ног лежит на постели и просит передать, что навестившая нас сегодня Екатерина Петровна[1] обещала приехать к нам обедать в среду. Не найдете ли Вы поэтому возможным обрадовать нас с своей стороны приездом в этот день к обеду. По нашему раннему обеду в 5 часов[а] Вы всегда можете вернуться к приезду Вашего мужа.[б]

Сердечно преданный Вам

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 26.

[1] Речь идет о Е. П. Щукиной. См. примеч. 3 к письму 7.

14

21 октября 1891 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{21}{\text{X}}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Я уверен, что такая умная новорожденная увидит новое доказательство нашей к ней симпатии в том, что мы два дня кряду не врываемся лично к ней с поздравлениями, а просим дорогого Константина Густа-

[а] «В 5 часов» *вписано рукой А. А. Фета поверх строки.*

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

вовича, поздравивши новорожденную от себя, поздравить затем и от нас.

Решаюсь держаться русла известного тропаря и говорю, препровождая при сем скудные дары: «Прими ныне малое дарение наше, яко же прияла еси вдовицы два лепта».[a, 1]

Мы оба сердечно вас обоих обнимаем

дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 28–28 об.

[1] Фет перефразирует кондак 13 «Акафиста Господу нашему Иисусу Христу»:

О, пресладкий и всещедрый Иисусе,
приими ныне малое моление сие наше,
якоже приял еси вдовицы две лепте,
и сохрани достояние Твое от враг видимых и невидимых,
от нашествия иноплеменних, от недуга и глада,
от всякия скорби и смертоносныя раны,
и грядущия изми муки всех, вопиющих Ти:
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

15

22 (?) октября 1891 г. Москва

Елизавете Дмитриевне
Дункер.
В день ее Ангела
22 октября 1891.

Их вместе видя и к тому же
Когда и оба влюблены,
Возможно ль умолчать о муже
В день именин его жены?

Союз по правде идеальный,
И чудо Ангел совершил:

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Воды мытищенской кристальной
Струю в вино он превратил.
А. Фет.[а]

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 23. Л. 3.

16

2 ноября 1891 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{2}{XI}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

два дня и две ночи кряду я до того кашлял и задыхался, что сетовал лишь на долговременное приближение смертного часа. И вот причина, почему при всем желании мы в понедельник послезавтра побывать у Вас не соберемся.

Если не будет с Вашей стороны отказу, собираемся к Вам в будущую субботу.[б]

Наши усердные приветствия Вашему любезному супружеству, и целую Вашу лапку

преданный А. Шеншин.

В среду мы всегда дома. Будем очень рады, если навестите.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 30.

17

27 ноября 1891 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{27}{XI}$ 91.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

считая, несмотря ни на какую родственную близость, вступаться в визитные расчеты дам между собою для себя неудобным[а] — я только

[а] *Подпись рукой А. А. Фета.*

[б] *Далее до слов* «А. Шеншин» *включительно рукой А. А. Фета.*

[а] «Для себя неудобным» *вписано А. А. Фетом поверх строки.*

сегодня узнал, что Ольга Васильевна[1] останется у нас до воскресенья. И вот ввиду выпавшего снега, я питаю надежду еще раз радостно встретить Вас на Плющихе, где кроме того Ваше появление дало бы нам возможность обедать в пятницу у Вас, так как оставить гостью за столом одну более чем неудобно.[б] Всем усердные покло<ны>.

Неизменно преданный

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 32.

[1] См. примеч. 2 к письму 4.

18

10 января 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{10}{\mathrm{I}}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

от души обнимаем и поздравляем новых домовладельцев, и если Бог попустит грехам нашим, надеемся на отрадные минуты в новом доме[1] у давно и горячо любимых давно знакомых нам хозяев.[а]

Целую Вашу руку до свидания в понедельник у невесты.[2]

Преданный А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 34.

[1] После женитьбы брат Елизаветы Дмитриевны П. Д. Боткин выкупил дом на Покровке, доставшийся детям Д. П. Боткина по наследству, а супруги Дункеры приобрели дом на Поварской (дом сохранился, современный адрес: ул. Поварская, д. 9), в который переехали осенью 1892 г. В этой связи 11 января 1892 г. Фет писал Полонскому: «Елизавета Дмитриевна сердечно благодарит тебя, равно как и оба Боткины, за любезное приветствие, а сегодня она прислала нарочного с известием о покупке ею дома на Поварской, который придется им отделывать, так что сберутся переехать в него из Покровского дома, который займет новая хозяйка, не раньше конца будущей осени. Дали они за дом 85 тысяч, да еще вложат в него тысяч 40, а дом все-таки деревянный» (*ИРЛИ*. № 11843б. Л. 203; ср.: *Переписка с Полонским*.

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

[а] *Далее рукой А. А. Фета.*

Особняк Е. Д. и К. Г. Дункеров на Поварской, Москва
Современная фотография

С. 949). После перестройки в доме стараниями К. Г. Дункера появились водяное отопление, электричество, лифт, что по тем временам было большой редкостью.

[2] Речь идет о *Софье Михайловне Малютиной*, которая 29 января 1892 г. стала женой Петра Дмитриевича Боткина. 6 февраля 1892 г. Фет писал К. Р.: «Несмотря на то, что нестерпимая одышка не дозволяет мне выходить из дому, я вынужден был 29 января в карете ехать на Покровку на бракосочетание нашего племянника Боткина с весьма милой девушкой Малютиной. Жена моя была в церкви при венчании, а я, стоя спиною к длинному буфетному столу, ожидал прибытия молодых, при которых только поднял бокал и поставил его за спину на стол» (*ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 243).

19

9 марта 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{9}{\text{III}}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Вчера за обедом Лагодин[1] сообщил мне новость, заставляющую меня прибегать под Ваше испытанно любезное покровительство. Он говорил

о прекращении будто бы с 1-го апреля предоставления дорогою вагонов товарных. Затем он прибавил, что будто бы мера эта относится к движению, только не из Москвы к Курску, а лишь к обратному, из Курска в Москву.

Было бы чрезвычайно любезно со стороны дорогого Константина Густавовича, которого не решаюсь беспокоить личными просьбами при его занятиях, — если бы он, при его связях, узнал действительное положение вещей в этом отношении, и вопрос мой в будущую субботу 14-го не застал его врасплох…

Каков дядя, недавно угощавший племянников роскошными обедами. Каково-то приготовит он нам дальнейшее удивление? Весь Сонечкин[2] туалет пропал ни за грош.[a]

Мы оба от души обнимаем и приветствуем вас всех, а я целую Вашу руку дядя Ваш

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 5–6.

[1] *Лагодин Алексей Ильич* — инженер, специалист по сахароварению, в 1887 г. женился на Антонине Ивановне Щукиной (1862–1935), племяннице Марии Петровны, дочери Екатерины Петровны (урожд. Боткиной) и Ивана Васильевича Щукиных.

[2] Речь идет о жене П. Д. Боткина — С. М. Боткиной (см. примеч. 2 к письму 18).

20

13 марта 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{13}{\text{III}}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

карета наша у мастера и по обстоятельствам мы просим Вашего разрешения прибыть к Вам вместо субботы в понедельник, в который мы и будем, если не получим от Вас отказа. Если бы я представил себе даже тень стеснения с нами, то, конечно, избегал бы к тому поводов; но уверенный в полной безыскусственности наших отношений говорю: можно — так можно, нельзя — так нельзя.

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Вчера в первый раз проехал мимо Вашего дома на Поварской. Он очень барствен.[a, 1]

С сердечным приветом для всех Ваших целую Вашу руку.

Дядя Ваш

А. Шеншин.

На конверте: Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.
Покровка. Д<ом> Боткиных.

Почтовые штемпели: Москва, 13.III.1892; Москва, 13.III.1892.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 7–8.

[1] См. примеч. 1 к письму 18.

21

27 апреля 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь

18 $\frac{27}{\text{IV}}$ 92.

Дорогие Елизавета Дмитриевна и Константин Густавович,

Радостно поздравляя вас с третьей годовщиной вашей свадьбы, мы невольно мысленно любуемся вашей прекрасной, дельной и нежно дружественной четой. Мы, старики, мысленно обнимая вас, продолжаем желать вам вполне заслуженного успеха. При этом невольно скажешь: как хороша поэзия и как противна проза! Как приятно было после прекрасного обеда вашего мечтать о хорошем урожае и доходах. Зато как тяжело видеть, что по бездождию пшеница пропала и рожь пропадает, а у крестьян поздний овес даже не всходил. Барометр настойчиво подымается, и гибель становится все несомненнее. Хоть бы вы своим приездом на Троицу освежили наши помутившиеся головы.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Жена хотела пить воды, но так с самого приезда разладилась желудком, что при строжайшей диете почти не встает с постели. Я советую послать за доктором, но она все крепится.[a]

Примите сами и передайте всем сожителям наши усердные приветствия и поклоны.

Неизменно преданный вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 36–37.

22

4 июня 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь

18 $\frac{4}{\text{VI}}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

один Ваш почерк, как отпечаток умной и развитой женщины, доставляет мне истинное удовольствие.

Час тому назад отправили на чугунку Петю и Сонечку,[1] а экипажи еще не вернулись. Мы сделали, что могли, и, кажется, они остались довольны.

Хотя я не очень доверяю мечте принять Вас и дорогого Константина Густавовича в Воробьевке, тем не менее мечта вещь приятная, пока не разрушила действительности,[2] подобно нашей зимней мечте о доходах. Кроме всех остальных благ, желаю Вам от души специального успеха при постройке дома, на посещения которого, если доживу, очень рассчитываю.

Продолжая помаленьку свои воспоминания, я подбадриваю себя надеждой прочитать Вам их окончание на Поварской.

Тетя с ваннами простудилась и лежит с подвязанным флюсом на моем диване, пока я диктую эти строки.

Обнимите за нас своего неутомимого мужа, молодой энергии которого я очень завидую. Какое счастье валиться с ног от усталости,

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

тогда как валиться от расслабления бездействия, по-моему, величайшая пытка.[a]

Искренне любящий Вас

дядя
А. Шеншин.

На конверте: Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Москва. Покровка. Д<ом> Боткиных.
Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.

Почтовые штемпели: Почтовый вагон, 4 июня 1892; Москва. 5.VI.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 38–39.

[1] Имеются в виду Боткины Петр Дмитриевич и Софья Михайловна, гостившие в Воробьевке. См. о них примеч. 8 к письму 3 и примеч. 2 к письму 18.

[2] Как следует из письма Фета к Полонскому от 25 июля 1892 г., супруги Дункеры в Воробьевку так и не приехали: «Дункеры, хотя и обещались приехать дня на три в Воробьевку, но не исполнили обещания и, по-моему, хорошо сделали, так как все время, кроме дня 22-го, был от непрерывных дождей шлеп-парад» (*ИРЛИ*. № 11843б. Л. 229 об.–230; ср.: *Переписка с Полонским*. С. 977).

23

25 июня 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
Ж. Д.
Ст. Коренная Пустынь

18 $\frac{25}{\text{VI}}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Пишу Вам два слова. Вчера Сережа[1] из Таволжанки[2] и Надя Остроухова[3] из Москвы писали о намерении Вашем супружескою четою обрадовать нас приездом около 20 июля. А так как мы празднуем 22-го, то поневоле думается, что Вы обрадуете нас к именинам. Таким образом, приехавши 20-го утром, Вы могли бы пробыть с нами и день именин. Но скажу откровенно, Вы можете вполне насытить мое желание, вступая через порог Воробьевского дома вдвоем с Вашим мужем.

Тетя просила прибавить, что если бы Вы вздумали захватить кого-либо, например, Софью Андреевну[4] с собою, то не стеснялись бы, так как помещения хватит для всех.[a]

Вы не только совершенный молодец, но и милый молодец, руку которого целую от души

дядя Ваш
А. Шеншин.

На конверте: Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.
Москва. Покровка. Д<ом> Боткиных.

Почтовые штемпели: почтовый вагон, 25 июня 1892; Москва, 27.VI.1892.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 41–41 об.

[1] Имеется в виду брат Е. Д. Дункер — С. Д. Боткин (см. примеч. 1 к письму 5).

[2] Вернее *Ново-Таволжанка* — имение Боткиных в Белгородском уезде Курской губернии.

[3] Речь идет о племяннице М. П. Шеншиной — Н. П. Остроуховой (урожд. Боткиной), см. примеч. 1 к письму 7.

[4] Возможно, здесь описка и речь идет о жене П. Д. Боткина — Софье Михайловне.

24

23 июля 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь

18 $\frac{23}{VII}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

Только что отвезли на Золотухино[1] Иостов[2] и Галахова,[3] отправившегося к новому орловскому губернатору, а теперь пользуюсь случаем отъезда Оли Галаховой на Коренную, чтобы поблагодарить Вас за любезную телеграмму.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

Третьего дня мы хвалили Вас за благоразумную воздерж<ан>ность, так как у нас лили непрерывные дожди, при которых прогулка в парке была бы немыслима. А сидеть в комнатах все равно в Воробьевке или на Плющихе. Но вчера мы искренно пожалели, что Вас не было, так как погода была превосходная, и гости сами напросились гулять с Марьей Петровной в парке.

Не откажите, дорогая, поблагодарить за нас и братьев Боткиных и в том числе милую Софью Михайловну, которую я предполагаю в числе Боткиных.[a] До отрадного свидания с вашей любезной и дорогой четой.

Целую Вашу руку

дядя Ваш
А. Шеншин.

На конверте: Афанасий Афанасьевич Шеншин.

Ее в<ысокоблагоро>дию Елизавете Дмитриевне фон Дункер.
Москва. Покровка. Д<ом> Боткина.

Почтовые штемпели: почтовый вагон, 23 июля 1892; Москва, 25.VII.1892.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 44–45.

[1] *Золотухино* — железнодорожная станция Московско-Курской ж. д., ближайшая, кроме Коренной, к Воробьевке.

[2] *Иосты Александр Иванович* (см. примеч. 3 к письму 10) и *Ольга Ивановна*, урожд. Щукина (1863–1930).

[3] См. примеч. 2 к письму 4.

25

26 августа 1892 г. Воробьевка

МОСК.-КУРСКОЙ
ЖЕЛ. ДОР.
Ст. Коренная пустынь

26.VIII.1892.

Сердечное Вам спасибо, милейшая Елизавета Дмитриевна, и дорогому Константину Густавовичу за отрадный сюрприз посещения, кото-

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

рое можно сравнить только с мгновенным фотографическим аппаратом. Жаль только, что отъезд Ваш вышел так неудобен; но надеемся, что в настоящее время домашние хлопоты восстановили Ваше здоровье.

Мы читаем в газетах, что открытие водопровода последует первого октября, т<о> е<сть> при нас уже.[1] На какую-то новую стезю попадет Конст<антин> Густавович?

Мне не впервой журить Вас за выставляемые напоказ идеалы счастья и благополучия. К счастью, я Вам в этом отношении не верю и, чтобы говорить начистоту, готов заодно демаскировать и свои, и Ваши батареи. В Вас, как и во мне в подобном случае, говорит не зависть и не сожаление, а напротив замаскированное хвастовство, и когда мне в прекрасных комнатах чисто одетая прислуга подает кофе на серебре, мне приятно назвать себя нищим. Но что бы я сказал, если бы этот напиток в подвальном этаже подала мне в желтой глиняной кружке зловонная кухарка? — я бы, пожалуй, стеснился назвать себя нищим.

Это вполне применимо к Вам, моя дорогая. Когда Вы сравните физически и нравственно здоровую и трезвую жизнь Вашего мужа с жизнью других молодых людей, то Вы начинаете хныкать, уверяя, что противоположные Вашему мужу только и умеют жить.[2] Это похоже на то, как если бы я говорил, что болезненно завидую смушковой бекеше Ивана Никифоровича или брусничному фраку Чичикова.[3]

Я писал Сереже,[4] что меня вдруг ни с того, ни с сего мучительно схватило раздутие желудка под ребрами, так что я посылал за доктором, который, конечно, не помог, хотя и получил за два раза восемь рублей. Но теперь, кажется, все пришло в прежний порядок, хотя я никак не желал бы мучиться перед смертью подобным образом. Сережа в настоящее время, вероятно, уехал. Надеюсь переговорить с ним при свидании.

А милым Пете и Сонечке[5] передайте при свидании наши усердные поклоны.[а] Обнимаем вас обоих общим с женой объятием, причем я с ловкостью почти военного человека хватаю и целую Вашу руку.[6]

Дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 3. № 13. Л. 9–10 об.

[1] *Мытищенский водопровод* — самый старый в России, был построен в XVIII в. для доставления в Москву ключевой воды из подмосковного села Большие Мыти-

[а] *Далее рукой А. А. Фета.*

щи. В конце XIX в. его реконструировали, была создана первая система централизованной подачи воды в Москву. Этой работой и был занят К. Г. Дункер.

[2] См. письмо 5, примеч. 6 к письму 4 и примеч. 3 к письму 11.

[3] Фет вспоминает героев повести Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и поэмы «Мертвые души».

[4] Имеется в виду *Боткин Сергей Сергеевич*. О нем см. примеч. 2 к письму 7.

[5] Боткины Петр Дмитриевич и Софья Михайловна.

[6] Фет имеет в виду следующее место из первой главы второго тома «Мертвых душ»: «Господин необыкновенно приличной наружности соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека».

26

21 октября 1892 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 $\frac{21}{X}$ 92.

Дорогая Елизавета Дмитриевна,

От души поздравляю за себя и за тетю новорожденную, прося передать всем близким, начиная с Константина Густавовича, наши усердные поздравления.

Тетя только что перед подачей Вашей записки прилегла по нездоровью отдохнуть. Поэтому мы ее не будили, и я желал бы сердечно подтвердить слова о том, что мне значительно лучше. К сожалению, мне очень тяжело.[a]

Дядя Ваш
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20270. Л. 47–48.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

ПЕРЕПИСКА А. А. ФЕТА с Д. В. ГРИГОРОВИЧЕМ (1888–1891)

Публикация А. Г. Гродецкой

Знакомство Фета с Дмитрием Васильевичем Григоровичем (1822–1899) относится к декабрю 1853 — январю 1854 года, т. е. ко времени его сближения в Петербурге с литературным «кружком» «Современника»,[1] неизменным и всеми любимым участником которого был автор «Антона Горемыки» (1847). О своих петербургских встречах в 1850-е годы в журнальных редакциях и литературных гостиных как Фет, так и Григорович упоминают в мемуарах. «Кто из нас в те времена, — пишет Фет, — не знал веселого собеседника, товарища всяческих проказ и мастера рассказать смешной анекдот — Дмитрия Васильевича Григоровича, славившегося своими повестями и романами?».[2] И далее со слов Григоровича он передает комические подробности одного из не прекращавшихся во второй половине 1850-х годов споров Толстого с Тургеневым. На страницах «Литературных воспоминаний» Григоровича Фет появляется лишь однажды — как посетитель вечера «с дамами, принадлежавшими к аристократическому кругу» у А. А. Краевского. «Раз сидим мы, — пишет Григорович, — входная дверь растворяется и пропускает величественную фигуру кирасира; шагнув вперед, он торопливо со мною поздоровался, брякнул шпорами, сделал поклон дамам и, выгнув молодецки спину, быстро направился в кабинет». Далее мемуарист приво-

---

[1] См.: *Тархов А.* Примечания // *Фет А. А.* Воспоминания. М., 1983. С. 485; *Летопись*. С. 302. Следует заметить, что среди участников «кружка» в январе 1854 г. оба автора (вслед за Фетом) называют И. А. Гончарова, тогда как последний находился в это время в экспедиции на фрегате «Паллада» и вернулся в Петербург только в феврале 1855 г.

[2] *МВ*. Ч. 1. С. 107.

дит собственный диалог с дамами: «— Кто такой Фет? — Известный наш поэт. — В каком роде? <…> — Как бы вам объяснить? В самом тонком, неуловимо-поэтическом роде… — Это как Вальтер Скотт? — Да, приблизительно, — отвечал я <…>».[3]

Одна из встреч Фета и Григоровича этих лет точно датирована — она состоялась 11 декабря 1857 года. В этот день Григорович вписал сочиненное им четверостишие «Замоскворечье, — о пустыня!..» в альбом М. П. Фет (Боткиной), озаглавив его «Первый стихотворный опыт молодого поэта на 35 году своего рождения». Фет ответил в том же альбоме четверостишием «Не поноси Замоскворечья…», которому Григорович дал название: «Ответ старого поэта на 37 году от роду».[4]

Как складывались отношения писателей в последующие годы, сказать трудно. Их эпистолярный диалог, при обширнейшей переписке каждого,[5] одиннадцатью публикуемыми ниже письмами, к сожалению, исчерпывается. Судя по первому из писем, в котором Григорович вспоминает «дорогой кружок лиц» их общей молодости, перерыв в общении был долгим.

В трех письмах Фета от декабря 1888 года и четырех ответных письмах Григоровича речь идет о прохождении через Театрально-литературный комитет, членом которого был Григорович,[6] фетовского перевода комедии Плавта «Горшок».

---

[3] *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987. С. 112. Любопытное свидетельство о Григоровиче содержится в письме Г. П. Данилевского к Я. П. Полонскому от 28 апреля 1855 г.: «…он все время болтал по-французски, читал и объяснял Кольцова, смотрел все в лорнет и уверял окружающих, что выше Ламартина и Фета никого не знает из поэта» (Г. П. Данилевский. Письма к Я. П. Полонскому / Публ. Е. В. Свиясова // *Ежегодник РО ПД (1978).* Л., 1980. С. 160).

[4] См.: Поэтика. Временник словесного отдела Гос. ин-та истории искусств. Л., 1926. С. 130–131; *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 368, 501; *Капелюш Б. Н.* Рукописи и переписка Д. В. Григоровича: Научное описание // *Ежегодник РО ПД (1969).* Л., 1971. С. 9 (№ 45), с указанием, что название к стихотворению Фета вписано Григоровичем.

[5] «Григорович был чрезвычайно общителен: живость характера, отзывчивость, богатая эрудиция и мастерство рассказчика привлекали к нему людей. Среди видных писателей, художников, общественных и культурных деятелей мало с кем Григорович не был знаком или не состоял в переписке» (*Мещеряков В. П.* Григорович Д. В. // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 29). По данным Б. Н. Капелюш, составителя указанного выше «Описания» (С. 6), в Рукописном отделе *ИРЛИ* хранится 345 писем Григоровича к 70 адресатам.

[6] Театрально-литературный комитет — совещательный орган при Дирекции Императорских театров, учрежденный в 1855 г. (для отбора лучших пьес к 100-ле-

Фет начал переводить «Горшок» Плавта осенью 1887 года по совету профессора Киевского университета Ю. А. Кулаковского.[7] В начале июля 1888 года Фет уже читал перевод Кулаковскому, гостившему в Воробьевке, о чем он сообщал графу А. В. Олсуфьеву 7 июля 1888 года. Рукопись перевода была отправлена Фетом в Театрально-литературный комитет для получения разрешения на ее сценическую постановку, вероятно, в середине ноября 1888 года.[8] О получении рукописи Григорович сообщил Фету в письме от 22 ноября (письмо 1).

Несмотря на разрешение театральной цензуры, предполагавшаяся постановка комедии в Малом театре в бенефис Н. А. Никулиной не со-

---

тию русского театра) и с начала 1860-х гг. действовавший на постоянной основе. Комитет занимался рассмотрением новых пьес (русских и переводных), предназначенных для постановки на «казенной» сцене. В 1891 г. был реорганизован и разделен на Петербургский и Московский комитеты. По сведениям В. П. Мещерякова, Григорович с 1891 г. был председателем Петербургского театрально-литературного комитета (*Мещеряков В. П.* Григорович Д. В. С. 29; о его должности в Комитете в 1880-е гг. не сообщается). Сохранилось большое количество написанных Григоровичем рецензий на представленные в Комитет пьесы (см. об этом: *Юманкова Е. П.* Литературная и общественно-культурная деятельность Д. В. Григоровича в 1880–1890-е гг. // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1965. Т. 273. С. 156).

[7] Об этом свидетельствует письмо Кулаковского к Фету от 14 сентября 1887 г., в котором он, препровождая текст комедии, рекомендовал «посмотреть одну-две сцены» (*РГБ.* Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 1 об.). О Юлиане Андреевиче Кулаковском (1855–1920), его переписке и сотрудничестве с Фетом-переводчиком, а также о его оценке фетовских переводов см.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 36; *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 216. 29 ноября Фет писал Полонскому, что в последние недели занимался в том числе «обделкой перевода» Плавта «для сцены» (*Переписка с Полонским*. С. 690).

[8] 28 ноября 1888 г. Фет писал Ф. Е. Коршу: «Мне предлагают поставить „Aulularia“ в моем рифмованном переводе на сцену, и хотя я, согласно немецкому переводу „der Topf“, перевел — „Горшок“, но, ввиду французского перевода „La marmitte“, мне предлагают для избежания двоемыслия озаглавить комедию словом „Котелок“, тем более что наши клады постоянно оказываются в котлах, а не в горшках. Желая постоянно исполнять работу добросовестно и не будучи лично в состоянии взвесить всей дозволительности выставить над комедией Плавта заглавие „Котелок“, прибегаю к Вашей учености, которой в заключение всех моих разглагольствий достаточно только черкнуть одно слово: „можно“ или „нельзя“. А конечно, по-русски „Котелок“ следовало бы предпочесть Горшку» (*Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 221).

стоялась (см. примеч. к письму 2). Текст комедии вышел отдельным изданием в 1891 году (*Плавт Тит Макций*. Горшок. В пер. А. А. Фета. М., 1891).

О качестве перевода «Горшка» Я. П. Полонский, слышавший чтение комедии в Театрально-литературном комитете, писал Фету в декабре 1888 года: «Твой „Горшок“, конечно, хорош, но без комментарий не везде удобопонятен. — Не понимаю, для чего ты перевел с рифмами. — Наши актеры и без рифм-то стихов читать не умеют, — а читатели — требуют легкости и музыкальности стиха. Перевод твой местами хорош — местами тяжел. — Видны следы труда почти непреодолимого — перевести классические сцены на язык Княжнина и Грибоедова».[9] Напротив, филолог-классик Ю. А. Кулаковский в статье в «Русском обозрении» дал высокую оценку «живому, непосредственному и веселому переводу» Фета.[10]

В письмах 8 и 9 речь идет о непродолжительном пребывании Фета в Петербурге в феврале — марте 1889 года в связи с пожалованием ему 26 февраля звания камергера и необходимостью быть представленным ко двору и лично императору.[11]

Наконец, короткий самостоятельный сюжет составляют в переписке два письма от ноября 1889 года (10 и 11). Фет поздравляет Григоровича с получением чина действительного статского советника, адресат же, не без намека на камергерство Фета, отвечает признанием в собственном равнодушии к чинам и отличиям, вновь повторяя то, о чем уже писал раньше (письмо 9). Едва ли случайно фамилию поэта на конвертах он несколько раз надписывает как «Шиншин».

Письма Фета публикуются по подлинникам — *ИРЛИ*. Ф. 82. № 161. Все они написаны рукой Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцева), только заключительные фразы и подписи — рукой Фета. В архив Григоровича письма 3, 5, 6, 8 поступили из фонда П. И. Вейнберга; письмо 10 — из фонда И. А. Шляпкина. Письма Григоровича публикуются по подлинникам: письма 1, 2, 4, 7, 11 — *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 39; письмо 9 — *ИРЛИ*. Ф. 337. № 20284.

---

[9] *Переписка с Полонским*. С. 692.

[10] См.: *Кулаковский Ю. А*. Тита Макция Плавта. *Горшок (Aulularia)*, перевод А. А. Фета // Русское обозрение. 1891. Т. 1. Февраль. С. 917–928 (раздел «Критика и библиография»). См. подробнее: *Переписка с Полонским*. С. 693, а также примеч. 6 к письму 54.

[11] См.: *Летопись*. С. 331.

1

Д. В. Григорович — А. А. Фету

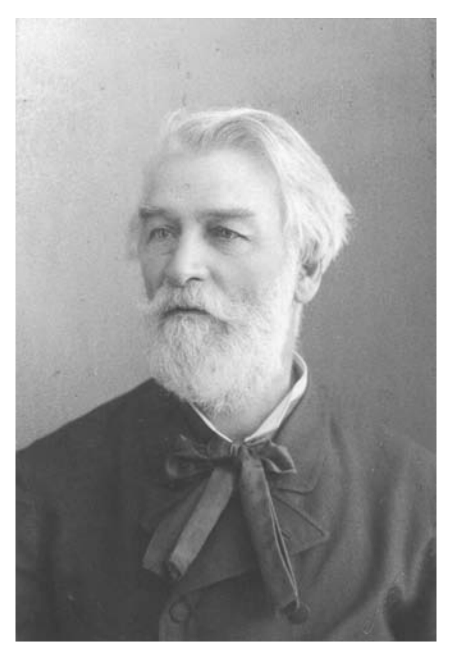
22 ноября 1888 г. Петербург

Петерб<ург>. 22 ноябр<я>.

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич; письмо Ваше искренно меня порадовало;[1] оно показало мне, во-первых, что Вы меня не совсем забыли, во-вторых, — напомнило мне дорогое время и дорогой кружок лиц, из числа которых немного уже осталось. Радует меня также, что, несмотря на лета и многое уже в них Вами сделанное, — Вы продолжаете служить дорогому делу. Жаль, что пьеса Плавта, переведенная Вами, пришла в самый день заседания Комитета; у нас читалась пьеса на очереди; читал ее сам автор (В. А. Крылов)[2] и не было возможности отложить чтение. В следующую субботу пьеса Плавта будет прочитана.

Что будет она пропущена, об этом, конечно, не может быть речи; другое дело — ее постановка на сцену. Во-1-х, это не зависит вовсе от Комитета, существующего с тем только, чтобы оценивать литературное достоинство произведений; во-2-х, дирекция,[3] руководящаяся, к сожаленью, — соображением доходности больше, чем оздоровлением вкуса публики, — вряд ли решится тратить деньги и время на постановку пьесы с сомнительным успехом. Бываете ли Вы часто в русском театре?[4] Следите ли за текущим репертуаром? За последние годы вкус публики извратился до крайних пределов. Чуть что вышло из битой колеи гражданской скорби[5] — публика скучает! На 2000 человек, сидящих в русск<ом> театре, — едва ли найдется 10 лиц, способных заинтересоваться комедией Плавта, слыхавших о таком имени, искренно убежденных, что в афише произошла опечатка и вместо *Плавутина*[6] напечатали *Плавта*!

Между русской театральной публикой и Плавтом такое же отношение, как между каким-нибудь бегемотом и лайковыми перчатками! Я, конечно, сделаю все возможное, чтобы пьеса была поставлена, — но заранее предупреждаю Вас — за успех не ручаюсь. Теперь другое дело: Вы жалуетесь на ослабление зрения; я старше Вас годами и в течение последних лет поправил зрение благодаря венскому профессору Притду, который советовал мне следующее: перед тем чтобы ложиться спать, умывать лицо горячей водой (насколько держит рука), затем обмывать всю глазную полость лица и накладывать компрессы: две ложки чайные отварной воды *на одну* ложку крепчайшего спирту в 92 град<уса>.



Д. В. Григорович
Фотография А. Пазетти. Петербург, 1888 г.

Этим способом я совершенно восстановил себе ослабевающее зрение, — а мне теперь *68* лет от роду.[7]

Очень, очень было мне радостно получить от Вас весточку и также узнать, что Марья Петровна обо мне вспомнила. Кланяюсь ей низехонько и Вам дружески жму руку

Д. Григорович.

Б. Морская, д. № 40.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 1–2 об.

[1] Это письмо Фета неизвестно.

[2] *Крылов Виктор Александрович* (1838–1906) — драматург, переводчик, журналист, театральный деятель.

[3] Имеется в виду Дирекция Императорских театров.

[4] Русским со времени его открытия в 1832 г. традиционно назывался Александринский театр в Петербурге (в отличие от Михайловского, в обиходе — Французского) и Малый театр в Москве (открыт в 1824 г.); на их сцене шла преимущественно русская драма.

[5] Упоминание Григоровичем «битой колеи гражданской скорби» — намек на засилье социально ориентированных пьес на русской сцене, возможно, отсылка

к Предисловию Фета к третьему выпуску «Вечерних огней» (1888), где поэт давал объяснение своему неприятию «гражданской скорби» в лирике.

[6] *Плавутин* — лицо неустановленное.

[7] Григорович ошибся: он был моложе Фета, родившегося в 1820 г., а ему самому было в это время 66, а не 68 лет. Ср. письмо 9.

2

Д. В. Григорович — А. А. Фету

1 декабря 1888 г. Петербург

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич, — в назначенный день не было, к сожаленью, возможности прочесть переведенную Вами пьесу Плавта, как в 1-е, так и во 2-е отделение Комитета явились *лично приезжие авторы* пьес, назначенных для наступающих бенефисов на московской сцене; авторы эти г-жа Кашперова[1] и г-н Александров (не Виктор Крылов,[2] а Александров, другой какой-то московский автор).

Московских исключительных слушал Комитет, <он> не дает себе права откладывать чтение и тем заставлять авторов проживать в Петербурге лишнюю неделю до следующей субботы. Не известил я Вас об этом в тот же день потому, собственно, что Я. П. Полонский обещал немедленно писать Вам. С того дня я не виделся с Полонским, не знаю, исполнил ли он обещание, и для большей верности решаюсь сообщить Вам о случившемся.

В субботу пьеса Ваша будет прочитана во что бы то ни стало, и я немедленно извещу Вас.

Дружески жму Вашу руку и прошу принести мой нижайший поклон Марье Петровне.

Преданный Вам
Д. Григорович.

1-е декабр<я>. 1888 г.
Б. Морская, д. 40.

На конверте: *Москва.*
Плющиха, дом Шиншина.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шиншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 1 декабря 1888; 2) Москва, 2 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 3–4 об.

[1] *Кашперова Екатерина Владимировна* — актриса труппы Малого театра в 1884–1887 гг., занималась также переводами пьес для театра.

[2] *Александров* — псевдоним В. А. Крылова (см. о нем примеч. 2 к письму 1). Другой «московский автор» — *Владимир Александрович Александров* (1856–после 1918), адвокат, драматург, автор нескольких пьес, поставленных в 1880–1890-х гг. главным образом на сцене Малого театра в Москве.

3

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

14 декабря 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

14 декабря 1888.

Дорогой Дмитрий Васильевич.

Получил я последовательно два письма Ваших, объясняющих задержку «Горшка» в Комитете; но с тех пор прошло уже две субботы, и я не могу понять, что случилось или чем я специально мог навлечь такую немилость. У меня требуют пиесу к сроку, а я без Вашего разрешения — парализованный человек. Ради Бога, помогите мне выбраться на жизненную тропу.[a] Заранее уверен в любезной помощи Вашей.

Дружески жму Вашу руку.

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 1–1 об.

4

Д. В. Григорович — А. А. Фету

17 декабря 1888 г. Петербург

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Не обвиняйте меня, прошу Вас, в том, что не дал знать Вам немедленно о единогласно пропущенной пьесе «Горшок» в субботу 3-го декабря; такая неаккуратность не в моем обычае вообще, а по отношению к Вам, — просто невозможна. Но вот

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

что произошло: как только пьеса единогласно прошла в Комитете, сидевший рядом со мною общий наш друг Я. П. Полонский <сказал>, что напишет Вам о случившемся в тот же вечер. Я представил ему это удовольствие; — но Вы знаете его рассеянность; к тому же он в эти самые дни оканчивал свою поэму,[1] и немудрено, что возвратясь домой, — забыл исполнить свое обещание. Присланный Вами экземпляр пьесы останется здесь; тот, который с цензурным штемпелем, поступает в архив документов; другой хранится в особом отделении, чтобы иметь его тотчас же под рукою на тот случай, если пьесу решено будет поставить на сцену. В нынешний сезон, — вероятно, — будет невозможно; он весь уже распределен.

Дружески жму Вашу руку

Д. Григорович.

17 декабр<я> 1888 г.

На конверте: Москва.
Плющиха, дом Шиншина.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шиншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 17 декабря 1888; 2) Москва, 18 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: *РГБ.* Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 5–6 об.

[1] Речь идет о поэме Я. П. Полонского «Анна Галдина» (указано: *Переписка с Полонским.* С. 694; в цитируемом в примечаниях фрагменте письма Григоровича «свою» ошибочно прочитано как «новую»). В письме к Фету от 12–15 декабря, написанном почти две недели спустя после обсуждения фетовского перевода в Театральном комитете, Полонский не сообщил о его результатах, предполагая, что они уже известны ему от Григоровича (см.: Там же. С. 692). См. также письмо 5.

5

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

18 декабря 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

18 декабря 1888.

Любезнейший Дмитрий Васильевич!

В полученном мною вчера письме Полонского я прочел следующее: «я слышал чтение „Горшка“ в нашем театральном Комитете»… и далее:

«полагаю, что Дмитрий Васильевич Григорович уже сообщил тебе о результатах чтения твоей комедии».[1]

Из первых строк я понял, что *комедия* уже неделю тому назад прошла в Вашем специальном Императорских театров Комитете, но я до сих пор, невзирая на мои убедительнейшие просьбы, моего одобренного общей театральной цензурой экземпляра не получаю. Что же касается до второй фразы, то я предполагаю, что она скрывает для меня неблагоприятный исход дела. Иначе для чего же нужно было витийствовать? Процензированный <так!> экземпляр моего произведения составляет документ, лично мне принадлежащий, подобно метрическим и другим документам, возвращаемым по принадлежности независимо от исхода дела.

Повторяя еще раз мою покорнейшую просьбу о высылке мне моего утвержденного цензурою экземпляра, я уверен, что Вы не откажете в ней старому приятелю. Признаюсь, что я скорей бы поверил, что какой-либо комитет выпил Неву, чем тому, что смиренный «Горшок» — Плавта зачеркнут какою-либо цензурою. А эта уверенность по сей день вводит меня в нравственную беду. Никулина просит ее в бенефис,[2] и тетрадь взяли и, быть может, в настоящее время разучивают роль, так как я целый месяц поджидаю со дня на день разрешения, которое, как я полагал, последует из одной формальности даже без чтения уже одобренной цензурою пиесы.[a] Ради Бога, выведите меня из этого лабиринта, в который я попал по излишней доверчивости, и примите заблаговременно искренную признательность

преданного Вам
А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 3–4. Вверху л. 1 помета Григоровича: «*поэт Фет*».

[1] В письме от 12–15 декабря 1888 г. Полонский сообщал, что, завтракая с вел. кн. Константином Константиновичем, слышал в его исполнении два стихотворения Фета, и добавлял: «Ну, ей Богу же, за одно такое ярко-свежее и вечно-молодое стихотворение не взял бы я всего твоего перевода из Плавта. Я слышал его чтение в нашем Театральном комитете» (*Переписка с Полонским*. С. 692; письмо 54). Далее шла дословно цитируемая Фетом фраза о сообщении Григоровичем результатов чтения. Чтение и обсуждение фетовского перевода «Горшка» Плавта состоялось в Театральном комитете 3 декабря 1888 г. Полонский как член Комитета при-

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

сутствовал на этом заседании (см.: Там же. С. 693). Григорович сообщил Фету о результатах чтения в письме от 17 декабря (№ 4).

[2] *Никулина Надежда Алексеевна* (в замуж. Дмитриева; 1845–1923) — актриса Малого театра, исполнительница комедийных и характерных ролей (главным образом в пьесах А. Н. Островского). Постановка комедии Плавта не осуществилась. Для бенефиса Никулиной, состоявшегося 16 января 1889 г., была взята комедия А. С. Суворина «Татьяна Репина»; ближайшее участие в ее сценической подготовке принимал А. П. Чехов, сообщавший о подробностях работы и Суворину, и Никулиной (см.: *Зограф Н. Г.* Малый театр второй половины XIX века. М., 1960. С. 613; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 70–136, 350–352 и след.).

6

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

19 декабря 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

19 декабря 1888.

Любезнейший Дмитрий Васильевич!

Сердечно благодарю Вас за известие о пропуске «Горшка»; но я никак не могу понять порядка, вследствие которого один Комитет, признавая одобрение другого, безвозвратно уничтожает это одобрение. Если Вашему Комитету необходимо два экземпляра, то я вышлю Вам сейчас второй, лишь бы Вы выслали мне одобренный цензурою; иначе кто же мне поверит, что мне не только разрешено предлагать пиесу императорским театрам, но и вообще обнародовать ее в той, а не в другой форме. Для всего этого установлена цензурная скрепа по листам. Если же есть какой-либо другой образ действия, то не откажите наставить меня в этом смысле. Ведь не может же Ваше любезное частное письмо служить для меня оправдательным документом.[a]

Извините, что беспокою Вас, но что же делать? В надежде на Вашу руку помощи крепко жму ее.

Ваш старый соратник А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 5–5 об. Вверху л. 1 помета Григоровича: «А. А. Фет».

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

7

Д. В. Григорович — А. А. Фету

21 декабря 1888 г. Петербург

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, с получением последнего письма Вашего (я получил их два в один день),[1] — немедленно навел я справку у секретаря Комитета о том, — почему не была Вам отправлена пьеса, пропущенная Комитетом; вот что обнаружилось: вместо 3-х положенных по уставу экземпляров пьесы «Горшок» от Вас имеется всего один цензурный экземпляр, который и должен оставаться в цензуре. Второй экземпляр (если б Вы его выслали) остался бы при театральном Комитете; 3-й, наконец (если бы таковой имелся налицо), — был бы Вам давно отправлен с отметкою об утверждении пьесы.

Удивляюсь, как Вы, — до отсылки сюда пьесы — не расспросили у кого-нибудь, — хоть у В. А. Крылова,[2] о том, как эти дела делаются! Я убежден был, что все установленные 3 экземпляра у нас, и один из них — одобренный для представления — давно Вам послан.

Хотя мы не имеем никакого права распоряжаться цензурным экземпляром, он будет, однако ж, Вам выслан завтра в четверг; вышлет его уже Контора имп<ераторских> театр<ов>: дав расписку цензурному комитету, и вышлет как официальный документ в контору московских театров; там Вы получите пьесу в пятницу.

Всей этой процедуры, конечно, бы не было, — если б Вам угодно было послать три установленные экземпляра Вашей пьесы.

Мне остается только пожалеть о случившемся, порадоваться, что Комитет тут нисколько не виноват и пожелать искренно пьесе Вашей истинного успеха на сцене.

Жму дружески Вашу руку

Д. Григорович.

21 декабр<я> 1888.

На конверте: Москва.
Плющиха, дом Шиншина.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 22 декабря 1888; 2) Москва, 23 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 7–8 об.

[1] Имеются в виду письма 5 и 6.
[2] О В. А. Крылове см. примеч. 2 к письму 1.

8

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

26 марта 1889 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

26 марта 1889.

Добрейший и многоуважаемый
Дмитрий Васильевич.

Совесть мучает меня, принуждая извинить в глазах Ваших, что в течение недели моего пребывания в Петербурге не успел явиться к Вам с поклоном. Но одного Вашего взгляда на меня, отвратительно больного вот уже вторую неделю, было бы достаточно для полного моего оправдания. Визиты мертвецов представляют анормальное явление, от которого люди отделываются осиновыми кольями и разными другими целесообразными заклинаниями.

В Петербурге я слышал, что и Вы некоторое время были не совсем здоровы.

Елена Андреевна Третьякова[1] насмешила нас с женою Вашим сказанием о шапке, до того сальной, что она могла бы гореть, как плошка. Видно, что юмор Ваш с летами не утрачивает силы.

Мне было бы слишком тяжело думать, что старческая хворь моя, помимо физических страданий, приносит мне и нарекания со стороны старых приятелей.[a]

Примите наши общие с женою усердные поклоны и наилучшие пожелания.

Неизменно преданный Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 6–6 об. Вверху л. 1 помета Григоровича: «*А. А. Фет*».

[1] Е. А. Третьякова — вторая жена коллекционера и мецената С. М. Третьякова (1834–1892), с 1889 г. жившего в Петербурге.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

9

Д. В. Григорович — А. А. Фету

28 марта 1889 г. Петербург

Петерб<ург>. 28 марта.

Глубокоуважаемый и дорогой
Афанасий Афанасьевич,

Действительно, я попенял на Вас, но совсем не за то, что Вы ко мне не заехали, — а за то, что, быв в Петерб<урге>, не спросили моего адреса и не черкнули словечка о том, что приехали и где остановились. С превеликою радостью я бы поспешил навестить вас и Марью Петровну, потому что и помню и люблю Вас обоих. Считаться визитами между нами тем более лишнее, что как только отношения склоняются в сторону церемоний, — доля искренности утрачивается; — а для меня только это и дорого. Ел<ена> Андр<еевна>[1] очень нехорошо делает, что передает то, что говорится в тесном кружке и в минуту разыгравшегося воображения; — мало ли что срывается тогда с языка; это тем менее мне нравится, что я высоко ценю и ношу в моем сердце лицо, о котором шла речь. Легко обвинять в так называемом злоязычии! Дайте-ка любому из обвинителей способность живо воспринимать впечатления и вместе с тем мгновенно облекать их в более или менее забавную форму; надо тогда посмотреть, как стал бы этот[а] смертный воздерживаться от красного словца! В данном случае один Христос разве мог бы устоять против соблазна. Не поздравлял я Вас с камергерством потому, собственно, что, живя в Петерб<урге> и встречая во множестве камергеров, убедился в том, что звание óно не только не прибавляет лишнего часа в жизни человека, — но даже не в состоянии избавить от насморка и зубной боли. Впрочем, у Вас, говорят, была на это особая уважительная причина. Меня весьма опечалила кончина С. С. Боткиной; не считая горя Д<митрия> П<етровича>,[2] — которого я люблю, я глубоко уважал покойницу и ценил ее как жену и мать; она отвечала почти моему идеалу замужней женщины, — идеалу, нарисованному[б] на надписи гробницы римской женщины: «*Она занималась шитьем и оберегала дом*». На мой взгляд, это для женщины в 1000 раз лучше, чем изменять мужу, и более в пользу Шопенгауэра — хотя бы даже в Вашем переводе.[3] Вам говорили обо

[а] *Далее зачеркнуто одно слово.*

[б] *Было*: надписью на, *исправлено на*: на (*вписано*) надписи

Письмо Д. В. Григоровича к Фету от 28 марта 1889 г.
Первая страница

мне сущую правду — хотя это редко случается; я в самом деле был[в] опасно болен и теперь еще чувствую себя не совсем ладно; доктора уверяют, что грудные фибры отделяют известь;[4] я полагаю, дело проще: на развалинах известь, напротив, осыпается и ее нет; главную роль играет ржавчина; мне уже минуло 67 лет и, следовательно, пора ей начать разъедать меня. Однако я с Вами заболтался, — тоже признак старчества. «*Assez de battéfolage comme ça, — il faut conclure!*»,[г] как говорил Тургенев, отправляя за границу своего protégé[д] Колбасина.[5]

Марье Петровне горячо пожимаю обе руки, а Вас по старой памяти просто обнимаю и целую в обе щеки. Увидите Л. Н. Толстого, поклонитесь ему от меня; он когда-то меня любил, а я и теперь люблю его не меньше прежнего. Будьте оба здоровы, — счастливы насколько возможно.

Искренне Вам преданный

Д. Григорович.

Пет<ербург>. 28 ма<рта>.
1889 г.

На конверте: Москва.
Плющиха, дом Шеншина.
Его превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 30 марта 1889; 2) Москва, 31 марта 1889.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20281. Л. 1–2 об.

[1] См. письмо 8 и примеч. 1 к нему.

[2] *Боткина Софья Сергеевна* (рожд. Мазурина; 1840–1889) — жена шурина Фета Д. П. Боткина (1829–1889) — коллекционера, мецената, владельца богатой коллекции европейской живописи, близкого друга С. М. Третьякова и его свойственника (Третьяков был женат на родной сестре С. С. Боткиной). Как вспоминал П. И. Щукин, «по воскресеньям у Дмитрия Петровича бывали обеды с гостями — зимой на Покровке, а летом в Кунцеве на его даче. <…> Вообще семья Дмитрия Петровича отличалась радушием и гостеприимством» (цит. по: *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 127 (сер. «Преданья русского семейства»); подробнее: С. 124–131). На кончину С. С. Боткиной Фет откликнулся стихотворением «Памяти С. С. Б—ой», включив его в четвертый выпуск «Вечерних огней» с датой «7 марта 1889 г.».

[в] был — *вписано.*

[г] «*Довольно молоть вздор, — пора заканчивать!*» (*франц.*).

[д] протеже, подопечного (*франц.*).

[3] Фет перевел и издал три работы А. Шопенгауэра: «Мир как воля и представление» (СПб., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле в природе» (М., 1886).

[4] Григорович страдал грудной жабой. «У меня возобновилась прежняя моя болезнь, — писал он В. А. Гольцеву 18 декабря 1889 г. — Худшее с ней, нравственно тягостный гнет, при котором не только невозможно писать, но и спокойно думать» (цит. по: *Мещеряков В. П.* Д. В. Григорович — писатель и искусствовед / Отв. ред. Г. Н. Моисеева. Л., 1985. С. 142).

[5] *Колбасин Елисей Яковлевич* (1832–1885) — прозаик, критик, принадлежавший кругу «Современника». О его поклонении Тургеневу и даже подобострастии по отношению к нему оставили свидетельства многие мемуаристы; покровительство Тургенева Колбасину высмеивал, в частности, Н. А. Добролюбов как «литературное генеральство» и воскрешение «моды иметь литературных милостивцев» (см.: *Краснов Г. В.* 1) Примечания // *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 465–466; 2) Колбасин Е. Я. // Русские писатели: 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 21). За границу Колбасин уехал в мае 1858 г. и более года прожил в Киссингене и Париже, побывав также вместе с Тургеневым в Лондоне.

10

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

3 ноября 1889 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

3 октября[1] 1889.

Многоуважаемый Дмитрий Васильевич!

Прочитавши сегодня с женою в «Московских ведомостях» о получении Вами Высочайшей награды,[2] мы душевно обрадовались, и я счел приятною для себя обязанностью поздравить Ваше Превосходительство[3] с Монаршей милостью. Закоренелый солдат и в собственном соку заспиртованный консерватор, я совершенно ясно различаю четыре мотива: первое: необузданное самолюбие, мечтающее стать с конституционной трибуны во главе темной массы; второе: бессильная зависть перед вывеской: «зелен виноград»; третье: неудержимое желание отличаться перед другими пестротою своего нравственного костюма с хохлацким эпиграфом: «хоть гирше, да иньше»; и наконец, четвертое: отчаянное отсутствие всякой собственной инициативы с излюбленной мужицкой поговоркой: «как люди, так и мы».

Вот в своем роде четвероякий корень[4] уличного либерализма, обуревающего наших поповичей и разночинцев под дуновением их же собственных журналов. Я же в унисон с последним русским мужиком не

перестаю называть вещи их собственным именем, и в том числе Царскую милость Высочайшею в жизни наградою.

Примите это искреннее поздравление вместе с пожеланием долгой возможности продолжать Вашу полезную деятельность.

Сию минуту узнал от Михаила Петровича Боткина,[5] что Вы бодры и здоровы, чему сердечно обрадован.[а]

По старине дружески жму Вам руку.

Преданн<ый>Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 7–8. Вверху л. 1 пометы Григоровича: «А. А. Фет — Шиншин», «*А. А. Фет*».

Письмо частично цитируется: *Переписка с Полонским*. С. 773 (примеч. 2. к письму 95).

[1] В автографе ошибка; должно быть: «ноября» (ср. ниже, примеч. 2).

[2] В связи с 50-летним юбилеем Рисовальной школы при императорском Обществе поощрения художников Д. В. Григорович как ее преобразователь и директор (1865–1887) получил чин действительного статского советника (чин IV класса по Табели о рангах). В «Московских ведомостях» сообщение об этом появилось 2 ноября (№ 303). О заслугах Григоровича как секретаря (с 1864 г.) Общества поощрения художников и директора Рисовальной школы при нем В. Р. Зотов писал: «…для этого общества он сделал очень много, и его можно смело назвать устроителем этого процветающего теперь учреждения. <…> Ему обязана Россия устройством литографического и ксилографического дела, образцовыми художественными изданиями видов Петербурга, профилей и фасадов его зданий, сцен из народного быта, костюмов инородцев, живущих в России, и пр. Дмитрий Васильевич с рвением истинного любителя, с знанием настоящего знатока искусства принялся расширять круг деятельности общества, ввел в него новые элементы, придал ему более практическое направление. При обществе была школа рисования под ведением министерства финансов. Министерство положило закрыть ее, но она была сохранена и, перейдя в заведование общества, пополнена новыми классами композиции, орнамента, лепной работы, резьбы на дереве, эмальировки и др. Ей придано художественное техническое направление. <…> Он ввел в школу новый, рациональный метод преподавания. Кроме классов рисования с эстампов и гипсовых фигур, учреждены классы: натурный, композиции, гравюры на дереве, скульптуры, резьбы из дерева, живописи на фарфоре, стекле и эмали, перспективы, основных начал архитектуры, истории искусства и различных ремесл <так!>, некоторых отделов строительного искусства, химии в ее применении к составам эмали и минеральных красок. Устройство школы в доме общества, подаренном государем, образцовое. <…> Библиотека составлена лишь из ценных изданий. Кроме того, устроен музей по всем отраслям художества <…>. И все это — школа, музей, библиотека, мастер-

[а] *Далее рукой А. А. Фета.*

ская, обязано своим устройством исключительно одному Григоровичу, и обо всем этом он ни слова не говорит в своих „Воспоминаниях“ <…>» (*Зотов В. Р.* Художник-литератор. Биогр. очерк (По поводу полувекового юбилея Дмитрия Васильевича Григоровича) // *ИВ*. 1893. № 9. С. 696–697). О деятельности Григоровича см.: *Макаренко Н. Е.* Школа императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914. Пг., 1914; *Юманкова Е. П.* Литературная и общественно-культурная деятельность Д. В. Григоровича в 1880–1890-е гг. С. 149–152; *Мещеряков В. П.* Д. В. Григорович — писатель и искусствовед. С. 128–136.

[3] «Ваше (его) превосходительство» — официальная формула титулования (т. н. общий титул) лиц в чинах III–IV классов по Табели о рангах. Использование общего титула было обязательно во всех случаях обращения к вышестоящему по службе или по общественному положению. В XIX в. в России существовало пять общих титулов: I и II классы — ваше высокопревосходительство; III–IV классы — ваше превосходительство; V класс — ваше высокородие; VI–VIII классы — ваше высокоблагородие; IX–XIV классы — ваше благородие (см.: *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 142–143).

[4] «Четвероякий корень принципа достаточного основания» (1813) — докторская диссертация А. Шопенгауэра, предшествовавшая главной его работе «Мир как воля и представление» (1818). В переводе Фета она носила название «О четверном корне закона достаточного основания» и была опубликована в 1886 г. Четыре «мотива» Фет перечисляет, следуя шопенгауэровскому «четвероякому корню» причин и следствий.

[5] М. П. Боткин (1839–1914) — художник, академик живописи (с 1863 г.), коллекционер; шурин Фета. Жил в Петербурге, где в доме на Васильевском острове собрал уникальную коллекцию памятников античного и ренессансного искусства (в 1920 г. она поступила в Эрмитаж). См. о нем: *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 192–213.

11

Д. В. Григорович — А. А. Фету

12 ноября 1889 г. Петербург

С. П. Б. 12 ноября.
1889 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич,

искренне благодарю Вас и Марью Петровну за память и дружеское письмо. Хотите верьте — хотите нет, — сохранение дружеских отношений со стороны старых друзей и товарищей по литературе, которых я привык уважать и любить, — дороже для меня всевозможных внешних отличий. Отличия эти были бы пригоднее в прошлое время, когда — благодаря им — можно было бы успешнее действовать в пользу общественного дела, которому я служил; теперь они нечто вроде горчицы — или если хотите кулебяки после ужина. Когда в Петербурге выступил

проект о засыпке Екатерининского канала и устройстве на его месте бульвара,[1] я постоянно проповедовал, что засыпку эту всего удобнее и дешевле было бы произвести одними действительными статскими советниками, — благо не знают здесь, куда их девать. С моей точки зрения, я только прибавился к их числу. Единственная награда, которая могла бы привести меня в неописуемый восторг, заставила бы пасть ниц перед наградителем и облобызать прах его ног, — это если бы вместо прибавки чина, — убавили мне десятка два лет… Но увы! увы!! против такой награды и сама природа бессильна! Она — жестокосердная, напротив, с каждой секундой приближает меня к тому, что мне так глубоко ненавистно, — чего я так боюсь. В январе надеюсь быть в Москве и, конечно, один из первых шагов будет направлен к Вашему жилищу. М. П. Боткин ошибается, говоря о моем здоровье; — и немудрено: мы встречаемся редко в заседаниях и мельком; чего уж тут хорошего, когда постоянно чувствуешь замиранье в груди и боль в сердце!

Приношу мой глубокий поклон Марье Петровне и Вам дружески жму руку.

Сердечно Вам преданный

Д. Григорович.

С. П. Б.
Вознесенский мост,
Екатерининский канал, 79.

На конверте: Москва.
Плющиха, *дом Шиншина*.
Его превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шиншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 13 ноября 1889; Москва, 14 ноября 1889.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 9–10 об.

Письмо частично цитируется: *Переписка с Полонским*. С. 773 (примеч. 3. к письму 95).

[1] Проект засыпки Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) был составлен в 1869 г. группой акционеров строительной компании и предполагал в дальнейшем обустройство на его месте проспекта с двумя железно-конными путями и бульвара для прогулок, которому предполагалось дать имя императора Александра II. Несмотря на первоначальное одобрение императором, в результате длительного обсуждения специальной комиссией проект был единогласно отвергнут Городской Думой в 1872 г.

ПИСЬМА Я. Г. ГУРЕВИЧА к А. А. ФЕТУ (1890–1891)

Публикация Л. И. Черемисиновой

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся четыре письма к А. А. Фету известного российского педагога и историка, одного из основателей знаменитых Бестужевских курсов в Петербурге, создателя гимназии, которую окончили многие выдающиеся люди (в их числе, например, Николай Гумилев, Константин Вагинов, Игорь Стравинский и др.), редактора и издателя журнала «Русская школа» Якова Григорьевича Гуревича (1843–1906).

Все письма написаны на бланках журнала «Русская школа», вложены в фирменные конверты с надписью: «Редакция журнала „Русская школа“»; датированы по старому стилю.

Что могло объединять Фета и Гуревича? Когда состоялось их знакомство и каков характер его?

Новый петербургский ежемесячный журнал «Русская школа», основанный в 1890 году, предназначался для школы и семьи. Он имел «общепедагогическую и общественно-педагогическую» направленность, так как ставил «себе более широкие задачи в области воспитания и обучения, чем существующие специально-педагогические журналы».[1] Одно из программных положений данного периодического издания — изучение истории обучения и воспитания. С этой целью в журнале печатались статьи по истории русской школы и всеобщей истории педагогики, биографии выдающихся русских педагогических деятелей, школьные воспоминания. «По нашему убеждению, — писал в редакционной статье Я. Г. Гуревич, — знакомство со старою школой, о которой еще не

---

[1] *Я<ков> Г<уревич>*. Задачи журнала «Русская школа» // Русская школа. 1890. Т. 1. № 1. С. 11.

так давно принято было отзываться с крайним пренебрежением, представляет в настоящее время большой интерес, и потому-то мы открываем в журнале „Русская школа“ особый отдел под заглавием „Школьные воспоминания“, в котором мы имеем в виду дать нашим читателям воспоминания многих выдающихся на различных поприщах русских общественных деятелей об их учебных годах».[2]

Собирая подписчиков на 1890 год, редакция обещала напечатать воспоминания П. И. Вейнберга, Г. П. Данилевского, А. Ф. Кони, С. В. Максимова, Я. П. Полонского, Д. Д. Семенова, В. Д. Сиповского, А. К. Михайлова (Шеллера), В. Я. Стоюнина и др. Поиск авторов, способных поделиться своими школьными воспоминаниями, при этом познакомить с устройством «старой школы» и заинтересовать публику, вероятно, стал причиной переписки, состоявшейся между Фетом и Гуревичем.

Насколько можно судить по имеющимся фактическим данным, заочное знакомство Фета с Гуревичем произошло в сентябре 1890 года, когда Я. П. Полонский предложил поэту напечатать «школьные» главы мемуарной книги «Ранние годы моей жизни»[3] в новом педагогическом журнале. В январе — феврале 1890 года Полонский опубликовал в нем собственные воспоминания «Школьные годы (Начало грамотности и гимназия)»,[4] а затем направил по своим стопам Фета, выступив, таким образом, в роли посредника.

Фет начал работать над «Ранними годами моей жизни» примерно в конце 1889 — начале 1890 года.[5] Главы мемуаров, отразившие период

---

[2] *Я<ков> Г<уревич>*. Задачи журнала «Русская школа». С. 18.

[3] Книга «Ранние годы моей жизни», увидевшая свет в 1893 г., стала продолжением мемуаров Фета, хотя хронологически события, представленные в ней, предшествуют периоду повествования в двухтомнике «Мои воспоминания». Предположительное время создания последней мемуарной книги — начало 1890 г. — лето 1892 г. О творческой истории книги «Ранние годы моей жизни» см.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 336–350. Здесь же впервые опубликованы письма Я. Г. Гуревича к Фету.

[4] *Полонский Я. П*. Школьные годы (Начало грамотности и гимназия) // Русская школа. 1890. Т. 1. № 1. С. 75–94; № 2. С. 6–19.

[5] Первое документальное свидетельство о подготовке книги мемуаров относится к 30 июня ст. ст. 1890 г. В тот день Фет сообщал Цертелеву: «Я понемножку пишу свои воспоминания, начиная со дня рождения, и в настоящее время я уже в Московском университете» (*ИРЛИ*. № 24133. Л. 9). Стало быть, к концу июня ст. ст. (середине июля н. ст.) 1890 г. Фет изложил на бумаге по крайней мере 15 глав своего жизнеописания, ибо о поступлении на учебу в Московской университет повествуется в XVI главе.

биографии поэта от рождения до поступления в университет, были закончены примерно к лету 1890 года. Не исключено, что в сентябре 1890 года Фет подумывал об издании отдельной брошюрой «ребяческих и отроческих воспоминаний», о чем писал в не дошедшем до нас послании к Полонскому. «Прежде чем ты издашь отдельной книгою свои ребяческие и отроческие воспоминания, — отвечал Полонский Фету 9 сентября 1890 года, — не дашь ли ты из этих воспоминаний отрывка о своих школьных годах — о пребывании в пансионе у Погодина и проч. — издателю и редактору журнала „*Русская школа*“[6] Як<ову> Григор<ьевичу> Гуревичу. — Он очень этого желает и даст столько же, сколько и „Русск<ое> обозрение“ (150 руб<лей> за лист)».[7]

Судя по всему, Фет отреагировал безразлично или даже негативно на предложение Полонского, ибо в нескольких письмах Полонский убеждал друга в пользе сотрудничества с журналом Гуревича. Так, обеспокоенный молчанием Фета, Полонский писал ему 18 сентября 1890 года: «…напиши хоть две строчки — согласен ты или не согласен на предложение Гуревича (редактора „Русской школы“) дать ему отрывок из твоих школьных воспоминаний (за 150 руб<лей> за лист). Твое „да“ или „нет“ потому мне нужно, чтобы Гуревич не подумал, что я не сдержал своего слова и не сообщил тебе его покорнейшей просьбы. — При этом сообщаю тебе, что „Русская школа“ в первый год своего существования приобрела уже с лишком 1000 человек подписчиков — и что полезность этого изданья сознается нашими педагогами».[8]

В ответном письме Фет, вероятно, выразил сомнение в успехе нового журнала, в интересе молодежи к его воспоминаниям, а также рассказал о своих переговорах с Цертелевым. Полонский продолжил увеще-

---

[6] Здесь и далее курсивом воспроизводятся места, подчеркнутые автором письма. Все даты указаны по старому стилю.

[7] *ИРЛИ*. № 11843а. Л. 121–121 об. С января по август 1890 г. Фет публиковал главы из книги «Мои воспоминания» в журнале «Русское обозрение». Мемуарист намеревался и фрагменты из «Ранних годов моей жизни» разместить в том же журнале. 30 июня 1890 г. он писал редактору и издателю «Русского обозрения» Д. Н. Цертелеву: «Думаю, что все это (речь идет о главах новой книги мемуаров. — *Л. Ч.*), как говорил мне Л. Толстой, будет не лишено общего интереса и, быть может, в октябре найдет доступ в Ваш прекрасный журнал» (*ИРЛИ*. № 24133. Л. 9). Что ответил Цертелев на фетовский запрос, неизвестно, однако публикация глав из последней книги мемуаров поэта в журнале «Русское обозрение» состоялась уже после смерти их автора (с января по апрель 1893 г.). И причина, скорее всего, не в отказе редактора, а в том, что нашелся другой орган печати.

[8] *ИРЛИ*. № 11843а. Л. 122–122 об.

вание мемуариста в послании от 6 октября 1890 года: «Дай Бог, чтоб издание „Русского обозрения“ имело успех и выручало князя Цертелева. — Одни им очень довольны (т. е. журналом, а не князем), другие — бранят — называют его альманахом, сборником статей, без всякой связи — и без всякой самостоятельной мысли. Что касается до „Русской школы“, то это журнал вовсе не для молодежи, а для Министерства народного просвещения — для его учителей и педагогов — им, конечно, будет интересно узнать, что даже и Погодинская школа не могла испортить человека — и не загасила в нем таланта, — если таковой имелся в наличности (т. е. твоего таланта). Конечно, поступай как хочешь, но — у тебя еще так много воспоминаний, что их хватит на пять журналов — и еще у князя Цертелева окажется их по крайней мере на 5 номеров».[9]

Аргументы посредника возымели силу, Фет дал согласие, поинтересовался адресом Гуревича и возможным объемом предстоящей публикации. Полонский корреспондировал 11 октября 1890 года: «Редактора „Русской школы“ — его превосходительство Гуревича зовут: Яков Григорьевич. Его адрес — *угол Бассейной и Лиговки. Гимназия Гуревича.* — Там он пребывает ежедневно с 10 ч. утра до 4-х пополудни; а если твое письмо придет в его отсутствие, то его тотчас же перешлют к нему. — Он будет очень польщен письмом твоим — и тотчас ответит о количестве листов ему потребных. — Вовсе не желаю заставлять Екатерину Владимировну лишнее переписывать, думаю только, что Гуревич все поместит, что ты соблаговолишь прислать ему (не в одном, так в двух и трех NN)».[10]

Далее последовали письменное обращение Фета к редактору «Русской школы», текст которого пока неизвестен, и публикуемые ниже ответные письма Гуревичу к Фету. Письма эти дают представление о характере взаимоотношений между корреспондентами, а также об обстоятельствах и условиях публикации фетовских воспоминаний в журнале «Русская школа». Несомненная ценность этих писем состоит еще и в том, что они проливают свет на историю текста книги «Ранние годы моей жизни».

Письма Гуревича к Фету печатаются по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей *РГБ* (Ф. 315. Оп. 2. К. 7. № 44), в соответствии с орфографическими и синтаксическими нормами современного русского языка. В ломаных

[9] *ИРЛИ*. № 11843а. Л. 128 об.–129.

[10] Там же. Л. 131–131 об.

Я. К. Гуревич
Фотография. Петербург, конец 1870-х гг.

скобках восстанавливаются недостающие фрагменты слов; слова, прочтение которых вызывает сомнение, отмечены вопросительным знаком в ломаных скобках.

1

17 октября 1890 г. Петербург

17 октября 1890 г.

Милостивый государь, глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Бесконечно благодарен Вам за Ваше любезное письмо[1] и за выраженную Вами готовность дать мне для моего журнала некоторые эпи-

зоды из Ваших школьных воспоминаний на сообщенных Вам Яковом Петровичем условиях. Первую часть Ваших воспоминаний — о пребывании Вашем в институте в Верро[2] — я намерен напечатать в январской и февральской книжках «Русской школы».[3] Будьте добры и вышлите мне эту часть Ваших воспоминаний, как только она будет готова.[4] Я намерен приступить к печатанью ее уже в начале декабря. Но я очень рад был бы иметь и вторую часть Ваших воспоминаний — описание школы Погодина.[5] Не могу только обещать Вам печатать более полутора печатных листов в каждой книжке, так как при обширной, разносторонней программе моего журнала[6] и относительно небольших размерах его (от 8 до 10 печатных листов в месяц) мне трудно было бы уделить слишком много места для школьных воспоминаний, хотя я и считаю их весьма ценным педагогическим материалом.

Примите уверения в глубоком уважении Вашего покорнейшего слуги

Я. Гуревича.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 44. Л. 1–2.

[1] Упоминаемое здесь письмо Фета к Я. Г. Гуревичу неизвестно.

[2] 1835–1837 годы Фет провел в лифляндском городе Верро, где учился в частном немецком пансионе, открытом в 1832 г. Генрихом Крюммером (1796–1873). Г. П. Блок сообщает об этом времени: «Фет в пансионе Крюммера, в обстановке довольно строгой школьной дисциплины, не лишенной сектантского ханжества и фарисейства (Крюммер и некоторые преподаватели пансиона принадлежали, видимо, к секте гернгутеров), в окружении товарищей, щеголяющих юнкерскими замашками. Из числа педагогов, кроме самого Крюммера, человека, несомненно, одаренного и опытного, наиболее умелым и влиятельным был как будто Эйзеншмидт, страстный приверженец классического образования, поклонник Шиллера. К этому времени, по словам Фета, относятся первые его попытки — робкие, тайные и неудачные — писать стихи» (*Летопись*. С. 284–285).

О жизни поэта в Верро известно немного. Главным источником сведений являются воспоминания самого Фета (главы IX–XIII в книге «Ранние годы моей жизни»), а также книга Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета» (Л., 1924). Неоценимым биографическим источником, проливающим свет на «школьные» годы Фета, является книга одного из учителей пансиона Генриха Эйзеншмидта, опубликованная в Дерпте в 1860 г., «Воспоминания об учреждении Крюммера из собственного учебного времени автора» (*Eisenschmidt H*. Erinnerungen aus der Krümmerschen Anstalt aus des Verfassers eigner Schulzeit. Dorpat, 1860). «Воспоминания Г. Эйзеншмидта, — отмечает Е. П. Дерябина, — <…> чрезвычайно интересны и полезны для исследователя жизни Фета, так как подробно и обстоятельно повествуют не только об устройстве пансиона, учителях и воспитанниках, системе образования и праздниках, но и содержат воспоминания о самом поэте». «Деталь-

но обрисовывая самые разнообразные аспекты деятельности пансиона, — заключает исследовательница, — Эйзеншмидт дополняет и уточняет воспоминания <…> поэта. Таким образом, давно забытая книга Эйзеншмидта имеет полное право на то, чтобы занять свое достойное место среди мемуарной литературы о Фете» (*Дерябина Е. П.* Забытый мемуарный источник о жизни Фета в Верро // *Фетовские чтения (XXII)*. С. 102, 107).

[3] Соответствующие главы воспоминаний действительно были напечатаны в двух первых номерах «Русской школы» за 1891 год (см.: *Фет А. А.* Из моих школьных воспоминаний // Русская школа. 1891. № 1. С. 28–43; № 2. С. 34–47). Содержание первой публикации составили IX, X и часть XI главы основного текста книги «Ранние годы моей жизни», содержание второй — конец XI главы, XII, XIII и начало XIV главы. Редактор устранил деление на главы, убрал сюжетное структурирование глав — своего рода планы, предваряющие каждую главу фетовских воспоминаний. Возможность вмешательства в авторский текст оговаривалась в редакционном объявлении журнала: «Рукописи, присланные для напечатания, подлежат, в случае надобности, редакционным изменениям; в случае несогласия на таковые изменения авторы приглашаются делать об этом оговорки на самой рукописи, под заглавием оной» (см.: От редакции // Русская школа. 1890. № 1).

[4] Секретарь Фета Е. В. Федорова, видимо, переписывала рукопись, готовя ее к публикации в журнале. Сами «школьные» главы воспоминаний Фета были завершены к концу июня 1890 г., о чем свидетельствуют письма поэта к Д. Н. Цертелеву и С. В. Энгельгардт. В письме к Цертелеву от 30 июня 1890 г. мемуарист сообщал, что он «уже в Московском университете» (*ИРЛИ*. № 24133. Л. 9). В письме к Энгельгардт от 13 июля 1890 г. он констатировал: «В настоящее время мною написано более десяти печатных листов, и я после лифляндского пансиона и погодинского дома поступил на шестилетнее сожительство с Ап. Григорьевым» (см.: *Фет А. А.* Стихотворения. Проза. Письма / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и примеч. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 396).

[5] Продолжение фетовских мемуаров появилось в мартовском номере журнала «Русская школа». См.: *Фет А. А.* Из моих школьных воспоминаний (Пребывание в пансионе М. П. Погодина) // Русская школа. 1891. № 3. С. 30–52. Содержание этой публикации составили XIV–XVII главы книги «Ранние годы моей жизни».

[6] Программа журнала «Русская школа» состояла из следующих разделов: 1) правительственные распоряжения по учебному ведомству; 2) история обучения и воспитания (статьи по всеобщей истории педагогики, по истории русской школы, биографии выдающихся педагогов, школьные воспоминания); 3) теория и практика воспитания и обучения (статьи по педагогической психологии, дидактике и методике, наблюдение над жизнью детей в их раннем и отроческом возрасте, училищеведение, постановка учебного дела в элементарной и средней школе, педагогические письма, вопросы школьной гигиены, профессионального, народного и женского образования); 4) критика и библиография (обзор руководств по педагогике и методике, руководства и пособия для элементарной и средней школы, книги для детского и народного чтения, обзор заграничной и русской периодической журналистики); 5) педагогическая хроника (новости из жизни заграничных и русских школ, из современной педагогической литературы, отчеты о заседаниях педагоги-

ческих собраний, сведения из школьной статистики); 6) листок объявлений (см.: Объявление о подписке на журнал «Русская школа» // Русская школа. 1890. № 2).

2

3 декабря 1890 г. Петербрг

3 декабря 1890 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Я имею в виду напечатать Ваши воспоминания в январской книжке издаваемого мною журнала и, перечитывая их сегодня, заметил, что они заключают в себе некоторые подробности и эпизоды, не представляющиеся важными для специально-педагогического издания, какова «Русская школа». Поэтому я позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою разрешить мне опустить такие подробности и описания, от пропуска которых не пострадает цельность доставленной мне главы из Ваших воспоминаний. Таково, например, описание Сербигальского дворца, осмотр кладбища вместе с Альфонсом.[1] Если Вам неугодно будет разрешить мне подобного рода сокращения, то я, разумеется, сочту себя обязанным напечатать Ваши воспоминания целиком; но в таком случае заглавие «Из школьных воспоминаний», каковое желательно было бы мне дать присланному очерку, не вполне бы соответствовало содержанию его.[2]

Ввиду того, что Вы намерены включить имеющие быть напечатанными в «Русской школе» главы из Ваших воспоминаний в третий том Ваших общих воспоминаний, я обязуюсь возвратить Вам присланную мне рукопись вместе с несколькими оттисками того, что будет напечатано из Ваших воспоминаний в моем журнале, и таким образом Вам, конечно, легко было бы по Вашей рукописи восстановить те немногие страницы, которые я считал бы нужным опустить, исходя из чисто редакционных соображений, когда Вам придется печатать третий том Ваших воспоминаний.[3]

Если Вы склонны дать мне испрашиваемое мною разрешение на выше упомянутые сокращения, то будьте любезны и черкните мне об этом пару слов,[4] но только в возможно скором времени, так как я должен очень сильно торопиться с печатанием январской книжки, в которых Ваши воспоминания будут печататься вслед за первой статьей.[5]

Простите великодушно за причиняемое Вам беспокойство.

Прошу Вас в случае, если Вы согласны дать мне право на некоторые маленькие сокращения,[6] прислать мне и след<ующую> главу Ваших воспоминаний — о пребывании в пансионе Погодина.

Примите уверение в совершенной преданности глубоко уважающего Вас

Я. Гуревича.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 44. Л. 3–4 об.

[1] Оба названных эпизода входят в XIII главу книги воспоминаний поэта (см.: *РГ*. С. 107–110).

[2] Каково было первоначальное авторское наименование присланных для публикации глав, неизвестно. В журнале «Русская школа» они получили название «Из моих школьных воспоминаний». Поскольку в мемуарах выдающихся людей Гуревича интересовала в первую очередь «школьная» составляющая, описания поэтических красот окружающего мира, людей, исторических памятников, событий, не связанных напрямую с тематикой журнала, становились излишними, уводящими от собственно педагогической цели. Не случайно воспоминания А. П. Степанова, предваряющие фетовские, редактор снабдил характерным указанием: «Здесь мы находим любопытные сведения о московском пансионе прошлого века проф. Шадена, через который прошел, между прочим, Н. М. Карамзин» (Русская школа. 1891. № 1. С. 9).

[3] Видимо, в не дошедшем до нас письме Фет осведомил Гуревича о планах издания третьей книги воспоминаний и просил вернуть рукопись «школьных» глав.

[4] Письмо Фета неизвестно, но дальнейший ход событий (печатание текста воспоминаний без названных фрагментов, а также последующие письма Гуревича к Фету) дает основание полагать, что Фет согласился на испрашиваемые редактором изменения.

[5] Первой статьей, напечатанной вслед за правительственными распоряжениями, была «Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века. Из воспоминаний *А. П. Степанова*» (Русская школа. 1891. Т. 1. № 1. С. 9–27). За нею шла фетовская. Видимо, последовательность определялась хронологическими границами воспоминаний: сначала московский пансион Шадена конца XVIII в., затем немецкий пансион Крюммера — начало тридцатых годов XIX в.

[6] Гуревич часто прибегал к «некоторым маленьким сокращениям» воспоминаний Фета: исключались отдельные слова, выражения, пояснения, целые абзацы и даже страницы. Так, в случае с эпизодами, в которых описывался Сербигальский дворец и посещение кладбища, сокращено было четыре страницы текста. Примерно на две страницы укорочен фрагмент, рассказывающий об Иринархе Введенском (ср.: *РГ*. С. 137–139). Автор осуществлял перестановки больших фрагментов текста (ср.: *РГ*. С. 88–94), допускал произвольное выделение абзацев.

Текстуальные несовпадения первой публикации Фета в журнале «Русская школа» с окончательным текстом книги воспоминаний отмечены в статье: *Абрамова Е. И.*, *Кораблев М. В.* К истории текста мемуарной книги А. Фета «Ранние годы

моей жизни» // *Фетовские чтения (XVII)*. С. 135–140. Составленный исследователями перечень различий не позволил им сделать однозначный вывод о том, кому же принадлежит правка текста: самому Фету или редакции журнала. Авторы статьи предложили рассматривать журнальную публикацию фрагмента книги «Ранние годы моей жизни» как «вариант основного текста, учитывая, впрочем, что значительная часть этой правки преследовала цель приспособления текста к условиям журнального бытования» (Там же. С. 140).

Письмо Гуревича прямо указывает на редакторскую инициативу правки в журнальном тексте воспоминаний. Трудно доподлинно установить, сколько таких поправок было сделано Гуревичем, поскольку неизвестно местонахождение рукописи мемуаров и их журнальных оттисков. Фет был осведомлен о предстоящей редактуре и, очевидно, согласился на нее, как и на заголовок публикации, предложенный Гуревичем. Вместе с тем журнальный вариант нельзя считать полным выражением авторской воли. Достигнутый компромисс интересов мемуариста и издателя в виде условной, временной правки преследовал вполне определенную цель, сформулированную редактором: убрать те «подробности и эпизоды», которые не представлялись «важными для специально-педагогического издания, какова „Русская школа“». При этом редактор позаботился об удобстве восстановления текста при издании мемуаров отдельной книгой и предоставил Фету вместе с рукописью журнальные оттиски напечатанных глав, о чем свидетельствует письмо 4.

3

29 января 1891 г. Петербург

29 января 1891 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

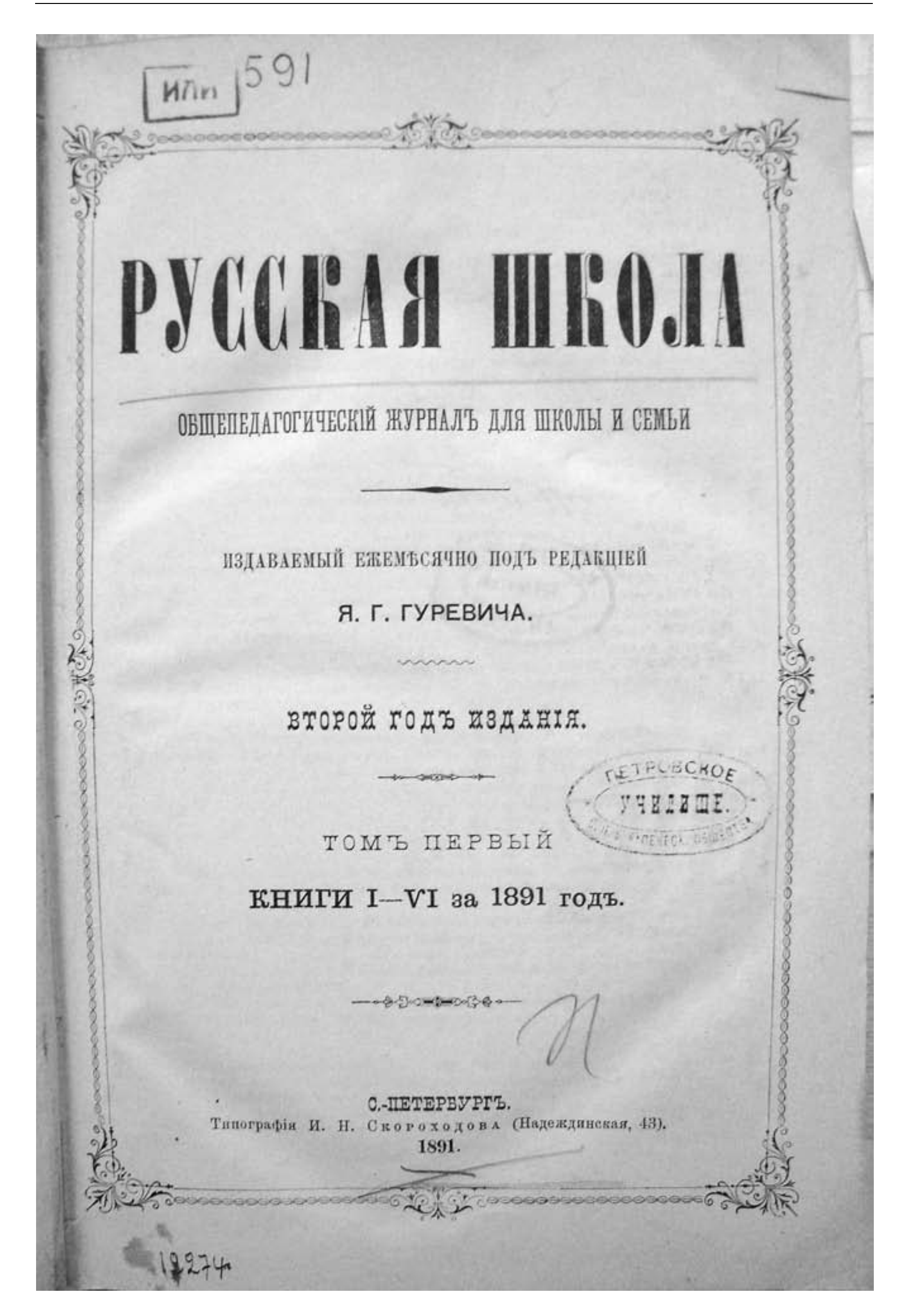
Присланная Вами глава из Ваших школьных воспоминаний уже напечатана в январской и февральской книжках «Русской школы». Январская книжка уже вышла, февральская же выйдет около 10-го февраля. В скором времени я вышлю Вам как обещанные оттиски Вашей статьи, так и причитающийся Вам за нее гонорар.

Покорнейше прошу Вас немедленно выслать мне следующую главу Ваших воспоминаний, заключающую в себе характеристику пансиона Погодина.[1] Предполагаю напечатать эту главу в мартовской книжке «Русской школы».[2]

Примите уверение в глубоком уважении и преданности от Вашего покорнейшего слуги

Я. Гуревича.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 44. Л. 5–5 об.


ИЛп 591
РУССКАЯ ШКОЛА
ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Я. Г. ГУРЕВИЧА.
ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.
ПЕТРОВСКОЕ УЧИЛИЩЕ.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ
КНИГИ I—VI за 1891 годъ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.
12274

«Русская школа»
Титульный лист

ИЗЪ МОИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Мнѣ было уже лѣтъ четырнадцать, когда, около новаго года, отецъ рѣшительно объявилъ, что повезетъ меня и сестру Любиньку въ Петербургъ учиться. Приготовлены были двѣ кожаныхъ кибитки съ фартуками и круглыми стеклянными по бокамъ окошечками, и, какъ-бы въ родѣ репетиціи, отецъ повезъ насъ съ сестрою въ Орелъ проститься съ дѣдушкой. Нервная мать все время не могла удержаться отъ слезъ; но это видимо только раздражало отца, и онъ повторялъ: «нѣтъ, нѣтъ, это не моя метода; такъ-то, говорятъ, обезьяны обнимаютъ дѣтей да и задушатъ. Дѣти не игрушки; по моему, поѣзжай хоть въ Америку, да будь счастливъ».

Все дѣлалось по совѣщанію съ дядей Петромъ Неофитовичемъ, и я даже подозрѣваю—съ его матеріальной помощью. Домашній портной Антонъ не только смастерилъ мнѣ фрачную пару изъ старой отцовской, но сшилъ и новый синій сюртукъ, спускавшійся мнѣ чуть не до пятъ. Дядя подарилъ мнѣ плоскіе серебряные часы съ золоченымъ ободкомъ и 300 руб. ассигнаціями денегъ.

Наконецъ въ переднюю кибитку, по возможности нагруженную, подобно задней, всякимъ добромъ, преимущественно конфектами въ подарки, сѣли мы съ отцомъ, а во второй слѣдовала нянька съ Любинькой; на облучкахъ ѣхали: Илья Аѳанасьевичъ и дорожный поваръ Аѳанасій, мой бывшій учитель.

Дѣти, если это возможно, еще большіе эгоисты, чѣмъ взрослые, и, прощаясь съ матерью, я, гордый предстоящей, какъ я думалъ, свободой, не понималъ, съ какою материнскою нѣжностью разлучаюсь.

Дядя Петръ Неофитовичъ, соскучась зимою въ деревнѣ, купилъ въ Мценскѣ небольшой домикъ, состоявшій изъ передней, порядочной столовой и спальни. У него почти ежедневно обѣдали и по вечерамъ играли въ карты артиллерійскіе офицеры, и онъ говорилъ шуткой: «я выставлю надъ крыльцомъ надпись: клубъ для благородныхъ людей».

Первая публикация фрагментов воспоминаний Фета
«Ранние годы моей жизни» в журнале «Русская школа» (1891. Т. 1)
Первая страница

[1] Гуревич планировал напечатать третью часть фетовских мемуаров в марте 1891 г., о чем уведомлял читателей в февральском номере, а потому торопил автора. Воспоминания о пребывании Фета в пансионе Погодина были написаны к середине лета 1890 г. (см. примеч. 4 к письму 1). Возможно, задержка высылки «погодинской» части мемуаров была обусловлена подготовкой рукописи к печати. Следует учитывать и заметно пошатнувшееся состояние здоровья Фета в это время.

[2] См. примеч. 5 к письму 1.

4

10 марта 1891 г. Петербург

10 марта 1891 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Крайне сожалею, что письмо мое, в котором я известил Вас о получении продолжения Ваших воспоминаний, не дошло до Вас.[1] В письме этом я просил Вас известить меня, угодно ли Вам будет получить оттиски всех Ваших воспоминаний и причитающийся Вам за них гонорар по напечатании второй главы Ваших воспоминаний,[2] т. е. по выходе мартовской книжки «Русской школы», или же Вы предпочитаете получать и оттиски, и гонорар по частям. К сожалению, я никакого ответа на письмо свое не получил и потому решился выждать <?> напечатания второй главы Ваших воспоминаний (о пребывании в пансионе Погодина). Мартовская книжка моего журнала выйдет еще только через неделю; но так как Ваши воспоминания уже напечатаны, то я могу сосчитать, сколько я Вам должен, и теперь же возвратить Вам свой долг. Оказывается, как Вы сами убедитесь из высылаемых Вам оттисков Ваших воспоминаний, что они занимают всего пятьдесят две печатных страницы, т. е. 3¼ печатного листа. Считая по ста пятидесяти рублей за печатный лист, я должен Вам уплатить за 3¼ листа четыреста восемьдесят восемь рублей (488 р.), которые при сем и прилагаю, прося Вас принять мою искреннюю благодарность за ту честь, которую Вы оказали мне как редактору, дав мне для моего журнала Ваши во многих отношениях интересные воспоминания.

Одновременно с этим письмом высылаю Вам под заказною бандеролью Вашу рукопись и оттиски Ваших воспоминаний, о получении которых, равно как и прилагаемых при сем денег, прошу Вас почтить меня уведомлением.[3]

Примите уверение в глубоком уважении и преданности Вашего покорнейшего слуги и искреннего почитателя

Я. Гуревича.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 44. Л. 6–7.

[1] Письмо, о котором здесь идет речь, неизвестно. Оно, вероятно, было написано в феврале месяце. Упоминание о нем свидетельствует о возможности существования и других писем Гуревича к Фету.

[2] Условное деление фетовских воспоминаний на две главы (части): пансион Крюммера в Верро и пансион Погодина в Москве — скорее всего, принадлежит Гуревичу.

[3] Текст «уведомления» неизвестен. Документальные свидетельства, подтверждающие получение Фетом рукописи и оттисков воспоминаний, в настоящее время не обнаружены.

ПЕРЕПИСКА А. А. ФЕТА с Д. И. НАГУЕВСКИМ (1887–1890)

Публикация С. А. Ипатовой

В конце февраля 1906 года в «Новом времени» появилась краткая заметка без подписи: «Профессор Дарий Ильич Нагуевский принес в дар Императорской публичной библиотеке двадцать пять собственноручных писем Афанасия Фета».[1] В хорошей сохранности, сброшюрованные и переплетенные в отдельную книгу, эти письма и поныне находятся в Отделе рукописей *РНБ*; на форзаце имеется дарственная надпись Нагуевского и его же приписка следующего содержания: «В Императорскую публичную библиотеку от проф<ессора> Д. Нагуевского. г. Казань 22 февраля 1906 года». Незадолго до этой Нагуевский сделал предварительную запись: «Всех писем XXV. Из них XVIII с 1887 года, VI — с 1888 г<ода> и I с 1889 года. Письма характеризуют взгляды автора на перевод древних поэтов и не лишены и других данных для биографии и оценки А. А. Фета. Д. Нагуевский. 12 февраля 1906 г<ода>. г. Казань».[2]

К письмам, хранящимся в *РНБ*, примыкают 14 писем Нагуевского к Фету и один черновик письма Фета к Нагуевскому, которые находятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Все они составили корпус настоящей публикации.

Тематически большая часть публикуемой переписки (26 писем Фета и 14 Нагуевского) посвящена совместной работе корреспондентов над переводом и комментированием «Энеиды» Вергилия и содержит не только отдельные факты биографии поэта и обсуждение возникавших в процессе работы трудностей, но и ценнейшие для историка литерату-

---

[1] Новое время. 1906. 3 (16) марта. № 10764. С. 5.

[2] *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 2–3.

ры высказывания Фета о собственном методе перевода античных авторов, который еще при жизни поэта его оппоненты называли «буквальным» или «буквалистским». Преданность именно этому переводческому методу, противопоставляемому традиции творческого (или вольного) перевода, Фет отстаивал как печатно, так и в письмах к разным адресатам на протяжении всей жизни. К моменту обращения Фета к Вергилию официально он становится признанным переводчиком с древних языков: за перевод Горация, вышедший в свет в 1883 году, он в 1884 году становится лауреатом полной Пушкинской премии, а в 1886 году за переводческую деятельность Фету было присвоено звание члена-корреспондента Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

Первым, кто еще в 1850-е годы поддержал Фета-переводчика и наметил перечень античных авторов, стал И. С. Тургенев. В ноябре 1860 года из Парижа он писал поэту: «Попробуйте перечесть Проперция (Катулла также или Тибулла) — не найдете ли над чем потрудиться, не спеша? Одну элегию в неделю <…> „ничего, можно“».[3]

Спустя двадцать с лишним лет Фет действительно занялся переводом на русский язык названных авторов.[4] Едва ли Тургенев предполагал, пытаясь поддержать друга, что Фет предпримет систематический стихотворный перевод целого ряда римских поэтов, создав таким образом внушительную библиотеку собственных переводов. Вслед за полным Горацием (М., 1883) были переведены: Ювенал (М., 1885), Катулл (М., 1886), Тибулл (М., 1886), «Превращения» Овидия (М., 1887), Проперций (СПб., 1888), Вергилий (М., 1888), Персий (СПб., 1889), Марциал (М., 1891), комедия Плавта «Горшок» (М., 1891), «Скорби» Овидия, изданные уже после смерти Фета (М., 1893); сохранились в рукописи две главы «О природе вещей» Лукреция. К этому перечню следует добавить переводы из Шекспира, Гёте, Гейне, Шиллера, Уланда, Беранже, Мюссе, Рюккерта, Саади, Гафиза, Байрона, Мицкевича, А. Шенье, а также такие сочинения А. Шопенгауэра, как «Мир как воля и представление» (М., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле в природе» (М., 1886).

Размах напряженной переводческой деятельности Фета, значительно превосходящей по объему собственное поэтическое и публицистическое творчество, поражает не столько репертуаром имен, в котором,

---

[3] *Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 259 (см. также С. 594).

[4] См.: Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Тибулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886; Элегии Секста Проперция. Пер. А. Фета. СПб., 1888.

безусловно, преобладали латинские авторы, не столько скоростью исполнения этих переводов, сколько тем, что из любителя античной поэзии Фет, упорно стремясь к абсолютной передаче буквы и духа оригинала, стал профессиональным филологом-классиком. «Русские филологи, — писал киевский профессор-античник Ю. А. Кулаковский в 1889 году, — должны быть признательны г. Фету за ту помощь, которую оказывает он им в их задаче — сближать русское просвещение и русскую образованность с античным миром».[5]

В этой титанической работе Фет, по собственному признанию, пользовался советами, консультациями и помощью целого ряда лиц, которых впоследствии он с благодарностью перечислил в своих мемуарах. Из них первым поэт назвал Максима Германовича Киндлера, гимназического преподавателя латинской словесности, помогавшего ему при переводе Горация: «Хотя при дальнейших моих переводах древних поэтов судьба не посылала мне снова такого специального сотрудника, каким был Киндлер, тем не менее мне приходится усердно благодарить людей, <…> протягивавших руку помощи в моих работах. В самом деле, не удивительно ли, что, начиная с Аполлона Григорьева, я постоянно находил людей, бескорыстно жертвовавших в мою пользу своими досугами? Такими являлись: Федор Евгеньевич Корш, с которым мы проследили всего Ювенала, Овидиевы „Превращения“, Катулла и половину Проперция; Ник<олай> Ник<олаевич> Страхов, с которым я перечитывал Тибулла и Проперция; Влад<имир> Серг<еевич> Соловьев, исполнивший перевод 7-й, 9-й и 10-й книг „Энеиды“ Вергилия; Д. И. Нагуевский, снабдивший этот перевод введением и примечаниями; и наконец гр. Ал<ексей> В<асильевич> Олсуфьев, с которым мы просматривали 2-ю часть Проперция и в настоящее время усердно трудимся над переводом такого талантливого капризника, как Марциал. Разве возможно без глубокой признательности помянуть все эти имена?».[6] К этому перечню имен следует добавить и имя профессора-классика Ю. А. Кулаковского, помогавшего Фету при переводе комедии Плавта «Горшок». «Можно думать, — пишет Н. М. Мендельсон, — что именно под влиянием бесед с Кулаковским явилась у Фета, еще в 1887 г.,

---

[5] *Кулаковский Ю. А.* К юбилею А. А. Фета. Киев, 1889. С. 4.

[6] *МВ*. Ч. 2. С. 392–393; см. также: С. 387–388. О характере помощи, к примеру, Ф. Е. Корша можно судить по воспоминаниям современников: «…поэт Фет, в периоды своих занятий переводами латинских авторов, засиживался у Ф<едора> Е<вгеньевича> от 12 ч. дня до 2 ч. ночи!» (*А. Г.* <*Грушка А.*> Федор Евгеньевич Корш // Некрологи Ф. Е. Корша и А. Н. Шварца. М., 1916. С. 24).

мысль перевести „Aulularia“ Плавта. В сентябре этого года Фет получает от Кулаковского какое-то французское издание комедии. Из письма от 3 мая 1888 г. видно, что киевский профессор помогал Фету в переводе, что работа в этом же году была закончена, хотя перевод вышел в свет лишь в 1891 г.».[7] Публикация и изучение сохранившейся переписки Фета с названными лицами, так или иначе причастными к работе над античными переводами,[8] дает богатейший материал не только для житейской и творческой биографии поэта, но и для осмысления и анализа его новаторской техники перевода, до сих пор вызывающей разноречивые споры.

Необходимо сказать несколько слов о личности помощника и корреспондента Фета. Будущий известный филолог-классик Дарий Ильич Нагуевский (1845–1919)[9] учился в Киевской первой гимназии, о которой оставил воспоминания.[10] В 1870 году он окончил Новороссийский университет и до 1883 года преподавал латынь в Александровской и Ломоносовской гимназиях Риги; магистрскую диссертацию защитил

---

[7] См.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 36.

[8] См.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 35–52; *Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 204–228; *Асланова Г. Д.* Письма А. А. Фета А. В. Олсуфьеву // *Письма к Олсуфьеву (50–52).*

[9] Биографические сведения о Нагуевском содержатся в словаре Брокгауза и Эфрона (Т. 20. СПб., 1897. С. 429–430. Следует заметить, что здесь Нагуевский назван переводчиком «Энеиды» в соавторстве с А. Фетом; Новый энциклопедический словарь. Т. 27. Пг., [1916]. С. 783); см. также: Профессор Д. И. Нагуевский (К 30-летию его учено-педагогической деятельности) // Волжский вестник (Казань). 1900. 20 августа. № 185 (без подп.); *Асылбаев И. И.* Современник: Страницы биографии Дария Нагуевского // Античность: История и историки / Межвузовский сборник. Казань, 1997. С. 13–17. Любопытные, но весьма нелицеприятные воспоминания о Нагуевском оставил его студент в Казанском университете Евгений Александрович Бобров. По его словам, это была «одна из самых характерных фигур для университетов устава <18>84 года. <…> Теоретические лекции (Нагуевского) представляли из себя либо хлам, самую жалкую отсебятину, либо были натасканы из небольших брошюр и даже не иностранных в подлиннике, а прямо с русских переводов. Чем он занимался? По-прежнему набирал уроки в школах, пописывал кое-какие статейки, выдирая их из иностранных журналов и выдавая их за свои исследования» (см.: *Бобров Е. А.* Дарий Ильич Нагуевский. Воспоминания / Машинопись с правкой автора. Без даты. 6 л. // *ИРЛИ.* Ф. 677 (Архив Е. А. Боброва). № 42. Л. 1, 6).

[10] См.: Воспоминания профессора Дария Ильича Нагуевского (1861–1866) // Столетие Киевской первой гимназии. Киев, 1911. Т. 1. С. 440–441.

в Харькове (1875), докторскую — в Дерпте (1883). В том же году Нагуевский был назначен профессором в Казанский университет; состоял членом попечительского совета Казанского учебного округа (1883–1898); в 1886 году организовал при университете Нумизматический музей и стал его директором. К моменту своего эпистолярного знакомства с Фетом, с которым лично он так никогда и не встретился, Нагуевский — доктор классической филологии, ординарный профессор Казанского университета по кафедре римской словесности, директор Нумизматического музея в университете, признанный автор учебных пособий, изданий латинских классиков с примечаниями, многочисленных научных и популярных книг и статей по римской сатире, Ювеналу, сатирам Горация, истории римской поэзии, нумизматике и др.[11]

Таким образом, не случайно гр. А. В. Олсуфьев рекомендовал Фету для участия в работе над комментированием «Энеиды» именно Нагуевского, автора многочисленных комментированных изданий поэмы Вергилия для студентов гимназий и университетов.[12]

---

[11] Библиография научных трудов Нагуевского обширна и насчитывает десятки изданий. Приведу основные: Характер и развитие римской сатиры (Рига, 1872); Первая сатира Ювенала (магистерская диссертация; Рига, 1875); Избранные сатиры Горация. Объяснил для гимназий Д. И. Нагуевский (Воронеж, 1879); Римская сатира и Ювенал (Митава, 1879); De Juvenalis Vita Observationes. Dissertatio inauguralis (докторская диссертация на лат. яз.; Рига, 1883); О Югуртинской войне (Казань, 1884); Отличительные черты римского народного духа (Казань, 1885); Третья сатира Ювенала (введение, текст, варианты, комментарии и указатель). Объяснил и издал Д. И. Нагуевский, орд. проф. имп. Казанского университета. 2 изд., значительно дополненное и исправленное (Казань, 1887); О Жизнеописании Ювенала, исследование Д. И. Нагуевского (Казань, 1887); О рукописях, схолиях и изданиях Ювенала (СПб., 1888); Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 год (Казань, 1889); Обозрение персидских монет (Казань, 1892); Виргилий и его эклоги. Очерки из истории римской поэзии (Казань, 1895); История римской литературы Д. Нагуевского, заслуженного профессора имп. Казанского университета: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до эпохи Августа (Казань, 1911); Т. 2: Век Августа (Казань, 1915) и др.

Кроме того, Нагуевский опубликовал несколько фортепианных пьес и множество музыкально-критических статей в «Рижском вестнике». Полный список трудов Нагуевского за сорок лет, насчитывающий 299 номеров, см.: Ученые записки Казанского университета. 1911. Кн. 11; отд. изд. — Казань, 1911.

[12] См., к примеру: 1) «Энеида» Вергилия. Объяснил для гимназий Д. И. Нагуевский, преподаватель Александровской и Ломоносовской гимназий в Риге, магистр римской словесности. Ч. 1. Кн. 1–3. Лейпциг; Рига, 1880; Ч. 2. Кн. 4–6. Лейпциг, 1885; 2) Специальный учебный словарь к «Энеиде». Рига, 1883. Кн. 1–3; 3) «Энеида» с объяснением для гимназий: В 4 ч. Казань, 1886–1891 и др.

Из Предисловия Фета к «Энеиде» известно, что в разгар работы над переводом к сотрудничеству был привлечен Вл. Соловьев, который с 16 апреля по конец сентября 1887 года гостил в Воробьевке. В этом же предисловии Фет подробно объяснил причину, по которой он обратился за помощью к своему гостю: «…усиливающиеся хронические недуги и мучительное ослабление зрения привели нас к убеждению, что работа наша или затянется на неопределенное время, или остановится на половине пути (к этому времени был закончен перевод пятой книги. — *С. И.*). <…> В такую, можно сказать, плачевную минуту бессилия, говоря выражениями древних, — музы нежданно послали нам незаменимого помощника в лице Вл<адимира> Серг<еевича> Соловьева, превосходно владеющего русским стихом, при тонком эстетическом чутье и основательном знании латинского языка. Шестую книгу мы переводили с ним общими силами, а затем, в видах выигрыша времени, разделили труд, и седьмая, девятая и десятая книги вполне переведены им».[13]

---

[13] *Фет А. А.* Предисловие // Энеида Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора имп. Казанского университета. Часть первая. I–VI. М., 1888. С. VIII–IX. Далее сокращенно: *Энеида*, с указанием части. Из Предисловия Фета неочевидно, что в действительности инициатива помогать Фету в переводе принадлежала Вл. Соловьеву. В письме к А. В. Олсуфьеву от 29 апреля 1887 г. Фет сообщает, что Соловьев «любезно вызвался помогать мне в переводе» (*Письма к Олсуфьеву (50).* С. 234). Участию Соловьева в переводе «Энеиды» посвящено гораздо больше исследований, чем самому переводу Фета (см.: *Петровский Ф. А.* Русские переводы «Энеиды» и задачи нового ее перевода // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 294–295; *Гаспаров М.* Брюсов и буквализм (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Поэтика перевода. Сборник статей / Сост. С. Гончаренко, предисл. Е. Николовой. М., 1988. С. 35; *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. М.. 1990. С. 76; *Топпер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2001. Об эволюции переводческой концепции Фета см. С. 100–106; *Теперик Т. Ф.* Владимир Соловьев: поэтика перевода (на материале перевода «Энеиды» Вергилия) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева. М., 2005. С. 158–164; *Марков А. В.* Вл. Соловьев как переводчик: пророчества поэтического мира // Там же. С. 152–157. Следует отметить, что известный исследователям автограф перевода Соловьева из VII книги «Энеиды» насчитывает лишь небольшую часть стихов (ст. 456–517). В то же время сохранился автограф Фета (кн. VII, ст. 430–455), что в какой-то мере позволяет усомниться в единоличной принадлежности Соловьеву перевода всей седьмой книги (см.: *РГБ*. Ф. 315. К. 1. № 39).

Лишь недавно, в связи с подготовкой и выходом в свет первых томов Собрания сочинений и писем Фета в 20 томах, в частности, второго тома, включившего переводы 1839–1863 гг., исследователи обратились к серьезному изучению пере-

История русских переводов из «Энеиды» насчитывает десятки единиц, однако большинство из них не были полными. Среди полных переводов, выпущенных до Фета, следует назвать, помимо перевода В. Петрова, выполненного рифмованными стихами (СПб., 1781–1786, александрийским стихом), переводы И. Шершеневича (Варшава, 1868, размером подлинника — гекзаметром) и И. Соснецкого (М., 1872, рифмованным анапестом). О двух последних Фет пишет в Предисловии к своему переводу «Энеиды»: «Приступая к переводу, мы запаслись двумя стихотворными переводами наших предшественников и каждый раз, когда нападали на место, требовавшее особой уловки или приема при передаче на русский язык, справлялись у них, ожидая там найти этот прием готовым. Действительно, было бы странно томительно отыскивать вещь, давно уже найденную; — но — увы! каждый раз мы находили в обоих переводах полное отсутствие интересовавшего нас вопроса».[14]

Это неудивительно, поскольку Шершеневич открыто заявлял в своем предисловии, что сознательно отказывается от подстрочного и буквального переводов,[15] а Соснецкий, хотя и называл свой перевод почти подстрочным, все же стремился к общедоступности и «*простоте* выражения».[16] При переводе Вергилия Фет обратился к лучшим изданиям римского поэта с параллельными текстами на латинском и немецком или французском языках.[17]

водческого наследия поэта. См.: *Успенская А. В.* А. А. Фет — переводчик античных поэтов // Успенская А. В. Античность в русской поэзии. СПб., 2005. С. 215–292; *Ачкасов А. В.* 1) Переводческие принципы А. А. Фета: традиции и новаторство // Традиции в контексте русской культуры (Межвуз. сб. научн. работ). Череповец, 2002. Вып. 9. С. 156–172; 2) Фет-переводчик в оценках 1920–1990-х годов // *Фетовские чтения (XVIII).* С. 183–197; *Генералова Н. П.* О Фете-переводчике // *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 519–550.

[14] *Фет А. А.* Предисловие // *Энеида*. Ч. 1. С. X.

[15] Энеида Виргилия. Перевод И. Шершеневича. Варшава, 1868. С. 7–9. Обстоятельный критический разбор перевода Шершеневича был сделан Н. А. Добролюбовым в студенческой работе (см.: *Добролюбов Н. А.* О Виргилиевой Энеиде в русском переводе г. Шершеневича; сравнение с подлинником перевода первой книги (1854) / Публ. и предисловие Ю. Г. Оксмана, примеч. А. В. Болдырева // Известия АН СССР. 1936. № 1–2. С. 274–288).

[16] Энеида Виргилия. Перевод (в стихах) с латинского Ивана Соснецкого, преподавателя 2-й московской гимназии. М., 1872. С. 3.

[17] См.: 1) Vergil's Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1881 (9-е изд.). Bd 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper (первое изд.: Vergil's Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1871. Bd 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII); 2) Collection

11 марта 1887 года Фет, ссылаясь на ставшее ему известным письмо Нагуевского к их общему знакомому кавалерийскому генералу и классику-дилетанту графу А. В. Олсуфьеву, в котором высказывалось пожелание, чтобы поэт занялся переводом «Энеиды» (само письмо Нагуевского не сохранилось), лично обращается к ученому. «…Обстоятельства внушают мне смелость надеяться, — писал Фет, — что Вы не откажетесь от любезной Вашей мысли написать самонужнейшие примечания к моему переводу, причем, конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок моего перевода». К этому моменту Фет не только уже приступил к переводу, но и перевел половину первой книги «Энеиды». В письме от 4 марта 1887 года к графу Олсуфьеву он пишет: «В настоящее время я, как будто подслушав желание Нагуевского, занят переводом „Энеиды“, а между тем не знаю ни имени и отчества, ни адреса Нагуевского. <…> Вы премного бы обязали, сообщив <…> адрес Нагуевского».[18]

29 апреля Фет благодарит Олсуфьева: «…только Вашему посредничеству я обязан отрадным письменным знакомством с Нагуевским. Если, как я неоднократно говорил, тонкое понимание классиков и бескорыстная к ним любовь так изумительны в кавалерийском генерале, то такая бескорыстная любовь в человеке, обремененном профессией, от которой зависит его насущный хлеб, даже трогательна». В этом же письме Фет сообщал графу, что нездоровье не помешало ему «добраться до конца пятой книги „Энеиды“ и переслать Нагуевскому как образчик первую книгу».[19] Граф Олсуфьев, редактировавший латинские тексты Овидия и сверявший переводы,[20] был недоволен примечаниями переводчика, и не исключено, что именно он сообщил Нагуевскому о том,

des auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de m. Nisard, maître de conférences à l'école normale: Lucrèce, Virgile, Valérius Flaccus, œuvres complètes. Paris, 1843 (прозаический перевод, без комментариев); см. также: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poete narrationem. Lipsiae, 1859 (только латинский текст, без комментариев). Перевод, пишет Фет в Предисловии, «веден по самому благонадежному тексту Th. Ladewig'a, изданного под редакцией Carl Shaper'a». Здесь же он упоминает об использовании также прозаического французского перевода Низара (см.: *Энеида.* Ч. 1. С. IX, IV, а также письмо Фета к Нагуевскому от 31 марта 1887 г.).

[18] *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 233–234.

[19] Там же.

[20] Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon Libri XV = Публия Овидия Назона XV книг Превращений в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1887, с параллельными русскими и латинскими текстами; далее: *Овидий. Превращения.*

что Фет приступил к переводу «Энеиды». Позже, столкнувшись с затруднениями при переводе Персия, Фет обращается именно к Олсуфьеву с просьбой указать такого комментатора, который облегчил бы его труд «ученой критикой» (31 декабря 1888 года).[21]

Наиболее оптимальную организацию совместной работы с Нагуевским Фет видит следующим образом: «…в случае замеченного Вами желательного исправления, вам достаточно (как это делал граф Олсуфьев) подчеркивать соответственные латинские слова и прописывать над ними желаемый Вами перевод» (письмо 3). Уже через месяц Фет исправляет по присланным Нагуевским замечаниям значительный объем текста — более 700 стихов и советует ученому отказаться от излишних примечаний, полагаясь на «непосредственное чувство», которое «само укажет» те «места, где, невзирая на точный и ясный перевод, читатель-неспециалист не поймет ничего без объяснения» (письмо 4).

Спешность, с которой велась эта работа, была вызвана ухудшением здоровья Фета — обострились хронические недуги, ослабло зрение, — предчувствием конца и желанием успеть завершить текущие труды. Работа над переводом началась в марте 1887 и закончилась в конце лета — в начале осени 1887 года, представив полный перевод «Энеиды». «Что бы там ни говорили, неопровержимое дело будет состоять в том, что мы первые с Вами явимся на Руси с изданием перевода „Энеиды“, действительно заслуживающим такого названия» (п. Фета от 21 ноября 1887 года).

В процессе работы казалось бы безоблачное и продуктивное сотрудничество Фета с Нагуевским омрачилось неприятным инцидентом, в который оказались вовлечены, помимо участников готовящегося издания «Энеиды», А. В. Олсуфьев, Ф. Е. Корш, Вл. Соловьев и Ю. А. Кулаковский. Причина недоразумения, в результате которого Нагуевский отказался от сотрудничества во второй части готовящейся книги, восстанавливается по письму Фета от 23 октября 1887 года. Оказалось, что Нагуевский предложил Фету обозначить на титуле, что перевод сделан под его редакцией. Это вызвало протест Вл. Соловьева, считавшего себя причастным к редактированию переводов. Соловьева поддержал и гр. Олсуфьев. Недоразумение удалось уладить благодаря содействию гр. Олсуфьева, и через месяц Нагуевский вернулся к работе.

Начиная со второй части, характер сотрудничества Фета и Нагуевского изменился, что было вызвано, прежде всего, спешностью, обусловленной упущенным временем. Примечания ко второй части «Энеиды»

[21] *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 246.

(кн. VII–XII), а также краткие изложения содержания этих книг были написаны Фетом и только отредактированы Нагуевским, хотя на титуле он продолжал оставаться как автор примечаний.

В самом начале 1888 года совместный труд Фета и Нагуевского вышел из печати. На титуле значилось: «Энеида» Вергилия. Перевод А. Фета. Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора императорского Казанского университета. Часть первая. I–VI. Часть вторая. VII–XII. М., 1888.

По выходе первой книги «Энеиды» в газете «Новости и Биржевая газета» была опубликована развернутая статья профессора-классика В. И. Модестова, озаглавленная «Г. Фет и г. Нагуевский», основное содержание которой свелось к обвинению Нагуевского как автора «Введения» и примечаний в плагиате и в якобы ошибочном написании имени римского поэта («Вергилий» вместо «Виргилий»). В отношении же Фета, «очень пожилого и болезненного», по аттестации автора, человека, бестактно намекалось на якобы нерусское его происхождение.[22] О том, какое впечатление произвела эта статья на современников, можно судить по реакции Н. С. Лескова, писавшего А. С. Суворину 26 марта 1888 года: «Какие хамы у нас в двор<янских> собраниях и в думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью „Новостей“, где литературный хам „отделал Фета“. Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья!..».[23]

Выступление Модестова не осталось незамеченным, обсуждение этой статьи нашло отражение в переписке Фета и Нагуевского: «Когда

---

[22] *Модестов В.* Г. Фет и г. Нагуевский // Новости и Биржевая газета. 1888. 25 января. № 25. С. 2.

[23] Письма русских писателей к А. С. Суворину / Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Л., 1927. С. 65. За два года до этого письма Лескову уже приходилось печатно защищать поэта в связи с акростихами-пасквилями на Н. П. Ланина и редактора журнала «Заря» В. В. Кашпирева («Зоря Кашпирева умирает»), опубликованными якобы за подписью Фета. Лесков, не называя имени Д. Д. Минаева, признавшегося ему в авторстве последнего акростиха, дает его узнаваемое описание (см.: *Лесков Н.* Об авторе пасквильных акростихов // Новое время. 1886. 4 марта. № 3596. С. 5). Отправляя эту статью Суворину для публикации, Лесков пишет 3 марта 1886 г.: «…напечатайте-ка прилагаемую заметочку о пасквильных акростихах. Поэт тут упоминаемый есть Д. Минаев. Событие, разумеется, верно, как то, что я чту имя Божие» (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 311). См. также: *Садовской Б.* Пасквильные акростихи (К истории литературных нравов) // Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 175–178.

на днях я увидал безобразную статью Модестова в „Новостях“, — пишет Фет в письме от 6 февраля 1888 года, — то в ту же минуту написал заявление в „Моск<овские> ведомости“ <…>». Действительно, полемическая заметка Фета была опубликована в «Московских ведомостях». По причине ее малой известности приводим ее полностью:

Возводя здание, можно воспользоваться любезною помощью стороннего лица, передавая ему не только постройку ограды, но даже принимая его помощь при возведении стен. Такое сотрудничество, однако, не обязывает хозяина принимать без разбора всякий материал и форму, хотя бы явно отступающие от плана, избранного строителем.

В предисловии к переводу «Энеиды» мы ясно высказали, почему держались одной системы при переводе лирических стихотворений Горация и Катулла и другой — в переводах дидактических и эпических произведений. Сверх того, мы с полною откровенностью отклоняли от себя всякую солидарность с самобытным филологическим трудом. Переводить нас забавляло, а препираться, хотя бы и филологически, нам не кажется привлекательным. Дурнокачественность покупной булки должна всецело относиться к булочнику, у которого она куплена. Ища наилучшего текста «Энеиды», мы получили Ladewig'a, а насколько он хорош — не наше дело.

Мы не стали бы толковать о нашем переводе, который у всех желающих пред глазами, если бы в приведенной нами статье г. Модестова не заключалось порицание г. Нагуевского за переправку имени *Виргилия* в *Вергилия*. Оставить это обвинение без оговорки нам невозможно. Эту переправку сделали мы вопреки выставленного рукой г. Нагуевского на обертке: *Виргилий* и ни за что не согласились бы изменить ее. Мы держались Ladewig'a, у которого напечатано: «*Vergil's Gedichte*».

Что касается введения и примечаний, которыми г. Нагуевский любезно снабдил перевод, то, найдя их соответствующими основаниям, на которых был веден перевод, мы напечатали их целиком, так как самое предисловие ученого профессора снимало с формальной стороны с нас всякую дальнейшую ответственность.

4 февраля 1888. А. Фет.[24]

Фет, с присущей ему щепетильностью, словно не заметил выходки Модестова в отношении своего происхождения.[25] Но в номере от 29 января в той же газете появилась заметка без подписи, где грубой выходке Модестова был дан достойный отпор. Приведем ее целиком:

Г. Модестов, рассматривая в «Новостях» перевод г. Фетом «Энеиды» Вергилия, между прочим говорит:

«И действительно, г. Фет человек уже очень пожилой и болезненный. Он торопится дать *усыновившему его отечеству* все, что чувствует себя еще в состоянии

[24] *Фет А.* Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова («Новости». № 25) // *МВед*. 1888. 5 февраля. № 36. С. 6.

[25] Правда, можно предположить, что ниже приводимая заметка, опубликованная несколькими днями ранее, тоже принадлежит перу Фета.

дать ему и что придает его нынешней деятельности самый симпатичный и даже трогательный характер».

Интересно знать, почему это наш маститый поэт, как известно, коренной русский человек и помещик одной из внутренних губерний, носящий *чисто русскую* фамилию, является только «усыновленным» Россией? Не псевдоним ли ввел в заблуждение г. Модестова? Смеем уверить всех гг. ученых редакции «Новостей», что г. Фет гораздо более истинный «сын» России, чем все они вместе взятые.[26]

Возмущенный Нагуевский обращается к Фету (письмо не сохранилось) с просьбой «защитить» его от «инсинуаций» Модестова, но Фет советует ему самому отвечать оппоненту, мотивируя это тем, что как человек, стоящий вне науки, он не в состоянии опровергнуть ученые нападки, не возбудив при этом чью-то злорадную веселость.

Статья Нагуевского «Письмо к издателю (Ответ г. Модестову)», по рекомендации Фета, была опубликована в середине февраля 1888 года в «Московских ведомостях». В ней Нагуевский, отводя обвинения Модестова, пишет, что выступление это носит субъективный характер нападок личного свойства против него как составителя «Введения». «Г. Модестов негодует на то, что я в книге г. Фета сохранил чтение Вергилий, а не Виргилий <…> в ученой литературе вариант Вергилий употребляется едва ли не чаще варианта Виргилий. Здесь я укажу только, что О. Риббек, которого критическое издание произведений Виргилия признается образцовым, везде сохраняет Вергилий[27] <…> г. Фет, придерживаясь в общем издания Ладевига, предпочел вариант Виргилий, в чем отказать ему я не счел себя в праве, подобно тому как не настаивал на той или другой передаче собственных имен в „Энеиде“».

Однако основной упрек автора критической в отношении Нагуевского статьи заключался в якобы заимствовании им «некоторых отделов» из пособия В. И. Модестова «Лекции по истории римской литературы»[28] без ссылок на источник выборки. В свое оправдание Нагуевский писал: «Если я не приводил труда г. Модестова по страницам, то единственно потому, чтобы не обременять книги цитатами и ссылками, в которых ни учебное издание, ни популярный перевод не нуждаются».[29]

---

[26] *МВед*. 1888. 29 января. № 29. С. 4.

[27] Нагуевский имеет в виду издание: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poete narrationem. Lipsiae, 1859.

[28] См.: *Модестов В. И.* Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и С.-Петербургском университетах. Полное издание: три курса в одном томе. СПб., 1888.

[29] *Нагуевский Д.* Письмо к издателю (Ответ г. Модестову) // *МВед*. 1888. 13 февраля. № 44. С. 5.

Одновременно со статьей Модестова была опубликована анонимная рецензия в «Русском вестнике», принадлежащая, скорее всего, Ю. А. Кулаковскому, который эпизодически сотрудничал в журнале, помещая статьи на античные темы: «С удовольствием приветствуем мы этот новый труд нашего заслуженного перед классическим миром поэта», перевод которого «отличается вообще большой точностью <…>. Нам попадались на глаза целые десятки стихов кряду, где не только каждый стих перевода точно соответствует стиху подлинника, но где перевод воспроизводит даже и самый порядок слов оригинала». По мнению рецензента, «г. Фет такой мастер стиха и так владеет русским словом, слогом и стилем, в его переводе видно столько продуманного труда <…> что наши филологи могут теперь надеяться, что Вергилий и у нас на Руси перестанет быть только *школьным* автором». Что касается участия Нагуевского, говорится в статье, то «нас удивило несколько то, что сколько мы ни старались найти собственное в его работе, это нам не удалось. Повсюду же мы могли констатировать дословный перевод с немецкого. Преобладают в этом переводе примечания немецкого издания *Kappes'a* <…>. Иногда на помощь приходило <…> издание Ладевига. Примечания в этих изданиях хорошие и пользоваться ими, конечно, непредосудительно; но к чему же тогда давать такой тон своему званию специалиста, какой считал нужным принять г. Нагуевский <…>. Свое пристрастие к *переводам* г. Нагуевский доводит так далеко, что даже содержания отдельных книг „Энеиды", которыми он снабдил перевод г. Фета, заимствованы дословно из примечаний Каппеса. <…> Не беремся угадывать, насколько „Энеида" в русском переводе г. Фета обязана своей исправностью и точностью „проверке текста", произведенной г. Нагуевским, о которой г. Фет счел нужным заявить на заглавном листе. <…> Но каково бы там ни было участие г. Нагуевского в переводе, важно то, что теперь мы на русском языке имеем бессмертное творение Вергилия».[30] Полемический характер рецензии Кулаковского в отношении Нагуевского был, по всей видимости, отчасти вызван тем, что он рассчитывал на роль помощника Фета, когда Нагуевский устранился от участия во втором томе «Энеиды», что, впрочем, не снимает с Нагуевского профессиональных обвинений.[31]

---

[30] [*Кулаковский Ю. А.*] Энеида Вергилия. Перевод А. А. Фета… Часть первая. I–VI. М., 1888 // *РВ*. 1888. Т. 194. Январь. С. 289–293 (отдел «Новости литературы»).

[31] Так, 11 ноября 1887 г. Кулаковский писал Фету о Нагуевском: «Человек подобного сорта не достоин был той чести, которую Вы ему оказали, обратившись к нему». Цит. по: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету. С. 36.

По мнению того же Ю. А. Кулаковского, высказанному им в другой статье — посвященной юбилею Фета, — перевод «Энеиды» Вергилия, на титульном листе которого обозначено: «Со введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского», «не выиграл от участия в деле его издания этого наивного компилятора чужой учености, который не останавливается и перед плагиатом. Различные более или менее тонкие оттенки в языке Вергилия, оставшиеся незамеченными г. Фетом, ускользнули и от г. Нагуевского. Этот последний имел над г. Фетом одно лишь преимущество: тогда как г. Фет пользовался при своем переводе одним немецким комментированным изданием (Ladewig), у г. Нагуевского было их под руками два (Ladewig и Kappes[32]). Но это преимущество далеко не уравновешивалось другим, которое было всецело на стороне г. Фета. Разумеем то, что г. Фет владеет русским языком, как его мастер, тогда как г. Нагуевский в нем вовсе не хозяин. Образчики его собственного стиля в предисловии и примечаниях дают красноречивое свидетельство о том, как мало мог он быть компетентен в суждении о правильности передачи г. Фетом вергилиева текста на русский язык».[33]

Анонимная рецензия на первую часть фетовского перевода «Энеиды» появилась в еженедельной московской газете «Русское дело» (редактор-издатель С. Ф. Шарапов). По причине ее малой известности приведем ее целиком:

На днях появилась на русском языке «Энеида» Виргилия в переводе А. А. Фета. С искренним удовольствием приветствуем этот новый важный вклад в русскую переводную литературу, сделанный нашим маститым поэтом, в течение немногих лет обогатившим нас переводами Горация, Ювенала, Катулла, Тибулла, «Метаморфоз» Овидия и, наконец, «Энеиды» Виргилия. Обнаружив смолоду, с первых же шагов своих на литературном поприще, удивительную способность проникаться духом классической древности и подарив русское общество множеством грациозных антологических стихотворений, г. Фет годы преклонного возраста посвящает почти исключительно переводам лучших римских поэтов. Отрадно и поучительно видеть удрученного летами поэта, который в борьбе с «усиливающимися хроническими недугами и мучительным ослаблением зрения», с неутомимой энергией продолжая служить русской литературе и обществу, торопится «воспользоваться минутами до окончательной невозможности продолжать свой труд» (предисловие к переводу).

---

[32] Речь идет об издании: Vergil's Aeneide für den Schulgebrauch erklärt von Karl Kappes (Leipzig: Teubner, 1878), которое в своем предисловии Нагуевский не указывает (см.: *Энеида.* Ч. 1. С. XI–XII).

[33] *Кулаковский Ю. А.* К юбилею А. А. Фета. С. 8–9. Отдельные языковые обороты в этой статье, текстуально совпадающие с анонимной рецензией в «Русском вестнике», дают достаточные основания атрибутировать ее Кулаковскому.

Кроме русской филологической науки, вообще, переводы г. Фета должны сослужить особенно полезную службу русскому учащемуся юношеству, заменив собой глупые и вредные, преследующие преимущественно спекулятивные цели, *подстрочники*, и людям, не имевшим случая настолько усвоить древние языки, чтобы знакомиться в подлиннике с великими произведениями классиков.

«Энеида» переведена размером подлинника и при том с поразительной точностью: слово в слово, стих в стих и почти конструкция в конструкцию. Эта поистине изумительная точность имеет, конечно, свое значение в филологическом отношении, что поэт-переводчик прекрасно доказывает в оригинальном и крайне интересном предисловии к своему труду. Он излагает и защищает правила, которым строго следует в своих последних переводах. Но мы находим, что эта погоня за полной буквальностью, при всем таланте г. Фета и выработанной многими годами технике стиха, несколько вредит внешней форме, весьма важной в переводах поэтических произведений, придавая ей местами некоторую тяжеловесность, шероховатость и запутанность конструкций. Это весьма понятно по той простой причине, что конструкция совершенно обычная и вполне удобная в латинском или греческом языке является часто довольно тяжелой и не совсем удобной в русском. Интересно в этом отношении сравнить перевод «Энеиды» и другие непосредственно предшествующие ей переводы г. Фета с классическими русскими переводами «Илиады» Гнедича, «Одиссеи» Жуковского и вполне прекрасным, истинно поэтическим переводом «Од» Горация самого г. Фета, сделанный в гораздо более раннюю пору его жизни. По буквальной точности первые имеют бесспорное преимущество перед последними, но со стороны красоты и художественности формы последние несомненно стоят выше первых.

На помощь престарелому и удрученному недугами поэту явился достойный помощник в лице Вл. С. Соловьева, и шестая книга «Энеиды» переведена совместно с ним, а седьмая, девятая и десятая вполне им.

Введение, объяснения и проверка текста — труд профессора казанского университета Д. И. Нагуевского. Внешность книги трудно в чем-либо упрекнуть.[34]

Кроме того, хвалебная рецензия на перевод Фета была опубликована в «Пантеоне литературы». Ее автор, ученый-классик В. А. Алексеев, дал сравнительный анализ переводов Фета и Шершеневича, из которых более удачным признал перевод Фета — «ценное приобретение для русской литературы». Что касается Нагуевского, то и здесь ему был высказан целый ряд серьезных замечаний, а также сожаление, что примечания «могли бы быть и обстоятельнее».[35]

---

[34] Русское дело. 1888. 16 января № 3. С. 11 (отдел «Новости литературы»). Не исключено, что автором рецензии мог быть сотрудничавший в это время в газете А. А. Александров, поэт, литературный критик, преподаватель, знакомый и корреспондент Фета.

[35] *Алексеев В. А.* Новые книги // Пантеон литературы. 1888. Т. 1. Январь — апрель. С. 28–31 (отдел «Современная летопись»).

12 февраля 1888 года Фет, утомленный затянувшейся полемикой, писал Нагуевскому: «…всякое доброе дело влечет за собою заслуженное наказание. Мы оба с Вами увлеклись благою мыслию представить в наилучшем виде „Энеиду“ на русском языке и за это оба наказаны. Знай мы наперед последствия наших усилий, то Вы бы ни за что не протянули мне руку помощи, а я с своей стороны предпочел бы оставить текст с теми промахами, от которых Вы его избавили, сопроводив его заведомо переводными объяснениями. Но ничего нет бесплоднее исправлений совершившегося».

После смерти Фета Нагуевский неизменно уважительно отзывался о Фете и о его переводческой деятельности. Так, в своей «Истории римской литературы» в 1911 году ученый писал: «В настоящее время возможно отметить лишь немногие крупные явления в русской переводной литературе: Т. Ливий (под ред. Адрианова), Тацит (В. Модестова), речи Цицерона (Ф. Зелинского т. 1), Гораций, Катулл, Тибулл, Марциал, „Энеида“ Виргилия и нек<оторые> др<угие> поэты (А. Фета)».[36]

Трудно переоценить значение сохранившейся переписки Фета и Нагуевского, в которой детально отражены все перипетии работы Фета над переводом «Энеиды», озвучены и обоснованы новаторские переводческие приемы, не получившие должной оценки ни у современников, ни в науке о переводах. Нельзя не согласиться с мнением Н. П. Генераловой, что «дальнейшие исследования принципов перевода, которые можно извлечь из того, что осталось в творческом наследии Фета-переводчика, возможно, определят подлинное место этого наследия в истории русской переводной литературы».[37]

---

[36] *Нагуевский Д. И.* История римской литературы: В 2 т. Казань, 1911. Т. 1: С древнейших времен до эпохи Августа. С. 26. В разделах, посвященных Овидию (Т. 2: Век Августа. Казань, 1915. С. 421–636) и Катуллу (Т. 1. С. 641–679), Нагуевский приводит произведения римских лириков в переводах Фета. Необходимо также упомянуть о рукописи неопубликованной обширной рецензии Нагуевского на перевод Катулла, изданный Фетом (М., 1886), хранящейся в Отделе рукописей и редкой книги Казанского университета (№ 8170): *Нагуевский Д. И.* Первый римский лирик в русском переводе (Стихотворения Катулла в пер. и с объясн. А. Фета. М., 1886). Казань, 1886. 46 л. Рукопись представляет собой чистовую писарскую копию в 4°, подготовленную, вероятно, для печати. За сведения о ней благодарю А. А. Костина. Трудно сказать, почему эта публикация не состоялась; возможно, редакция *ЖМНП*, для которого могла быть подготовлена статья Нагуевского, предпочла рецензию другого автора (см.: *ЖМНП*. 1886. Т. 245. № 6. С. 430–438; подп.: Н. К. С-ский).

[37] *Генералова Н. П.* О Фете-переводчике // *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 528.

Все письма Фета написаны на личных бланках под диктовку рукой секретаря поэта Е. В. Федоровой (Кудрявцевой). Приписки и подписи сделаны Фетом (*РНБ*. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 3. № 1325). Нумерация писем Фета и годы в архивной подборке проставлены чернилами рукой Нагуевского, другие его пометы на письмах поэта оговариваются отдельно. По какой причине Нагуевский не включил в эту подборку последнее письмо Фета, двадцать шестое, трудно сказать (не исключено, что это письмо не было отослано адресату); однако черновик этого письма, написанный карандашом рукой Е. В. Федоровой, сохранился в архиве поэта и приводится в данной публикации (№ 40). См.: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 5.

Следует добавить, что двадцать пять из имеющихся двадцати шести писем Фета к Нагуевскому были не так давно опубликованы Н. С. Алмазовой с многочисленными купюрами и фактическими ошибками.[38] Публикатору осталось неизвестным существование ответных писем Д. И. Нагуевского, хранящихся в фонде Фета в *РГБ*: Ф. 315. К. 9. № 29, и черновика последнего письма Фета к Нагуевскому (Там же. К. 4. № 5).

Письма воспроизводятся по подлинникам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных грамматических и синтаксических особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации.

За помощь в переводе латинских цитат благодарю К. А. Богданова.

1

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

11 марта 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

11-го марта.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Les beaux esprits se rencontrent[a]

Как грамотному человеку мне было бы совестно не знать Вас и Ваших почтенных трудов; а занимаясь переводами латинских классиков, не могу отказать себе в удовольствии обратиться к Вам письменно.

[38] См.: Перевод «Энеиды» Вергилия в социокультурном контексте России конца XIX века (25 писем А. А. Фета Д. И. Нагуевскому) / Подготовка текста, предисл. и коммент. Н. С. Алмазовой // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Омск, 2007. Вып. 3. С. 290–333. Далее: *Алмазова*, с указанием страницы. См. также: *Алмазова Н. С.* «Habent sua fata… conversiones»: О переводе «Энеиды» Вергилия в переписке А. А. Фета и Д. И. Нагуевского // Проблемы антиковедения и медиевистики. Нижний Новгород, 2006. Вып. 2. С. 181–192.

[a] Великие умы сходятся (*франц.*).

Вот уже третий день, что я вернулся на лето в деревню из Москвы, где провожу обычно зиму. Там между прочим граф Ал<ексей> Вас<ильевич> Олсуфьев показал мне Ваше к нему письмо,[1] в котором Вы выражаете желание, чтобы я занялся переводом «Энеиды». Это было для меня тем более радостно, что, при получении Вашего почтенного письма, половина первой книги «Энеиды» была уже мною переведена.

Хотя, положа руку на сердце, несмотря на красивые места в «Энеиде», работаю над нею не с тем же увлечением, как над другими поэтами, — тем не менее сердечно рад, что эта работа займет мое деревенское время.

В моем предисловии к Овидию я чистосердечно признаюсь, что я не более как любитель-переводчик, но нимало не филолог.[2] Для меня объяснения только натыканные ветки, указывающие надлежащий путь разумения. Но у меня не хватает ни умения, ни терпения рассматривать каждую отдельную ветку порознь. Граф Олсуфьев, занимавшийся редакцией латинского текста Овидия и проверкою текста моего перевода, остался, как он мне на днях говорил, недоволен моими примечаниями, будто бы неправильно опровергающими мой правильный перевод.

Но в «Энеиде», как мне кажется, таких разночтений в тексте не встречается, а я перевожу по Ladewig'у,[3] и эти обстоятельства внушают мне смелость надеяться, что Вы не откажетесь от любезной Вашей мысли написать самонужнейшие примечания к моему переводу, причем, конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок моего перевода.[6]

Дальнейшие шаги мои в этом направлении будут, конечно, зависеть от Вашего ответа, и, если он окажется благоприятным и Вы найдете это нужным, — я начну высылать Вам одну песню перевода за другою, чтобы выслушивать замечания Ваши касательно стихов перевода, настоятельно требующих поправки.

В письме Вашем к графу Вы назвали перевод Шершеневича[4] устарелым, но, познакомившись с ним, я нашел в нем простой вольный пересказ содержания «Энеиды» и буквально не мог из него попользоваться ни одним выражением для своего перевода.

Если мои переводы далеки от желаемого совершенства, то тем не менее могут служить фундаментом для будущих, более счастливых или искусных переводчиков. Переводить песни прозой — невозможно. Стихи имеют свои права, которых нарушать нельзя.[5]

---

[6] *От слова* «конечно» *и до конца предложения отчеркнуто простым карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.*

Я полагал, что «Энеида» представит для меня шуточную работу и сильно ошибся, так как перевод ее для меня труднее капризного Проперция.[6]

Каково бы ни было Ваше решение по отношению к моей «Энеиде» — прошу принять[в] уверения в глубоком почтении Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

На обороте:

К адресу в заголовке этого письма следует только прибавить: Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 4–6 об.

Впервые опубликовано (без постскриптума, с неточностями и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 14 октября, приложение «Литература, искусство, наука». № 2. С. 1, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

[1] Граф *Алексей Васильевич Олсуфьев* (1831–1915) — генерал-лейтенант от кавалерии, с 1892 г. генерал, не имел специального филологического образования, однако был страстным почитателем и серьезным знатоком римской поэзии. Великолепно знал быт, историю, культуру Древнего Рима. Был лично знаком со многими известными учеными-классиками. Фет познакомился с Олсуфьевым 4 октября 1886 г. (см.: *Летопись. Дополнения*. С. 339). Преданно помогал Фету в исправлении и проработке таких его переводов латинских авторов, как «XV книг Превращений» Овидия (М., 1887), «Элегии» Проперция (СПб., 1888), «Сатиры» Марциала (М., 1891) и др. Их дружба, основанная на «долговременном и драгоценном сотрудничестве», продолжалась до конца жизни поэта (см.: *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 214–223). Его основные работы: Ювенал в переводе г. Фета. (СПб., 1886); Марциал: Биографический очерк (М., 1891).

[2] Фет пишет об этом не в Предисловии к Овидию, а в главе «Жизнь Овидия»: «Ввиду возможной близости перевода к оригиналу граф Олсуфьев настоял на печатании книги с латинским оригиналом рядом. Когда мы согласились на такое усложнение дела, граф, найдя наш оригинальный текст отсталым от новейших исправлений, настоял и на этих исправлениях, хотя бы главнейших. <…> За спешностью работы граф не мог принять на себя пересмотра сделанных нами примечаний, относящихся к содержанию. <…> Зато все примечания, касающиеся до формальности текста, принадлежат перу графа Олсуфьева, и мы, пользуясь чужой ученостью и трудами, не желаем в глазах публики из скромного переводчика превращаться в знатока филолога» (*Овидий. Превращения*. С. XIX).

[3] Имеется в виду издание «Энеиды» в переводе Теодора Ладевига, осуществленное немецким филологом-классиком Карлом Шапером (1828–1886). Подробнее об этом издании см. во вступит. статье.

[в] *Далее рукой А. А. Фета.*

[4] См. о переводе Шершеневича во вступит. статье к наст. публикации. *Иосиф Григорьевич Шершеневич* (ум. 1894) был директором Одесской мужской гимназии. Первое издание «Энеиды» в его переводе см.: Одесса, 1845–1847 (указано М. Д. Эльзоном). О предшествовавших переводу Фета переводах Нагуевский пишет во «Введении»: «*Русского издания* произведений Вергилия нет до сих пор; нет даже полного издания „Энеиды“, так как жалкая, лишенная всяких достоинств обработка какого-нибудь Соснецкого <…> и подобных ему спекуляторов-издателей, не заслуживает и упоминания. <…> Из *русских* переводов в свое время пользовался некоторою известностью перевод (без примечаний) „Энеиды“, размером подлинника, изданный *Шершеневичем* (Варшава, 1868)» (*Энеида*. Ч. 1. С. XXVII–XXVIII).

[5] В Предисловии к «Энеиде» Фет пишет: «…не станем ратовать против советующих противопоставлять нашим стихотворным переводам переводы в прозе. Как и что на это возражать? Что такое прозою переведенный поэт? Кому может быть нужен подобный перевод? Разве школьнику, который не в состоянии справиться с оригиналом <…>» (Там же. С. IV).

[6] См.: Элегии Секста Проперция. Пер. А. А. Фета. СПб., 1888.

2

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

20 марта 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ

20 марта 1887. Казань.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Премного благодарен Вам за лестное предложение быть Вашим оруженосцем в деле закрепления за русской литературой поэмы знаменитого римского этика. Душевно радуюсь и за отечественную Музу и за Виргилия, которому, наконец, в лице Вашем, удалось обрести надежного, талантливого и рачительного истолкователя отечественной речью его заветных песнопений. С своей стороны я готов всячески содействовать Вашему предприятию. Избранный Вами текст Ладевига[1] вполне одобряю; только необходимо, чтобы Вы руководствовались новейшим изданием этого текста, обработанного после смерти Ладевига Шапером (Schaper) в коллекции классиков Вейдмана в Берлине.[2] В некоторых случаях (впрочем весьма немногих), думаю, придется обратиться к изданиям Вагнера и Риббека.[3]

Объяснения к переводу берусь составить и вполне разделяю Ваше мнение, что объяснения к переводу должны быть «самонужнейшие».

Кроме того, придется предпослать введение о жизни и произведениях Виргилия, а также изложение содержания отдельных книг. И это, если пожелаете, возьму на себя.

Что касается до *внешней стороны* издания, то я позволю высказать себе пожелание, чтобы оно явилось in 8 minor. в двух томах, первый до VI книги включ<ительно>, второй — остальные 6 книг. В данном случае нам необходимо следовать изящным изданиям западников, переводную книгу которых легко держать в руке, даже левой. В нашей же публике, интересующейся классицизмом, в публике, к которой в значительной мере применимо изречение «für die Jugend ist das Beste eben gut genug»,[a] — форма издания нередко способствует популяризации самого труда, а разделение на 2 части важно в том, что доступнее могли бы покупать и учащиеся, которым нужен тот либо другой отдел.

На приложении текста я бы не настаивал, но указанную мною форму и разделение издания было бы *весьма желательно* сохранить. Шрифт тоже следовало бы взять более мелкий, чем в остальных Ваших изданиях.

С удовольствием буду ожидать присылки первой песни, к разъяснению которой толкованиями и в отношении перевода постараюсь приступить в первую свободную минуту. На могущие последовать от Вас запросы готов всегда отвечать немедленно.

Примите, высокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, уверение в глубоком к Вам уважении

Вашего покорнейшего слуги

Д. Нагуевского.

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 1–2.

[1] Имеется в виду берлинское комментированное издание «Энеиды» в двух томах: Vergil's Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1871. Bd 2: Aeneide. Buch I–VI; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII.

[2] Речь идет об издании: Vergil's Gedichte. Erklaert von Th. Ladewig. Berlin, 1881. Bd 2: Aeneide. Buch I–VI. 10. Auflage von Karl Schaper; Bd 3: Aeneide. Buch VII–XII. 7. Auflage von Karl Schaper. Это трехтомное издание, первый том которого составили «Буколики» и «Георгики» Вергилия (1860), а два последующих были отведены «Энеиде» (1871), имелось в библиотеке Нагуевского. В настоящее время оно хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета (см.: *Алмазова.* С. 300). Фет пользовался изданием Ладевига 1881 г., изданного под редакцией К. Шапера.

---

[a] «для юности даже самое лучшее едва ли достаточно хорошо» (*нем.*).

[3] Имеются в виду: P. Vergili Maronis Opera in usum scholarum recognovit Otto Ribbeck. Praemisit de vita et scriptis poete narrationem. Lipsiae, 1859 (только латинский текст, без комментариев); *Wagner Ph.* Vergil's Gedichte. Leipzig, 1830–1841. Bd 1–5.

3

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

31 марта 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

31 марта.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Дозвольте болезненному старику вместо всяческих излияний мысленно дружески пожать Вашу руку не потому только, что она для меня рука помощи, а потому что это, слава Богу, рука русского ученого, горячо сочувствующего своей специальности. Мы до этого, увы! так далеко недоросли. Нечего Вам объяснять, что мои классические переводы даже не окупают своих изданий. Но я работаю не для прибыли, не для известности, для крыльев которой у меня еще надолго не будет надлежащей атмосферы. Нечего прибавлять, что когда на обертке перевода будет напечатано: «текст проверен и примечания написаны ординарным профессором Д. И. Нагуевским» — этот заглавный листок заменит для книги всякую похвалу критики.

При обращении к делу приходится сказать на первый раз так много, что прибегаю к пунктам.

1. Самый перевод служит для ученого указанием образа понимания оригинала переводчиком, и следовательно примечания необходимы только для непосвященных, которые без них местами ничего бы не поняли. Поэтому, объясняя например прозвище Цилллений, нет никакой надобности испещрять, подобно Schaper'у, примечания ссылками на подлинные выражения «Илиады» и «Одиссеи». На этом же самом основании, как бы ни вопил глубокоуважаемый граф Олсуфьев, ни за что не приму в наше издание, нимало не подспоряющего дела оригинала,[1] представляющего во всех отношениях только тормозящий груз, тогда как всякий может в стереотипном издании приобресть его за двугривенный.

2. Работая, при плачевной слабости зрения, с возможным напряжением внимания, но между тем безостановочно по урокам, в размере пя-

тидесяти стихов в день, я ни за что не подвергну нашей «Энеиды» тем усложнениям и дерганьям самого оригинала, а следовательно и перевода и примечаний в самую минуту печатания, каким подвергался мой Овидий.

3. Поэтому я убедительно прошу Вас сначала беспощадно подчеркнуть те места для себя карандашом, которые Вы найдете неверными, причем Вы сами увидите, почему они неверны: потому ли, что я превратно понял оригинал, или потому только, что я, как рыба, бьюсь на крючке, которого она ни сбросить, ни проглотить не в силах. Вспомните, что мои ноги, или, лучше сказать, стопы, немилосердно сдержаны стопами гекзаметра, из которых выскочить я не имею права. В первом случае поправка по Вашему указанию для меня обязательна, а во втором только желательна, если достижима. Загляните, хоть мельком, в академический перевод Nisard'a: там Вы найдете среди всевозможных отступлений от буквы текста и такие диковинки, как «(в книге II, ст. 99): et quaerere *conscius* arma, т. е зная за собой вину, — de chercher des armes et *un complice à* sa haine;[а] и (в книге III, ст. 239): dat signum Misenus ab alta Aere cavo,[2] т. е. знак Мизен падает с холма высокого полой медью, — Misène, du haut *d'un roc où je l'ai posté*, sonne de la trompette;[б] (кн. III, ст. 309): Labitur, et longo vix tandem tempore fatur, т. е. зашаталась и, лишь промедливши еле, сказала, — enfin, ayant recouvré ses esprits, elle me parla ainsi.[в] (Кн. IV, ст. 104): Liceat Phrigio *servire* marito dotalisque tuae Tyrios *permittere* dextrae, т. е. пускай уж она фригийскому *служит* супругу, и тирийцев *отдаст* тебе как приданое в руки, вместо soumette à un époux phrigien, et que les Tyriens soient la dot *qu'il reçoive de vos mains*»,[г] — и это все в прозе, где ничто не стесняет переводчика, кроме правильного понимания текста![3]

4. Перехожу к наиболее практическому способу исправлений перевода: в случае замеченного Вами желательного исправления, Вам достаточно (как это делал граф Олсуфьев) подчеркивать соответственные латинские слова и прописывать над ними желаемый Вами перевод. Для этого, мне кажется, не нужно бы было пересылать всей обузы застрахованной песни, которую я (при операции страховки) даже не могу прямо,

---

[а] искать оружие и *соучастника* своей ненависти (*франц.*).

[б] Мизен, с высоты *скалы, куда я его поставил*, трубит в трубу (*франц.*).

[в] наконец, придя в себя, она сказала мне так (*франц.*).

[г] подчиниться фригийскому супругу, и пусть тирийцы будут приданым, *которое он получит из ваших рук* (*франц.*).

за неимением почтовой конторы, получать на станции Коренная Пустынь,[4] а должен с потерею времени и усилий получать по предварительному объявлению из Курской почтовой конторы. Потому, раз что Вы карандашом сделаете надлежащие отметки над стихами прилагаемого при сем текста перевода, то, поручив переписку последовательных стихов с Вашими отметками толковому переписчику за известное вознаграждение, Вы без всякого страха можете высылать их простым письмом по моему адресу на станцию Коренная Пустынь, ибо в крайнем случае (весьма невероятном) утраты письма, переписчик всегда может возобновить список. Я же со своей стороны, исправя стихи, буду пересылать поправки под цифрами на Ваше благоусмотрение. Само собою разумеется, что, не желая сверх драгоценного труда Вашего, вводить Вас в материальные издержки, я по мере указаний Ваших буду восполнять свой долг с первою отходящею почтою. Полагаю, что удобнее всего и для Вас, и для меня это будет при окончании всех поправок.

5. Что касается необходимой краткой «*Жизни*» Виргилия или самого предисловия в книге, то нет никакой необходимости, равно как и самих примечаний, в высылке всего этого раньше октября месяца, т. е. приезда моего, если доживу, в Москву, к самому печатанию книги, форма которой, я совершенно согласен, должна быть сходна с изданием Schaper'a, т. е. в двух томиках.

6. Теперь еще одна и последняя усердная просьба: Не откажите в нескольких выражениях общего впечатления, которое произведет на Вас присланный мною перевод первой книги «Энеиды». Не могу в этом отношении ожидать ничего, кроме сущей правды, хотя и самое горькое мало поможет моей беде, ибо я, так сказать, в струнку вытягиваю свои силы.[5]

А теперь, многоуважаемый Дарий Ильич, примите искренние выражения[д] глубочайшего уважения Вашего будущего ученика

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 7–9 об.

[1] В рецензии на Ювенала в переводе Фета А. В. Олсуфьев заметил: «Следует сожалеть только об одном — что почтенный переводчик не представил своего перевода рядом с подлинником (texte en regard)» (*Олсуфьев Ал. В*. Ювенал в переводе г. Фета. СПб., 1886. С. 4). Олсуфьеву Фет писал 29 апреля 1887 г., что Нагуевский «советует издать перевод (Вергилия. — *С. И.*) совершенно по образцу Ladewig'a,

[д] *Далее рукой А. А. Фета.*

то есть в двух томиках при наименьшем количестве примечаний и, конечно, без латинского текста. Нельзя отрицать, что издание рядом с текстом имеет в свою пользу немало доводов и что после роскошного в этом отношении издания „Превращений“ может возбудить в некоторых читателях смущение при виде отступлений от этой формы <…>. Считаю в предисловии необходимым высказать причины, заставляющие меня отказаться от такой роскоши. При этом мне придется поневоле оспаривать Ваше мнение, на что заранее испрашиваю Вашего разрешения <…>» (*Письма к Олсуфьеву (50).* С. 234–235).

В Предисловии от переводчика Фет писал: «Мы не думаем возражать многоуважаемому бывшему сотруднику нашему при издании Овидиевых „Превращений“ гр. Ал. В. Олсуфьеву по поводу его идеала издания классического перевода. Согласно такому идеалу, перевод с самого совершенного в критическом отношении текста должен быть снабжен, с одной стороны, текстом оригинала, а с другой — объяснениями, не отставшими от принятых переводчиком исправлений текста. Конечно, такую форму издания можно по справедливости назвать идеальною, но едва ли справедливо требовать такой формы от человека, который <…> должен был с величайшим напряжением посвятить все свое время одним переводам там, где, с нашей точки зрения, до данной минуты ничего не существовало» (*Энеида.* Ч. 1. С. VII).

[2] *Правильно*: dat signum specula Misenus ab alta Aere cavo.

[3] См.: Collection des auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de m. Nisard, maître de conférences à l’école normale: Lucrèce, Virgile, Valérius Flaccus, œuvres complètes. Paris, 1843. P. 247, 267, 268, 279. Французский перевод Низара дан прозой. В предисловии Фет пишет о нем: «Что такое прозою переведенный поэт? <…> ставши буквальным в порядке последовательности слов, такой перевод станет совершенно непонятным. Вот почему академический перевод Низара в прозе, невзирая на видимое (далеко не всегда точное) знакомство с делом, вынужден прибегать к перифразам, в которых подчас трудно узнать самый оригинал» (*Энеида*. Ч. 1. С. IV).

[4] Имение Фета Воробьевка находилось рядом со станцией *Коренная Пустынь* Московско-Курской железной дороги. Коренная пустынь — название находящегося неподалеку от Воробьевки известного монастыря. С 1878 по 1892 гг. Фет примерно с марта по октябрь неизменно проживал в Воробьевке.

[5] Ответное письмо Нагуевского неизвестно, о нем как о втором говорится в следующем письме Фета, а также в письме к Олсуфьеву от 29 апреля: «Вчера (т. е. 28 апреля. — *С. И.*) я получил его ответ вместе с немногочисленными указаниями мест, подлежащих исправлению. <…> Приятно было мне видеть, что Нагуевский доволен не только точностью перевода, но и общим течением, как он выражается, эпической речи. Но что обрадовало меня не менее, то это полное совпадение его желаний с моими насчет внешнего вида издания» (*Письма к Олсуфьеву (50).* С. 234).

4

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

30 апреля 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

30 апреля.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

При болезненном состоянии, подавленный в настоящую минуту самыми разнообразными трудами и заботами и в то же время уважая и Ваши досуги, ограничиваюсь самыми необходимыми замечаниями.

Все драгоценные замечания Ваши, как в первом письме, так и во втором, привели к исправлению текста, за весьма немногими ничтожными исключениями. Другие же вроде (ст. 97) Эгионских вместо Илионских, (ст. 120) Илиония вместо Илионея и (ст. 714) Финикиянка через фиту — простые описки.[1] Зато, к крайнему сожалению, чтения Кинфа,[а] Клоанфа, Киферы вместо Цинта, Клоанта и Цитеры я, не впадая в явное противоречие с латинским чтением греческих имен, которого держался до сих пор во всех моих переводах, — я принять не могу.[2] Вместе с сим посылкою пересылаю Вам четыре следующих[б] книги.[3]

Как ни нежелательны излишние примечания, но непосредственное чувство само укажет Вам те места, где, невзирая на точный и ясный перевод, читатель-неспециалист не поймет ничего без объяснения.[в]

Примите выражения глубочайшего почтения и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 10–10 об.

[1] Речь идет о стихах первой книги. *Илионей* — герой «Илиады» который у Гомера погибает, а у Вергилия остается в живых.

[2] *Цинт* / *Кинф* (*греч.* Cinth) — гора на о. Делос; *Клоант* / *Клоанф* (*греч.* Kloanth) — имя героя; *Цитера* / *Кифера* (*греч.* Cithera) — остров, лежащий к югу от Пелопоннеса против мыса Малея, центр культа Венеры со знаменитым святилищем богини. *Цитерея* (Киферея) — одно из имен Венеры, по названию острова, на

[а] *Далее зачеркнуто*: Клоары

[б] *Далее зачеркнуто*: песни

[в] *Далее рукой А. А. Фета.*

который она вышла, появившись из пены морской. В переводе сохранено написание, предложенное Фетом: Цитерея (см.: Кн. I, 257).

[3] Имеются в виду книги «Энеиды» со второй по пятую включительно. В письме к гр. Олсуфьеву от 29 апреля 1887 г., т. е. за день до этого письма, Фет сообщает: «С приезда в деревню я по нездоровью еще ни разу не выходил на воздух, что не помешало мне добраться до конца пятой книги „Энеиды“ и переслать Нагуевскому как образчик первую книгу» (*Письма к Олсуфьеву (50)*. С. 234).

5

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

30 мая 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Мая 30. 1887.

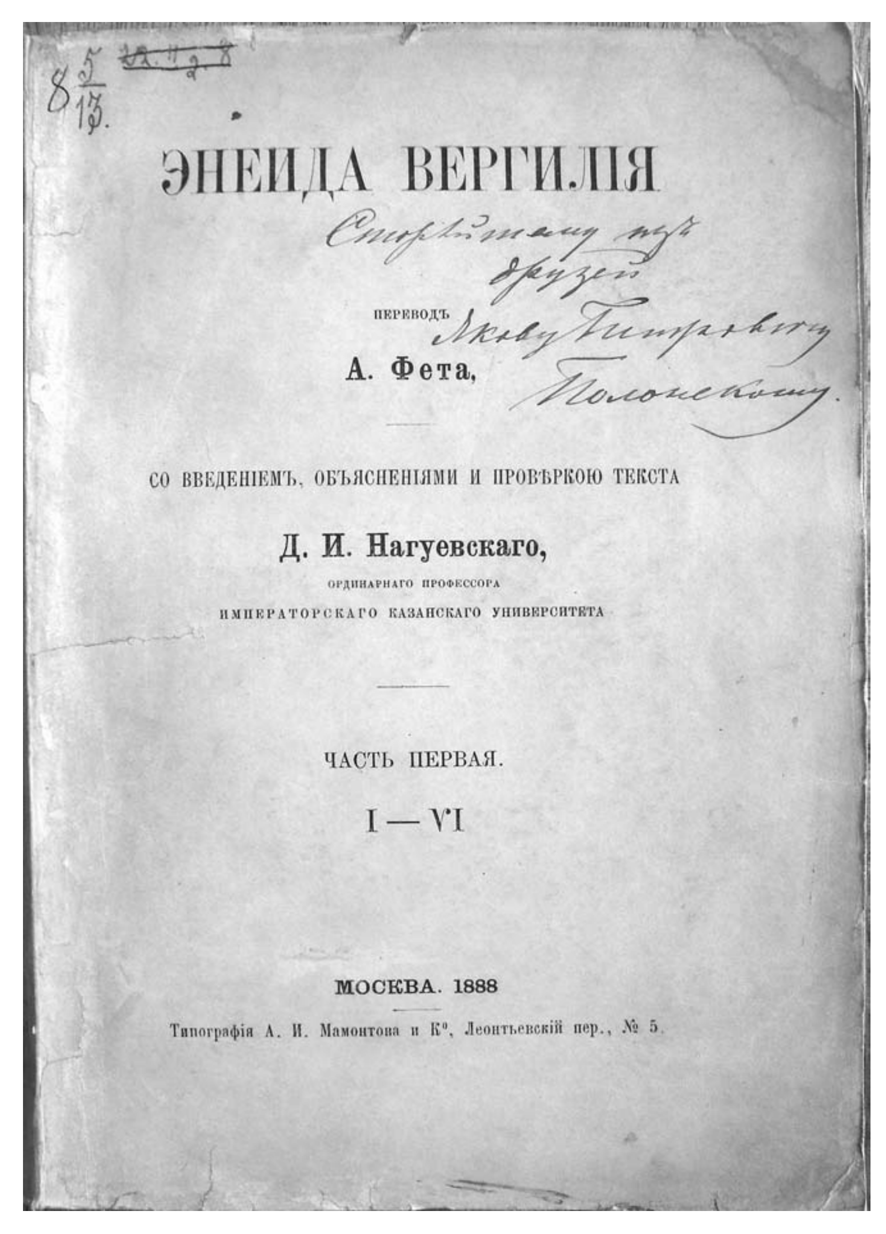
Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Пишу эти строки, согласно указанию Вашему,[1] по новому адресу, с облегченной душой, зная наперед, что через два-три дня письмо это будет у Вас в руках.

Вторая книга уже исправлена по дорогим указаниям Вашим, и если бы дело шло так, как оно сложилось в Вашем воображении, то мне бы следовало, щадя Ваше драгоценное время, заключить мои слова живейшей признательностью. Но некоторые из ряда вон выходящие условия вынуждают меня возможно кратко и ясно изложить Вам настоящее положение дела.

Мучительная одышка, повергающая меня каждую ночь в смертельную истому, мало-помалу захватывает у меня и часы дня, так что, невзирая ни на какие сторонние надежды на мою дальнейшую деятельность, я вынужден, во-первых, торопиться и, проживая ежегодно в Москве лишь с 1-го октября по 1-е марта, воспользоваться последним предстоящим зимним сезоном, чтобы покончить печатание всех моих работ; а во-вторых, не предпринимать никаких новых, за исключением, быть может, диктования в свободные от недуга минуты мемуаров.[2]

Таким образом, мне предстоит нынешней осенью печатание 1) пятидесяти моих неизданных стихотворений,[3] 2) перевода Персия,[4] при издании которого Ваша о нем книга[5] мне может быть драгоценным подспорьем, 3) «Элегий» Проперция, готовых к печати,[6] и наконец 4) — нашего Виргилия, доведенного в настоящее время до девятой песни.



ЭНЕИДА ВЕРГИЛІЯ

Старѣйшему изъ друзей
Якову Петровичу
Полонскому.

ПЕРЕВОДЪ

А. Фета,

СО ВВЕДЕНІЕМЪ, ОБЪЯСНЕНІЯМИ И ПРОВѢРКОЮ ТЕКСТА

Д. И. Нагуевскаго,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I — VI

МОСКВА. 1888

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.

Обложка перевода первой части «Энеиды» Вергилия (М., 1888)
с дарственной надписью Я. П. Полонскому

Предисловіе.

Приступая къ новому изданію классика въ переводѣ и въ данной типографской формѣ, мы могли бы прейти послѣднюю молчаніемъ, какъ безразличную; но нѣкоторыя обстоятельства вынуждаютъ насъ на объясненія по этому вопросу. Мы одинаково погрѣшили бы противъ истины, заявляя съ одной стороны, что наши переводы имѣютъ рыночный успѣхъ, а съ другой, что они ни въ комъ не возбуждаютъ никакого сочувствія. Правда, сочувственный кругъ пока чрезвычайно тѣсенъ, но зато онъ состоитъ исключительно изъ людей высоко образованныхъ и потому его горячимъ сочувствіемъ мы дорожимъ несравненно болѣе, чѣмъ современнымъ рыночнымъ успѣхомъ.

Мы не разъ имѣли случай выражать нашу искреннюю признательность періодическимъ изданіямъ, благосклонно указавшимъ на посильный трудъ нашъ. Бо̀льшаго нельзя ожидать со стороны періодическаго изданія, относиться же критически къ нашимъ трудамъ можно только при добросовѣстномъ изученіи оригинала, прослѣдя самый переводъ изъ строки въ строку, т. е. предпринимая трудъ, почти равносильный нашему и быть можетъ болѣе почтенный, такъ какъ на наши глаза менѣе привлекательный. Подобно тому, какъ у истиннаго, хотя бы и пожилаго, охотника сердце радостно и пугливо вздрагиваетъ каждый разъ при взлетѣ птицы, всегда

I*

Первая страница Предисловия Фета к переводу «Энеиды»

В моем предисловии я напечатаю, что я всегда брался тщательно переводить классиков по известным мне наилучшим толкованиям, но никогда не считал своим призванием писать примечания или жизнеописания. Это, так сказать, мой подарок, а даровому коню в зубы не смотрят.[7] После этого понятно, с одной стороны, до какой степени я высоко ставлю значение Ваших примечаний и жизнеописания Виргилия, написанных рукой специалиста. Конечно, если бы мое здоровье и условия труда находились в нормальном положении, я бы с признательностью выжидал Вашей помощи в размерах, какие Вам угодно бы было ей придать. Но так как плачевное состояние моего здоровья представляет вращательную точку всего дела, то я вынужден обратиться к Вам за разрешением возникающего недоумения. Печатать в Москве книги даже при одних типографских условиях можно только до 20-го декабря, так как затем до половины января непрерывные праздники мешают делу. Я очень счастлив, что Вы разделяете мой взгляд насчет краткости примечаний, но что же я буду делать, если Ваши жизнеописание и примечания только шести первых книг будут закончены лишь к 17 октября? Не разрешите ли Вы мне в таком случае оговорить в первом томе что[а] примечания в нем продукт Вашего труда, а затем, ввиду невозможности поступить иначе, издать второй том с примечаниями собственного изделия, которые я берусь составить в течение двух недель? Dixi et animam salvavi.[б]

Только ввиду таких вопросов не посылаю Вам в настоящее время набело переписанных шестой и седьмой книг и буду, во всяком случае, ждать Вашего распоряжения.[в]

С глубочайшим почтением и признательностью Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 11–12 об.

[1] Это письмо Нагуевского неизвестно.

[2] Работа над мемуарами началась летом 1887 г. Первые главы были опубликованы в «Русском вестнике» (см.: *Фет А.* Из моих воспоминаний // *РВ*. 1888. Т. 197. Август. С. 3–56; 1889. Т. 203. Июль. С. 131–173). Полностью мемуары Фета вышли позже, см.: *Фет А. А.* Мои воспоминания. 1848–1889: В 2 ч. М., 1890.

[а] *Далее зачеркнуто*: он

[б] Сказал и тем спас душу (*лат.*).

[в] *Далее рукой А. А. Фета.*

[3] Речь идет о третьем выпуске сборника «Вечерние огни» (М., 1888; цензурное разрешение 18 ноября 1887 г.), в котором помещены 62 стихотворения.

[4] Имеется в виду издание «Сатир» Персия в переводе Фета (СПб., 1889).

[5] Книги Нагуевского о Персии обнаружить не удалось.

[6] Речь идет об издании «Элегий» Секста Проперция в переводе Фета, вышедшем в Петербурге в 1888 г.

[7] В Предисловии к «Энеиде» Фет подробно остановился на внешней форме издания, в частности, на вопросе о помещении рядом с текстом перевода «объяснений», которые не отставали бы «от принятых переводчиком исправлений текста» (*Энеида.* Ч. 1. С. VII). Исходя из того, что источник подобных исправлений является очевидным для ученых-специалистов и знатоков, а для «обыкновенных читателей» — совершенно излишним, Фет заключает: «Что же может в оправдание свое сказать переводчик, кроме пословицы: „даровому коню в зубы не смотрят“? Писать примечания в разгар самого перевода так же невозможно, как возить на рынок сено во время спешного сенокоса, а разыскивать по окончании перевода все места уклонений от данного текста — значит предпринимать отдельный значительный труд, требующий немалого времени» (Там же. С. VIII).

6

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

18 июня 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

18 июня 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Не нахожу слов благодарить Вас за отрадное намерение Ваше[1] украсить перевод «Энеиды» орнаментом, какого он, быть может, и не заслуживает. Во всяком случае «Энеиде» с этой стороны выпадает завидная доля перед всеми моими переводами.

Вторая книга в настоящее время окончательно исправлена по Вашим указаниям, между которыми капитальнейшим является относящееся к 236[a] стиху.[2] Что же касается до 477-го стиха, то встреча в русском экзаметре таких слов, как оруженосец и Автомедонт, представляет непреодолимое препятствие и я только переделал *преданный* на *спутник*.[3]

Вместе с сим прилагаю шестую, седьмую и восьмую книги, а девятую и следующие, вероятно, согласно Вашему распоряжению, придется уже выслать в августе в Казань.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: 7

Если же догадка моя неверна, то благоволите изменить дело, уведомив меня о том. Так как раньше первого октября я в Москве не буду, то, во избежание многократных хлопот, всего удобнее было бы к первому октябрю выслать готовые примечания и жизнь по неизменному нашему московскому адресу: Плющиха, собственный дом.[б]

Искренно уважающий Вас и признательный

А. Шеншин.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 13–13 об.

[1] Это письмо Нагуевского неизвестно.

[2] Речь идет о следующих стихах: «Все за дело взялись и поддвигают колеса / Под ноги, чтобы катить и тянуть шею веревки / Из пеньки» (II, 235–237), откомментированных Нагуевским следующим образом: «Привязав веревку к шее коня, они тащат его» (*Энеида.* Ч. 1. С. 44).

[3] В переводе: «Спутник Автомедонт и вся молодежь из Скироса» (Кн. II, 477).

7

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

24 июня 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

24 июня 1887.[а]

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Сердечно благодарю Вас за письмо от 18 июня[1] и сообщение об успешном ходе работы. Ваши примечания, помимо пользы делу, приводят меня в эстетический восторг. Чувствуешь над собою могучее веяние крыльев Дедала, до мельчайших подробностей владеющего своим искусством.[2] Чего стоит замечание о эффектной замене дактиля спондеем на двести десятом стихе![3] Тут прибавлять нечего. Ни одно из Ваших замечаний не ломает работы несчастного раба переводчика, которому порой приходится плохо. Все по возможности уже с глубочайшей признательностью исправлено. Даже простые описки, как: Цэлана, Эгейский, Олиара, Камерина, Аркагант, на радостный берег. 443-й ст<их>:

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

[а] *Под датой, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского синим карандашом отмечено:* «3 кн. ст. 443».

не справившись со словом furens — восторженный, я поставил *кипящую*. Но у меня в трех изданиях стоит не furentem, а insanam, что не изменяет смысла.[4]

Буду ждать Ваших дальнейших распоряжений.[б]

С глубочайшей признательностью и почтением. Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 14–14 об.

[1] Это письмо Нагуевского неизвестно. Судя по указанной Фетом дате: «18 июня», Нагуевский отвечал на письмо Фета от 30 мая.

[2] *Дедал* — в греческой мифологии искусный архитектор и скульптор. Сконструировал крылья, благодаря которым вместе с сыном Икаром улетел с острова Крит, спасаясь от царя Миноса.

[3] Вероятно, по замечанию Нагуевского, Фет заменяет дактили (трехсложная стопа: долгий, два кратких), из которых состоит гекзаметр, на спондей (двусложная стопа: два долгих): «Как я спасся из волн, берега́ Строфад восприяли / Первым меня, стоят по прозванию греков Строфады, / На Ионийских водах…» (III, 209–211).

[4] В окончательном тексте: «Ярую вещую ты узришь, что судьбы изрекает» (III, 443). В комментариях Нагуевского отмечено: «*Ярую*, восторженную» (С. 113). Insanus — неистовый, яростный, восторженный, исступленный; furens — яростный, бешеный, исступленный.

8

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

2 июля 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

2 июля 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Четвертая книга[а] согласно драгоценным указаниям Вашим в настоящее время исправлена до мельчайших подробностей, оказавшихся описками, отсутствующими в остающемся у меня экземпляре. При этом решаюсь представить Вам следующие две поправки.

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

[а] *Подчеркнуто синим карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.*

Ст<их> 121. Дело военное, а тем более охотничье, в сущности весьма мало подвинулось вперед с древнейших времен. Вашею заметкою Вы заставили меня с большею ясностью всмотреться в смысл этого стиха. Я перевел первоначально *alae* словом *кричан*, которым на охотничьем языке называется вся шумящая цепь загонщиков, проходящая лесом по направлению к рассыпанным, т. е. повешенным на кустарниках тенетам, к которым по недостаточности их долготы с обоих боков приставляются подобные же сети, именуемые и до сих пор у охотников крыльями, а когда настоящих таких крыльев нет, то вместо их привязываются веревки с подвесками из разноцветных лоскутьев, мочал и перьев, что неоднократно я сам видал на охотах с тенетами и о чем говорится в словаре Люнемана под словом *alae*[б] — die Federlappen, die bei der Umstellung eines Waldes angebracht werden[в] (Virg. Aen. 4, 121).[1] Следовательно, как раз указано наше место, в котором Виргилий очевидно говорит не о погонщиках и тем менее конных, которых в лесу быть не может, а о прямо противоположной линии совершенно готовых к восприятию зверей тенет. Поэтому нельзя согласиться с толкованиями Ladewig'а, превращающего Энея и Дидону с их провожатыми в *alae*[г] — легиона или эскадрона, т. е. в чернорабочий кричан, тогда как на охоте, в их удовольствие происходящей, им следует наслаждаться зрелищем попадающих в тенета зверей, а не загонять зверей, ничего не видя, для кого-то. Итак, если бы я переводил прозой, то перевел бы: *пока дрожат (трепещут) крылья и рощу тенетами окружат*; и согласно этому предлагаю стих по исправлению: «*как по крылам зашумит и тенетами рощу обступят*».

Ст<их> 244. Исправлен так:

Сон дает и берет (и мертвым глаза разверзает.)[2]

Ст<их> 614. У Ladewig'а, текста которого я держусь, стих кончается не hic terminus esto, а hic terminus haeret, и потому я перевожу: *И Зевеса судьбы так велят, здесь предел остается*.[3]

Ст<их> 611. В исправленном виде теперь так: *Это приявши, на злых заслуженную месть обратите*.[д, 4]

С глубоким почтением и признательностью Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

[б] *крылья* (*лат.*), зд.: сети.

[в] сети, которые вешаются при огораживании леса (*нем.*).

[г] *крылья* (*лат.*), зд.: фланги войска.

[д] *Далее рукой А. А. Фета.*

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 15–16 об.

[1] У Вергилия: «dum trepidant alae saltusque indagine cingunt». В окончательном тексте фетовского перевода: «Как по крылам зашумят, тенетами рощу обступят» (IV, 121). См.: *Lünemann G. H.* Lateinisch-deutsches und deutsch-lateinisches Handwörterbuch. Leipzig, 1831. Bd 1–2. Стб. 132.

[2] В окончательном тексте: «Сон дает и берет, и мертвым глаза разверзает» (IV, 244).

[3] Haerēre — пребывать, оставаться. В окончательном тексте: «И Зевеса судьбы так велят, предел тут положен» (IV, 614).

[4] Так же в окончательном тексте.

9

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

20 июля 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Июля 20. 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Перевод пятой книги[а] добросовестно исправлен согласно драгоценным указаниям Вашим.[1]

Ст<их> 733, наделавший мне при переводе столько хлопот, согласно указанию Вашему, наконец исправлен следующим образом:

«Сын, ко мне поспешай. Ведь не в Тартаре я нечестивом,
Иль средь печальных теней, а я обитаю Элизий».[2]

Ближе этого я перевести не в силах. Через месяц думаю кончить «Энеиду», так как нахожусь на трехсотом стихе двенадцатой книги[3] и буду ожидать Ваших распоряжений касательно высылки дальнейших книг.[б]

С глубочайшим почтением и признательностью Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 17–17 об.

[а] *Слова* «пятой книги» *подчеркнуты синим карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.*

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

[1] Письмо Нагуевского, на которое отвечает Фет, неизвестно.

[2] В таком виде перевод этого стиха сохранен в окончательном тексте (см.: V, 733–734).

[3] 4 августа 1887 г. Фет пишет Олсуфьеву: «В настоящее время мне остается перевести в „Энеиде“ двести стихов, и что касается до Нагуевского, то не знаю, как и благодарить его за его участие в деле» (*Письма к Олсуфьеву (50).* С. 236), то есть за две недели Фет перевел 450 стихов двенадцатой книги, приблизительно по 30 стихов в день, что не противоречит признаниям в воспоминаниях о работе над переводом Горация: его работоспособность была «по 30, 40 и даже 50 стихов» за день, до четырех часов (см. *МВ.* Ч. 2. С. 389).

10

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

10 августа 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Августа 10, 1887.[а]

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Заранее горжусь и радуюсь увидать посильный перевод «Энеиды» в мастерской и капитальной рамке, которую Вам угодно было ему придать. Обо всем этом будет сказано в моем предисловии,[1] и я вполне разделяю основную мысль Вашу, в которой мы встретились еще до нашего сотрудничества, что сколько-нибудь порядочный перевод «Энеиды» составляет насущную потребность нашей литературы, которая, по словам одного моего приятеля, порою напоминает человека в щегольской шляпе, перчатках и глянцевых ботинках с pince-nez[б] на носу, но затем без малейшего признака одежды.

Я писал уже Вам, что издание «Энеиды», Проперция[2] и Персия[3] в начале нынешней зимы будет Геркулесовыми столпами моей переводческой деятельности. Потому ли, что силы мои убавляются в геометрической прогрессии или по чему иному, но только *благочестивый Эней*,[4] которого я собирался перевести забавляясь, заставил меня потрудиться весьма серьезно. В настоящую минуту и остальные четыре книги переведены окончательно и проверены и выправлены до последней возмож-

[а] *Под датой, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского отмечено синим карандашом*: «Virg.».

[б] пенсне (*франц.*).

ности, так что всякая затем неточность — только свидетельство бессилия.

Шестая книга уже исправлена по драгоценным указаниям Вашим таким образом:

22. …и стоит при вынутых жребиях урна.

23. Вставши из моря земля…

53. Дом вдохновенный свой зев великий разверзнет, так молвя…

121. Поставил *Поллукс*, хотя в словаре Леонтьева он — *Поллук*.[5]

150. Горе! не ведаешь ты…

213. Плакали временем тем над Мизеном у берега Тевкры,
Неблагодарному честь воздавая последнюю праху.[6]

221. И одеяньем кладут знакомым…

304. Он уж старик, но черства и цветуща…[7]

412. Разогнал и очистил корму, и в лодку Энея
Принял огромного…[8]

432. Урну Минос судия сотрясает…

484. Держась одного издания Ladewig'а, в котором стоит *Polyphoeten*, оставляю *Полифет.*

588. Через Грайев народ и чрез город срединной Элиды.

729. Очень рад, что Вы разрешаете — *мраморной*, которой мне так было жаль.[9]

825. С грозной секирой и на отбившего стяги…

Ввиду приближающегося 23-го августа приходится ожидать Ваших распоряжений уже из Казани.[в]

С глубоким уважением и признательностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 18–19 об.

[1] В Предисловии Фета о комментаторском вкладе Нагуевского говорится следующее: «…принимая на себя полную ответственность за перевод текста, отказываемся от таковой по отношению к безукоризненности примечаний, говорим мы это о всех примечаниях к нашим переводам вообще, но в данном случае всякая оговорка излишня, так как, по особенно любезному участию к нашему труду, примечания и самое введение к „Энеиде“ написаны рукою специалиста, профессора Д. И. Нагуевского» (*Энеида.* Ч. 1. С. IX–X).

[2] См. письмо 1, примеч. 6.

[3] См. примеч. 4 к письму 5.

[в] *Далее рукой А. А. Фета.*

[4] Главная черта характера Энея отмечена Вергилием в эпитете pius (благочестивый, набожный), который он постоянно употребляет, характеризуя своего героя.

[5] Имеется в виду *Павел Михайлович Леонтьев* (1822–1874) — филолог-классик, профессор Московского университета, с 1865 г. — издатель «Московских ведомостей» (совместно с М. Н. Катковым). Под «лексиконом» подразумевается вспомогательный словарь в книге «Библиотека греческих и латинских писателей» (М., 1867. Т. 1). Речь, возможно, идет о книге: Полный латинский словарь, составленный по современным латинским словарям <А. Ф. >Ананьевым, Яснецким и Лебединским. <Изд. П. М. Леонтьева>. М., 1862. С. 638. На титуле имя Леонтьева отсутствует, поэтому, скорее всего, имеется в виду: Сокращенный латинский словарь Ананьева, Яснецкого и Лебединского. Изданный П. М. Леонтьевым. 2-е изд., пересмотр. М., 1883. С. 799 (далее: *Словарь Леонтьева*): Pollux, ūcis — *Поллукс*, сын Тиндарея и Леды, брат Кастора. В отличие от любимого брата, Поллукс был бессмертным, поэтому, когда Кастор умер, Юпитер разрешил им проводить один день на Олимпе, другой в Тартаре.

В окончательном тексте: «Если брата Поллук искупил переменною смертью» (Кн. VI, 121).

[6] Это стихи 212–213, а не 213, как указано у Фета (кн. VI).

[7] В окончательном тексте: «Он уж старик, но крепка и цветуща старость у бога» (VI, 304).

[8] В окончательном тексте: «Разогнал и корму очистил и в лодку Энея / Принял огромного <…>» (Кн. VI, 412–413).

[9] В тексте: «И чудовищ, что понт под мраморной носит пучиной» (Кн. VI, 729).

11

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

25 августа 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

25 августа 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Жизнеописание Ювенала, присылкою которого Вам угодно было почтить меня,[1] доставило в то же время мне возможность как бы предвкусить жизнеописание Виргилия.[2] В моем предисловии я прямо умываю руки по поводу филологических работ, связанных с добросовестным переводом, и что бы мы, переводчики классиков, ни делали, всякий видит, что филология для нас только подмазка маслом сковороды, без которой блин пристанет, а не свежее масло, сдабривающее окончательно испеченный блин. Поэтому в Вашем жизнеописании всякий увидит самобытного хозяина, а в моих — нищего, набивающего свой

мешок чужими объедками. Предполагаю, что жизнеописание Вергилия, исходя, так сказать, догматически от Вас, хотя бы и с указанием главнейших точек опор, будет еще сжатее, так как будет лишено полемического характера.[3]

Торопиться Вам с высылкою примечаний и жизнеописания к первому тому нет основания, так как раньше 1-го октября я в Москве не буду и конечно тотчас же приступлю к напечатанию первого тома. Поэтому прошу Вас о высылке тетрадей (Москва, Плющиха, собств<енный> дом) не ранее 25 сентября. Если же без особого для себя стеснения можете выслать рукопись ранее 15-го, то получение оной меня не стеснит, так как с недавних пор у нас на станции Коренная Пустынь открыто формальное почтовое отделение.

В подтверждение дилетантизма моей филологии вынужден прибегнуть к Вашей помощи в следующем деле.

Для издания сборника моих стихотворений мне необходимо привести стих: «Habent sua fata libelli».[а, 4] Так как мною переведены все первоклассные римские поэты, то весьма может быть, что и этот стих давно мною переведен; тем не менее, несмотря на все мое старание, я не мог его нигде разыскать и прошу Вас великодушно указать мне его надлежащее место, указав, конечно, и автора.

Во исполнение желания Вашего предлагаю, во-первых, перевод двустишия

Mantua me genuit…[б]

> «Мантуею порожден, Калабрами *схвачен* (взыскан), живу я
> В Партенопе, я пел пастбища, села, вождей».[5]

Во избежание резкости представления на русском языке, решаюсь предложить вместо не совсем точного, но необычайного *схвачен* еще менее точное, но совершенно русское *взыскан*, если Вы не предпочтете третьего выражения *принять*, которое, по-моему, дальше всех, так как переводит мощное действие Калабр, выражаемое словом *rapere*,[в] в совершенно пассивное.[6]

Равным образом после долгого и оживленного спора с двумя приятелями касательно перевода слова *Parthenope*, которое мною переведено, согласно лексикону Леонтьева,[7] тем самым именем, которое стоит у Вергилия и тождественно с именем нимфы, сообщившей это имя месту, тогда как противники уверяли, что принято обзывать Неаполь

[а] «Книги имеют свою судьбу» (*лат.*).

[б] *Букв.*: Мантуя меня родила… (*лат.*).

[в] rapĕre — похищать, грабить, отнимать силой, присваивать (*лат.*).

Партенопеею, но почему — никто не говорит, тогда как ничто не мешало Вергилию поставить излишнюю peia. Я полагаю, что наша теперешняя обязанность восстановлять правильное, а не увлекаться неправильным, хотя бы и рутинным.

Предлагаю Вам перевод Проперция II, 34, 65, как он состоит в моем переводном тексте:

«Прочь[г] вы римские все[д] писатели, прочь вы и греки:
Большее нечто растет и Илиады самой».[8]

Зная, что у Вас на первое время еще седьмая и восьмая книги «Энеиды», со спокойным духом вышлю остальные четыре книги в Казань в первых числах сентября.[е]

С глубочайшим уважением и признательностью предан Вам

А. Шеншин.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 22–24.

[1] Вместе с письмом (неизв.) Нагуевский выслал свою книгу: О жизнеописании Ювенала. Исследование Д. И. Нагуевского, орд. проф. имп. Казанского университета. 2-е изд., доп. Казань, 1887.

[2] Жизнеописание Вергилия, составленное Нагуевским, вошло в его «Введение» к изданию перевода (*Энеида*. Ч. 1. С. XIII–XXVIII).

[3] Введение Нагуевского не носило полемического характера, за исключением нелицеприятного отзыва о «жалкой обработке» И. Соснецкого (*Энеида*. Ч. 1. С. XXVII).

[4] Усеченный стих древнеримского грамматика Теренциана Мавра. В это время Фет готовил к печати третий выпуск «Вечерних огней» и использовал этот стих в качестве эпиграфа к своему Предисловию. См. также письмо 15 и примеч. 2 и 3 к нему.

[5] По легенде, слова эти — эпитафия на могиле Вергилия — сочинены самим поэтом. См. Введение Нагуевского: *Энеида*. Ч. 1. С. XVI. Здесь же, в подстрочном примечании, приведен фетовский перевод этой эпитафии.

[6] Ср. у Нагуевского: «Мантуею порожден, Калабрами схвачен, живу я / В Партенопе, я пел пастбища, села, вождей» (Там же).

[7] У Леонтьева: Parthenope, ēs — Партенопа, одна из сирен. С досады, что Улисс ушел от них, она бросилась в море и была выброшена на сушу на месте, где находится Неаполь, которое и была названо по ее имени Parthenope (*Словарь Леонтьева*. С. 744). Здесь же: Parthenopēius — партенопейский, неапольский.

[8] В окончательном тексте у Фета: «Прочь тут римские все вы писатели, прочь вы и греки / Большее нечто растет и Илиады самой» (Элегии Секста Проперция. С. 81).

[г] *Далее зачеркнуто*: тут

[д] *Далее зачеркнуто*: вы

[е] *Далее рукой А. А. Фета.*

12

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

30 августа 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

30 августа 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

При первом обращении к Вам,[1] основанном на благосклонной готовности Вашей явиться мне на помощь в моем стремлении снабдить русскую литературу переводом «Энеиды», действительно заслуживающим такого названия, я имел случай выразить Вам мою глубочайшую признательность и в то же самое время в кратких словах разъяснить свое положение в этом деле как переводчика, редактора и издателя. Надеюсь, что самый текст перевода покажет Вам, с какой pietate[а] я не пропустил ни одного из драгоценных указаний Ваших. Как редактор я не раз имел случай изъявлять Вам мою радость по поводу появления «Энеиды», не в пример всем прочим моим переводам, не в казенной рамке компиляции на скорую руку. Об этом с должною ясностью и подобающей Вашему авторитету признательностью я говорю в моем предисловии к «Энеиде».[2] В том же письме я имел честь совершенно ясно раскрыть перед Вами свое положение как издателя, хотя в то время дело распадения перевода на две отдельные части еще решено не было. Вам известно, что печатание моих изданий движется в весьма ограниченном собственном экономическом кругу, в котором расходы печатания с большою натугой возмещаются книжной продажей.

Итак, при этом деле я состою, так сказать, в качестве распорядителя, следящего за безошибочностью баланса, указывающего на границы предстоящих новых расходов по изданиям. Таким образом, в день прибытия моего 1-го октября в Москву я вынужден начать с проверки выручки от продажи книг и самому точному сведению баланса, для того чтобы знать, могу ли я продолжать идти далее в том же направлении по счетной части.

Вот почему имею честь покорнейше просить Вас почтить меня уведомлением об окончательном моем Вам долге по первому тому «Энеиды».[б]

[а] благочестием, любовью (*лат.*).

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

Примите выражения глубокого уважения и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.[в]

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 20–21 об.

[1] Речь идет о письме Фета от 11 марта 1887 г.
[2] См. примеч. 1 к письму 10.

13

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

3 сентября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 117.[а]

3 сент<ября> 87.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

31 м<инувшего> м <есяца> вернулся в Казань и по обыкновению расхворался с дороги. Теперь лучше и могу ответить на Ваши 2 письма,[1] хотя донельзя завален работой. О пословице Habent etc. справлялся на днях.[2] Думаю, что в библиотеке у нас есть так наз<ываемый> Florilegium,[б] напр., Frommelt'a,[3] тогда легко будет посм<отреть>.

Объяснения к VI кн<иге> уже переписаны; введение тоже почти готово. Теперь, сидя пока дома, занимаюсь проверкою переписанных объяснений, ч<то>б<ы> переслать их Вам вполне готовыми. Заглавие для обертки и для заглавного листа тоже Вам доставлю и, надеюсь, Вы их одобрите. *Несколько* и своих строк думаю прибавить в конце Вашего предисловия.[4]

В Москве свиделся с гр. Олсуфьевым; он весь поглощен Проперцием[5] и боялся, не помешаю ли ему, задумав то же издание. Но у меня и без того масса работ и дай Бог с ними только справиться. Между прочим, г. министр[6] поручил мне составить программу для испытания в го-

---

[в] *На обороте письма синим карандашом, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского отмечено* «Фет».

[а] *Здесь и далее номер вписан от руки.*

[б] флорилегий (*лат.*).

сударственных комиссиях по моей кафедре; что требует немало хлопот. Согласно Вашему желанию сообщаю, что мои расходы на переписку, почту и некот<орые> мелочи составляют 18 р<ублей>.

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

На конверте: На ст. Московско-Курской железной дороги
Коренная Пустынь (Курская губ.).
Его высокородию
А. А. Шеншину.

Печать на конверте в левом нижнем углу: орд. проф. Д. И. Нагуевский. Казань. № 117.
Почтовые штемпели: 4 сентября, Казань; 9 сентября 1887, Курск.

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 3–4 об.

[1] Речь идет о письмах Фета от 25 и 30 августа 1887 г. (№ 11 и 12).

[2] См. письмо 11 и примеч. 4 к нему.

[3] Имеется в виду сборник, антология (от *лат.* florilegii — избранные произведения) из древнеримской литературы, составленный Ф. Фроммельтом: *Frommelt F.* Florilegium latinum, sive Thesaurus sententiarum quae in veterum poetarum Romanorum scriptis extant. Jena, 1868. Второе издание этой книги вышло также в Иене в 1870 г.

[4] Это намерение не было осуществлено. После Предисловия Фета было помещено отдельное Предисловие Нагуевского (*Энеида.* Ч. 1. С. XI–XII), за которым следовало его же Введение, представляющее очерк жизни и творчества Вергилия (Там же. С. XIII–XXVIII).

[5] Речь идет о совместной работе над переводом «Элегий» Проперция, в которой гр. Олсуфьев помогал Фету. В ходе работы Олсуфьев писал Фету 8 ноября 1887 г.: «Ваш перевод Проперция лучший из всех Ваших до сей поры появившихся. <…> критический разбор его меня тем более увлекает, что служит проверкой моей собственной работы над этим симпатичным классиком. Так как она доведена только до половины II элегии последней книги, а мне желательно представить Вам нечто законченное, то прошу Вас прислать мне тетрадь, содержащую последнюю часть III книги. По возврате Вам оной с моими пометками Вы будете в состоянии обсудить, стоит или нет обождать с печатанием, дабы дать мне возможность пересмотреть таким образом весь Ваш перевод» (*Письма к Олсуфьеву (50).* С. 237). 22 мая 1888 г. Фет писал Олсуфьеву: «…я занят исправлением третьей книги Проперция согласно драгоценным указаниям Вашим, приводящим меня в неописанный восторг своим вниманием к труду и мастерскими оттенками подробностей. Увы! Такого мастерства мы в нашем отечестве не привыкли встречать ни в какой отрасли» (Там же. С. 240).

[6] Граф И. Д. Делянов. Подробнее о нем см. примеч. 1 к письму 39.

14

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

14 сентября 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Сентября 14, 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич,

Прилагая при сем последних четыре книги «Энеиды», прошу великодушно извинить меня, что отнимаю несколько минут дорогого Вашего времени на необходимые, с моей точки зрения, разъяснения.

Ввиду болезненности глаз моих, гостящий у меня приятель, хорошо знающий древние языки и вполне владеющий русским стихом, вызвался помогать мне при переводе «Энеиды».[1] Во избежание разноречий при нераздельном сотрудничестве он взялся перевести отдельно седьмую, девятую и десятую книги, о чем будет мною сказано в предисловии.[2] Ибо целью моею никогда не было выставлять собственные заслуги, и я хотел дать нашей литературе то, чего в ней, к крайнему сожалению и стыду, до сих пор не было. Чьею рукою именно восполнится этот пробел, для меня безразлично. Вы, без сомнения, давно заметили, что я держусь не одних латинских вокабул и объяснения их немцами. Там же, где и этого подспорья по недостатку моему оказывается недостаточно, прибегаю к благодетельным указаниям Вашим, которые, сколько бы их ни оказалось, всегда принимаю с глубочайшей признательностью.

Не так идет дело с моим приятелем. Увлекаясь знанием латинского языка, он не всегда справляется с немцами и в болезненном раздражении готов отстаивать явные промахи перевода. Тем не менее с большими усилиями с моей стороны мне мало-помалу удалось склонить его к принятию многочисленных вариантов, введенных мною в перевод, но затем уже он решительно противится всяческим поправкам с моей стороны, а между тем, как Вы увидите, я нахожу необходимым ввести новые в начале девятой книги.[а]

Между тем он знает, что последнее слово во всей «Энеиде» за Вами. Знаю это и я, и при напечатании слово Ваше будет в нашем разноречии решающим argumentum ad hominem,[б] ввиду которого ни тот, ни другой возражать не может.

[а] *Синим карандашом, вероятно, рукой Д. И. Нагуевского подчеркнуто* «в начале девятой книги».

[б] аргументом к человеку (в противоположность объективным доводам) (*лат.*).

В Москве первого октября буду ждать присылки Вашей работы, так как по опыту знаю, что нельзя одного дня медлить с печатанием, а равно буду поджидать Ваших указаний и исправлений следующих книг.

При сем в очистку долга моего прилагаю 20 руб<лей> и еще раз приношу Вам мою глубочайшую признательность.[в]

С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 25–26 об.

Впервые опубликовано (без последнего абзаца и подписи, с ошибками и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 28 октября, приложение. № 4, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

[1] Речь идет о Вл. С. Соловьеве (1853–1900), который с 16 апреля по, вероятно, 20 сентября 1887 г. был гостем поэта в Воробьевке (см.: *Летопись. Дополнения.* С. 340). В письме к С. В. Энгельгардт от 3 июня 1887 г. Фет сообщал: «Единственную отраду в настоящее время представляет гостящий у нас на лето знакомый Вам Владимир Сергеевич, который не хуже меня, или даже хуже болен <…>. Это не мешает ему усердно помогать мне при переводе „Энеиды“<…>» (*Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 393). См. также вступит. статью.

[2] См. вступит. статью.

15

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

17 сентября 1887 г. Воробьевка

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ Ж. Д.
СТАНЦИЯ КОРЕННАЯ ПУСТЫНЬ

Сентября 17, 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Выслав третьего дня на имя Ваше четыре последних книги «Энеиды», спешу присовокупить два слова.

Если Вы не справлялись о libelli,[а, 1] то и не беспокойтесь при многочисленных трудах Ваших. Я узнал, что весь стих принадлежит грамматику III века по Р. Х. Теренциану Мавру[2] и гласит:

[в] *Далее рукой А. А. Фета.*

[а] книжки (*лат.*).

«pro captu lectoris habent sua fata libelli…»[б, 3]

С неизменной признательностью и почтением имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 27.

[1] С просьбой помочь установить автора этого стиха Фет обращался к Нагуевскому в письме 11.

[2] *Теренциан Мавр* (Terentiānus Maurus; ок. 200 или перв. пол. IV века) — грамматик из Мавритании, автор дидактической поэмы, состоящей из трех частей («De litteris», «De syllabis», «De metris»), посвященной метрике, в которой излагается современная ему теория стихосложения (см.: Словарь античности / Пер. с нем. Сост. Й. Ирмшер и Р. Йоне. М., 1989. С. 572).

[3] Фет использовал это выражение в качестве эпиграфа к третьему выпуску «Вечерних огней» (М., 1888), где дал свой перевод: «По разуменью чтеца свои судьбы есть у книжек» (*ВО 3*. С. III).

16

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

24 сентября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 139.

24 сент<ября> 87. Казань.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Вместе с сим письмом препровождаю: 1) Объяснение к 6 песням; 2) Введение; 3) Мое предисловие 4) Содерж<ание> отд<ельных> книг; 5) Два листка как образцы для обертки и заглавн<ого> листа.

Все эти работы переписаны точно, мною посмотрены и исправлены, что представляло порядочно-таки скучный и утомительный труд. Надеюсь, что характер и исполнение моей работы заслужат Ваше одобре-

[б] *Букв.*: «по восприятию читателя, книги имеют свою судьбу», т. е. книги имеют свою судьбу в зависимости от того, как их принимает читатель (*лат.*). Ср. перевод Фета: «По разуменью чтеца свои судьбы есть у книжек». *Далее рукой А. А. Фета.*

ние. В случае же каких-либо сомнений я всегда готов дать разъяснения. Указания на некоторые особенности при печатании мною сделаны синим карандашом,[1] и надеюсь, что Вы их одобрите. Относительно обертки и заглавн<ого> листа, я думаю, Вы ничего против иметь не будете, так как Вы сами соблаговолили согласиться и предложить мне поместить[a] мое имя рядом с Вашим.[2] Формат издания соблаговолите сохранить в том виде, как было условлено.

К продолжению принятого на себя труда по изданию «Энеиды» приступим в октябре, после 20 ч<исла> или раньше, смотря по тому, как окончу свои *срочные служебные* работы, отчеты, донесения и проч. Но и к этому времени я буду исподволь работать и сообщать Вам добытое.

Поздравляя Вас с окончанием I части «Энеиды», душевно желаю, чтобы и печатание его <так!> было доведено скорее до конца.

Соблаговолите сообщить, к какому приблизит<ельно> времени рассчитываете оконч<ить> печатание тома. И для меня как потрудившегося немало это тоже любопытно.

Переводных Ваших тетрадей[3] я не сообщаю, так как Вы ничего об них не пишете, да они мне могут понадобиться при пров<ерке> др<угих> книг. Если же *нужно*, то напишите или дайте телеграмму и немедленно будут высланы.

Глубоко уважающий и преданный

Д. Нагуевский.

Вписано сверху:

Два или три экз<емпляра> на *веленевой* бумаге я желал бы иметь для посылки некоторым знакомым.

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 5–6 об.

[1] В оригиналах писем Фета есть пометы, сделанные синим карандашом (что оговорено в подстрочных комментариях), которые, скорее всего, принадлежат Нагуевскому.

[2] См. письмо 18.

[3] В письме от 21 октября Фет согласился оставить на время тетради с переводом «Энеиды» у Нагуевского. Местонахождение этих тетрадей в настоящее время неизвестно.

---

[a] *Далее зачеркнуто*: мне

17

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

8 октября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Октября 8, 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Благодарю Вас за аккуратную высылку всего почтенного труда Вашего, который в точности будет воспроизведен в печати согласно указанию Вашему, начиная с обертки и заглавного листа до примечаний по цифрам стихов. Единственное изменение, которое я себе дозволяю, состоит в том, что, указывая в моем предисловии на текст Ladewig'a, я всюду держусь его правописания Вергилий, а не старинного Виргилий. Завтра уже ожидаю первой корректуры и подписки типографии[1] с неустойкою на случай неокончания первого тома к 15 декабря. Следовательно, рассчитывая на законное время пребывания новой книги в цензурном комитете, думаю, что к праздникам буду в состоянии выслать Вам желаемые экземпляры на веленевой бумаге.

В свою очередь буду поджидать по примеру прошлого времени Ваших заметок по стихам переводного текста и дальнейших примечаний по мере успешности дела. Необходимо, чтобы после праздников я мог продолжать печатание второго тома, так как в половине февраля следует окончить всю работу.

Что касается до письменного экземпляра перевода, то, имея в руках дублет, каждый раз исправляемый согласно указаниям Вашим, я в нем нужды не имею.[a, 2]

С глубочайшей признательностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншиным.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 28–29.

[1] «Энеида» печаталась в известной типографии А. И. Мамонтова, откуда в 1886–1893 гг. вышли в свет тома переводов Катулла, Овидия, Марциала, «Горшок» Плавта и воспоминания Фета. Ценз. разр.: 9 декабря 1887 г.

[2] См. примеч. 3 к письму 16.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

18

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

23 октября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Октября 23, 1887.

Многоуважаемый Дарий Ильич!

При несомненном свидетельстве любезного участия Вашего в издании моего перевода «Энеиды», заявленном на самом заглавии книги и, кроме того, моим и Вашим предисловиями, считаю излишним докучливо выражать Вам мою за него душевную признательность. Что касается до меня, то, привыкши издавна к литературному против меня недоброжелательству, я главным образом занят качеством моих трудов и скорее мог искать имени ученого специалиста, каково Ваше, в поддержку моему, являющемуся на обертке классического перевода с очевидным оттенком дилетантизма. Вот почему я в день получения Вашей рукописи без всяких задних мыслей изъявил полное согласие на все Ваши требования.[1]

В настоящем случае, о котором буду говорить далее, необходимо прежде всего указать на действительную судьбу нашего переводного текста. Понятно, что я просил Ваших указаний на недомолвки, неточности и даже неверное понимание текста в уверенности, что одного Вашего намека достаточно будет, чтобы открыть мне глаза. Но в просьбе моей очевидно не могло заключаться смысла, что я обязан следовать и тем указаниям, с которыми я не согласен. Я очень рад, что оригинальный текст перевода остается у Вас: по нем Вы можете убедиться, что я тщательно воспользовался всеми Вашими указаниями, но что независимо от них я ни на минуту не переставал по мере сил исправлять свой текст при новых, частых его пересмотрах. Такие исправления целых стихов случаются и в настоящее время по самой корректуре. Явно, что я не имею нравственного права быть настолько же снисходительным к затруднениям переводчика, как сторонний критик. Скажу более. Желая оставить за Вами полную ответственность за примечания, я не касаюсь в них одной йоты даже там, где считаю их чересчур недоверчивыми к разумению читателя, напр<имер> кн. I ст. 293: «железом затворов», т. е. «железными затворами».[2] Тем не менее я вынужден всюду принятым мною чтением имен по латинскому тексту подгонять эти имена в примечаниях к последнему, хотя в примечаниях они являются в греческой форме: Кинт, вместо Цинт и т. д.

На днях находившийся в отсутствии сотрудник мой Влад<имир> Соловьев, увидав черновую обертки и заглавного листа (это было в кругу людей, принимающих живое участие в моей «Энеиде»),[3] разразился, можно сказать без преувеличения, неожиданным для меня бунтом, укоряя меня в том, что я без ведома его открываю *товарищескую фирму*, в которой он, как несомненный сотрудник, имеет полное право участия, и напрямик заявил, что, довольствуясь заявлением в предисловии о его сотрудничестве, он положительно отказывает в согласии на выставление фирмы без его имени, а равно и со включением его в оную. Точно так же он находит слово *под редакциею* не соответственным действительности, ибо этою редакциею мы, как выше сказано, были заняты с ним много раз и после любезных указаний Ваших. Вчера граф Олсуфьев был у меня и вполне становится в этом случае на сторону Соловьева и других знатоков, настоятельно требовавших от меня уступок Соловьеву. Надеюсь, Вы убедитесь, что я в настоящем случае только пассивен, ограничиваясь повторением на обертке Вашего заголовка с выпуском в нем слова *под редакциею* и оставляя: со введением и т. д.

Положа руку на сердце, скажу, что считаю все это мелочами, нимало не изменяющими дела, и мне будет крайне жаль, если и с Вашей стороны я встречу такие же затруднения, какие испытал здесь.

В настоящее время набирается уже третья книга, и потому я надеюсь, что буду в состоянии к концу ноября выслать Вам несколько экземпляров первого тома на веленевой бумаге, а затем приступить к печатанию второго тома, для чего мне нужны Ваши примечания.

Если же почему-либо Вы не можете выслать мне таковых хоть для трех первых книг к декабрю, то не откажите предупредить меня о том любезно, так как на этот случай граф Олсуфьев берется написать их для меня[4] и такая со стороны его любезность потребует новых объяснений в предисловии.

Конечно, ни Вы, ни я не ожидали такого усложнения простого дела.

В ожидании любезного ответа прошу принять[a] уверения в искренней признательности и неизменном уважении Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 30–31 об.

Впервые опубликовано (с пропусками, неточностями и неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 28 октября, приложение. № 4, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

[1] См. письмо 16.

[2] В таком виде комментарий сохранен в книге (см. *Энеида*. Ч. 1. С. 43).

[3] Речь идет о гр. А. В. Олсуфьеве, Ф. Е. Корше, Вл. Соловьеве, Ю. А. Кулаковском, Н. Я. Гроте.

[4] Это намерение, как известно, не было исполнено.

19

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

30 октября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 156.

30 окт<ября> 87.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Весьма прискорбно, что предложенная мною по Вашему, как увидите ниже, предложению и с Вашего согласия, редакция заглавн<ого> листа и обертки к «Энеиде», подала повод к пререканиям и недоразумениям. Так как результат этих пререканий Вы сообщаете мне не столько для того, чтоб узнать мое мнение в деле, несомненно меня касающемся, сколько для *сведения*, то мне по-настоящему <надо было> примириться с этим, если бы высказанные в Вашем письме мнения и соображения не затрагивали в то же время чувствительно меня как человека и ученого, стремящегося будто бы per fas et nefas[a] придать своему участию в литературном сотрудничестве какую-то особенную, неправильно присвоенную заслугу и рекламу. Ввиду этого я позволяю себе изложить основания и особенности своего сотрудничества в Вашем издании, чтобы достаточно выяснить вопрос, насколько я имел право нравственно, с научной стороны дела и документально, юридически, <на?> препровожденную к Вам редакцию загл<авного> листа и обертки.

Изъявив согласие способствовать Вашему переводу «Эн<еиды>», я имел в виду преимущественно объяснительные к нему примечания и, пожалуй, введение; пересмотра мною *текста перевода* я не предполагал, вполне сознавая, что, при свойственной мне аккуратности, в исполнение принятых на себя обязательств и по существу самого дела, подобная рецензия текста потребует много труда и времени, которым я,

[a] правдами и неправдами (*лат.*).

как человек служащий, свободно располагать не могу. Вот почему я сильно колебался, соглашаться ли мне после первого Вашего письма на редакцию текста перевода или ограничиться только примечаниями и введением. Из глубокого уважения к Вашим научным заслугам и из любви к делу я согласился на то и другое. Я внимательно, с текстом в одной, с переводом в другой руке прочитывал Вашу рукопись и тем внимательнее, что Вы видели во мне как специалисте главную опору при решении спорных вопросов. Нечего, конечно, прибавлять, что проверять добросовестно, в полном объеме чужую работу несравненно труднее, чем двигать собственную. Труд этой проверки особенно усложнился после того, как Вами был назначен срок окончания работы, ввиду которого мне пришлось отложить в сторону все другие свои научные работы и в продолжение целых шести месяцев, в том числе и самых важных для меня трех — каникулярных, заниматься *исключительно* Вашей «Энеидой», причем большая часть времени уходила на проверку перевода. Что я сообщал Вам меньше замечаний, чем Вы, быть может, ожидали, то это зависело от достоинства перевода, но характер моего труда, при котором пришлось поверять каждый стих, от этого нисколько не изменился. Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы убедиться, что с научной и нравственной стороны я совершенно прав, употребляя выражение *под редакциею*, которое я и теперь отстаиваю и желаю сохранить за собою.

Переходя к документальной стороне, прежде всего замечу, что, не гоняясь за рекламой и довольствуясь вполне приобретенным положением в науке, я *самолично* и не думал предлагать Вам поместить мое имя на обертке и заглавном листе. И то <и> другое было Вами предложено предварительно в самом начале работы. В письме от 11 марта Вы пишете: «*Конечно, имя Ваше должно будет украсить заглавный листок*». В письме от 31 марта Вы говорите: «*Нечего прибавлять, что когда на обертке перевода будет написано:* „текст проверен и примечания написаны орд<инарным> пр<офессором> Нагуевским" — этот заглавный листок „заменит всю похвалу критики"». В письме от 14 сент<ября> Вы заявляете, что в разноречиях между Вами и Вашим приятелем мой голос будет решающим argumentum. — Сказанного, думаю, достаточно, чтобы убедиться, что и с этой стороны я прав, употребив выражение *под редакцией*.

Что касается до какой-то *товарищеской фирмы*, то последняя существует, вероятно, только в болезненном воображении Вашего сотрудника. Ничего подобного я никогда не имел в виду и никогда не выставлял

себя под прикрытием чужого флага, требуя только всегда справедливого отношения к делу. Если Вашему сотруднику показался неловким самый тест *обертки*, то текст этот я согласен изменить, перепечатав в него текст заглавного листа, в котором выражение *под редакциею* я прошу покорнейше оставить за мною[б] как Вами же предложенное и принадлежащее мне по существу дела.

Что касается участия моего во II томе «Энеиды», то на таковое я не считаю себя вправе решиться в *настоящее время* уже потому, что при промахах, замеченных мною в VII, IX и X книгах и допущенных Вашим сотрудником, мне пришлось бы вступать в пререкания и незаслуженно, как и в данном случае, возбуждать «rabiem»[в] г. Соловьева. Будучи *pacis amantissimus*,[г] человеком заметным и *много лет* огорченным семейными заботами (болезнью жены), я дорожу каждой минутой душевного покоя и удовлетворения и не могу как человек и ученый вторично подвергать себя риску сделаться объектом пререканий и обидных инсинуаций. Повторяю, *non sponte*[д] отказываюсь от дальнейшего сотрудничества и надеюсь, что Вы, многоуважаемый Аф<анасий> Аф<анасьевич>, не бросите за это в меня камень как в человека, искренно Вам преданного и желающего всякого успеха Вашему делу.

В ожидании дальнейших распоряжений примите уверение в глубочайшем уважении и преданности

Д. Нагуевского.

На конверте: В Москву.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 31 октября 1887, Казань; 1 ноября Казань; 5 ноября 1887, Москва.

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 7–10 об.

[б] за мною — *вписано*.

[в] «ярость» (*лат.*).

[г] *приверженцем мира* (*лат*).

[д] *вынужденно*, *неохотно* (*лат.*).

20

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

18 ноября 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ

Казань.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я полагаю, что Вы не посетуете на меня ввиду того, что на несколько дней я задержал рукопись «Энеиды» у себя. Я позволил себе это ввиду письма гр. Олсуфьева, который просит меня продолжать сотрудничество в «Энеиде».[1] Сущность моего ответа и условия, вызванного *обстоятельству* <так!>, он Вам, вероятно, сообщил[2] и от Вас будет зависеть <…>[a]

При этом позволяю себе присовокупить, что глубоко скорблю в причинении Вам волнений и беспокойств по поводу моего сотрудничества, о чем подробнее распространяться и отвечать Вам на высказанные Вами в последн<ем> письме мысли я не буду.[3] Скажу только, что мы не поняли друг друга и что у меня и мысли не было заподозрить Вас в каком-либо нерасположении. Что касается меня, то Вы можете быть уверены в моем *искреннейшем* сочувствии Вашему труду и *неизменном* глубочайшем уважении, с которым остаюсь Вашим покорнейшим слугой

Д. Нагуевским.

На конверте: В г. Москву.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 20 ноября 1887, Казань; 25 ноября 1887, Москва.

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 11–12.

Письмо датируется по дате, сохранившейся на обрывке письма: «18 ноября», и по почтовым штемпелям.

---

[a] *Далее фраза не читается вследствие дефекта текста.*

[1] Письмо Олсуфьева к Нагуевскому неизвестно.

[2] В имеющихся письмах Олсуфьева к Фету нет никаких сведений об «условиях» Нагуевского.

[3] Нагуевский отвечает на письмо Фета от 23 октября 1887 г.

21

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

21 ноября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

21 ноября 1887.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Сию минуту был у меня гр<аф> Олсуфьев и обрадовал меня известием, что Вы изъявили согласие довести любезно начатое Вами дело до конца. Если бы между нами состоялось личное свидание, то я ни на минуту не сомневаюсь, что свалившаяся, как deus ex mahina,[a] буря в стакане воды рассеялась бы в двух словах. Ибо если бы я хотя на миг сомневался в незаменимой пользе Вашего критического просмотра перевода и примечаний, не говоря уже об ученом авторитете, доставляемом изданию Вашим именем, — то кто же бы или что же могло меня пробудить беспокоить Вас на таком расстоянии, поглощающем одною корреспонденциею столько времени? В довершение ко всему как человек, заинтересованный общим с Вами делом, я мог сообщить Вам о совершенно неожиданном для меня стороннем вмешательстве, но считаю лично для себя оскорбительною всякую мысль, будто бы я на любезное и бескорыстное сотрудничество Ваше способен был ни с того ни с сего отвечать неблаговидными инсинуациями. Такая мысль равнялась бы указанию на мою неблаговоспитанность. Но слава Богу! — туман недоразумений рассеялся и арена совместного нашего труда вновь расчистилась.[1] Если я безгранично вверяюсь Вашему ученому авторитету, то прошу вникнуть в мои практические мероприятия, ввиду всех обстоятельств дела. До напечатания двенадцат<ой> книги «Энеиды», т. е. до 15 февраля,[2] далее которого я тянуть печатание по обстоятельствам (1 марта я уже уезжаю в деревню) не могу, перед нами еще два с поло-

[a] *Букв*: бог из машины, т. е. неожиданно (*лат.*).

виною месяца, которыми я желал бы воспользоваться с наименьшим для Вас напряжением и тратою дорогого Вашего времени. Вчера я держал корректуру прекрасного введения Вашего и потому в скором времени буду иметь возможность выслать Вам первую часть «Энеиды». При чтении текста Вы убедитесь, как часто уже при чтении корректуры мне удавалось исправлять те или другие неудачные стихи. Если это случалось со стихами, подвергавшимися столько раз тщательным пересмотрам, то Вы можете себе представить, до какой степени при написании примечаний пришлось мне исправлять остальных 6 книг. Итак, имеющиеся у Вас списки переводов этих книг далеко не могут дать Вам понятия о[6] переводе в настоящем его виде, а способны только сбивать Вас, представляя излишнюю работу.

Поэтому прошу Вас обратить внимание на следующую практическую комбинацию. Мною в настоящее время уже написаны примечания к четырем книгам: 7, 8, 9 и 10-й, и тексты оных по крайнему моему разумению и возможности исправлены. Тем не менее могут встретиться места, требующие Ваших указаний по неправильному их пониманию или чему-либо иному. Вследствие этого я буду поступать таким образом. По отпечатании 7-й кн<иги> в гранках я перешлю Вам ее в гранках и приложу к ним мои примечания. Заметки Ваши могут по примеру 1-й части «Энеиды» ограничиваться указаниями под цифрами на обыкновенном листке, каковым способом могли бы Вы изменять или добавлять и мои примечания. А так как сила вещей требует просмотрения книги в неделю, то я, не дожидаясь Вашего ответа, т. е. присылки поправок 1-й кн<иги>, выслал бы таким же порядком через неделю 2-ю, затем 3-ю и так до конца. Конечно и несомненно, цель обоих нас при сотрудничестве дать литературе по возможности удовлетворительный перевод «Энеиды»; чтобы не повредить нашему общему труду, мы не должны до окончания его расходиться в разные стороны, но кроме этого не следует упускать из виду и того соблазна, в который мы введем публику, приученную заглавием 1-й части смотреть на книжку как на продукт нашего общего труда и видящую вдруг, что мы по неизвестным ей причинам не держим нашего обещания. Не будет ли это некоторым подобием раздачи подписчикам журнала за вторую половину года не абонированного издания, а совершенно иной редакции? Более скорых и удобных для нас обоих приемов успешного продолжения нашего

[6] *Далее зачеркнуто*: вид

труда я придумать не могу и потому убедительно прошу Вас, если Вы с своей стороны не найдете чего-либо более удобного, почтить меня в самоскорейшем времени о Вашем на этот счет решении. Если дело это остановится на моем плане, то Вы окончательно успокоите меня насчет судьбы второй части «Энеиды». Повторяю: я льщу себя надеждой, что в настоящем виде переводы остальных книг, над которыми я лично много потрудился, представят Вам немного камней преткновений. Чтобы начать пересылку к Вам гранок и примечаний, мне необходимо предварительно получить одобрение моего плана или замену его каким-либо другим. Что касается до содержания книг, выставляемого в заголовке каждой книги, то прошу Вас о нем не беспокоиться, так как ошибка в этом отношении с моей стороны немыслима, а между тем писание их отнимает у Вас время. Не скрою также, что преимущественно дорожу тем, что перевод мой пройдет, так сказать, церемониальным маршем перед глазами специалиста-знатока и получит от него диплом зрелости. Что же касается до примечаний, то ученое их достоинство есть уже роскошь, которою под гнетом отмеренного времени можно и не воспользоваться, невзирая на блеск, какой она в состоянии придать изданию. Вы видите, многоуважаемый Дарий Ильич, что все мое внимание сосредоточено на внутреннем и внешнем виде общего нашего детища и что никакие личности не входят в мои соображения. Что бы там ни говорили, неопровержимое дело будет состоять в том, что мы первые с Вами явимся на Руси с изданием перевода «Энеиды», действительно заслуживающим такого названия.[в] Еще раз примите уверения в глубоком уважении и душевной признательности Вашего покорного слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 32–34 об.

Впервые опубликовано (неполностью и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 28 октября, приложение. № 4, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

[1] См. письмо 18.

[2] Вторая часть «Энеиды» вышла 27 февраля 1888 г.

[в] *Далее рукой А. А. Фета.*

22

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

26 ноября 1887 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета

26 ноября 1887 г.[а]

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Сегодня я получил Ваше письмо от 21 с<его> м<есяца> и сегодня же отвечаю из своего кабинета Нумизматического музея, которым заведую и где набралось к праздникам переписки и отчетов. Вполне одобряя мысль окончить благополучно, как думал, и с пользою для благочестивого Энея наш труд, принимаю Ваш план и предложение и с тем же усердием, как и прежде, примусь за просмотр перевода и примечаний, надеясь, что не должно быть задержки окончить дело к тому сроку, как Вы полагаете. По крайней мере, могу Вас заверить, что приложу все старания, чтобы по-прежнему быть аккуратным, и если я не обладаю быстрым как молния взглядом на дело, то думаю вознаградить это вниманием и любовью к начатому труду. К примечаниям прибавлю, если что понадобится, и постараюсь в общем согласовать их с примечаниями I части. Радуюсь, что bene juvantibus dis[б] наши сомнения отошли в область истории и что снова можем соединиться для пользы дорогого нам русского классицизма.

Quod Deus bene vertat![в]

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

К экземплярам на веленевой бум<аге> не откажите присоединить и несколько экземпляров на обыкновенной, для обыкновенных смертных.

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 13–14 об.

[а] *Бумага всего письма сильно повреждена.*

[б] с божьего благословения (*лат.*).

[в] И да обратит это Бог во благо! — т. е. пусть примет это благополучный оборот (*лат.*).

23

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

29 ноября 1887 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Ноября 29, 1887.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Держа в настоящую минуту корректуру наших предисловий и заглавных листов, я преднамеренно, до напечатания оных, не показываю их посторонним, ибо уверен, что разве слепой читатель, при первом взгляде на обертку, не получит впечатления, что труд издания принадлежит Вам и мне сообща; а что я прикрываю свой товар Вашим флагом, в этом убедится всякий, кто прочтет мое предисловие. Не могу воздержаться, чтобы не сказать, что вступление Ваше превосходно. Оно основательно, всесторонне, гармонически расположено в своих сочленениях и при полной ясности, насколько возможно, сжато, и для ученого и для неученого ярко освещает «Энеиду». Перехожу к предстоящему нам труду. Считаю самым бесплодным делом борьбу с неизменными обстоятельствами. Я уже имел честь писать Вам, что для напечатания втор<ой> част<и> «Энеиды» у нас по 15-е февраля 2½ <месяца>, из которых следует вычитать время праздников. Льщу себя надеждой, что при чтении прилагаемых гранок VII кн<иги> Вы убедитесь в приложенном мною старании сгладить все места, требовавшие, по крайнему разумению моему, исправлений. Самая высылка Вам перевода в гранках, полагаю, для Вас удобнее при чтении. Меня же успокаивает, снимая заботу о судьбе рукописи, причем не предстоит надобности в обратной присылке текста и примечаний. Что касается до последних, то, не зная, в каком виде угодно будет Вам их оставить, я их не набираю, во избежание двойной работы. Ввиду того, что Вы и первую часть не обременили излишними примечаниями, надеюсь, что и на этот раз трезвый труд наш сохранит свои прежние размеры.

Остается сказать главное о распределении времени. Еще в начале декабря вышлю Вам вдогонку за седьмою книгой и восьмую, а затем буду поджидать замечаний на седьмую и только по получении их немедля вышлю девятую и т. д. тем же порядком.

Простите великодушно, что отнимаю Ваше дорогое время, но утешаюсь отчасти мыслию, что это делает благочестивый Эней[1] скорее, чем я сам.[a]

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

С совершенным почтением и признательностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугой

А. Шеншин.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 35–36.

[1] См. примеч. 4 к письму 10.

24

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

20 декабря 1887 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 180.

20 дек<абря> 87.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Сегодня неделя как получил VII кн<игу>,[1] а поправки и пересмотр <уже> окончены. Сообщаемые замечания к переводу, надеюсь, будут Вами одобрены, так как добыты по тщательному рассмотрению текста. Примечания потребовали усидчивой работы. Присланные Вами объяснения до конца меня не удовлетворили, особенно по сравнению с объяснениями к первым 6-и книгам. Пришлось многое дополнить, переделать, связать с предыдущими объяснениями, одним словом, придать характер стройности и последовательности, столь необходимый для Вашего образцового и высоко поэтического перевода. Объяснения мои отчасти вставлены в присланные Ваши, отчасти помещены на 2 листе, с соответ<ственными> ссылками синим карандашом. Все сделано мною собственноручно, ясно, думаю, и старательно. Остается только печатать и проследить внимательно корректуру. Объяснения Ваши хотя облегчили немного мои труды; желательно, ч<то>б<ы> при следующих книгах были оставлены поля пошире.

Радуюсь, что «Энеида» выйдет цельная, не исковерканная. Ожидаю 8 кн<игу> и немедленно приступаю к ней, благо лекции прекращены и времени свободного чуть немного больше.

Что у Вас слышно про Моск<овский> университет? Сообщите, если можете.[2] Меня беспорядки застигли во время чтения лекции, но мне удалось воздержать своих слушателей от незаконных поступков, всех

вывести и отправить домой. Этому очень радуюсь, хотя и подвергаю себя опасности быть оскорбленным, так как студенты врывались в мою аудиторию и требовали моих слушателей на сходку. Но последних я не пустил туда и всех вывел из универс<итета>. Пока исключенных у нас 66.[3]

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

Посылаю заказным и бандер<олью>, так как боюсь вкладывать письма в бандероль.[а]

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 15–16 об.

[1] Письмо Фета, к которому был приложен текст VII книги, неизвестно.

[2] В «Отчете о состоянии Университета за 1887 г.», опубликованном к 12 января 1888 г., говорится: «Вследствие бывших в ноябре месяце среди студентов беспорядков, 30 ноября чтение лекций в Университете было с Высочайшего соизволения и по распоряжению высшего начальства прекращено» (см.: *МВед*. 1888. 17 января. № 17. С. 5).

[3] Сходка-демонстрация студентов Казанского университета произошла 4 декабря 1887 г. и вошла в историю как первое революционное выступление, в котором участвовал В. И. Ульянов (Ленин), семнадцатилетний студент I курса юридического факультета.

25

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

24 декабря 1887 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Декабря 24, 1887.

Многоуважаемый Дарий Ильич!

Извините великодушно, что, вернувшись только вчера больной из Петербурга к самому развалу многочисленных дел, пишу Вам о самом необходимом. Надеюсь, что при своевременном получении второй части нашей «Энеиды»[1] Вы убедитесь, до какой степени я постарался воспользоваться драгоценными указаниями Вашими в седьмой книге, а равно и добавочными примечаниями.

[а] *Это предложение вписано в верхней части первой страницы письма.*

На днях[а] условленным между нами порядком вышлю Вам гранки и примечания девятой книги.

Нимало не вмешиваюсь в Ваши распоряжения по части пересылки текста, но так как заметки неудовлетворительных стихов, а равно и добавочные примечания идут у Вас, как и следует, под соответственными номерами, то я полагаю, что было бы для Вас менее затруднительно пересылать то и другое в одном застрахованном конверте.

Как только типография начнет снова работать, буду последовательно пересылать и остальные гранки. По окончании же всей пересылки я буду просить Вас не отказать мне в уведомлении о сумме пересылочных денег, так как я не могу допустить, чтобы Вы, кроме драгоценных трудов своих, тратили и деньги на мое издание.

Хотя у меня нередко обедает профессор Московского университета,[2] но университетское начальство и само не знает, чем с правительственной стороны разыграется университетская трагикомедия. Что касается лично до меня, то я — между нами будь сказано — сердечно поздравляю Вас с энергическим отпором, данным Вами неразумному, но тем не менее опасному бурлению.[3]

Я уверен, что если бы во главе университетов стояли люди с твердыми убеждениями, подобно Вашим, то весь этот вздор был бы невозможен. Говорят, что 15-го Московский университет будет открыт.[б, 4]

Примите уверения в глубоком уважении и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 37–38.

[1] Первая часть «Энеиды» вышла в декабре 1887 г. Фет в письме к Я. П. Полонскому от 26 декабря 1887 г. пишет: «Прилагаю при сем только что вышедшую из печати первую часть „Энеиды“ <…>» (*Переписка с Полонским*. С. 614).

[2] Вероятно, речь идет о *Федоре Евгеньевиче Корше* (1843–1915) — филологе-классике, востоковеде и слависте; с 1883 г. профессоре римской словесности в Московском университете.

[3] См. письмо 24 и примеч. 3 к нему.

[4] «От начальства императорского Московского университета, — сообщалось в «Московских ведомостях», — объявляется, что занятия в Университете начнутся 21 января, в четверг. <…> Чтение лекций и практические занятия начнутся 26 января» (1888. 18 января. № 18. С. 1).

[а] *Далее зачеркнуто*: условны

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

26

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

29 декабря 1887 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета

29 дек<абря> 1887 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

И VIII кн<ига> пересмотрена и исправлена вместе с примечаниями, потребовавшими добавлений и изменений. На все это, думаю, не посетуете, так как это клонится только к улучшению Вашего прекрасного труда и к прославлению «благочестивого Энея».[1] Праздники, как всегда, провожу тихо и трудолюбиво, придерживаясь правила: «non amo nisi umbram non delector nisi secessum»,[a] а следов<ательно> не прочь буду заняться и 9-й книгой, если таковая подоспеет, что и желательно для меня, дабы после праздников было меньше работы, когда вероятно начнутся лекции. Как видите, я по-прежнему всячески стараюсь, чтобы быть готовым к сроку, не изменяя качества и достоинства труда.

Соблаговолите обратить настоятельно внимание корректора на мои сноски, поправки и дополнения, чтобы не было перепутано и все помещено в порядке. Пропущенные опечатки мною также исправлены.

Душевно поздравляю Вас с праздниками и наступающим Новым годом, примите уверение в глубоком уважении и преданности

Д. Нагуевского.

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 17–18.

[1] См. примеч. 4 к письму 10.

[a] «люблю я тень и предпочитаю уединение» (*лат.*).

27

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

10 января 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

10 января 1888.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Не знаю, какое впечатление произвела на Вас общая физиономия первой части нашей «Энеиды», но обедавший на днях у меня Корш,[1] без малейшего с моей стороны вызова, поздравил меня с вполне удачным изданием. Кому же об этом судить, как не знатокам?

Праздничные перерывы лишали меня возможности приводить дело к концу с надлежащей скоростью. Времени остается немного, и вот Вам мой доклад. Седьмая книга печатается, восьмая верстается, девятая и десятая в настоящее время у Вас, одиннадцатая набирается, а ко всем им мои примечания готовы,[2] и примечания двенадцатой книги посланы сегодня к Вам вместе с гранками десятой книги. А так как у Вас перевод есть в рукописи, то лишь бы явился досуг, задержки в проверке примечаний быть не может.

В конце концов избранная Вами манера пересылки ко мне Ваших поправок самое лучшее и удобное.

По получении из типографии ни минуты не замедлю пересылкою Вам гранок одиннадцатой и двенадцатой книг.[a]

Прошу принять уверения в глубоком уважении и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 39–40.

[1] Ф. Е. Корш в письме к Фету от 27 февраля 1888 г. пишет об издании всего перевода: «…Вам искренняя благодарность за „Энеиду“: с большим удовольствием прочел, что Эней отправил Турна куда следует (а Вы расстались с Нагуевским)» (*Космолинская Г. А*. Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 220). См. примеч. 2 к письму 25.

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

[2] Примечания ко второй части «Энеиды» (кн. VII–XII) были составлены Фетом и только отредактированы Нагуевским, заявленном на титуле в качестве автора примечаний.

28

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

10 января 1888 г. Казань

ОРД. ПРОФ.
Д. И. НАГУЕВСКИЙ
КАЗАНЬ
№ 11.

10 янв<аря> 88.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Спешу переслать Вам 9 книгу, в которой относительно перевода я нашел сравнительно мало неточностей. В примечаниях пришлось, напротив, немало изменить и дополнить, и надеюсь, что эти поправки и дополнения войдут в Ваше издание. Конец присланных Вами примеч<аний> кн<иги> IX оставляю у себя, так как на том же месте помещены примеч<ания> X кн<иги>, гранок которой буду ожидать.

За присланные экземпляры I части «Эн<еиды>» приношу Вам сердечную благодарность. Не сочтите за назойливость или дерзость с моей стороны, если, вынужденный своими знакомствами, я осмеливаюсь просить вас выделить в мое распоряжение еще 5 или 6 экз<емпляров> на обыкновенной бумаге, если, конечно, это не сделает Вам особого материального ущерба. Больше мне уже не понадобится.

Не имеете ли Вы каких известий от моск<овских> ученых о начале унив<ерситетских> лекций?[1] Мы живем в совершенном на этот <счет> неведении, причем ходят слухи, что лекции начнутся в марте и продолжатся (horribile dictu[а]) до *полов<ины>* июля. Так ли это?

При сем соблаговолите принять от меня препровождаемый при сем посылкой I-й том моего критического изд<ания> Ювенала, вместе с моим фотографич<еским> изображением и соответственной подписью, в искренности которой соблаговолите не сомневаться.[2] Я рад, что в этом труде Вы встретите не раз и свое почтенное имя и глубокое уваж<ение> гр. Олсуфьеву, которому также этот труд препровождаю. Бог знает, уда-

[а] страшно сказать (*лат.*).

стся ли мне, обремененному трудами и домашними заботами, довести этот труд до конца. Но macte virtute esto![б] как говорил Ливий.[3] В ожидании дальнейших указаний примите уверение в глубоком уважении и преданности.

Д. Нагуевский.

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 19–20 об.

[1] См. примеч. 4 к письму № 25.

[2] Речь, по всей вероятности, идет об издании: Исследование о Ювенале и его произведениях и сатиры I–III. Казань, 1888. Из печати вышел лишь т. 1. Местонахождение экземпляра книги с дарственной надписью Фету неизвестно.

[3] Местонахождение цитаты из Ливия установить не удалось.

29

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

19 января 1888 г. Казань

19 янв<аря> 88.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

IX кн<ига>, видно, в Ваших руках. Появилась X<-я>.[1] Много пришлось поработать над примечаниями; ошибок в переводе немного и неважные. Позаботьтесь, чтобы к 9-й книге предшествовало изложение содержания, сначала краткое, затем по стихам, соответственно I тому. Включать изложение содержания в комментарий, как то сделано в одном месте X кн<иги>, неудобно, и потому я это место вычеркнул и его следует перенести в общее содержание.

XI книгу вышлю к 1 февр<аля> ubi paribus,[а] смотря по времени. Лекции, говорят, начнутся в двадц<атых> числах с<его> м<есяца>.[2] В правлении универс<итетском?> страшный разлад.

Внешностью издания «Энеиды» я очень доволен. Отзыв о ней я нашел в № 5 «Гражд<анина>» 1888 г.[3] Если найдете отзывы в др<угих> период<ических> изданиях, то соблаговолите указать мне.[4]

[б] *Правильно*: macte virtute tua esto; *букв.*: будь прославлен своей доблестью (*лат.*).

[а] поровну (*лат.*), *нечеткое написание* paribus *допускает прочтение* partibus — по частям, *что более соответствует смыслу.*

Спешу на почту.

Душевно преданный
Д. Нагуевский.

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 21–22 об.

[1] Нагуевский отвечает на письмо Фета от 10 января 1888 г. (№ 27), вместе с которым были высланы гранки X книги.

[2] См. примеч. 4 к письму 25.

[3] В связи с тем, что эта анонимная рецензия мало известна, приведем ее полностью: «Честь и слава маститому поэту за новый богатый вклад в русскую переводную литературу. После Горация, Ювенала, Катулла, Тибулла и Овидия г. Фет дарит нас поэтическим воспроизведением на русском языке „Энеиды“ Вергилия. Польза подобных переводов, в особенности когда переводчиком является такой поэт и такой знаток в стихотворном деле, как г. Фет, столь понятна и очевидна, что распространяться о ней нет никакой надобности. Всякому русскому образованному человеку подобает как можно скорее прочесть ее с доски до доски. Смеем уверить, что такое занятие для всех и каждого будет во сто крат приятнее и поучительнее чтения французских скабрезных романов или заучивания наизусть уныло-либеральных виршей наших юных поэтиков. Издана книга тщательно, в приятном формате малого in-8°. В предисловии переводчик ярким, образным языком, свойственным лишь истинным художникам слова, излагает те художественные требования, которым он старался удовлетворить при исполнении предпринятой задачи. Из того же предисловия читатель узнает, что труд перевода разделял с г. Фетом нам известный философ Владимир Сергеевич Соловьев, превосходно владеющий — по авторитетному свидетельству г. Фета — русским стихом „при тонком эстетическом чувстве и основательном знании латинского языка“. Переводу предпослано введение профессора казанского университета, Д. И. Нагуевского с краткою биографиею Виргилия и критическим взглядом на его знаменитую поэму.

Кстати о г. Фете. Мы слышали, что в непродолжительном времени имеет появиться в свет третий том сборника оригинальных его стихотворений — „Вечерние огни“. С приятным нетерпением ожидаем этой драгоценной для любителя русской поэзии новинки, в полной уверенности найти в ней обильный и чистый источник художественного наслаждения, которым не преминем поделиться с нашими читателями» (Мысли русского читателя // Гражданин. 1888. 5 января. № 5. С. 3).

[4] Перечень отзывов об издании см. во вступит. статье.

30

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

22 января 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

22 января 1888.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Начну с благодарности за честь, оказанную мне высылкою ученого труда Вашего о Ювенале.[1] Прекрасный фотографический портрет приятно изумил меня, представив молодого деятеля, которому предстоит еще широкая и плодотворная будущность. Убедившись, как много труда и знания употреблено Вами на эту работу, смиренно признаюсь в полном моем бессилии отнестись к нему критически. Я держусь разделения труда и ожидаю от филологов готового текста и объяснений, которые бы я мог, владея русским стихом, перенести на отечественную почву. Так поступаю я и в данном случае с Ladewig'ом, которого самое имя несомненно забуду через пять минут, после того как списал его с книжной обертки. Так, между прочим, из всех ошибок, замеченных гр<афом> Олсуфьевым в моем Ювенале, я признаю только *ebur*,[a] почему-то вдруг переведенный мною черным деревом. Что же касается до сливок, то полемика эта относится к наборщику, сделавшему их из оливок, и других объяснений, которых я не выдумывал, а прямо переводил с немцев, которые это знают гораздо лучше меня. Но возвращаюсь к нашему специальному Энею.

Время до конца февраля остается немного, а надо получить книгу из цензуры[2] и объявить о ее продаже. Ввиду всего этого повторяю мою слезную просьбу. Так как у Вас в руках мой переводный текст до конца, а равно и примечания, то не найдете ли возможным дополнить последние, насколько Вы сочтете нужным, а проверка исправлений по гранкам задержать Вас, полагаю, не может. Если бы типография не затруднялась шрифтом, то, конечно, я вместе с одиннадцатою книгою выслал бы единовременно и двенадцатую. Прибавьте, что необходимо мне лично выслать к Вам двадцать экземпляров второй части, что в отсутствие мое сопряжено будет с затруднениями.

Я все-таки надеюсь, что, невзирая на некоторую спешность, работа наша не окажется слишком плохою. При исправлениях текста нередко

---

[a] *слоновую кость* (*лат.*).

вспоминается: «рад бы в рай, да грехи не пускают». Вы имеете в виду латынь, а мне приходится бороться и с русским. Так, напр<имер>, я бы охотно перевел diversa parte — *в другой стороне*, если бы рядом не стояло penitus, которого не умею иначе перевесть, как *в отдалении*, и вышло бы: в другой стороне[б] в отдаленьи, что выходит неловко.[в] В полной надежде на великодушие Ваше, которое поможет Вам довести дело до желанного конца, прошу принять уверения в неизменной признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Про университет Вы, конечно, знаете из газет. Открывается 26 января.[3]

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 41–42 об.

[1] См. примеч. 2 к письму 28.

[2] Вторая часть «Энеиды» была дозволена цензурой 15 февраля 1888 г.

[3] См. примеч. 4 к письму 25. Объявление об открытии университета было помещено, напр., в «Московских ведомостях»: *МВед.* 1888. 18 января. С. 1.

31

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

28 января 1888 г. Казань

28 янв<аря> 88.
Казань.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Премного благодарен Вам за любезно доставленный сборник Ваших прекрасных стихотворений,[1] чтение которых доставило мне и моему семейству неподдельное наслаждение. Душевно желаю и надеюсь, что это не последний дар русской музе, дар истинного вдохновения и теплого любящего сердца. Quod Deus bene vertat![а]

[б] *Подчеркнуто простым карандашом, вероятно, Д. И. Нагуевским.*

[в] *Далее рукой А. А. Фета.*

[а] И да обратит это Бог во благо! — т. е. пусть примет это благополучный оборот (*лат.*).

XI кн<ига> к Вашим услугам. Я поработал над ней, не ожидая гранок и все рассмотрел и обработал опять же <нрзб.> добросовестно, как предыдущие книги. Я нарочно воспользовался хоть рождественскими <?>[б] — днями <нрзб.> свободн<ого> времени, чтобы не задерживать печатания.

Унив<ерситетские> занятия, кажется, начнутся на днях, след<овательно> начнется и прорва работы. Но дал бы Бог, чтобы хотя летом нас не морили и дозволили все окончить в обычный срок.

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

Здесь слух, что в Моск<овском> университете беспорядки. Так ли это?[2]

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 23–23 об.

[1] Речь идет о третьем выпуске «Вечерних огней», вышедшем из печати в январе 1888 г. Во втором томе своей «Истории римской литературы» Нагуевский пишет: «Гораций не оставил себе достойного преемника; ему не довелось, говоря словами А. А. Фета (Вечерние огни, вып. 3) передать на склоне лет свой „трепетный факел“ римской лирики „молодому вестнику света“ на поприще родного искусства» (Т. 2. С. 767).

[2] См. примеч. 4 к письму 25.

32

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

31 января 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

31 января 1888.

Многоуважаемый Дарий Ильич!

Не знаю, как благодарить Вас за скорую присылку одиннадцатой книги, третьего дня мною полученной. Остается, ввиду скупо отмеренного времени, убедительно просить Вас о довершении благодеяния возможно скорою высылкой заметок в тексте и[а] примечаний к двенадцатой

[б] *Здесь и далее текст сильно поврежден.*

[а] *Далее зачеркнуто*: прибав

книге, гранки которой сегодня Вам высланы. При получении второго тома Вы, без сомнения, убедитесь, что я не пропустил мимо ушей ни одного из Ваших драгоценных указаний, насколько хватило сил ими воспользоваться.

Лекции в университете начались 26-го января при полном спокойствии, свидетельствующем о том, что самые беспорядки вызваны были во всех высших учебных заведениях единовременно внешнею агитацией.[б, 1] В полной надежде на окончательную благосклонную помощь Вашу прошу верить глубокому уважению и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 43–43 об.

[1] Общественное внимание в это время было занято студенческими беспорядками, которые активно обсуждались печатью. Мнение о политической агитации как о причине беспорядков было высказано в «Московских ведомостях». «Новости» не согласились с «Московскими ведомостями», так как не было посягательства на политический или государственный строй. «Новое время» увидело причину конфликта в формализме учебного процесса. «Русское дело» высказало мнение, что «политическая агитация не была выдающейся причиной беспорядков; но эта агитация была, несомненно, одним из факторов возникших недоразумений между студентами и начальством», поскольку общественное замешательство было «на руку агитаторам» (Русское дело. 1888. 16 января. № 3. С. 11. Здесь же см. сводку мнений, высказанных в печати по этому вопросу. С. 10–11).

33

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

6 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Февраля 6, 1888.

Душевноуважаемый Дарий Ильич!

Любезною присылкою окончательных заметок и примечаний Вы бесконечно обрадовали меня, давая возможность снять с себя эту тяжелую обузу.[1] Но в то же время без всякого намерения Вы отягчили мою

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

совесть великим гнетом, предлагая написать разбор Вашего труда. Конечно, ввиду понесенных Вами трудов над моей «Энеидой», я чувствовал себя нравственно обязанным во что бы то ни стало исполнить Ваше желание. Но, — теперь прошу Вас беспристрастно рассмотреть это *но*. Ввиду давно высказанного Вами желания я неоднократно обращался к гр<афу> Олсуфьеву, доказывая ему, что ему всего, по роду его занятий, свойственнее и написать и напечатать требуемую статью,[2] так как я представляю всем существом моим как бы антипод всякой формальной науки, — но на это каждый раз я выслушивал упорный отказ графа, на том основании, что Вы с похвалою отзывались о его труде,[3] а он, делая то же самое по отношению к Вам, только выставит в ложном свете пристрастия свое сочувствие к Вашим почтенным трудам. Не берусь судить, в какой мере это справедливо по отношению к графу, но при взгляде на обертку «Энеиды», на которой наши[а] с вами имена неразрывны, нельзя не признать моей о Вас статьи за самовосхваление собственного лагеря, что, конечно, принесло бы вред нам обоим. Когда на днях я увидал безобразную статью Модестова в «Новостях»,[4] то в ту же минуту написал заявление в «Моск<овские> ведомости», что написанное рукою г. Нагуевского на обертке *Виргилий* преднамеренно переправлено мною в Вергилий, так как я не филолог, а переводчик с Ladewig'a, у которого стоит: *Vergil's Gedichte.*[5]

Но вот четвертый день напрасно жду появления статейки вопреки оглавлению: необходимое объяснение. Я по опыту знаю, что «Моск<овские> ведом<ости>» принципиально избегают всякой литературной полемики, и хотя в редакции отвечали то, что я сообщил Вам телеграммой,[6] но сильно опасаюсь.

Виноват! Я просмотрел во вчерашнем номере «Моск<овских> вед<омостей>» от 5 февраля мою оправдательную статейку, которой сердечно обрадовался.[7] Это дает мне надежду, что, быть может, и Ваша статья пойдет.

Из предисловия моего к последнему выпуску «Вечерн<их> огней» Вы можете усмотреть, что я совершенно не вхож в редакции всей нашей современной литературы,[8] за исключением «Моск<овских> ведом<остей>» и «Русского вестника»,[б] в которых тем не менее влияние мое — более чем сомнительно. Таково фактическое положение дела. Но положение положением, а нравственный груз долга сам собою.

[а] *Далее зачеркнуто*: имена

[б] *Далее зачеркнуто*: на

И вот наконец я так счастлив, что судьба помогла мне вчера свалить и этот камень с моей совести на совесть одного ученого, хорошо мне знакомого учителя гимназии г. Хитрова, который взялся не только написать статью о Вашем труде над Ювеналом, но и провести свою статью в «Моск<овские> ведом<ости>», так как у него туда вход гораздо благонадежнее, чем у меня.[9] Вчера это дело было между нами улажено, а сегодня в час дня Ваша книга была уже отправлена к нему с нарочным.

Смею Вас уверить, что такой благоприятный исход обрадовал меня, быть может, гораздо более чем Вас. С живейшею благодарностью прошу Вас принять уплату небольшого долга, которую Вам угодно было обождать за мною до настоящего времени, а около 15-го надеюсь выслать Вам 20 экземпляров второй книги «Энеиды».[в]

Примите еще раз уверения в глубоком уважении и сердечной признательности Вашего, милостивый государь, покорнейшего слуги

А. Шеншина.

Сию минуту получил Ваш ответ Модестову, сжатостью, умеренностью и всем тоном которого я совершенно доволен, и потому думаю, что помещение его в «Моск<овских> ведом<остях>» не встретит затруднения. Как скоро прочту его в печати, то вышлю Вам три экземпляра.

Печатается по автографу: *РНБ*. Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 44–47.

[1] Это письмо Нагуевского неизвестно.

[2] Фет имеет в виду, что гр. Олсуфьев занимался исследованием Ювенала.

[3] В книге о Ювенале Нагуевский назывет гр. Олсуфьева «талантливым рецензентом перевода г. Фета» (*Нагуевский Д. И.* О жизнеописании Ювенала. Казань, 1887. С. 12).

[4] *Модестов В.* Г. Фет и г. Нагуевский // Новости и Биржевая газета. 1888. 25 января. № 25. С. 2. См. о ней во вступит. статье.

[5] См. вступит. статью и письмо Фета от 8 октября 1887 г.

[6] Эта телеграмма неизвестна.

[7] *Фет А.* Неизбежное замечание по поводу статьи г. Модестова («Новости». № 25) // *МВед*. 1888. 5 февраля. № 36. С. 6. Подробнее см. вступит. ст.

[8] См.: *ВО 3*. Здесь, в Предисловии, Фет пишет: «С легкой руки правительственных реформ <…> всё закипело духом оппозиции (чему?) и запоздалою гражданскою скорбию. <…> Понятно, до какой степени им казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбным отсутст-

[в] *Далее до слов* «Сию минуту» *рукой А. А. Фета.*

вием гражданской скорби. <…> Понятно, что при таком исключительном положении стихотворения наши не могли быть помещаемы на страницах журналов, в которых они возбуждали одно негодование. Единственное исключение представлял „Русский вестник“, не ставивший тенденциозности непременным условием» (С. III–V).

[9] *Хитров Михаил Иванович* (1851–1899) — духовный писатель, публицист, историк церкви, с 1895 г. священник, с 1898 г. — протоиерей. С Хитровым Фета познакомил, вероятно, Вл. С. Соловьев. В молодости Хитров был домашним учителем Михаила Сергеевича Соловьева, брата Вл. С. Соловьева, и до конца сохранил дружеские отношения с домом Соловьевых (см.: *Соловьев Вл.* Письма: В 4 т. / Под ред. Э. Л. Радлова. Пг., 1923. Т. 4. С. 86).

Статья М. И. Хитрова, посвященная книге Нагуевского, в «Московских ведомостях» опубликована не была (см. письмо 38).

34

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

12 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Февраля 12, 1888.

Многоуважаемый Дарий Ильич,

признаюсь чистосердечно в крайнем затруднении, с чего начать ответ на последнее письмо Ваше от 4 февраля.[1] Если бы Вы не подарили мне Вашего портрета, то по одному этому письму я убедился бы, что имею дело с молодым человеком, не привыкшим еще к печальным условиям нашей журналистики. Не умею Вам представить более близкий и яркий пример в последнем смысле, чем я сам. С 60-го по 85-й год, невзирая на то, что я в течение этого времени почти безмолвствовал, в журналах не переставали глумиться надо мною на всевозможные лады и каждый осел считал гражданским долгом лягнуть меня демократическим копытом.[2] Конечно, я не отвечал ни звуком. Но Вы указываете на службу как на свое обеспечение; не думаю, чтобы журнальные нападки могли повредить Вашей службе. Об этом я сужу потому, что постоянные нападки всей литературы на профессора Юркевича не помешали ему с честью окончить свое поприще.[3]

Вам, быть может, неизвестно, что личность г. Модестова во всех отношениях мне чужда. В прошедшем письме я уже говорил о совершенном своем бессилии в журнальных редакциях. Примеры налицо.

В январском «Русск<ом> вестн<ике>», который, honoris causa,[a] я получал в течение 20-и лет, помещено восемь моих стихотворений,[4] и на запрос мой, почему я не могу получить его и за деньги, Берг[5] ответил пять дней тому назад, что я получу его единовременно с его ответом. Но вот и по сей день я его не вижу. Второй пример. При получении Вашей телеграммы,[6] я передал Вам ответ о согласии помощника редактора «Моск<овских> ведом<остей>» напечатать краткий ответ Ваш Модестову. Прекрасный ответ Ваш препровожден в редакцию вместе с моею просьбою о напечатании и указанием на предварительное обещание редакции. Но вот четвертый день я напрасно смотрю в газеты, ожидая возможности выслать Вам желаемых три экземпляра, — а статьи нет как нет.[7] Когда мне принесли заглавные листы, на которых Ваш титул и имя были выставлены несколько уменьшенным шрифтом, я тотчас же вернул корректуру с требованием напечатать Ваше имя одним шрифтом с моим, избегая с Вашей стороны и тени неудовольствия.[8] Чем возбуждено было озлобление г. Модестова, он сам высказывает; что же касается до «Рус<ского> вестн<ика>», то, не видавши его, я об статье судить не могу и судить о причинах, возбуждающих против Вас нападки.[9] В подтверждение моего мнения о безвредности журнальной травли могу Вам сообщить, что высокопоставленным лицом было указываемо в высшей сфере именно на Вас как на профессора, продолжающего помимо официальных лекций трудиться и обнародовать свои труды, представляя таким образом исключение среди других официальных преподавателей.

Перехожу к самой сущности Вашего желания и объясняю его только незнакомством с условиями, в которых я нахожусь. Если Вы меня просите о помещении статей в журналы, то, вероятно, по неуверенности в личном к ним доступе, а что я лишен этого доступа, в настоящее время у Вас перед глазами по отношению к «Моск<овским> вед<омостям>». Что же касается до «Русск<ого> вестн<ика>», то я наперед знаю, что ни один журнал не поместит критики рядом с антикритикой. Но допустим невозможное, т. е. готовность всех журналов принять мои статьи. Что же бы я стал писать в Вашу защиту? Опровергать шаг за шагом ученые нападки я как человек, стоящий вне науки, не в состоянии. Уверять же со стороны, что предисловие г. Нагуевского не заключает в себе никаких инсинуаций (как Вы говорите), являлось бы чем-то беспримерным, способным возбудить только злорадную веселость.

---

[a] ради почета (*лат.*).

Если уже возражать на эти вещи, то всего приличнее и сподручнее сделать это Вам самим и напечатать хотя бы в каком-либо местном журнале или в предисловии к одному из Ваших произведений. На днях в «Revue des deux mondes» я прочел справедливую мысль, что всякое доброе дело влечет за собою заслуженное наказание.[10] Мы оба с Вами увлеклись благою мыслию представить в наилучшем виде «Энеиду» на русском языке и за это оба наказаны. Знай мы наперед последствия наших усилий, то Вы бы ни за что не протянули мне руку помощи, а я с своей стороны предпочел бы оставить текст с теми промахами, от которых Вы его избавили, сопроводив его заведомо переводными объяснениями. Но ничего нет бесплоднее исправлений совершившегося.

В надежде, что я достаточно объяснил Вам мое бессилие в желаемом Вами деле, прошу принять[6] уверение в неизменном уважении и признательности Вашего покорнейшего слуги

А. Шеншина.

P. S. Прилагаю обратно три марки и мою заметку по поводу статьи г. Модестова.[11]

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 48–50 об.

Впервые опубликовано (без постскриптума, с ошибками и с неверным прочтением фамилии Нагуевского): День. 1913. 14 октября, приложение. № 2, в составе статьи: *Глаголева Т.* Из неизданных писем А. А. Фета.

[1] Это письмо Нагуевского неизвестно.

[2] См. письмо 33 и примеч. 8 к нему.

[3] *Юркевич Памфил Данилович* (1827–1874) — видный религиозный философ-мистик, педагог. Его полемика с Н. Г. Чернышевским приобрела общественное звучание; оказал существенное влияние на формирование религиозно-философских воззрений Вл. С. Соловьева.

[4] В «Русском вестнике» были помещены: «Одним толчком согнать ладью живую…», «Все, как бывало, веселый, счастливый…», «Нет, я не изменил. До старости глубокой…», «Ее Величеству Королеве эллинов» («Всю жизнь душа моя алкала…»), «А. Л. Б<ржеск>ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно обычным…»), «Памяти Н. Я. Данилевского» («Если жить суждено и на свет не родиться нельзя…»), «Сегодня день твой просветленья…» и «Как богат я в безумных стихах!..» под общим заголовком «Стихотворения А. А. Фета» (см.: *РВ*. 1888. Т. 194. Январь. С. 106–110).

[5] *Берг Федор Николаевич* (1839–1909) — журналист, прозаик, поэт и переводчик. В конце 1887 г., после смерти М. Н. Каткова, арендовал у его наследников «Русский вестник» и перевел издание в Петербург (1888–1896).

---

[6] *Далее до постскриптума рукой А. А. Фета.*

[6] Эта телеграмма неизвестна.

[7] Статья Нагуевского «Письмо к издателю (Ответ г. Модестову)» была опубликована на следующий день (см. *МВед.* 1888. 13 февраля. № 44. С. 5; с датой — 11 февраля 1888 г. Казань). Содержание статьи подробно излагается во вступит. статье к наст. публикации.

[8] На титуле издания в напечатании имен Фета и Нагуевского действительно использован один и тот же кегль.

[9] Анонимная рецензия на первый том «Энеиды» открывает отдел «Новости литературы» в том же номере «Русского вестника», где были опубликованы восемь стихотворений Фета (см. примеч. 4 к наст. письму). В ней низкий уровень работы Нагуевского противопоставлен высокому качеству перевода (см.: *РВ.* 1888. Т. 194. Январь. С. 289–293). Автором статьи, скорее всего, был Ю. А. Кулаковский (см. вступит. статью).

[10] Речь идет о парижском журнале «Revue des deux mondes». О какой публикации идет речь, установить не удалось.

[11] См. примеч. 4 к письму 33.

35

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

29 февраля 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

Февраля 29, 1888.

Многоуважаемый Дарий Ильич,

препровождаю при сем пять веленевых и пятнадцать простых экземпляров второй части «Энеиды»,[1] с которою провозился до самого отъезда в деревню.

На днях видел Хитрова, который пишет статью о Вашей работе,[2] и сообщил ему, что Вы лично желаете к нему обратиться письменно, по следующему адресу: Москва, Большая Якиманка, Мало-Петропавловский пер<еулок>, собств<енный> дом, Михаилу Ивановичу Хитрову. Не знаю, какое произведет впечатление вторая половина нашей работы, но на весь свет угодить невозможно.[a] Пожелав Вам всего лучшего, позвольте еще раз принести мою искреннюю признательность за оказанную мне помощь.

---

[a] *Далее рукой А. А. Фета.*

С неизменным почтением Ваш покорнейший слуга

А. Шеншин.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 51–51 об.

[1] Вторая часть «Энеиды» вышла 27 февраля 1888 г. (см. письмо Фета к С. А. Толстой от 28 февраля 1888 г. — *Юшкин Ю.* С живейшими симпатиями в груди: К 190-летию со дня рождения А. К. Толстого (Письма Афанасия Фета к С. А. Толстой) // Литературная учеба. 2007. № 5. С. 188).

[2] См. письмо 33 и примеч. 9 к нему. Статья не была опубликована (см. письмо 38).

36

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

8 января 1889 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета
№ 52

8 янв<аря> 1889 г.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

С искренним удовольствием вспоминая наши совместные труды по переводу Виргилия, позволяю себе преподнести при сем два новых своих издания, в которых неоднократно встретите свое почтенное имя и имена многих русских знакомых Вам филологов и переводчиков.[1] Весьма рад буду, если этим трудам более <?>[a] посчастливится, чем <*нрзб.*> Ювеналу,[2] и им удастся при Вашем, быть может, содействии узреть хотя бы краткую заметку в «Моск<овских> вед<омостях>» или в другом период<ическом> издании.

В «Моск<овские> вед<едомости>» экземпляры этих изданий мною уже препровождены.

[a] *Здесь и далее текст сильно поврежден.*

С глубоким почтением примите уверения в искренной преданности покорного слуги

Д. Нагуевского.

На конверте: В Москву.
Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: Казань, 9 января 89; Москва, 13 янв.

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 25–26.

[1] Речь идет об изданиях: 1) Основы библиографии по истории римской литературы: Пособие для студентов-филологов Казань, 1889; 2) Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 год. С введением и указателями издал Д. И. Нагуевский, ординар. проф. имп. Казанского университета. Казань, 1889. Во Введении ко второй книге Нагуевский пишет: «В трудах современных нам издателей и переводчиков произведений из древнеклассической старины указания, относящиеся к работам их предшественников, встречаются сравнительно редко и не всегда отличаются желанной полнотой <…> лучший и плодовитейший из современных переводчиков латинских поэтов, ἡδυεπής (сладкоречивый, сладкозвучный. — *греч.*) в своих предисловиях и введениях — *А. А. Фет* — ни разу не почтил упоминанием „exemplaria mirae vel potius venerandae vetustatis“ (примеры дивные или, вернее, почитаемые по своей древности. — *лат.*) своих предшественников» (С. V). Рецензия на эти издания Нагуевского была опубликована позже В. А. Алексеевым, который нашел в них многочисленные лакуны (см.: Филологические записки. 1890. Воронеж, 1890. Вып. 3. С. 1–7; отдел «Критика и библиография»).

[2] О так и неопубликованной рецензии М. И. Хитрова см. письмо 38.

37

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

22 января 1889 г. Казань

М. Н. П.
НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
при
историко-филологическом
факультете
императорского
Казанского Университета
№ 355

22 янв<аря> 1889 г.

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.[a]

В знаменательный день Вашего полувекового служения русской музе и науке[1] позвольте мне как всегдашнему почитателю Ваших поэтических произведений и скромному представителю той области знаний, для популяризации которой среди русского общества Вами оказано столько незабвенных услуг, — принести горячие, искреннейшие поздравления и душевно пожелать, да дарует Вам Всевышний силы для дальнейших трудов, да не угасает в Вас еще долго тот живительный светильник, который, подобно лучезарной звезде престарелого Анхиза,[2] много, много лет — я уверен в этом — будет указывать столь желанный для современников и потомства путь к труду, к идеальным стремлениям, ко всему доброму и нравственно прекрасному. Будьте уверены, что в радостный день Вашего юбилея Ваш скромный Ахат[3] в изъяснении деяний благочестивого Энея, не сподобившийся, к сожалению, даже личного знакомства с Вами, мысленно, душой и сердцем будет присутствовать на готовящемся в Первопрестольной редком празднике русской музы, науки и трудолюбия.

Глубоко уважающий Вас и преданный

Дарий Нагуевский.

На конверте: Его высокородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В Москву.
Плющиха, собственный дом.

---

[a] *Письмо написано рукой переписчика.*

Почтовые штемпели: Казань, 23 января 89; Москва, 27 января 89.

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 27–27 об.

[1] Юбилейные торжества в честь пятидесятилетней литературной деятельности Фета состоялись в Москве 28–29 января 1889 г. Хронику этого праздника см.: *МВед.* 1889. 28 января. № 28. С. 3–4; 29 января. № 29. С. 4–5; 30 января. № 30. С. 2–3; 31 января. № 31. С. 5; 1 февраля. № 32. С. 6.

[2] *Анхиз* — отец Энея, сопровождал сына в его странствованиях.

[3] Оруженосец Энея.

38

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

1 февраля 1889 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

1 февраля 1889.

Глубокоуважаемый Дарий Ильич!

Позвольте принести Вам и на этот раз мою искреннюю и глубокую признательность за любезное поздравление с моим юбилеем. Не бывши никогда, слава Богу, человеком партий, я навсегда останусь Вам чистосердечно признательным за любезное сотрудничество Ваше при издании мною «Энеиды» и скажу прямо, что единственно Вам я обязан той сравнительной безупречностью издания, с какою появился этот мой перевод. Это я всегда скажу не во гнев разным хулителям, вносящим в дело какие-то личные оттенки.[1] В доказательство существования в нашей литературе подобных, совершенно непонятных мне оттенков упомяну только о множестве рукописных моих статей, не нашедших себе помещения.[2] Говорю это в видах своего оправдания в деле участия к вашим почтенным трудам. Две статьи, написанные Михаилом Ивановичем Хитровым о Ваших трудах, несмотря на многократные обещания «Московских ведомостей», остались по сей день ненапечатанными.[3] Усердно благодарю Вас за присылку ученого труда Вашего, которого присылку принимаю как honoris causa,[a] так как в сущности при моей беспамятности я совершенный антипод всякого серьезного филологического труда и, осмеливаясь публично заговорить о нем, я бы только

[a] ради почета (*лат.*).

наделал сраму и себе, и достойному труженику. В этом отношении я скорее всего напоминаю слепца на церковной паперти, кланяющегося при звуке каждой монеты, падающей в его деревянную чашку, но не могущего с своей стороны никому помочь. Как переводчик и юбиляр еще раз прошу принять самые искренние выражения признательности[б] глубокоуважающего Вас

А. Шеншина.

Печатается по автографу: *РНБ.* Ф. 1000. Оп. 3. № 1325. Л. 52–53.

[1] Подробнее об этом см. во вступит. статье.

[2] Речь идет о статьях Фета, не опубликованных при его жизни: по поводу «Войны и мира» Толстого, «Что делать? Из рассказов о новых людях. Роман Н. Г. Чернышевского», «Что случилось по см<ерти> Анны Кар<ениной> в „Русск<ом> в<естнике>“» и др. (См. *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 421–422).

[3] Возможно, вторым «трудом», которому была посвящена неопубликованная статья М. И. Хитрова, была кн.: *Нагуевский Д. И.* О рукописях, схолиях и изданиях Ювенала. СПб., 1888. С просьбой написать рецензию на последний труд Нагуевский чуть ранее обращался к Л. Н. Майкову (см. письмо от 2 января 1887 г. — *ИРЛИ.* Ф. 166. Оп. 3. № 729. Л. 1). Подробнее о М. И. Хитрово см. примеч. 9 к письму 33.

39

Д. И. Нагуевский — А. А. Фету

6 марта 1890 г. Казань

ДАРИЙ ИЛЬИЧ НАГУЕВСКИЙ,
ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОР
ИМПЕРАТОРСКОГО
КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

6 марта 1890 г. Казань.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Полагаясь на Ваше благосклонное ко мне отношение, позволяю себе обратиться к Вам с следующей покорнейшей просьбой.

Вместе с этим письмом препровождаю и письмо к графу А. В. Олсуфьеву с просьбой оказать мне свое ходатайство в сферах Мин<истерства>

[б] *Далее рукой А. А. Фета.*

нар<одного> просв<ещения> о предоставлении мне места председателя экзаменационной истор<ико->филол<огической> комиссии в Казани или в одном из провинциальных университетов или вообще командировки для присутствования на полукурсовых испытаниях студентов университета. Поводом к тому ходатайству является мое стесненное в материальном отношении положение, обусловленное многолетней болезнью жены, болезнью, требующей в этом году особенно чувствительных расходов, покрыть которые из своего скромного содержания и при неимении никаких других средств я не в силах, остаток же от командировочных денег существенно облегчил бы мое положение. Не знаю, как отнесется гр. А. В. Олсуфьев к моей просьбе; но, зная Вашу отзывчивость к людскому горю и нуждам, я позволяю себе надеяться, что Вы не откажете замолвить перед графом лично или письмом в пользу моего ходатайства теплое слово участия. Быть может, Вы нашли бы возможность оказать возможное содействие моему ходатайству и у гр. И. Д. Делянова.[1] Во всяком случае моя благодарность и признательность Вам за посильное содействие указанной цели у того либо другого из высокопоставленных лиц будет самая искренняя и душевная.

Более распространяться о своем горе не стану <*3 нрзб.*> утруждать соображениями по поводу моей просьбы, на которую, быть может, не имею права. Мне и так тяжело писать эти строки, и я долго колебался… Поэтому простите.

Душевно преданный и глубоко уважающий

Д. Нагуевский.

Гр. А. В. Олсуфьеву я адресовал письмо в Москву, не зная, где он пребывает.[2] В случае отъезда, вероятно, адрес им оставлен.

На конверте: В Москву.
Его превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: Казань, 6 марта 90; Москва, 11 марта 90.

Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 315. К. 9. № 29. Л. 29–30.

[1] Граф *Делянов Иван Давыдович* (1818–1897) — с 16 марта 1882 г. министр народного просвещения. Деньги, отпускаемые по государственной смете на нужды народного образования, были сокращены им до минимума.

[2] Письмо Нагуевского к Олсуфьеву неизвестно.

40

А. А. Фет — Д. И. Нагуевскому

Середина марта 1890 г. Москва

Многоуважаемый Дарий Ильич.

Первым словом при свидании моем с графом Олсуфьевым, являющимся ко мне, недужному, для совместной работы над Марциалом,[1] — было обсуждение Вашего дела, к которому граф отнесся самым сочувственным образом. Излишне говорить о моем уважении к Вашим достойным трудам и полной готовности служить Вам, принимавшему такое живое участие в моем издании «Энеиды». Считаю, что чистосердечная откровенность во всяком случае полезнее ищущему, чем формальные надежды, возбуждаемые лукавыми обещаниями. Вы без труда поверите, что если бы я, подобно графу Ал<ексею> Вас<ильевичу>, бывал в Петербурге и явился бы к министру, то не преминул бы замолвить самое горячее слово в пользу Вашего желания. При личном свидании такая просьба может быть объяснима на lapsus lingue[a] (если можно так выразиться), тогда как человеку, не состоящему ни в какой переписке с министром,[2] обращаться к нему, хотя бы с просьбами в личную пользу, — вещь не только необычная, но и совершенно бесполезная. Что же касается до дальнейшей судьбы Вашей просьбы, то гр. Ал<ексей> В<асильевич> обещал сам Вам об этом написать и мне остается только <пожелать> полнейшего успеха <и> пожалеть, что мои 70-илетние недуги делают меня в этом, как и во всем остальном, бессильным.

С неизменным уважением

сердечно признательный

<А. Шеншин>.

Печатается по автографу: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 5. Л. 1–2. Черновой автограф карандашом рукой Е. В. Федоровой (Кудрявцевой).

Датируется условно по письму Нагуевского от 6 марта 1890 г. (№ 39).

[1] Работа над Марциалом началась, вероятно, осенью 1888 г. 28 ноября Фет писал Ф. Е. Коршу о том, что «вчера» его навестил «граф Олсуфьев, с которым мы иногда проверяем мои переводы Марциала» (*Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу. С. 221). Олсуфьев, помимо предисловия к изданию Марциала, помогал Фету и в редактировании переводов эпиграмм, о чем Фет упомянул в своем

---

[a] погрешность языка (*лат.*).

предисловии к изданию: «…было бы недобросовестно умолчать о критической проверке графом нашего перевода из стиха в стих. Без этой твердой руки на руле легкая лодка переводчика могла бы появиться с многочисленными пробоинами, выйдя из опасных шхер Марциала» (Марка Валерия Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. С. VIII). В очерке «Жизнь Марциала» Фет использовал фрагменты из тогда еще не опубликованной книги Олсуфьева «Марциал. Биографический очерк» (М., 1891). В своих воспоминаниях, диктовавшихся секретарю в это время, Фет писал: с Олсуфьевым «мы просматривали 2-ю часть Проперция и в настоящее время усердно трудимся над переводом такого талантливого капризника, как Марциал» (*МВ*. Ч. 2. С. 393).

[2] Имеется в виду министр народного просвещения И. Д. Делянов.

ПИСЬМА А. А. ФЕТА к А. А. КРАЕВСКОМУ (1854–1856)

Публикация В. А. Лукиной

Публикуемые четыре письма Фета к редактору и издателю «Отечественных записок» Андрею Александровичу Краевскому (1810–1889) поступили в Императорскую Публичную библиотеку (ныне *РНБ*) в 1889 году, после смерти последнего, от его зятя — Василия Алексеевича Бильбасова (1837–1904), который передал Библиотеке большую часть бумаг Краевского, в том числе восемь переплетенных томов, содержащих письма к нему от 759 лиц.[1] Помимо писем, в фонде Краевского находятся также корректурные гранки двух стихотворений Фета: «Из Анакреона» («Сядь, Вафилл, в тени отрадной…») и «Сядь у моря — жди погоды…».[2]

Письма Фета относятся к 1854 — началу 1856 года, т. е. к тому времени, когда поэт уже успел приобрести литературную известность и не

[1] См. описание бумаг Краевского, составленное хранителем Отдела рукописей Публичной библиотеки И. А. Бычковым: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893. С. 34 (вышло также в виде отдельного оттиска). Здесь же в приложении опубликованы письма к Краевскому В. Г. Белинского и В. П. Боткина. Далее сокращенно: *Бумаги Краевского*, с указанием страницы (2-й паг.). К сожалению, на сегодняшний день биография и деятельность Краевского изучены явно недостаточно. Вышедшая сравнительно недавно книга Л. П. Громовой «А. А. Краевский — редактор и издатель» (СПб., 2001) остается едва ли не единственным специальным исследованием, посвященным человеку, который сыграл столь значительную роль в историко-литературном процессе XIX в. Статья С. В. Герасимовой «Фет в „Отечественных записках“ 1840-х годов (поэтика межтекстовых отношений)» (*Фетовские чтения (XV)*. С. 163–173), несмотря на многообещающее заглавие, посвящена не истории сотрудничества поэта в журнале Краевского, а изучению «тематических, стилевых взаимодействий между произведениями Фета и другими журнальными текстами» (С. 164).

[2] *РНБ*. Ф. 391. № 44. Второе стихотворение было запрещено цензурой.

был новичком в журнальном мире. Отражая сравнительно небольшой эпизод из многолетней истории сотрудничества Фета в «Отечественных записках», — связанный с публикацией в журнале повести «Дядюшка и двоюродный братец» и перевода четырех книг «Од» Горация, а также с подготовкой нового собрания стихотворений, увидевшего свет в 1856 году, — они, безусловно, являются лишь незначительной частью продолжавшейся на протяжении ряда лет переписки, однако местонахождение других писем Фета, а также ответных писем Краевского остается неизвестным.

Сложно сказать, когда именно состоялось знакомство Фета с Краевским. В «Моих воспоминаниях» (1890) Фет сообщает, что оно произошло в Петербурге во время его службы в уланском полку и называет имя человека, познакомившего его с издателем «Отечественных записок», — им был И. С. Тургенев, с которым поэт тесно сблизился еще во время пребывания писателя в ссылке в Спасском-Лутовиново и продолжил общение в Петербурге. «Однажды Тургенев объявил мне, — вспоминал Фет, не уточняя ни месяца, ни года, — что Краевский желает со мною познакомиться, и мы отправились в условленный день к нему».[3] Когда же могла состояться эта встреча?

Известно, что уланский полк, в котором служил Фет, был в это время расквартирован под Новгородом, однако поэт приезжал, как следует из воспоминаний, три раза в неделю в Петербург для конных учений, происходивших в манеже. В один из подобных приездов состоялось его знакомство с И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым, а вслед за тем и обед у А. Я. Панаевой, красочно описанные в «Моих воспоминаниях».[4] По всей видимости, этот обед, на котором Фет познакомился с А. В. Дружининым, С. М. Воробьевым, П. В. Анненковым и др., состоялся 7 декабря 1853 года.[5] Запись о нем сохранилась в «Дневнике» Дружинина: «Обедал, как водится, у Панаева, где нашел несколько новых лиц: поэта Фета (верно, un Pro-фета Мейерберова — сказал Языков), коренастого армейского кирасира, говорящего довольно высоким слогом <…>».[6] «Дневник» Дружинина позволяет внести некоторые уточнения в рас-

---

[3] *МВ*. Ч. 1. С. 37.

[4] Там же. С. 32–33. Отметим, что этот эпизод из «Моих воспоминаний» оказался почему-то пропущенным в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» (СПб., 2005. Т. 1: 1821–1855).

[5] Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

[6] *Дружинин А. В.* Повести. Дневник / Изд. подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 252 (Лит. памятники). Далее ссылки на это издание сокращенно: *Дружинин. Дневник*, с указанием страницы.

А. А. Краевский
Фотография А. И. Деньера. Петербург, 1865 г.

сказ Фета.[7] Так, поэт упоминает, что уже на первом обеде у Панаева он встретил «своих приятелей» Боткина и Тургенева, однако это маловероятно, поскольку 7 декабря Тургенева в Петербурге еще не было. Получив разрешение вернуться в столицу, он приехал в Петербург, очевидно, только 9 декабря, остановившись в доме Тулубьева, в Поварском переулке,[8] неподалеку от дома Трубникова (на углу Поварского и Коло-

[7] «Дневник» Дружинина существенно дополняет и составленную Г. П. Блоком «Летопись жизни А. А. Фета», в которой знакомство с литературным кружком «Современника» отнесено к январю 1854 г. (*Летопись.* С. 302).

[8] В «Летописи» Тургенева указано, что он прибыл в Петербург «около, не позднее 9 (21) декабря»: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Составитель Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 254. Эта дата устанавливается предположительно, на основе письма Тургенева к С. Т. Аксакову от 13 декабря, в котором он сообщал: «Сегодня пятый день, что я приехал сюда <…> и я еще не успел хорошенько оглядеться <…>» (*Тургенев. Письма.* Т. 2. С. 283). Принимая во внимание запись в «Дневнике» Дружинина об обеде у Панаева (на котором Тургенева не было), нет достаточных оснований сомневаться в том, что Тургенев приехал *ранее* 9 декабря — даты, указанной им самим.

кольной), в котором жили Некрасов и Панаев, и сразу же окунулся в бурную общественно-литературную жизнь.

Очевидно, в «Моих воспоминаниях» перед нами предстают переплетенными воспоминания о двух обедах у Панаева, на которых присутствовал Фет: 7 и 13 декабря. Именно на втором из них Фет и увиделся с Тургеневым, поскольку в этот день редакция «Современника» подготовила, по выражению Л. Н. Майкова, «приятельскую овацию» в его честь.[9] «Чтобы приветствовать вновь прибывшего, — отмечает он, — в редакции „Современника“ устроился обед, на который сошлись П. В. Анненков, А. А. Фет, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, В. А. Милютин, М. Н. Лонгинов и еще несколько человек из ближайших сотрудников журнала».[10] Запись об этом «импровизированном банкете», на котором присутствовала «почти вся русская словесность», сохранилась и в «Дневнике» Дружинина.[11]

Таким образом, с середины декабря 1853 года начинается интенсивное сближение Фета с кругом «Современника» — Тургеневым, Некрасовым, Панаевым, Дружининым, Боткиным и др. «Конечно, — как отмечает Н. П. Генералова, — Тургенев стоит в этом ряду на первом месте».[12] Фет регулярно бывает у Панаева и «чуть не ежедневно по утрам» у Тургенева, которого знакомит со своим переводом од Горация и с новыми стихотворениями.[13] Сведения о некоторых из этих встреч приводит Дружинин. Так, мы узнаем, что 17 декабря Фет обедал вместе с ним (а также с М. Л. Михайловым и цензором В. Н. Бекетовым) у Панаева, а «после обеда явился Тургенев <…>. Читали очень милую вещь Фета „Днепр в половодье“ и другую, „Гораций и Лидия“. <…> Разъехались около 8 часов».[14]

---

[9] См.: Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу // Русское обозрение. 1894. Т. 13. № 11 (Ноябрь). С. 8.

[10] Там же.

[11] *Дружинин. Дневник.* С. 253–254.

[12] *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 378. Об истории непростых взаимоотношений Тургенева и Фета см. главу V «Тургенев и Фет. Незавершенный спор» (С. 351–453).

[13] *МВ.* Ч. 1. С. 33, 36.

[14] *Дружинин. Дневник.* С. 255. Необходимо отметить, что взгляды Фета, которые Дружинин иронично характеризует словом «высшие», изначально не вполне пришлись ему по вкусу. В «Дневнике» сохранилось немало едких высказываний о поэте: «Но что за нелепый детина сам Фет! Что за допотопные понятия из старых журналов, что за восторги по поводу Санда, Гюго и Бенедиктова, что за охота гово-

Об обстоятельствах написания первого стихотворения Фет упоминает в «Моих воспоминаниях»: «Потому ли, что я стал окружен литературной атмосферой или уж очень скучал в моем одиноком номере гостиницы, — заехавший ко мне Иван Сергеевич застал меня с карандашом в руке. Я только что окончил стихотворение: „Днепр в половодье“». И далее приводит чрезвычайно высокую оценку этого стихотворения, данную Тургеневым: «Я боялся, что талант ваш иссяк, но его жила еще могуче бьет в вас. Пишите и пишите!».[15] Это позволяет предположить, что стихотворение было написано между 13 и 17 декабря. Примечательно, что оба названных Дружининым произведения были опубликованы уже в следующем номере «Современника» (1854. Т. 43. № 1) под заглавиями «На Днепре в половодье» («Светало. Ветер гнул упругое стекло…»), с посвящением А. Я. Панаевой, и «К Лидии» («Доколе милым я тебе еще казался…»), перевод оды IX из третьей книги «Од» Горация.

Несмотря на то, что Фет, по собственному признанию, к тому времени «давно уже не писал стихов» и их запас «оказался ничтожен», в скором времени Некрасов пригласил его, «по совету самого Тургенева», как отмечает поэт, «в исключительные сотрудники „Современника“ с гонораром 25-ти рублей за каждое стихотворение».[16] Соответствующее сообщение редакции о том, что журнал заручился постоянным сотрудничеством Фета, появилось уже в январском номере «Современника» за 1854 год. Там же был анонсирован скорый выход в свет его перевода поэмы Гёте «Герман и Доротея» и переводов из Горация.[17] Помимо

рить и говорить ерунду! В один из прошлых разов он объявил, что готов, командуя брандером, поджечь всю Англию и с радостью погибнуть!» (Там же; запись за 18 декабря 1853 г.). Примечательно, что в схожем ключе он воспринял и вернувшегося из ссылки Тургенева, как одного «из тех членов старой плеяды, которые когда-то остановились на Ж. Санде, художественности, Париже и русском помещике-звере и с тех пор не двигаются далее» (Там же. С. 243–254; запись за 14 декабря). Позднее отношение Дружинина и к Фету, и к Тургеневу претерпело существенные изменения.

[15] *МВ*. Ч. 1. С. 36.

[16] Там же. С. 35–35.

[17] «Лучшая литературная новость, которую мы можем на этот раз сообщить нашим читателям, — сообщал анонимный рецензент, — также связана с именем г. Фета. Он перевел и приготавливает к печатанию оды Горация. Мы слышали бóльшую часть их и, сознаемся, до сей поры не можем выйти из-под влияния этой роскошной, обаятельной поэзии, этого музыкального и сильного стиха, соединяющего с легкостью, изяществом, плавностью строгую верность подлиннику. Надо быть самому поэтом, чтоб так переводить Горация. Мы ждем этой книги с большим

уже упомянутых стихотворений, в этом номере были опубликованы еще два: «Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад…» и «Растут, растут причудливые тени…», а в следующей, февральской, книжке появилась целая подборка из 10 стихотворений.

«Дневник» Дружинина представляет уникальный источник для воссоздания круга общения и биографии поэта на протяжении зимы 1853/1854 года. Только в декабре 1853 года Дружинин встречался с Фетом, по меньшей мере, еще четыре раза. Так, за встречей у Панаевых 17 декабря последовала следующая — 20 декабря (здесь же были С. М. Воробьев, братья А. А. и К. А. Панаевы, Е. Я. Краевская), 26-го — Фет навестил Дружинина вместе со своим сослуживцем И. П. Щербатским (здесь же он мог видеть А. Л. Трефорта, В. Н. Семевского, В. П. Гаевского и М. Л. Михайлова), 28-го — встретился у Щербатского с Дружининым и Трефортом и обедал с ними затем у Дюссо, а 31-го — был на вечере у М. Л. Михайлова, где, помимо Дружинина, виделся также с Григоровичем и профессором Н. Н. Буличем.[18] Кроме того, Дружинин и Фет могли видеться на вечере у А. В. Никитенко, который состоялся, по всей видимости, 18 декабря и на котором Фет читал свой перевод Горация. «Это капитальнейший труд нескольких лет и действительно ценный вклад в нашу литературу», — записал в своем «Дневнике» несколько дней спустя Никитенко.[19]

Не менее частыми были встречи Дружинина с Фетом в январе и начале февраля 1854 года. Достаточно сказать, что 1 января Фет и Дружинин обедали у Тургенева в обществе Григоровича, А. Ф. Видерта и Г. С. Лаврова, а 3 января вновь встретились у Панаева, где собрались Тургенев, Григорович, Н. А. Краснокутский, С. М. Воробьев, А. Я. Брянский, В. П. Гаевский и А. А. Потехин. Тогда же, как следует из «Дневника» Дружинина, «Фет прочел свою вещь „Пчелы“, какую-то грезу в майский день при виде пчел, вползающих в цветы. Никогда сладостное влияние весны не было передано лучше, стихотворение всех нас обворожило. Затем Тургенев прочел мне многие мне неизвестные вещи Фета».[20] Неудивительно, что вскоре этим стихотворением смогли на-

---

нетерпением и предсказываем публике одно из таких литературных наслаждений, которые ей приводится испытывать весьма редко» (Литературные новости // Современник. 1854. Т. 43. № 1. Отд. V (Современные заметки). С. 103).

[18] *Дружинин. Дневник.* С. 257, 259, 260, 263.

[19] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. / Подготовка текста, вступит. статья и примеч. И. Я. Айзенштока. Л., 1955. Т. 1. С. 377. О «Никитенкином вечере» упоминает и Дружинин (см.: *Дружинин. Дневник.* С. 257).

[20] *Дружинин. Дневник.* С. 265.

слаждаться уже все читателя «Современника».[21] Как вспоминал впоследствии сам Фет, «обеды у Панаева и Тургенева повторялись с обычным шумом и веселостью, не без примеси весьма крупной аттической соли и некоторого злорадства со стороны всегда мягкого и любезного Тургенева».[22]

Возвращаясь к вопросу о времени знакомства Фета с Краевским, отметим, что, судя по воспоминаниям Фета, оно состоялось уже после заключения «исключительного» соглашения с Некрасовым. «После первых слов привета, — вспоминал Фет, — Андрей Александрович стал просить у меня стихов для „Отечеств<енных> записок“, в которых я еще во времена Белинского печатал свои стихотворения». И добавлял далее: «Он порицал уловку Некрасова, заманившего меня в постоянное сотрудничество. — Это уже какая-то лавочка в литературе, говорил он».[23] Если принять свидетельство Фета за отправную точку, то речь, скорее всего, идет о встрече на одном из «четвергов» Краевского, состоявшихся после 9 января 1854 года — даты выхода в свет январской книжки «Современника», из которой Краевский мог узнать о договоре поэта с Некрасовым.

По воспоминаниям А. Н. Пыпина, «у Краевского собиралось по четвергам довольно многолюдное литературное и артистическое общество, очень разнообразное — тут были всего больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; в те годы Краевский был одним из самых видных, как бы „представителей печати“».[24] В качестве возможной даты можно назвать 14 января, ближайший к 9 января четверг. В пользу этого предположения говорит и запись в «Дневнике» Дружинина, побывавшего в этот день у Краевского и заставшего там и Тургенева, и Фета.[25] Неслучайно, перечисляя присутствовавших на ве-

---

[21] Стихотворение «Пчелы» («Пропаду от тоски я и лени…») было опубликовано в февральской книжке журнала за 1854 г.

[22] *МВ*. Ч. 1. С. 39.

[23] Там же. С. 37.

[24] См.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников / Вступит. статья Г. В. Краснова; подготовка текста и примеч. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., 1971. С. 115 (Серия лит. мемуаров). Интересно, что Пыпин подчеркивает разительное отличие «журфиксов» Краевского, на которых «могла собираться многолюдная и случайно соединявшаяся толпа», от кружка «Современника», где сходился только «определенный, ближайший кружок, который обыкновенно и соединялся в одном общем разговоре…» (Там же. С. 115–116).

[25] «Я очень рад, — записал Дружинин в дневнике 15 января, — что вчера вечером съездил к Краевскому на его четверг. Публики было не очень много, но все

чере гостей, он ставит их имена рядом. В этот день, возможно, и состоялся упомянутый в «Моих воспоминаниях» разговор с Краевским и Фет получил предложение возобновить сотрудничество в его журнале.

И все же ряд обстоятельств заставляет усомниться в справедливости предположения, что именно эта встреча положила начало их знакомству. Прежде всего обращает на себя внимание второе из публикуемых ниже писем, датированное 15 февраля 1855 года, в котором, поздравляя Краевского с прошедшим Новым годом, Фет вспоминает «старый, приятно встреченный» на квартире у издателя «Отечественных записок». Вряд ли поэт здесь имеет в виду свое посещение квартиры Краевского 14 января. Очевидно, речь идет о другой, более ранней, встрече, которая имела место в конце декабря 1853 года. Основываясь на «Дневнике» Дружинина, можно назвать две возможные даты — 24 и 31 декабря. О приглашении на «фестен», или «елку», у Краевского, намеченный на четверг, 24-е, Дружинин упоминает несколько раз. Сам он по ряду причин приглашением не воспользовался и провел вечер дома, но записал, вероятно, со слов очевидцев: «…у Краевского пылала елка, пела m-me Лагранж, Григорович и К° увеселяли публику».[26] Логично предположить, что среди посетителей этого «фестена» могли быть и Тургенев с Фетом. Еще более правдоподобной кажется вторая дата — 31 декабря, также выпавшее на четверг: на этот день у Краевского был назначен бал в честь Нового года, продолжавшийся до самого утра.[27] По всей видимости, именно это празднество с танцами до 4 утра и вспоминал Фет год спустя в своем письме.

Вместе с тем само знакомство с Краевским могло состояться и ранее, в период между 10 и 24 декабря. Несмотря на ряд отмеченных неточностей в воспоминаниях Фета, вряд ли стоит подвергать сомнению тот факт, что с Краевским его свел Тургенев. Таким образом, первый визит к Краевскому состоялся после возвращения Тургенева в Петербург, но не в январе 1854, как было принято считать, а во второй половине декабря 1853 года.[28] Несомненно, Краевский был заинтересован

большей частью люди, которых приятно видеть. Фет, Тургенев, Гаевский, Михайлов (с которым мы и прибыли), Дудышкин, Корш, Левицкий с женой и давно не виданный В. Зотов с супругой. Были еще лица менее знакомые, между прочим московский мудрец Грановский с женой» (*Дружинин. Дневник.* С. 268).

[26] *Дружинин. Дневник*. С. 259.

[27] Там же. С. 261–263.

[28] См., напр.: *Летопись.* С. 302, где знакомство относится к периоду с 3 по 28 января. Эта же дата зафиксирована: *Фет. ССиП.* Т. 3. С. 362.

в появлении произведений Фета на страницах своего журнала и постарался привлечь его к сотрудничеству, о чем сам поэт рассказал в «Моих воспоминаниях», упомянув о том, что возобновившееся вскоре сотрудничество в «Отечественных записках» значительно охладило его отношения с Н. А. Некрасовым. В свою очередь Краевский, как следует из первого публикуемого письма от 25 мая 1854 года, предложил Фету бесплатный годичный абонемент на свой журнал. а также немеревался поместить в нем полный перевод «Од» Горация.

Нельзя также обойти вниманием тот факт, что сотрудничество Фета в «Отечественных записках» началось задолго до 1853 года. Об этом поэт напомнил во втором из публикуемых писем к Краевскому, а также рассказал впоследствии в «Моих воспоминаниях», однако с Краевским, как следует из них, он тогда знаком не был.

Как справедливо отметил Б. Я. Бухштаб, еще до появления в печати своего первого поэтического сборника «Лирический Пантеон», вышедшего в Москве в ноябре 1840 года за подписью «А. Ф.», «Фет настойчиво старался завязать связи с журналами, но терпел неудачи».[29] Известно, что с этой целью он обращался, например, в журналы «Сын Отечества» и «Библиотека для чтения». Тогда же, по всей видимости, Фет попытался поместить свои стихотворения и в «Отечественных записках» Краевского, к которому обратился с соответствующей просьбой, вероятно, в конце 1839 или в начале 1840 года (письмо не сохранилось). Неизвестно, какие именно стихотворения Фет послал на суд Краевского (без сомнения, среди них были и те, которые составили в скором времени «Лирический Пантеон») и как отнесся к ним издатель «Отечественных записок». Так или иначе, стихотворения на тот момент никому неизвестного поэта его, по всей видимости, не заинтересовали. Об этом косвенно свидетельствует письмо Фета к И. И. Введенскому, в котором взволнованный молодой поэт, с нетерпением ожидавший откликов на свой дебют в печати, выражал тревогу в связи с возможным появлением отрицательного отзыва со стороны «Отечественных записок», опасаясь прежде всего Белинского. «Не скрою и того, — писал он в конце ноября 1840 года, после выхода в свет «Лирического Пантеона», — что очень побаиваюсь „Отечествен<ых> записок“, сиречь Белинского, потому что в нем литературной совести ни на грош. Пожалуй, чего доброго, разбирая мой „Пантеон“, вздумает выставить мое письмо к Краевскому и похвастать, что не принял. Но это будет личность, за которую

[29] *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни творчества. Л., 1990. 2-е изд. С. 20. Далее сокращенно: *Бухштаб. Очерк*, с указанием страницы.

он со мной добром не разделается. <…> Благодаря Бога, теперь мечты о литературной деятельности проникли и заняли все мое существо, иначе бы мне пришло худо».[30]

Однако этим опасениям не суждено было сбыться. Напротив, неожиданно для Фета в декабрьской книжке «Отечественных записок» появилась анонимная положительная рецензия на «Лирический Пантеон», принадлежавшая, правда, не Белинскому, а П. Н. Кудрявцеву, в которой, несмотря на ряд подмеченных недостатков, была дана в целом высокая оценка таланта начинающего поэта.[31] Отметив в качестве достоинств «кроткое спокойствие», «благородную простоту», «изобразительность», «особенную ловкость, оборотливость и даже грацию в стихе», Кудрявцев заключал: «…г. А. Ф. целою головою выше наших дюжинных стиходелателей».[32]

Долгожданное признание, тем более со стороны «Отечественных записок», несомненно, вдохновило поэта на дальнейшее творчество. Вспоминая об этом эпизоде своей жизни, сам Фет впоследствии писал: «„Лирический Пантеон“, появясь в свет, отчасти достиг цели. Доставив мне удовольствие увидать себя в печати, а барону Брамбеусу поскалить зубы над новичком, сборник этот заслужил одобрительный отзыв „Отечественных записок“».[33] Что касается Белинского, то стихотворения начинающего поэта и его не оставили равнодушным. Ознакомившись с рецензией Кудрявцева, он нашел ее очень хорошей, но одновременно посетовал в письме к В. П. Боткину от 26 декабря: «…только он уж чересчур скуп на похвалы — о строгий критик! А г. Ф. много обещает».[34]

---

[30] *ИРЛИ.* Ф. 93. Оп. 3. № 1315. Л. 8 об. Впервые опубликовано: *Блок Г. П.* Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 80. С. 61.

[31] *ОЗ.* 1840. Т. 13. № 12. Отд. VI (Библиографическая хроника). С. 40–42. Отметим, что, вопреки опасениям Фета, с разгромной рецензией на «Лирический Пантеон» выступил не Белинский, а О. И. Сенковский (барон Брамбеус) в «Библиотеке для чтения» (*БдЧ.* 1841. Т. 44. Отд. VI (Литературная летопись). С. 1–4).

[32] *ОЗ.* 1840. Т. 13. № 12. Отд. VI. С. 42. Завершая свою рецензию, Кудрявцев писал: «Впрочем, что бы это ни было — дарование ли, воспитанное под сильным влиянием неумирающих авторитетов, или просто верный такт, верное чувство природы — да живет оно!.. Мы с своей стороны радостно приветствуем его первое вступление в свет и желаем только одного — чтоб оно продолжало свое воспитание под вдохновительным влиянием той благотворной музы, которая так приветливо улыбнулась ему при самом рождении» (Там же).

[33] *РГ.* С. 180.

[34] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 11. С. 584.

Между тем с образованием в 1841 году «Москвитянина», составившего конкуренцию «Отечественным запискам», стихотворения Фета стали регулярно появляться на страницах этого журнала, в первую очередь благодаря содействию профессора С. П. Шевырева, который, как отмечает современная исследовательница, вскоре «начал активно содействовать созданию его литературного имени, подвигая в печать его стихи».[35] Начиная с первой публикации, состоявшейся в декабрьской книжке журнала, буквально за год в «Москвитянине» было напечатано около 50 поэтических произведений Фета. Среди них были, например, поэтические циклы: «Снега» — в январской книжке, «Гадания» — в мартовской и др., которые сразу же привлекли внимание читателей и немало способствовали первому литературному успеху, открыв двери, по образному выражению Фета, «в так называемые интеллигентные дома» Москвы.[36] Как отмечал впоследствии сам поэт, некоторые стихотворения, которые в эту пору рождались из-под его пера чуть ли не ежедневно, «ходили по рукам».[37] В московском доме Шевырева Фет впервые встретился с молодым И. С. Тургеневым, который незадолго до этого дебютировал в «Отечественных записках» с поэмой «Старый помещик».[38] Эта встреча, как было установлено Н. П. Генераловой, состоялась в конце 1841 — первых месяцах 1842 года (до 26 марта).[39] «Таким образом, — заключает исследовательница, — уже в начале 40-х годов Фет, если и не успел поближе познакомиться с Тургеневым, то хорошо знал его произведения, появившиеся к тому времени в печати, и слышал о нем от Я. Полонского, Н. М. Орлова, В. П. Боткина и многих других людей, близких к кругу Московского университета эпохи Грановского, Шевырева и других известных профессоров».[40]

---

[35] См.: Письма к С. П. Шевыреву (1842–1848) / Предисловие, публ. и коммент. Т. Г. Динесман // *ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 58.

[36] *РГ.* С. 205.

[37] Там же. С. 204.

[38] См.: *ОЗ.* 1841. Т. 18. № 9. Отд. III (Словесность). С. 57–58, подпись: Т. Л.

[39] *Генералова Н. П.* Тургенев: Россия и Европа. С. 361–369.

[40] Там же. С. 369. Добавим к этому, что с начала сотрудничества Фета в «Отечественных записках» на протяжении 1843–1844 гг. стихотворения Фета и Тургенева неизменно печатались в одних и тех же книжках журнала. Так, в № 8 были опубликованы 2 стихотворения Фета и одно Тургенева, причем «Ах, дитя — к тебе привязан…» Фета соседствовало с «Цветком» («Тебе случалось — в роще темной…») Тургенева, в № 9 — по одному стихотворению Тургенева и Фета, в № 11 — 2 стихотворения Фета и 3 Тургенева, и снова рядом и т. д. Не случайно, в обзоре «Русская литература в 1843 году» Белинский ставит рядом имена Фета и Тургенева:

Несомненно, за становлением и развитием яркого поэтического дарования, продолжавшего скрываться за криптонимом «А. Ф.», с большим интересом следила и редакция «Отечественных записок». В скором времени при посредстве Н. А. Ратынского, однокурсника Ап. Григорьева, подрабатывавшего уроками в семье Боткиных, состоялось знакомство Фета с В. П. Боткиным. По всей видимости, их первая встреча произошла в марте 1842 года. Об обстоятельствах знакомства, инициатором которого выступил Боткин, Фет рассказал в «Ранних годах моей жизни»: «Однажды Ратынский, пришедши к нам, заявил, что критик „Отечественных записок“ Васил<ий> Петров<ич> Боткин желает со мной познакомиться и просил его, Ратынского, привести меня».[41] Молодые люди быстро сблизились, и Фет стал часто бывать у Боткина, во флигеле дома на Маросейке, где познакомился с А. И. Герценом, к тому времени уже поместившим в «Отечественных записках» несколько своих работ.

Именно Боткин привлек Фета к сотрудничеству в «Отечественных записках»[42] и выступил инициатором его заочного знакомства с Краевским. Вот что он писал Белинскому 27 марта 1842 года: «Посылаю для „Отеч<ественных> запис<ок>“ стихи того самого А. Ф., который прошлого года издал „Лирический Пантеон“. Кудрявцев об нем писал — а ты возрадовался и досадовал, что Кудрявцев мало похвалил его. Мне хотелось познакомиться с сим юношей, имя коего А. Фет; хотелось и узнать его, да и вытребовать у него стихов для „От<ечественных> запис<ок>“».[43] Как следует из того же письма, старания Боткина увенча-

---

«Стихотворения нынче мало читаются, но журналы, по уважению к преданию, почитают за необходимое сдабриваться стихотворными продуктами, которых поэтому появляется еще довольно много. Из них можно указать в особенности на довольно многочисленные стихотворения г. Фета, между которыми встречаются истинно поэтические, и на стихотворения Т. Л. (автора „Параши“), всегда отличающиеся оригинальностью мысли» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 84).

[41] *РГ.* С. 205.

[42] Роль Боткина не раз отмечалась в литературе о Фете. Впервые на это, как кажется, указал Г. П. Блок: *Летопись.* С. 289. «Боткин же, — пишет, например, Ю. П. Благоволина, — был тем человеком, который вывел молодого поэта в „большую журналистику“, сделав его желанным автором не только сравнительно малотиражного „Москвитянина“, но и одного из самых популярных и широко читаемых в России журналов — „Отечественных записок“» (*Переписка с Боткиным.* С. 156).

[43] Цит. по: *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., вступит. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984. С. 250 (Б-ка русской критики).

лись успехом — для следующего номера журнала ему удалось заполучить цикл «Вечера и ночи», который был опубликован в майской книжке за подписью «А. Ф.».[44] «Я очень рад, — замечал в этой связи Боткин, — что достал стихов от А. Ф. Он человек с дарованием. Как же можно, чтоб человек с дарованием не поставил своего имени на „Отеч<ественных> запис<ках>“?». Примечательно, что Фет настаивал на публикации всего цикла целиком, а не разрозненными стихотворениями. В «Вечерах и ночах», добавлял далее Боткин, «много милого и грациозного[45] — но лучше еще мне нравится маленькое стихотворение, его же — оно в духе Гейне и сильно хватает за душу. Его тоже следует напечатать, нужды нет, хотя в майской книжке — это на волю Андрея Александровича <…>».[46]

Комментируя этот фрагмент письма, Б. Ф. Егоров указывает, что речь идет о переводе Фета стихотворения Гейне «Посейдон» («Солнце лучами играло…»), опубликованном в декабрьской книжке.[47] Довольно сложно согласиться с выводом исследователя, поскольку стихотворение из 51 стихов едва ли можно назвать «маленьким». Скорее тогда стихотворение, столь понравившееся Боткину, следует искать в следующей — июньской — книжке журнала, где появились сразу два перевода Фета из Гейне: «Ланиту к ланите моей приложи…» и «Дитя! мои песни далеко…», причем первое из них действительно можно назвать маленьким. Возможно также, что Боткин имел в виду оригинальное стихотворение Фета «в духе Гейне», которое появилось в «Отечественных записках» позднее или так и осталось в редакторском портфеле (что ма-

---

[44] *ОЗ.* 1842. Т. 22. № 5. Отд. I (Словесность). С. 183–186.

[45] Впоследствии в рецензии на сборник стихотворений 1856 г. Боткин выскажется об этом цикле (правда, к тому времени дополненном рядом новых стихотворений) более обстоятельно: «Отдел в книжке г. Фета под названием „Вечера и ночи“ заключает в себе несколько самых привлекательных, самых мелодических картин ночи. Картин — сказали мы, — но это слово не выражает нашу мысль, — в них чувствуются те глубокие, немые ощущения, которые пробуждает в душе нашей лунная ночь, чувствуется то, что, будучи незнаемо и недумаемо человеком, бродит ночью по таинственному лабиринту груди его. <…> Видно, что каждое из стихотворений этих действительно пережито, а это лучше всего доказывает, что каждая мелодия не выдумывалась, а невольно выливалась из глубоко возбужденного чувства и что в нем одном заключался основной мотив ее. Г. Фет прежде всего поэт ощущений: вот почему так трудно объяснить поэтические достоинства его» (*Боткин В. П.* Литературная критика. С. 227).

[46] Цит. по: *Боткин В. П.* Литературная критика. С. 250.

[47] См.: Там же. С. 301.

ловероятно), как это произошло, например, со стихотворением «Но он на крик не отвечал…».[48]

Текст этого стихотворения сохранился в письме Боткина к Краевскому от 11 марта 1843 года и был впервые обнародован лишь в 1893 году, когда бумаги Краевского поступили в Публичную библиотеку. «Фет написал стихи к знакомой нам с вами Блуднице, — сообщал в нем Боткин, — за которую я каждый день все говорю вам спасибо. Да стихи-то неудачны», — и далее был переписан текст стихотворения.[49] После 1893 года впервые это стихотворение было перепечатано Б. В. Никольским, который дал ему название «Блудница» и несколько изменил пунктуацию, добавив восклицательный знак в конце последней строфы.[50] С тем же названием стихотворение было напечатано и Б. Я. Бухштабом в 1937 и 1959 годах, а также в выходящем ныне Собрании сочинений и писем поэта в 20 томах.[51] Интересно отметить, что во втором издании Бухштаб расширил комментарий к этому стихотворению, справедливо указав, что его сюжетная основа «связана с евангельским преданием о прощении Христом женщины, которую хотели побить камнями, так как она была уличена в блуде».[52] «В основе стихотворения евангельский сюжет о Христе и грешнице», — отмечают и комментаторы выходящего ныне Собрания сочинений и писем поэта в 20 томах.[53] Необходимо, однако, внести одно небольшое уточнение: стихотворение Фета, как следует из писем Боткина к Краевскому, было написано под впечатлением от *картины*, которую Краевский переслал Боткину в конце 1842 года.[54]

---

[48] Любопытно, что, вспоминая об этом периоде в «Ранних годах моей жизни», сам Фет признает сильное увлечение поэзией Гейне и отмечает, что увлечение это было повсеместным: «Но никто в свою очередь не овладевал мною так сильно, как Гейне своею манерой говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине, например, плачущей дочери покойного лесничего и свернувшейся у ног ее собаки. Гейне в ту пору завоевал все симпатии <…>» (*РГ.* С. 209).

[49] См.: *Бумаги Краевского.* С. 63–64.

[50] *ПССт 1901.* Т. 2. С. 548.

[51] См.: *ПССт 1937.* С. 328–329; *ПССт 1959.* С. 420; *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 335.

[52] *ПССт 1959.* С. 795.

[53] *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 492.

[54] «О „Блуднице“ же справлялся в конторе транспортов, — сообщал Боткин Краевскому 29 декабря, — нет. Если это та же картина, на которую я не мог насмотреться у вас, то заранее кланяюсь вам всеми моими пятью чувствами. Но где же она могла деться?» (*Бумаги Краевского.* С. 53).

Вообще же письма Боткина к Краевскому красноречиво свидетельствуют о большом интересе и участии, которые Боткин проявлял по отношению к молодому поэту. Так, в том же письме от 11 марта 1843 года, где было переписано стихотворение «Но он на крик не отвечал…», Боткин упоминает, что накануне выслал Краевскому еще несколько стихотворений Фета, и добавляет: «…его „Колыбельная песнь“ вам верно понравится. Чудесная!».[55] Несомненно, речь идет о стихотворении «Колыбельная песня» («Сердце-незабудка!..»), которое было опубликовано гораздо позже, в январской книжке за 1844 год, и открывало раздел «Словесность». Это стихотворение, как известно, было особо отмечено Белинским в обзоре «Русская литература в 1844 году», наравне со стихотворениями Лермонтова.[56] О том, насколько высоко Боткин ставил поэзию Фета, свидетельствует его письмо к Краевскому от 20 мая 1843 года. «Кажется, у вас теперь стихов довольно, — писал он в нем. — Впрочем, не будьте на них тароваты. Огар<ев> стихов не присылает: говорит, что не пишутся. Теперь одна надежда на Фета».[57]

Письма Боткина позволяют также дополнить историю публикации в «Отечественных записках» выполненного Фетом перевода драматической поэмы Шиллера «Семела». Посылая Краевскому перевод 26 апреля 1843 года, Боткин аттестовал его как «во всех отношениях превосходный» и сообщал о просьбе Фета «отпечатать для него отдельно» 25 экземпляров поэмы.[58] По всей видимости, на первых порах никакого отклика со стороны Краевского не последовало, потому что 20 мая Боткин вновь интересовался: «Я вам послал „Семелу“, пер<евод> Фета; получили?».[59] В последующих письмах он еще не раз возвращался к этому вопросу, однако «Семела» увидела свет только в июле следующего года.

Завершая цитировавшееся выше письмо к Белинскому, написанное по следам знакомства с Фетом, Боткин с долей ехидства сообщал: «У него (Фета. — *В. Л.*) Шевырка все берет стихи для „Москвитянина“ — да я теперь буду лучшие-то брать прежде Шевырки».[60] Свое обещание он выполнил. На протяжении 1842 года в «Отечественных записках» были напечатаны 15 стихотворений Фета, причем в декабрь-

[55] Там же. С. 64.
[56] См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 485.
[57] *Бумаги Краевского.* С. 71.
[58] Там же. С. 67–68.
[59] Там же. С. 71.
[60] *Боткин В. П.* Литературная критика. С. 250.

ской книжке Фет впервые подписался полным именем, в 1843 — 13, в 1844 — 7 стихотворений, поэма «Семела» и 4 перевода из Горация, в 1845 — 7 (в общей сложности 32 произведения). В дальнейшем стихотворения поэта на страницах «Отечественных записок» стали появляться реже: в 1846 — 2, в 1847 — 1, после чего сотрудничество Фета в журнале временно прекратилось. Столь резкая перемена была вызвана изменением вкуса публики и общим упадком интереса к поэзии, который, как отмечает Бухштаб, «как нельзя ярче сказался на судьбе стихов Фета».[61] Достаточно взглянуть на отдел «Словесность» за эти годы, чтобы убедиться, что на какое-то время поэзия со страниц журнала оказалась практически вытесненной.

Безусловно, история взаимоотношений Фета с Краевским и с «Отечественными записками» не исчерпывается публикуемыми письмами и заслуживает дальнейшего изучения.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей *РНБ*: Ф. 391. № 786, с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

1

25 мая 1854 г. Ревель

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Почти полгода странствую я с тех пор, как простился с Вами, и в настоящую минуту решительно не знаю, что вообще делается в Петербурге. Как, например, поживает мой Гораций.[1] После 1-го мая, к которому Тургенев обещал вернуться в Питер, я писал к нему два раза и ни строчки в ответ.[2] Вас же я, собственно, решился беспокоить по поводу «От<ечественных> запис<ок>». Я, если припомните, получил из Ваших рук 2 первых N, т. е. январь и февраль, а дальнейшие напрасно ожидаю с каждой почтой. В Писании сказано: «и всяк дар совершен»,[3] поэтому и Вы довершите прекрасный дар свой присылкой остальных NN.

Милостивой государыне Елисавете Яковлевне[4] прошу передать мой усерднейший поклон. Но, вероятно, она, согласно намерения, переехала уже в деревню и мой поклон до нее не дойдет. До сих пор лето у нас так холодно, что в конце мая мы без зазрения совести топим печи.

---

[61] *Бухштаб. Очерк.* С. 24.

С истинным почтением имею честь быть Вашим, милостивый государь,

покорнейшим слугой
А. Фет.

Мая 25 дня.

Мой адрес: Аф<анасию> Афа<насьевичу> Фету,
л<ейб> г<вардии> Уланского его высочества
цесаревича полка
поручику
в г. Ревель.

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 5–6.

Год написания письма устанавливается по содержанию: полк, в котором служил Фет, выступил в поход в феврале 1854 г. и был расквартирован в Ревеле.

[1] «Однажды, — вспоминал сам Фет, — когда мы кончили пересмотр Горациевых од, Тургенев объявил мне, что Краевский просит их для „Отечеств<енных> записок“ и, кроме пятисот экземпляров отдельных оттисков, предлагает за них тысячу рублей. В то время эта сумма показалась мне огромна, и я согласился» (*МВ*. Ч. 1. С. 37). По всей видимости, этот разговор состоялся в январе — феврале 1854 г. О публикации полного перевода Фета «Од» Горация в «Отечественных записках» см. также письмо 2, примеч. 7.

[2] Эти письма Фета к Тургеневу неизвестны. Вопреки ожиданиям, Тургенев вернулся в Петербург из Спасского после 20 мая 1854 г.

[3] Фет имеет в виду Соборное послание апостола Иакова: «Не льститеся, братие моя возлюбленная; всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть <…>» (Иак. 1: 16–17). Беспокойство Фета по поводу получения очередных номеров журнала было вызвано отчасти и тем, что в мартовской книжке появился его рассказ «Каленик» (*ОЗ*. 1854. Т. 93. № 3. С. 3–16).

[4] О Е. Я. Краевской см. письмо 2, примеч. 1.

2

15 февраля 1855 г. Куйкац

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Начну с того, что поздравлю Вас и Елисавету Яковлевну[1] с Новым годом, припоминая старый, приятно встреченный у Вас в зале, маленько<й> гостиной, кабинете, бильярдной и проч.[2] Вы забыли, но я очень

хорошо помню, что при первых попытках появиться в печати («От<ечественные> за<писки>» сороковых год<ов>) я, будучи москов<ским> студент<ом>, получил от Вас даровой экземпляр журнала, как говорится, honoris causa.[a, 3] Только на этом основании в прошедшем году я так смело выпросил у Вас то же самое,[4] но после подумал — Бог знает, что подумал! Я не даю даром своих грехов[5] — я в своем праве. — Вы можете не давать даром журнала по такому же, если не по большему праву, — писать стихи — ничего не стоит, а издавать журнал стоит много. Поэтому крайне обяжете меня, если при расчете выключите цену годового издания из следующих мне денег. Но, во всяком случае, получив вчера в г. Валке из почтов<ой> конторы вовсе неожиданный янв<арский> № «От<ечественных> зап<исок>», я с особенным удовольствием спешу на первом попавшемся листке поблагодарить Вас за любезную внимательность.[6] Не знаете ли Вы, не слыхали ли — что делается с Тургеневым, с Горацием,[7] с моим рассказом?[8] Жду каждую почту напрасно разрешения этих загадок. Но вотще… Весной мы снова, слышно, подвигаемся к Питеру — кажется, между Нарвой и Ревелем будем караулить англичан. По крайней мере так я слышал от адъют<анта> его высочества, бывшего третьего дни у нас на полко<вом> праздни<ке>. Здесь в зимнее время можно разорваться от скуки.

Примите, милостивый государь, уверение в совершен<ном> почтении и предан<ности>, с которыми имею честь быть

Вашим покорнейшим слу<гой>

А. Фет.

15 февраля.

Мой адрес до 27 марта:

Поручику л<ейб> г<вардии> Уланск<ого> его высочества полка Фету Лифл<яндской> губер<нии> Дерптского уезда на станцию *Куйкац*.[9]

Признаюсь, досадно мне было видеть второй куплет в «Notturno»[10] выпущенным. «О скоро ли младенческая речь?..» Без него чего-то недостает — неполно. Неужели цензура не пропустила? Непонятно и невероятно! По-моему, вырвать этот куплет из эт<ого> стих<отворения> то же, что у человека вырвать сердце и пустить по свету.[11]

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 2–3. Год написания письма устанавливается по содержанию.

---

[a] за заслуги (*лат.*).

[1] *Краевская Елизавета Яковлевна* (урожд. Брянская; 1818–1893) — жена А. А. Краевского, сестра Анны Я. Краевской (1817–1842) и Авдотьи Я. Панаевой (во втор. бр. Головачевой; 1820–1893).

[2] О датировке этого вечера см. во вступит. статье.

[3] «Фет поручил мне попросить у вас экземпляра „От<ечественных> запис<ок>“, — писал Боткин Краевскому 1 февраля 1843 г., — что я сим и выполняю, тем более, что он человек небогатый» (*Бумаги Краевского.* С. 60). С начала 1843 г. стихотворения Фета регулярно печатались в «Отечественных записках» (№ 1, 2, 4, 6, 7, 8, 9, 11).

[4] Очевидно, Фет просил у Краевского номер журнала, в котором был опубликован его рассказ «Каленик»: *ОЗ.* 1854. Т. 93. № 3. Отд. I (Словесность). С. 13–16. См. также письмо 1.

[5] «Грехами» Фет называет свои стихи, ср. в письме к Некрасову от 25 декабря 1855 г.: «Новые стихи <…> перешлю на рецензию Тургеневу. Но мне, наконец, совестно обременять его. Я его и так замучил возней с моими стихами. Недаром стихи и грехи — рифма» (цит. по: Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. / Сост. и коммент. В. А. Викторовича, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова. М., 1987. Т. 1. С. 522–523).

[6] В первом номере «Отечественных записок» было опубликовано стихотворение Фета «Nocturno» («Последний звук умолк в лесу густом…») (*ОЗ.* 1855. Т. 98. № 1. Отд. I (Словесность). С. 156; подпись: А. Фет). См. о нем также постскриптум к наст. письму, а также примеч. 10 и 11.

[7] Работу над переводами од Горация Фет начал, будучи студентом, в 1839 г. и в дальнейшем на протяжении многих лет неизменно к ней возвращался. Первые переводы были опубликованы уже в «Лирическом Пантеоне», затем появлялись в «Москвитянине» и в «Отечественных записках». После встречи в 1853 г. с Тургеневым, чрезвычайно высоко оценившим фетовские переводы из Горация и взявшимся напечатать перевод «на свой счет», поэт с воодушевлением принимается за полный перевод четырех книг од. По собственному признанию, практически за месяц он «перевел две последние книги од, тогда как перевод первых двух тянулся в продолжение пятнадцати лет» (*МВ.* Ч. 1. С. 27). Об истории перевода од Горация см.: *Фет. ССиП.* Т. 2. С. 551–555. Еще в феврале 1854 г. Тургенев сообщал С. Т. Аксакову, что «помог Фету окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация» (*Тургенев. Письма.* Т. 2. С. 285), однако его выход в свет задержался на два года.

Изначально, по-видимому, перевод планировалось поместить в «Современнике». Его скорое появление анонсировалось в январской книжке журнала за 1854 г. Об этом свидетельствует и письмо Фета к Некрасову от 27 июня 1854 г., в котором он сообщал: «Гораций в совершенной зависимости у Тургенева — и слава богу» (цит. по: Переписка Н. А. Некрасова. Т. 1. С. 520). Однако в «Современнике» перевод так и не появился. Впервые «Оды» Горация в переводе Фета были напечатаны в «Отечественных записках» в 1856 г. (№ 1, 3, 5, 6, 7) и тогда же вышли отдельной книгой.

Незадолго до публикуемого письма (11 февраля) Тургенев сообщал К. Н. Леонтьеву: «…собираюсь издавать Фетова *Горация*» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 15).

[8] Фет интересуется судьбой своей повести «Дядюшка и двоюродный братец», которая была передана в редакцию «Отечественных записок», как следует из его

следующего письма к Краевскому, Тургеневым. Повесть была напечатана в октябрьской книжке журнала: *ОЗ.* 1855. Т. 102. № 10. Отд. I (Словесность). С. 171–238.

[9] После объявления манифеста о войне с Англией и Францией в феврале 1854 г. полк, в котором служил Фет, был отправлен для охраны Балтийского побережья от возможного английского десанта и первоначально располагался в Ревеле. После отхода иностранной эскадры из Балтийского моря войска передвигались внутрь страны и Фет с полковым штабом оказался в г. Валке Дерптского уезда Лифляндской губернии (ныне г. Валка, через центр этого города проходит граница между Эстонией и Латвией). О пребывании в Валке поэт рассказал в «Моих воспоминаниях»: *МВ.* Ч. 1. С. 84–89.

[10] Примечательно, что Фет называет стихотворение «Notturno» (ноктюрн — *итал.*), а не «Nocturno», как было напечатано в «Отечественных записках». Это позволяет предположить, что в журнале заглавие было произвольно изменено. В сборниках 1856 г. и 1863 г. стихотворение перепечатывалось уже без заглавия и в таком виде вошло во все последующие издания. Отметим, что у Фета есть еще одно стихотворение, озаглавленное «Notturno», — «Ты спишь один, забыт на месте диком…», которое было впервые опубликовано в «Москвитянине» в 1842 г. и впоследствии также включено в сборник 1856 г. (под заглавием «Nocturno»). Именно это обстоятельство, по-видимому, вынудило Фета снять дублирующее заглавие для второго «ноктюрна».

[11] В журнальной публикации стихотворение было помещено без второй строфы, замененной рядом точек. В последующих изданиях Фет восстановил ее:

О, скоро ли младенческая речь
В испуг мое изменит ожиданье?
О, скоро ли к груди моей прилечь
Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?

По всей видимости, эта строфа была снята по требованию цензора «Отечественных записок» Андрея Ивановича Фрейганга (1805–1875), на «целомудренность» (в том числе в политическом смысле) которого Краевский неоднократно жаловался в Цензурный комитет с 1848 г. (указано М. Д. Эльзоном).

3

8 мая 1855 г. Ревель

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Давно уже собирался поклониться Вам, но кочевая жизнь кидала с места на место, не давая средств приблизиться к почте. Журнала Вашего ожидаю с нетерпением, и вот уже 8 мая, а я еще не получил и апрельской книжки. — Если у Вас будет случай в контору «От<ечественных> записок», то будьте так обязательны — наладить мой экземпляр в г. Ревель. Здесь все получается из Петербурга на 3-й день.

Март м<еся>ц мне контора выслала в двух экземплярах.

Тургенев писал, что он сдал Вам мою повесть.[1] Жаль, что он не нашел времени ее пересмотреть. Что ж делать!

Милостивой государыне Елисавете Яковлевной прошу передать мой поклон и привет.

С истинным почтением имею честь быть Вашим, милостивый государь,

покорнейшим слугой
А. Фет.

8 мая.

Мой адрес: в г. Ревель,
Афанасью Афанасьевичу
Фету.
В штаб л<ейб> г<вардии> Уланского
его величества полка.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 4–4 об. Год написания письма устанавливается по содержанию.

[1] Это письмо Тургенева к Фету неизвестно. О повести «Дядюшка и двоюродный братец» см. письмо 1, примеч. 8.

4

12 января 1856 г. Дерпт

Милостивый государь
Андрей Александрыч!

Поздравив Вас с Новым годом, прибавлю, что, только зная Ваши многосложные занятия, я не хотел беспокоить Вас моими письмами, но это вовсе не значит, чтобы я забыл Вашу всегдашнюю ко мне любезность и внимание к моим просьбам. Может быть, Вы слышали, что Тургенев взял на себя труд издания моих стихов[1] и поэтому я покорнейше прошу Вас допустить его, по находящейся у него от меня доверенности, к получению под расписку из конторы денег, в число следующих мне, — по его усмотрению. Исполнением этой покорнейшей просьбы Вы снова меня обяжете и мне останется только просить у Вас позволения поблагодарить Вас лично в начале февраля, если только отпуск в Петербург будет мне разрешен.[2]

Елисавете Яковлевной прошу передать мой самый усердный поклон и затем принять уверение в том уважении, с которым я имею честь быть Вашим, милостивый государь,

покорнейшим слугой
А. Фет.

Дерпт.
12 января.

Печатается по подлиннику: *РНБ.* Ф. 391 (А. А. Краевский). № 786. Л. 1–1 об. Год написания письма устанавливается по содержанию.

[1] Речь идет об издании сборника «Стихотворений А. А. Фета», вышедшего в 1856 г. Подробнее об истории этого издания и роли Тургенева в нем см.: *Фет. ССиП.* Т. 1. С. 455–456, а также: *Бухштаб. Обзор.* С. 564–566; *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. С. 378–380 и др.

[2] Как указывает Г. П. Блок, Фет находился в отпуску в Петербурге с 25 января по 7 февраля 1856 г. (*Летопись.* С. 304).

ОБЗОРЫ

Е. М. Аксененко

МАТЕРИАЛЫ А. А. ФЕТА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Исторически сложилось так, что рукописное наследие А. А. Фета поделено в основном между двумя архивохранилищами: Отделом рукописей Российской государственной библиотеки и Рукописным отделом Института русской литературы Российской Академии наук. Впервые обзор всех рукописных материалов поэта был сделан Б. Я. Бухштабом в статье «Судьба литературного наследства А. А. Фета».[1] Большая архивно-поисковая работа, совпавшая по времени с обработкой материалов из фетовского архива, поступивших в Пушкинский Дом,[2] проводилась ученым в 1930-х годах. Она легла в основу подготовленных им изданий сочинений Фета,[3] а также упомянутого обзора, не утратившего научного значения до сегодняшнего дня.

Попытка дать общую характеристику той части архива поэта, которая волею судеб оказалась в Пушкинском Доме, была предпринята автором данной статьи в одном из «фетовских сборников».[4] В статье дан общий обзор основных групп архивных материалов о жизни и творчестве поэта, хранящихся в Рукописном отделе, отмечены некоторые их особенности, обозначены имена основных адресатов и корреспон-

---

[1] См.: *Бухштаб. Обзор.*

[2] Научно-техническая обработка материалов из фетовского архива, предварительно разобранных в 1930 г., была завершена в 1938 г.

[3] См. подготовленные Б. Я. Бухштабом Полные собрания стихотворений поэта, вышедшие в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1937 и 1959 гг.: *ПССт 1937*; *ПССт 1959.*

[4] *Аксененко Е. М.* Материалы о жизни и творчестве А. А. Фета в Рукописном отделе «Пушкинского Дома» // *Фетовские чтения (1998).*

дентов поэта. Настоящая статья, опираясь на проделанную работу, дополняя ее и внося необходимые коррективы, представляет более детальный обзор хранящихся в Пушкинском Доме материалов А. А. Фета, включая все три его подразделения: Рукописный отдел, Библиотеку и Литературный музей. Начнем с рукописной части фетовских материалов.

Материалы Фета в Рукописном отделе были включены в инвентарные книги под номерами 20268–20335. Именно этот комплекс документов мы называем архивом Фета в Пушкинском Доме. В справочных изданиях он значится как фонд А. А. Фета (№ 337), в котором содержится 78 единиц хранения,[5] охватывающих временной период с 1832 по 1892 год.

Документы А. А. Фета поступали в Пушкинский Дом в несколько этапов. Можно считать, что начало поступлениям положил альбом М. П. Боткиной, переданный в дар Рукописному отделу Н. С. Боткиной-Врасской в ноябре 1918 года. В альбоме находится семь автографов Фета: пять стихотворений, автобиографическая заметка, атрибутированный рисунок 12-летнего Фета с припиской «Августа 20. Вечер» и засушенные цветы с подписью поэта «16/26 авг<уста> 1857. Париж» — так отмечен в альбоме день свадьбы А. А. Фета и М. П. Боткиной.

Следующим поступлением были фетовские документы, выделенные из архива Я. П. Полонского, приобретенного Пушкинским Домом в 1919–1920-х годах, и по архивной практике присоединенные к материалам архива Фета: фрагмент чернового автографа рассказа А. А. Фета «Семейство Гольц» и одно письмо А. Н. Майкова к Фету. Десять же писем его к И. П. Борисову и большая переписка поэта с Я. П. Полонским вошли в архив Полонского.

Основу архива Фета составили переписка (всего 813 писем), которая включала письма Фета и к нему писателей, друзей, родственников, переписку родственников, а также небольшой комплекс имущественно-хозяйственных материалов и документов, относящихся к изданию про-

---

[5] Количество единиц хранения в фонде А. А. Фета менялось. Первоначально было сформировано 67 единиц хранения, что нашло отражение в книге «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1963. Т. 3. С. 258). После незначительной переработки фонда, проведенной в 1981 г., он включает 78 единиц хранения. Новые данные учтены в справочных изданиях Рукописного отдела Пушкинского Дома «Фонды и коллекции Рукописного отдела. Краткий справочник» (СПб., 1996. С. 58) и «Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского дома. Аннотированный указатель» (СПб., 1999. С. 269).

изведений поэта. Из дела фонда следует, что материалы эти были куплены в конце 1920 года у наследников поэта — Боткиных, в частности, Петра Дмитриевича Боткина через И. С. Остроухова.

Почти сразу же за ними, в начале 1921 года, Елизавета Дмитриевна Щукина (урожд. Боткина, в перв. бр. фон Дункер) продала Пушкинскому Дому 21 письмо А. А. Фета к ней и К. Г. фон Дункеру с приложением к письму от 24 июня 1891 года авторизованного текста стихотворения поэта «Я говорю, что я люблю с тобою встречи…», впоследствии тоже включенные в фонд. Приобретения архивных документов Фета Рукописным отделом были отмечены в печати в числе наиболее ценных поступлений, которыми обогатился Пушкинский Дом к 1921 году.[6]

В этой же заметке сообщалось о том, что в Пушкинском Доме начали проводиться научные собрания, на одном из которых выступил Г. П. Блок с докладом «Ранняя любовь Фета». Упомянутый в числе других выступавших сотрудников молодого научного учреждения автор доклада об А. А. Фете имел самое непосредственное отношение к формированию в Рукописном отделе фонда поэта, основная часть которого поступила в Пушкинский Дом благодаря именно его усилиям. Сведения о вкладе Г. П. Блока в изучение жизни и творчества А. А. Фета являются необходимым дополнением к теме настоящей статьи.[7]

Имя Георгия Петровича Блока — автора книги «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета»,[8] двух статей о поэте и составителя «Летописи жизни А. А. Фета»[9] — стоит у истоков отечественного фетоведения в одном ряду с такими критиками, писателями и учеными, как Н. Н. Страхов, Н. Н. Черногубов, Б. А. Садовской, Б. В. Никольский, Ю. А. Никольский, В. С. Федина (Ильяшенко) и Б. Я. Бухштаб.[10]

---

[6] См.: *М. К.* В Пушкинском Доме // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 17.

[7] Фрагмент статьи, посвященный деятельности Г. П. Блока, впервые опубликован: *Аксененко Е. М.* Г. П. Блок. К истории отечественного фетоведения // *Фетовские чтения (XV)*. С. 299–316.

[8] *Блок Г. П.* Рождение поэта. Повесть о молодости Фета: По неопубликованным материалам. Л., 1924. 112 с. (Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук).

[9] *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // *Фетовские чтения (1985)*. С. 129–182. То же: *Фетовские чтения (1994)*. С. 273–333.

[10] О некоторых из этих исследователей см.: *Асланова Г. Д.* Первый биограф А. А. Фета Н. Н. Черногубов // *Фетовские чтения (1997)*. С. 2–13; публикации С. В. Шумихина: 1) *Садовской Б.* Записки (1881–1916) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1991. Т. 1.

Г. П. Блок родился в Петербурге в 1888 году.[11] Он принадлежал к известному роду обрусевших немцев.[12] Отец его — Петр Львович Блок (1854–1916) служил адвокатом в Министерстве финансов. Сын пошел по стопам отца и после окончания императорского Александровского лицея (с дипломом первой степени) поступил на службу в Правительствующий Сенат. «К 1914 году он был уже надворным советником и камер-юнкером двора его императорского величества <…> По-видимому, он, обладая большими способностями, широко бы и далеко шагнул по своей блестяще начатой служебной карьере…» — вспоминал позднее один из современников Г. П. Блока — Г. А. Князев.[13]

Октябрьская революция 1917 года резко изменила жизненный путь Г. П. Блока: в 1918 году он — бывший секретарь канцелярии Сената и помощник редактора «Сенатских ведомостей» — начинает работать в системе Академии наук заведующим научно-издательским отделом Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Редакторский опыт предшествующей работы помог ему в короткий срок восстановить и расширить издательскую деятельность комиссии, заглохшую к концу Первой мировой войны. Итогом этой работы явился его первый научный печатный труд — обзор научно-изда-

С. 106–183; 2) Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому. 1913–1918 // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 340–375; 3) А. А. Кондратьев. Письма Б. А. Садовскому // De visu. М., 1994. № 1–2 (14). С. 3–39; 4) Судьба Юрия Никольского (Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917–1921) // Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 19. С. 135–198; *Эльзон М. Д.* Памяти Б. Я. Бухштаба (1904–1985) // *Фетовские чтения (1989)*. С. 101–105.

[11] Биография Георгия Петровича до сих пор не написана. Биографические сведения о нем см.: Некролог // Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. С. 102–103; *Лихачев Д. С.* Об авторе и его книге // *Блок Г. П.* Московляне: Историческая повесть. 2-е изд. М., 1965. С. 3–6; *Шоломова С. Б.* За строчками писем — Судьба // Звезда. 1980. № 10. С. 178–183. См. также: Влюбленные в Фета: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому (1921–1922) / Публ. и коммент. С. В. Шумихина // Наше наследие. М., 2007. № 83–84. С. 84–111; 2008. № 85. С. 76–112. Далее: *Письма Блока к Садовскому*, с указанием номера выпуска и страницы.

[12] О генеалогии рода Блоков см.: *Старк В. П.* А. С. Пушкин: Родословные перекрестки с русскими писателями от А. Кантемира до В. Набокова. СПб., 2000. С. 81–95.

[13] *ПФА РАН*. Ф. 929. Оп. 1. № 395. Л. 99 (Воспоминания Г. А. Князева о Г. П. Блоке. 1962, 28 февраля). Благодарим старшего научного сотрудника филиала А. Н. Анфертьеву за указание этих воспоминаний и помощь в работе с материалами Архива.

тельской деятельности КЕПС за 1915–1920 годы.[14] В 1921 году по документам Пушкинского Дома Георгий Петрович уже числился «научным сотрудником 2-го разряда сверх штата» и в сентябре этого года был переведен на должность Ученого хранителя рукописей,[15] где проработал до начала 1923 года. В этот недолгий период работы в Пушкинском Доме Г. П. Блок собирает материалы для биографии Фета и начинает ее писать. Темами первых двух публикаций — «Фет и Бржеская»[16] и «Граф Лев Толстой. Письмо к Фету»[17] — стали отношения Фета с семьей А. Л. и А. Ф. Бржеских и эпизод из взаимоотношений поэта с Л. Н. и С. А. Толстыми. Вслед за ними увидела свет книга «Рождение поэта», в которой Г. П. Блок описал детство, юность и самое начало поэтического пути Фета — до появления первого сборника «Лирический Пантеон». На этом задуманная Георгием Петровичем работа прервалась.

Собранные материалы Г. П. Блок использовал через 10 лет при составлении «Летописи жизни А. А. Фета», которую он подготовил в качестве приложения к издававшемуся Б. Я. Бухштабом в серии «Библиотека поэта» Полному собранию стихотворений Фета, — но публикация «Летописи» не состоялась. В последующие годы коллизии общественной и личной жизни увели Георгия Петровича от фетовской темы. Подготовленную им «Летопись» Б. Я. Бухштаб опубликовал почти через четверть века после его смерти.

После ухода из Пушкинского Дома, с 1923 по 1934 год, Г. П. Блок исполнял обязанности главного редактора издательства «Время» (просуществовавшего с 1922 по 1934 гг.), где редактировал собрания сочинений Ромена Роллана и Стендаля и переводил сочинения французских и немецких авторов.

Дальнейшая служебная деятельность Георгия Петровича связана с Академией наук. В 1940-х годах он — научный сотрудник Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, а с 1948 по 1958 — Ленинградского отделения Архива АН. Закончил свою трудовую деятельность

[14] Обзор научно-издательской деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1920 / Сост. Г. П. Блок. Пг., 1920. 120 с.

[15] Годовые отчеты Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Пг., 1921. С. 58 (12-е заседание от 24 сентября). Далее: *Отчет ОРЯС*, с указанием года и страницы.

[16] См.: *Блок Г. П.* Фет и Бржеская // Начала. 1922. № 2. С. 106–123.

[17] См.: *Блок Г. П.* Граф Лев Толстой. Письмо к Фету // Радуга: Альманах Пушкинского Дома. Пб., 1922. С. 247–259. В Полном собрании сочинений и писем Л. Н. Толстого ссылка на эту публикацию Г. П. Блока дана без указания автора, см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 62. С. 217.

Г. П. Блок в родном городе научным сотрудником Института русского языка Академии наук.

Творческое наследие Георгия Петровича не изучено. Его обзор не входит в задачу данной статьи. Упомянем лишь наиболее значительные научные труды: составленный им указатель к девятому тому Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, монографию по теме кандидатской диссертации «Пушкин в работе над историческими источниками»,[18] а также 6 томов из Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, редактором и составителем которых он был.

Одновременно со службой Георгий Петрович всю жизнь занимался литературной деятельностью. Им написаны роман «Одиночество»,[19] историческая повесть «Московляне»[20] и другие произведения. Не раз он обращался к теме жизни и творчества А. А. Блока, своего двоюродного брата: в воспоминаниях о нем, в статье о Шахматове.[21]

Г. П. Блок был прекрасным знатоком русского языка: входил в главную редколлегию четырехтомного «Словаря русского языка», а за два года до смерти организовал в Институте русского языка Академии наук группу по составлению словаря русского языка XVIII века и начал работу над ним. Все, что написал Георгий Петрович, дает право назвать его, по точному замечанию Д. С. Лихачева, «мастером русской художественной речи».[22] Умер Г. П. Блок в Ленинграде в 1962 году.

Сохранился личный архив Георгия Петровича. В 1964 году родственники передали его в Пушкинский Дом.[23] Фронтальный просмотр этого обширного, еще не прошедшего научно-техническую обработку архива показал, что в нем содержатся научные, служебные и творческие материалы Г. П. Блока, отразившие почти полувековую многостороннюю и самобытную деятельность Георгия Петровича — талантливого мемуариста, писателя, переводчика, архивиста, историка и ученого.[24] В комплексе документов содержатся рукописи работ, посвященных Фе-

---

[18] *Блок Г.* Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949. 216 с.

[19] *Блок Г.* Одиночество. Л., 1929. 142 с.

[20] Первое ее издание вышло в 1951 г. (М.; Л., 1951. 352 с.), второе и третье — после смерти автора — в 1965 и 1975 гг.

[21] См.: Литературное Подмосковье. Сб. ст. М., 1950. С. 111–141.

[22] *Лихачев Д. С.* Об авторе и его книге. С. 4.

[23] *ИРЛИ*. Ф. 645.

[24] Небольшой комплекс хранящихся в фонде Блока личных документов, биографических материалов и переписки ученого с разными лицами содержит неизвестные до сих пор сведения о его жизни и творчестве. Мы привлекаем из них лишь необходимые для нашей темы.

ту, Пушкину, Ломоносову, А. А. Блоку и др., а также подготовительные материалы к ним. Отдельно следует выделить блок материалов, связанных с работой над «Словарем русского языка XVIII века», а также рукописи «Московлян», переводы произведений французских и немецких авторов и др.

Изучение жизни и творчества Фета занимает особое место в биографии Г. П. Блока, так как с именем поэта связано начало его научной и литературной деятельности. Документы из личного архива, касающиеся фетовской темы, немногочисленны, хотя их временные рамки охватывают период с 1820 по 1959 годы. В фонде находятся как материалы самого Фета, так и материалы о нем. И те и другие дополняют сведения официальных документов Архива Академии наук и Пушкинского Дома, опубликованные работы Г. П. Блока, письма его этого времени, сохранившиеся в личных фондах Пушкинского Дома и других архивохранилищах,[25] и расширяют картину собирательской, исследовательской и библиографической работы, проделанной ученым.

Г. П. Блок увлекся Фетом, будучи уже сложившимся человеком. В 30-летнем возрасте, не претендуя на звание филолога или литератора, он начал работать над биографией поэта. В письме этого времени к своему двоюродному брату А. Блоку он писал о неожиданно пришедшей к нему потребности творчества: «И вот, тем не менее, я, такой несовременный и состарившийся, хочу писать неудержимо, так хочу, что от этого желания и в жизни не вижу смысла и твердо знаю, что буду писать…».[26] В мемуарном очерке «Герои „Возмездия“» Г. П. Блок вспо-

---

[25] Значительно дополняют картину научных поисков Г. П. Блока письма из других фондов *ИРЛИ* и архивохранилищ. Например, в обширном фонде Б. Л. Модзалевского (*ИРЛИ*. Ф. 128; находится в обработке) сохранились 10 писем Георгия Петровича к Б. Л. Модзалевскому (1921–1923). Здесь же хранятся и 4 письма к последнему Б. А. Садовского (1920–1928). Искренне благодарим обработчика фонда старшего научного сотрудника Рукописного отдела Л. К. Хитрово за ознакомление с этими письмами. В фонде Б. А. Садовского (*РГАЛИ*. Ф. 464. Оп. 2. № 55) находятся 29 писем к нему Г. П. Блока (1921–1922). Долгое время эти письма оставались неизвестными широкому кругу исследователей, за исключением 7 из них, напечатанных с сокращениями: *Шумихин С. В.* Фет, Блок, Гумилев…: Из писем Георгия Блока Борису Садовскому // Независимая газета. М., 1996. 3 сент. С. 5. Опубликованные в полном виде сравнительно недавно С. В. Шумихиным в «Нашем наследии», эти письма предоставили чрезвычайно интересные и важные сведения для биографии Г. П. Блока и истории отечественного фетоведения. Местонахождение ответных писем Б. А. Садовского в настоящее время неизвестно. Возможно, завершение обработки архива Г. П. Блока прольет свет на этот вопрос.

[26] *Шоломова С.* За строчками писем — Судьба. С. 180.

минал, что осенью и зимой 1920 года он «был в разгаре работы над Фетом».[27]

Очевидно, что взяться за такую сложную работу, как написание биографии, возможно было при опоре на достаточно широкую документальную и источниковедческую базу, которая в науке о Фете к этому времени только создавалась. После смерти поэта прошло меньше тридцати лет, и фетоведение делало свои первые шаги. Немногочисленные исследователи жизни и творчества поэта разыскивали архивные материалы, собирали библиографию, записывали воспоминания родственников и знакомых. Большое значение приобретало их личное общение и обмен информацией. Один из первых исследователей Фета — известный литератор и поэт Борис Садовской в своих воспоминаниях писал о знакомстве с Б. В. Никольским — редактором Полного собрания стихотворений поэта[28] — и первым биографом Фета — Н. Н. Черногубовым. «Никольский, — вспоминал Садовской, — владел рукописями Фета и разрешил мне заняться ими».[29] В своих «Записках» Садовской оставил также яркое описание квартиры «фетианца» Н. Н. Черногубова на Мало-Царицынской, близ Новодевичьего монастыря, где находились «в первой, приемной, с полу до потолка портреты Фета, всех возрастов и эпох, в углу его же гипсовый бюст, работы Ж. А. Полонской. Другой поменьше, сделанный Досекиным, на старом бюро <…>. В столах и шкапах рукописи Фета, портфели и судебные дела его в синих казенных обложках».[30] Вспоминая о встречах с Черногубовым, Садовской писал: «Обыкновенно я звонил Черногубову по телефону в Третьяковскую галерею, где он служил, и получал от него приглашение к обеду. <…> Потом мы садились за самовар, и о чем только ни говорили! <…> Культ Фета некогда пылал в Черногубове ярким пламенем. Еще юношей объехал он все фетовские места, жил там, долго бредил Фетом как полоумный. На любви к Фету мы с ним и сошлись <…>».[31]

---

[27] *Блок Г.* Герои «Возмездия» // Русский современник. Л.; М., 1924. № 3. С. 181. В этом очерке Г. П. Блок описывает интересный эпизод из истории отношений отца А. Блока — Александра Львовича, дяди Г. П. Блока, с родственниками: «…он очень любил родственников и любовь эта была, по-видимому, какая-то принципиальная. Ради моей сестры он отказывался даже временами от затворничества и водил ее в театр. Однажды, несмотря на действительно гарпагоновскую скупость, он захотел сделать ей подарок — книгу и спросил, какую она хочет. Сестра попросила стихов. Он подарил ей Фета…» (Там же. С. 175).

[28] См.: *ПССт 1901.*

[29] *Садовской Б.* Записки. С. 174.

[30] Там же. С. 168.

[31] Там же. С. 168–169.

Несколькими годами позже — в 1918 году — Ю. А. Никольский, решив заняться изучением Фета, в своем первом письме к Б. А. Садовскому просил его советов и руководства в начатой работе. «Мне кажется, — писал он, — что если мы по пяти раз будем открывать открытое (из-за того, что нет библиографии, не опубликованы архивы), если не будем помогать друг другу, то, право, история литературы не сдвинется с места».[32]

Г. П. Блок также, приступая к работе над биографией поэта, устанавливает связи с писателями, поэтами и учеными, занимавшимися Фетом. Так, например, осенью 1920 года состоялась его встреча с А. Блоком, который любил и хорошо знал творчество Фета. Накануне — в письме от 29 сентября 1920 года — Георгий Петрович признавался ему: «Облик этого человека (Фета. — *Е. А.*) служит за последнее время предметом самых настойчивых и нежных моих дум. Я взялся писать его биографию, но пока не пишу еще, а только собираю по кусочкам всякие мемуары, которых множество».[33] А в самом начале 1921 года Г. П. Блок заочно знакомится с Борисом Садовским[34] как наиболее авторитетным исследователем Фета и коллекционером его автографов. Между ними завязывается полуторагодичная переписка, ведущей темой которой были жизнь и творчество Фета.

Корреспонденты обмениваются информацией: Садовской, как следует из ответных писем Г. П. Блока, — сведениями об имеющихся у него материалах Фета,[35] Блок — своими находками. Б. Садовскому Георгий Петрович посвящает свою первую публикацию и в дальнейшем не раз ссылается в своих работах на его статьи и сообщенные им биографические сведения о Фете, тем самым подчеркивая близость их взглядов на творчество поэта.

В архиве Г. П. Блока хранятся шесть автографов Фета, которые, как пометил сам Георгий Петрович, были подарены ему Б. А. Садовским. Это автографы записанных на одном листе двух стихотворений —

---

[32] *Шумихин С. В.* Судьба Юрия Никольского. С. 161.

[33] *Шоломова С.* За строчками писем — Судьба. С. 178.

[34] В письме к Б. Л. Модзалевскому, датированном февралем 1921 г., Б. Садовской наводил справки о Г. П. Блоке: «…ко мне обратился с письмом некто Георгий Петрович Блок относительно Фета. Не знаете ли, что это за человек, не сын ли он покойного самарского губернатора, а главное, ариец ли он?» (*ИРЛИ*. Ф. 128).

[35] 13 апреля 1921 г. Г. П. Блок писал Б. Л. Модзалевскому: «…накопилось много вопросов, по которым хотелось бы побеседовать с Вами. Порождены они письмом Б. А. Садовского, наполненным самыми соблазнительными сведениями о разных фетовских сокровищах» (*ИРЛИ*. Ф. 128).

«Ивы и березы» («Березы Севера мне милы…») и «Последнее слово» («Я громом их в отчаяньи застигну…») — и 4 письма поэта к О. М. Соловьевой (9 октября — 7 декабря 1884 г.).

Автографы подаренных Б. Садовским стихотворений и писем были предварительно опубликованы им в книге «Ледоход».[36] Стихотворения «Ивы и березы» и «Последнее слово» описаны в части II раздела «Foethiana». В примечании указано, что первое из них набиралось для девятой книжки «Современника» за 1856 год с этого автографа. Рукопись перешла к Б. Садовскому из собрания академика А. Н. Пыпина.[37]

Письма Фета к О. М. Соловьевой (урожд. Коваленской), жене младшего сына С. М. Соловьева — Михаила Сергеевича, были опубликованы Садовским в Приложении II к разделу «Статьи». Других материалов с пометами о получении их от Б. Садовского в этом разделе архива нет.

В примечаниях к опубликованным работам о Фете Г. П. Блок перечисляет имена более 20-ти человек, оказавших ему ту или иную помощь при сборе материала. Среди них коллеги по Пушкинскому Дому — Б. Л. Модзалевский, Н. В. Измайлов, В. Н. Княжнин; литераторы — Б. А. Садовской, Н. О. Лернер, В. М. Жирмунский; работники музеев; знакомые и родственники Фета — Т. А. Кузминская, Е. Д. Щукина, кн. Д. И. Шаховской; знаток старой Москвы П. Н. Миллер, историк медицины П. В. Модестов и другие. Не оставлен без благодарности ни один человек, чьими советами он воспользовался в своих работах, будь то Б. Л. Модзалевский, указавший ему немецкую брошюру, или Е. С. Вознесенский — заведующий хозяйством Московской городской больницы, с помощью которого Блок безрезультатно обследовал больничный архив. В примечаниях Блок упоминает и о своих посещениях мест, связанных с именем Фета. В 1920 и 1921 годах, приезжая в Москву по делам «своим и чужим, служебным и частным», он неоднократно бывал в домах, где жил поэт.[38]

---

[36] *Садовской Б.* Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 101–104, 170–171. Далее: *Садовской*, с указанием страниц.

[37] Там же. С. 171.

[38] В «Рождении поэта» Г. П. Блок писал: «Дом Григорьевых на Малой Полянке я посетил дважды: в 1920 и в 1921 гг.» (С. 98), а о доме Погодина: «При содействии Д. И. Шаховского поздней осенью 1921 г. я с трудом отыскал этот дом» (С. 96). В письме к Б. Садовскому от 29 ноября 1921 г. Георгий Петрович подробно рассказывает о своем пребывании в Москве и, в частности, о посещении этих мест: «Дальше. Малая Полянка, дом № 12, мезонин, семейство рабочего Курочкина, уже знакомое мне по прошлому году <…>»; «…князь Дмитрий Ив<анович> Шахов-

Как и в печатных работах, в личном архиве Георгий Петрович помечал, от кого поступил тот или иной документ. К примеру, экземпляр стихотворения Фета «На пятидесятилетие моей Музы. 28 января 1889 г.» вложен в обложку с записью: «Такие листки Фет раздавал своим гостям в день юбилея (Подарено мне И. С. Остроуховым)». Или: «Большинство оттисков подарил мне Н. О. Лернер» и др. Иногда стоит лишь помета: «Г. П. Блоку».

В личном фонде Г. П. Блока сохранились оттиски стихотворений, статей и переводов Фета. Среди них есть материалы редкие для своего времени, например, статья «По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества любителей художеств», которая в начале 1920-х годов, очевидно, была известна не всем исследователям Фета.[39] Или анонимная брошюра «Заметки присяжного поверенного», изданная товариществом «Общественная польза» в 1884 году, с владельческой надписью Фета на обложке. По журналу входящих бумаг цензурного комитета удалось установить, что автором брошюры был Ф. Н. Берг.[40] Следует отметить, что место нахождения большинства книг из личной библиотеки Фета до сих пор не выявлено.

Б. Я. Бухштаб так описывал исследовательскую деятельность Г. П. Блока этого времени: Георгий Петрович «взялся за работу с необычайным размахом и тщательностью. Он учел всю литературу, имевшую прямое или косвенное отношение к Фету, обследовал огромную переписку поэта, сохранившуюся в государственных архивах и в частных собраниях, учитывал упоминания в мемуарах, дневниках, переписке писателей и других деятелей, которые могли соприкасаться с Фетом,

---

ской <…> С ним идем рано утром на Девичье поле искать Погодинский дом, который когда-то принадлежал его бабушке Щербатовой» (*Письма Блока к Садовскому.* № 85. С. 89).

[39] Произведения Фета, особенно его проза и публицистика, собирались исследователями по крупицам. Например, Ю. А. Никольский сообщает Б. Садовскому 2 сентября 1919 г.: «Передо мной переписанная статья Фета о Тютч<еве> <…>»; 4 (17) февраля 1920 г.: «Мне списали „Вне моды“…». В этом же письме он спрашивает: «…о какой статье про статую ты еще говорил?» (*Шумихин С. В.* Судьба Юрия Никольского. С. 189). Через несколько лет Б. Я. Бухштаб отмечал, что эта статья Фета не попала в наиболее полные к тому времени библиографические указатели по творчеству Фета: *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. СПб., 1912. Вып. 12. С. 215–226; *Федина В. С.* <*Ильяшенко В. С.*> А. А. Фет (Шеншин): Материалы к характеристике. Пг., 1915. С. 25–28. См.: *Бухштаб. Обзор.* С. 596.

[40] *РГИА.* Ф. 777. Оп. 27. № 426. Л. 93 об. (Санкт-Петербургский цензурный комитет. Журнал входящих бумаг за 1883 г.).

устно и письменно интервьюировал людей, лично знавших Фета или сохранивших семейные воспоминания о нем».[41] Материалы личного архива Г. П. Блока подтверждают эту характеристику.

Сохранившиеся в нем копии писем Фета и других документов собраны Георгием Петровичем из разных архивохранилищ: 10 писем к И. П. Борисову (1848–1850) Г. П. Блок скопировал из архива Я. П. Полонского;[42] письмо к Фету Н. А. Некрасова (31 июля 1856 г.) из архива последнего — также в Пушкинском Доме;[43] письмо к С. П. Шевыреву (25 декабря 1842 или 1843 г.) — из Публичной библиотеки;[44] переписку (по 2 письма с каждой стороны) Фета с Я. К. Гротом (1884–1885) о присуждении поэту Пушкинской премии за переводы Горация — из Архива Академии наук; машинописную копию письма А. Ф. Бржеского Фету (1846) прислали Георгию Петровичу из Исторического музея в Москве и др.

Копии паспорта А. Н. Шеншина (1830) и документов о перемене фамилии поэта (1873) из Орловского губернского правления и Духовной консистории свидетельствуют о том, что Г. П. Блок обследовал орловские архивохранилища. Ему также удалось снять копии с двух писем (А. А. Фета и его брата — П. А. Шеншина), направленных в 1873 году на имя Александра II, с прошением о перемене фамилии поэта.

Среди документов архива находятся выписки из студенческих дел Московского университета, связанные с учебой Фета; письмо Т. А. Кузминской к Г. П. Блоку (1920);[45] подборка из журнальных публикаций

---

[41] См. вступит. статью Б. Я. Бухштаба: *Летопись*. С. 274.

[42] *ИРЛИ*. № 13598. Эти письма опубликованы (с неточностями): *Покровская Е.* Фет в переписке с И. П. Борисовым // Литературная мысль. Пг., 1922. № 1. С. 211–228. Ю. А. Никольский в письме к Б. Садовскому от 11 декабря 1919 г. писал: «Знаешь об открытии писем Афанасия Аф<анасьеви>ча к Борисову — елисаветградского периода? Фет сватался тогда!» (*Шумихин С. В.* Судьба Юрия Никольского. С. 187). В книге «Рождение поэта» Блок цитирует письма уже со ссылкой на публикацию Е. Покровской. Недавно все сохранившиеся письма Фета к Борисову, включая и эти десять, были опубликованы в очередном томе «Литературного наследства» (см.: *Письма к Борисову*).

[43] Блок, очевидно, снял копию с одного из двух писем, попавших в Пушкинский Дом в 1922 г. в составе первого поступления материалов Н. А. Некрасова, приобретенных в связи с организацией Некрасовского музея, см.: *ИРЛИ*. Ф. 202. Оп. 2. № 198.

[44] Письмо было опубликовано Т. Г. Динесман: *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 60.

[45] Письмо это было опубликовано Н. П. Пузиным (*РЛ*. 1968. № 2. С. 170–176.) по его копии, хранящейся в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве.

конца XIX — начала XX вв. с критическими заметками о творчестве поэта; копия рукой Блока статьи Н. Н. Черногубова «К хронологии стихов Фета», опубликованной в альманахе «Северные цветы на 1902 г.»;[46] путеводитель по Дармштадту 1923 года и газетная заметка к столетию со дня рождения Фета Михаэля Фолмана из газеты «Vossische Zeitung» (1920. № 610) на немецком языке; машинопись трех рецензий на книгу «Рождение поэта»; письмо к Г. П. Блоку автора одной из рецензий Н. Н. Русова (1924) и др.

Для того чтобы понять, о какой «огромной переписке поэта, сохранившейся в государственных архивах и в частных собраниях» писал Б. Я. Бухштаб, необходимо вновь обратиться к истории поступления фетовского архива в Пушкинский Дом.

В 1920–1921 годах Рукописный отдел, Библиотека и Литературный музей Пушкинского Дома активно пополнялись новыми материалами. «Пушкинский Дом богатеет безмерно. Вот где хорошо. Только с печатанием туго», — пишет Г. П. Блок 9 апреля 1921 года Б. Садовскому.[47] Сложившаяся ситуация обсуждалась 20 апреля 1921 года на 5-м заседании Отделения русского языка и словесности, где директор Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский отметил «необычайно усиливающийся в последнее время поток новых поступлений в ПД и громадное количество научного материала, оставшегося неразобранным от прошлых лет», что «ставит ПД в необходимость увеличить состав своих научных сотрудников».[48] В виде временной меры, до утверждения новых штатов, он предложил брать людей на должности сверхштатных научных сотрудников.

Вероятно, именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что Г. П. Блок работал над фетовскими материалами в стенах Пушкинского Дома задолго до сентября 1921 года, когда он официально был включен в штат. Ко времени перехода в архив Пушкинского Дома он уже зарекомендовал себя как «ценный научный сотрудник», «работающий в области новой русской литературы» (он написал статью о Фете

В архиве Г. П. Блока сохранилась не вошедшая в публикацию приписка Т. А. Кузминской к письму, сделанная на отдельном листе: «Прибавлю еще несколько слов: Я писала, что Фет не охотник, но потом вспомнила, что мы как-то раз в Ясной Поляне ходили с ним на охоту, на тягу вальдшнепов. Вероятно, он был ружейный охотник, а не с борзыми» (*ИРЛИ*. Ф. 645).

[46] Северные цветы на 1902 г. М., 1902. С. 215–224.

[47] *Письма Блока к Садовскому.* № 83–84. С. 96.

[48] *Отчет ОРЯС*. 1921. С. 28–29.

и Бржеских[49] и работал над биографией поэта по меньшей мере год), а с декабря 1921 года даже совмещал должности хранителя рукописей Пушкинского Дома и управляющего делами Конференции Академии наук.[50]

Работа в Пушкинском Доме расширяла для ученого возможности поисков фетовских материалов. В конце 1920 — начале 1921 года, благодаря его активной деятельности и посредничеству И. С. Остроухова,[51] Пушкинский Дом приобретает у наследников Фета часть его личного архива, основу которого составляли 813 писем поэта и разных лиц к нему, принадлежавшие П. Д. Боткину.[52] Позднее Г. П. Блок писал об этом: «Отыскал и приобрел для Пушкинского Дома архив Фета, содержавший многочисленные письма Льва Толстого, Тургенева, Полонского и др.».[53] Процедура приобретения архива длилась несколько месяцев. 20 февраля 1921 года, как значится в документах Рукописного отдела, П. Д. Боткин получил от Пушкинского Дома деньги за проданные материалы, а 8 марта в письме к Э. Л. Радлову Георгий Петрович сообщал, что разбирает «только что найденный и привезенный <…> из Москвы архив Фета».[54] После покупки Блок продолжал поддерживать связи с родственниками поэта.[55]

---

[49] «За статью о Бржеской (1¼ листа) я получил от журнала 130 000 <руб.> — это максимальный авторский гонорар», — писал он Б. Садовскому в письме от 17 сентября 1921 г. (*Письма Блока к Садовскому.* № 85. С. 80).

[50] *Отчет ОРЯС.* 1921. С. 95 (10-е заседание от 3 декабря). Насколько важна была для Георгия Петровича работа в Пушкинском Доме, можно судить по его письмам. Например, в письме к Б. Л. Модзалевскому от 1 декабря 1921 г. он писал: «Как я Вам говорил, моя мечта была оставаться на основной службе в Пуш<кинском> Доме, а канц<елярию> Конференции считать побочной, нештатной, не претендуя по ней ни на какое вознаграждение. Но одно, о чем бы я просил, это как-нибудь обеспечьте мне возможность по истечении условленных шести месяцев вернуться в Ваше лоно законным сыном» (*ИРЛИ.* Ф. 128).

[51] В письме от 27 июля 1920 г. Н. А. Котляревский от имени Пушкинского Дома благодарил И. С. Остроухова «за то просвещенное содействие», которое он оказал учреждению в вопросе о приобретении от П. Д. Боткина части архива А. А. Шеншина-Фета, и просил его «в воспоминание о сношениях <…> с Пушкинским Домом принять препровождаемую при сем бронзовую медаль, выбитую Академией наук в память столетия дня рождения Пушкина» (*ПФА РАН.* Ф. 150. Оп. 1 (1920). № 2. Л. 271).

[52] *ИРЛИ.* № 20268–20335.

[53] См. автобиографию Г. П. Блока (1954): *ИРЛИ.* Ф. 645.

[54] *ИРЛИ.* Ф. 252. Оп. 2. № 152. Л. 6.

[55] В статье о Фете и А. Л. Бржеской Г. П. Блок опубликовал хранящийся в собрании И. С. Остроухова «Альбом признаний» его жены — Надежды Петровны,

Итак, большинство писем, из которых Г. П. Блок почерпнул факты биографии Фета, оказалось у него под рукой в Пушкинском Доме. Копировать их целиком не потребовалось, так как Георгий Петрович по роду служебной деятельности составлял описание этих материалов,[56] а параллельно делал выписки для биографии, сохранившиеся в его архиве.

Многочисленные письма из фетовского и других архивов Пушкинского Дома стали ядром той фактографической базы, на которую Г. П. Блок намеревался опереться при жизнеописании поэта. Об этом свидетельствуют опубликованные им работы.

Статью о Фете и Бржеских Георгий Петрович строит на письмах к поэту супругов Бржеских.[57] Он отмечает обширность этого собрания: («всех писем 162»), длительность переписки («обнимает почти полувековой период») и дату первого письма («самое ранее письмо А. Ф. Бржеского относится к марту 1857 г.»).[58]

В книге «Рождение поэта» Г. П. Блок большое внимание уделяет отношениям Фета с И. И. Введенским, основные сведения о которых он почерпнул из писем последнего,[59] пришедших в Пушкинский Дом в собрании П. Я. Дашкова.[60]

Г. П. Блок не только сам использовал материалы фетовского архива, но и сообщал другим исследователям интересующую их информацию. Так, например, по просьбе Э. Л. Радлова он скопировал приписки, сделанные Вл. С. Соловьевым на письмах Н. Н. Страхова к Фету 1885–

урожд. Боткиной (С. 121–122), а в письме к Б. Л. Модзалевскому от 21 апреля 1921 г. он сделал приписку: «С остроуховскими фотографиями дело, кажется, устраивается <…>» (*ИРЛИ*. Ф. 128). 29 ноября того же года, вернувшись из Москвы, Георгий Петрович описывает Б. А. Садовскому бытовую картинку из жизни семьи Остроухова и замечает: «Со мной удивительно мил, что ни попросишь, все делает» (*Письма Блока к Садовскому.* № 85. С. 88).

[56] В «Перечне научных трудов» (1945) Г. П. Блок писал: «По поручению Института литературы при Академии наук СССР производил научное описание архивов Фета и Александра Блока». О том же он упоминает в «Автобиографии» (1954): «Составлял описание архива Фета» (*ИРЛИ.* Ф. 645). Текст описания в фонде Г. П. Блока пока не обнаружен.

[57] См.: *ИРЛИ*. № 20279 (144 письма А. Л. Бржеской к А. А. Фету за 1863–1892 гг. 450 л.) и № 20280 (18 писем А. Ф. Бржеского к А. А. Фету за 1857–1867 гг. 43 л.).

[58] *Блок Г. П.* Фет и Бржеская. С. 112.

[59] *Блок Г. П.* Рождение поэта. С. 93.

[60] *ИРЛИ.* Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1315.

1890 годов[61] (их машинописные копии сохранились в личном архиве Блока), и прокомментировал их в упоминавшемся письме к Радлову.

Очевидно, что в архиве сохранились не все документы, которые разыскал Блок. Так, в книге «Рождение поэта» он использовал материалы своей переписки с родственниками Фета из Дармштадта. Содержание ее мы можем отчасти воспроизвести по его письмам и документам Академии наук. В письме от 27 сентября 1921 года Блок писал Б. Садовскому: «…мои дела, страшно начинать — такие громадные». Под «*глубочайшим секретом*» он сообщает: «Происхождение Фета выяснено. У меня в руках выписки из дармштадтских архивов. <…> Удалось почтовым способом отыскать старого майора, внучатого племянника Шарлотты Беккер, а у него беккеровский архив: письма ее и Аф<анасия> Неоф<итовича> к Эрнсту, письмо 8-милетнего Фету к дяде, ворох устных воспоминаний, богатейшая иконография (старик Беккер — масляный, силуэт Шарлотты с датами ее смерти и рождения, адъютантский портрет Эрнста), шкап с подарками, привезенными Эрнстом из России, родословное дерево Беккеров. <…> Письма, 1823, 26, 29 гг.!! Есть письмо 1820 Шарлотты к отцу — она солит огурцы и просит передать поклон г-ну Шеншину! <…> Вы понимаете — *необходимо* ехать в Дармштадт. Я подал заявление. Академия всем миром в заседании Конференции меня поддержала (существо сведений я даже от нее скрыл). Теперь что скажет Москва. Дом Эрнста, фасад, еще цел».[62]

Необходимость командировки Г. П. Блока в Дармштадт оживленно обсуждалась на заседании общего собрания Академии наук 3 сентября 1921 года, что отразилось в протоколе собрания большим выступлением директора Пушкинского Дома — Н. А. Котляревского. Для нас оно важно и как одно из немногочисленных свидетельств о работе Блока в Пушкинском Доме, и как своеобразный документ из истории фетоведения. Н. А. Котляревский говорил следующее:

> Научный сотрудник ПД Г. П. Блок, работая уже не первый год над изучением жизни и творчества Фета, собрал значительное количество новых о нем данных и готовит к печати его жизнеописание. За 29 лет, истекших со времени кончины Фета, биографии его сколько-нибудь полной никем составлено не было. Между тем нужда в такой книге велика, так как интерес и к поэзии Фета, и к его доселе не разгаданной личности продолжает расти. Исполнившееся в минувшем году столетие

---

[61] Приписки В. Соловьева имеются в 4 письмах: от 27 июля, 21 августа, 17 сентября 1885 г. и 13 августа 1890 г. Э. Л. Радлов опубликовал их в издании: *Соловьев Вл*. Письма: В 4 т. / Под. ред. Э. Л. Радлова. Пг., 1923. Т. 4. С. 229–231.

[62] *Письма Блока к Садовскому.* № 85. С. 80.

со дня его рождения обязывает признать это дело срочным. Все исследователи Фета неизменно останавливались перед тайной, окружавшей вопрос об его происхождении. Этот вопрос имеет двоякую важность. Выяснение его, разрешая давний и горячий спор о национальности поэта, раскроет одновременно истинный смысл целого ряда событий, отразившихся самым роковым образом и на складе характера Фета и на всем течении его жизни. Г. П. Блоку удалось получить вполне определенные и, безусловно, точные сведения о том, что на родине матери поэта — в Дармштадте находятся архивные документы, которые дают исчерпывающее объяснение всем загадочным обстоятельствам, предшествовавшим рождению Фета. Само собою разумеется, что ознакомиться с этими документами в порядке почтовой переписки невозможно. Нельзя было бы подвергнуть их серьезной научной обработке даже и в том случае, если бы владельцы их согласились доставить в Россию полные копии. Необходимо личное обозрение подлинников и тщательное палеографическое их исследование. Сверх документов в Дармштадте имеются в довольно большом числе портреты родственников Фета со стороны матери, сохранился в неприкосновенности дом, в котором он останавливался в 1844 году, и сберегаются некоторые вещи, имеющие ближайшее отношение и к немецкой, и к русской его семье. Этого рода материал также требует личного осмотра. И документы, и портреты, и вещи находятся в частных руках и потому дальнейшая их сохранность не обеспечена. При этих условиях необходимость поездки русского исследователя в Дармштадт представляется несомненной и неотложной. Пушкинский Дом, полагая наиболее правильным возложить выполнение этой научной задачи на Г. П. Блока как на единственного наличного в настоящее время специалиста по Фету, покорнейше просит О<бщее> с<обрание> утвердить это решение и не отказать затем в принятии мер к командированию Г. П. Блока в Дармштадт сроком на два месяца. Ввиду необходимости получить некоторые предварительные сведения в г. Верро, где Фет воспитывался, было бы желательно установить маршрут Г. П. Блока через Эстонию.[63]

Собрание единогласно проголосовало за командировку, но ходатайство не было удовлетворено.[64] Через четыре месяца Академия наук повторяет свою просьбу[65] и на этот раз получает положительный ответ: разрешить Георгию Блоку командировку в «Дармштадт, Париж, Кельн и Верро сроком на 2 месяца с ассигнованием соответствующей субсидии».[66]

Включение Парижа в план маршрута можно объяснить, очевидно, следующим образом. Г. П. Блок неоднократно предпринимал попытки

---

[63] Протоколы общего собрания Академии наук. Пг., 1921. С. 51–52 (7-е заседание от 3 сентября). Далее: *Протоколы АН*, с указанием года и страницы.

[64] Там же. С. 94 (10-е заседание от 3 декабря).

[65] *Протоколы АН*. 1922. С. 6 (1-е заседание от 14 января).

[66] Там же. С. 26 (4-е заседание от 1 апреля).

отыскать часть «фетовских» документов, находившихся у Н. Н. Черногубова. Вскоре после покупки части архива у П. Д. Боткина, в апреле 1921 года, он писал Б. Л. Модзалевскому: «Вот адрес Ник. Ник. Черногубова: станция Гуты, Ахтырского уезда, Харьковской губ., именье „Натальевка“, бывшее Харитоненок. Губерния, уезд и название имения сомнений не внушают, за станцию же не ручаюсь, т. к. назвал мне ее П. Д. Боткин — человек бестолковейший. Буду бесконечно Вам признателен, если Вы найдете возможным написать Айзенштоку,[67] чтобы узнал о Черногубове, жив ли он, чем занимается и не собирается ли уехать куда-нибудь. Если он сидит там прочно, сделаю все возможное, чтобы летом в него выстрелить».[68] Предприятие это не удалось. Не известно, из каких источников Георгий Петрович получил информацию, но через полгода он писал Б. Садовскому: «Черногубов в Париже держит антикварную лавочку».[69] Очевидно, Г. П. Блок собирался продолжить поиски Черногубова за границей.

Поехать в командировку Георгий Петрович не смог. Вскоре после отказа на первое прошение Академии наук он писал Б. Садовскому: «В Дармштадте мне отказано. Можно бы возобновить хлопоты, но болезнь матери побуждает меня думать, что надо с этим подождать, не ломиться».[70] А через три месяца об этом же — в письме к Б. Л. Модзалевскому: «…у меня нездоровы и жена и мать. Обе лежат <...> Приходится быть сиделкой и никак от них отойти не могу. Простите меня, грешного Вашего сотрудника, что все истощаю и истощаю свой кредит. Очень мне это горько. Не на то я надеялся, когда осенью вступал в Вашу сень».[71]

О других сложных событиях, произошедших в личной жизни Георгия Петровича в этот год, пишет в своих воспоминаниях Наталия Георгиевна Магеровская — дочь Георгия Петровича от первого брака: «…нас, детей, было трое и все три девчонки: Марина (1913 год), Наташа (1914) и Ася (1915). И все трое достались отцу. Мама наша в одно время с папой вышла второй раз замуж за музыканта-пианиста, поляка

[67] И. Я. Айзеншток в это время заканчивал Харьковский университет, занимался библиографическими разысканиями в библиотеках Харькова и был знаком со многими местными коллекционерами и архивистами. См., например, его письма (5) к В. П. Семенникову (1916–1922): *ИРЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. № 63.

[68] *ИРЛИ.* Ф. 128.

[69] *Письма Блока Садовскому.* № 85. С. 88, письмо от 29 ноября 1921 г.

[70] Там же.

[71] *ИРЛИ.* Ф. 128.

или литовца по фамилии Лишке. Это произошло в голодном 1919 году. У них с папой сохранились добрые отношения. Но как наша мама решилась остаться без детей, трудно себе представить.<…> В 1922 году весной за нами приехали наши родители. Папа с мамой. Мы ехали в пригородном поезде, и мне помнится, что родители сидели в разных купе. Мы перемещались от одного к другому. В поезде было мало народу. Не помню, говорили ли нам родители, что они разошлись и что едем мы на дачу в Царское Село, где нас ждет папина новая жена.<…> Очевидно, мы вышли из поезда на станции Александровка, откуда было близко до Царского Села, а мама поехала дальше <…> В 1919 году, когда Леша (так дети звали вторую жену Георгия Петровича — Елену Эрастовну Штерцер. — *Е. А.*) вышла замуж за нашего папу, ей было 23 года, когда нас привезли к ней в 1922-м, ей исполнилось 26 лет, а мне восемь. Мы приехали накануне ее дня рождения 9 мая. Мне она сразу понравилась…».[72]

Скорее всего, эти семейные обстоятельства и явились главной причиной отказа Георгия Петровича от поездки. Вероятно, необходимость обеспечивать большую семью заставила его искать более доходную работу. В середине апреля 1922 года, почти сразу после получения разрешения на командировку, он просит освобождения от обязанностей председателя Комитета по делам Типографии Академии наук.[73] Меньше чем через год после этого — в начале мая 1923 года — Георгий Петрович отказывается и от должности хранителя рукописного отделения Пушкинского Дома. С этого года он начинает работать в кооперативном издательстве «Время».

Параллельно со службой Г. П. Блок продолжал работать над фетовской биографией. 11 января 1923 года он писал Б. Л. Модзалевскому: «После годового перерыва у меня воскрес Фет. Взялся за большую свою прошлогоднюю статью (Новоселки — Верро — Погодин — Ап. Григорьев — Введенский) и упорно работаю над ней по-воровски — ночами. Скоро кончу».[74]

Через год в издательстве «Время» была издана книга «Рождение поэта», которую Пушкинский Дом на заседании Отделения русского язы-

---

[72] *ИРЛИ.* Ф. 645. Коллектив Рукописного отдела сердечно благодарит Наталью Георгиевну за сообщение ценных сведений о жизни отца и передачу в Пушкинский Дом рукописи своих «Воспоминаний о прожитой жизни» и документов из семейного архива.

[73] *Протоколы АН.* 1922. С. 33 (5-е заседание от 12 апреля).

[74] *ИРЛИ.* Ф. 128.

ка и литературы просил включить в серию своих «Трудов» как написанную на основании его материалов, на что поступило соответствующее разрешение.[75]

Дальнейшая работа Блока над жизнеописанием Фета была прервана: в феврале 1925 года его арестовали по «лицейскому делу». Наталья Георгиевна вспоминает: «Пришли к нам в субботу поздно вечером. Мы еще не спали. Лежали в кроватях после ванны <…> К нам засовывали руки под матрацы, искали что-то. И папу увели <…> кое-что из мебели и книг сохранили для нас родные и друзья. Квартиру конфисковали <…>».[76]

Г. П. Блок, проведя, по свидетельству дочери, 7 месяцев сначала в общей, а потом в одиночной камере, был сослан на Северный Урал, куда к нему через полгода приехала семья. Эти обстоятельства жизни Георгия Петровича отчасти объясняют неполноту сохранившихся в его архиве фетовских материалов, в первую очередь, отсутствие переписки с немецкими родственниками Фета.

После возвращения в Ленинград осенью 1928 года Георгий Петрович продолжает работать в издательстве «Время». В эти годы с ним знакомится Б. Я. Бухштаб, серьезно занимавшийся изучением творчества Фета.[77] В начале 1930-х годов Бухштаб получает предложение подготовить для издательства «Библиотека поэта» первое научное полное собрание стихотворений поэта. Возникает мысль о двух дополнениях к изданию. Одно из них — «Летопись жизни А. А. Фета» — он просит подготовить Г. П. Блока, который не потерял интереса к творчеству Фета, продолжал собирать материалы о нем, следил за публикациями.

Сохранившиеся в фонде Г. П. Блока два письма Б. Я. Бухштаба к нему 1934 года доносят до нас отголоски их совместной работы над изданием. «Завтра я уезжаю, — писал Бухштаб 29 июня. — Очень был бы Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне, привели ли к благоприятному результату ваши переговоры с Сорокиным».[78] Он передает Георгию Петровичу сведения о цензурных разрешениях на издание фетовских

---

[75] *Отчет ОРЯС.* 1924. С. 10 (4-е заседание от 26 февраля).

[76] *ИРЛИ.* Ф. 645.

[77] По свидетельству М. Д. Эльзона, подготовившего к изданию книгу материалов из архива Б. Я. Бухштаба, в 1928–1929 гг. в его дневнике появляются записи о Фете (*Бухштаб Б. Я.* Фет и другие / Сост., вступит. статья, подготовка текста М. Д. Эльзона при участии А. Е. Барзаха. СПб., 2000).

[78] Г. Э. Сорокин — писатель, член редакционной коллегии издательства «Библиотека поэта».

сборников, о публикациях Фета в журналах. Эти, а так же все собранные им фетовские материалы Г. П. Блок использовал при составлении «Летописи жизни А. А. Фета».

В его архиве сохранились два машинописных экземпляра «Летописи» и подготовительные материалы к ней. Один из них, с редакторской и корректорской правкой, лег в основу публикации, осуществленной Б. Я. Бухштабом в 1985 году, другой является копией первого с незначительными карандашными пометами рукой неустановленного лица.

Подготовительные материалы представляют собой многочисленные выписки Г. П. Блока (на карточках, отдельных листах и в 7 тетрадях) из произведений, писем и воспоминаний Фета, критической и мемуарной литературы о нем; биобиблиографические и генеалогические записи; фрагменты «Летописи» и др.[79]

Публикация «Летописи» в качестве одного из приложений к собранию стихотворений Фета не состоялась. Об обстоятельствах, не позволивших осуществить издание в намеченном объеме, Бухштаб писал позднее: «Обе работы (помимо «Летописи», планировалось включить нотографию Б. В. Саитова «Фет в музыке». — *Е. А.*) были выполнены и приняты. Однако ко времени сдачи рукописи в набор вышло правительственное постановление, регулировавшее количественное соотношение текста и вспомогательного аппарата в изданиях классиков. Пришлось значительно сократить свод вариантов, довести примечания до 7 печатных листов, от приложений отказаться и издать собрание Фета не в двух томах, а в одном томе, который появился в 1937 году. Поскольку и по первоначальному расчету издательство смогло уделить „Летописи жизни Фета“ лишь три печатных листа, Г. П. Блоку при-

[79] Отсутствие сведений об этих архивных материалах, вероятно, явилось причиной сомнений в самостоятельности работы Г. П. Блока над составлением «Летописи», которые высказывались в некоторых работах последнего времени со ссылками на сообщения Б. Садовского, который в середине 1910-х гг. в анонсах книг неоднократно извещал о скором выходе в свет своей работы: «А. А. Фет: Жизнь и творения. Хронологическая канва». Однако книга так и не была издана и не сохранилась в его архиве. К тому же дружеская переписка Г. П. Блока с Б. Садовским неожиданно прервалась осенью 1922 г., после их личной встречи в Нижнем Новгороде. С. В. Шумихин предположил, что причиной разрыва стало слишком ревнивое отношение Б. Садовского к тем «масштабам, в которых Блок воспользовался сообщенными ему сведениями о Фете» (*Шумихин С. В.* Фет, Блок, Гумилев… С. 5). Однако материалы фонда Г. П. Блока не дают повода усомниться в самостоятельности его работы над «Летописью жизни А. А. Фета».

шлось отказаться от библиографических и археографических ссылок».[80]

Б. Я. Бухштаб не мог упомянуть еще об одном обстоятельстве, повлиявшем на судьбу публикации блоковской «Летописи». В феврале 1935 года Георгий Петрович был вторично арестован как «социально опасный элемент» и вместе с семьей выслан в Казахстан сроком на 5 лет. Только в 1945 году его окончательно реабилитировали.[81]

За это время жизненные перипетии окончательно увели Блока от фетовской темы. Несмотря на это, в 1959 году Б. Я. Бухштаб, как и прежде, почтительно просит у Георгия Петровича его «соображений и замечаний» о своей вступительной статье к Полному собранию стихотворений Фета, подготовленному для Большой серии «Библиотеки поэта». «Может быть, и по биографической части я что-нибудь соврал или не учел, — пишет он 7 мая 1959 года, — пожалуйста, напишите мне все, преодолев Вашу деликатность». Из письма видно, что Б. Я. Бухштаб пытался опубликовать «Летопись» Г. П. Блока в готовящемся издании. Публикация и на этот раз не состоялась. «…Если придется еще раз издавать Фета, поставлю этот вопрос заранее», — обещал он Блоку и, как мы знаем, выполнил свое обещание, хотя уже после его смерти.

Начатая Г. П. Блоком работа прервалась на взлете, но введенные в научный оборот благодаря его архивным и библиографическим разысканиям материалы не потеряли своей значимости. «Летопись» же и второй раз, в 1994 году, была опубликована в том же сокращенном варианте.[82]

Возвращаясь к статье Б. Я. Бухштаба о литературном наследии поэта, отметим, что ученый, прежде всего, обратил внимание на известные к середине 1930-х годов автографы Фета, которых, к сожалению, сохранилось очень мало. В частности, в обзоре он писал: «Кроме случайных листков единственные рукописные источники, дошедшие до нас, это две тетради, в которые Фет в период 1864–1885 гг. вписывал свои стихи <…>».[83] И далее: «Автографов стихотворений во Вс<есоюзной> библ<иотеке> (ныне *РГБ. — Е. А.*) — небольшое количество на

---

[80] См. вступит. статью Бухштаба: *Летопись*. С. 276.

[81] Сведения об арестах Г. П. Блока взяты нами из ответов КГБ СССР на запросы его дочери — А. Г. Порфировой, переданных на хранение в Рукописный отдел *ИРЛИ* и присоединенных к фонду Блока.

[82] *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // *Фетовские чтения (1994)*. С. 273–333.

[83] *Бухштаб. Обзор.* С. 576.

отдельных листах. ИРЛИ же обладает единственными двумя сохранившимися тетрадями стихотворений Фета».[84]

Речь идет о двух тетрадях (из известных десяти)[85] с автографами и авторизованными списками стихотворений Фета (1854–1885), учтенных в инвентарных книгах Рукописного отдела как отдельное поступление. Из дела фонда следует, что тетради эти были куплены в июне 1922 года у А. Никольской, родственницы издателя первого Полного собрания стихотворений Фета Б. В. Никольского, который получил их, вероятно, от великого князя Константина Константиновича (К. Р.), редактировавшего посмертное издание стихотворений поэта совместно с Н. Н. Страховым. О том, что Мария Петровна Шеншина после смерти мужа передала тетради с автографами его стихов К. Р., свидетельствует ее переписка с великим князем. Например, в письме от 21 февраля 1893 года Константин Константинович писал Марии Петровне: «В оставленных Вами у меня двух тетрадках неизданных стихотворений упомянутых пяти пьес нет».[86] Из книги Садовского также следует, что к 1916 году все тетради являлись собственностью Б. В. Никольского.[87]

С 1935 года, времени публикации статьи Б. Я. Бухштаба, количество автографов Фета в Рукописном отделе увеличилось: учтено более 20 автографов и столько же списков стихотворений. Попали они в Рукописный отдел в составе крупных собраний, фондов других лиц и как отдельные поступления, в том числе в альбомах. Ниже публикуется перечень автографов Фета, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Все автографы сгруппированы в два раздела: ПРОИЗВЕДЕНИЯ и ПИСЬМА. В разделе ПРОИЗВЕДЕНИЯ под цифрой I перечисляются Стихотворения Фета *в рукописных тетрадях, на отдельных листах, в составе писем А. А. Фета* к разным лицам, а также стихотворные *переводы Фета*. Под цифрой II помещены Прозаические произведения, под цифрой III — Другие материалы, в которые включены *гранки, списки и переводы* произведений Фета. Раздел ПИСЬМА включает *письма А. А. Фета, письма к А. А. Фету* и его *дарительные надписи*. За *** помещены автографы с записями адресов.

---

[84] *Бухштаб. Обзор.* С. 599.

[85] О рукописных тетрадях Фета см. в книге Б. Садовского «Ледоход» в разделе «Описание рукописей А. А. Фета» (*Садовской.* С. 185–186). Тетради, хранящиеся в Пушкинском Доме, обозначены здесь литерами «А» и «Б».

[86] *ИРЛИ.* Ф. 137. № 76. Л. 318 об.

[87] *Садовской.* С. 187.

В разделе ПРОИЗВЕДЕНИЯ материалы имеют единую сквозную нумерацию, а внутри подразделов расположены в алфавитном порядке. В разделе ПИСЬМА — два ряда сквозной нумерации: в письмах Фета и в письмах к нему. Оба подраздела содержат по два ряда алфавита: сначала в каждом подразделе представлены письма из архива Фета, затем — письма, находящиеся в архивах других лиц.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I. Стихотворения

В рукописных тетрадях

1. «*Тетрадь 1*». Стихотворения. В тетради, в зеленом переплете с вензелем. 1854–1859. 108 л. — № 14166.
2. «*Тетрадь* 2». Стихотворения. В тетради, в коричневом переплете с вензелем. 1859–1885. С посвящением от И. П. Борисова. 138 л. — № 14167.[88]

На отдельных листах

3. **«Всю ночь гремел овраг соседний…»**, черновой автограф, с датой: 1872, декабря 23. — № 11843 (Архив Я. П. Полонского). Л. 4 об.
4. **«Другу»** («Когда в груди твоей страданье…»), с датой: 1857, мая 15. Рукой Е. В. Федоровой. — Ф. 137 (К. Р.). № 74. Л. 34–34 об.
5. **«Ивы и березы»** («Березы Севера мне милы…») (на об. — стихотворение «Последнее слово»). Б. д. 1 л. — Ф. 645 (Г. П. Блока, не обработан).
6. **«Из Рюккерта»** («Как мне решить, мой друг прелестный…»). <1865>. 1 л. — Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1313.[89]
7. **«К бюсту Ртищева в Воробьевке»** («Прости меня, почтенный лик…»). Б. д. Рукой Е. В. Федоровой. — Ф. 137 (К. Р.). № 74. Л. 34 об.–36.
8. **«На корабле»** («Летим! туманною чертою…»). <Октябрь 1856 или январь 1857>. 1 л. — № 21213 (Собр. П. И. Бартенева).
9. **<На смерть А. В. Дружинина>** («Умолк твой голос навсегда…»). <1864, январь>. 1 л. — № 18081 (Архив В. П. Гаевского).

---

[88] Перечень автографов, находящихся в этих двух тетрадях, будет помещен в следующем выпуске сборника.

[89] Перевод стихотворения Рюккерта «Ich wüßte nicht, wenn ich's vergliche…». Впервые напечатано в сборнике «Утро» (М., 1866) и впоследствии включено в первый выпуск «Вечерних огней».

10. **«На юбилей А. Н. Майкова»** («Пятьдесят лебедей пронесли…»). <1888, 25 марта>. Рукой секретаря, подпись — автограф. Б. д. 2 л. — № 17141 (Архив А. Н. Майкова).
11. **«Песня столетию»** («Феб и Диана владычица-дева лесная…»). <1857>. С сопроводительными письмами к А. И. Давыдову и А. В. Дружинину от 10–11 ноября 1857 г. 2 л. — № 2351.
12. **«Последнее слово»** («Я громом их в отчаяньи застигну…») (на об. — стихотворение «Ивы и березы»). Б. д. 1 л. — Ф. 645 (Г. П. Блока, не обработан).
13. **«Шопену»** («Ты мелькнула, ты предстала…»). Б. д. — Ф. 654 (А. А. Блока). Оп. 3. № 73. Л. 2. На обложке примечание А. А. Блока о том, что стихотворение переписано Фетом для Вл. С. Соловьева.
14. **«Я был у Кача и Орбека…»**, с датой <1871>, 2 июля. 2 л. — № 23394 (Архив Лонгиновых).

В составе альбомов

15. Альбом М. П. Боткиной. 1832–1908. 138 л. — № 24535_{1-2} (Архив А. А. Фета).
«Ответ старого поэта на 37 году от роду», с датой: 1857, 11 декабря (Л. 8).
«Победа! Безоружна злоба…», с датой: 1857, 8 апреля (Л. 64 об.).
«Сестра» («Милой меня называл он вчера…»). Б. д. (Л. 122).
«Только станет смеркаться немножко…», с датой: 1857, 8 мая (Л. 85).
«У камина» («Тускнеют угли. В полумраке…»). Б. д. (Л. 68).
Здесь же: автобиографическая заметка. <После 1877> (Л. 20); рисунок 12-летнего Фета (?) с припиской «Августа 20. Вечер» (Л. 9); засушенные цветы с подписью поэта «16/26 авг<уста> 1857. Париж» (Л. 56).
16. Альбом А. Л. Бржеской. 1846–1854. 84 л. — Р. I. Оп. 42 (Коллекция альбомов). № 84.
«Весенних чувств не должно вспоминать…», с датой: 1847, 27 июня (Л. 9).
«Мы нравимся уездам и столицам…», с датой: 1847, 9 мая (Л. 15).
«Я в моих тебя вижу всё снах…», с датой: 1847, 7 сентября (Л. 43).
«Я вам пророчил поклоненье…», с датой: 1847, 9 сентября (Л. 19).
«Я пришел к тебе с приветом…», с датой: 1847, 10 мая (Л. 26).
17. Альбом О. П. Козловой. 1887–1889, 74 л. — Ф. 131 (П. А. Козлова). № 129.
«Шепот, робкое дыханье…», с датой: 1889, 23 января (Л. 19).
18. Из альбома Н. М. Соллогуб (вырезанный лист со стихотворением). Б. д. 1 л. — Ф. 627 (Собр. П. Е. Щеголева). Оп. 2. № 29.
«К Сикстинской Мадонне» («Вот сын ее! — он тайна Иеговы…»).

В составе писем А. А. Фета

19. *Бржеской А. Л.* (?) (вырезанные из письма подпись и четверостишие). Б. д. 1 л. — Ф. 39 (З. А. Венгеровой и Н. М. Минского). (Оп. 6). № 1205.
<А. Л. Бржеской> «Хоть строчкой, бедная подруга…».

20. *Дункер Е. Д.* (урожд. Боткиной), п. от 24 июня 1891 г., с датой: 29 мая 1891. Рукой Е. В. Федоровой, подпись — автограф. — № 20270 (Архив А. А. Фета). Л. 18.
«Я говорю, что я люблю с тобою встречи…».

21. *Константину Константиновичу, вел. кн.* (К. Р.). Стихотворения и переводы (57). Рукой Е. В. Федоровой, подпись — автограф. — Ф. 137 (К. Р.). № 75–76.
«Алмаз» («Не украшать чело царицы…»), в п. от 6 марта 1888 г. с датой: 9 февраля 1888 (№ 75. Л. 135).
«Барашков буря шлет своих…», в п. от 4 сентября 1892 г. (№ 76. Л. 279).
«Благовонная ночь, благодатная ночь…», в п. от 26 мая 1887 г. (№ 75. Л. 58).
«Была пора, и лед потока…», в п. от 26 апреля 1890 г. (№ 76. Л. 35).
«Графине С. А. Алексей Толстой» («Где средь иного поколенья…»), в п. от 11 января 1890 г. с датой: 24 декабря 1889 (№ 76. Л. 10–10 об.).
«Давно ль на шутки вызывала…», в п. от 26 апреля 1890 г. (№ 76. Л. 35 об.).
«Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу» («Не сетуй, будто бы увяла…»), в п. от 25 августа 1891 г. (№ 76. Л. 176–177).
«Ее Величеству Королеве Эллинов при получении Ее портрета» («Звезда сияла на востоке…»), в п. от 7 апреля 1887 г. с датой: 1 апреля 1887 (№ 75. Л. 53–53 об.).
«Ель рукавом мне тропу занавесила…», в п. от 4 ноября 1891 г. с датой: 4 ноября 1891 (№ 76. Л. 198).
«Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал…», в п. от 20 января 1891 г. (№ 76. Л. 125).
«Если радует утро тебя…», в п. от 25 января 1887 г. (№ 75. Л. 19–19 об.).
«Жду я — тревогой объят…», в п. от 27 декабря 1886 г. с датой: 13 декабря 1886 (№ 75. Л. 15–15 об.).
«За горами, песками, морями…», в п. от 4 мая 1891 г. (№ 76. Л. 149–149 об.).
«Зной» («Что за зной! Даже тут под ветвями…»), в п. от 28 ноября 1888 г. (№ 75. Л. 217).

«И вот письмо. Он в нем не пишет…», в п. от 29 мая 1891 г. (№ 76. Л. 155 об.).

«Их Императорским Высочествам Великой Княгине Елизавете Маврикиевне и Великому Князю Константину Константиновичу» («Давно познав, как ранят больно…»), в п. от 30 января 1889 г. с датой: 30 января 1889 (№ 75. Л. 236).

«Качаяся, звезды мигали лучами…», в п. от 20 февраля 1891 г. (№ 76. Л. 133).

«К ней» («Кто постигнет улыбку твою…»), в п. от 26 апреля 1890 г. (№ 76. Л. 34).

«11 июля 1887 года» («Когда б дерзал, когда б я славил…»), в п. от 6 июля 1887 г. (№ 75. Л. 76).

«Когда дыханье множит муки…», в п. от 23 октября 1892 г. (№ 76. Л. 289 об.).

«Когда, колеблем треволненьем…», в п. от 8–10 мая 1890 г. (№ 76. Л. 46).

«Людские так грубы слова…», в п. от 2 октября 1889 г. (№ 75. Л. 293 об.).

«Моего тот безумства желал, кто смежал…», в п. от 6 июля 1887 г. с датой: 25 апреля 1887 (№ 75. Л. 76–76 об.).

«На бракосочетание Его Императорского Высочества Великого Князя Павла Александровича с Ее Королевским Высочеством Александрой Георгиевной. 4 июня 1889 года» («Не воспевай, не славословь…»), в п. от 10 мая 1889 г. (№ 75. Л. 270–270 об.).

«На качелях» («И опять в полусвете ночном…»), в п. от 26 апреля 1890 г. (№ 76. Л. 34 об.).

«На погребение Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Георгиевны» («Там, где красные ступени…»), в п. от 27 сентября 1891 г. (№ 76. Л. 188–189).

«На смерть Бражникова» («Взвод вперед; справа по три, — не плачь!..»), в п. от 21 июня 1891 г. (№ 76. Л. 162 об.–163).

«На юбилей А. Н. Майкова» («Пятьдесят лебедей пронесли…»), в п. от 2 апреля 1888 г. с датой: 25 марта 1888 (№ 75. Л. 141–141 об.).

«Не могу я слышать этой птички…», в п. от 24 февраля 1892 г. с датой: 16 февраля 1892 (№ 76. Л. 246–246 об.).

«Не отнеси к холодному бесстрастью…», в п. от 24 февраля 1892 г. с датой: 15 февраля 1892 (№ 76. Л. 246).

«Нет, я не изменил. До старости глубокой…», в п. от 8 февраля 1887 г. (№ 75. Л. 25).

«Ночь лазурная смотрит на скошенный луг…», в п. от 18 июня 1892 г. с датой: 12 июня 1892 (№ 76. Л. 263).

«Оброчник» («Хоругвь священную подъяв своей десной…»), в п. от 2 октября 1889 г. (№ 75. Л. 293).

«Одним толчком согнать ладью живую…», в п. от 9 декабря 1887 г. с датой: 28 октября 1887 (№ 75. Л. 107).

«Она» («Две незабудки, два сафира…»), в п. от 20 марта 1889 г. (№ 75. Л. 254 об.).

«Опавший лист дрожит от нашего движенья…», в п. от 20 января 1891 г. (№ 76. Л. 124).

«Почему?» («Почему, как сидишь озаренной…»), в п. от 7 декабря 1891 г. с датой: 3 декабря 1891 (№ 76. Л. 214).

«Поэтам» («Сердце трепещет отрадно и больно…»), в п. от 12 июня 1890 г. (№ 76. Л. 61–61 об.).

«Прости! Во мгле воспоминанья…», в п. от 12 февраля 1888 г. с датой: 22 января 1888 (№ 75. Л. 129 об.–130).

«Прости! и все забудь в безоблачный ты час…», в п. от 25 января 1887 г. (№ 75. Л. 19).

«Светил нам день, будя огонь в крови…», в п. от 20 июля 1887 г. с датой: 9 июня 1887 (№ 75. Л. 84).

«Севастопольское братское кладбище» («Какой тут дышит мир! Какая славы тризна…»), в п. от 18 июня 1887 г. с датой: 4 июня 1887 (№ 75. Л. 65–65 об.).

«Сегодня все звезды так пышно…», в п. от 28 ноября 1888 г. (№ 75. Л. 218).

«Сердце желанием встречи томимо…», в п. от 4 июня 1889 г. с датой: 4 июня 1889 (№ 75. Л. 276).

«Сердцем предвидя невольный ответ…» (в окончательном варианте «Чуя внушенный другими ответ…»), в п. от 4 марта 1890 г. с датой: 30 января 1890 (№ 76. Л. 22).

«Сплывают льда былые своды…», в п. от 27 марта 1887 г. с датой: 25 марта 1887 (№ 75. Л. 47–47 об.).

«Только месяц взошел…», в п. от 20 февраля 1891 г. (№ 76. Л. 132).

«Тому не лестны наши оды…», в п. от 25 августа 1891 г. (№ 76. Л. 174 об.).

«Устало все кругом, устал и цвет небес…», в п. от 28 августа 1889 г. (№ 75. Л. 288 об.).

«Хоть счастие судьбой даровано не мне…», в п. от 26 июня 1890 г. с датой: 16 июня 1890 (№ 76. Л. 68).

«Член Академии больной…» (последняя, четвертая, строфа), в п. от 18 февраля 1887 г. (№ 75. Л. 33 об.).

«Что за звук в полумраке вечернем? — Бог весть!..», в п. от 6 июля 1887 г. с датой: 10 апреля 1887 (№ 75. Л. 76 об.).

«Я говорю, что я люблю с тобою встречи…», в п. от 29 мая 1891 г. (№ 76. Л. 156) и 21 июня 1891 г. (Там же. Л. 162).

«Quasi una fantasia» («Сновиденье…»), в п. от 11 января 1890 г. с датой: 31 декабря 1889 (№ 76. Л. 10 об.–11)

Из Марциала

«Книжке» («В пору, как облик мой для Цецилия пишут Секунда…») (Кн. VII, 84), в п. от 20 мая 1890 г. (№ 76. Л. 53 об.).

<О пчеле, заключенной в куске янтаря> («Скрыта и светится сквозь из капли сестер Фаэтона…») (Кн. IV, 32), в п. от 28 ноября 1888 г. (№ 75. Л. 216).

«Цезарю Августу Домициану» («Часто ты, Август, с хвалой к моим относишься книжкам…») (Кн. IV, 27), в п. от 26 декабря 1888 г. (№ 75. Л. 222).

Здесь же: **«На пятидесятилетие моей Музы»** («На утре дней все ярче и чудесней…»), отдельный листок с печатным текстом, в п. от 27 января 1889 г. с датой: «28 января 1889 года» и подписью: «А. Фет». Сверху дарительная надпись рукой А. А. Фета: «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу — преданный юбиляр» (№ 75. Л. 229).

22. *Майкову А. Н.*, п. от 15 октября 1889 г. — № 16977 (Архив А. Н. Майкова). Л. 5 об.

«А. Н. Майкову» («Кто так роскошно тогу эту…»).

23. *Полонскому Я. П.* Стихотворения и переводы (35). Рукой Е. В. Федоровой, подпись — автограф. — № 11843б (Архив Я. П. Полонского).

«Безобидней всех и проще…», в п. от 25 января 1891 г. с датой: 22 января (Л. 148 об.).

«В минувшем жизнь твоя богата…», в п. от 26 августа 1890 г. (Л. 110 об.).

«Весь вешний день среди стремленья…», в п. от 25 января 1891 г. с датой: 21 января (Л. 148).

«Гаснет заря в забытьи, в полусне…», в п. от 7 января 1889 г. (Л. 45 об.); вариант первой строфы — в п. от 16 января 1889 г. (Л. 46 об.).

«Графине (Алексей) Толстой» («Где средь иного поколенья…»), в п. от 5 января 1890 г. (Л. 88).

«Давно ль на шутки вызывала…», в п. от 25 апреля 1890 г. (Л. 105).

«Ель рукавом мне тропу занавесила…», в п. от 5 ноября 1891 г. (Л. 192).

«Завтра — я не различаю…», в п. от 25 января 1891 г. с датой: 25 января (Л. 149).

«Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал…», в п. от 19 января 1891 г. (Л. 144 об.–145).

«За вздохом утренним мороза…», в п. от 9 декабря 1890 г. (Л. 89).
«За горами, песками, морями…», в п. от 16 апреля 1891 г. (Л. 160).
«И опять в полусвете ночном…», в п. от 31 марта 1890 г. (Л. 100).
«Из тонких линий идеала…», в п. от 9 декабря 1890 г. (Л. 89 об.).
«Качаяся, звезды мигали лучами…», в п. от 17 февраля 1891 г. (Л. 153 об.).
«Людские так грубы слова…», в п. от 9 октября 1889 г. (Л. 74).
«Мы встретились вновь после долгой разлуки…», в п. от 20 апреля 1891 г. (Л. 157).
«На кресле отвалясь гляжу на потолок…», в п. от 21 декабря 1890 г. (Л. 239–239 об.).
«На утре дней все ярче и чудесней…», в п. от 16 января 1889 г. (Л. 47–47 об.).
«Не воспевай, не славословь…», в п. от 2 июля 1889 г. (Л. 61 об.–62).
«Не могу я слышать этой птички…», в п. от 16 февраля 1892 г. (Л. 207–207 об.).
«Не отнеси к холодному бесстрастью…», в п. от 16 февраля 1892 г. (Л. 206 об.–207).
«Ночь лазурная смотрит на скошенный луг…», в п. от 17 июня 1892 г. (Л. 227 об.–228).
«Оброчник» («Хоругвь священную подъяв своей десной…»), в п. от 9 октября 1889 г. (Л. 73).
«Опавший лист дрожит от нашего движенья…», в п. от 19 января 1891 г. (Л. 144–144 об.).
«Опять осенний блеск денницы…», в п. от 8 сентября 1891 г. (Л. 179 об.).
«От огней, от толпы беспощадной…», в п. от 18 февраля 1889 г. (Л. 52–52 об.).
«Рассыпаяся смехом ребенка…», в п. от 14 марта 1892 г., с датой: 13 марта (Л. 210).
«Роями поднялись крылатые мечты…», в п. от 18 февраля 1889 г. (Л. 52 об.–53).
«Сердцем предвидя невольный ответ…», в п. от 31 января 1890 г. (Л. 91 об.), вариант второй строфы — в п. от 7 февраля 1890 г. (Л. 92 об.).
«Сновиденье…», в п. от 5 января 1890 г. (Л. 88 об.).
«Устало все кругом, устал и цвет небес…», в п. от 26 августа 1889 г. (Л. 68 об.).
«Фонтан» («Ночь и я, мы оба дышим…»), в п. от 8 сентября 1891 г. (Л. 179).
«Я вмиг рассеял бы, кажись…», в п. от 25 апреля 1890 г. (Л. 104–104 об.).

Из Марциала

«Сабеллу» («Что не без вкуса порой четверостишья ты пишешь…») (Кн. VII, 85), в п. от 11 августа 1889 г. (Л. 65 об.).

Из Тютчева

«О как люблю я возвращаться…» (Перевод стихотворения Тютчева «Des premiers ans de votre vie…»), в п. от 24 марта 1892 г. (Л. 215).

II. Прозаические произведения

24. **<«Семейство Гольц»>.** Рассказ (отрывок). Черновой автограф. <1870>. 2 л. — № 13510 (Архив Я. П. Полонского).

III. Другие материалы

Гранки стихотворений

25. «Вечера и ночи». Корректорские гранки цикла из 11 стихотворений (с поправками и исправлениями И. С. Тургенева для издания «Стихотворения А. Фета» 1856 г.), опубликованных: *ОЗ.* 1842. Т. 22. № 5. Отд. I. С. 67–80. — № 7151 (Собр. А. А. Корсуна). Л. 7–14 об.
26. Стихотворения (3). Корректорские гранки журнала «Современник». <1858>, 5 сентября, 19 января, б. д. — Ф. 628 (Архив ж. «Современник»). Оп. 2. № 193. Л. 13, 18, 19.
    «Рыбка» («Тепло на солнышке. Весна…»)
    «Ненастье» («Ни тучки нет на небосклоне…»)
    «Нимфа и молодой сатир» («Постой хотя на миг! О камень или пень…»)
27. Стихотворения (2). Корректорские гранки к сборнику «Стихотворения А. Фета» 1856 г. 25 февраля (с правкой И. С. Тургенева). 1 л. — № 2364.
    «О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной…»
    «Когда мои мечты за гранью прошлых дней…»

Списки стихотворений

28. Стихотворения (8). Списки неизвестной рукой. Б. д. 7 л. — Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1314.[90]

---

[90] Стихотворение «Прекрасная, она стояла тихо…» впервые опубликовано: *ПССт 1937.* С. 339–340, остальные: Литературная газета. 1847. № 15. С. 227–228 (стихотворение «К красавцу» впервые было опубликовано в «Москвитянине» в 1841 г.). Эти списки попали в Дашковское собрание в составе архива редактора «Литературной газеты» В. Р. Зотова. Именно по ним, как отмечает Бухштаб, стихотворения и были напечатаны в газете (см.: *ПССт 1937.* С. 735).

«Гнев Бога» («Я громом их в отчаяньи застигну…») (под номером LXI).

«Из Гейне» («Ах опять все те же глазки…» (XVIII).

«К красавцу» («Природы баловень, как счастлив…») (XLVII).

«К Цирцее» («Блажен, о Цирцея, кто в черные волны забвенья…») (XLVI).

«Кенкеты и мрамор и бронза…» (XX).

«Мой Ангел» («Как он прекрасен…») (LX).

«Прекрасная, она стояла тихо…» (XIX).

«Я знал, что нам близкое горе грозило…» (XXI).

29. «Жду я, тревогой объят». Список. Б. д. 1 л. — Ф. 341 (Собр. И. А. Шляпкина). Оп. 2. № 401.

30. «Мелодия» («Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне…»). Список рукой М. К. Станюкович, на отдельном листе при письме М. К. Станюкович к М. Ф. Гнесину. Б. д. — Ф. 432 (К. М. Станюковича). № 172. Л. 4.

31. «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты…». Список рукой Я. П. Полонского. Б. д. В альбоме Я. П. Полонского 1851 г. 56 л. — № 11697 (Архив Я. П. Полонского). Л. 31.

32. «День искупительного чуда час освящения креста…». Список рукой неустановленного лица. В альбоме Шеншиных. 1834–1884. 56 л. — № 4934 (отд. поступление от В. Н. Шеншина). Л. 36 об.

33. «Я долго стоял неподвижно…». Список рукой И. С. Тургенева. Б. д. 1 л. Фотокопия. (Подлинник хранится в Парижской Национальной библиотеке. Slave 78) — Р. I. Оп. 29. № 238.

Переводы произведений А. А. Фета

В материалах Рукописного отдела хранятся переводы произведений Фета: на украинский язык, выполненные В. В. Крестовским, на немецкий язык — В. П. Авенариусом, на французский язык — Е. В. Новосильцовой:

«Нет, не жди ты песни страстной…». Стихотворение. Перевод В. В. Крестовского на укр. яз. Б. д. — Ф. 265 (Архив ж. «Русская старина»). Оп. 2. № 1332. Л. 1 об.

«Нет, не жди ты песни страстной…», с подзаголовком «Из Фета». Перевод В. В. Крестовского на укр. яз. Автограф. <1858>, 20 мая. 1 л. — № 14577 (Архив В. А. Алексеева).

Стихотворения. Перевод В. П. Авенариуса на нем. яз. — № 10333 (Архив В. П. Авенариуса, не обработан).

«Сабина». Поэма (окончание отсутствует). Перевод на франц. яз. Е. В. Новосильцовой. 1861. Приложение к письму Е. В. Новосильцовой к А. А. Фету от 23 сентября 1861 г. — № 20287 (Архив А. А. Фета).

ПИСЬМА*

Письма А. А. Фета

Особенностью комплекса фетовских материалов в Рукописном отделе Пушкинского Дома является наличие обширной переписки поэта. Фет любил писать письма. «Переписка с друзьями и знакомыми составляла для него не тягость, как для большинства писателей, а наслаждение», — писал Н. Н. Страхов в биографическом очерке о Фете.[91] Общее количество писем приближается к 1000, примерно третью их часть составляют письма поэта.

Непосредственно в фонде Фета содержится 32 его письма к разным лицам:

1. **Боткиным Д. П.** и **С. С.** 10 п. <До 1867>, 12 июня–<1882>, 14 июня. 30 л. (8 конв.). Приписки М. П. Фет на письмах от 1 октября <1877–1878?>, 15 января <1879>, 14 июня 1882. — № 20268.

* 2. **Боткиной Е. Д.** (в перв. бр. фон Дункер, во втором бр. Щукина) и **Дункер К. Г. фон.** 21 п. 1887, 20 ноября–1892, 21 октября. 48 л. (4 конв.). Письмо от 26 ноября 1887 г. рукой А. А. Фета, остальные — рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф. — № 20270.

3. **Бржеской А. Л.** 1 п. (окончание отсутствует). <1884>, 10 апреля. 1 л. — № 20269.

Большая часть писем Фета учтена по фондам других фондообразователей. Наибольший интерес представляет переписка с великим князем Константином Константиновичем и с Я. П. Полонским.

Переписка с августейшим поэтом содержит 118 писем Фета. Началась она, как известно, после выхода в свет первого сборника стихотворений К. Р. в 1886 году.[92]

Считая свой сборник первым незрелым опытом, Константин Константинович искал авторитетного мнения о нем. Именно поэтому он послал сборник на суд людям, которых искренне почитал и перед талантом которых преклонялся: А. А. Фету, Я. П. Полонскому, Л. Н. и А. Н. Майковым, И. А. Гончарову, Н. Н. Страхову и П. И. Чайковскому.

В первом письме к Фету от 2 декабря 1886 года он писал: «Многоуважаемый Афанасий Афанасиевич, пишу Вам, не имея, к моему искреннему

---

* Далее звездочкой обозначены письма, которые публикуются в настоящем сборнике.

[91] *Страхов Н. Н.* А. А. Фет. Биографический очерк // *ПССт 1901.* С. XXXVI.

[92] См.: Стихотворения К. Р. СПб., 1886. Часть переписки опубликована: *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт К. Р. Личность. Творчество. СПб., 1995; *К. Р. Переписка*. С. 239–392 (публ. Л. И. Кузьминой и Г. А. Крыловой).

сожалению, удовольствия быть лично с Вами знакомым. Мне привелось узнать стороной, что Вы удостоили снисходительного отзыва стихотворения К. Р., принадлежащие моему скромному, начинающему и весьма неопытному перу. Я глубоко ценю такой бесконечно лестный для меня отзыв, как мнение одного из наших немногих маститых стихотворцев Пушкинской школы. Примите же от меня также снисходительно прилагаемую книжку стихов и дайте мне надеяться, что Ваше дорогое сочувствие принесет мне счастье на избранном мною пути».[93]

Фет отозвался искренне и сердечно. В письме от 5 декабря он писал: «Я давно отвык ждать того: „Чья благосклонная рука / Потреплет лавры старика“. Легко судить о моей сердечной радости, когда рука эта оказалась рукою Вашего Высочества».[94]

Завязалась переписка, оборвавшаяся только со смертью Фета. Вдова поэта вернула Константину Константиновичу его письма. Великий князь бережно сохранил переписку с любимым поэтом, аккуратно разложил свои и его письма в хронологическом порядке и изящно переплел их в два тома. Как известно, с таким же вниманием и заботой К. Р. отнесся и к переписке с другими рецензентами его первого сборника, передав драгоценные свидетельства своих творческих и личных отношений с ними потомкам.

Константин Константинович был искренен и правдив в своем желании беречь произведения Фета «как талисман». Он не только имел в своей библиотеке все прижизненные фетовские издания, но и, как известно, принял самое живое участие вместе с Н. Н. Страховым в издании его поэтического наследия.[95]

Исключительное значение переписки Фета с Я. П. Полонским для изучения жизни и творчества поэта отмечали многие исследователи.[96] Не повторяясь, уточним лишь количество фетовских писем в фонде Полонского: вместе с копиями, сделанными Ж. А. Полонской, они насчитывают 112 единиц.

В фондах адресатов имеется значительное количество отдельных писем Фета. Некоторые из них были названы Б. Я. Бухштабом в его обзоре.[97] Вместе с выявленными и поступившими в последнее время число их уже приблизилось к сотне и охватывает временной период с 1838 по 1892 годы. Перечислим письма А. А. Фета, находящиеся в фондах других лиц, а также пришедшие в Рукописный отдел отдельными поступлениями:

---

[93] *ИРЛИ*. Ф. 137. № 75. Л. 3–4.

[94] Там же. Л. 5 об.

[95] См.: Лирические стихотворения А. Фета: В 2 ч. СПб., 1894.

[96] Публикацию переписки см.: *Переписка с Полонским.*

[97] *Бухштаб*. *Обзор*. С. 597–599.

4. **Аксакову И. С.** 1 п. <1882>, 21 января. 2 л. — Ф. 3 (С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых). Оп. 4. № 692.

5. **Анненкову П. В.** 3 п. <1861>, 3–20 января. 8 л. (2 конв.). — Ф. 7 (П. В. Анненкова). № 108.

6. **Борисову И. П.** 10 п. 1848, 19 октября–1851, 30 января. 19 л. — № 13598 (Архив Я. П. Полонского).[98]

7. **Боткину Д. П.** (от А. А. и М. П. Фетов) 1 п. Б. г., 8 мая. 3 л. (1 конв.). — Р. III (Собр. ист.-лит. материалов). Оп. 2. № 1092.

8. **Боткину Д. П.** Приписка Фета в п. В. П. Боткина к Д. П. Боткину от 13 мая 1865 г. Машинописная копия. — Р. I. Оп. 2. № 107 (отдельное поступление). Л. 85.

9. **Боткину М. П.** 3 п. <1862>, 12 сентября–1889, 3 апреля. 6 л. П. от 3 апреля 1889 — рукой Е. В. Федоровой, заключит. фраза и подпись — автограф. — Ф. 365 (М. П. Боткина). Оп. 1. № 127.

10. **Боткину М. П.** Приписка Фета в п. М. П. Фет к М. П. Боткину от 21 февраля <1863 г.>. — Ф. 365 (М. П. Боткина). Оп. 1. № 128. Л. 43 об.

11. **Боткину М. П.** 22 п. 1888, 25 марта–1889, 28 февраля и б. г. 46 л. Автографы, рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф, на некоторых письмах приписки М. П. Фет. — Ф. 365 (М. П. Боткина). Оп. 1. № 59.

12. **Боткину Павлу П.** 2 п. Б. г., 23–26 июня. 4 л. — Ф. 365 (М. П. Боткина). Оп. 1. № 69.

13. **Буренину В. П.** 1 п. <1887>, 31 января. 2 л. Рукой Е. В. Федоровой, заключит. фраза и подпись — автограф. — Ф. 36 (В. П. Буренина). Оп. 2. № 503.

14. **Введенскому И. И.** 6 п. <1840, ноябрь–1841, 12 января>. 10 л. (1 конв.) — Ф. 93 (Собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 1315.[99]

15. **Гнедичу П. П.** 1 п. 1889, 23 мая. 1 л. Рукой Е. В. Федоровой, заключит. фраза и подпись — автограф. — Ф. 73 (П. П. Гнедича). № 488.

* 16. **Григоровичу Д. В.** 5 п. 1888, 14 декабря–1889, 3 ноября. 8 л. Рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф. — Ф. 82 (Д. В. Григоровича). № 164.

---

[98] См.: *Письма к Борисову* (№ 4, 6, 8, 9, 15–19, 21).

[99] См. публикацию писем (кроме п. Фета к Введенскому от 29 декабря 1840 г.): *Блок Г. П.* Рождение поэта. С. 60–84.

17. **Гроту Н. Я.** 8 п. 1888, 5 марта–1891, 14 ноября. Копии. 18 л. — Р. III (Собр. ист.-лит. материалов). Оп. 1. № 2072.

18. **Давыдову А. И.** 1 п. (сопроводит.) 1857, 10–11 ноября. — № 2351. Л. 2 об.

19. **Дружинину А. В.** 1 п. (сопроводит.) 1857, 10–11 ноября. — № 2351. Л. 2 об.

20. **<Елачичу А. Ф. или Н. А.?>** 1 записка <1891?>. 1 л. С атрибуцией Ф. И. Стравинского: «Получено от Николая Александровича Елачича в С<анкт>п<етер>бурге 1891, 2 марта». — № 25460 (Собр. Ф. И. Стравинского).

21. **Каткову М. Н.** 1 п. <1863>, 9 февраля. 1 л. — № 4750 (Архив М. Н. Каткова и кн. П. И. Шаликова).

22. **Козлову П. А.** 1 п. 1890, 27 октября. 2 л. Рукой М. П. Фет, заключит. фраза и подпись — автограф. — Ф. 131 (П. А. Козлова). № 96.

23. **Константину Константиновичу, вел. кн.** (К. Р.). 118 п., 2 телегр., дарительная надпись. 1886, 5 декабря–1892, 12 ноября. 307 л. В двух переплетенных альбомах. Автографы, рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф. Здесь же: переписка Константина Константиновича с М. П. Шеншиной и 2 фотографии А. А. Фета. — Ф. 137 (К. Р.). № 75–76.

24. **Ланге Г. И.** 2 п. 1890, 18 апреля и 10 декабря. 5 л. (1 конв.). — Ф. 22 (Г. Г. Бахмана). № 5. Книга VI. С. 41–45.

25. **Лебедеву А. А., прот.** 1 п. <Середина 1870-х>, 21 января. 2 л. Приложение: записка А. А. Фета с хозяйственными заметками. 1 л. — № 9943 (Архив А. А. Лебедева).

∗ 26. **Лонгинову М. Н.** 6 п. <1857>, 28 апреля–<1868>, 14 февраля. 11 л. — № 23300 (Архив Лонгиновых).

27. **Майкову А. Н.** 3 п. <1887>, 15 октября; 1889 (29 января, 1 марта). 6 л. Письма от 29 января и 1 марта — рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф. — № 16977 (Архив А. Н. Майкова).[100]

28. **Майкову А. Н.** 1 п. Б. д. 1 л. Копия рукой А. Н. Майкова (?). Приложено к п. А. Н. Майкова к В. А. Майкову от 2 февраля 1889 г. — № 17001 (Архив А. Н. Майкова). Л. 44.

29. **Майкову Л. Н.** 9 п. 1887, 4 октября–1888, 28 ноября. 15 л. Рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф. — Ф. 166 (Л. Н. Майкова). Оп. 3. № 1042 (ст. шифр. № 8873).

---

[100] Письмо Фета к А. Н. Майкову от 29 января 1889 г. опубликовано: Письмо А. А. Фета к А. Н. Майкову / Публ. П. А. Гапоненко // *РЛ.* 1988. № 4. С. 180–181.

30. **Милюкову А. П.** 1 п. 1886, 2 марта. 2 л. Рукой секретаря, заключит. фраза и подпись — автограф. — № 10326 (Архив А. П. Милюкова).
31. **Некрасову Н. А.** 2 п. <1855>, 25 декабря–<1856>. 4 л. — Ф. 202 (Н. А. Некрасова). Оп. 2. № 198.
32. **Островскому А. Н.** 1 п. <1860>, 29 марта. 2 л. — Р. III (Собр. ист.-лит. материалов). Оп. 2. № 1101.
33. **Перцову П. П.** 3 п. 1891, 17 марта–26 апреля. 9 л. (3 конв.). Рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф. — Р. III (Собр. ист.-лит. материалов). Оп. 2. № 1470–1472.
34. **Петровскому С. А.** 1 п. Б. г., 3 апреля. 2 л. — Ф. 160 (Коллекция Д. Н. Любимова). № 2 (Т. II). Л. 164.
35. **Плетневу П. А.** 1 п. <1856>, 21 сентября. 2 л. — Ф. 234 (П. А. Плетнева). Оп. 3. № 688.
36. **Полонскому Я. П.** 100 п. 1887, 26 декабря–1892, 3 октября. 238 л. Автографы и рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф. Здесь же автографы стихотворений. Приложение: визитная карточка А. А. Фета. — № 11843б (Архив Я. П. Полонского).
37. **Полонскому Я. П.** 9 п., 1 телегр. <1846>, 31 апреля–<1888>, 14 мая. 19 л. — № 13654 (Архив Я. П. Полонского).
38. **Полонскому Я. П.** 1 п. <1847>, 5 марта. 2 л. — Ф. 274 (Собр. М. И. Семевского). Оп. 3. № 186.
39. Переписка с **Я. П. Полонским**. 206 п. 1892, 16 февраля–21 октября. 110 л. Копии рукой Ж. А. Полонской. Здесь же письма М. П. Фет. — Ф. 241 (Я. П. Полонского). № 185.
40. **Соловьевой О. М.** (урожд. Коваленской) 4 п. 1884, 9 октября–7 декабря. — Ф. 645 (Г. П. Блока, не обработан).
41. **Стасюлевичу М. М.** 2 п. 1885, 10–16 декабря. 4 л. Рукой секретаря, заключит. фразы и подписи — автограф. — Ф. 293 (М. М. Стасюлевича). Оп. 1. № 1509.
42. **Толстой С. А.** (урожд. Берс) 1 п. 1891, 22 мая. 2 л. — Ф. 302 (Собр. Толстовского музея). Оп. 3. № 759.
43. **Тургеневу И. С.** 1 п. 1861, 15 января. 4 л. — Ф. 7 (П. В. Анненкова). № 153.
44. **Феоктистову Е. М.** 3 п. <1883>, 8 февраля, <1884>, 20 ноября, 1890, 30 сентября. 6 л. П. от 30 сентября 1890 г. — рукой Е. В. Федоровой, подпись — автограф. — № 9089 (Архив Е. М. Феоктистова).
45. **Фет М. П.** (урожд. Боткиной). Приписка Фета в письме И. П. Борисова к М. П. Фет. 1867, 4 декабря. — № 20308 (Архив А. А. Фета). Л. 6.

46. **Цертелеву Д. Н.** 15 п. 1887, 5 октября–1892, 16 марта, б. г. 30 л., в сшитой тетради. Рукой Е. В. Федоровой и М. П. Фет, заключит. фразы и подписи — автограф. — № 24133 (Архив кн. Д. Н. Цертелева).[101]
47. **Чайковской О. С.** (урожд. Денисьевой) 1 п. 1891, 9 июля. 3 л. (1 конв.). Рукой Е. В. Федоровой, подпись — автограф. — Р. III (Собр. ист.-лит. материалов). Оп. 1. № 2073.
48. **Штейну В. И.** 2 п. 1887, 3–12 октября. Рукой Е. В. Федоровой, заключит. фразы и подписи — автограф (подпись на л. 276 отрезана и утрачена). — Ф. 541 (В. И. Штейна). № 23. Л. 275–276, 298–299.

Отметим незначительные расхождения между реальным количеством писем Фета в некоторых фондах и приведенным в обзоре Б. Я. Бухштаба. В фонде М. П. Боткина (№ 365) содержится не одно, а 26 писем Фета, в фонде Д. В. Григоровича (№ 82) — не 3, а 5.

Ученый обратил внимание на то, что, «при обыкновении Фета посылать литературным друзьям и обсуждать в письмах свои стихотворения, письма его имеют совершенно исключительное значение для текстологии и истории создания его стихов».[102] Современные исследователи неоднократно обращали внимание на то, что сведения, содержащиеся в переписке Фета, являются также важным дополнением к его мемуарам и проясняют многие моменты в жизни поэта, создание научной биографии которого остается делом будущего.

Особенностью фонда Фета в Пушкинском Доме является наличие большого комплекса писем к поэту родственников, друзей-литераторов. В большинстве своем они не опубликованы.

Приведем сведения о письмах основных корреспондентов Фета, находящихся в его фонде:

Письма к А. А. Фету

1. **Боткин Дмитрий Петрович**. 67 п. к А. А. и М. П. Фетам. 1862, 18 сентября–1888, 4 июня. 181 л. (47 конв.). С пометами А. А. Фета и приписками М. П. Боткина. — № 20274.
2. **Боткин Михаил Петрович**. 6 п. с приписками его к М. П. Фет. 1874, 25 февраля–1888, 29 марта. 17 л. (5 конв.). — № 20275.
3. **Боткин Павел Петрович**. 16 п., 1 телегр. 1877, 2 июля–1884, 27 июня. 48 л. (15 конв). — № 20276.

---

[101] Восемь писем Фета к Цертелеву опубликованы: *Курганов Е.* Из истории литературных отношений Д. Н. Цертелева (Материалы и исследования) // Золотое руно. М., 1993. № 1. С. 148–152.

[102] *Бухштаб. Обзор.* С. 597.

4. **Боткин Петр Петрович**. 23 п. к А. А. Фету и А. А. и М. П. Фетам. 1870, 15 июня–1891, 23 июля. 50 л. (10 конв.). — № 20277.

* 5. **Борисов Иван Петрович**. 98 п. 1857–1871. 217 л. (21 конв.). На 14 письмах приписки Н. А. Борисовой и на двух — П. И. Борисова к М. П. и А. А. Фетам. — № 20272.

* 6. **Борисов Иван Петрович**. 1 п. 1857, 14–19 июля. 2 л. — № 20273.

7. **Борисов Петр Иванович**. 1 п. к А. А. и М. П. Фетам. 1867, 15 октября. 2 л. С припиской И. П. Борисова. — № 20273.

* 8. **Борисова Надежда Афанасьевна** (урожд. Шеншина). 13 п. 1858, 15 февраля–<1863>. 25 л. На пяти письмах приписки И. П. Борисова к А. А. Фету. — № 20271.

* 9. **Борисова Надежда Афанасьевна** (урожд. Шеншина). 7 п. к А. А. и М. П. Фетам. <1859–1862>. 14 л. — № 20307.

10. **Бржеская А. Л.** (урожд. Добровольская). 144 п., часть адресована А. А. и М. П. Фетам. 1863, 20 марта–1892, 17 ноября. 450 л. (110 конв.). К двум письмам приложены отрывки (3) из писем А. А. Фета к А. Л. Бржеской, автографы и рукой Е. В. Федоровой с припиской А. А. Фета. — № 20279.

11. **Бржеский А. Ф.** 18 п. 1857, 14 марта–1867, 23 декабря. 43 л. (7 конв.). В двух письмах приписки А. Л. Бржеской. — № 20280.

* 12. **Григорович Д. В.** 1 п. 1889, 28 марта. 3 л. (1 конв.). — № 20281.

13. **Грот Я. К.** 7 п. 1883, 12 сентября–1889, 14 октября. 21 л. (7 конв.). На 5 конвертах пометы А. А. Фета. — № 20282.

14. **Кусков П. А.** 1 п. 1888, 20 января. 3 л. (1 конв.). — № 20283.

* 15. **Леонтьев К. Н**. 13 п. 1884–1891. 42 л. (10 конв.). — № 20284.

16. **Новосильцов И. П.** 102 п. 1883, 17 февраля–1890, 3 апреля. 230 л. (58 конв.). — № 20288.[103]

17. **Новосильцова Е. В.** 1 п. 1861. 5 л. Приложение: ее перевод на франц. яз. поэмы А. А. Фета «Сабина» (окончание отсутствует). — № 20287.

18. **Полонский Я. П.** 6 п. 1888, 26, 27 июня–1892, 20, 21 мая. 22 л. (6 конв.). — № 20288а.

---

[103] Публикацию писем, подготовленную Е. В. Виноградовой, см.: Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету (1883–1890): 1) Часть I (1883–1884) // *Ежегодник РО ПД (2001)*. СПб., 2006. С. 179–217 (письма с 1 по 28); 2) Часть II (1885–1887) // *Ежегодник РО ПД (2005–2006)*. СПб., 2006. С. 179–217 (письма с 29 по 69); 3) Часть III (1888–1890) // *Ежегодник РО ПД (2007–2008)*. СПб., 2010. С. 252–294 (письма с 70 по 102).

19. **Семенов Н. П.** 10 п. 1884, 5 марта–1888, 25 января. 35 л. (10 конв.). — № 20289.
20. **Соловьев Вл. С.** Приписки на 4-х письмах Н. Н. Страхова к А. А. Фету: от 27 июля, 21 августа, 17 сентября 1885 г. и 13 августа 1890 г. — № 20290.
21. **Страхов Н. Н.** 125 п. <1879>–1892, 17 ноября. 380 л. (124 конв.). К 4 письмам приписки В. С. Соловьева к А. А. Фету, на 1 письме и 5 конвертах пометы А. А. Фета. — № 20290.
22. **Толстая С. А.** (урожд. Бахметева, в перв. бр. Миллер). 10 п. <1881>, 5 февраля–<1890-е>. 35 л. (10 конв.). — № 20291.[104]
23. **Тургенев И. С.** 14 п. 1858–1873. 28 л. На 7 письмах пометы А. А. Фета. — № 20293.[105]
24. **Хитрово С. П.** 5 п. <1880–1889>. 20 л. (4 конв.). — № 20294.[106]
25. **Шеншин П. А.** 1 п. <1867–1868>. 2 л. — № 20297.
26. **Шеншина Л. А.** 2 п. к А. А. и М. П. Фетам. <1862>, 17–<28–29> декабря. 4 л. (1 конв.). — № 20295.
27. **Шеншина О. В.** (в замуж. Галахова) 1 п. 1880, 22 сентября. 2 л. — № 20296.
28. **Энгельгардт С. В.** (урожд. Новосильцова). 151 п. <1858>, 16 июня–<1891>, 3 июня. 375 л. (65 конв.). — № 20298.[107]
29. Неустановленное лицо (без подписи). 1 п. Б. д. 1 л. — № 20285.
30. Неустановленное лицо (без подписи). 1 п. (окончание отсутствует). 1857, 27 декабря. 1 л. — № 20286.

Даже при беглом и поверхностном взгляде на письма к Фету нельзя не заметить удивительной духовной близости между поэтом и его корреспондентами. Многие «письма к Фету» адресованы и Марии Петровне. Нередко

---

[104] Шесть писем С. А. Толстой к Фету опубликованы: *Кузьмина И. А.* С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: к истории отношений // *РЛ.* 2005. № 1. С. 133–149.

[105] Письма вошли в состав Полного собрания сочинений и писем Тургенева: *Тургенев. Письма.*

[106] Письма С. П. Хитрово опубликованы в упоминавшейся выше статье И. А. Кузьминой: *Кузьмина И. А.* С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: к истории отношений. С. 142–146, 148–149.

[107] Эти письма опубликованы Н. П. Генераловой: Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету: 1) Часть I (1858–1873) // *Ежегодник РО ПД (1994).* СПб., 1998. С. 43–146; 2) Часть II (1874–1884) // *Ежегодник РО ПД (1995).* СПб., 1999. С. 70–120; 3) Часть III (1884–1891) // *Ежегодник РО ПД (1997).* СПб., 2002. С. 115–152.

в письмах к одному из супругов есть приписки, адресованные другому. В целом же семейная переписка Боткиных—Борисовых—Бржеских и других корреспондентов являет феномен духовной близости не только отдельных личностей, но и целых семей. Количество писем корреспондентов, хранящихся в Пушкинском Доме, длительность переписки делают эти материалы бесценными для исследователей творчества Фета, несмотря на ее односторонность.

Письма к А. А. Фету в фондах других лиц и в отдельных поступлениях:

31. **Константин Константинович, вел. кн.** (К. Р.). 91 п. и 4 телегр 1886–1892. Здесь же: переписка Константина Константиновича с М. П. Шеншиной. — Ф. 137 (К. Р.). № 75–76.
32. **Лесков Н. С.** 1 п. 1868, 16 августа. 1 л. Копия рукой А. Н. Лескова. — Ф. 612 (А. Н. Лескова). № 214.
33. **Майков А. Н.** 1 п. <1889, конец января—начало февраля>. 2 л. — № 16694 (Архив А. Н. Майкова).[108]
34. **Майков А. Н.** 1 п. 1889, 26 февраля. 2 л. — № 13569 (Архив Я. П. Полонского).
35. **Майков А. Н.** 1 п. Б. д. 1 л. Копия рукой А. Н. Майкова. Приложено к п. А. Н. Майкова к В. А. Майкову от 2 февраля 1889 г. — № 17001 (Архив А. Н. Майкова). Л. 44 об.
36. **Некрасов Н. А.** 1 п. <1856>, 31 июля. 2 л. — Ф. 202 (Н. А. Некрасова). Оп. 2. № 58 (ст. шифр № 21193).[109]
37. **Полонский Я. П.** 105 п. 1887, 29 декабря–1892, 20 ноября; б. д. 226 л. — № 11843а (Архив Я. П. Полонского).
38. **Полонский Я. П.** 1 п. Черновик. Б. д. 2 л. — Ф. 241. № 184.
39. **Соловьев Вл. С.** 1 п. Б. д. 3 л. (1 конв.). — Р. III (Собр. ист.-лит. материалов). Оп. 1. № 1951.
40. **Тургенев И. С.** 94 п. 1857–1882. 187 л. — Р. I. Оп. 29. № 32–33.[110]
41. **Штейн В. И.** 1 п. Черновик. Б. г., <4 октября>. — Ф. 541 (В. И. Штейна). № 23. Л. 277.
42. **Цертелев Д. Н.** 1 п. 1890, 16 января. 3 л. (1 конв.). — Ф. 341 (Собр. И. А. Шляпкина). Оп. 2. № 411.

---

[108] Опубликовано: *Майков А. Н.* Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД (1978).* Л., 1980. С. 204–205.

[109] Опубликовано: Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 27–28.

[110] Письма вошли в состав Полного собрания сочинений и писем Тургенева: *Тургенев. Письма.*

Часть фонда составляет переписка родственников (145 писем). Почти половина из этих писем (69) адресованы М. П. Боткиной (в замуж. Фет). Среди ее корреспондентов — И. П. и Н. А. Борисовы, А. Л. Бржеская, С. А. Толстая, С. В. Энгельгардт и др.

Дарительные надписи

1. **Голенищеву-Кутузову А. А., кн.** Дарительные надписи (2) на титульных листах книг «Вечерние огни» (Вып. 3 и 4). Б. д. <1888, 1891>. 2 л. — Ф. 411 (Собр. В. А. Десницкого). № 83.
2. **Константину Константиновичу, вел. кн.** (К. Р.). На типографском листке со стихотворением «На пятидесятилетие моей Музы» («На утре дней все ярче и чудней…»). 1889, 28 января. 1 л. — Ф. 137 (К. Р.). № 75. Л. 229.

* * *

3. Записная книжка А. А. Фета (адресная). Записи рукой А. А. Фета, а также неустановленных лиц. Б. д. 77 л. — Р. III (Собр. ист.-лит. материалов). Оп. 1. № 2071.
4. Запись адреса. Б. д. 1 л. В п. И. П. Новосильцова к А. А. Фету от 9 октября 1885 г. (письмо 37). — № 20288 (Архив А. А. Фета).

В заключение следует упомянуть о той части фетовских материалов, которые были переданы в Библиотеку и Литературный музей Института русской литературы. В своем обзоре Б. Я. Бухштаб перечислил прижизненные и основные существовавшие на тот момент посмертные собрания стихотворений Фета.[111] Почти все из них можно найти в Библиотеке Пушкинского Дома. Фетовские издания в составе пушкинодомского собрания — тема отдельного большого и интересного исследования, работа над которым ведется в настоящее время. В рамках же темы нашей статьи необходимо перечислить несколько автографов поэта, хранящихся в Библиотеке Пушкинского Дома.

Это шесть его дарительных надписей на переводах 1883–1888 годов. Пять из них адресованы М. П. Боткину, одна — Я. П. Полонскому. Надписи просты по содержанию и включают имя, отчество и фамилию адресата с одним-двумя эпитетами, а также безымянную подпись: «переводчик». Переводы были изданы в мягких обложках, сохраненных сотрудниками Библиотеки при последующем переплете книг в твердую обложку. Все автографы расположены на лицевой стороне обложки в верхней ее части справа

---

[111] См.: *Бухштаб. Обзор.*

и написаны чернилами. Приведем автографы в хронологической последовательности по годам издания книг, с указанием библиотечного шифра:

Дарительные надписи

1. «Дорогому Михаилу Петровичу Боткину переводчик».
   На кн.: Гораций К. Флакк в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883. Шифр: $53\frac{2}{1}$.
2. «Дорогому и любезнейшему Михаилу Петровичу Боткину переводчик».
   На кн.: Тибулл. Элегии. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. Шифр: $20\frac{8}{47}$.
3. «Любезнейшему и дорогому Михаилу Петровичу Боткину на память переводчик».
   На кн.: Катулл. Стихотворения. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886. Шифр: $20\frac{8}{48}$. Перед шмуцтитулом вклеено стихотворение Фета «Дмитрию Петровичу и Софие Сергеевне Боткиным. В день двадцатипятилетия их свадьбы. 16 января 1884 года» («Сегодня пир отрадный мы венчаем…»). [Б. м.]: тип. М. Щепкина, [1884]).
4. «Дорогому брату Михаилу Петровичу Боткину признательный переводчик».
   На кн.: Вергилий. Энеида. Перевод А. Фета. С введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора императорского Казанского университета. М., 1888. Ч. 1. Кн. I–VI. Шифр: $21\frac{8}{19}$.
5. «Дорогому брату Михаилу Петровичу Боткину переводчик».
   На кн.: Проперций Секст. Элегии. Перевод А. Фета. СПб., 1888 (оттиск из *ЖМНП*). Шифр: 44.123.
6. «Старейшему из друзей Якову Петровичу Полонскому».
   На кн.: Вергилий. Энеида. Перевод А. Фета. С введением, объяснениями и проверкою текста Д. И. Нагуевского, ординарного профессора императорского Казанского университета. М., 1888. Ч. 1. Кн. I–VI. Шифр: $8\frac{5}{13}$.

Среди фетовских материалов, хранящихся в третьем подразделении Института русской литературы — Литературном музее, особо следует упомянуть так называемый «Воробьевский альбом», содержащий уникальные фотографии портретов Фета (ныне утраченных) и членов его семьи, а также снимки, сделанные в его имении Воробьевка. Описание всех материалов, среди которых фетовское серебряное перо, передан-

ное в Пушкинский Дом великим князем Константином Константиновичем, гипсовый бюст, восковая миниатюрная скульптура сидящего на скамье Фета — часть неосуществленной групповой скульптуры (А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и Фета) и слепок с правой руки поэта работы Ж. А. Полонской, живописные портреты и фотографии Фета разных авторов, этюды Я. П. Полонского с видами Воробьевки, гравюры, репродукции и др., — тема, которая также требует отдельной разработки.

Мы же, оставаясь в рамках выбранной темы, отметим находящийся в музейной коллекции еще один автограф А. А. Фета, — дарительную надпись на оборотной стороне его фотопортрета работы Тулинова: «Молодому художнику Николаю Семеновичу Мосолову от заштатного А. Фета. 28 декабря 1862 года. Москва».

Завершая обзор материалов о жизни и творчестве А. А. Фета, хранящихся в Пушкинском Доме, необходимо заметить, что выявление автографов поэта нельзя считать законченным. Необработанные на сегодняшний день архивы, равно как и вновь поступающие могут пополнить этот список новыми документами. В качестве примера можно привести материалы из архивной коллекции крупнейшего петербургского библиофила — М. С. Лесмана,[112] уже более десяти лет продолжающие поступать на хранение в Рукописный отдел Пушкинского Дома. В составе коллекции находятся два известных письма поэта: к О. М. Соловьевой (Б. г., 7 декабря) и С. В. Энгельгардт (<1881>, 27 марта).

[112] См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотир. каталог. Публикации. М., 1989.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

Бухштаб. Обзор — *Бухштаб Б.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // *ЛН.* Т. 22–24. С. 561–602.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ВО 1, 2, 3, 4 — Вечерние огни. Вып. 1–4. М., 1883, 1885, 1888, 1891.

ГАОО — Государственный архив Орловской области (Орел).

ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).

Ежегодник РО ПД — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома… (на 1969–2008 годы). Л., 1971–1984; СПб., 1993–2010 (Изд. продолжается).

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

ИВ — журнал «Исторический вестник».

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

К. Р. Переписка — *К. Р.* Избранная переписка / Составитель Л. И. Кузьмина; Изд. подготовили Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский и др. СПб., 1999.

Летопись — *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 273–333.

Летопись. Дополнения — *Асланова Г. Д.* Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком // Там же. С. 334–346.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931–2008. Т. 1–103 (Изд. продолжается).

МВ — *Фет А.* Мои воспоминания. 1848–1889: В 2 ч. М., 1890.

МВед — газета «Московские ведомости».

НВр — газета «Новое время».

ОГ — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1871. Т. 29: Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года / Обработано Н. Штиглицем.

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Переписка с Боткиным — Переписка с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступит. ст., публ. и коммент. Ю. П. Благоволиной // *ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 156–542.

Переписка с Полонским — Переписка с Я. П. Полонским. 1846–1892 / Вступит. ст. Т. Г. Динесман; Публ. и коммент. Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной // Там же. С. 555–986.

Письма к Борисову — Письма к И. П. Борисову. 1846–1871 / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; Вступит. ст. и коммент. Г. Д. Аслановой // Там же. С. 64–155.

Письма к Олсуфьеву (50–52) — Письма А. А. Фета к А. В. Олсуфьеву / Публ. Г. Д. Аслановой // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. С. 214–246; М., 2000. Вып. 51. С. 251–279; М., 2004. Вып. 52. С. 106–134.

ПССт 1901 — Фет А. А. Полное собрание стихотворений: В 3 т. / Под ред. Б. В. Никольского. СПб., 1901.

ПССт 1937 — Фет А. А. Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., редакция и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1937 (Б-ка поэта).

ПССт 1959 — Фет А. А. . Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., подготовка текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1959 (Б-ка поэта).

ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

РВ — журнал «Русский вестник.

РГ — Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М., 1893.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РЛ — журнал «Русская литература».

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

Т 1 — Автографы в рукописной тетради (1854–1859). Рукописный отдел *ИРЛИ* (№ 14166).

Т 2 — Автографы в рукописной тетради (1859–1885). Рукописный отдел *ИРЛИ* (№ 14167).

Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. / Сост., вступит. ст. и примеч. С. А. Розановой. М., 1978.

Тургенев — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978–2003 (Изд. продолжается).

Фет. ССиП — Фет А. А. Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002–2007. Т. 1–4 (Изд. продолжается).

Фетовские чтения — Периодические сборники статей и материалов, выпускаемые под разными заглавиями Курским государственным университетом с 1985 г. на основе материалов ежегодных научных конференций, посвященных изучению жизни и творчества А. А. Фета, в скобках указывается порядковый номер Чтений (если он указан) или год выхода сборника в свет. Например: *Фетовские чтения (1985)* — А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1985; *Фетовские чтения (1989)* — А. А. Фет. Проблемы творческого метода, традиции. Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1989; *Фетовские чтения (1990)* — Проблемы изучения

жизни и творчества А. А. Фета. Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 1990; *Фетовские чтения (1993)* — Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Сборник научных трудов. Курск, 1993; *Фетовские чтения (1994)* — А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Сборник научных трудов. Курск, 1994 и т. д. Ряд сборников выходил под заглавием «А. А. Фет и русская литература»: *Фетовские чтения (XVI)* — А. А. Фет и русская литература. XVI Фетовские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 2002; *Фетовские чтения (XXII)* — Афанасий Фет и русская литература. Материалы международной научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 2008 и т. д.

Хмелевская — <Письма к И. С. Тургеневу> И. П. Борисов / Публ. Е. М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 335–367.

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

Шопенгауэр — *Шопенгауэр А*. Мир как воля и представление. Перевод А. Фета. Изд. 4-е. СПб.: Издание А. Ф. Маркса. <Б. д.>.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

* В указатель произведений Фета включены также названия прижизненных сборников и циклов ст-ний.

ПЕРЕВОДЫ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ

ОБЗОРЫ

А. А. ФЕТ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вып. 1

Ответственные редакторы *Н. П. Генералова, В. А. Лукина*

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор *В. Н. Илюшенко*
Корректор *Д. В. Васильева*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 00.00.2010. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. изд. л. 00. Усл. печ. л. 00.
Тираж 000 экз. Заказ №

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“».
198099, Санкт-Петербург,
ул. Промышленная, д. 38, корп. 2